Лоис Макмастер Буджолд
Танец отражений

Барраяр – 9

Авторский текст перевода с "Лавки Миров" http://lavka.lib.ru/bujold

Аннотация

Майлз Форкосиган — сын высокопоставленного сановника при дворе императора планеты Барраяр — один из самых известных героев американской фантастики 80 — 90-х годов. Его приключениями зачитываются миллионы читателей во всем мире. «Танец отражений» — настоящий подарок любителям фантастики. Вас ждет новая встреча с Майлзом и Марком, с Эйрелом и Корделией Форкосиган и многими — многими другими…

Лоис Макмастер Буджолд
Танец отражений

Глава 1

Через весь зал ожидания крупнейшей эскобарской коммерческой орбитальной пересадочной станции протянулся ряд комконсольных кабин, зеркальные двери которых делились по диагонали линиями радужных огоньков. Несомненно, находка дизайнера. Зеркальные секции были специально установлены под небольшим углом друг к другу, дробя отражения на части. Низкорослый человек в серо-белой военной форме сердито посмотрел на свой изломанный образ в дверном проеме.

Отражение нахмурилось в ответ. Повседневная офицерская форма наёмника без знаков различия: китель с накладными карманами, свободные брюки, заправленные в высокие ботинки — всё точно до мелочей. Он окинул взглядом тело в униформе. Вытянутый карлик с искривленным позвоночником, короткой шеей и крупной головой. Почти калека, лишенный из-за малого роста всякой возможности остаться незамеченным. Тёмные волосы коротко подстрижены. Под черными бровями сияют глубоко посаженные серые глаза. Тело тоже

было точно до мелочей. Он ненавидел его.

Наконец, зеркальная дверь скользнула вверх, и из кабины вышла женщина в запашной блузе и струящихся брюках. Модный бандольер с дорогой электроникой на драгоценной цепочке через плечо недвусмысленно говорил о ее социальном положении. Уверенно шагнув наружу, она отшатнулась от него, словно отброшенная мрачным равнодушным взглядом, и осторожно обошла стороной, бормоча: «Извините… Прошу прощения…»

Коротышка запоздало искривил губы в подобии улыбки и пробормотал что-то неразборчиво, всем видом изображая достаточную благопристойность, чтобы без опаски пройти мимо. Он опустил дверь на место нажатием на клавишу, отгородив себя от посторонних взглядов. Один, наконец-то, на последнюю минуту, пусть лишь за тонкими стенками коммерческой комм-кабины. Воздух был пронизан запахом её духов, вперемешку с обычными станционными запахами: регенерированного воздуха, пищи, тел, волнения, пластика, металла, чистящих смесей. Он вздохнул, сел и положил руки на маленький столик, пытаясь унять дрожь.

Нет, не совсем один. Здесь было еще одно чёртово зеркало — для удобства клиентов, желающих привести в порядок свою внешность до передачи по головиду. Его глаза, окаймленные тёмными кругами, злобно сверкнули. Он отвернулся от отражения и опустошил свои карманы на столик. Все имущество заняло место немногим более двух его ладоней. Последняя проверка. Как будто пересчет может изменить сумму…

Кредитка с примерно тремя сотнями бетанских долларов на счету — хватит на неделю хорошей жизни на станции или, при бережном расходовании, можно растянуть на пару месяцев на вертящейся внизу планете. Три фальшивых удостоверения личности, все не на того, кем он был сейчас. Не на того, кем он был раньше. Кем бы он ни был. Обычная пластиковая карманная расчёска. Куб для данных. Вот и всё. Карлик мрачно разобрал обратно по отдельным карманам всё, кроме кредитки. Предметы закончились раньше карманов. Он фыркнул. *Тебе следовало захватить хотя бы свою зубную щетку…* Уже нет времени.

И остаётся всё меньше. Происходят ужасные вещи, ситуация выходит из под контроля, пока он сидит тут, собираясь с духом. *Давай. Ты делал это раньше. Сможешь и теперь.* Он запихнул кредитку в щель и набрал тщательно заученный номер. Импульсивно взглянул в зеркало, пытаясь придать лицу нейтральное выражение. Несмотря на всю практику, вряд ли сейчас удастся изобразить улыбку. Все равно он презирал её.

Видеопанель с шипением ожила и над ней возникло изображение женщины в такой же серо-белой форме, но со знаками различия и нашивкой с именем. Она уверенно произнесла:

— Комм-офицер Герельд, «Триумф», Дендарийская Свободная… Корпорация. — Для пропуска в эскобарское пространство оружие флота наемников опечатывалось на внешней прыжковой станции под бдительным оком эскобарских военных инспекторов в доказательство чисто коммерческих намерений. Очевидно, на эскобарской орбите были приняты подобные вежливые эвфемизмы.

Он облизнул губы и спокойно сказал:

— Пожалуйста, соедините меня с дежурным офицером.

— Адмирал Нейсмит, сэр! Вы вернулись! — даже по головиду вспышка радости и волнения ясно читалась по её выпрямившейся осанке и сияющему лицу. Она поразила его, как удар. — В чём дело? Мы скоро улетаем?

— В своё время, лейтенант… Герельд. — Подходящее имя для офицера связи. Он постарался скорчить улыбку. Адмирал Нейсмит улыбнулся бы, да. — В своё время вы всё узнаете. Между тем, я хочу, чтобы меня забрали с орбитальной станции.

— Да, сэр. Я могу это для вас устроить. Капитан Куинн с вами?

— Э… Нет.

— Когда она прибудет?

— …Позже.

— Хорошо, сэр. Я только получу разрешение на… Мы принимаем какое-нибудь

оборудование?

— Нет. Только меня.

— Тогда, разрешение от эскобарцев на пассажирскую капсулу… — она отвернулась на несколько секунд. — Я могу прислать кого-нибудь в док Е-17 через двадцать минут.

— Очень хорошо. — Ему понадобиться почти столько же времени, чтобы добраться из зала ожидания в этот рукав станции. Следует ли добавить что-то личное для лейтенанта Герельд? Она знакомы; насколько близко они знакомы? Каждая фраза, вырывающаяся из его губ, несет риск, риск неизвестности, риск ошибки. Ошибки наказуемы. Был ли бетанский акцент действительно верным? Он ненавидел его до желудочных колик. — Я хочу, чтобы меня доставили прямо на Ариэль.

— Хорошо, сэр. Хотите, чтобы я предупредила капитана Торна?

Свойственно ли адмиралу Нейсмита нагрянуть с внезапной проверкой? Ну, не сейчас. — Да. Передайте ему, чтобы готовился покинуть орбиту.

— Только Ариэль? — Она вскинула брови.

— Да, лейтенант. — Вот так, с почти идеальной скучающей бетанской протяжностью. Он поздравил себя — Герельд стала заметно официальнее. Осуждающий тон указал на превышение границ секретности или приличий, или того и другого, пресекая дальнейшие опасные вопросы.

— Будет сделано, адмирал.

— Конец связи, — человечек выключил комм. Лейтенант рассыпалась облаком искр, и он перевёл дух. Адмирал Нейсмит. Майлз Нейсмит. Ему снова надо привыкнуть отзываться на это имя, даже во сне. Оставить пока Лорда Форкосигана; было достаточно сложно быть хотя бы нейсмитовской половиной. Запомни. Как тебя зовут? Майлз. Майлз. Майлз.

Лорд Форкосиган притворяется адмиралом Нейсмитом. И он делает то же самое. Какая, в конце концов, разница?

Но как тебя зовут на самом деле?

Его взгляд помутился от внезапно нахлынувшего отчаяния и гнева. Он моргнул, восстанавливая дыхание. *Меня зовут так, как я хочу. И сейчас я хочу быть Майлзом Нейсмитом.*

Он вышел из кабины и зашагал из зала ожидания, топая короткими ногами, притягивая и в то же время отталкивая косые взгляды удивленных прохожих. *Смотрите, Майлз. Смотрите, Майлз убегает. Смотрите, Майлз получает по заслугам.* Он шагал, низко опустив голову, и никто не становился у него на пути.

Он нырнул в пассажирскую капсулу, маленький четырехместный челнок, как только сенсоры запоров люка мигнули зеленым и дверь раздвинулась, и сразу же ударил по клавише, закрыв шлюз у себя за спиной. Капсула была слишком мала, чтобы поддерживать гравиполе — он проплыл над сиденьями и аккуратно забрался в кресло рядом с одиноким пилотом, человеком в сером дендарийском рабочем комбинезоне.

— Хорошо. Поехали.

Пилот улыбнулся и изобразил салют, пока он пристёгивался. Он выглядел уравновешенным взрослым мужчиной, но смотрел так же, как и комм-офицер, Герельд: жадно, с восторгом, затаив дыхание, будто пассажир собирался вытаскивать подарки из карманов.

Карлик оглянулся через плечо, когда капсула послушно оторвалась от стыковочных захватов и развернулась. Они рванулись от обшивки станции в открытый космос. Пилот стремительно вел челнок сквозь лабиринт цветных огней, в который складывались на навигационной консоли маршруты диспетчерской службы.

— Рад снова видеть вас, адмирал, — сказал пилот, как только окружающая обстановка стала свободнее. — Что происходит?

Оттенок формальности в голосе пилота обнадёживал. Всего лишь товарищ по оружию, не один из Дорогих Старых Друзей или, еще хуже, Дорогих Старых Любовников. Он попробовал уйти от ответа.

— Когда понадобится, вам всё сообщат. — Он придал голосу приветливое выражение, избегая в то же время имён и званий.

Пилот отреагировал заинтересованным «гм» и ухмыльнулся, явно убеждённый.

Он откинулся назад со сдавленной улыбкой. Огромная пересадочная станция бесшумно таяла позади, превратившись сначала в безумную детскую игрушку, а затем в горстку блестящих искр.

— Извините, я немного устал, — «адмирал» устроился в кресле поудобнее и закрыл глаза. — Разбудите меня, когда мы пристыкуемся, если я засну.

— Да, сэр, — вежливо ответил пилот. — Судя по вашему виду, вам стоит отдохнуть.

Он ответил усталым взмахом руки и притворился спящим.

Он мог мгновенно определить, что встречные приняли его за Нейсмита. У них всегда появлялось одинаково глупое сверхвнимательное сияние на лицах. Не все относились к нему с почтением; он встречал некоторых врагов Нейсмита, но, почитатели или ненавистники — все они вдруг будто включались и становились вдесятеро живее, чем прежде. Как, чёрт возьми, ему это удаётся — заставлять людей так сиять? Пусть Нейсмит чертовски гиперактивен, но как ему удаётся заражать этим окружающих?

Незнакомцы, не принимавшие его за другого, так не реагировали. Он вызывал у них равнодушную вежливость, или равнодушную грубость, или просто равнодушие, замкнутость и безразличие. Тайное смущение его поверхностными дефектами и явно ненормальным ростом в четыре фута и девять дюймов. Подозрительность.

Его негодование кипело позади глаз, как головная боль. Проклятое преклонение перед героем или что бы это там ни было. Всё — Нейсмиту. *Нейсмиту и ничего — мне… Никогда — мне…*

Он подавил приступ страха, зная, с чем ему придётся столкнуться. Бел Торн, капитан «Ариэля», будет следующим. Друг, офицер, земляк-бетанец. Да, довольно суровое испытание. Бел Торн к тому же знает о существовании клона после беспорядочных происшествий на Земле два года назад. Они никогда не встречались лицом к лицу. Но ошибка, которой другие дендарийцы не придадут значения, может пробудить в Торне подозрения, дикие предположения…

Нейсмит украл у него даже *это* . Адмирал наемников публично и лживо объявил клоном самого себя. Превосходное прикрытие, скрывающее его другую личность, другую жизнь. *У тебя две жизни,* мысленно обратился он к отсутствующему врагу. *У меня ни одной. Я настоящий клон, чёрт побери. Разве я не могу отличаться даже этим? Тебе надо забрать всё?*

Нет. Надо сохранять уверенность. Он в состоянии справиться с Торном. До тех пор, пока он сможет избегать ужасной Куинн, телохранителя, любовницы, Куинн. Он встречался с ней лицом к лицу на Земле и целое утро водил её за нос. Едва ли ему удастся это дважды. Но Куинн с настоящим Майлзом Нейсмитом, пристала к нему, как клей — сейчас он в безопасности от неё. В этом путешествии — никаких старых любовниц.

У него никогда не было любовниц, пока еще нет. Может, не совсем честно винить в этом Нейсмита. Первые двадцать лет жизни он был, в сущности, пленником, пусть и не всегда осознавал это. Последние два года… последние два года, с горечью признал он, были сплошной чередой неудач. Это его последний шанс. Он отказывался думать о дальнейшем. Хватит. Теперь должно получиться.

Рядом зашевелился пилот. Клон приоткрыл глаза, когда торможение прижало его к ремням сиденья. Они прибывали на «Ариэль». Он вырос из точки до модели, а затем до целого корабля. Лёгкий крейсер иллирийской постройки, несущий двадцать человек команды плюс место для суперкарго и десантного отряда. Очень мощный для своих размеров, энергетический профиль типичный для боевых кораблей. Он выглядел стремительным, почти щегольским. Хороший курьер, хороший корабль, чтобы мчаться, сломя голову. Совершенство. Пока человечек изучал корабль, его губы, несмотря на мрачное настроение, искривились в усмешке. Теперь я беру, а ты отдаёшь, Нейсмит.

Пилот, явно несколько смущенный тем, что везет своего адмирала, ввел капсулу в стыковочные захваты с единственным щелчком, аккуратно и плавно на пределе человеческих возможностей.

— Мне подождать, сэр?

— Нет. Вы мне больше не понадобитесь.

Пилот поспешил совместить затворы шлюзов, пока его пассажир расстёгивал ремни и отсалютовал ему с очередной идиотской, широкой, гордой улыбкой. Судорожно ответив на улыбку и салют, он бросил сумки в люк и втянулся в гравитационное поле «Ариэля».

Клон аккуратно приземлился на ноги в небольшом грузовом шлюзе. Позади него пилот уже запирал люк, чтобы вернуться с капсулой на свой корабль — вероятно, флагман, «Триумф». Он посмотрел вверх — как всегда, вверх — в лицо ожидавшего дендарийского офицера, лицо, ранее знакомое ему только по головиду.

Капитан Бел Торн принадлежал к бетанским гермафродитам — расе, порождённой ранними экспериментами в области человеческой генетики и социальной инженерии, преуспевших только в создании еще одного меньшинства. Безбородое лицо Торна окружали мягкие каштановые волосы в короткой, двусмысленной прическе, что подошла бы как мужчине, так и женщине. Его офицерский китель был расстегнут, открывая чёрную футболку, под которой вырисовывалась плоская, но явно женская грудь. Дендарийские серые брюки были достаточно свободны, чтобы скрыть выпуклость в промежности. Некоторых чрезвычайно беспокоит присутствие гермафродитов. Он с облегчением понял, что эта особенность Торна лишь немного смущает его. *Клоны, живущие в стеклянных банках не должны отбрасывать…что?* Вот сияющее на лице гермафродита выражение «я люблю Нейсмита» действительно раздражало. У него свело живот, когда он ответил на салют капитана.

— Добро пожаловать на борт, сэр! — альт капитана дрожал от энтузиазма.

Коротышка как раз пытался изобразить сдержанную улыбку, когда капитан шагнул вперед и обнял его. Сердце ёкнуло, и он с трудом сдержал крик и жестокий оборонительный удар. Он перенес объятие без напряжения, мысленно цепляясь за осколки спокойствия и тщательно отрепетированных речей. *Оно же не собирается меня целовать?*

Гермафродит отстранился, фамильярно положив руки ему на плечи, но целоваться всё же не стал. Он облегченно перевел дыхание. Торн вскинул голову, его губы искривились в замешательстве.

— В чём дело, Майлз?

Они зовут друг друга по имени?

— Извини, Бел. Я просто немного устал. Можем мы сразу перейти к инструктажу?

— Ты выглядишь очень уставшим. Хорошо. Хочешь, чтобы я собрал всю команду?

— Нет… ты можешь ввести их в курс дела, когда понадобится. — В этом и заключался план, настолько меньший контакт с настолько меньшим числом дендарийцев, насколько возможно.

— Тогда пойдём в мою каюту. Ты сможешь дать отдых ногам и выпить чаю, пока мы будем разговаривать.

Гермафродит последовал за ним в коридор. Не зная, куда повернуть, карлик отступил в сторону и, как бы из вежливости, пропустил Торна вперед. Он проследовал за дендарийцем через пару поворотов и на палубу выше. Внутри корабль был не так тесен, как он ожидал. Клон тщательно запоминал направления — Майлз хорошо знал этот корабль.

Каюта капитана «Ариэля» оказалась небольшой аккуратной комнатой, по-солдатски простой, мало что говорило о личности хозяина по эту сторону запертых дверок шкафчиков. Но когда Торн отпер одну из них, там обнаружился старинный фарфоровый чайный сервиз и с полдюжины маленьких коробочек разнообразного чая с Земли и других планет, все в специальной противоударной пористой упаковке.

— Какой сорт? — спросил Торн, протягивая руку к коробочкам.

— Как обычно, — ответил он, устраиваясь на стуле, прикрепленном к полу у

небольшого столика.

— Можно было догадаться. Клянусь, на днях я научу тебя большей смелости в выборе. — Торн загадочно улыбнулся ему через плечо — нет ли здесь какой-то двусмысленности? Еще немного повозившись, Торн поставил на столик перед ним изысканную, расписанную вручную фарфоровую чашечку с блюдцем. Человечек поднял её и аккуратно отхлебнул, пока Торн устанавливал другой стул в зажимы рядом со столиком, приготовил чашечку для себя и сел вполоборота к нему, удовлетворенно хмыкнув.

Горячая янтарная жидкость оказалась приятной, хотя и слегка тёрпкой на вкус. Сахар? Он не решился попросить. Торн не поставил его на стол. Если бы дендариец ожидал, что Нейсмиту понадобится сахар, то наверняка предложил бы. Не будет же Торн исподтишка проверять его? Значит, без сахара.

Наёмники, пьющие чай. Напиток казался недостаточно ядовитым, чтобы как-то соответствовать выставке — нет, арсеналу оружия, закреплённого на стенах: пара станнеров, игольник, плазмотрон, блестящий металлический арбалет с набором оперённых гранат на перевязи. Торн, похоже, хорошо знает своё дело. Если так, то наплевать, что создание пьёт.

— Судя по твоей глубокой задумчивости, на этот раз ты приготовил нам что-то потрясающее, а? — заметил Торн после очередной паузы.

— Да, задание — конечно, он надеялся, что именно это Торн имел в виду. Гермафродит кивнул и поднял брови, демонстрируя внимание.

— Это спасательная миссия. Не самая большая из всех, что мы предпринимали, как бы то ни было… — Торн рассмеялся — но связана с некоторыми сложностями.

— Наверное, сложнее Дагулы-4 быть не может. Продолжай.

Он потер губы — фирменный жест Нейсмита:

— Нам предстоит совершить налёт на ясли клонов Дома Бхарапутра на Архипелаге Джексона. Вычистить их.

Торн закинул было ногу за ногу; но тут же обе его ступни шумно топнули об пол.

— Убить их? — спросил он с испугом в голосе.

— Клонов? Нет, спасти их! Спасти их всех.

— О. Уф-ф… — На лице Торна отразилось явное облегчение. — На секунду я представил себе эту ужасную картину — они же дети, в конце концов. Пусть даже клоны.

— Именно так, — неожиданно для себя он искренне улыбнулся. — Я… рад, что ты так считаешь.

— Как же ещё? — пожал плечами Торн. — Пересадка мозга клонам — самый чудовищный и отвратительный бизнес во всем списке грязных услуг Бхарапутра. Если только нет чего-нибудь похуже, о чем я ещё не слышал.

— Я тоже так думаю. — Карлик откинулся назад, скрывая удивление от столь неожиданного одобрения своего плана. Искренен ли Торн? Ему, как никому другому, были знакомы ужасные тайны бизнеса клонирования на Архипелаге Джексона. Он сам прошел через это, но не ожидал, что с ним согласится кто-либо, не переживший подобного.

Строго говоря, сферой деятельности дома Бхарапутра было не клонирование. Он занимался бессмертием, или, по крайней мере, продлением жизни. Весьма выгодный бизнес — ибо что можно отдать за саму жизнь? Всё, что угодно. Предлагаемая Бхарапутра процедура была рискованной, далекой от идеала… но единственной альтернативой была надвигающаяся неизбежная смерть клиентов — богатых, безжалостных и, он должен был признать, обладающих чрезвычайно трезвым расчетом.

Схема была проста, хотя, основывалась на дьявольски сложной хирургической процедуре. Клон выращивался из соматической клетки клиента, созревал в маточном репликаторе и затем достигал физической зрелости в яслях Бхарапутра, своего рода потрясающе оборудованном детском доме. В конце концов, клоны были ценны, их физическое состояние и здоровье представляло огромную важность. Затем, когда приходило время, их пожирали. Во время операции, вероятность успеха которой была далека от ста процентов, мозг прародителя переносился из престарелого или поврежденного тела в его

дубликат, пребывавший в расцвете юности. Мозг клона рассматривался как медицинские отходы.

Операция была нелегальна на всех планетах в сети ПВ-туннелей, кроме Архипелага Джексона, что было на руку правящим преступным Домам. Это обеспечивало им отличную монополию, устойчивый бизнес с обширной практикой на потоке обеспеченных инопланетян, поддерживающий хирургические команды в превосходной форме. Насколько он видел, остальные миры придерживались отношения «с глаз долой — из сердца вон». Сочувствие, вспышка праведного гнева в глазах Торна всколыхнула в нём боль столь старую, что он уже практически перестал её ощущать, и клон с ужасом осознал, что лишь один удар сердца отделял его от слёз. Вероятно, это ловушка. Он резко выдохнул… ещё один нейсмитизм.

Торн задумчиво нахмурил брови.

— Ты уверен, что нам стоит брать «Ариэль»? Как я слышал, Барон Риоваль всё еще жив. Это неизбежно привлечёт его внимание.

Дом Риоваль был одним из мелких конкурентов Бхарапутра в области нелегальной медицины. Он занимался производством генетически и хирургически изменённых людей в любых целях, включая сексуальные, в сущности — изготовлением рабов на заказ; тоже зло, конечно, но не то убийственное зло, что сводит его с ума. Но какое имеет отношение «Ариэль» к барону Риовалю? Человечек не имел ни малейшего понятия. Пусть Торн сам заботится об этом. Может, позже гермафродит проронит еще что-нибудь. Он напомнил себе воспользоваться первой же возможностью просмотреть корабельный журнал.

— Эта миссия никак не связана с Домом Риоваль. Мы будем избегать их.

— Надеюсь, — с жаром согласился Торн. Он помолчал, задумчиво потягивая чай. — Что ж, несмотря на то, что Архипелаг Джексона давно нуждается в чистке, желательно — ядерным оружием, я надеюсь, мы не пойдём на это исключительно по доброте душевной? Что за, э-э, миссия внутри миссии на этот раз?

На это у него был отрепетирован ответ.

— Фактически, интерес для заказчика представляет только один из клонов, вернее, его прародитель. Остальные послужат для маскировки. У клиентов Бхарапутра много врагов. Они не будут знать, кто кого атакует. Это тоже поможет сохранить в тайне личность нашего заказчика, чего он весьма желает.

Торн улыбнулся с довольным видом.

— Это небольшое дополнение исходит от тебя, верно?

Он пожал плечами.

— Отчасти.

— Не лучше ли знать, какой именно клон нам нужен, во избежание несчастных случаев? Вдруг нам придётся спасаться бегством? Если он нужен заказчику живым — или ему не важно, доставим мы клона живым или мёртвым? Если настоящая цель — этот старый педрила, который его вырастил.

— Для них — важно. Живым. Но… давай на практике считать, что каждый из клонов — тот, кто нам нужен.

Торн развёл руками.

— Меня это устраивает. — Глаза гермафродита засияли от восторга и он неожиданно хлопнул кулаком по ладони с таким шумом, что лже-Майлз подскочил на месте. — Пора кому-нибудь взяться за этих Джексонианских ублюдков! О, это будет весело! — Он оскалил зубы в самой пугающей усмешке. — Какая помощь ожидает нас на Архипелаге Джексона? Поддержка?

— Не рассчитывай ни на что.

— Гм. Какие помехи? Помимо Бхарапутра, Риоваля и Фелла, конечно.

Дом Фелл занимался в основном оружием. При чём здесь Фелл?

— Мне известно не больше твоего.

Торн нахмурился; это был явно не характерный для Нейсмита ответ.

— Мне стоило немалого труда добыть внутреннюю информацию по яслям, с которой я могу ознакомить тебя во время пути. Слушай, Бел, ты уже вряд ли нуждаешься в моих советах. Я доверяю тебе. Берись за снабжение и планирование, а я проверю результат.

Торн выпрямился.

— Хорошо. О скольких детях идёт речь?

— Бхарапутра делает в среднем одну трансплантацию в неделю. Скажем, их происходит пятьдесят в год. В последний год жизни клонов переводят для окончательной подготовки в специальное здание рядом со штаб-квартирой Дома. Я хочу забрать оттуда весь годовой запас. Пятьдесят или шестьдесят детей.

— Разместить их всех на борту «Ариэля»? Будет тесно.

— Скорость, Бел, скорость.

— Да. Думаю, ты прав. Сроки?

— Как можно быстрее. Каждая неделя задержки стоит ещё одной невинной жизни. — Он отсчитывал время по этим часам последние два года. *Я уже потерял сотню жизней.* Одно только путешествие с Земли на Эскобар обошлось ему в тысячу бетанских долларов и четыре мёртвых клона.

— Понял, — мрачно ответил Торн. Он встал, отставил чашку и перенес свой стул в зажимы перед комконсолью. — Эти дети назначены на операцию, верно?

— Да. И если не тот самый, то его товарищ по яслям.

Торн застучал по клавишам.

— Что насчет средств? Это по твоей части.

— Эта миссия оплачивается по исполнению. Возьми все необходимое из средств флота.

— Хорошо. Тогда положи сюда ладонь и подтверди мой отлёт. — Торн протянул ему сенсорную пластину.

Карлик без колебаний приложил ладонь к пластине. К его ужасу, на индикаторе вспыхнул красный сигнал «не опознан». Нет! Всё должно быть в порядке, всё должно!..

— Чёртова машина. — Торн резко стукнул углом сенсорной пластины об стол. — Давай! Попробуй ещё.

На этот раз он приложил ладонь с небольшим поворотом; компьютер собрал новые данные и на сей раз объявил его чистым, допущенным, благословлённым. Обеспеченным. Его сердце забилось спокойнее.

Продолжая вводить данные, Торн бросил через плечо:

— Нет сомнений, какой десантный отряд ты берёшь, а?

— Нет сомнений, — машинально ответил клон. — Продолжай. — Он должен был убраться отсюда, прежде чем от напряжения испортит такое удачное начало.

— Ты займёшь свою обычную каюту? — спросил Торн.

— Конечно. — Он встал.

— Сейчас, я посмотрю… — гермафродит сверился с записью в сияющей путанице хозяйственных данных над видеопанелью. — Замок всё еще настроен на твою ладонь. Иди, приляг, ты выглядишь разбитым. Всё под контролем.

— Хорошо.

— Когда прибудет Элли Куинн?

— Она не участвует в этой миссии.

Глаза Торна распахнулись от удивления.

— Неужели? — его улыбка почему-то стала шире. — Очень плохо. — Его голос не выражал ни капли разочарования. Какое-то соперничество, здесь? Из-за чего?

— Пусть с «Трумфа» доставят моё снаряжение, — приказал он. Да. Поручи эту маленькую кражу другим. Поручи им всё. — И… когда представится возможность, пришли еду в мою каюту.

— Будет сделано, — кивнув, пообещал Торн. — Рад видеть, что ты лучше ел, кстати, хоть и мало спал. Хорошо. Так держать. Знаешь, мы волнуемся за тебя.

Лучше ел, чёрт побери. При его комплекции сохранение веса в норме превращалось в

постоянное сражение. Он голодал три месяца только затем, чтобы втиснуться в мундир Нейсмита, украденный два года назад на Земле — тот, что сейчас был на него одет. Его захлестнула очередная волна привычной ненависти к своему прародителю. Лже-Майлз небрежно отсалютовал, надеясь, что Торн примет это как знак продолжать работу и постарался не удержаться от сердитого ворчания, пока дверь с шипением не закрылась у него за спиной.

Ничего не оставалось, как прикладывать ладонь ко всем замкам в коридоре подряд, пока один из них не откроется. Клон надеялся что никто из дендарийцев не застанет его ломящимся во все двери без разбору. Наконец, он нашел свою — прямо напротив каюты капитана-гермафродита. На этот раз обошлось безо всяких затруднений, дверь скользнула в сторону, едва он дотронулся до сенсора.

Каюта оказалась небольшим помещением, почти такой же, как у Торна, только более пустой. Он заглянул в шкафчики. Большинство были пусты, лишь в одном он нашел серую рабочую форму и грязный комбинезон техника как раз своего размера. Остаток туалетных принадлежностей в миниатюрной ванной включал использованную зубную щётку, и его губы искривились в ироничной усмешке. Аккуратно застеленная откидная койка выглядела чрезвычайно привлекательно, и он в полуобмороке рухнул на неё.

Я в пути. У меня получилось. Дендарийцы признали его, приняли его приказы с той же дурацкой слепой верой, с какой они следовали за Нейсмитом. Как овцы. Всё, что сейчас требовалось — это не испортить дело. Самое сложное позади…

Карлик быстро принял душ и как раз натягивал нейсмитовские брюки, когда принесли поесть. Под предлогом того, что еще не одет, он сразу отослал взмахом руки внимательного дендарийца с подносом. Обед под крышками оказался настоящей пищей, а не армейскими пайками. Прожаренный бифштекс из искусственного мяса, свежие на вид овощи, несинтетический кофе. Горячие блюда были горячими и холодные — холодными, великолепно разложенными маленькими порциями, тщательно рассчитанными по нейсмитовскому аппетиту. Даже мороженое. Он узнал вкусы своего прародителя и снова был потрясён стремлением посторонних людей предоставить именно то, чего он хочет. Даже в подобных мелочах. Звание даёт определённые привилегии, но это было просто безумием.

В подавленном настроении он съел все и как раз гадал, съедобна ли рыхлая зелёная масса, заполнявшая свободные места на подносе, когда в дверь снова позвонили.

На этот раз вошёл дендариец с парящей платформой, на которой стояли три больших ящика.

— О, — моргнул он. — Моё снаряжение. Просто оставьте его пока посреди комнаты.

— Да, сэр. Вы не хотите назначить ординарца? — выражение готовности на лице сержанта не оставляло сомнений в том, кто окажется в первых рядах добровольцев.

— Не… на эту миссию. Позже у нас будет тесновато. Просто оставьте его.

— Я был бы рад распаковать его вам, сэр. Я сам всё паковал.

— Все в порядке.

— Если я что-нибудь забыл, только дайте знать, и я тут же доставлю.

— Благодарю, капрал. — В его голосе просочились нотки раздражения; к счастью, это остудило энтузиазм капрала. Дендариец сгрузил ящики с платформы и вышел с застенчивой улыбкой, словно говоря: *Эй, ты не можешь осуждать меня за попытку.*

Клон оскалился в ответ и, как только дверь закрылась, переключил внимание на ящики. Отщелкнув замки, он заколебался, смущённый собственным пылом. Должно быть, это как подарок на день рождения. Он никогда в жизни не получал подарков на день рождения. *Что ж, время наверстать упущенное.*

Под первой крышкой обнаружилась одежда, больше одежды, чем у него когда-либо было. Рабочие комбинезоны, повседневная и парадная форма — он вытащил серый бархатный китель, и брови его полезли на лоб при виде блестящих серебряных пуговиц — ботинки, туфли, тапочки, пижамы — все, что положено, идеально подогнанное по его фигуре. И гражданская одежда, восемь или десять комплектов всевозможных планетных и

галактических стилей для различных слоёв общества. Эскобарский деловой костюм красного шелка, барраярские китель и брюки с лампасами в псевдо-военном стиле, вязаное корабельное белье, бетанский саронг и сандалии, потрёпанные куртка, рубашка и брюки, подходящие опустившемуся докеру откуда угодно. Изобилие белья. Три разновидности хроно со встроенными комм-узлами — табельный дендарийский, очень дорогая коммерческая модель и дешевый и потрёпанный на вид, но на поверку оказывающийся одним из лучших военных образцов. И многое другое.

Он перешёл ко второму ящику, откинул крышку и разинул рот. Космическая броня. Полный набор космической брони, с заправленными батареями и блоками жизнеобеспечения, заряженным и закреплённым оружием. Как раз его размера. Казалось, вложенные в упаковку доспехи мерцали собственным тёмным и зловещим светом. Их запах ударил ему в ноздри, невероятно военный — металл и пластик, энергия и химикаты… старый пот. Он взял в руки шлем и задумчиво уставился в затемнённое зеркало забрала. Никогда прежде ему не приходилось надевать космической брони, хотя он и изучал её по головиду до окосения. Зловещий, смертоносный панцирь…

Он выгрузил всё и разложил части по порядку на полу. Тут и там блестящие поверхности покрывали странные пятна, рубцы и заплаты. Какое оружие, какие удары были достаточно сильны, чтобы пробить метасплав? Что за враги стреляли в него? Каждый шрам, понял он, проводя по ним пальцами, означал верную смерть. Это не игра.

Очень волнующе. Нет. Он отогнал холодную дрожь сомнения. Если он может это, я тоже могу. Стараясь не обращать внимания на следы ремонта и загадочные пятна на скафандре и мягкой поглощающей подкладке, он сложил всё обратно и закрыл ящик. Кровь? Дерьмо? Ожоги? Масло? Как бы то ни было, сейчас всё вычищено и проветрено.

В третьем ящике, меньшего размера, оказался набор полуброни, без встроенного оружия, предназначенный не для космоса, а, скорее, для боя в планетной грязи при нормальных или почти нормальных давлении, температуре и атмосферных условиях. Наиболее поражал в нём командирский шлемофон — гладкий дюрасплавовый шлем со встроенной телеметрией и видеопроектором в выступе на лбу, помещающим данные прямо перед глазами. Поток информации управлялся определёнными движениями лица и речевыми командами. Он отложил его на столик, чтобы тщательнее изучить попозже и спрятал остальное.

Закончив раскладывать одежду по шкафам и ящикам каюты, человечек уже пожалел, что так скоропалительно отказался от денщика. Он рухнул на кровать и ослабил освещение. Когда он проснётся, корабль уже будет на пути к Архипелагу Джексона…

Едва он задремал, как зажужжал комм. Шатаясь, он добрел до него и постарался изобразить сонным голосом достаточно разборчивое «Нейсмит слушает».

— Майлз? — раздался голос Торна. — Десантный отряд прибыл.

— Э… Хорошо. Тогда покидай орбиту, как только будешь готов.

— Ты не хочешь увидеть их? — Торн казался удивлённым.

Инспекция. Он вздохнул.

— Верно. Я… подойду. Конец связи.

Клон поспешно натянул форменные брюки, схватил куртку — на этот раз с надлежащими знаками различия, и быстро вызвал на комконсоль схему внутреннего устройства корабля. Шлюзов для десантных челноков было два — по левому и по правому борту. Который? Он проследил дорогу к обоим.

Работал стыковочный узел, который он испробовал первым. Человечек задержался в тени за изгибом коридора, чтобы незамеченным осмотреть происходящее.

В погрузочном отсеке между кучами оборудования и припасов толпилась дюжина мужчин и женщин в серых камуфляжных костюмах. Ручное и тяжёлое оружие лежало симметричными рядами. Наёмники сидели и стояли, шумно и грубо разговаривали, перемежая речь взрывами хохота. Они все были такими большими, переполненными энергией, в шутку пихали друг друга, словно ища повода кричать громче. Ножи и другое

личное оружие висело на поясах, в кобурах или патронташах, хвастливо выставленное напоказ. Их лица казались смазанными, нечеткими, звероподобными… Он сглотнул, выпрямился и шагнул к ним.

Эффект был мгновенным.

— Становись! — выкрикнул кто-то, и без дальнейших указаний они выстроились по стойке «смирно» в две ровных шеренги, каждый со своим грузом снаряжения у ног. Наступила мёртвая тишина. Это пугало еще больше, чем предшествовавший хаос.

Он пошёл вперёд с натянутой улыбкой, делая вид, что осматривает каждого. Последний тяжёлый вещмешок, влетев в люк, с шумом упал на палубу и тринадцатый десантник протиснулся внутрь, выпрямился и отсалютовал ему.

Карлик замер, охваченный паникой. Что, чёрт возьми, это такое? Он уставился на блестящую пряжку ремня, затем задрал голову, чуть не свернув себе шею. Неестественное существо было *восьми футов ростом* . Громадное тело излучало энергию, которую он ощущал, словно волну жара, и лицо — лицо было кошмаром. Тёмно-жёлтые волчьи глаза, искривлённый рот *с клыками* , чёрт побери — длинными, белыми клыками, выступающими поверх алых губ. Огромные руки оканчивались когтями — толстыми, мощными, острыми как бритва, покрытыми блестящей алой эмалью… Что? Его взгляд вернулся к лицу чудовища. Глаза подведены тенями и золотой краской, гармонировавшей с золотистой блёсткой, наклеенной на высокую скулу. Волосы цвета красного дерева заплетены в аккуратную косу. Пояс затянут, подчёркивая фигуру, несмотря на свободный серый полётный костюм. Эта тварь — женщина?

— Сержант Таура и Зелёный отряд по вашему приказанию прибыли, сэр! — её баритон разнёсся эхом по отсеку.

— Благодарю… — выдавил он надломленным шепотом, и откашлялся, чтобы прочистить горло. — Благодарю вас, на этом всё, дальнейшие указания получите от капитана Торна, все могут быть свободны. — Они напряжённо слушали, вынуждая его повторить. — Разойдись!

Наёмники разбежались в беспорядке, или в порядке известном только им самим, но отсек освободился от оборудования с изумительной быстротой. Чудовищный сержант остался, маяча над ним. Он напряг ноги, чтобы не броситься в бегство от него — от неё…

Она понизила голос.

— Спасибо, что взял Зелёный отряд, Майлз. Думаю, ты приготовил нам настоящую конфетку.

Они тоже зовут друг друга по имени?

— Капитан Торн проинструктирует тебя во время полёта. Это… сложное задание.

И оно будет поручено этому сержанту?

— Подробности у капитана Куинн, как обычно? — Она приподняла мохнатую бровь.

— Капитан Куинн… не участвует в этой миссии.

Он мог поклясться, что её золотистые глаза, даже зрачки, расширились. Она оскалилась, еще больше обнажив клыки, и ему понадобилось несколько ужасных мгновений, чтобы распознать в её гримасе улыбку. Странным образом это напомнило ему ухмылку, которой ту же новость встретил Торн.

Она взглянула по сторонам; отсек уже опустел.

— А? — её голос рокотал, словно мурлыкание. — Что ж, я готова быть твоим телохранителем в любой момент, любовничек. Лишь дай знак.

Что за знак, какого чёрта…

Она наклонилась, её губы шевельнулись, рука с алыми когтями легла ему на плечо — клону вдруг показалось, что она собирается откусить ему голову, содрать с него шкуру и сожрать, но тут её губы прижались к его губам. У него перехватило дыхание, в глазах потемнело и он почти потерял сознание, прежде чем она выпрямилась и бросила на него озадаченный, обиженный взгляд.

— Майлз, в чём дело?

Это был поцелуй. Хреновы боги!

— Ничего, — выдавил он. — Я… болел. Наверное, мне не следовало вставать, но я должен был провести инспекцию.

Она выглядела очень встревоженной.

— Я бы сказала, тебе совершенно не следовало вставать — ты весь дрожишь! Ты едва стоишь на ногах. Сейчас, я отнесу тебя в медотсек. Сумасшедший!

— Нет! Я в порядке. То есть, меня уже лечили. Мне просто надо отдохнуть, немного времени, чтобы восстановить силы, и всё.

— Ну, тогда возвращайся прямо в постель!

— Да.

Он повернулся. Она шлёпнула его под зад. Он прикусил язык.

— По крайней мере, ты лучше ел. Позаботься о себе, а?

Он махнул рукой через плечо и ушёл, не оглядываясь. Было ли это военной дружбой? Сержанта к адмиралу? Вряд ли. Они были близки. Нейсмит, долбаный сумасшедший ублюдок, чем ты занимался в свободное время? Я думал, у тебя вообще нет свободного времени. Ты извращённый маньяк-самоубийца, если трахался с этой…

Коротышка запер за собой дверь каюты и привалился к ней, сотрясаясь в истерическом смехе. Проклятье, он изучил всё о Нейсмите, всё. Этого не должно было случиться. С такими друзьями кому нужны враги?

Он разделся и лег в постель, размышляя о сложной жизни Нейсмита-Форкосигана и о других ловушках, которые она ему готовит. Наконец, по неуловимому изменению в шорохах и скрипах корабля вокруг него, по короткому рывку меняющихся гравитационных полей он понял, что «Ариэль» покинул эскобарскую орбиту. Он добился успеха в похищении полностью вооружённого и снаряжённого военного крейсера, и никто даже не знает этого. Они на пути к Архипелагу Джексона. К его судьбе. Его, не Нейсмита. Наконец, его мысли растворились во сне.

Но если ты претендуешь на собственную судьбу, прошептал его демон, прежде чем забвение поглотило его, *почему ты не претендуешь на собственное имя?*

Глава 2

Из ведущего с корабля пассажирского рукава они появились рука об руку, шагая в ногу: Куинн с баулом на плече и Майлз с лётной сумкой в свободной руке. Головы всех людей в зале прилетов пересадочной орбитальной станции повернулись в их сторону. Проходя мимо мужчин, искоса бросающих на них завистливые взоры, Майлз украдкой самодовольно глянул на свою спутницу. «Моя Куинн».

Нынче утром (а утром ли? надо бы свериться со временем Дендарийского флота) Куинн выглядела особенно круто, наполовину вернувшись к своему обычному образу. Ей удалось заставить форменные серые штаны с карманами выглядеть последним писком моды, заправив их в красные замшевые сапожки (стальные вставки внутри их заостренных носков не были заметны) и дополнив микроскопическим алым топиком. Белая кожа сияла, оттеняемая топиком и короткими тёмными кудрями. Цвета отвлекали глаз от её мускулатуры, не привлекающей внимания, пока не узнаешь, сколько же весит этот чёртов баул.

Ясные карие глаза освещали её лицо умом. Но именно совершенные, точеные линии и формы этого лица заставляли мужские голоса замолкать на полуслове. Явно дорогое лицо, работа талантливого хирурга, настоящего художника. Случайный наблюдатель мог бы решить, что за это лицо заплатил держащий её под руку уродливый человечек, и посчитать женщину еще одним его приобретением. Случайный свидетель никогда бы не догадался, какую цену ей действительно пришлось заплатить: свое собственное прежнее лицо, сожжённое в бою при Тау Верде. Практически первая боевая потеря на службе у адмирала Нейсмита — уже десять лет назад? Боже. Случайный свидетель — просто придурок, решил

Майлз.

Последним представителем этой породы оказалась какая-то важная шишка с немалыми деньгами — тип, напомнивший Майлзу кузена Айвена в блондинистом штатском варианте. Почти все две недели путешествия с Сергияра на Эскобар тот, находясь именно в подобном заблуждении насчёт Куинн, пытался её соблазнить. Майлз мельком заметил, как сейчас, последним разочарованным вздохом признавая свое поражение, он грузит свой багаж на парящую платформу, чтобы убраться восвояси. Хоть он и напоминал Айвена, Майлз не держал на него зла. В сущности, Майлзу было его почти жаль: чувство юмора у Куинн было столь же злобно, насколько её рефлексы — смертоносны.

Майлз кивнул в сторону отступающего эскобарца и пробормотал:

— Ну и что ты в конце концов сказала, чтобы избавиться от него, милая?

Куинн глянула, о ком идет речь, и ее губы со смешком дрогнули. — Если я скажу, ты смутишься.

— Нет. Скажи.

— Я сказала, что ты можешь отжиматься языком. Он, должно быть решил, что не сможет с тобой тягаться.

Майлз покраснел.

— Я бы не соблазняла его так явно, будь я с самого начала абсолютно уверена, что он не чей-то агент, — добавила она извиняющимся тоном.

— Теперь ты уверена?

— Ага. Как жаль. Так было бы намного забавнее.

— Не для меня. Я настроился на небольшой отпуск.

— Да, и ты теперь выглядишь лучше. Отдохнувшим.

— А мне и в самом деле нравится это прикрытие — путешествовать под видом семейной пары, — заметил он. — Мне подходит. — Он набрал немного воздуха. — Ну, раз уж у нас был медовый месяц, почему бы нам не добавить к нему и свадьбу?

— Ты никогда не сдаёшься, да? — Её голос звучал по-прежнему беззаботно. Лишь потому, что Майлз держал ее под руку, он заметил, как эта рука слегка вздрогнула, и понял: эти слова причинили ей боль. И мысленно проклял себя.

— Извини. Обещаю держаться подальше от этой темы.

Она пожала свободным плечом, ненароком высвободив локоть, и принялась воинственно отмахивать рукой в такт шагам. — Проблема в том, что ты не хочешь, чтобы я стала госпожой Нейсмит, Грозой Дендарийцев. Ты хочешь, чтобы я стала леди Форкосиган Барраярской. А эта должность низовая. Я родилась в космосе. Если бы я когда-нибудь и вышла замуж за грязееда, чтобы спуститься в этот гравитационный колодец и никогда не подняться снова наверх… Барраяр — это не та яма-ловушка, которую я бы выбрала. Не хочу оскорбить твою родину.

«А почему нет? Все остальные так делают.» — Моей матери ты нравишься, — заметил он.

— А я ею восхищаюсь. Я встречалась с нею — сколько? — уже четыре раза, и с каждым разом она производит на меня все большее впечатление. И чем сильнее мое впечатление, тем больше я возмущаюсь тем, как преступно Барраяр растрачивает впустую ее таланты. Останься она на Колонии Бета, и она могла бы уже стать генерал-инспектором Астроэкспедиционного корпуса. Или кем угодно другим, кем бы пожелала.

— Она пожелала стать графиней Форкосиган.

— Она пожелала быть потрясенной твоим папой — надо признаться, он у тебя здорово потрясающий. А до остальной касты форов ей дела нет. — Куинн остановилась вне пределов слышимости эскобарских таможенников, и Майлз вслед за ней. Оба смотрели в дальний конец зала, а не друг на друга. — Несмотря на весь ее блеск и талант, под ними скрывается просто усталая женщина. Барраяр высосал из нее все. Барраяр — ее рак. И он медленно ее убивает.

Майлз молча покачал головой.

— И твой тоже, лорд Форкосиган, — мрачно добавила Куинн. На этот раз настала его очередь вздрогнуть.

Она почувствовала это и вздернула голову. — И вообще, адмирал Нейсмит — вот этот маньяк как раз по мне. А лорд Форкосиган по контрасту с ним — исполнительный зануда. Я видела, Майлз, какой ты дома на Барраяре. Словно половина себя. Подавленный и какой-то молчаливый. Даже голос у тебя тише. Чрезвычайно странно.

— Я не могу… там мне приходится приноравливаться. Еще поколение назад человек с таким странным телом, как у меня, стал бы изгоем, заподозренный в мутации. Не в моих силах изменить это слишком быстро или слишком радикально. Я — чересчур легкая мишень.

— Именно поэтому Барраярская СБ так часто посылает тебя на внепланетные задания?

— Ради моего профессионального роста как офицера. Чтобы расширить мой кругозор и углубить мой опыт.

— И в один прекрасный день они навсегда выдернут тебя отсюда, заберут домой и выжмут из тебя весь опыт, как из губки, чтобы он служил *им* .

— Я сам сейчас служу им, Элли, — мягко напомнил он серьезным и ровным голосом, насколько негромким, что Элли пришлось наклонить голову, чтобы его расслышать. — Сейчас, прежде и всегда.

Она отвела взгляд. — Верно… значит, когда они пришпилят подошвы твоих сапог к полу там, на Барраяре, я хочу получить твою работу. Я хочу когда-нибудь стать адмиралом Куинн.

— Я только за, — любезно отозвался он. Работа. Да. Пора лорду Форкосигану и его личным желаниям убраться обратно в мешок. И вообще, хватит по-мазохистски то и дело заводить с Куинн этот идиотский разговор о женитьбе. Куинн есть Куинн, и он не хотел бы, чтобы она стала не-Куинн — даже ради… лорда Форкосигана.

Несмотря на минутную депрессию — сам виноват! — он ускорил шаг в предвкушении возвращения к дендарийцам, когда они миновали таможню и двинулись вглубь исполинской пересадочной станции. Куинн была права. Он чувствовал, как Нейсмит вновь заполняет его тело, поднимаясь откуда-то со дна души аж до самых кончиков пальцев. Прощай, зануда лейтенант Майлз Форкосиган, работающий под глубоким прикрытием оперативник барраярской Имперской СБ (слишком давно ждущий повышения в звании); здравствуй, адмирал Нейсмит, лихой космический наемник и солдат удачи решительно во всем.

Или неудачи. Он притормозил возле ряда коммерческих кабинок комм-связи, протянувшегося вдоль всего зала ожидания, и кивнул в сторону их зеркальных дверец. — Сперва поглядим, что творится с Красным Отрядом. Если люди достаточно оправились для выписки, я предпочел бы сам спуститься вниз и забрать их.

— Ага, сейчас, — Куинн скинула свой баул на пол в опасной близости от сандалий Майлза, шагнула в ближайшую свободную комм-кабину, загнала карточку в щель и набрала номер.

Майлз поставил на пол сумку, присел на баул и принялся наблюдать за Куинн отсюда. Он поймал взглядом свое разбитое на куски отражение в зеркальной мозаике опущенной дверцы соседней кабинки. По стилю темных брюк и свободной белой рубашки, его нынешнего наряда, было трудно определить планету, зато он прекрасно подходил к принятой им на время этого путешествия легенде и был очень гражданским. Вольным и легкомысленным. Неплохо.

Было время, когда он носил мундир, словно черепаший панцирь: мощную социальную защиту, прикрывающую уязвимые странности его тела. Словно броню сопричастности, говорящую: «Не связывайся со мной. У меня есть друзья.». Когда же он перестал так отчаянно в этом нуждаться? Он точно не знал.

Раз уж на то пошло, когда он перестал ненавидеть собственное тело? Прошло два года с тех пор, как он был в последний раз серьезно ранен — во время операции по спасению заложников, сразу после той невероятной заварушки с его братом на Земле. Он уже довольно давно был совершенно здоров. Он пошевелил руками, кости в которых были полностью

заменены на пластиковые, и ощутил их столь же абсолютно своими, как и до последнего перелома. И до первого перелома — тоже. Приступов воспаления надкостницы у него не было уже много месяцев. «Я не ощущаю боли», сообразил он с мрачной ухмылкой. И дело было не только в усилиях Куинн, хотя Куинн обладала… немалым терапевтическим эффектом. «Что, на старости лет я прихожу в здравый рассудок?»

«Наслаждайся, пока можешь.» Ему двадцать восемь, и он, безусловно, на пике своих физических возможностей. Он буквально ощущал этот пик, возбуждение парения в апогее. Нисходящий участок кривой — удел неопределенного будущего.

Голос из кабинки вернул его к настоящему. Куинн обращалась к Сэнди Герельд на том конце линии: — Привет, я вернулась.

— Привет, Куинни, я тебя ждала. Чем могу помочь? — Даже издалека Майлз заметил, что Сэнди снова сотворила со своими волосами что-то странное.

— Я только что сошла со скачкового корабля, и сейчас на пересадочной станции. Планирую небольшой крюк. Мне нужен будет транспорт вниз, чтобы забрать оставшихся в живых из Красного Отряда, а затем вернуться на «Триумф». Как там с их нынешним состоянием?

— Подожди минутку, сейчас я узнаю… — лейтенант Герельд набила данные на дисплее слева от себя.

По заполненному толпой народа вестибюлю мимо них прошел человек в серой дендарийской форме. Он увидел Майлза и неуверенно, осторожно ему кивнул — возможно, сомневался, не означает ли штатский наряд адмирала то, что тот здесь инкогнито. Майлз успокаивающе помахал рукой в ответ, и человек, улыбнувшись, зашагал дальше. Мозг Майлза выдал непрошеные данные: имя — Тревис Грей, полевой техник, сейчас приписан к «Перегрину», отслужил шесть лет, эксперт по коммуникационному оборудованию, коллекционирует классическую музыку Земли до-скачкового периода… сколько таких же личных досье держит Майлз у себя в голове? Сотни? Тысячи?

А вот и обновление. Герельд повернулась к ним и оттараторила: — Айвза выпустили в увольнительную на планету. Бойд уже вернулся на «Триумф» для дальнейшего лечения. Из Бошенского Центра Жизнобеспечения сообщают, что Дурхэма, Вифиан и Азиза можно выписывать, но прежде хотят поговорить с кем-то из ответственных лиц.

— Ага.

— Ки и Зеласки… насчет них они тоже хотят поговорить.

Куинн стиснула губы. — Хорошо, — ответила она бесстрастно. В желудке у Майлза свернулся комок. Он подозревал, что этот разговор не будет особо радостным. — Дай им знать, что мы сейчас туда направляемся, — ответила Куинн.

— Да, кэп. — Герельд перетасовала файлы своего видео-дисплея. — Будет сделано. Какой катер вы хотите?

— Меньший из пассажирских катеров «Триумфа», если только не надо одновременно с этом доставить какой-то груз из космопорта Бошен.

— Оттуда — ничего.

— Отлично.

Герельд пометила что-то в записях. — Эскобарский полетный контроль сообщает, что я могу подать катер-2 в док J-26 через тридцать минут. У вас будет разрешение немедленно стартовать вниз.

— Спасибо. И передай — когда мы вернемся, состоится инструктаж для капитанов и капитанов-владельцев. Какое сейчас время в Бошене?

Герельд глянула в сторону. — 9:06 при сутках в двадцать шесть часов и семь минут.

— Утро. Превосходно. И какая внизу погода?

— Прекрасная. Можно ходить с короткими рукавами.

— Отлично, значит, мне не нужно переодеваться. Мы сообщим, когда будем готовы вылететь из Порта Бошен. Куинн связь закончила.

Майлз сидел на бауле, уставившись на свои сандалии, охваченный неприятными

воспоминаниями. Это была одна из самых тяжелых контрабандистских авантюр дендарийцев — доствка на Марилак грузов и военных советников, чтобы поддержать неослабевающее сопротивление цетагандийскому вторжению. Боевой десантный катер А-4 с «Триумфа» был подбит вражеским огнем во время последнего челночного рейса наверх. На борту находился весь Красный отряд и несколько важных марилакцев. Пилот, лейтенант Дурхэм, несмотря на смертельное ранение и шок, привел свой покалеченный и горящий катер с достаточно низкой скоростью столкновения к захватам стыковочного узла «Триумфа», поэтому спасательная команда смогла подсоединить аварийный рукав, прорезать корпус катера и спасти оттуда всех. Поврежденный катер удалось отстрелить прежем, чем он взорвался, и «Триумф» ушел с орбиты прямо перед носом жаждущих мести цетагандийцев. Вот так операция, начинавшаяся столь просто, гладко и тайно, снова завершилась тем самым героическим хаосом, который стал уже вызывать у Майлза отвращение. Хаос, конечно, а не героизм.

Итог душераздирающей сортировки потерь: двенадцать тяжелораненых; семеро не подлежат оживлению силами «Триумфа» и криогенно заморожены в надежде на последующую помощь; трое окончательно и необратимо мертвы. Теперь Майлз узнает, сколько человек из второй категории он должен перевести в третью. Лица, имена, сотни непрошеных сведений об этих людях потоком захлестнули его мозг. Он и сам первоначально планировал быть на борту последнего катера, но вместо этого отправился предыдущим рейсом, чтобы заняться другой неотложной проблемой.

— Может, с ними не так уж плохо, — произнесла Куинн, читая его мысли по лицу. Она протянула руку; Майлз поднялся с баула и подобрал свою сумку.

— Я сам провел по госпиталям столько времени, что не могу удержаться и не разделять их взглядов, — попытался он оправдаться за свою мрачную рассеянность. Хоть бы одна безукоризненная операция! Что бы он только ни отдал за одну безукоризненную операцию, где абсолютно все пойдет как надо. Может, предстоящая, наконец, именно такой и окажется?

Больничный запах ударил Майлзу в ноздри сразу, как только они с Куинн прошли сквозь главный вход Центра Жизнеобеспечения Бошена, специализирующейся на криотерапии клинике, с которой дендарийцы заключили контракт на Эскобаре. Запах не был плохим, никоим образом не зловонным, просто в кондиционированном воздухе чувствовался странный привкус. Но этот запах по опыту так глубоко ассоциировался у Майлза с болью, что сердце его забилось быстрей. «Беги или сражайся». Нет, не то. Он глубоко вздохнул, заставил уняться внутреннюю дрожь и огляделся. Вестибюль был выдержан по большей части в том самом стиле, который был принят со всех этих эскобарских техно-дворцах: чисто и скудно декорировано. Настоящие деньги вкладывали в то, что находилось наверху: криогенную технику, лаборатории регенерации тканей и операционные.

Доктор Арагонес, один из старших совладельцев клиники, спустился к ним, чтобы поприветствать и проводить наверх в свой кабинет. Кабинет Арагонеса Майлзу нравился: тесно сваленные там повсюду инфо-диски, истории болезни и распечатки из журналов выдавали в его владельце настоящего технократа, постоянно и глубоко думающего о своей работе. И сам Арагонес был ему симпатичен — высокий, широколицый человек с бронзовой кожей, аристократическим носом и седеющей шевелюрой, дружелюбный и грубоватый.

Сейчас он был расстроен тем, что не может сообщить им о лучших результатах. Это ранит его гордость, рассудил Майлз.

— Вы доставили нам сущее месиво, и ждете чуда, — вежливо пожаловался он после того, как Майлз и Куинн уселись и он сам устроился в своем вращающемся кресле. — А если вам нужна гарантия чуда, вам необходимо начинать с с того момента, когда моих бедных пациентов только принимаются готовить для дальнейшего лечения.

Арагонес никогда не называл их трупольдышками или подобными же крепкими прозвищами, которые горазды изобретать солдаты. Всегда «мои пациенты». Вот еще одна причина, по которой эскобарский медик Майлзу нравился.

— Вообще-то — к несчастью — наши потери происходят не по графику, не в строгом

порядке и один-за-одним, — в свою очередь как бы извинился Майлз. — В данном случае у нас в лазарете оказалось двадцать восемь человек с одновременными повреждениями разной степени тяжести: тяжелыми травмами, ожогами и химическим заражением. Какое-то время, пока царила неразбериха, их сортировали по предельно жестким критериям. Мои люди сделали все, что могли. — Он помедлил. — Как вы думаете, нам не стоит провести повторную сертификацию некоторых из наших медтехников по вашим последним методикам? Если так, не хотели бы вы провести семинар?

Арагонес с задумчивым видом развел руками. — Эта идея может сработать… поговорите с администратором Маргарой, прежде чем уходить.

Куинн уловила кивок Майлза и сделала отметку в своем органайзере.

Арагонес вывел на своем комм-пульте истории болезни. — Сначала самое худшее. Мы ничего не смогли бы сделать для вашего мистера Ки и мисс Зеласки.

— Я… видел, какое ранение в голову получил Ки. Ничего удивительного. — «Голова раскололась, как спелая дыня.» — Но у нас была под рукой криокамера, вот мы и попытались.

Арагонес понимающе кивнул. — У мисс Зеласки оказались схожие проблемы, хотя внешне менее заметные. В результате травмы было повреждено такое множество внтричерепных сосудов, что кровь не смогла полностью оттечь от мозга и надлежащим образом заместиться криораствором. Кристаллизация в результате замораживания и гематомы довершили разрушение нервной ткани. Мне очень жаль. Их тела в настоящее время хранятся у нас в морге в ожидании ваших инструкций.

— Ки хотел, чтобы его тело вернули для погребения на родную планету, его семье. Пусть ваша похоронная служба подготовит тело и отошлет кораблем обычным способом. Адрес мы вам дадим. — Движение подбородка в сторону Куинн, и она сделала еще одну заметку. — Зеласки не сообщала о своей семье или ближайших родственниках — некоторые дендарийцы этого не могут или не хотят сделать, а мы не настаиваем. Но она как-то говорила одному из своих товарищей по отряду, как согласно ее желанию нужно распорядиться ее прахом. Кремируйте ее останки и передайте на «Триумф» на попечение нашего медицинского отдела.

— Хорошо. — Арагонес сделал движение рукой, убирая со своего видео-дисплея прежние истории болезни, и они исчезли, словно отлетевшие души. На их место он вызвал новые.

— Ваши мистер Дурхэм и мисс Вифиан в настоящее время оба излечились от своих первоначальных повреждений лишь частично. Оба страдают от того, что я назвал бы обычными последствиями невральной травмы и криоминезией. Потеря памяти у мистера Дурхэма глубже, частично — из-за осложнений, сопряженных с его пилотскими нейроимплантатами; их нам, увы, пришлось удалить.

— Он когда-либо потом будет способен ко вживлению нового комплекта?

— Слишком рано говорить. Долгосрочный прогноз каждого из них я бы назвал благоприятным, но ни тот, ни другой не будет годен для военной службы по меньшей мере год. И затем им потребуется очень широкий курс переподготовки. В обоих случаях я крайне рекомендовал бы им вернуться домой, к семьям — если это возможно. Знакомое окружение поможет облегчить и через какое-то время дать толчок восстановлению доступа к их сохранившимся воспоминаниям.

— Семья лейтенанта Дурхэма живет на Земле. Мы приглядим за тем, чтобы он туда попал. А техник Вифиан — со Станции Клайн. Посмотрим, что мы сможем сделать.

Куинн энергично кивнула и добавила еще несколько записей.

— Я сегодня же могу выписать их и отправить к вам. Здесь мы сделали все, что могли, и для облегчения процесса выздоровления им требуется лишь отдых. Итак… остается ваш мистер Азиз.

— Мой десантник Азиз, — согласился Майлз. Азиз три года служил у дендарийцев и уже подал заявление на офицерскую переподготовку, принятое и одобренное. Ему был

двадцать один год.

— Мистер Азиз… снова жив. Его тело нормально функционирует без систем жизнеобеспечения, не считая продолжающихся до сих пор незначительных проблем со внутренней терморегуляцией, которые должны пройти сами собой.

— Но Азиз не был ранен в голову. Что пошло не так? — спросил Майлз. — Вы хотите сказать, что он превратится в растение?

— Боюсь, мистер Азиз оказался жертвой плохой подготовки. Кровь из его тела откачивали явно второпях и недостаточно полно. Замерзшие гемоцисты — микроскопические капли крови — изрешетили мозговую ткань некротическими участками. Мы удалили отмершие ткани и инициировали рост новых, которые успешно прижились. Но его личность оказалась необратимо потеряна.

— Вся?

— У него могут, наверное, сохраняться какие-то тревожащие фрагменты воспоминаний. Сны. Но он не может получить доступ к своим нейронным цепочкам альтернативным путем. Самой нервной ткани больше нет. Новый человек начнется с почти младенческого состояния. Кроме всего прочего, он утратил речь.

— А его умственные способности восстановится? Со временем?

Арагонес слишком долго колебался, прежде чем ответить: — Через пару лет он станет способен на выполнение достаточно простых действий, чтобы быть в состоянии самому себя обслуживать.

— Понимаю, — вздохнул Майлз.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Он тоже не указал ближайших родственников. — Майлз резко выдохнул. — Переведите его в центр долговременной опеки здесь, на Эскобаре. Тот, где есть хорошее лечебное отделение. Я попросил бы вас нам такой порекомендовать. Я оставлю на ваше попечение небольшой доверительный счет, из которого будут покрываться расходы, пока он не придет в себя. Как бы долго это ни тянулось.

Арагонес кивнул, и они оба — и он, и Куинн, — сделали заметки.

Уладив дальнейшие административные и финансовые детали, они закончили встречу. Майлз настоял на том, чтобы задержаться и навестить Азиза, прежде чем забрать обоих выздоравливающих.

— Он не сможет узнать вас, — предупредил Арагонес, когда они входили в палату.

— Ничего.

На первый взглял, Азиз не выглядел словно размороженный труп (как того ожидал Майлз), даже несмотря на никого не украшающий больничный халат. На его лице был румянец, а темная от природы кожа не давала ему выглядеть по-больничному бледным. Он лежал вяло, апатично, вытянувшись на кровати и завернувшись в простыню. Боковины у кровати были подняты, наводя на неприятную мысль то ли о детской колыбельке, то ли о гробе. Куинн привалилась к стене и скрестила руки на груди. У нее тоже были отдающиеся в желудке ассоциации насчет клиник и госпиталей.

— Аззи, — мягко позвал Майлз, склонившись над ним. — Аззи, ты меня слышишь?

Глаза Азиза на мгновение дернулись и тут же ушли куда-то в сторону.

— Знаю, что ты меня не узнаёшь, но, может, потом ты это вспомнишь. Ты был хорошим солдатом, умным и храбрым. Ты пришел на помощь своим товарищам во время катастрофы. В тебе была та внутренняя дисциплина, которая спасает жизни. — «Чужие. Но не твою собственную.» — Завтра ты отправишься в другой госпиталь, где тебе помогут выздоравливать дальше. — «Среди чужаков. Очередных чужаков.» — Не беспокойся насчет денег. Я их здесь оставлю, так что ты сможешь брать, когда тебе понадобится. — «Он не понимает, что такое деньги.» — Время от времени я буду проверять, как ты здесь, как только у меня выдастся возможность, — обещал Майлз. Кому обещал? Азизу? Азиза больше нет. Самому себе? Когда он договаривал фразу, голос его упал почти до предела слышимости.

Слуховая стимуляция заставила Азиза забиться, издавая шумные нечленораздельные

стоны; он явно не контролировал громкость своего голоса. Даже сквозь призму своей отчаянной надежды Майлз не мог признать этот звук попыткой пообщаться. Одни животные рефлексы.

— Держись, — прошептал он и ретировался. В вестибюле Майлз ненадолго остановился, его трясло.

— И зачем ты такое с собой делаешь? — кисло переспросила Куинн. И ее скрещенные, плотно обхватившие плечи, руки молча добавили: «А со мной зачем?»

— Во-первых, он умер за меня — в буквальном смысле слова. А во-вторых, — он попытался придать своему голосу легкомысленности, — ты не чувствуешь некоего навязчивого желания взглянуть в лицо своему самому большому страху?

— Твой самый большой страх — это умереть? — спросила она с любопытством.

— Нет. Не умереть. — Он помедлил, потер лоб. — Потерять разум. Всю мою жизнь я опирался на такую игровую стратегию: заставить людей принимать вот *это* , — неопределенным жестом он провел вдоль (хотя сколько той длины?) своего тела, — поскольку я — хитрожопый маленький ублюдок, способный обвести противника вокруг пальца, и раз за разом я доказываю это. Без мозгов… — «Без мозгов я — ничто». Он выпрямился, преодолевая ноющее напряжение в желудке, пожал плечами и стрельнул в Элли улыбкой. — Пошли, Куинн.

После встречи с Азизом, иметь дело с Дурхэмом и Вифиан было уже не так тяжело. Они могли ходить и разговаривать, пусть с запинкой, а Вифиан даже узнала Куинн. Майлз с Элли отвезли их в космопорт на взятой напрокат машине, причем Куинн обуздала свой обычный стиль вождения (лучше всего описывающийся фразой «а пошло все к черту!»), помня об их не до конца излеченных повреждениях. В катере Майлз отправил обоих в переднюю часть, к их товарищу-пилоту, и когда они подлетали к «Триумфу», то Дурхэм вспомнил не только имя пилота, но и некоторые процедуры управления катером. Обоих выздоравливающих Майлз передал медтехнику, встретившему их возле люка катера, и тот повел их в лазарет прилечь после короткого, но утомительного путешествия. Майлз поглядел им вслед и почувствовал себя немного лучше.

— Недешево, — задумчиво заметила Куинн.

— Да, — со вздохом согласился Майлз, — Реабилитация начинает отъедать изрядный кусок от бюджета нашего медицинского отдела. Думаю, бухгалтерия флота должна будет выделить эти расходы в отдельную статью, а то медики вдруг обнаружат, что их катастрофическим образом обсчитали. А что ты хочешь? Мои солдаты беспредельно верны мне; я не могу их предать в ответ. И кроме того, — коротко усмехнулся он, — платит-то Барраярская Империя.

— Думаю, твой шеф СБ долго распространялся насчет этих счетов на инструктаже перед заданием.

— Иллиан вынужден объяснять, почему из бюджета его департамента ежегодно уходят суммы, достаточные, чтобы содержать личную армию, и не признаваться при этом, что такая армия существует. Кое-кто из имперского казначейства склонен обвинять его в неэффективной работе департамента в целом, от чего он жутко переживает. — Майлз вздохнул.

Пилот дендарийского катера заглушил все системы своего кораблика, вынырнул в коридор и запечатал люк. Затем кивнул Майлзу: — Пока я ждал вас в Порте Бошен, сэр, я услышал небольшое новостное сообщение по местной сети. Вам оно должно быть интересно. Небольшое и несущественное здесь, на Эскобаре. — Пилот чуть ни пританцовывал, поднимаясь на цыпочки.

— Ну, говорите, сержант Лажуа, — Майлз вопросительно приподнял бровь.

— Цетагандийцы только что объявили, что уходят с Марилака. Они это назвали — как его там? а, вот: «Благодаря значительному прогрессу, достигнутому в культурном единении, мы передаем вопросы поддержания спокойствия под контроль местных властей.»

Майлз в восторге стиснул кулаки. — Другими словами, они бросают свое

марионеточное правительство! Ха! — Он запрыгал на месте и размашисто хлопнул Куинн по спине. — Слышишь, Элли?! Мы победили! То есть они победили, марилакцы. — «Наши жертвы обрели смысл». У него перехватило горло, но он справился с собой прежде, чем разразился песней или еще какой-нибудь глупостью. — Окажи мне услугу, Лажуа. Передай это сообщение по всему флоту. И еще передай мои слова: «Вы хорошо поработали, ребята.». Ладно?

— Да, сэр. С удовольствием. — Улыбающийся пилот бодро отсалютовал и вприпрыжку умчался по коридору.

Майлз расплылся от уха до уха. — Видишь, Элли? То, что сейчас приобрел Саймон Иллиан, обошлось задешево — даже заплати он в тысячу раз больше. Полномасштабное планетарное вторжение цетагандийцев сперва запнулось на месте, потом увязло, а потом и вовсе потерпело неудачу и провалилось! — И он добавил яростным шепотом. — И это сделал я! Я все изменил.

Куинн тоже улыбнулась, но одна ее совершенная бровь изогнулась с долей сухой иронии. — Это прекрасно, но если я верно прочла между строк, то на самом деле Барраярской Имперской Безопасности требовалось, чтобы у цетагандийской армии были связаны руки партизанской войной на Марилаке. Неограниченно долго. Дабы отвлечь внимание цетагандийцев от границ и скачковых точек Барраярской Империи.

— Написать они этого не написали. — Майлз хищно оскалился. — Все, что сказал Саймон, было: «Помогай марилакцам при любой представившейся возможности.» Это был постоянно действующий приказ, выраженный именно такими словами.

— Но ты чертовски хорошо знал, чего он хочет на самом деле.

— Четырех кровавых лет достаточно. Я не предал Барраяр. И никого другого тоже.

— Да-а? Так если это в Саймоне Иллиане, а не в тебе, так много от Макиавелли, то каким образом случилось, что восторжествовала твоя версия? В один прекрасный день, Майлз, ты перестанешь понимать этих людей досконально. И что ты тогда будешь делать?

Он улыбнулся и покачал головой, уклонившись от ответа.

Когда Майлз подходил к двери своей каюты на «Триумфе», то от эйфории по поводу новостей с Марилака он все еще чувствовал себя так, словно двигается при половинной силе тяжести. Исподтишка окинув взглядом коридор и убедившись, что там никого нет, он обнял Куинн и поцеловал: глубоким поцелуем, какого им больше долго не представится. И она отправилась к своей каюте. Майлз проскользнул внутрь, и шипение закрывающейся двери слилось с его собственным вздохом. Снова дома.

Это место было домом для половины его души, подумал он, кидая свою летную сумку на койку и направляясь прямиком в душ. Десять лет назад лорд Майлз Форкосиган в минуту отчаяния изобрел адмирала Нейсмита, личность-прикрытие, чтобы с помощью этой безумной импровизации удержать контроль над спешно переименованными дендарийскими наемниками. Барраярская Имперская Служба обнаружила, что это прикрытие может оказаться полезным… нет. Отдадим должное. Это он убеждал, интриговал, доказывал и заставил-таки СБ найти этой маске применение. «Когда притворяешься кем-то, будь осторожен. Ты можешь им стать.»

Так когда же адмирал Нейсмит перестал быть фальшивкой? Да, постепенно, но по большей части до того, как его наставник и учитель коммодор Танг ушел в отставку. А может быть, хитрый Танг распознал раньше самого Майлза, что тот больше не нуждается в его услугах по поддержке преждевременно полученного высокого ранга? Пока Майлз стоял под душем, в голове у него сами собой всплыли разноцветные диаграммы организации Свободного флота Дендарийских наемников. Личный состав — оборудование — руководство — тыловое обеспечение… теперь он знал каждый корабль, каждого десантника, каждый катер и каждую деталь вооружения. Он знал, каким образом они объединяются в единое целое, что надо делать в первую очередь, что — во вторую, третью, двадцатую; как расставить точно рассчитанные силы в каждой точке тактического пространства. Вот что такое опыт — умение при взгляде на корабль вроде «Триумфа» проникать мысленным

взором сквозь его стены и видеть каждую деталь конструкции, все, что определяет его прочность или уязвимость. Или во время десантного рейда либо за столом заседаний в окружении капитанов и капитанов-владельцев знать, что сделает или скажет каждый, прежде чем они сами это поймут. «Я на вершине. Наконец-то я на самой вершине. С помощью этого рычага я могу сдвинуть миры.»

Он переключил душ в режим «сушки» и принялся поворачиваться в струе жаркого воздуха. И из ванной вышел все еще тихонько посмеиваясь. «Это мне нравится».

Но хихиканье смолкло, когда Майлз отпер дверь платяного шкафа, где висели его мундиры, и озадаченно обнаружил, что он пуст. Неужели его денщик забрал все мундиры в чистку или в починку? Замешательство стало еще сильнее, когда он посмотрел в остальных ящиках и нашел там лишь остатки фантастически пестрого цивильного гардероба, который он носил, когда ему случалось удлинять цепочку своих личностей-масок еще на одно звено и выступать в роли дендарийского шпиона. Плюс кое-что из самого поношенного нижнего белья. Это что, чья-то шутка? Если так, последним смеяться будет Майлз. Голый и раздраженный, он с треском распахнул закрытый на замок отсек, где обычно находилась его космическая броня. Пусто. Это оказалось почти потрясением. Кто-то отнес ее в инженерный отсек для повторной калибровки, добавления тактических программ или еще чего-то? Хотя денщик все равно бы уже принес ее обратно. Что, если она потребуется Майлзу срочно?

Пора. Его люди уже собираются. Куинн однажды заявила, что он может заявиться хоть нагишом и лишь заставит этим всех вокруг ощущать себя слишком разодетыми. На мгновение у него возникло искушение проверить эту мысль, но он прогнал полный злой иронии образ и натянул рубашку, брюки и сандалии, в которых сюда пришел. Ему не нужен мундир, чтобы командовать в конференц-зале. Больше не нужен.

По дороге к конференц-залу он встретил в коридоре Сэнди Герельд, возвращавшуюся с дежурства, и дружески ей кивнул. Она развернулась на месте и изумленно попятилась. — Вы уже вернулись, сэр! Вот это быстро!

Майлз вряд ли мог назвать быстрым свое путешествие до штаб-квартиры СБ на Барраяре и обратно, занявшее несколько недель. Должно быть, она имела в виду поездку на планету. — Да, это отняло всего два часа.

— Что? — Она наморщила носик и все еще пятилась, достигнув уже конца коридора.

Майлза ждал конференц-зал, полный старших офицеров… Так что он махнул ей рукой и шагнул в лифтовую шахту.

Конференц-зал был успокаивающе привычным, вплоть до лиц, обладатели которых расселись вдоль блестящего темного стола. Капитан Осон с «Триумфа». Елена Ботари-Джезек, недавно повышенная до должности капитана «Перегрина». Ее муж, коммодор Баз Джезек — инженер флота и, в отсутствие Майлза, ответственный за все ремонтные работы, которые вел дендарийский флот на орбите Эскобара. Эта пара, оба барраярцы, входили наряду с Куинн в число тех немногих — по пальцам одной руки можно пересчитать — дендарийцев, которые были в курсе двойной личности Майлза. Капитан Трузилло со «Стервятника» и еще с десяток человек: все проверенные и надежные. Его люди.

Бел Торн с «Ариеля» опаздывал. Необычно. Одной из движущих черт характера Торна было ненасытное любопытство: инструктаж к новому заданию был для бетанского гермафродита все равно что подарок к Зимнепразднику. Майлз повернулся к Елене Ботари-Джезек, чтобы немного поболтать с ней, пока тянется ожидание. — Тебе удалось побывать у матери на Эскобаре?

— Да, спасибо. — Она улыбнулась. — Было очень… мило немного там побыть. И мы получили возможность поговорить о таких вещах, о которых никак не могли упомянуть во время нашей первой встречи.

И это оказалось неплохо для обеих, рассудил Майлз. Привычное напряжение исчезло из темных глаз Елены. «Все лучше и лучше, крупица за крупицей.» — Отлично.

Дверь с шипением открылась, и Майлз глянул в ту сторону, но эта была лишь Куинн, появившаяся с кодированными записями в руках. На ней снова была полная офицерская

форма, и выглядела Куинн спокойной и умелой. Она протянула принесенные карточки с данными Майлзу, и он загрузил их в комм-пульт. Затем подождал еще минуту. Бела Торна по-прежнему не было. Беседа увяла. Офицеры бросали на него полные внимания взгляды, словно говоря «ну, давайте же начнем!». Нечего ходить вокруг да около и ковырять пальцем в ухе. Но прежде чем включить изображение на комме, он все же осведомился: — Есть какая-нибудь причина для опоздания капитана Торна?

Все посмотрели на него, потом друг на друга. «Ну не могло же с Белом случиться что-то ужасное, мне бы об этом доложили в первую очередь.» Но все равно в желудке у Майлза образовался тяжелый свинцовый ком. — Где Бел Торн?

Право говорить присутствующие, переглянувшись, делегировали Елене Ботари-Джезек. Весьма дурной знак. — Майлз, — запинаясь, проговорила она, — разве Бел не должен был вернуться вместе с тобой?

— Вернуться? А куда он отправился?

Она глядела на него так, словно он спятил. — Бел отбыл вместе с тобой, на «Ариэле», три дня назад.

— Да это невозможно! — вскинулась Куинн.

— Три дня назад мы были еще на пути к Эскобару, — констатировал Майлз. Свинцовый ком у него в желудке превратился в кусочек сверхплотной нейтринной звезды. Да, больше в этой комнате он не командовал. А если честно, совещание терпело крушение…

— Ты взял с собой Зеленый Отряд. Бел сказал, это новое задание, — добавила Елена.

— *Вот* новое задание. — Майлз постучал пальцем по комм-пульту. Жуткое объяснение происходящего мало-помалу утверждалось у него в мозгу, поднимаясь из черной дыры желудка. По выражению лиц вокруг стола образовалось два неравных лагеря: у меньшинства, бывшего в заварушке на Земле два года назад (как и у самого Майлза) — ужас понимания; у большинства, не вовлеченного в нее тогда непосредственно — абсолютное недоумение.

— И куда, по моим словам, я отправился? — вопросил Майлз. Он думал, что тон его голоса был мягким, но кое-кто вздрогнул.

— На Единение Джексона. — Елена глядела ему прямо в глаза спокойным взглядом зоолога, намеревающегося препарировать образец. Внезапное недоверие…

«Единение Джексона. Все, хана.» — Бел Торн? «Ариэль»? Таура? Менее чем в десяти скачках от Единения Джексона? — Майлз поперхнулся. — Святый боже.

— Но если это вы, — произнес Трузилло, — кто был тот, три дня назад?

— Если это ты, — произнесла Елена мрачно. И группа посвященных поглядела на него таким же хмурым взглядом.

— Понимаете, — глухим голосом объяснил Майлз остальной части аудитории, молча вопрошающей «о чем это они, черт побери?» — у некоторых людей бывают близнецы-злодеи. А мне не так повезло. У меня близнец-идиот.

— Твой клон, — проговорила Елена Ботари-Джезек.

— Мой брат, — машинально поправил он.

— Маленький Марк Пьер, — выговорила Куинн. — О… черт.

Глава 3

Желудок словно вывернулся наизнанку, каюта поплыла перед глазами, а взгляд застила черная пелена. Причудливые ощущения от П-В перехода исчезли почти так же быстро, как возникли, но оставили неприятную дрожь во всем теле, словно он был звенящим гонгом. Он глубоко вздохнул, успокаиваясь. Это был четвертый за это путешествие скачок. В извилистом зигзаге через сеть червоточин от Эскобара до Единения Джексона их оставалось еще пять. «Ариэль» был в пути уже три дня, почти на полдороге до цели.

Он оглядел каюту Нейсмита. Нельзя больше здесь скрываться под предлогом болезни или нейсмитовской черной депрессии. Торну нужен каждый клочок данных, который он

способен добавить к плану налета дендарийцев на интернат клонов. Он с толком использовал время своего бездействия, просмотрев журналы с описаниями операций «Ариэля» от настоящего момента и до его первой встречи с дендарийцами два года назад. Теперь он знал про наемников куда больше, и мысль о случайной беседе с кем-то из команды «Ариэля» сделалась не столь ужасающей.

К сожалению, очень мало что в этом журнале помогло ему увидеть его первую встречу с Нейсмитом на Земле глазами дендарийцев. В журнале все вертелось вокруг докладов о ремонте и переоборудовании, перебранок с разного рода кораблестроителями и инженерных совещаний. Во всем потоке данных он обнаружил один-единственный приказ, имеющий отношения к его собственным похождениям: всех капитанов кораблей уведомляли, что клона адмирала Нейсмита видели на Земле, и предупреждали, что этот клон может попытаться выдать себя за адмирала. В приказе сообщалось — ошибочно — будто под медицинским сканером видно, что в ногах у клона нормальные кости, а не пластиковые протезы, и предписывалось при задержании самозванца пользоваться только парализаторами. Никаких объяснений, никаких позднейших добавлений или поправок. Похоже, все приказы, получаемые с высочайшего уровня Нейсмитом/Форкосиганом, были устными и, во всяком случае, недокументированными, ради безопасности — не дендарийцев, а *от них самих* ; обычай, сослуживший ему теперь хорошую службу.

Он откинулся на вращающемся стуле и сердито уставился на дисплей комм-пульта. В дендарийских данных его называли Марком. «Вот еще одна вещь, которую ты не выбираешь», — сказал ему Майлз Нейсмит Форкосиган. — «Марк Пьер. Ты — лорд Марк Пьер Форкосиган, по праву рождения — на Барраяре.»

Но он не на Барраяре, и никогда там не окажется, если это только будет в его силах. «Ты — не мой брат, а Мясник Комарра мне никакой не отец», — в тысячный раз возразил он мысленно своему отсутствующему здесь прародителю. — «Моя мать — маточный репликатор».

Но это убеждение действовало на него с угнетающей силой, сводя на нет удовлетворение от любого выбираемого псевдонима, как ни пялился он на список имен до рези в глазах. Эффектные имена, простые имена, экзотические, странные, обыденные, бесхитростные… «Ян Фандермарк» — этим вымышленным именем он пользовался дольше всего; самая удачная из его осторожных попыток окольным путем найти своё «я». «Марк!» — кричал Майлз, когда его волокли прочь, хотя он знал, что на смерть. — «Тебя зовут Марк!»

«Я не Марк. И я НЕ твой чертов братец, ты, маньяк!» Он отрицал это горячо и сильно, но когда в пустом пространстве внутри его черепа затихло эхо, он показался себе вообще никем.

У него разболелась голова; скребущая, давящая боль пробралась вверх по позвоночнику через плечи и шею и растеклась под кожей. Он с усилием растер себе шею, но напряжение только перетекло через руки назад к плечам.

«Я тебе не брат». Но если быть предельно точным, нельзя винить Нейсмита в том, что он вызвал его к жизни, как прародители прочих клонов в Доме Бхарапутра. О да, генетически они идентичны. Это вопрос… намерений, быть может. И источника денег.

Лорду Майлзу Нейсмиту Форкосигану было всего шесть лет от роду, когда взятый на биопсии образец его тканей украли из какой-то медицинской лаборатории на Барраяре во время последних судорог комаррского сопротивления завоевателям — Барраярской империи. Никого — ни барраярцев, ни комаррцев — маленький калека Майлз сам по себе не интересовал. Средоточием интереса был его отец. Адмирал граф Эйрел Форкосиган, Регент Барраяра, Завоеватель (или Мясник) Комарра. Эйрел Форкосиган был наделен волей и умом, сделавшими Комарр первым галактическим завоеванием Барраяра. И это же превратило Форкосигана в объект для сопротивления и мишень для мести комаррцев. Надежда на успех сопротивления со временем растаяла. Но надежда на мщение жила, подпитываемая горечью изгнания. Лишенная армии, оружия и поддержки, ненавидящая Барраяр группа комаррцев

составила план медленной, сумасшедшей мести. Нанести удар отцу руками сына, которого он, как известно, обожал…

Подобно чернокнижнику из старинной сказки, комаррцы заключили сделку с дьяволом, чтобы создать симулякра. «Незаконнорожденный клон», — подумал он с молчаливым, безрадостным смешком. Но все пошло не так, как надо. Искалеченный исходный мальчик, отравленный еще до рождения очередным смертельным врагом своего отца, рос странно и непредсказуемо; его генетическая копия росла правильно… Именно это стало для него первой подсказкой, что он отличается от прочих клонов, подумал он. Когда остальные клоны отправлялись к врачам на процедуры, то возвращались здоровей, сильней, еще быстрее росли. А каждый раз, как туда отправлялся он, — а происходило это часто, — то от мучительных процедур он, похоже, делался только более чахлым и болезненным. Скобы, которые накладывали на ноги, на шею, на спину, не шли ему на пользу. А превращали его в горбатого карлика, будто чеканя под прессом по форме прародителя. «Я мог бы стать нормальным, не будь Майлз Форкосиган искалечен.»

Когда он впервые начал подозревать об истинном предназначении своих собратьев-клонов — из слухов, гуляющих среди детей странными путями, которые даже их внимательные воспитатели не могли полностью контролировать, — то делавшаяся все больше ненормальность его тела наполнила его безмолвной, тайной радостью. Конечно же, это тело не смогут использовать для пересадки мозга! Его могут забраковать… он еще может спастись от своих милых и улыбчивых слуг-тюремщиков…

Настоящее спасение походило на чудо: комаррские владельцы прибыли забрать его, когда ему было четырнадцать. А затем началось обучение. Бесконечное суровое натаскивание, зубрежка, промывка мозгов. Сперва такая — или вообще любая судьба — казалась блестящей в сравнении с концом, уготованным его товарищам по яслям. Он с решимостью впитывал знания, которые позволят ему подменить своего прародителя и нанести удар во имя дорогого сердцу Комарра (места, которое он в жизни не видел) злобному Барраяру (который он никогда не видел тоже). Но обучение на Майлза Форкосигана обернулось чем-то вроде гонок из парадокса Зенона. Сколько бы он ни выучил, как бы отчаянно ни зубрил, как бы сурово его ни наказывали за ошибки — Майлз узнавал больше и быстрее; едва он настигал его, преследуемый всегда вырывался вперед, интеллектуально или как-либо еще.

Эта символическая гонка стала гонкой в буквальном смысле слова, когда его комаррские наставники перешли к осуществлению подмены на деле. Они охотились за неуловимым молодым лордом Форкосиганом по всей сети П-В туннелей, так и не осознав, что, пропадая из виду, он перестает существовать, а на его месте появляется адмирал Нейсмит. Комаррцы так и не раскрыли тайну адмирала Нейсмита. Не план, а случай наконец-то свел их обоих вместе на Земле, именно там, где некогда началась эта дурацкая гонка в двадцатилетней давности попытке мщения.

Комаррцы даже не заметили, как эта задержка оказалась критической. Когда они только начали охотиться за Форкосиганом, сделанный по их заказу клон был на пике свой психологической готовности: предан идеям восстания, нерассуждающе ревностен. Разве не они спасли его от участи всех клонов? Восемнадцать месяцев он глядел на их промахи и неудачи; восемнадцать месяцев путешествий, наблюдений, воздействия неподцензурных новостей, впечатлений и даже некоторых людей заронили в его разум зерна тайного сомнения. Откровенно говоря, невозможно было бы воспроизвести даже подобие галактического уровня обучения, полученного Форкосиганом, и при этом нечаянно не научить подопечного мыслить. Да еще в это время ему пришлось перенести исключительно болезненную операцию по замене совершенно здоровых костей ног на синтетические — только потому, что Форкосигану размозжило ноги. А что, если в следующий раз тот сломает шею? Он постепенно начинал понимать.

Постоянно забивать его голову лордом Форкосиганом, кусочек за кусочком, было такой же пересадкой мозга, как та, что делают виброскальпелем на живой ткани. «Тот, кто

замышляет месть, должен копать две могилы.» Но вторую-то могилу комаррцы копали для *него* ! Для личности, которой он никогда не имел шанса стать; для человека, которым он мог бы быть, не принуждай его острие электрошокера к постоянным стараниям быть кем-то *другим* .

В иные дни он не был уверен, кого ненавидит больше: Дом Бхарапутра, комаррцев или Майлза Нейсмита Форкосигана.

Фыркнув, он отключил комм-пульт и встал, чтобы забрать свой драгоценный куб данных, таившийся до сего момента в кармане формы. Подумав, он снова прошелся депилятором и вымылся, прежде чем натянуть на себя свежий дендарийский офицерский серый мундир. Настолько по уставу, насколько он может. Пусть дендарийцы видят лощеную поверхность и не видят человека внутри другого человека под ней…

Он собрался с духом, вышел из каюты, широкими шагами пересек коридор и нажал кнопку звонка, ведущего в обиталище капитана-гермафродита.

Никакого ответа. Он нажал снова. После короткой заминки раздался невнятный альт Торна: — Да?

— Это Нейсмит.

— А-а! Входи, Майлз. — В голосе прорезался интерес.

Дверь скользнула в сторону, он шагнул внутрь и обнаружил, в чем же была причина заминки: Торн спал, а он его разбудил. Гермафродит приподнялся на кровати, опираясь на локоть; другая его рука только отодвигалась от отпирающей дверь сенсорной пластины. Каштановые волосы были взъерошены.

— Извини, — произнес он, делая шаг назад, но дверь уже снова закрылась.

— Нет, все нормально, — гермафродит сонно улыбнулся, поджал ноги, улегшись скобкой, и приглашающе похлопал по краю кровати возле своих укрытых простыней… гм… бедер. — Для тебя — в любое время. Садись. Хочешь, разотру тебе спину? Ты выглядишь напряженным. — На Торне была ночная рубашка, вся разукрашенная: струящийся шелк с отделкой кружевом по краю глубокого V-образного выреза, открывающего припухлость бледной груди.

Вместо предложенного он бочком присел на вращающееся кресло. В усмешке Торна мелькнул сардонический оттенок, прежде чем она сменилась расслабленной улыбкой.

Он откашлялся. — Я… подумал, что настало время для более подробного инструктажа по предстоящему заданию, который я тебе обещал. — «Я должен был проверить расписание дежурств». Знает ли адмирал Нейсмит распорядок дня своих капитанов?

— Время настало и даже прошло. Рад видеть, что ты вынырнул из тумана. Черт побери, что ты делал эти восемь недель — куда бы ты там не отправлялся, Майлз? Кто умер?

— Никто. Хотя, полагаю, — восемь клонов.

— Хм. — Торн коротко и понимающе кивнул. В позе гермафродита больше не просматривалось соблазнительных изгибов, он сел прямо и, потерев глаза, изгнал из них последние остатки сна.

— Чаю?

— Конечно. Или, э-э, мне лучше вернуться после того, как ты отойдешь ото сна. — «Вернее, после того, как ты оденешься.»

Гермафродит спустил обтянутые шелком ноги с кровати. — Никоим образом. Я все равно собирался вставать через час. Просто ждал. Лови день, так сказать. — Прошлепав по каюте, Торн снова принялся за свой чайный ритуал. Клон вставил куб с данными в комм-пульт и подождал, как из вежливости, так и из практических соображений, пока капитан не отхлебнет первый глоток горячей черной жидкости и не проснется окончательно. Ну что тому стоило надеть мундир?

Когда Торн подошел поближе, он включил изображение. — У меня есть подробная голокарта главного медкомплекса Дома Бхарапутра. Этим данным не более четырех месяцев. Плюс график обхода охраны и схема патрулирования — их система безопасности значительно серьезнее, чем в обычной гражданской клинике, скорее как в военной

лаборатории, но все же это не крепость. Их обычной заботой является скорее не пустить туда незваных гостей из местных, намеревающихся что-то украсть. И конечно, не дать сбежать кое-кому из их пациентов, содержащихся там совсем не по доброй воле. — На этот куб с картой ушла изрядная доля его прежнего богатства.

Размеченное разным цветом изображение развернулось над видео-пластиной световыми линиями и плоскостями. Комплекс выглядел как настоящий — громадное скопление зданий, туннелей, санаторных парков, лабораторий, мини-производственных участков, посадочных площадок для флаеров, складов, гаражей; там было даже два космических дока, для прямого сообщения катеров с орбитой.

Торн поставил свою чашку, склонился над комм-пультом и с интересом всмотрелся в изображение. Затем взял пульт дистанционного управления и принялся это изображение поворачивать, сжимая его, растягивая и разглядывая разные срезы. — Значит, мы хотим начать с того, что захватим отсек для катеров?

— Нет. Клоны содержатся все вместе вон там, с западной стороны, там нечто вроде зоны общежития. Полагаю, если мы приземлимся вон там на спортплощадке, то окажемся чертовски близко к их жилому корпусу. Естественно, меня не особо заботит, что там десантный катер порушит при посадке.

— Естественно. — Краткая усмешка промелькнула на лице капитана. — Как рассчитаем время?

— Я хочу устроить ночную вылазку. Не столько ради прикрытия — ведь у нас нет способа посадить боевой десантный катер незамеченным, — сколько потому, что это единственное время, когда все клоны собраны вместе на небольшой площади. Днем они все расходятся по игровым комнатам, спортплощадкам, бассейну и так далее.

— И по учебным классам?

— Нет, не совсем. Их не учат ничему сверх минимума, необходимого для жизни в обществе. Если клон умеет считать до двадцати и разбирать буквы, так больше им ничего и не надо. Мозги на выброс. — Вот еще почему он понял, что отличается от остальных. Самый настоящий учитель преподавал ему основы того, в чем он затем разбирался по многочисленным обучающим программам. Он тратил целые дни, добиваясь снисходительной похвалы от компьютеров. Они — не то, что его комаррские учителя впоследствии, — могли бесконечно повторять одно и то же и никогда не наказывали его, не сыпали проклятьями, не впадали в бешенство, не били его и не заставляли заниматься физическими упражнениями до тех пор, пока его не рвало или он не терял сознание… — Но несмотря на все это, клоны подбирают удивительно много информации. В основном — из своих головидео-игр. Это умненькие детишки. Их прародители чертовски редко бывают тупы — а как же иначе они накопили бы достаточное состояние, чтобы заплатить за такого рода продление жизни? Они, может, и безжалостны, но никак не глупы.

Торн прищурил глаза, словно разбирал изображение на части, удаляя один слой за другим и изучая макет. — Итак, дюжина дендарийских десантников в полном вооружении будит посреди ночи пятьдесят-шестьдесят крепко спящих ребятишек… они знают, что мы появимся?

— Нет. Кстати, удостоверьтесь, что солдаты понимают: клоны выглядят не совсем детьми. Мы забираем их на последний год развития. Большинству из них десять или одиннадцать лет, но из-за ускоренного роста они обладают телами подростков лет семнадцати-восемнадцати.

— Неуклюжие?

— Вовсе нет. Они находятся в превосходном физическом состоянии. Чертовски здоровые. Именно по этой причине их не держат в баках до самого момента трансплантации.

— А они… знают? Знают, что с ними должно случиться? — спросил Торн, задумчиво нахмурив лоб.

— Нет, этого им не говорят. Они слышат лишь самую разнообразную ложь. Что они находятся в особой школе по соображениям безопасности, ради их спасения от некой

странной угрозы. Что они — всяческие принцы и принцессы, наследники богачей, отпрыски военных. И что скоро в один прекрасный день их родители — или тетушки, или послы их страны — приедут забрать их навстречу ослепительному будущему… И вот, разумеется, наконец появляется кто-то улыбающийся, подзывает к себе от их товарищей по играм, и говорит, что сегодня настал тот самый день, и тогда они бегут… — он сделал паузу, сглотнув, — … хватают свои вещи, хвастаются перед друзьями…

Торн, сам того не замечая, принялся постукивать дистанционным пультом по ладони. Вид у него был бледный. — Представляю…

— И уходят рука об руку со своими убийцами, со всем пылом…

— Прекрати-ка расписывать этот сценарий, если не хочешь заставить меня расстаться с завтраком.

— А ты ведь не первый год в курсе, что такое происходит, — съязвил он. — Отчего такая щепетильность именно сейчас? — Он сглотнул горечь. Нейсмит. Он должен быть Нейсмитом.

Торн метнул на него пронзительный взгляд. — Как ты припоминаешь, в прошлый раз это я был готов поджарить их с орбиты. А ты не позволил.

«Что это за прошлый раз?» Это было не в последние три года. Черт, нужно было просмотреть журналы за более ранний период. И он неопределенно пожал плечами.

— Значит, — заметил Торн, — эти… большие детишки дружно решат, что мы — враги их родителей, которые хотят их похитить перед самым возвращением домой? Тогда я предвижу проблемы.

Он стиснул правый кулак, потом разжал пальцы. — Может, и нет. У детей… есть своя собственная культура. Которая передается среди них их года в год. Слухи. Рассказы-страшилки. Сомнения. Говорю тебе, они не глупы. Взрослые-воспитатели стараются искоренить эти рассказы, обернуть их в шутку, перемешать с явной ложью. — И все равно, *его* они не одурачили. Но он прожил в интернате дольше, чем средний ребенок. У него было время видеть, как появляются и уходят большинство клонов, как повторяются истории, дублируются вымышленные биографии. Время накопить наблюдения за крошечными ошибками и проколами воспитателей. — Если все так… — он чуть было не сказал «если все так же, как было в мое время», но удержался. — Я должен суметь уговорить их. Оставь эту часть на меня.

— С радостью. — Торн подтащил вращающийся стул, закрепил его в зажимах вплотную к его креслу, уселся и быстро ввел свои комментарии насчет тылового обеспечения, направления атаки, дублирования и расстановки людей, проследив пальцем планируемый путь сквозь здания. — Две спальных зоны? — с любопытством уточнил гермафродит. Ногти у Торна были коротко пострижены и не покрыты лаком.

— Да. Мальчиков держат отдельно от девочек, и следят за этим весьма тщательно. Заказчики-женщины — как правило, женщины — хотят, чтобы у тела, в котором они очнутся, была нетронута девственность.

— Понятно. Итак. Мы каким-то чудом выводим всех этих детей, прежде чем прибывают бхарапутряне в полном составе…

— Да, скорость — это главное.

— Как обычно. Но возникни любая небольшая заминка или препятствие, и бхарапутряне будут вокруг нас повсюду. Это не то что с марилакцами на Дагуле IV; этих детишек не натаскивали неделями на процедуру посадки в катер. И что тогда?

— Как только клоны погрузятся в катер, они по сути станут *нашими* заложниками. С ними на борту мы будем в безопасности от огня на поражение. Люди Бхарапутры не станут рисковать своими инвестициями, пока у них есть шанс вернуть себе хотя бы часть их.

— Но стоит им решить, что шансов больше не осталось, и они устроят нам самую решительную расплату — чтобы потом другим неповадно было.

— Верно. Мы должны затуманить их разум сомнениями.

— Тогда их следующим шагом — если мы поднимем катер в воздух — будет попытка

разнести на куски находящийся на орбите «Ариэль», прежде чем мы до него доберемся, и таким образом пресечь наше бегство.

— Скорость! — упрямо повторил он.

— Непредвиденные обстоятельства, дорогой мой Майлз. Приди же в себя. Обычно мне не приходится по утрам заставлять твои мозги работать. Может, хочешь еще чаю? Нет? Я предлагаю: если нам придется опасным образом задержаться внизу, пусть «Ариэль» найдет прибежище на Станции Фелл, и мы встретимся там.

— На Станции Фелл? На орбитальной станции? — Он замялся. — Зачем?

— Барон Фелл по-прежнему в состоянии вендетты с Бхарапутрой и Риовалем, верно ведь?

Политические междоусобицы джексонианских Домов; а он не настолько в курсе этих дел, насколько стоило бы. Он даже не думал о том, чтобы искать союзника среди прочих Домов. Все они — преступники, все — злодеи, которые терпят друг друга или друг другу вредят в попытках изменить баланс власти. И снова это упоминание о Риовале. Почему? Он отделался еще одним безмолвным движением плеч. — Оказаться зажатыми в угол, быть пойманными в ловушке на Станции Фелл, пока Бхарапутра будет бороться за контроль над скачковыми станциями, — это не упрочит нашего положения. Никому из джексонианцев нельзя доверять. Убраться восвояси и уйти в скачок как можно быстрее — это по-прежнему остается самой безопасной стратегией.

— Бхарапутра не сможет прибрать к рукам скачковую Станцию Пять, ею владеет Фелл.

— Да, но я хочу вернуться на Эскобар. Здесь все клоны найдут безопасное пристанище.

— Послушай, Майлз, этот маршрут потребует сделать обратный прыжок через владения консорциума, уже контролируемого Бхарапутрой. Мы никогда не сможем уйти тем же путем, что и пришли, разве что у тебя что-нибудь припрятано в рукаве — нет? Тогда позволь мне заметить, что самый лучший маршрут нашего бегства пролегает через Станцию Пять.

— Ты действительно видишь в Фелле столь надежного союзника? — осторожно переспросил он.

— Не совсем. Но он — враг наших врагов. Логика такая.

— Но скачок со Станции Пять приведет нас в Ступицу Хеджена. На цетагандийскую территорию мы лететь не можем, так что единственный оставшийся маршрут из Ступицы — это через Пол на Комарр.

— Кружным путем, зато куда безопаснее.

«Не для меня! Это же проклятая Барраярская Империя!» Он подавил бессловесный вопль.

— Ступица — Пол — Комарр — Сергияр — и снова на Эскобар, — весело перечислил Торн. — Знаешь, это действительно может сработать. — Торн сделал еще несколько записей, склонившись над комм-пультом; ночная рубашка струилась и переливалась в разноцветных огоньках видео-дисплея. Затем гермафродит оперся локтями на пульт и положил подбородок на руки; его грудь вздымалась, вырисовываясь под тонкой тканью. Выражение на его лице сделалось мягким и задумчивым. Наконец Торн поглядел на него со странной, чуть ли не печальной улыбкой.

— Клонам когда-нибудь удавалось бежать? — тихо спросил Торн.

— Нет, — машинально и быстро ответил он.

— Не считая твоего собственного клона, разумеется.

«Опасный поворот беседы». — Мой клон тоже не сбежал. Его просто забрали покупатели. — Ему стоило попытаться бежать… удайся ему это, и что за жизнь он бы сейчас вел?

— Пятьдесят детишек, — вздохнул Торн. — Знаешь, это задание мне на самом деле по душе. — Подождав, Торн кинул на него пронзительный, горящий взгляд.

Он почувствовал себя ужасно неуютно, и, хоть и не сделал ничего идиотского — например, не ответил Торну «спасибо», — но обнаружил, что не может выдать взамен

никакой реплики. Повисло неловкое молчание.

— Полагаю, — задумчиво произнес Торн после слишком долгого мгновения, — кому угодно, выросшему в подобном окружении, должно быть очень трудно по-настоящему поверить… кому-либо другому. Его слову. Или доброй воле.

— Думаю… да. — Это случайный разговор или нечто более зловещее? Ловушка…

Торн, с той же странной загадочной улыбкой, перегнулся через подлокотники обоих кресел, обхватил его подбородок сильной, узкой кистью и поцеловал его.

Он не знал, что именно должен сделать, — отшатнуться или ответить, так что не сделал ни того, ни другого, окосевший, парализованный паникой. Губы Торна были теплыми, они отдавали чаем и бергамотом, шелковые, душистые… С *этим* Нейсмит тоже трахается? И если да, то кто кого? Или по очереди? «И так ли уж это было бы плохо?» Его ужас возрастал одновременно с совершенно явным возбуждением. «Я уверен, что умер бы за прикосновение того, кто меня любит.» Он всегда был один.

Наконец Торн, к его глубочайшему облегчению, отодвинулся, хотя лишь слегка: рука по-прежнему не выпускала его подбородка. Еще мгновение полного молчания, и улыбка Торна сделалась кислой. — Думаю, мне не стоило тебя дразнить, — вздохнул гермафродит. — Учитывая все обстоятельства, в этом есть некая жестокость.

Торн выпустил его и встал; чувственную томную расслабленность сразу словно выключили. — Я вернусь через минуту. — И прошагал в ванную комнату, заперев за собой дверь.

Он сидел, ослабев и дрожа. «Какого черта, что все это было?» Другая часть рассудка в это время встревала: «Держу пари, сейчас ты мог бы расстаться со своей проклятой невинностью…», а еще одна вопила: «Нет! Не с *этим* же!»

Было ли это проверкой? И прошел он ее или провалил? Торн не обвинил его во всеуслышание, не позвал вооруженных конвоиров. Может, именно сейчас капитан распоряжается насчет его ареста, разговаривая по комм-линку из ванной? На борту крошечного кораблика в глубоком космосе некуда бежать. Он крепко обхватил руками плечи. Затем с трудом разжал руки, положил ладони на комм-пульт и усилием воли заставил мускулы расслабиться. «Наверное, они меня не убьют.» Они вернут его обратно к флоту, чтобы его убил Нейсмит.

Но взвод охраны так и не выломал дверь, а довольно скоро вернулся и Торн. Наконец-то аккуратно одетый в мундир. Торн выдернул из комм-пульта куб с данными и сомкнул на нем ладонь. — Я возьму это, и мы с сержантом Таурой посидим и как следует займемся планированием.

— А, да. Пора. — Выпускать драгоценный куб из виду было невыносимо. Но, похоже, в глазах Торна он по-прежнему остается Нейсмитом.

Торн поджал губы. — Теперь, когда настало время устроить команде инструктаж, не считаешь ли ты, что было бы неплохой идеей перевести «Ариэль» на режим радиомолчания?

Именно эта идея вертелась у него на языке, хотя он все время боялся ее предложить как излишне подозрительную и странную. А может, для тайных операций это не так уж необычно? Он точно не знал, когда именно должен вернуться ко флоту настоящий Нейсмит, однако по тому, как легко восприняли его появление наемники, это событие ожидалось скоро. Последние три дня он прожил в страхе, что по сжатому лучу со скачкового корабля-курьера придет разгневанный приказ от настоящего адмирала, требующий от «Ариэля» поворачивать назад. «Дай мне еще пару дней. Только пару дней, и я возмещу их сторицей.»

— Да. Так и сделай.

— Отлично, сэр. — Торн помедлил. — Как ты сейчас себя чувствуешь? Все знают, что эта твоя черная депрессия может тянуться неделями. Но если тебе только дать как следует отдохнуть, то, верю, к моменту высадки ты сам вернешься к своему обычному энергичному состоянию. Мне сказать, чтобы тебя оставили в покое и не трогали?

— Я… был бы признателен за это, Бел. — «Какая удача!» — Но держи меня в курсе, ладно?

— А, да. Можешь на меня рассчитывать. Это простая вылазка, если не считать того, что нам придется возиться с толпой ребятишек, а здесь я полагаюсь на твой прежний опыт.

— Верно. — Жизнерадостно откозыряв Торну и улыбнувшись, он сбежал на другую сторону коридора, в безопасное уединение собственной каюты. От сочетания приподнятого настроения и пульсирующей напряженной головной боли ему казалось, будто он парит в воздухе. Когда дверь за ним закрылась, он рухнул поперек кровати, вцепившись в покрывала, чтобы удержаться на месте. «Это на самом деле случится!»

Позже, старательно просматривая у себя на комм-пульте корабельный журнал, он наконец-то нашел четырехгодичной давности записи предыдущего визита «Ариэля» на Единение Джексона. Как есть. Записи начинались с исключительно скучных подробностей насчет соглашения по закупке корабельного вооружения, грузовые таможенные декларации которого указывали, что груз оружия принимался на борт с орбитальной пересадочной станции Дома Фелл. И совершенно безо всякого вступления задыхающийся голос Торна произнес загадочную реплику: «Мьюрка потерял адмирала. Его держит в плену барон Риоваль. Я собираюсь заключить с Феллом дьявольскую сделку.».

Затем следовали записи экстренного отлета боевого десантного катера на планету, после чего «Ариэль» внезапно отбыл со Станции Фелл, разместив на борту лишь половину груза. Эти события сменили два совершенно завораживающих и необъяснимых разговора адмирала Нейсмита с баронами Риовалем и Феллом соответственно. Риоваль был в исступлении, он изрыгал самые экзотические смертельные угрозы. Клон с беспокойством разглядывал перекошенное от ярости красивое лицо барона. Даже в обществе, где безжалостность обычно вознаграждалась, Риоваль был человеком, которого прочие джексонианские шишки обходили по широкой дуге. Похоже, адмирал Нейсмит во что-то с размаху вляпался.

Фелл, лучше себя контролировавший, был в холодном гневе. Как всегда, вся действительно важная информация, и в первую очередь — причина этого визита, пропала: она была в полученных Нейсмитом устных приказах. Зато ему удалось раскопать удивительные сведения: сержант Таура, коммандос ростом в два с половиной метра, оказалась продуктом генных лабораторий Дома Бхарапутра, генетически сконструированным прототипом супер-солдата. Словно неожиданно встретил кого-то из родного города, где жил раньше. В странном приступе ностальгии ему отчаянно захотелось заглянуть к ней и сравнить воспоминания. Очевидно, Нейсмит похитил ее сердце — или, во всяком случае, похитил ее саму, хотя непохоже, чтобы именно из-за этого оскорбления так брызгал слюной Риоваль. Все это было просто непостижимо.

Он добавил в свою копилку еще один, на этот раз неприятный, факт: барон Фелл был потенциальным заказчиком клона. Его старый враг Риоваль, делая свой ход в вендетте, явно сделал так, чтобы клона Фелла убили до того, как успели произвести трансплантацию, и тем самым поймал Фелла в ловушку дряхлеющего тела. Однако намерение-то такое у Фелла было! Несмотря на все планы Бела Торна на случай непредвиденных обстоятельств, он решил, что не будет иметь никаких дел с бароном Феллом, если сможет этого избежать.

Он резко выдохнул, отключил комм-пульт, и снова принялся за практические тренировки с устройствами связи командирского шлема; к счастью, из памяти шлема не стерли обучающую программу, записанную туда изготовителем. «Я собираюсь добиться успеха. Как-нибудь.»

Глава 4

— Этот курьер тоже передает, что «Ариэль» не отвечает, сэр, — извиняющимся тоном доложила лейтенант Герельд.

Майлз в досаде стиснул кулаки. Затем заставил ладони разжаться и лечь ровно вдоль бокового шва брюк, однако энергия лишь перетекла в ноги, и он принялся вышагивать по рубке Связи и Навигации «Триумфа» от стены к стене. — Это уже третий… третий? Вы

повторяли сообщение с каждым курьером?

— Да, сэр.

— В третий раз нет ответа. Проклятье, что мешает Белу?

На этот риторический вопрос лейтенант Герельд беспомощно пожала плечами.

Майлз снова прошелся по комнате, свирепо нахмурившись. Проклятая временн*а* я задержка. Он хочет знать, что там происходит прямо сейчас. Связь с помощью сжатого луча пересекает локальное пространство со скоростью света, но единственным способом получить информацию о происходящем по другую сторону цепи червоточин является записать ее, передать на скачковый корабль и отправить тот к следующей передаточной станции, где ее отошлют лучом к очередной червоточине и снова отправят в скачок, если поддержка подобного рода сервиса экономически оправдана. В районах с интенсивным потоком сообщений подобного рода корабли-курьеры совершают регулярный скачок каждые полчаса или даже чаще. Между Эскобаром и Единением Джексона курьеры летали по расписанию раз в четыре часа. Так что к задержке, вызванной ограничением скорости света, прибавлялась и другая, такая по-человечески непредсказуемая. Порой эта задержка оказывалась весьма полезной людям, ведущим сложные игры с межзвездными финансами, курсами обмена и фьючерсами. Или независимо мыслящим подчиненным, желающими скрыть чересчур подробную информацию о своей деятельности от собственных вышестоящих офицеров — для этих целей Майлз изредка пользовался подобным обстоятельством сам. Пара требований разъяснить ситуацию и ответов на них помогали выиграть достаточно времени, чтобы любые события успели благополучно разрешиться. Вот почему он сделал все, чтобы быть уверенным: его приказ о возвращении, отправленный на «Ариэль» адресован лично капитану, убедителен и кристально ясен. Но Бел не отозвался притворно-скромным «Что вы имеете в виду, сэр?». Бел вообще не ответил.

— В системе курьеров нет никакого сбоя, а? Прочие сообщения по этому же маршруту проходят?

— Да, сэр. Я проверила. Информация движется нормально на всем пути к Единению Джексона.

— Они зарегистрировали план полета к Единению Джексона. Они действительно совершили скачок через ту самую точку выхода?…

— Да, сэр.

«Так его разэтак, четыре дня назад.» Майлз мысленно разглядывал схему сети червоточин. На стандартном кратчайшем пути от Эскобара до Единения Джексона не было отмечено известных точек перехода, ведущих в какие-то интересные места. Вряд ли он мог себе представить, чтобы Бел в этот момент решил поиграть в Бетанскую Астроэкспедицию и отправился на разведку. В очень редких случаях корабли уходили в прыжок по какому-нибудь совершенно типовому маршруту, но не материализовывались с другой стороны туннеля, безвозвратно превратившись в облако кварков в ткани пространства-времени из-за тонкого дефекта в корабельных стержнях Неклина или в схеме контроля, вживленной в нервную систему пилота. Хотя на таком коммерчески интенсивном маршруте скачковые корабли-курьеры отслеживали состояние трафика и немедля доложили бы о подобном исчезновении. Майлз пришел к решению — точнее, его подтолкнули к нему, и уже одно это подогрело его темперамент еще на пару градусов. В последнее время такая ситуация стала для него непривычной: обманом быть втянутым в действие, где события контролирует не он. «Проклятье, это не входило в мои планы на сегодняшний день.»

— Хорошо, Сэнди. Объяви о совещании штаба. Капитан Куинн, капитан Ботари-Джезек, коммодор Джезек — в конференц-зал «Триумфа», так быстро, как только они успеют собраться.

Такой список имен заставил Герельд приподнять брови, хотя ее руки уже порхали над интерфейсом комм-пульта, исполняя приказ. Весь Внутренний круг. — Мы вляпались во что-то серьезное, сэр?

Он выдавил едкую улыбку, и постарался придать своему голосу немного

легкомысленности: — Всего лишь серьезно нам досаждающее, лейтенант.

Не совсем так. Что было на уме у этого младенца-идиота, его братца Марка, когда он затребовал десантный отряд? Дюжина дендарийских солдат в полной экипировке — это немалая огневая мощь. Однако в сравнении с военными ресурсами, скажем, Дома Бхарапутра… *их мощь достаточна, чтобы ввергнуть их в чертову пучину множества неприятностей, но ее не хватит, чтобы огнем проложить себе дорогу обратно.* Его люди — боже, Таура! — слепо идущие вслед за невежественным Марком к какому-то тактическому безумию, доверчиво считая, что он — это Майлз… Эта мысль привела его в бешенство. В голове вспыхнули красные огни и заревели сирены. «Бел, почему ты не отвечаешь?»

В главном конференц-зале «Триумфа» Майлз тоже принялся вышагивать по помещению, наматывая круги вокруг большого стола с тактическим дисплеем, пока Куинн, сидевшая опершись подбородком на руки, не приподняла лицо и не проворчала: «Слушай, почему тебе не *сесть* ?» Куинн была не так встревожена, как он: она еще не начала грызть ногти. Пока что они представляли собой аккуратные, не вошедшие в фазу затмения полумесяцы. Майлз нашел это слегка успокаивающим. Он с размаху сел во вращающееся кресло. Но ботинок его по-прежнему продолжал отбивать по полу приглушенный ритм. Куинн посмотрела было на это, нахмурилась, открыла рот, закрыла и покачала головой. Он утихомирил собственную ногу и продемонстрировал Куинн зубы в быстрой и неискренней ухмылке. К счастью, прежде, чем его нервная энергия сумела воплотиться в еще более раздражающий окружающих навязчивый тик, появился Баз Джезек.

— Елена только что отбыла с «Сапсана», — доложил Баз, усаживаясь в свое любимое кресло и по привычке вызывая на комм-пульте интерфейс технической службы флота. — Она должна появиться через несколько минут.

— Хорошо, спасибо, — кивнул Майлз.

Когда Майлз впервые с ним встретился, инженер был высоким, тощим, темноволосым и потрясающе несчастным человеком чуть моложе тридцати; это было почти десять лет назад, тогда же, когда на свет появились Дендарийские наемники. Тогда флот состоял из самого Майлза, его телохранителя, дочери телохранителя, предназначенного на слом устаревшего грузовика с находящимся в суицидальной депрессии скачковым пилотом, плюс плохо продуманной схемы быстрого обогащения с помощью контрабанды оружия. Майлз в качестве лорда Форкосигана принял у База вассальную присягу еще прежде, чем изобрел адмирала Нейсмита. Теперь Базу было почти сорок, и он оставался точно таким же тощим и почти таким же темноволосым, и столь же молчаливым, но уже обладавшим невозмутимой самоуверенностью. Своей неподвижностью и скупыми движениями он напоминал Майлзу цаплю, затаившуюся в камышах на берегу озера.

Елена Ботари-Джезек, как и обещала, вошла в помещение вскоре за ним, и уселась рядом со своим мужем-инженером. Оба были сейчас на дежурстве, поэтому обозначили свою встречу лишь взаимными улыбками и быстрым касанием рук под столом. Она одарила улыбкой и Майлза. Во вторую очередь.

Из всего дендарийского Внутреннего круга, знавшего, что он — лейтенант лорд Форкосиган, Елена, безусловно, была к нему ближе всех. Ее отец, покойный сержант Ботари, был принесшим вассальную присягу оруженосцем и личным защитником Майлза с самого дня его рождения. Майлз и Елена, сверстники, выросли практически вместе, потому что графиня Форкосиган отнеслась с материнским интересом к девочке, наполовину сироте. Елена знала адмирала Нейсмита, лорда Форкосигана и просто Майлза лучше, чем кто бы то ни было во всей вселенной.

И предпочла выйти замуж за База Джезека… Майлз находил удобным и полезным думать о Елене как о собственной сестре. Молочной сестре, какой она была почти что взаправду. Она была такой же высокой, как и ее муж, с коротко подстриженными иссиня-черными волосами и бледной кожей цвета слоновой кости. Майлз по-прежнему видел в ее орлином профиле эхо черт лица сержанта Ботари, схожего физиономией с борзой; но

неведомой генетической алхимией свинец его уродства преобразился в золото ее красоты. «Проклятие, Елена, я все еще люблю тебя…» Майлз оборвал эту мысль. Теперь у него есть Куинн. Или, во всяком случае, она есть у адмирала Нейсмита — его половины.

Как дендарийский офицер Елена стала его лучшим творением. Он видел, как из робкой, вспыльчивой, неуравновешенной девочки, которой военная служба на Барраяре была недоступна из-за ее пола, она выросла до командира взвода, потом — специалиста по тайным операциям, затем — офицера штаба и, наконец, командующего кораблем. Ныне отставной коммодор Танг некогда назвал ее своим вторым самым лучшим учеником. Майлз иногда спрашивал себя, какая доля в его постоянной заботе о сохранении флота Дендарийских наемников была истинной службой Империи, какая — потаканием самым сомнительным аспектам его сложносоставной — или разломанной на части — личности, а какая — тайным даром Елене Ботари. Ботари-Джезек. Истинный мотив у этой истории мог быть весьма нечистым.

— С «Ариэля» по-прежнему нет ни слова, — начал Майлз безо всякого вступления; с этими людьми формальностей не требовалось. Все из ближайшего внутреннего круга, перед ними он мог осмелиться думать вслух. Он чувствовал, как его сознание расслабляется, вновь смешивая в единое целое адмирала Нейсмита и лорда Форкосигана. Он мог даже позволить себе пренебречь четко бетанским нейсмитовским акцентом, намеренным растягиванием слов, и позволить проскользнуть в свою речь нескольким гортанным барраярским ругательствам. Здесь на совещании без ругательств не обойдется, в этом он был искренне уверен. — Я хочу отправиться за ним.

Куинн коротко побарабанила ногтями по столешнице. — Этого я ожидала. Следовательно, не может ли этого же ожидать и малыш Марк? Он изучил тебя. Он хорошо понял твой характер. Может ли это быть ловушкой? Вспомни, как он тебя провел в прошлый раз.

Майлз поморщился. — Помню. Мысль о том, что это может быть некого рода подстава, уже посетила мой мозг. Это единственная причина, почему я не сорвался вслед за ними двадцать часов назад. — Сразу после того приведшего его в полное замешательство и спешно распущенного общего совещания. Дурацкое положение, в которое он попал, привело его в такое состоянии духа, что был готов на братоубийство. — Допустим, и звучит это резонно, сперва Бел оказался одурачен. Не вижу причин, почему бы нет, остальные ведь тоже были одурачены. Временная задержка дала Марку шанс проколоться, а Белу — увидеть все в истинном свете. Но в этом случае приказ о возвращении должен был уже привести «Ариэль» назад.

— Марк чертовски хорошо изображает тебя, — по личному опыту подметила Куинн. — Или как минимум изображал два года назад. Если не ждать подмены, так он смотрится в точности как ты в один из твоих худших дней. Внешнее сходство просто совершенно.

— Но Бел о такой возможности знает, — вставила Елена.

— Да, — произнес Майлз. — Значит, возможно, Бела не одурачили. А выбросили за борт.

— Марку была нужна эта — или любая — команда, чтобы управлять кораблем, — заметил Баз. — Хотя, возможно, новая команда его ждала по ту сторону тоннеля.

— Если он планировал такое откровенное пиратство и убийство, вряд ли ему понадобилось бы брать с собой отряд дендарийских коммандос, могущий оказать сопротивление. — Этот довод иногда бывал очень успокаивающим. Иногда. Майлз перевел дыхание. — А может быть, Бела подкупили.

Баз поднял брови. Куинн неосознанно чуть прикусила ноготь на мизинце правой руки.

— Как это подкупили? — переспросила Елена. — Не деньгами же. — Губы ее изогнулись в улыбке. — Или ты воображаешь, что Бел, сдавшись, отказался наконец от попыток тебя соблазнить и обратил внимание на следующий по качеству объект?

— Не смешно, — огрызнулся Майлз. Баз превратил весьма подозрительное фырканье в

осторожный кашель и невинно встретил горящий взгляд Майлза, но затем отвел глаза и подавился смешком. — В любом случае, эта шутка с бородой, — устало уступил Майлз. — Но тут есть связь с тем, что способен устроить Марк на Единении Джексона. Эта разновидность… черт, да просто работорговля, практикуемая различными джексонианскими скульпторами по телу, является глубочайшим оскорблением для прогрессивного бетанского духа Бела. Если Марк задумал в каком-то роде пощипать свою бывшую родину, он может просто уговорить Бела принять в это деле участие.

— За счет Флота? — вопросил Баз.

— Что граничит с мятежом, — неохотно согласился Майлз. — Я сейчас никого не обвиняю, а просто размышляю. Пытаюсь рассмотреть все возможности.

— В таком случае, возможно ли, что пунктом назначения Марка является вообще не Единение Джексона? — спросил Баз. — Из джексонианского локального пространства ведут еще четыре тоннеля. Может, «Ариэль» просто проходит там транзитом.

— Да, физически это возможно, — ответил Майлз. — Психологически же… я тоже изучил Марка. И хотя я не сказал бы, что хорошо понял его характер, но знаю, что в его жизни Единение Джексона занимает особое место. Это я нутром чую, и очень сильно. — «Как особо тяжелое несварение желудка».

— *Как* Марку удалось на этот раз нащупать наше слабое место? — спросила Елена. — Я думала, СБ должна отслеживать для нас все его перемещения.

— Они так и делают. Я регулярно получаю доклады из ведомства Иллиана, — тветил Майлз. — В последнем из них, который я читал в штаб-квартире СБ едва ли три недели назад, говорилось, что Марк по-прежнему на Земле. Но есть еще чертово временное запаздывание. Если он покинул Землю, скажем, четыре-пять недель назад, доклад об этом все еще в пути с Земли на Барраяр к Иллиану и затем ко мне. Готов держать пари на бетанские доллары против чего угодно, что в следующие пару дней к нам придет закодированное сообщение из штаб-квартиры, настоятельно нас предупреждающее, что Марк скрылся из поля их зрения. Снова.

— Снова? — переспросила Елена. — А что, он уже скрывался прежде?

— Пару раз. Фактически, трижды. — Майлз помедлил. — Понимаешь, каждый раз из этих трех за последние два года… я пытался сам выйти с ним на контакт. Приглашал его приехать сюда, прилететь на Барраяр, или по крайней мере встретиться со мной. И каждый раз он в панике уходил в подполье и менял имя, под которым живет, — это он весьма неплохо умеет делать, научился за все то время, что провел пленником комаррских террористов, — и люди Иллиана тратили недели или месяцы на то, чтобы снова его обнаружить. И Иллиан попросил меня больше не пытаться связаться с Марком без его, Иллиана, санкции. — Он с грустью подметил: — Моя мать так хотела, чтобы он приехал, но не пожелала, чтобы Иллиан приказал его похитить. Сперва я с ней согласился, а теперь сомневаюсь.

— Как твой клон, он… — начал Баз.

— Брат, — мгновенно поправил Майлз. — Брат. Я не признаю слова «клон» в отношении Марка. Запрещаю его так называть. «Клон» подразумевает нечто заменимое. А брат — кого-то единственного в своем роде. И, уверяю тебя, Марк уникален.

— В попытках угадать… следующие шаги Марка, — снова начал Баз, уже осторожнее, — можем ли мы вообще апеллировать к здравому смыслу? Он психически здоров?

— Если и да, комаррцы тут не при чем. — Майлз поднялся и снова принялся вышагивать вокруг стола, невзирая на раздраженный взгляд Куинн. Он избегал встречаться с ней глазами и вместо этого разглядывал собственные ботинки, серые на сером покрытии палубы. — Когда мы наконец узнали о существовании Марка, Иллиан приказал своим агентам всячески проверить его подноготную, как они только смогут. Отчасти, по-моему, в качестве компенсации за острую неловкость, испытываемую СБ от того, что за столько лет они его проворонили. Я видел все эти доклады. И все пытался посмотреть глазами Марка. —

Обогнуть угол стола, вдоль другой его стороны и обратно.

— Его жизнь в интернате для клонов Дома Бхарапутры была не особо плохой — они всячески нянчились с этими телами, — но после того, как его забрали комаррские повстанцы, она превратилась в нечто кошмарное. Его постоянно учили быть мной, но каждый раз, когда они думали, что достигли этого, я совершал что-нибудь неожиданное, и им приходилось начинать заново. Они постоянно меняли и уточняли свои планы. Этот заговор тянулся годы с того момента, как они в первый раз понадеялись на успех. Комаррцев была небольшая группа, и денег в их распоряжении было немного. Их руководитель, Сер Гален, по-моему сам наполовину спятил. — Снова и снова вокруг стола.

— Часть времени Гален обращался с Марком, как с величайшей надеждой комаррского восстания, баловал его и всячески настраивал на мысль, что, если все пойдет удачно, они собираются его сделать императором Барраяра. Но иногда Гален съезжал с катушек и видел в Марке живое генетическое воплощение нашего отца, и тогда тот превращался для Галена в козла отпущения, на котором он вымещал всю свою ненависть, питаемую к Форкосиганам и к Барраяру. Самые жесточайшие наказания, настоящие пытки, он маскировал — для себя самого, а, может, и для Марка, — под именем «дисциплинарного обучения». Кое-что из этих сведений агент Иллиана получил от одного из бывших подчиненных Галена при нелегальном допросе под фаст-пентой, так что все это чистая правда. — Еще круг, и еще.

— Например, очевидно, что у нас с Марком разный метаболизм. И вот всякий раз, когда вес Марка превосходил мои показатели, то вместо того, чтобы поступать по-умному и регулировать его аппетит с помощью медикаментов, Гален сперва целыми днями не давал ему есть, потом позволял обожраться, а затем с помощью шоковой дубинки заставлял его выполнять физические упражнения до тех пор, пока Марка не рвало. Вот такие странные вещи, от которых по-настоящему не по себе. Гален явно отличался был вспыльчивостью, по крайней мере в том, что касалось Марка. А может, он сознательно старался свести Марка с ума. Создать императора Майлза Безумного, проиграть заново сценарий царствования Юрия Безумного и разрушить систему барраярского правления сверху донизу. Однажды — как рассказал этот тип, — Марк попытался сбежать на ночь из дома, просто погулять ночью, и на какое-то время ему и вправду удалось от них удрать, пока громилы Галена не приволокли его назад. Гален совершенно свихнулся, обвинил его в попытке к бегству, взял свою шоковую дубинку и… — его взгляд остановился на бледнеющем на глазах лице Елены, и он торопливо подредактировал свой эмоциональный рассказ, — … и сделал кое-что совершенно мерзкое. — «И не способствовавшее приспособленности Марка к сексуальной жизни». По словам информатора, это было так ужасно, что даже собственные галеновские громилы умоляли его прекратить.

— Неудивительно, что он ненавидел Галена, — тихо проговорила Куинн.

Елена проницательно на него поглядела. — Ты ничего не мог бы с этим поделать. Тогда ты даже не знал о существовании Марка.

— Мы должны были знать.

— Верно. И до какой степени эта вина задним числом влияет на твое мышление сейчас, а, адмирал?

— Подозреваю, что в некоторой, — признался он. — Вот почему я созвал вас всех сюда. Я чувствую, что в этой ситуации мне необходимо себя перепроверять. — Он замолчал и заставил себя сесть обратно.

— Однако это не единственная причина. Прежде, чем началась эта заварушка и «Ариэль» ускользнул в червоточину, я собирался дать вам самое настоящее, доподлинное задание.

— Ха! — удовлетворенно произнес Баз. — Наконец-то!

— Новый контракт. — Несмотря на все свои проблемы, Майлз улыбнулся. — Пока не объявился Марк, я предназначал «Ариэлю» важную роль в задании, которое просто не может пойти неправильно. Полностью оплаченные каникулы.

— Что, не-боевая операция? — съязвила Елена. — Я думала, именно за это ты всегда

презирал старину Оссера.

— Я изменился. — Как всегда, он испытал краткую вспышку сожаления при имени покойного адмирала Оссера. — Его командная философия со временем выглядит все привлекательнее. Должно быть, я становлюсь старше.

— Или выше, — подсказала Елена. Они обменялись бесстрастными взглядами.

— Короче, — продолжил Майлз, — высшее командование Барраяра пожелало снабдить некую находящуюся в дальнем районе космоса независимую пересадочную станцию оружием лучшего качества, нежели то, что есть у них в настоящий момент. Станция Вега является, и не случайно, одной из задних дверей Цетагандийской империи. Однако так называемая «вакуумная республика» — неудобное образование в сети П-В туннелей. Куинн — карту, пожалуйста.

Куинн высветила на головиде трехмерную схему Станции Вега вместе с ее соседями. Скачковые маршруты обозначались сверкающими ломаными линиями между размытыми сферами локальных систем.

— Из трех скачковых точек, которыми располагает Станция Вега, один путь ведет в цетагандийскую сферу влияния через сатрапию Ола Три, один — блокирован Торанирой, которая выступает по отношению к Цетаганде то в роли противника, то союзника, а оставшийся — контролируется Сумерками Зоава, политически нейтральными в отношении Цетаганды, но подозрительно относящимися к своему большому соседу. — Пока он говорил, Куинн подсвечивала каждую из систем. — Ола Три и Торанира полностью блокируют возможности импорта на Станцию Вега любого вида крупных базирующихся в пространстве систем вооружения, как оборонительных, как и наступательных. Под давлением со стороны Цетаганды Сумерки Зоава неохотно, но присоединились к этому эмбарго на вооружение.

— Так как же в эту ситуацию попадаем мы? — спросил Баз.

— Через Тораниру, в буквальном смысле слова. Мы везем контрабандой вьючных лошадей.

— Чего? — переспросил Баз, но Елена уловила намек и неожиданно ухмыльнулась.

— Ты никогда не слышал этот рассказ? Из барраярской истории? Граф Зелиг Форкосиган воевал во времена Первого Кровавого Столетия с лордом Форвином из Хазелбрайта. Город Форкосиган-Вашный был осажден. Дважды в неделю патрули лорда Форвина останавливали одного совершенно сумасшедшего, шутовского вида типа с караваном вьючных лошадей и обыскивали его тюки в поисках контрабанды, еды или снаряжения. Но тюки всегда были полны мусора. Они в этих тюках шуровали, протыкали их насквозь, выворачивали — а он всегда собирал их содержимое обратно. Затем обшаривали и обыскивали его самого, и в конце концов им приходилось его отпускать. После войны один из пограничников Форвина случайно встретил в таверне вассала графа Зелига, и вид у того был совершенно нормальный. «Ну что же ты вез контрабандой?» с досадой спросил он. «Мы знали, что ты что-то везешь, но что именно?» И вассал графа Зелига ответил: «Лошадей». А мы везем контрабандой космические корабли. А именно: «Триумф», «Д-16» и «Ариэль», все — собственность флота. Мы входим в локальное пространство Станции Вега через Тораниру, ранзитным маршрутом, направляясь на Иллирику. Куда мы действительно и отправимся. Отбываем через Зоав, со всеми солдатами на борту, но за вычетом трех устаревших кораблей. Затем продолжаем путь к Иллирике и там забираем наши три совершенно новеньких военных корабля, чье строительство сейчас, пока мы разговариваем, завершается на иллирийских орбитальных верфях. Подарок к Зимнепразднику от императора Грегора.

Баз моргнул. — А это сработает?

— Не вижу причин, почему бы нет. Разрешения на изыскательские работы, взятки, визы и так далее — все на месте подготовят агенты СБ. Все, что нам нужно сделать — это пролететь насквозь, никого не всполошив. Войны нет, не должно прозвучать ни единого выстрела. Единственная проблема в том, что треть из списка моего товара только что отбыла к Единению Джексона, — с негромким фырканьем заключил Майлз.

— Сколько у нас времени на то, чтобы его вернуть? — спросила Елена.

— Не столь много, как нам требуется. Временной зазор, установленный СБ для этого сценария с контрабандой, достаточно гибок, но в пределах нескольких дней, а не недель. Флот должен покинуть Эскобар до конца этой недели. Изначально я планировал сделать это завтра.

— Значит, мы отправляемся без «Ариэля»? — спросил Баз.

— Придется. Но не с пустыми руками. У меня есть идея насчет замены. Куинн, передай иллирийские спецификации Базу.

Куинн склонилась над закодированным кубом данных на собственном комм-пульте и передала пакет сообщения на терминал База. Инженер принялся разбираться в рекламных роликах, описаниях, спецификациях и планах, предоставленных кораблестроителями с Иллирики. Его худое лицо осветила редкая улыбка. — Дед Мороз в этот Зимнепраздник щедр, — пробормотал он. Рот База приоткрылся от удовольствия, а глаза жадно забегали по тексту, когда он добрался до корабельных энергетических установок.

Майлз дал ему еще несколько минут, чтобы углубиться в эти данные. — Итак, — произнес он, когда Баз смущенно поднял голову, чтобы глотнуть воздуху. — Во флоте наиболее близкий по классу к «Ариэлю» корабль, если изъясняться в терминах функциональности и огневой мощи, — это «Стервятник» Трузилло. — К сожалению, Трузилло был капитаном-владельцем, имевшим независимый контракт с флотской корпорацией, а не наемным служащим флота. — Как ты думаешь, его можно будет уговорить на обмен? Корабль, который предназначен на замену, новее и быстрее, но по огневой мощи… если в сравнении с «Ариэлем» он представляет шаг вперед, то со «Стервятником» — небольшой шаг назад. Когда мы впервые обмозговывали эту сделку, я намеревался, чтобы мы все остались в прибыли, а не при своих.

Елена приподняла брови и усмехнулась. — Этот сценарий — один из твоих собственных, верно?

Он пожал плечами. — Да, Иллиан попросил меня разрешить эту проблему с эмбарго на вооружения. И согласился с моим решением.

— О-о, — промурлыкал Баз, по прежнему с головой погрузившись в данные, — подожди, пока Трузилло не увидит это… и вот это… и…

— Ты считаешь, что сможешь уговорить его? — спросил Майлз.

— Да, — с уверенностью ответил Баз. Он поднял голову. — И ты бы смог.

— Если бы не держал курс в другую сторону. Хотя если дела пойдут как надо, то не исключено, что я догоню вас попозже. Возлагаю на тебя ответственность за эту операцию, Баз. Куинн передаст тебе полный текст приказов, все шифры и имена людей, с которыми ты должен контактировать, — все, что мне дал Иллиан.

Баз кивнул. — Слушаюсь, сэр.

— Я беру «Сапсан» и отправляюсь за «Ариэлем», — добавил Майлз.

Баз с Еленой обменялись лишь одним, брошенным в сторону, взглядом. — Слушаюсь, сэр, — эхом отозвалась Елена почти без задержки. — Я вчера перевела «Сапсан» с суточной на часовую готовность. На какое время я должна зарегистрировать наш отлет у эскобарского полетного контроля?

— Через час. — И, хоть никто не попросил объяснений, он добавил: — «Сапсан» — следующий по скорости корабль в этой группировке, обладающий значительной огневой мощью, помимо «Стервятника» и самого «Ариэля». Я полагаю, что скорость будет важнее всего. Если мы сумеем опередить «Ариэль»… ну, гораздо легче предотвратить беспорядок, чем привести все в норму после него. Теперь я жалею, что не улетел вчера, однако я должен был предоставить происходящему возможность разрешиться легко. Куинн я прикомандировываю к себе в качестве мобильного штаба, поскольку она обладает весьма ценным предыдущим опытом по сбору разведданных на Единении Джексона.

Куинн потерла руку. — Если Марк направляется к Дому Бхарапутра, тот чертовски опасен. У них куча денег, множество всяких гадостей и хорошая память на месть.

— А почему, по твоему, я избегаю этого места? Есть еще одна опасность: кое-кто из джексонианцев может перепутать Марка с адмиралом Нейсмитом. Барон Риоваль, например.

Барон Риоваль оставался неизменной угрозой. Лишь три месяца назад дендарийцы покончили с последним наемным убийцей, которого Риоваль послал за скальпом адмирала Нейсмита; к настоящему моменту это был четвертый. Это стало ежегодной традицией. Возможно, Риоваль отправлял своих людей в каждую годовщину их первой встречи, в дань памяти? У Риоваля была не такая уж значительная власть и длинные руки, но он прошел курс омолаживающего лечения; он был терпелив и мог длить эту месть долгие, долгие годы.

— А ты рассматривал другое возможное решение проблемы? — медленно проговорила Куинн. — Послать кого-то вперед на Единение Джексона и предупредить их. Пусть, скажем, Дом Фелл арестует Марка и задержит «Ариэль» у себя, пока ты не прибудешь за ними. Фелл достаточно ненавидит Риоваля, чтобы защитить от него Марка только затем, чтобы тому досадить.

Майлз вздохнул. — Рассматривал. — Он принялся рисовать пальцем бесформенный узор на полированной поверхности стола.

— Ты просил нас о перепроверке, Майлз, — заметила Елена. — Так что в этой идее плохого?

— Она может сработать. Но если Марк действительно убедил Бела в том, что он — это я, то они могут оказать сопротивление при аресте. И, может, со смертельным исходом. У Марка паранойя насчет Единения Джексона. Я не знаю, как он поступит в панике.

— Ты слишком деликатен по отношению к чувствам Марка, — заметила Елена.

— Я пытаюсь сделать так, чтобы он мне доверял. Вряд ли можно начать этот процесс с того, что я его предам.

— А ты думал над тем, во что обойдется эта маленькая прогулка на сторону, когда счета лягут на стол Иллиана? — спросила Куинн.

— СБ заплатит. Без вопросов.

— Ты уверен? — переспросила Куинн. — Какой интерес представляет Марк для СБ теперь, когда он — лишь обломок потерпевшего крушение заговора? Барраяру больше не угрожает тайная подмена тебя на него. Я думала, они приглядывают за ним ради нас, в качестве любезности. И довольно дорогой любезности.

Майлз ответил, тщательно подбирая слова: — Прямая задача СБ — охранять Барраярскую Империю. Это значит не только охранять особу самого Грегора и вести в довольно большом объеме галактический шпионаж, — взмахом руки он подвел под это определение и Дендарийский флот, и обширную, хоть и тонко растянутую, сеть иллиановских агентов, военных атташе и информаторов, — но еще приглядывать за непосредственными наследниками Грегора. Не только за тем, чтобы защитить их, но чтобы защитить Империю от любого самого мелкого заговора с их стороны и не дать другим людям повода их использовать. Я острейшим образом сознаю, что вопрос, кто же именно является наследником Грегора, в настоящее время весьма запутан. И мне чертовски хочется, чтоб он женился и поскорее снял нас всех с крючка. — Еще одно долгое мгновение Майлз медлил. — По одному из толкований, лорд Марк Пьер Форкосиган в линии претендентов-наследников Барраярской Империи занимает место, уступающее только моему собственному. Это не просто превращает его в дело СБ, но в ее *первоочередное* дело. То, что я лично собираюсь преследовать «Ариэль», полностью оправдано.

— Может быть оправдано, — сухо поправила Куинн.

— Как угодно.

— Если Барраяр — как ты часто заявляешь — не принял бы тебя в качестве императора из-за подозрения в мутации, то, думаю, их хватят конвульсии при одной мысли, о том, что в императорском дворце может устроиться твой клон, — сказал Баз. — Брат-близнец, — поправился он торопливо, стоило Майлзу открыть рот.

— Не нужно исключительно благоприятных шансов заполучить Империю, чтобы возможность такой попытки уже сделалась проблемой СБ, — фыркнул Майлз. — Забавно.

Комаррцы всегда думали про своего лже-Майлза как про претендента-самозванца. Думаю, что ни они, ни Марк так и не поняли, что создали настоящего претендента. Ну, в любом случае для такого варианта я должен умереть первым, так что с моей точки зрения эта проблема абстрактная. — Он хлопнул по столу и поднялся. — Давайте-ка пошевеливаться, люди.

По пути к двери Елена спросила у него, понизив голос: — Майлз… а твоя мама видела эти жуткие доклады с результатами иллиановского расследования насчет Марка?

Он безрадостно улыбнулся. — Как ты думаешь, а кто распорядился это расследование провести?

Глава 5

Он принялся надевать полуброню. Сперва, прямо на тело, образчик самой современной из имеющихся на рынке технологий: сеть нейробластерной защиты. Генерирующая поле сетка была вплетена в ткань облегающего тело серого комбинезона; капюшон закрывал собственно голову, шею и лоб, так что из отверстия выглядывали лишь глаза, нос и рот. Так угроза одного из самых жутких видов противопехотного оружия, убивающего мозг нейробластера, сводилась к нулю. Плюс к этому такой костюм останавливал еще и луч парализатора. Доверься Нейсмиту — у него все самое лучшее, новейшее и изготовленное на заказ точно по фигуре… но должна ли эта эластичная ткань быть такой чертовски тугой?

Поверх костюма-сетки верхнюю часть тела прикрыла гибкая броня, остановившая бы любой снаряд — от маленьких ручных ракет до смертоносных зарядов игольника. К счастью, ее застежки можно было регулировать, а то бы он и дышать не смог. Он распустил их до максимума, превратив бесценную защиту в просто удобный и комфортный облегающий наряд. Поверх него он надел свободный — о блаженство! — серый камуфляжный комбинезон из рассчитанных на боевые условия ткани, которая не горит и не плавится. Затем последовали ремни и портупеи с парализатором, нейробластером, плазмотроном, гранатами, энергетическими батареями, сбруей и поводком обвязки, запасным кислородным баллоном. На плечи легли лямки, удерживающие аккуратный, плоский блок питания, который при первом столкновении с вражеским огнем образует персональное поле плазменного отражателя, причем с такой ничтожной задержкой, что у тебя просто не будет времени поджариться. Его хватало, чтобы поглотить тридцать или сорок прямых попаданий прежде, чем сдохнет батарея — и ее носитель. Название «полуброня» казалось просто неправильным: все это больше смахивало на тройную броню.

На обтянувшую ступни нейробластерную сеть он надел толстые носки, а потом — боевые башмаки Нейсмита. По крайней мере, башмаки ему подошли безо всякой неудобной подгонки. Какая-то неделя бездействия, и тело взяло свое, растолстев. Да у Нейсмита просто чертова анорексия, вот что! «Гиперактивный тип с анорексией». Он выпрямился. Когда вес этого огромного множества оборудования надлежащим образом распределился по телу, оно оказалось неожиданно легким.

На низком столике возле комм-пульта стоял в ожидании командный шлем. Темная пустота за лобовой кромкой по какой-то нездоровой причине наводила на мысль о пустом черепе. Он взял шлем в руки и повертел его на свету, жадно вглядываясь в изящные очертания. Его собственные руки могут управлять одним оружием, самое большее — двумя. А так, посредством людей, которыми он командует, он сможет управлять десятками — а в потенциале, сотнями или даже тысячами — стволов. В этой вещи настоящая сила Нейсмита.

Зазвучал зуммер; он подскочил, чуть не уронив шлем. Эту штуку можно было бы швырнуть об стену и ничем ей этим не повредить, но он все же поставил ее на место осторожно.

— Майлз? — раздался в интеркоме голос капитана Торна. — Ты как, готов?

— Да, заходи. — Он коснулся кодовой пластины, отпирающей дверь.

Вошел Торн, одетый, как и он сам, только капюшон был временно откинут. В

бесформенном комбинезоне Торн смотрелся уже не двуполым, а совсем нейтральным, бесполым существом — *солдатом* . Под мышкой Торн тоже держал командный шлем, чуть постарее и другой модели.

Торн обошел его кругом, останавливая взгляд на каждом оружии и крючке пояса, а затем проверил индикатор его батареи плазменного щита. — Отлично. — Что, капитан Торн обычно проверяет своего адмирала перед боем? Или у Нейсмита есть привычка отправляться в сражение, не застегнув ботинки или что-то в этом роде? Торн кивнул в сторону командного шлема, устроившегося на столике. — Ничего себе машина. Уверен, что справишься с ней?

Шлем казался новым, но не настолько. Он сомневался, что Нейсмит брал себе в личное пользование остатки подержанного военного оборудования, какую бы экономию он ни практиковал на флоте в целом. — Почему бы нет? — Он пожал плечами. — Раньше справлялся.

— Эти штуки, — Торн поднял свой собственный шлем, — сперва могут просто потрясти. Здесь не поток данных, здесь их целое наводнение. Ты должен научиться не замечать все, что тебе в данный момент не необходимо, иначе, может, и лучше вовсе его отключить. Так вот, ты… — Торн поколебался, — обладаешь теми же сверхъестественными способностями, что были у старины Танга: похоже, ты игнорируешь все, что сообщает тебе шлем, в момент самого поступления данных, и все же способен мгновенно вспомнить и выдернуть эту информацию на поверхность, когда она понадобится. Или каким-то образом оказываешься на нужном канале в нужное время. Словно твое сознание работает на двух уровнях сразу. Когда ты на адреналиновом пике, командная реакция у тебя невозможно быстрая. И тут возникает что-то вроде зависимости. Люди, долго работавшие с тобой, начинают на этот эффект рассчитывать и надеяться. — Торн замолк в ожидании.

«Что за реплики ждет от него Торн?» Он снова пожал плечами. — Сделаю все возможное.

— Знаешь, если ты все еще чувствуешь себя больным, можешь перепоручить эту вылазку мне.

— А я выгляжу больным?

— Ты сам не свой. Не хочешь же ты перезаразить весь отряд? — Торн казался напряженным, почти настойчивым.

— Теперь я в *порядке* , Бел. Отстань!

— Есть, сэр, — вздохнул Торн.

— Там все готово?

— Катер заправлен, боекомплект полон. Зеленый Отряд сейчас одевается и грузится на борт. Мы рассчитали время так, чтобы выйти на стационарную орбиту точно в полночь, прямо над главным медкомплексом Бхарапутры. Мы моментально высаживаемся, не дожидаясь, пока нам начнут задавать вопросы. Ударь и беги. Если все пойдет по плану, операция в целом должна занять примерно час.

— Отлично. — Его сердце забилось быстрее. Он замаскировал свое тяжелое дыхание под долгий вздох. — Давай, пойдем.

— Давай… сперва проверим связь в наших шлемах, а? — отозвался Торн.

Хорошая мысль: сделать это в тихой каюте, а не в шуме, возбуждении и напряженной обстановке десантного катера. — Хорошо, — ответил он и хитро добавил: — Не торопись.

В командирском шлеме использовалось больше сотни каналов связи, даже в этой ограниченной вылазке. Дополнительно к прямой голосовой связи с «Ариэлем», Торном и каждым десантником, на корабле, на катере и в самом шлеме были боевые компьютеры. Здесь были данные телеметрии всех видов, индикатор мощности оружия, сведения о тыловом обеспечении. Во все шлемы десантников были встроены видеокамеры (так что он мог видеть то же, что видят они, в инфракрасном, световом и ультрафиолетовом диапазоне), а также полномасштабный звук, медицинская телеметрия и головидеокарта. Голокарта интерната для клонов была специально занесена в память шлема, туда же был предварительно загружен план атаки и действий на случай некоторых непредвиденных

обстоятельств. Были и каналы, предназначенные для того, чтобы на месте перехватывать вражескую телеметрию. Торн уже зафиксировал частоты комм-линков охранников Бхарапутры. Была даже возможность перехватывать передачи коммерческого вещания с планеты, к которой они приближались. Когда он пробегал по этим каналам, эфир на мгновение наполнила резкая музыка.

Они закончили проверку, и оказалось, что они с Торном уставились друг на друга в неловком молчании. Лицо Торна было осунувшимся и встревоженным, словно тот боролся с каким-то подавляемым, загоняемым вглубь чувством. *Вины?* Странное впечатление. Конечно же, нет. Торн не мог его раскусить, а то объявил бы отбой всей операции.

— Нервы шалят перед боем, Бел? — непринужденно произнес он. — Я-то думал, ты любишь свою работу.

Торн, вздрогнув, очнулся от своей рассеянности и прекратил жевать губу. — Да, люблю. — Капитан глубоко вздохнул. — Приступим.

— Пойдем! — согласился он, и наконец-то вышел из своей уединенной кабины-берлоги в ярко освещенный коридор: в населенную людьми реальность, созданную его собственными — собственными! — действиями.

Шлюзовый коридор катера напоминал картинку первой встречи, только прокрученную в обратном направлении: гигантские, неповоротливые десантники-дендарийцы один за другим покидали коридор, а не заполняли его. В этот раз они казались спокойнее, не вели себя так по-дурацки, не острили. Более по-деловому. И еще теперь у них были имена — заполонившие его командирский шлем, — которые позволят ему их не путать. На каждом из них была того или иного вида полуброня и шлем, и они несли множество тяжелого вооружения плюс к такому же ручному оружию, какое было у него.

Он осознал, что теперь, когда он знает историю чудовищного сержанта, то глядит на нее другими глазами. В журнале было сказано, что ей всего девятнадцать, хотя выглядела она старше. Четыре года назад, когда Нейсмит похитил ее из Дома Риоваль, ей было всего шестнадцать. Он украдкой покосился на нее, пытаясь увидеть в ней девочку. Его самого забрали в четырнадцать, восемь лет назад. Сроки их пребывания в Доме Бхарапутра в качестве пленника и генетического конструкта частично совпадали, хотя он ни разу ее не встречал. Исследовательские лаборатории генной инженерии были в другом городе, нежели основной хирургический комплекс. Дом Бхарапутра был обширной организацией, в некоем странном джексонианском смысле — почти отдельным государством. Если не считать, что на Единении Джексона не было государств.

Восемь лет. «Никого из тех, кого ты знал, нет в живых. Ты ведь понимаешь это, верно?»

«Если я не могу делать то, что хочу, то по крайней мере сделаю то, что могу.»

Он шагнул к ней. — Сержант Таура! — Она обернулась, и брови у него в изумлении поползли вверх. — *Что* это у вас на шее? — На самом деле, он прекрасно видел, что: широкий и пушистый розовый воротник. Он подумал, что правильным вопросом было бы: «*Зачем* это у вас на шее?»

Она… улыбнулась ему (он посчитал, что эта отталкивающая гримаса была улыбкой) и распушила воротник еще сильнее своей огромной когтистой рукой. Сегодня вечером лак у нее на когтях был ярко-розовый. — Как думаешь, это сработает? Мне хотелось надеть что-то, чтобы не испугать детишек.

Он оглядел снизу вверх два с половиной метра полуброни, камуфляжа, башмаков, патронташей, мускулов и клыков. «Почему-то мне кажется, что этого будет недостаточно, сержант…» — Разумеется… стоит попробовать, — выдавил он. Значит, она сознает, насколько необычен ее внешний вид. «Идиот! А как с ней может быть иначе? Ты же сознаешь необычность своего.» Теперь он почти жалел, что раньше, во время путешествия, не осмелился выбраться из своей каюты и познакомиться с ней. «Девочка из моего родного города».

— На что похоже это ощущение — возвращаться назад? — внезапно спросил он,

кивком куда-то в неопределенном направлении обозначив приближающуюся зону высадки в Доме Бхарапутра.

— Оно странное, — призналась она; ее густые брови нахмурилась.

— Тебе знакома эта посадочная площадка? Ты когда-нибудь раньше здесь была?

— В этом медкомплексе — нет. Я почти никогда не покидала генетической лаборатории, если не считать пары лет, которые я прожила у нанятых для меня приемных родителей. А это было в том же городе.

Она повернула голову и голосом на октаву ниже рявкнула приказ о погрузке оборудования одному из своих людей. Тот ответил коротким взмахом руки и поспешил повиноваться.

Затем она повернулась к нему, и ее голос снова смягчился до застенчивого, сдержанного и легкого тона. Ничем другим она не демонстрировала интимность их отношений, неуместную на службе; похоже, они с Нейсмитом были осторожными любовниками, если вообще были. Это благоразумие его успокоило. — Я не особо выходила наружу, — добавила она.

Он сам понизил голос. — Ты их ненавидишь? — «Как я». Еще один своего рода интимный вопрос.

Ее большие губы задумчиво скривились. — Думаю… они ужасно обращались со мной, когда я росла, но в то время мне это не казалось жестоким. Было множество неприятных анализов и исследований, но все они были для науки, в них не было намерения сделать мне больно. И мне действительно не причиняли настоящей боли, пока меня не продали Риовалю, когда отменили проект с супер-солдатами. То, что хотел сделать со мной Риоваль, было дико и неестественно… но это просто в природе самого Риоваля. Это все Бхарапутра. Которому не было до меня дела. Который выбросил меня прочь. Это *было* больно. Но когда появился *ты* … — Она просветлела. — Рыцарь в сверкающей броне и все такое прочее.

Он мысленно ответил привычным, грубым, негодующим жестом. «Да пошел он в задницу, этот рыцарь в сверкающей броне, вместе со своей лошадью. Черт побери, я тоже могу спасать людей!»

К счастью, в этот момент она оглядывалась вокруг и не уловила вспышки гнева на его лице. А, может, приняла ее за гнев на их бывших мучителей.

— Но несмотря на все это, — тихо проговорила она, — если бы не Дом Бхарапутра, меня бы не было на свете. Они меня сделали. Я живу, сколько бы эта жизнь ни длилась… должна ли я отплатить смертью за жизнь? — На ее странном, неправильном лице все сильнее проступала задумчивость.

Он запоздало сообразил, что это умонастроение — совсем не тот безупречный энтузиазм, который следует внушать участвующему в боевой высадке десантнику. — Не… обязательно. Мы здесь, чтобы спасать клонов, а не чтобы убивать служащих Бхарапутры. Убивать мы станем только в случае сопротивления, верно?

Отличный нейсмитизм; она подняла голову и ухмыльнулась ему. — Я так рада, что ты чувствуешь себя лучше… Я жутко волновалась. Хотела повидать тебя, но капитан Торн не позволил. — Глаза ее горели теплым ярко-желтым пламенем.

— Да, я был… сильно нездоров. Торн поступил правильно. Но… может, мы сможем еще поболтать на обратном пути. — Когда все будет закончено. Когда он завоюет право… *право на что* ?

— Свидание назначено, адмирал. — Она *подмигнула* ему и выпрямилась, потрясающе счастливая. «Что я только что обещал?» А она двинулась вперед присмотреть за своим отрядом — снова, как полагается, в своей сержантской ипостаси.

Он последовал за ней в боевой десантный катер. Освещение здесь было приглушенней, воздух — прохладней, и, разумеется, здесь не было силы тяжести. Он плыл от захвата к захвату следом за капитаном Торном, мысленно расчерчивая при этом место на полу под их предполагаемый груз. Двенадцать или пятнадцать рядов ребятишек, по четверо в ряд… набьется полное помещение. Катер был рассчитан, чтобы нести на борту два отряда плюс

бронированные парящие машины, либо целый полевой госпиталь. На корме был пункт первой помощи, включающий в себя четыре откидные койки и переносную криокамеру для неотложных случаев. Дендарийский десантник-медик проворно обустраивал свою территорию и пристегивал необходимые ему принадлежности. Бесшумно двигающиеся солдаты в комбинезонах закрепляли все предметы, гула голосов почти что не было. Для всего свое место, и каждая вещь — на этом месте.

Пилот катера был уже в своем кресле. Торн занял место второго пилота, а он сел в кресло связиста сразу за спиной Торна. Сквозь лобовое стекло он мог видеть далекие колючие звезды, ближе — подмигивающие разноцветные огоньки, свидетельствующие о человеческой деятельности, а на самой границе видимости просматривалась тонкая изогнутая полоска — край планеты. Почти что дом. В желудке у него забурлило, и не только от нулевой гравитации. Напряжение стянуло голову пульсирующим обручем под ремнями шлема.

Пилот включил интерком. — Сверь численность людей, Таура. У нас пять минут, чтобы уравнять орбиты, потом мы отстреливаем крепления и ныряем.

Через мгновение отозвался голос сержанта Тауры. — Проверено. Все солдаты пристегнуты, люк задраен. Мы готовы. Давай — повторяю — давай.

Торн оглянулся через плечо и ткнул пальцем. Он торопливо пристегнул ремни, и вовремя. Ремни крепко впились в тело, и его замотало из стороны в сторону, когда «Ариэль» задрожал на своей стационарной орбите — эффект ускорения, который искусственная гравитация большого корабля на палубах компенсировала и сводила к нулю.

Пилот поднял руки и резко опустил их, словно музыкант, исполняющий крещендо. Звучный, потрясающе громкий лязг эхом отдался во всем корпусе катера. Из отсека за пилотской кабиной раздались в ответ улюлюканье и вопли. «Когда они говорят 'ныряем'», в дикой панике подумал он, «они именно это и имеют в виду». Звезды и планета за лобовым стеклом поворачивались, вызывая тошноту. Он прикрыл глаза; желудок пытался выбраться наружу через пищевод. Внезапно он сообразил, что в полной космической броне есть одно неочевидное преимущество: если обделаешься от ужаса при посадке, отводная система костюма об этом позаботится, и никто никогда не узнает.

Воздух завизжал вокруг внешнего корпуса корабля, когда они вошли в ионосферу. Привязные ремни попытались разрезать его на ломтики, словно яйцо. — Весело, а? — проорал Торн, идиотски скалясь; от торможения лицо капитана перекосилось, губы обвисли. Они направлялись прямо вниз, или, во всяком случае, туда был нацелен нос катера — хотя кресло пыталось катапультировать его в потолок кабины с силой, которой хватило бы, чтобы свернуть ему шею и размозжить череп.

— Очень надеюсь, что на пути у нас никого не окажется, — жизнерадостно заорал пилот. — Понимаете ли, ничей полетный контроль нам этот путь не расчищал!

Он вообразил себе столкновение в воздухе со здоровенным коммерческим пассажирским катером… с пятью сотнями женщин и детей на борту… огромная черно-желтая вспышка и разлетающиеся по дуге тела…

Он пересекли терминатор и вошли в сумерки. Затем в темноту, в кучевые облака… в еще большие облака… катер дрожал и ревел, как сумасшедшая труба… и по-прежнему, он мог поклясться, они нацеливались прямо вниз, хотя не знал, каким образом пилот мог сказать это в таком ревущем тумане.

Затем внезапно они оказались на высоте полета атмосферного катера, облака были выше, огни города рассыпались под ними, словно драгоценные камни по ковру. Только этот атмосферный катер падал камнем. Позвоночник его сжимался, все сильнее и сильнее. Снова жуткий скрежет, когда катер выпустил посадочные опоры. Под ними увеличивалась в размерах масса полуосвещенных зданий. Темный дворик для игр…. *черт, вот оно, вот оно!!* Здания вырастали вокруг них, над ними. Глухой стук — хруст — хруст. Прочное приземление, на все шесть опор. Тишина его ошеломила.

— Отлично, пошли! — Торн вскочил с места: лицо раскраснелось, глаза сверкают —

была ли это жажда крови, тревога или то или другое вместе, он сказать не мог.

Он затопал по пандусу вслед за дюжиной дендарийцев. Глаза его уже наполовину приспособились к темноте, а в медкомплексе вокруг было достаточно света, рассеянного в прохладном и туманном полуночном воздухе, так что проблем со зрением не было, хотя изображение было почти бесцветным. Тени выглядели черными и зловещими. Сержант Таура, молча, знаками разделила свой отряд на части. Никто не шумел. На молчаливые лица ложились золотистые отблески коротких стаккато световых вспышек, когда видеокамеры шлемов передавали тот или иной фрагмент данных, спроецировав его в строну от линии взгляда. Одна дендарийка, с дополнительной оптикой на шлеме, выкатила из катера свой одноместный парящий мотоцикл, оседлала его и тихо взмыла в темноту. Прикрытие с воздуха.

Пилот остался на борту. Таура отсчитала еще четверых дендарийцев. Двое исчезли в тени внешнего периметра, двое остались у катера как арьергард. На эту тему они с Торном уже спорили. Торн хотел оставить большее число человек на периметре. Он же нутром чуял, что в интернате для клонов им понадобится как можно больше солдат. Гражданская охрана госпиталя не представляет собой особой опасности, и ей понадобится время, чтобы вызвать к себе хорошо вооруженное подкрепление. К этому времени дендарийцы уже уберутся, если смогут заставить клонов двигаться достаточно быстро. Уже задним числом, он проклял себя за то, что там, на Эскобаре, не затребовал два отряда десантников вместо одного. Он мог бы это сделать с той же легкостью, но тогда был поглощен расчетами пассажирской вместимости «Ариэля» и хотел сэкономить жизнеобеспечение для финального бегства. Так много факторов было необходимо уравновесить!

Собственный шлем обрамлял его поле зрения разноцветной путаницей кодов, цифр и диаграмм. Он учил их все, но сейчас они мелькали слишком быстро; к моменту, когда он успевал ухватить взглядом и расшифровать одну, как она уже исчезала, а на ее месте появлялась другая. Он воспользовался советом Торна и, шепотом ругнувшись, приглушил яркость до бледного галлюцинаторного свечения. Слуховые каналы не так мешали: никто не болтал сверх необходимого.

Он, Торн и оставшиеся семеро дендарийцев рысцой двинулись за Таурой — она сама просто шагала — меж двух смежных зданий. Переключив шлем на аудиоканалы охранников Бхарапутры, он обнаружил, что те зашевелились. Это были самые первые реплики — «Что за черт!», «Ты это слышал?», «Джо, проверь сектор 4» — и мешанина ответов на них. Дальше будет больше, в этом он был уверен, но не имел никакого намерения дожидаться этого продолжения.

За угол. *Здесь* . Трехэтажное симпатичное белое здание, со множеством растений, декорированных лужаек, с большими окнами и балконами. Не совсем больница, не совсем общежитие — неопределенная, неясная, не выдающая своего предназначения постройка. На джексонианском двусмысленном языке она именовалась «Домом жизни». «Дом смерти. Мой милый старый дом.» Дом был ужасающе знакомым и ужасающе чужим. Когда-то он казался ему просто великолепным. А теперь… меньшим, чем помнился.

Таура подняла плазмотрон, перевела его на широкий луч, и запертая стеклянная дверь распалась в воздухе расплавленными оранжевыми, белыми и голубыми брызгами. Дендарийцы метнулись туда, рассыпавшись направо и налево, прежде, чем перестали светиться раскаленные капельки стекла. Один из них занял позицию, позволяющую держать под наблюдением первый этаж. Обычная и пожарная сирена смолкли: дендарийцы, проходя мимо, навскидку расстреливали источник шума из плазмотрона, — но устройства в отдаленных частях здания издавали отдаленный вой. От автоматических пожарных гидрантов у них на пути было полно пара и грязи.

Он побежал, догоняя остальных. Перед ними в коридор вывалился охранник в бхарапутрянской форме — коричневой с розовой отделкой. Выстрелы трех дендарийских парализаторов одновременно уложили его, а луч собственного парализатора охранника, никому не повредив, ушел в потолок. Таура и две дендарийки нырнули в лифтовую шахту,

ведущую на третий этаж; еще один десантник двинулся за ними в надежде, что шахта выведет его на крышу. Он повел Торна и оставшихся дендарийцев в фойе второго этажа и затем налево. Двоих невооруженных взрослых — одной из них была женщина в ночной рубашке, натягивающая платье, — свалили в тот же миг, как они показались в коридоре. Здесь. За той двустворчатой дверью. Она была заперты, и кто-то бился в нее изнутри.

— Мы выломаем дверь, — крикнул Торн находящимся по ту сторону. — Отойдите прочь, чтобы вам не причинили вреда. — Удары прекратились. Торн кивнул. Солдат перевел плазмотрон на узкий луч и срезал металлический язычок замка. Пинком Торн выбил дверь, она распахнулась.

Светловолосый юноша отступил на шаг, в изумлении уставившись на Торна. — Вы не пожарник!

За спиной блондина коридор заполнила толпа высоких парней. Себе самому ему не пришлось напоминать, что это — кучка десятилеток, но в восприятии остальных десантников он не был так уверен. Здесь были представлены все разновидности роста, сложения и расы — куда более пестрое сборище, нежели тот, похожий на греческого бога, парень, так уместный в окружении этих садов и фонтанов. Их билетом в жизнь было личное состояние, а не красота. Хотя каждый из них лучился здоровьем, насколько позволяли особенности его наследственности. На всех были одинаковые пижамы — бронзово-коричневая курточки с шортами. — Выходи! — прошипел Торн и вытолкнул его вперед. — Давай, говори.

— Выясни, сколько их должно быть, — процедил он уголком рта, проходя мимо Торна.

— Хорошо.

Десять тысяч раз, во всех возможных вариантах он мысленно репетировал речь для этого решающего момента. Единственным, что он знал наверняка, было: он не собирается начинать ее со слов «я — Майлз Нейсмит.» Сердце его колотилось со всей силой. Он втянул в себя здоровенный глоток воздуха. — Мы — Дендарийские наемники, и мы здесь, чтобы спасти вас.

Выражение на лице парня было смесью отвращения, паники и насмешки. — Ты похож на гриб, — откровенно высказался тот.

Это было настолько… настолько *не по сценарию* . Тысячу раз репетируя свою вторую реплику, он он ни разу не проигрывал ответ на вот это. На самом деле, со своим командным шлемом и прочим снаряжением он, может, и выглядел как бледная поганка — совсем не тот героический образ, на который он столь надеялся…

Он снял шлем, откинул капюшон и обнажил зубы в улыбке. Парень отшатнулся.

— Слушайте, вы, клоны! — заорал он. — Тайна, которую вам, наверное, передавали шепотом — правда. Каждый из вас стоит в очереди на убийство к хирургам Дома Бхарапутра. Они запихнут вам в голову чужие мозги, а ваши собственные — выбросят. Вот куда один за другим отправлялись ваши друзья: к своей смерти. Мы здесь, чтобы забрать вас на Эскобар, где вы найдете убежище. — Не все мальчики собрались в коридоре в первых рядах; вновь подходящие, в задней части толпы, начали отступать и пятиться обратно в свои комнаты. От них начал доноситься ропот, вопли, крики. Один темноволосый паренек попытался проскользнуть мимо них в коридор за двустворчатую дверь; десантник сграбастал его в стандартном захвате, вывернув руку. Тот заорал от боли и неожиданности, и этот звук и шок ударили в остальных, словно волна. Парень безо всякого эффекта вырывался из железной хватки десантника. Сам десантник выглядел сердито и неуверенно; он уставился на командира, словно ожидал от него каких-то указаний или приказов. — Берите ваших друзей и следуйте за мной! — отчаянно завопил он пятившимся мальчишкам. Блондин развернулся на месте и бросился бежать.

— Не думаю, что они купились, — заметил Торн. Лицо гермафродита было бледным и напряженным. — Может, реально будет легче парализовать их всех и нести. Мы не можем себе позволить терять здесь время, уж не с этим чертовски слабо охраняемым периметром.

— Нет…

Его вызвыал шлем. Он снова нахлобучил его. Бормотание комм-линка ворвалось ему в уши, но его перебивал глубокий голос сержанта Тауры, отдельно усиленный ее личным каналом. — Сэр, нам нужна ваша помощь — тут, наверху.

— Что такое?

Ее ответ потерялся, перекрытый голосом женщины с парящего мотоцикла: — Сэр, тут три или четыре человека слезают с балконов того здания, где вы находитесь. А группа из четырех охранников Бхарапутры приближается к вам с севера.

Он яростно принялся разбираться с каналами, пока не нашел тот, который связывал его с воздушным прикрытием. — Не позволяй никому уйти!

— Но как мне остановить их, сэр? — едко переспросила она.

— Парализатором, — беспомощно предложил он. — Стой! Не парализуй никого из висящих на балконе, подожди, пока они не спустятся на землю.

— У меня может не оказаться свободной линии огня.

— Сделай, что можешь. — Он отключил ее и снова нашел Тауру. — Чего ты хочешь, сержант?

— Хочу, чтобы ты пришел поговорить с одной сумасшедшей девчонкой. Ты сможешь убедить ее там, где никто другой не сможет.

— Здесь внизу дела… не совсем под контролем.

Торн закатил глаза. Плененный паренек принялся колотить голыми пятками по ногам дендарийского десантника. Торн установил свой парализатор на минимум и коснулся им основания шеи извивающегося мальчишки. Тот содрогнулся и безвольно повис; но по-прежнему оставаясь в сознании, с затуманенными и полными паники глазами, парень принялся рыдать.

В порыве трусости он заявил Торну: — Собери их в кучу. Любым способом, каким сможешь. А я пойду помогу сержанту Тауре.

— Сделай это, — прорычал Торн явно неподходящим для подчиненного тоном. — Ты и ты: займите эту сторону. Ты — другую. Вышибайте эти двери…

Он постыдно сбежал под звук крошащегося пластика.

Наверху дело обстояло тише. Девочек там было намного меньше, чем мальчиков: та же диспропорция, которая существовала и в его время. Он часто спрашивал себя, почему. Он перешагнул через тело здоровенной парализованной охранницы и последовал по карте, проекцию которой выдал его шлем, к сержанту Тауре.

Дюжина или около того девочек сидела на полу «по-турецки», заложив руки за голову, под угрозой парализатора, которым размахивала одна из дендариек. Их пижамные курточки и шорты были из розового шелка, но в остальном такими же, как и у мальчишек. Выглядели они испуганными, но по крайней мере сидели тихо. Он шагнул в соседнюю комнату и обнаружил там Тауру вместе со второй дендарийкой, стоящих напротив высокой девочки-евразийки. Та сидела за комм-пультом, агрессивно скрестив руки. На месте видео-пластины была дымящаяся дыра от выстрела плазмотрона, свежая и еще горячая.

Девочка повернула голову от Тауры к нему и снова обратно к Тауре. Ее длинные черные волосы взметнулись. — Госпожа моя, ну и цирк! — хлестнул презрением ее голос.

— Она отказывается двинуться с места, — сказала Таура. Голос ее был странно обеспокоенным.

— Девочка, — коротко кивнул он ей. — Если ты останешься здесь, ты — труп. Ты — клон. Твое тело предназначено для того, чтобы его украла твоя прародительница. Твой мозг вынут и уничтожат. И может быть, очень скоро.

— Я знаю, — произнесла она пренебрежительно, словно он был лепечущим идиотом.

— Что?! — У него отвалилась челюсть.

— Я знаю. Я совершенно согласна со своим предназначением. Моей госпоже требуется, чтобы это было так. Я во всем служу своей госпоже. — Она вздернула подбородок, и ее глаза на мгновение заволокло таким мечтательным, абстрактным обожанием, какого он и представить себе не мог.

— Она позвонила в Службу Безопасности Дома — коротко доложила Таура, кивнув в сторону дымящегося головида. — Описала нас, нашу одежду и вооружение — даже оценила нашу приблизительную численность.

— Вам не разлучить меня с моей госпожой, — торжественно заявила девочка с коротким, холодным кивком. — Охранники схватят вас и спасут меня. Я — очень важная персона.

Как, черт побери, бхарапутрянам удалось вывернуть этой девочке мозги наизнанку? «И способен ли я на обратное действие — за тридцать секунд или того меньше? Не думаю.» — Сержант, — он набрал воздуху в грудь и на выдохе выпалил, вернее, оживленно пискнул: — Парализуй ее.

Девочка-евразийка попыталась нырнуть за что-то, но рефлексы сержанта были молниеносны. Луч парализатора ударил девочку в прыжке точно между глаз. Таура перепрыгнула через комм-пульт и подхватила голову девочки прежде, чем та стукнулась об пол.

— Они у нас все здесь? — спросил он.

— Как минимум две убежали по пожарной лестнице прежде, чем мы успели их остановить, — нахмурившись, доложила Таура.

— Их парализуют, если они попробуют покинуть здание, — заверил он ее.

— А что, если они спрячутся внизу? На их поиски понадобится время. — Таура на мгновение скосила свои темно-желтые глаза, чтобы считать данные хроно внутри шлема. — Сейчас нам всем уже нужно быть на обратном пути к катеру.

— Только секунду. — Он с большим трудом переключался с канала на канал, пока снова не нашел Торна. Вдалеке, приглушенный аудиоканалом до писка, чей-то голос вопил:» …кин сын! Ах ты, маленький..!»

— *Что?!* — обеспокоенно огрызнулся Торн. — Ты все еще собираешь девчонок?

— Одну пришлось парализовать. Ее может понести Таура. Слушай, ты уже сверил их количество?

— Да, взял данные с комм-пульта в комнате смотрителя. Тридцать восемь мальчиков и шестнадцать девочек. У нас не хватает четырех ребят — они явно сбежали через балкон. Рядовая Филиппи отчиталась о троих, но говорит, что четвертого не обнаружила. Как у тебя?

— Сержант Таура сообщает, что две девочки сбежали по пожарной лестнице. Посмотрите там насчет них. — Он осмотрелся, вглядываясь сквозь изображения своего видео-дисплея, кружащиеся и переливающиеся, как северное сияние. — Капитан Торн говорит, что здесь должно быть шестнадцать тел.

Таура высунула голову в коридор, шевеля губами в подсчете, затем повернулась поглядела на парализованную девочку. — Недостает еще одной. Кестертон, пройдись по этажу, проверь шкафы и погляди под кроватями.

— Есть, сержант. — Дендарийка поспешила повиноваться.

Он двинулся за ней, в то время как в ушах у него звучал подстегивающий голос Торна: — Пошевеливайтесь, там! План был «налететь и схватить», не забыл? У нас нет *времени* сгонять в кучу отбившихся от стада.

— Черт, *подожди* же.

Обыскивая третью по счету комнату, десантница нагнулась, чтобы заглянуть под кровать, и произнесла: — Ха! Я ее поймала, сержант! — Она резко наклонилась, ухватила за пару лягающихся щиколоток и дернула. Ее добыча выскользнула на свет: невысокая девочка-женщина, в розовой запашной курточке и шортах. Она беспомощно издавала какой-то приглушенный скулеж, даже не надеясь на то, что на ее крики появится помощь. Платиновые кудряшки спадали каскадом, но самой примечательной особенностью ее внешности был сногсшибательный бюст, огромные массивные шары, которые не мог сдержать натянувшийся розовый шелк ее курточки. Она перекатилась на колени, села на пятки и подняла руки, прижав и обхватив пышную плоть, словно все еще не привыкла к такой груди и испытывала потрясение, обнаружив ее у себя.

«Десять лет. О черт.» Выглядела она на двадцать. И такая чудовищная гипертрофия не могла быть естественной. Должно быть, клиентка-прототип заказала выполнить эту пластику по телу прежде, чем вступит во владение им. Имеет смысл: пусть хирургические и метаболические страдания достанутся клону. Крошечная талия, округлые бедра… интересно, судя по этой преувеличенной, физически спелой женственности, не собираются ли перенести в нее личность человека, меняющего пол?

Почти наверняка. И на операцию ее должны назначить очень скоро.

— Нет. Уходите прочь, — хныкала она. — Уйдите, отстаньте от меня… за мной мама приедет. Она приедет за мной *завтра* . Уйдите, отстаньте, я хочу встретиться с *мамочкой* …

Он подумал, что эти крики и вздымающаяся… грудь скоро сведут его с ума. — Эту парализуйте тоже, — хрипло каркнул он. Им придется ее нести, но по крайней мере не придется выслушивать.

Лицо десантницы было пунцовым — она так же остолбенела и смутилась от столь гротескного телосложения девочки, как и он сам. — Бедная куколка, — прошептала она и из милосердия отключила девочку легким прикосновением парализатора к шее.

Из шлема раздался вызов, причем он не был уверен, кто из десантников говорит. — Мы только что обезвредили с помощью парализаторов пожарную команду Дома Бхарапутры. На них не было защитных противо-парализаторных костюмов. Но на сотрудниках их службы безопасности, которые к этому моменту подошли, такие костюмы были. Они прислали новый отряд, вооруженный более мощным оружием. Игра на парализаторах подходит к концу.

Он принялся переключаться в шлеме с одного изображения на другое, пытаясь определить на голокарте, где же находится этот десантник. Но прежде, чем он успел это сделать, в эфир ворвался задыхающийся голос десантницы из воздушного прикрытия: — Тяжело вооруженный бхарапутрянский отряд окружает ваше здание с юга, сэр. Тут снаружи их до черта. Здесь вот-вот станет по-настоящему скверно.

Дендарийке с ее ношей — женщиной-куклой — он махнул рукой: «выходи, я за тобой!» — Сержант Таура! — позвал он. — Вы принимаете эти рапорты?

— Да, сэр. Ну-ка, начали!

На одно широкое плечо сержант Таура закинула девочку-евразийку, на другое — блондинку — явно не замечая из веса, — и они погнали кучку испуганных девчонок вниз по лестнице. Таура заставила их идти парами, держась за руки, отчего те шли гораздо организованней, чем он ожидал. Когда они направились к спальным мальчиков, молчавшие девочки потрясенно залопотали. «Нам туда нельзя!» — вся в слезах, попыталась возразить одна из них. — «У нас будут неприятности».

Торн уложил шестерых парализованных мальчишек на пол коридора лицом вверх, а оставшиеся двадцать с небольшим стояли в ряд, опершись на стену, — ноги расставлены, руки вытянуты, типичная поза пленных под контролем. Пара нервничающих солдат покрикивала на них, заставляя оставаться на месте. Кое-кто из клонов выглядел разозленным, некоторые плакали, и все были до смерти перепуганы.

Он в смятении взглянул на груду жертв парализатора. — Как мы их всех потащим?

— Заставим одних нести других, — ответила Таура. — Тогда наши руки будут свободны, а их — связаны. — Она мягко сложила на пол свою ношу в конце ряда.

— Отлично, — сказал Торн, с трудом отрывая свой завороженный взгляд от женщины-куколки. — Уорли, Кестертон, давайте… — он замолк, когда перебиваемое помехами аварийное сообщение перекрыло каналы в обоих командирских шлемах. Кричала десантница на мотоцикле: «Сукин ты сын, катер! … осторожно, ребята, слева от вас…» — жаркая волна помех, затем»… ох, срань господня!..» — и тишина, заполненная лишь гулом опустевшего канала.

Он отчаянно принялся переключаться на телеметрию — любую телеметрию! — с ее шлема. Маячок еще работал, показывая ее положение на земле между двумя зданиями позади игровой площадки, где стоял катер. Медицинская телеметрия давала ровную линию.

Мертва? Конечно, нет, должны быть еще как минимум показатели биохимии крови… неподвижный, пустой кадр, передаваемый с такой позиции, словно камера смотрит вверх, в ночной туман, наконец-то заставил его догадаться: Филиппи потеряла шлем. Что она еще потеряла, он сказать не мог.

Торн снова и снова вызывал то пилота катера, то несущих внешнюю охрану: ответа не было. Капитан выругался. — Попробуй *ты* .

У него на этих каналах тоже оказалось пусто. Оставшиеся два дендарийца, охранявшие периметр, снова завязали перестрелку с тяжеловооруженнным бхарапутраянским отрядом, о котором до того докладывала рядовая с мотоцикла. — Нам надо произвести рекогносцировку, — проворчал Торн себе под нос. — Сержант Таура, принимайте здесь командование и подготовьте этих детей к марш-броску. Ты… — Это явно было обращено к нему; почему Торн больше не зовет его ни адмиралом, ни Майлзом? — Пойдешь со мной. Рядовой Самнер, прикроешь нас. — Торн бегом рванулся с места на максимальной скорости; поспевая за ним далеко позади, он проклял свои короткие ноги. Вниз по лифтовой шахте, через еще горячие входные двери, вокруг одного темного здания, между двух других… Он нагнал гермафродита, когда тот затормозил возле угла здания на краю игровой площадки.

Катер по-прежнему стоял здесь, явно неповрежденный — разумеется, какое ручное оружие может пробить его загрубелую боевую оболочку? Пандус был втянут, двери закрыты. Темная фигура — сраженный дендариец или неприятель? — неуклюжей кучей обмякла в тени под кромкой крыла. Торн, шепотом ругаясь, отстучал код на панели управления компьютером, закрепленной на левом предплечье костюма. Люк скользнул в сторону, и с воем сервомоторов трап выдвинулся наружу. Люди по-прежнему не отзывались. — Я пойду внутрь, — сказал Торн.

— Капитан, стандартная процедура гласит, что это моя обязанность, — отозвался со своей позиции за здоровенной бентонной кадкой с деревом рядовой, отобранный Торном для их прикрытия.

— Не в этот раз, — мрачно ответил Торн. Прекратив спор, он зигзагом рванулся вперед, влетел на трап и с шумом метнулся в сторону, с плазмотроном наизготовку. Мгновение спустя из комма раздался его голос: — Давай, Самнер.

Он без приглашения последовал за рядовым Самнером. Внутри катера было темно, хоть глаз выколи. Все трое включили освещение на шлемах. Белые пальцы лучей метались из стороны в сторону, трогая окружающие предметы. Внутри все выглядело нетронутым, но дверь в пилотский отсек была наглухо закрыта.

Торн молча сделал десантнику знак занять огневую позицию напротив, так, чтобы они стали с обеих сторон от двери в переборке, разделяющий фюзеляж и летную палубу. Он стоял у Торна за спиной. Торн набрал очередной код на своей наручной контрольной пластине. Дверь с мучительным стоном поползла была в сторону, дернулась и застряла.

Волна жара, забурлив, рванулась наружу, словно из домны. Последовал негромкий хлопок взрыва и оранжевая вспышка — когда рулевой отсек наполнился достаточным количеством кислорода, и все, что еще могло гореть, снова воспламенилось. Десантник спешно натянул кислородную маску, схватил из держателя на стене химический огнетушитель и направил его в пилотскую кабину. Секунда — и они вошли.

Там все покрылось окалиной и обгорело. Приборы расплавились, устройство связи превратилось в угли. Отсек наполняло удушающее зловоние ядовитых продуктов сгорания пластика. И еще запах органики. Обугленного мяса. То, что осталось от пилота… он отвернулся и сглотнул. — У Бхарапутры нет… не должно было быть здесь тяжелого вооружения!

Торн втянул воздух сквозь зубы, выругался. И произнес: — Они швырнули сюда пару наших собственных термо-мин, закрыли дверь и убежали. Пилота перед этим, должно быть, парализовали. Один чертов *сообразительный* бхарапутрянский сукин сын… у них не было тяжелого вооружения, так что они просто воспользовались нашим. Оттянули или связали боем мою охрану, нанесли удар и пригвоздили нас к земле. Даже не задержались, чтобы

подстеречь нас здесь… теперь они могут это сделать, когда им будет удобно. Эта зверюга больше не полетит. — В белом свете шлемов лицо Торна смотрелось чеканной маской-черепом.

Он паники у него встал комок в горле. — Что нам теперь делать, Бел?

— Отступать в здание. Установить круговую оборону. Использовать заложников, чтобы выторговать себе условия сдачи.

— Нет!

— У тебя есть идея получше… Майлз? — Торн скрипнул зубами. — Я думаю, нет.

Потрясенный солдат уставился на Торна. — Капитан…, — он переводил взгляд с одного на другого, — … адмирал вытащит нас. Мы бывали в худших переделках, чем эта.

— Не на этот раз. — Торн выпрямился. В голосе его сквозила мука. — Это моя вина… я беру на себя всю ответственность. Это не адмирал. Это — его клон-брат, Марк. Он нас обманул, но я это знал уже несколько дней. Я его раскусил прежде, чем мы высадились, прежде даже, чем мы оказались в джексонианском локальном пространстве. Я думал, что у меня все получится — и не справился.

— Э-э? — солдат неверяще поднял брови. Такое застывшее выпражение могло быть на лице клона, которому только что начали давать анестезию.

— Мы не можем… не можем предать этих детей снова в руки Бхарапутры, — возмутился Марк. Нет, взмолился.

Торн снял перчатку и запустил пальцы в спекшийся обугленный комок на том, что некогда было пилотским креслом. — Кого предать? — Гермафродит поднял руку и провел по лицу Марка черную осыпающуюся полосу, он скулы до подбородка. — Кого предать? — прошипел Торн. — Подумай. Получше.

Его трясло, разум его был сейчас белым листом бумаги. След от горячего угля на лице был, словно рана.

— Отступать в здание, — сказал Торн. — По моей команде.

Глава 6

— Никаких подчиненных, — произнес Майлз твердо. — Я хочу поговорить с самым главным, раз и навсегда. И затем убраться отсюда.

— Я попытаюсь еще, — ответила Куинн. Она повернулась обратно к своему комм-пульту в тактической рубке «Сапсана» — куда в этот момент транслировалось изображение физиономии офицера СБ Бхарапутры в высоких чинах — и снова принялась спорить.

Майлз откинулся на спинку вращающегося кресла: ступни ровно стоят на полу, руки специально по-прежнему покоится на усыпанных контрольными клавишами подлокотниках. Спокойствие и контроль. Вот какова стратегия. На данный момент это была единственная стратегия, которая у него оставалась. Если бы он появился на девять часов раньше… он уже методично, на всех четырех языках, проклял каждую задержку на протяжении этих пяти дней — пока у него не кончился запас ругательств. Они щедро тратили топливо, выжимая из «Сапсана» максимум ускорения, и почти настигли «Ариэль». Почти. Эти задержки дали Марку достаточно времени, чтобы реализовать свой дурацкий план и превратить его в катастрофу. Но Марк там был не один. Майлз больше не был сторонником теории «катастрофы с главным действующим лицом». Такая законченная заваруха требовала полного содействие дюжины соучастников. Майлзу чрезвычайно хотелось поговорить один на один с Белом Торном — и очень, очень скоро. Прежде он совершенно не думал, что Бел покажет себя таким же неуправляемым, как Марк.

Он оглядел тактическую рубку, схватывая взглядом последние данные с видео-дисплеев. «Ариэль» был вне пределов видимости — по приказу торновского заместителя, лейтенанта Харта, он под огнем отступил в доки станции Фелл, где и был сейчас заблокирован полудюжиной судов СБ Бхарапутры, таившихся в засаде за пределами зоны Фелла. Еще два корабля Бхарапутры сейчас сопровождали «Сапсан» на орбите. Пока это был

лишь символический военный конвой: «Сапсан» превосходил их по вооружению. Баланс сил изменится, когда здесь объявятся все их собратья по флоту. Если только Майлз не сумеет убедить барона Бхарапутру, что в этом нет необходимости.

Он вызвал на свой дисплей картинку ситуации внизу — как ее расшифровывал сейчас боевой компьютер «Сапсана». Внешняя планировка медкомплекса Бхарапутры была четко видна даже с орбиты, но Майлзу недоставало деталей его внутреннего устройства, которые ему хотелось бы получить в том случае, если бы он планировал хитроумное нападение. Никакого хитроумного нападения. Торговля, подкуп… он поморщился, заранее оценивая предстоящие затраты. Бел Торн, Марк, Зеленый Отряд и пятьдесят или около того бхарапутрянских заложников были сейчас заблокированы на земле, в отдельном здании, не имея доступа к своему поврежденному катеру. И длилось это последние восемь часов. Пилот катера мертв, трое десантников ранены. Майлз поклялся себе, что это будет стоит Белу командования.

Внизу скоро рассветет. Люди Бхарапутры, благодарение богу, уже эвакуировали из комплекса всех гражданских лиц, но одновременно доставили туда тяжеловооруженных охранников и оборудование. Лишь угроза причинить вред бесценным клонам сдерживала их стремительную, непреодолимую атаку. Увы, торговаться с позиции силы он не сможет. «Спокойно.»

Куинн, не оборачиваясь, подняла руку и подала ему короткий сигнал приготовиться. Он быстро оглядел себя, проверяя, в каком виде появится перед камерой. Повседневную офицерскую форму он одолжил у самого маленького, после него самого, человека на борту «Сапсана» — женщины-инженера в полтора метра ростом, — и сидела она на нем неважно. Недоставало половины причитающихся ему знаков различия. Вопиющая неаккуратность может быть стилем командования, но для успеха Майлзу требуется больше реквизита. Его внешнему виду придадут силы адреналин и подавленная ярость. Если бы не биочип на блуждающем нерве, давешняя язва желудка уже наделала бы дыр у него во внутренностях. Он открыл канал своего пульта для Куинн и принялся ждать.

В россыпи искр над видео-платой появилось изображение нахмуренного мужчины. Темные волосы были убраны назад в удерживаемый золотым кольцом тугой узел, подчеркивая резкие черты лица. Бронзово-коричневая шелковая куртка — и больше никаких украшений. Оливково-смуглая кожа; с виду добрых сорок лет или около того. Но внешность была обманчива. Чтобы спланировать и завоевать себе положение беспрекословного главы джексонианского Дома, мало одного жизненного срока. Васа Луиджи, барон Бхарапутра, последние двадцать лет носил тело клона. И явно хорошо о нем заботился. Связанный с уязвимостью период еще одной пересадки мозга был бы вдвойне опасней для человека, чьей власти домогаются столько безжалостных подчиненных. «Этот человек не шутит», решил Майлз.

— Это Бхарапутра, — заявил человек в коричневом и принялся ждать. Конечно же, этот человек и его Дом — одно и то же. В практическом смысле.

— Это Нейсмит, — отозвался Майлз. — Командующий Дендарийском флотом Свободных Наемников.

— Но не всем флотом, — бесстрастно уточнил Васа Луиджи.

Майлз раздвинул губы, не разжимая зубов, и ухитрился не покраснеть. — Именно так. Вы понимаете, что эта вылазка мною не санкционирована?

— Я понимаю, что вы это утверждаете. Лично я не стал бы с такой готовностью, заявлять об ошибке в управлении своими подчиненными.

«Он дразнит тебя. Спокойно.» — Нам необходимо четко определить факты. Я еще не установил, подговорил ли мой собрат-клон капитана Торна на мятеж или просто ввел его в заблуждение. В любом случае, это ваш собственный продукт, по тем или иным сентиментальным причинам, вернулся сюда ради попытки лично вам отомстить. А я лишь невинный свидетель, пытающийся все уладить.

— *Вы* , — барон Бхарапутра моргнул, точно ящерица, — просто диковинка. *Мы* вас не

создавали. Откуда вы взялись?

— Это важно?

— Быть может.

— Тогда это — информация, которую я могу продать или предложить на обмен, но не бесплатно. — Это соответствовало устоявшемуся джексонианскому этикету. Барон кивнул, ничуть не оскорбившись. Теперь они вступали в область Сделки, хотя пока и не сделки между равными. Отлично.

Но немедля выяснять историю происхождения Майлза барон не стал. — Так что вы от меня хотите, адмирал?

— Хочу помочь вам. Если у меня будут развязаны руки, я смогу извлечь своих людей из этой злосчастной и требующей решения ситуации внизу с минимум дальнейшего ущерба для персонала и собственности Дома Бхарапутра. Тихо и чисто. Я бы даже рассмотрел вопрос выплаты разумной компенсации за физический ущерб, причиненный ими до сих пор.

— Мне не требуется ваша помощь, адмирал.

— Требуется, если вы желаете уменьшить расходы.

Васа Луиджи прищурил глаза, обдумывая сказанное. — Это угроза?

Майлз пожал плечами. — Совсем наоборот. Потери обеих наших сторон могут быть очень низкими — или очень высокими. Я бы предпочел низкие.

Барон стрельнул взглядом вправо, на кого-то или что-то за пределами видимости передающей камеры. — Прошу прощения, адмирал, я на секунду. — Его лицо сменилось абстрактным узором.

Куинн подошла к Майлзу. — Как думаешь, мы сможем спасти кого-то из этих бедолаг клонов?

Майлз обхватил руками голову. — Черт побери, Элли, я все еще пытаюсь вытащить Зеленый Отряд! Сомневаюсь.

— Какая жалость. Мы проделали весь этот путь…

— Слушай, крестовые походы я могу устраивать значительно ближе к дому, а не на Единении Джексона — если уж ты так хочешь. Для начала: каждый год в барраярской глубинке убивают по подозрению в мутации куда больше, чем пятьдесят детей. Я не могу позволить себе такое… донкихотство, как Марк. Не знаю, где он набрался этих идей, но никак не от бхарапутрян. И не от комаррцев.

Куинн приподняла брови, открыла было рот, затем захлопнула его, словно ей пришла запоздалая мысль, и криво улыбнулась. Но в конце концов сказала: — Я думаю про Марка. Ты все время говоришь, что хочешь заставить его доверять тебе.

— Подарить ему этих клонов? Хотел бы, если бы мог. Сразу после того, как задушу его голыми руками — а это я сделаю непосредственно за тем, как я повешу Бела Торна. Марк есть Марк, он мне ничем не обязан, но Бела-то я должен был знать лучше! — Он стиснул зубы от боли. Ее слова потрясли его промелькнувшей в мозгу картинкой: оба корабля, со всеми клонами на борту, триумфально уходят в прыжок из локального джексонианского пространства… показав нос мерзавцам-бхарапутрянам… восхищенный Марк, запинаясь, благодарит… привезти их всех домой, к маме… *безумие* . Невозможно. Если он бы планировал эту операцию сам с начала и до конца — тогда может быть. В его планы явно не входила бы полуночная лобовая атака без прикрытия за спиной. Видео-плата снова рассыпалась искрами, и он махнул рукой Куинн выйти из зоны видимости. Снова появился Васа Луиджи.

— Адмирал Нейсмит, — кивнул тот. — Я решил позволить вам отдать вашему взбунтовавшемуся отряду приказ сдаться моей охране.

— Я не хотел бы и дальше обременять вашу охрану проблемами, барон. В конце концов, они там всю ночь. Устали, нервничают. Я заберу своих людей сам.

— Это невозможно. Но я гарантирую им жизнь. Штраф за преступные действия каждого в отдельности будет определено позже.

Выкуп . Он подавил свою ярость. — Это… возможно. Но размер штрафа должен быть

определен заблаговременно.

— Вы вряд ли находитесь в таком положении, чтобы выдвигать дополнительные условия, адмирал.

— Я лишь хочу избежать недопонимания, барон.

Васа Луиджи наморщил губы. — Очень хорошо. Рядовые — по десять тысяч бетанских долларов каждый. Офицеры — по двадцать пять тысяч. Ваш капитан-гермафродит — за пятьдесят тысяч, если вы только не пожелаете избавиться от него нашими руками — нет? Не вижу, какая польза для вас в вашем, э-э, собрате-клоне, так что мы оставим его у себя под арестом. В ответ я сниму обвинения в ущербе, нанесенном мой собственности. — Барон кивнул, довольный собственным великодушием.

«Свыше четверти миллиона». Майлз невольно сжался. Ладно, так и быть. — Но к клону у меня свой интерес. Какую… цену назначите вы за его голову?

— Какой здесь может быть интерес? — спросил удивленный Васа Луиджи.

Майлз пожал плечами. — По-моему, очевидный. Моя профессия полна риска. Из всей моей группы клонов выжил я один. Тот, кого я зову Марком, оказался для меня таким же сюрпризом, как, полагаю, и я для него; ни один из нас не знал о существовании второго проекта клонирования. Где я еще найду, гм, столь совершенного донора органов, причем в столь короткий срок?

Васа Луиджи развел руками. — Мы можем договориться, что в целости и сохранности будем хранить его для вас.

— Если он мне вообще понадобится, то понадобится немедленно. В подобных обстоятельствах я опасаюсь внезапного роста рыночной цены. Кроме того, бывают несчастные случаи. Скажем, тот, который произошел с бедным клоном барона Фелла… хранившимся у вас.

Температура словно упала градусов на двадцать. Майлз проклял свой болтливый язык. Эта часть случившегося явно была засекреченной информацией или, по крайней мере, — «больной мозолью». Барон разглядывал его если не с большим уважением, то уж с возросшим подозрением — точно. — Если вы хотите, чтобы вам изготовили еще одного клона для пересадки органов, вы прибыли по адресу, адмирал. Но *этот* клон не продается.

— *Этот* клон вам не принадлежит, — огрызнулся Майлз слишком уж быстро. Нет. Успокойся. Запрячь свои истинные мысли поглубже. Храни ту вкрадчивую личину, которой одной под силу иметь дело с бароном Бхарапутра без тошноты. Спокойно. — Кроме того, выполнение этого заказа отнимет десять лет. Меня беспокоит не заранее предвиденная смерть от старости. А нечто вроде внезапного сюрприза. — Помедлив, он героическим усилием выдавил: — Вам нет необходимости отказываться от исков за ущерб собственности, разумеется.

— Мне *нет необходимости* ничего вообще предпринимать, адмирал, — указал ему барон. Спокойно.

«Не будь уж так уверен, ты, джексонианский ублюдок.» — Зачем *вам* именно этот клон, барон? Учитывая то, как легко вы можете изготовить другого.

— Не так уж легко. Его медицинские записи показывают, что сделать его было трудной задачей. — Васа Луиджи постучал указательным пальцем по крылу своего орлиного носа и без особой веселости улыбнулся.

— Вы собираетесь наказать его? В качестве острастки прочим злоумышленникам?

— Несомненно, он так посчитает.

Итак, вот план в отношении Марка, или по крайней мере, соображение, в чем именно тут пахнет выгодой.

— Надеюсь, это не имеет никакого отношения к нашему прародителю-барраярцу? Тот заговор давно скончался. Они знают про нас обоих.

— Признаюсь, его связи с Барраяром интересуют *меня* . Ваши — тоже. По имени, которое вы для себя взяли, очевидно, что вы давно знали о своем происхождении. Так какое касательство вы имеете к Барраяру, адмирал?

— Деликатное, — признался он. — Они меня терпят, я время от времени оказываю им услугу. За определенную цену. Не считая этого, мы взаимно друг друга избегаем. У Барраярской Имперской Безопасности руки длиннее, чем даже у Дома Бхарапутры. Уверяю вас, вам бы не захотелось привлечь их внимание в негативном смысле.

Васа Луиджи приподнял брови в скептическом, вежливом сомнении. — Прародитель и два клона… три одинаковых братца. И все такие низенькие. Из вас троих, думаю, вышел бы один нормальный человек. — Не имеет отношения к делу; барон, видимо, забрасывает сейчас крючок, стремясь выудить какую-то информацию.

— Трое, но вряд ли одинаковых. Наш оригинал, лорд Форкосиган — занудный тип, как меня заверили. Ограниченность способностей Марка, боюсь, он только что продемонстрировал сам. Я — улучшенная модель. Мои создатели предназначали меня для более серьезных дел, но выполнили свою работу слишком хорошо, и я стал планировать свою жизнь сам. Трюк, которым, похоже, не овладел ни один из моих бедолаг-братьев.

— Хотелось бы мне иметь возможность поговорить с вашими создателями.

— И мне хотелось бы, чтоб вы это смогли. Они ушли в мир иной.

Барон одарил его ледяной улыбкой. — А вы дерзкий типчик, а?

Майлз растянул губы в ответной улыбке и ничего не произнес.

Барон откинулся на спинку кресла, сложив ладони домиком. — Мое предложение остается в силе. Клон не продается. Но каждые полчаса пеня будет удваиваться. Советую вам побыстрее заключить сделку, адмирал. Лучшего вам не добиться.

— Я должен кратко проконсультироваться с главным бухгалтером флота, — пошел Майлз на компромисс. — Вскоре я вам перезвоню.

— А как же! — пробормотал Васа Луиджи, слегка улыбаясь собственному остроумию.

Майлз резко отключил комм и сел. Его трясло; бездонная яма внутри живота словно излучала по всему телу горячие алые волны стыда и гнева.

— Но бухгалтера флота здесь нет, — заметила Куинн в легком замешательстве. Лейтенант Боун, естественно, отбыла с Эскобара вместе с Базом и оставшейся частью флота.

— Мне… не нравится сделка, предлагаемая бароном Бхарапутрой.

— А разве СБ не может спасти Марка потом?

— СБ — это *я* .

На это Куинн вряд ли могла возразить; она замолкла.

— Мне нужна моя космическая броня, — раздраженно проворчал он, сгорбившись во вращающемся кресле.

— Она у Марка, — отозвалась Куинн.

— Знаю. Полуброня. И мой командирский шлем.

— Он тоже у Марка.

— Знаю. — Он хлопнул рукой по подлокотнику кресла; раздавшийся в тишине комнаты резкий звук заставил Куинн вздрогнуть. — Значит, шлем командира взвода!

— Зачем? — произнесла Куинн бесстрастным, совсем не ободряющим тоном. — Ты же говорил, крестоносцев тут нет.

— Я устраиваю себе условия сделки повыгоднее. — Он вскочил на ноги. Кровь стучала в ушах, все жарче и жарче. — Пошли.

Привязные ремни впились в тело, когда десантный катер отстрелил крепления и с ускорением рванул прочь от «Сапсана». Майлз кинул беглый взгляд поверх плеча пилота, проверяя, как скользит мимо иллюминатора выпуклый край планеты и как отваливают от корабля-матки два катера-истребителя прикрытия. За ними вслед летел второй десантный катер «Сапсана» — вторая половина сил в этой атаке, наносимой сразу в две точки. Его притворная слабость. Примет ли ее Бхарапутра всерьез? «Надейся на это».

Майлз вновь переключил внимание на сверкающий мир цифровых данных в командирском шлеме, радуясь, что ему не пришлось в конце концов довольствоваться шлемом взводного командира. Он конфисковал у Елены Ботари-Джезек капитанское снаряжение для контроля за наземными группами на то время, пока она заняла тактическую

рубку «Сапсана». «Черт тебя побери, верни мне его безо всяких неприглядных дырок», — заявила она ему с лицом, бледным от невысказанной вслух тревоги. Практически все, что на нем было, ему пришлось реквизировать. Противо-нейробластерный костюм-сеть был ему велик — подвернутые рукава и брючины он закрепил резинками на запястьях и лодыжках. На этом Куинн настояла, а поскольку попасть под нейробластер было его личным кошмаром, он и не спорил. Кое-как надетый комбинезон крепился так же. Лямки батареи плазменного щита служили вполне приемлемой сбруей для лишней ткани вокруг тела. Две пары толстых носков не давали соскользнуть с ног одолженным взаймы башмакам. Это очень раздражало, но было далеко не главной его головной болью в попытке за полчаса организовать налет на планету.

Самой большой головной болью была посадочная площадка. Сперва он предложл крышу здания Торна, однако пилот заявил, что попытайся они туда посадить десантный катер — и все здание просто сложится, да и вообще, крыша двускатная, а не плоская. Следующая по пригодности площадка была занята брошенным, мертвым катером «Ариэля». До третьего варианта, похоже, прдется далеко идти — особенно на обратном пути, когда служба безопасности Бхарапутры успеет принять контрмеры. «Прямо в точку» — не его любимый стиль атаки. Ну, может второй катер и сержант Кимура с Желтым Отрядом добавят барону Бхарапутре неотложных хлопот. «Береги свой катер, Кимура. Сейчас это наш единственный запасной вариант. Мне бы стоило привести сюда весь флот!»

Игнорируя гром и вой, производимые их собственным катером при вхождении в атмосферу, — чертовски стремительное падение, но даже оно было для него недостаточно быстрым, — он наблюдал за тем, как идут дела у его прикрытия сверху, по разноцветным кодовым обозначениям и схемам на видеодисплее своего шлема. Изумленные пилоты бхарапутрянских катеров-истребителей, стерегущих «Сапсан», обнаружили, что объект их внимания внезапно разделился. Они потратили пару тщетных выстрелов на сам «Сапсан», дернулись было за Кимурой, затем развернулись в сторону атакующих сил Майлза. В результате этой попытки один бхарапутрянин почти сразу разлетелся на куски; Майлз прошептал в свой регистратор лаконичную похвалу пилоту дендарийского истребителя. Второй бхарапутрянин, занервничав, отступил в ожидании подкрепления. Ну, это-то было легко. Самое забавное будет на пути назад. Он ощущал наступивший адреналиновый пик — странное и сладкое ощущение во всем теле, сильнее, чем наркотический кайф. Оно продлится часы, затем резко исчезнет, оставив выжженную оболочку с пустыми глазами и голосом. Стоит ли того? «Будет стоить, если мы победим.»

«А мы победим.»

Когда они обогнули планету и место их назначения оказалось в прямой видимости, он снова попытался связаться с Торном. Основной командный канал был забит бхарапутрянами. Он попробовал внедриться на коммерческий канал и передать по нему краткий запрос, но ответа не получил. Необходимо было кому-то поручить радиоперехват. Ладно, он сможет пробиться, когда они будут на месте. Он вызывал голо-картинку медкомплекса; перед глазами заплясали призрачные образы. Кстати, насчет «прямо в точку». Он испытал недолгое искушение отдать пилотам истребителей приказ снизиться, открыть огонь и проложить траншею от места их предполагаемой посадки до убежища Торна, снеся с пути все лишние здания. Но траншея будет слишком долго остывать, а кроме того, послужит прикрытием для бхарапутрян точно так же, как и для его людей. Даже больше: им лучше известна здешняя планировка. Он оценил вероятность наличия туннелей, коммуникационных коллекторов и трубопроводов. Мысль про трубы заставила его фыркнуть, мысль о Тауре, которую Марк слепо отправил в эту мясорубку, — нахмуриться.

Дикое, дергающее торможение наконец завершилось: вокруг выросли здания — выгодная позиция для снайпера! — и катер с глухим стуком приземлился. Куинн, сидевшая напротив Майлза за креслом второго пилота и все это время пытавшаяся наладить канал связи, подняла взгляд и просто произнесла: — Я добралась до Торна. Попробуй 6-2-джей. Только звук, картинки пока нет.

Моргнув и резко дернув глазами, он переключился на своего бывшего подчиненного. — Бел? Мы внизу, пришли за вами. Готовься к прорыву. Там остался кто-нибудь живой?

Ему не было необходимости видеть лицо Бела, чтобы почувствовать, как тот поморщился. Но, по крайней мере, терять время на извинения или оправдания Бел не стал. — Двое неходячих раненых. Рядовая Филиппи умерла пятнадцать минут назад. Мы обложили ей голову льдом. Если сумеете захватить портативную криокамеру, мы сможем хоть что-то спасти.

— Сделаем, но времени возиться с нею у нас не будет. Начинайте готовить ее прямо сейчас. Будем на месте как можно быстрее. — Он кивнул Куинн, оба встали и покинули пилотскую палубу. Майлз приказал пилоту запереть за ними дверь.

Куинн сообщила медику, с чем ему предстоит иметь дело, и половина Оранжевого отряда высыпала из катера, заняв оборонительную позицию. Над ними немедленно поднялась в воздух пара небольших бронированных машин: очистить позиции, где могли бы быть снайперы Бхарапутры, и расположить там дендарийцев. Когда они доложили «Чисто!», Майлз с Куинн проследовали за Синим Отрядом вниз по пандусу в промозглый, туманный рассвет. Всю вторую половину Оранжевого отряда Майлз оставил охранять катер, чтобы люди Бхарапутры не попытались повторить свой прежде удавшийся трюк.

Утренняя дымка чуть клубилась вокруг горячей обшивки катера. Небо медленно заливал жемчужный свет, но строения медкомплекса еще вырисовывались в густой тени. Вверх взмыл воздушный мотоцикл, двое рядовых медленно побежали к намеченнолй точке, за ними — Синий отряд. Майлз собрался, заставляя свои короткие ноги двигаться быстро, чтобы угнаться за остальными. Никогда ни одному длинноногому рядовому из-за него не придется замедлить шага. В этот раз, во всяком случае, так и было, и он довольно хрюкнул вполголоса — сколько там дыхания ни осталось у него на голос. Разрозненный шум выстрелов из ручного оружия, этом отдающийся вокруг, подсказывал Майдзу, что внешняя охрана из Оранжевого отряда уже вовсю занята делом.

Они стремительно обогнули одно здание, пронеслись под прикрытием галереи другого, миновали третье — передвигаясь перекатами, так, чтобы одна часть отряда прикрывала другую. Комплекс напомнил Майлзу о цветах-хищниках, чьи покрытые нектаром шипы обращены вовнутрь. Маленькому жучку, вроде него, проскользнуть внутрь легко. А вот попытка выбраться изматывает и приводит к смерти.

Поэтому первая разорвавшаяся акустическая граната оказалась почти облегчением. Бхарапутряне не *всё* приберегли на сладкое. Взрыв прозвучал на пару зданий в стороне, в проходах все странно затряслось и завибрировало. Граната не дендарийская — оглушающий тембр чуть другой. Почти бессознательно он переключил свой командирский шлем, отслеживая подавление этого огня, пока Оранжевый отряд искоренял гнездо охранников Бхарапутры. Беспокоили его не те бхарапутряне, которых его людям удалось выкурить. А те, кого они упустили… Интересно, подумал Майлз, не доставил ли сюда ли враг плюс к акустическим гранатам еще и оружие, стреляющее пулями либо снарядами. Он со всей ясностью ощутил отсутствие некоторых важных элементов в своей взятой напрокат полуброне. Куинн пыталась ему всучить ему нагрудник от собственной брони, но он убедил ее, что от доспехов на несколько размеров больше, болтающихся на нем при любом движении, он попросту спятит. Ему показалось, что он услышал ее бормотание «Еще дальше спятит…», но переспрашивать для подтверждения не стал. В этот раз он не собирался возглавлять кавалерийскую атаку, уж это точно.

Майлз сморгнул прочь отвлекающий его поток призрачных данных; отряд обогнул последний угол, спугнув трех или четырех таившихся в засаде бхарапутрян, и подошел к интернату клонов. Большое квадратное здание напоминало гостиницу. Разбитые вдребезги стеклянные двери вели в вестибюль, где смутно видные защитники в сером камуфляже двигались между торопливо возведенных заслонов: снятых с петель и чем-то подпертых металлических дверей. Быстрый обмен паролями, и они прошли внутрь. Половина Синего

отряда тут же рассредоточилась — как подкрепление измотанным силам защитников здания, Зеленого отряда; другая половина охраняла Майлза.

Медик развернул парящую платформу с переносной криокамерой в дверях и торопливо направился по коридору к своим товарищам. Подготовку Филиппи благоразумно проводили в боковой комнате, вне поля зрения заложников-клонов. Первым шагом этой процедуры было откачать из пациента как можно больше крови; в спешке боевых условий не делалось даже попытки собрать эту кровь и сохранить. Грубо, быстро и чрезвычайно грязно: не зрелище для слабонервных или для неподготовленных умов.

— Адмирал, — раздался негромкий альт.

Майлз развернулся на месте и обнаружил себя лицом к лицу с Белом Торном. Лицо гермафродита было почти таким же серым, как обрамляющий его капюшон защитной сети. На нем пролегли морщины, оно было одутловатым от усталости. И еще выражало это лицо то, что Майлзу было нестерпимо видеть, несмотря на весь его гнев. *Поражение* . Бел выглядел разбитым, как будто потерявшим все. «Так оно и есть.» Они не обменялись ни единым словом упрека или оправдания. Не было необходимости; все было читалось на лице Бела и, как Майлз подозревал, на его собственном. Он подтверждающе кивнул — что видит Бела и ситуацию в целом.

Рядом с Белом стоял еще один солдат; макушка его шлема — *моего шлема!* не доставала Белу до плеча. Майлз уже наполовину забыл, как поразительно выглядит Марк. «Что, я действительно смотрюсь вот так?»

— Ты… — голос Майлза сорвался, и он понял, что должен замолчать и сглотнуть. — У нас с тобой будет долгий разговор — позже. Похоже, ты многого не понимаешь.

Марк вызывающе вздернул подбородок. «Уверен, лицо у меня не такое круглое.» Должно быть это обман зрения, из-за капюшона.

— Что насчет этих детей? — спросил Марк. — Этих клонов?

— А что насчет них?

Пара юношей в коричневых шелковых курточках и шортах — скорей испуганных и возбужденных, чем озлобленных, — кажется, действительно помогала защитникам-дендарийцам. Еще одна группа, мальчики и девочки вперемешку, сидела совершенно перепуганной кучкой на полу под бдительным оком вооруженного парализатором десантника. «Ох, дерьмо, они же на самом деле просто дети.»

— Мы… ты должен взять их с собой. Или я никуда не пойду. — Марк стиснул зубы, но Майлз видел, как он сглотнул.

— Не надо меня уговаривать, — огрызнулся Майлз. — *Разумеется* , мы возьмем их с собой, иначе как, черт побери, нам выбраться отсюда живыми?

Лицо Марка осветилось, он разрывался между надеждой и ненавистью. — А потом что? — спросил он с подозрением.

— О-о, — саркастически протянул Майлз, — мы возьмем и двинем прямо на станцию Бхарапутры, высадим там их всех и любезно поблагодарим Васа Луиджи за то, что он дал нам их напрокат. *Идиот!* А ты что подумал? Мы погрузимся и изо всех сил рванем отсюда. Если их куда и можно будет высадить — то только в воздушный шлюз, и гарантирую, что ты пойдешь туда первым.

Марк содрогнулся, но сделал глубокий вдох и кивнул. — Тогда ладно.

— Вовсе. Не. Ладно. — отрезал Майлз. — А просто… просто… — он не мог подобрать слов для описания этого самого «просто», кроме как безнадежнейший из провалов, с каким ему случалось сталкиваться. — Если уж ты собрался выкинуть такую идиотскую штуку, мог бы по крайней мере проконсультироваться с экспертом, который имеется в твоей собственной семье!

— С тобой? Обратиться к *тебе* за помощью? Ты что думаешь, я свихнулся? — яростно вопросил Марк.

— Ага…

Их прервал подошедший к ним блондинистый паренек-клон, который уставился на это

зрелище, открыв рот. — Вы и *правда* клоны! — изумленно проговорил он.

— Нет, мы — близнецы, родившиеся с разницей в шесть лет, — огрызнулся Майлз. — Да, верно, мы такие же клоны, как и ты, так что вернись на место, сядь и слушайся приказов, черт побери.

Парень торопливо ретировался, шепча: «Это правда…»

— Черт, — проскулил Марк себе под нос, если можно так называть сдавленный полушепот, — как это они поверили *тебе* , а *мне* — нет? Это нечестно!

Раздавшийся в шлеме голос Куинн положил конец воссоединению семьи. — Если вы с Дон Кихотом-младшим уже поприветствовали друг друга… Медик Норвуд обработал и погрузил Филиппи, а раненые готовы к транспортировке.

— Стройтесь и отправляй первую партию за двери, — отозвался он. И вызвал сержанта Синего отряда. — Фрэмингем, сопровождаешь первую группу. Готов двигаться?

— Готов. Сержант Таура их построила.

— Пошел. И не оглядывайся.

Полдюжины дендарийцев, примерно втрое больше сбитых с толку и измученных клонов и двое раненых на плавучих платформах собрались в вестибюле и один за другим вышли через разбитые двери. Фрэмингем выглядел не особо счастливым от того, что был вынужден прикрываться от стрелкового оружия парой девочек, словно живым щитом; его темное, шоколадного цвета лицо было мрачным. Зато любому бхарпутрянскому снайперу придется целиться очень, очень осторожно. Дендарийцы погнали детишек вперед; если и не бегом — то ровной трусцой. Не прошло и минуты, как вторая группа последовала за первой. Передачу со шлемов обоих сержантов Майлз пустил по бокам, для периферического зрения, одновременно изо всех сил прислушиваясь к смертельному визгу выстрелов ручного оружия.

Получится ли у них? Последнюю стайку клонов пригнала в вестибюль сержант Таура. Она приветствовала Майлза полу-салютом, не потратив не мгновения на то, чтобы разобраться, кто здесь он, а кто — Марк. — Рада вас видеть, сэр, — пророкотала она.

— И я тебя, сержант, — искренне ответил он. Если бы из-за Марка Таура погибла, то Майлз не знал, смог бы он когда-нибудь с ним примириться. На какое-то мгновение ему ужасно захотелось узнать, как именно Марку удалось провести Тауру и до какой степени интимности. *Позже* .

Таура придвинулась ближе и понизила голос. — Четырех детей мы упустили, они сбежали обратно к бхарапутрянам. Меня от этой мысли мутит. Есть ли шанс…?

Он с сожалением покачал головой. — Способа нет. На этот раз никаких чудес. Берем, что можем, и уходим — или потеряем все.

Она кивнула, превосходно понимая тактическую ситуацию. К сожалению, понимание не избавляло от выворачивающей внутренности тошноты сожаления. Майлз ответил Тауре виноватой улыбкой, и один уголок ее длинных губ опустился в ответ.

Медик Синего отряда привел большую плавающую платформу с криокамерой; на прозрачную часть сверкающего цилиндра было наброшено одеяло, чтобы скрыть обнаженное, замороженное тело его товарища по оружию и пациентки от непонимающих или ужасающихся взглядов посторонних. Таура подняла клонов на ноги.

Бел Торн огляделся. — Ненавижу это место, — бесстрастно произнес гермафродит.

— Может, на этот раз мы сумеем его разбомбить на пути обратно, — отозвался Майлз так же бесстрастно. — Наконец-то.

Бел кивнул.

Вся толпа — пятнадцать или около того оставшихся клонов, парящая платформа, дендарийский арьергард, Таура и Куинн, Марк и Бел, — выскользнула во входную дверь. Майлз бросил взгляд наверх с ощущением, словно на макушке шлема у него нарисована мишень, но пересекающая крышу стоящего напротив здания фигура была одета в серую дендарийскую форму. Отлично. Справа в его поле зрения головид сообщил, что Фрэмингем со своей группой достиг катера без происшествий. Еще лучше. Он отключил трансляцию со шлема Фрэмингема, приглушил доклад командира второго взвода до простого шепота, и

сосредоточился на происходящем здесь и сейчас.

Это сосредоточение нарушил голос Кимуры — первого из Желтого отряда, кто докладывал с посадочной площадки с другого края города. — Сэр, сопротивление вялое. Они на нас не купились. Насколько далеко мне стоит зайти, чтобы заставлять их воспринимать нас всерьез?

— До предела, Кимура. Ты должен отвлечь от нас внимание бхарапутрян. Оттяните их, но не рискуйте собой, а в особенности — не рискуйте катером. — Майлз понадеялся, что лейтенант Кимура слишком занят, чтобы размышлять над слегка шизофренической логикой подобного приказа. Если…

Первое выступление снайперов Бхарапутры прошло с оглушительным — буквально — успехом: в пятнадцати метрах перед идущими упала акустическая граната. Она проделала дыру в дорожке; несколькими мгновениями гравитация вступила в свои права, и по ним забарабанил дождь горячих осколков — устрашающих, но не особо опасных. Майлза оглушило, и вопли детей-клонов прозвучали для него как сквозь вату.

— Нам надо двигаться, Кимура. Прояви инициативу, а?

Это промах не был случайным, понял Майлз, когда выстрел из плазмотрона поразил растущее в кадке дерево справа от дорожки и стену — слева. Оба взорвались. Их сознательно брали в «вилку», чтобы заставить клонов запаниковать. И это тоже неплохо сработало — клоны увертывались, падали, вцеплялись друг в друга и вопили, демонстрируя все признаки готовности пулей разбежаться в разные стороны. После этого их уже не соберешь. Луч плазмотрона ударил в каре дендарийцев — просто, догадался Майлз, чтобы доказать: бхарапутряне и это могут. Отражающее защитное поле поглотило луч с обычной адски яркой голубой вспышкой, еще больше перепугавшей находящихся рядом детей. Имевшие больший опыт десантники принялись стрелять в ответ, пока Майлз орал в свой коммуникатор, вызывая воздушное прикрытие. Бхарапутряне в основном засели выше, судя по углу обстрела.

Таура поглядела на бьющихся в истерике клонов, оглянулась вокруг, подняла плазмотрон и выстрелом вынесла двери ближайшего здания — большого, лишенного окон строения типа склада или гаража. — Внутрь! — проорала она.

Отлично. Если они готовы разбежаться, то там по крайней мере они побегут в одном направлении. Пока их не остановят внутри. Если они снова позволят запереть себя и пришпилить к земле, то старший брат не явится к *нему* на выручку.

— Двигайтесь! — подхватил эту мысль Майлз. — но двигайтесь все время. Насквозь и на другую сторону!

Она подтверждающе махнула рукой, а дети толпой бросились прочь из зоны обстрела в место, которое, несомненно, выглядело для них безопасным убежищем. На его взгляд, это была ловушка. Но им необходимо держаться вместе. Если есть чего-то худшее, чем быть пришпиленными к земле, так это быть пришпиленными к земле поодиночке. Он махнул рукой взводу — следовать за ним. Пара рядовых Синего отряда прикрывала их сзади, стреляя вверх в их… загонщиков, как со страхом подумал Майлз. Он рассчитывал, что этот обстрел всего лишь заставит врага пригнуть головы, но одному рядовому повезло. Луч его плазмотрона достал бхарапутрянина, опрометчиво попытавшегося метнуться вдоль конька крыши противоположного здания. Защитное поле поглотило выстрел, но бхарапутрянин потерял равновесие и с криком упал. Майлз попытался не слышать звука, с каким его тело шмякнулось об бетон, но не очень в этом преуспел, даже наполовину оглушенный гранатой. Вопль оборвался. Майлз развернулся и бросился по коридору, сквозь ведущие куда-то двустворчатые двери, откуда ему с тревогой махал руками Торн, поджидавший и прикрывавший его.

— Я буду замыкающим, — вызвался Торн.

Неужто Торн лелеял мечту героически погибнуть и тем самым избежать неминуемого трибунала? На мгновение Майлзу страшно захотелось это позволить гермафродиту. Очень форский вышел бы поступок. Порой старые форы бывали форменными придурками. — Ты

доставишь этих клонов к катеру, — огрызнулся Майлз в ответ. — Заканчивай дело, за которое взялся. Если уж я отдал такую цену, то хочу получить то, за что заплатил.

Торн оскалил зубы, но кивнул. И они галопом припустились за отрядом.

Двустворчатые двери выходили в огромное помещение с бетонным полом, явно составлявшее почти весь объем этого большого здания. В разные стороны под балочным потолком шли покрашенные зеленым и красным узкие мостики, увешанные петлеобразными кабелями таинственного назначения. Горело несколько бледных грубых светильников, отчего все предметы отбрасывали множество теней. Он заморгал в полумраке и чуть не опустил инфракрасный фильтр. Похоже, это был сборочный цех для каких-то здоровенных конструкций, хотя в данный момент здесь вроде бы ничего производили. Куинн и Марк медлили, поджидая, пока Майлз с Белом их нагонят, несмотря на отчаянные жесты Майлза поспешить.

— Чего ради вы остановились? — рявкнул он в ярости и страхе.

— Берегись! — завопил кто-то. Куинн крутанулась на месте, подняв ствол плазмотрона и выискивая цель. Марк открыл рот, и это круглое «о» по-идиотски повторяло очерченный серым капюшоном овал его же лица.

Майлз увидел бхарапутрянина потому, что в это застывшее мгновение они смотрели точно друг на друга. Команда одетых в коричневое снайперов Бхарапутры, вероятно, пришла по туннелю. Они пробирадись между балок, вряд ли более готовые к этой встрече, чем преследуемые ими дендарийцы. У бхарапутрянина было в руках оружие, стреляющее какими-то небольшими снарядами, и оно было направлено прямо на Майлза; в дуле блеснула вспышка.

Конечно, Майлз не мог увидеть снаряда, даже когда тот попал ему в грудь. Лишь грудная клетка, взорвавшаяся и раскрывшаяся как цветок, и звук, неслышимый, но ощущаемый всем телом, ударом молота опрокинули его назад. В глазах у него расцвели — тоже — черные цветы, закрывая собой все.

Он был поражен тем, сколько он успел — не передумать, времени для мыслей не было, но ощутить — за то время, пока последний удар сердца еще гнал кровь через его мозг. Комната, накренившаяся вокруг него… безмерная боль… ярость и гнев… и последнее сожаление, бесконечно краткое по времени и бесконечно глубокое: «Подождите, я же не…»

Глава 7

Марк стоял так близко, что отдача от разорвавшегося снаряда ударила по его ушам словно тишина, поглотив все остальные звуки. Все случилось слишком быстро, чтобы понять; слишком быстро, чтобы прикрыть глаза и защитить свой разум от этого зрелища. Человечек, только что подгонявший их криками и жестами, серой кучей тряпья рухнул наземь с раскинутыми руками и перекошенным лицом. Разлетевшиеся широким полукругом кровь и ошметки тканей с обжигающей силой плеснули брызгами в Марка. Вся левая половина тела Куинн сделалась алой.

«Вот! И ты тоже можешь ошибаться», — это было его первой, абсурдной мыслью. Эта внезапная, абсолютная уязвимость стала для него невыносимым шоком. «Я не думал, что с тобой может случиться что-то плохое. Не думал, что ты можешь…»

Куинн закричала, все отпрянули — лишь Марк остался стоять неподвижно, замерев в своей собственной, оглушенной тишине. Майлз лежал на бетонном полу недвижно, с развороченной взрывом грудной клеткой и распахнутым ртом. «Это — покойник». Марк уже видел мертвых, так что ошибиться он не мог.

Куинн, с обезумевшим лицом, посылала из своего плазмотрона в бхарапутрян выстрел за выстрелом, пока вокруг нее не начали падать смертоносные раскаленные обломки потолка и один из дендарийцев ударом не отвел ствол ее оружия в сторону. «Возьми их, Таура!» — указала Куинн наверх свободной рукой.

Чудовищный сержант выстрелила вверх крюком-захватом с веревкой, обмотавшейся

вокруг балки. И рванулась наверх на полной скорости, словно сумасшедший паук. Марку с трудом удавалось отследить ее передвижение между пятнами света и тени; с нечеловеческой быстротой она прыжками неслась по пандусам, пока вниз не начали падать тела бхарапутрянских охранников со сломанной шеей. Вся их высокотехнологичная полуброня не давала никакой защиты против этих гигантских, яростных, когтистых рук. Словно безумные бомбы, сверху упали трое человек в потоках собственной крови, с разорванной глоткой. Одного дендарийского десантника, перебегавшего помещение, чуть было не зашибло вражеским трупом. Современная война не должна быть такой кровавой. Нынешнее оружие предназначено для того, чтобы поджарить вас аккуратно, словно яйцо в скорлупе.

Куинн не уделяла происходящему внимания; казалось, ей почти не было дела до последствий ее же собственного приказа. Она опустилась на колени возле Майлза, протянула к нему дрожащие руки, помедлила. Затем резко сдернула с Майлза командирский шлем. Швырнула свой собственный шлем командира взвода на пол и натянула поверх гладкого серого капюшона майлзов. Зашевелила губами, устанавливая контакт и проверяя каналы. Видимо, шлем оказался цел. Куинн стала выкрикивать приказы дендарийцам на внешнем периметре, запросы к людям в десантном катере и еще одно: «Норвуд, тащи ее обратно сюда, *тащи сюда* . Бегом, Норвуд!» Она отвернулась от Майлза лишь на мгновение, достаточное, чтобы крикнуть: «Таура! Проверь, чисто ли в здании.». Сержант проорала сверху этот же приказ своим быстро снующим рядовым.

Куинн вытащила из ножен на поясе вибронож и принялась срезать с Майлза комбинезон, распарывая ремни и нейробластерный костюм-сеть и отшвыривая окровавленные обрывки в сторону. Марк поднял глаза, проследив за направлением ее взгляда, и увидел медтехника с плавучей платформой, тащившего свою ношу по бетонному полу. Платформа компенсировала силу тяжести, но не массу, и инерция тяжелой криокамеры не давала ему бежать и чуть было не помешала, когда он затормозил и опустил платформу на пол возле своего погибшего командующего. Полдюжины ошеломленных клонов, следующих за ним, словно утята за уткой, сбились в кучу и в ужасе уставились на жуткие последствия страшной и короткой перестрелки.

Медтехник переводил взгляд с тела Майлза на загруженную криокамеру и обратно. — Капитан Куинн, так не пойдет. Двоих она не вместит.

— Черт возьми, конечно, нет. — Куинн, пошатнувшись, поднялась на ноги; голос ее скрежетал, словно гравий. Казалось, она не осознавала, что по лицу ее текут слезы, розоватые от брызг крови. — Нет, черт возьми. — Она безрадостно поглядела на сверкающую криокамеру. — Вываливай ее.

— Куинн, я не могу!

— По моему приказу. На моей совести.

— *Куинн* … — В голосе медтехника звучала мука. — Разве *он* бы такое приказал?

— Он только что потерял свое чертово право голоса. Ладно. — Она набрала воздуху. — Я это сама сделаю. А ты начинай готовить *его* .

Стиснув зубы, медтехник повиновался. Он со щелчком открыл дверцу в ногах криокамеры и выдвинул лоток с оборудованием. Оно лежало в беспорядке, недавно уже раз использованное, а затем торопливо убранное обратно. Техник выкатил несколько больших запечатанных бутылей.

Куинн отперла криокамеру. Раздался хлопок разгерметизации, и крышка поднялась. Куинн потянулась внутрь, вытаскивая что-то, что Марк видеть не мог. И не хотел. Она зашипела, когда мгновенно обморозившаяся кожа на ее руках вздулась пузырями, но потянулась туда снова. С рычанием она извлекла зеленоватое, обнаженное, покрытое синяками женское тело и положила его на пол. Это была разбившаяся десантница с воздушного мотоцикла, Филиппи. Патруль Торна, пренебрегая огнем бхарапутрян, в конце концов обнаружил ее возле упавшей машины, в двух зданиях в стороне от того места, где она потеряла шлем. Со сломанной спиной, перебитыми руками и ногами, она умирала несколько часов, несмотря на все героические усилия медика Зеленого отряда ее спасти.

Куинн подняла взгляд и увидела, что Марк смотрит на нее. Лицо Куинн было опустошенным.

— Ты… ты, бесполезный… Заверни ее. — Она указала на Филиппи и поспешила по другую сторону криокамеры, где возле Майлза уже присел медтехник Синего отряда.

Марк наконец-то справился со своим оцепенением, засуетился и отыскал среди медицинских припасов тонкую термоизолирующую фольгу. Боясь мертвого тела, но еще больше ужасаясь мысли не повиноваться Куинн, он расстелил на полу серебристое покрывало и затащил на него холодную мертвую женщину. Когда он, съежившись от страха, коснулся ее, тело было окостеневшим и тяжелым.

Он поднялся и услыхал, как медик бормочет, запустив руки без перчаток, глубоко в кровавое месиво, бывшее некогда грудной клеткой Майлза Форкосигана: «Не могу найти *вход* . Где, к черту, этот *вход* ? Или хотя бы проклятая аорта, *хоть что-то* …»

— Уже больше четырех минут, — прорычала Куинн, снова вытащила свой вибронож и перерезала глотку трупу Майлза — двумя аккуратными разрезами, охватывающими с двух сторон дыхательное горло, но не затрагивающими его. Она запустила пальцы в разрез. Медик поднял глаза, лишь чтобы заметить: — Убедись, что берешь сонную артерию, а не яремную вену.

— Я *пытаюсь* . Цветом они не помечены. — Она нашла что-то бледное и резинистое. Вытянула трубку из крышки одной из запечатанных емкостей и вставила ее пластиковый наконечник в предполагаемую артерию. Включила питание; зажужжал крошечный насос, нагнетая просвечивающий зеленоватый криораствор сквозь прозрачную трубку. Куинн вытянула из емкости второй сегмент трубки и вставила по другую сторону шеи Майлза. Из расеченных вен потекла кровь — по ее рукам, по всему вокруг; не толчками, как при сердцебиении, но ровно, механически, нечеловечески. Кровь разлилась по полу блестящей лужей, затем потекла прочь под легкий уклон водостока крохотным карминным ручейком. Невероятное количество крови. Сбившиеся в кучку клоны рыдали. В голове у Марка пульсировало; боль была такой сильной, что в глазах темнело.

Куинн не выключала насос, пока вытекающая жидкость не стала зеленоватой и прозрачной.

Тем временем медтехник, видимо, нашел тот вход, который искал, и подсоединил еще две трубки. Еще больше смешанной с криораствором крови фонтаном забило, расплескиваясь, из раны. Ручеек превратился в реку.

Медик стащил с Майлза ботинки и носки, проведя датчиком по его бледнеющим ступням. — Почти порядок… проклятье, все, сухо. — Он поспешил к своей бутыли, которая сама отключилась и мигала красным индикатором.

— Я использовала все, что было, — сказала Куинн.

— Наверное, хватит. Они оба были маленькие. Зажми эти сосуды… — Он кинул ей что-то блестящее, пойманное Куинн на лету. Они склонились над маленьким телом. — Теперь в камеру, — сказал медтехник. Куинн подхватила тело за плечи, медик — за нижнюю половину туловища. Руки и ноги болтались, свисая. — Он легкий. — Они быстро перенесли свой нагой груз в криокамеру, оставив пропитанную кровью форму валяться сырой кучей на полу. Куинн оставила медика довершать последние подключения и отвернулась, глядя невидящими глазами и разговаривая с кем-то через шлем. На длинный серебристый пакет у своих ног она не взглянула.

Появился Торн, рысцой бежавший с другого конца помещения. Где это капитан был? Торн поймал взгляд Куинн и, мотнув головой в сторону мертвых бхарапутрян, доложил: — Они пришли по туннелям, все верно. Сейчас мы поставили охрану у выходов. — Торн смерил криокамеру безрадостным и сердитым взглядом. Гермафродит стал выглядеть внезапно… человеком средних лет. Старым.

Куинн кивком подтвердила, что поняла. — Переключись на канал 9-С. У нас проблемы снаружи.

Сквозь шоковое оцепенение Марка пробилось нечто вроде скучающего любопытства.

Он снова подсоединил свой коммуникатор в шлеме. Он отключил его, беспомощно и безнадежно, много часов назад — в тот момент, когда Торн отобрал у него командование. Теперь он настроился на капитанскую волну.

Охранявшие периметр бойцы Синего и Оранжевого отрядов подвергались мощному натиску получивших подкрепление сил безопасности Бхарапутры. На застрявшую в этом здании группу Куинн бхарапутряне слетелись, как мухи на падаль, — с возбужденным жужжанием. Когда на борт катера запихнули больше двух третей клонов, враг прекратил вести по нему массированный огонь, но зато быстро принялся собирать воздушное подкрепление, реявшее над катером, словно стервятники. Над Куинн и компанией нависла неминуемая опасность оказаться окруженными и отрезанными.

— Должен быть другой путь, — пробормотала Куинн. Она переключилась на следующий канал. — Лейтенант Кимура, как дела у вас? Сопротивление по-прежнему вялое?

— Оно превосходнейшим образом окрепло. Сейчас у меня полные руки хлопот, Куинни. — Слабый голос Кимуры, странно радостный, пробился через дождь помех: это означало, что ведется огонь из плазмотронов и активировано плазменное зеркало. — Мы до нашей цели добрались и теперь выходим из боя. Пытаемся. Поболтаем позже, а? — Снова помехи.

— Какой такой цели? Береги свой чертов катер, слышишь, парень? Может, тебе еще придется захватить нас. Доложи мне в ту же секунду, как только вы снова подниметесь в воздух.

— Есть. — Крошечная пауза. — А почему на этом канале не адмирал, Куинни?

Куинн зажмурилась от боли. — Он… временно недоступен. Пошевеливайся, Кимура!

Ответ Кимуры, каким бы он ни был, захлестнуло очередной волной помех. Никакой программы насчет Кимуры и его цели в память шлема Марка заложено не было, но, похоже, лейтенант вел передачу откуда-то не из медкомплекса. Ложный удар? Если так, Кимура оттянул от них недостаточно много вражеских сил. В разговор вмешался часовой из отряда сержанта Фрэмингема, убеждающий Куинн поспешить, и почти одновременно с этим внешнее охранение Оранжевого отряда доложило, что их вытеснили с еще одной выгодной позиции.

— Не может катер приземлиться на крышу этого здания и подобрать нас? — спросила Куинн, разглядывая балки у себя над головой.

Торн проследил за ее взглядом и нахмурился. — По-моему, так он ее проломит.

— Черт! Еще есть идеи?

— Вниз, — внезапно произнес Марк. Дендарийцы — оба — дернулись, едва удержавшись от того, чтобы не распластаться на полу, прежде чем поняли, что он имеет в виду. — Через туннели. Бхарапутряне пришли по ним, а мы уйдем.

— В тесноте, вслепую, — возразила Куинн.

— У меня есть карта, — ответил Марк. — У всего Зеленого отряда есть. Загружена в память шлема. Зеленый отряд может вести остальных.

— Почему ты этого раньше не сказал? — рявкнула Куинн, нелогичным образом игнорируя тот факт, что вряд ли до того было какое-то «раньше».

Торн подтверждающе кивнул и торопливо принялся прослеживать маршрут сквозь путаницу на головидео-карте. — Можем. Вот путь — он приводит нас внутрь здания по ту сторону твоего катера, Куинн. Оборона бхарапутрян проходит… вот здесь, и смотрят они все в другую сторону. И внизу численное превосходство им не поможет.

Куинн уставилась себе под ноги. — Ненавижу грязь. Предпочитаю вакуум, простор; ладно, так и сделаем. Сержант Таура!

Организационная суматоха, еще несколько выбитых взрывом дверей — и отряд снова двинулся вперед, вниз по лифтовой шахте и по служебным туннелям. Десантники разведывали путь впереди основной группы. Таура и с ней полдюжины клонов несли обернутое в фольгу тело Филиппи на металлических полосах, оторванных Таурой от перил. Словно у десантницы с мотоцикла оставалась еще слабая надежда на оживление. Марк

обнаружил, что шагает возле плывущей на платформе криокамеры, которую толкал обеспокоенный медтехник. Краешком глаза Марк поглядел сквозь прозрачную крышку. Его прародитель лежал с открытым ртом и посеревшими губами, бледный, окостеневший. Иней оседал перистыми узорами на замках криокамеры; от мотора системы охлаждения истекала волна избыточнгоо тепла. На инфракрасных сканерах противника эта штука вспыхнет костром. «Будь ты проклят, Майлз Форкосиган. Я так много хотел тебе сказать, а ты теперь меня не слышишь.»

Прямой туннель, по которому они прошли под другое здание, вывел сквозь двустворчатые двери в просторный вестибюль со множеством пересекающихся коммуникаций, двумя лифтовыми шахтами, пожарными лестницами, прочими туннелями и служебными каморками. Все двери были открыты или выбиты взрывом: передовое охранение искало бхарапутрян. Воздух был едок от дыма и того долго не проходящего привкуса, какой оставляет после себя плазменный выстрел.

К несчастью, в это мгновение авангард обнаружил тех, кого искал.

Освещение погасло. На шлемах всех дендарийцев вокруг Марка со щелчком опустились инфравизоры. Он последовал их примеру и в полнейшей дезориентации уставился в одноцветный мир. В шлеме затрещали голоса, перебивая друг друга. Оба рядовых из передового охранения, пятясь, вывалились в вестибюль из разных коридоров, отстреливаясь из плазмотронов, чьи выстрелы слепили его термо-чувствительное зрение. Четыре бхарапутрянских охранника в полуброне вынырнули из лифтовой шахты, разрезав ведомую Куинн колонну пополам. Замешательство было локализовано, завязалась рукопашная. Марк, которого нечаянно сбил с ног крутнувшийся на месте дендариец, скорчился возле платформы.

— Она не защищена полем, — простонал медик, хлопнув ладонью по криокамере, когда огненная дуга стегнула прямо над их головами. — Одно прямое попадание…

— Тогда — в лифтовую шахту, — заорал Марк. Медтехник кивнул и толкнул платформу к ближайшему темному отверстию, свободному от бхарапутрян. Поле в шахте лифта было выключено, а то конфликтующие друг с другом гравиполя платформы и шахты могли бы привести бы к короткому замыканию в обеих. Медик вскарабкался на криокамеру верхом, словно на лошадь, и медленно погрузился, скрывшись из вида. За ним последовал еще один десантник, перехватывая руками скобы лестницы внутри шахты. Пока Марк вставал на ноги, в него попало подряд почти без интервалов три плазменных заряда, снова свалив на землю. Отражающее поле взревело, треща голубыми искрами, когда он в волнах жара перекатился в сторону шахты. И он полез вниз по лестнице вслед за десантником, прочь с линии огня.

Но ненадолго. Над ними в отверстии шахты мелькнул шлем бхарапутрянина, и вслед за ним луч плазмотрона, точно молния, ударил вниз. Помогавший медику солдат рванулся, вытолкнул платформу из этой внезапно возникшей зоны обстрела в самый нижний выход и нырнул следом. Марк полез вслед за ним, ощущая себя живым факелом, весь окутанный, как сетью, гудящим, накаленным сиянием. Сколько было выстрелов? Он потерял им счет. Сколько еще сможет выдержать его защита, прежде чем поддастся и перегорит?

Десантник изготовился к стрельбе, целясь в лифтовую шахту, откуда они пришли, но ни один бхарапутрянин не появился вслед за ними. Они стояли в островке темноты и тишины, крики и выстрелы идущего наверху боя слабым эхом отдавались в шахте. Этот холл был гораздо меньше, всего с двумя выходами. Тусклое аварийное освещение вдоль плинтуса создавало ложное ощущение тепла и уюта.

— Проклятие, — произнес медтехник, уставившись вверх. — По-моему, мы только что сами дали себя отрезать.

— Не обязательно, — ответил Марк. — Медик и десантник были оба не из Зеленого отряда, но в шлеме Марка, конечно же, содержались все отрядные программы. Он вызвал голокарту, нашел их нынешнее расположение и предоставил компьютеру шлема наметить маршрут. — Вы можете выбраться и с этого уровня тоже. Это будет немного кружной путь,

зато по этой самой причине на таком пути меньше вероятность встретить бхарапутрян.

— Дай мне посмотреть, — потребовал медик.

Наполовину нехотя, а наполовину — с облегчением, Марк отдал ему свой шлем. Медик надел его себе на голову и принялся изучать красную линию, змеящуюся сквозь спроецированную перед его глазами трехмерную условную схему медкомплекса. Марк рискнул кинуть быстрый взгляд наверх лифтовой шахты. Там не маячило никаких бхарапутрян, а звуки боя доносились приглушенно, словно отдаляясь. Он нырнул обратно и увидел, что солдат глядит на него с тревожащим огоньком в глазах, заметным даже сквозь пластину визора. «Нет, я не ваш чертов адмирал. Жалеешь об этом все больше, а?» Вероятно, солдат придерживался мнения, что бхарапутряне подстрелили не того коротышку. Марк понял эту мысль и без слов. Он ссутулился.

— Ага. — Медик принял решение. Его челюсть за лицевой пластиной шлема напряглась.

— Если поспешите, вы сможете опередить даже капитана Куинн, — сказал Марк. Он все еще держал в руках шлем медтехника. Сверху больше не доносилось никаких звуков. Должен ли он бежать на звук удаляющихся выстрелов Куинн или остаться и попробовать помочь медику и охраннику с платформой? Он не был точно уверен, чего боится больше: самой Куинн или огня бхарапутрян, который навлек на себя ее отряд? В любом случае, с криокамерой ему, наверное, будет безопаснее.

Он набрал воздуху. — Вы… оставьте мой шлем себе. Я возьму ваш. — Медик и солдат одновременно глянули на него с отталкивающим хмурым неодобрением. — Я отправлюсь вслед за Куинн и клонами. — Его клонами. Есть ли Куинн хоть какое-то дело до их жизней вообще?

— Ну так иди, — сказал медик. И они с десантником направили плавающую платформу в двери, не оглянувшись. Они явно рассматривали Марка как обузу, нежели как ценное дополнение к их обществу, и почувствовали облегчение, избавившись от него.

Марк мрачно принялся карабкаться вверх по шахте. Поднявшись настолько, чтобы пол вестибюля оказался на уровне его глаз, он осторожно кинул туда быстрый взгляд. Немалый материальный ущерб. Распылители пожарных гидрантов добавляли к удушающему дыму еще и пар. На полу ничком, недвижно лежала фигура в коричневом. Пол был влажным и скользким. Он выбрался из шахты и мгновенно метнулся в коридор, по которому должны были пойти дендарийцы, если они придерживались намеченного ранее маршрута. Следы от выстрелов плазмотрона убедили его, что он на верном пути.

Марк завернул за угол, резко затормозил и юркнул обратно, прочь из поля зрения бхарапутрян. Те его не видели; они стояли лицом в другую сторону. Он попятился по коридору, неуклюже переключаясь между каналами незнакомого шлема, пока не связался с Куинн.

— Капитан Куинн? Э-э, это Марк.

— Черт, ты *где* ? И где *Норвуд* ?

— Мой шлем у него. Он повез криокамеру другим маршрутом. Я позади вас, но присоединиться к вам не могу. Здесь между нами по меньшей мере четверо людей Бхарапутры в полной космической броне, они подбираются к вам с тыла. Осторожно!

— Проклятье, теперь у них перевес в вооружении. Все, хана. — Куинн помолчала. — Нет, о *них* я позабочусь. Марк, уматывай отсюда к черту, следуй за Норвудом. Бегом!

— Что вы собираетесь делать?

— Уронить на этих ублюдков крышу. Пусть их классная космоброня хоть в чем-то с этим поможет… *Бегом!*

Он побежал, осознав, что же она задумала. Добравшись до первой же лифтовой шахты, он полез вверх по лестнице, карабкаясь отчаянно и не глядя, куда именно она ведет. Он не хотел находиться под землей глубже, чем необходимо, когда…

Это было словно землетрясение. Когда стенка шахты выгнулась и треснула, он вцепился в скобу, всем телом ощущая удар звуковой волны. Это продлилось мгновение,

эхом отозвался рокот, и он полез дальше. Над головой был виден дневной свет, его отблески посеребрили вход в шахту.

Марк выбрался на первый этаж здания, обставленного как причудливый офис. Окна были покрыты звездочками и трещинами. Он кулаком пробил дыру в одном из них, вылез и поднял на шлеме инфравизор. Справа от него половина одного из зданий обрушилась в гигантскую воронку. Пыль еще висела удушливым облаком. Бхарапутряне в своей прочной, смертоносной космоброне могли остаться в живых под этим завалом, но потребуются часы раскопок, чтобы извлечь их оттуда. Он ухмыльнулся вопреки собственному ужасу, и стоял на свету, тяжело дыша.

Шлем медика обладал гораздо меньшими возможностями подслушивания, чем командирский, но все же Марку удалось снова найти Куинн. «Отлично, Норвуд, двигайся дальше,» — говорила она. — «И поживее! Фрэмингем, понял? Приглядывай за Норвудом. Начинай подтягивать своих людей с периметра. Как только Норвуд и Тонкин окажутся на борту, поднимайся. Кимура? Ты уже в воздухе?» Пауза; ответа Кимуры Марк не слышал, где бы и кем бы тот ни был. Но смысл сказанного он смог восстановить по дальнейшей реплике Куинн: «Ладно, мы вам только что сделали новую посадочную площадку. Чуток неровную, но сойдет. Следуйте по моему сигналу и садитесь прямо в кратер. Как раз поместитесь. Да, еще как — я замерила лазерным лучом, для вас даже запас будет. *Теперь* ты можешь рискнуть катером, Кимура. Пошел!»

Марк тоже направился к воронке, торопливо пробираясь вдоль стены здания, прячась под его выступающими деталями, пока по стуку падающего бетонного крошева до него не дошло, что нависающий над головой балкон поврежден взрывом и вот-вот обвалится. Остаться под ним и быть расплющенным либо сделать шаг в сторону, на открытое пространство, и быть застреленным? Что бы он ни выбрал, выбор окажется неудачным; в этом он был уверен. Что там говорится в военных учебниках, которые Форкосиган так любил цитировать? «Любой план сражения живет до первого столкновения с врагом». Куинн меняла свою тактику и дислокацию с ошеломляющей быстротой. Она в буквальном смысле слова создала новый выход — рев десантного катера все нарастал в ушах Марка, и он припустил из-под балкона как раз в тот момент, когда от вибрации тот начал рушиться. С одного конца конструкция погнулась и с треском рухнула. Марк продолжал бежать. Пусть снайперы Бхарапутры попробуют попасть в движущуюся мишень…

Как только катер осторожно опустился в воронку, растопырив посадочные опоры, словно гигантское насекомое, Куинн со своим отрядом выскочила наружу. Несколько оставшихся бхарапутрян занимали позицию на крыше напротив и открыли беглый огонь. Но у них были лишь плазмотроны, и они все еще осторожничали, сдерживаемые присутствием клонов, — хотя одна девочка в розовом закричала, попав в шлейф плазменного зеркала солдата-дендарийца. Легкие ожоги, болезненные, но не смертельные. Она плакала и билась в панике, но дендарийский десантник все-таки схватил ее и подтолкнул к люку, который в этот момент открывался и выдвигал трап.

Пара бхарапутрян, отчаявшись подбить катер из своего снайперского оружия, сменила тактику. Они принялись концентрировать огонь на Куинн, вгоняя выстрел за выстрелом в ее перегруженное плазменное зеркало. Вокруг Куинн замерцала дымка голубого огня, она зашаталась под ударами. Клоны и дендарийцы рванулись вверх по трапу.

Командирские шлемы притягивают огонь .

Марк не нашел иного выхода, кроме как пробежать прямо перед ней. Воздух вокруг него засветился от расплесканной отражающим полем энергии, но эта краткая передышка позволила Куинн устоять и удержать равновесие. Она схватила его за руку, и оба помчались вверх по трапу, попав на борт последними. Не успели они рухнуть в люк, как катер накренился и взмыл в воздух, втягивая трап. Люк закрылся у них за спиной. Тишина прозвучала словно песня.

Марк перекатился на спину и лежал, глотая воздух; легкие его горели огнем. Куинн села, лицо ее в овале серого капюшона было красным. Просто как солнечный ожог. Она

трижды истерически всхлипнула, затем плотно стиснула губы. Чуть не плача, она коснулась пальцами своих горящих щек, и Марк вспомнил, что это та самая женщина, чье лицо однажды было целиком сожжено выстрелом из плазмотрона. Однажды, но не дважды. Нет.

Она встала на колени и принялась снова переключаться с канала на канал чуть было не погубившего ее командирского шлема. Затем рывком вскочила на ноги и рикошетом отлетела вперед: катер менял скорость, дергаясь и уходя из-под огня. Марк сел и растерянно уставился по сторонам. Сержант Таура, Торн, клоны — их он узнал. Остальные вокруг были чужаки-дендарийцы — наверное, из Желтого отряда лейтенанта Кимуры; кто-то в обычном сером комбинезоне, кто-то в полной космоброне. Выглядели они изрядно потрепанными. Все четыре койки медотсека в задней части катера были откинуты и заняты ранеными, пятый — лежал на полу. Однако возившаяся с ними женщина-медтехник двигалась плавно, без дикой спешки. Состояние ее пациентов явно стабилизировалось, и они могли подождать, пока не получат медицинский уход в более приемлемых условиях. Хотя криокамера Желтого отряда тоже оказалась только что занята. Для завернутой в термофольгу Филиппи прогноз сделался столь плох, что Марк спросил себя, попытаются ли ее вообще заморозить, как только окажутся на борту «Сапсана»? Но, не считая рядовой с воздушного мотоцикла и фигуры в криокамере, здесь больше не было накрытых с головой фигур и мешков с трупами — похоже, отряд Кимуры справился со своим заданием, каким бы оно ни было, довольно легко.

Катер лег на крыло; они делали круг, еще не выходя на орбиту. Марк вполголоса простонал и встал, чтобы двинуться вслед за Куинн и выяснить, что происходит.

Увидев пленного, Марк замер на месте. Руки сидевшего мужчины были связаны за спиной, а сам он безопасности ради пристегнут к сиденью. Его охраняло двое солдат из Желтого отряда: высокий парень и худощавая женщина, напомнившая Марку змею своим мускулистым телом и взглядом немигающих бусинок-глаз. С виду пленнику было лет сорок или около того, на нем был разорванный китель и брюки коричневого шелка. Из золотого кольца на затылке выбилось несколько прядей темных волос, упавших на лицо. Он не вырывался, а сидел спокойно, выжидая с хладнокровным терпением, вполне соответствующим терпению женщины-змеи.

Бхарапутра. Самый что ни есть Бхарапутра, барон Бхарапутра, Васа Луиджи собственной персоной. Этот человек ни на волосок не изменился с тех пор, как Марк мельком видел его в последний раз восемь лет назад.

Васа Луиджи поднял лицо, и глаза его слегка расширились при виде Марка. — Вот как, адмирал, — тихо проговорил он.

— Именно так, — машинально ответил Марк нейсмитовской фразочкой. Катер накренился резче, и он пошатнулся, пряча утомление и ужас, от которого подгибались колени. Да еще ночью до вылазки он не спал.

Бхарапутра, здесь?

Барон приподнял бровь. — Кто это у вас на рубашке?

Марк посмотрел вниз. Пересекающая его грудь кровавая полоса еще не побурела, она была влажной, липкой и холодной. Он ощутил явное желание ответить шокирующим «Мой брат», но не был уверен, что барона вообще можно шокировать. Поэтому он быстро зашагал вперед, избегая принимающей личный оборот беседы. *Барон Бхарапутра?* Что, Куинн и ее люди собираются оседлать этого тигра, и как именно? Но теперь он по крайней мере понимал, почему катер кружит над зоной боевых действий, не опасаясь вражеского огня.

Куинн и Торна он обнаружил в пилотской рубке, вместе с командиром Желтого отряда Кимурой. Куинн уже заняла центр связи и откинула назад свой серый капюшон; пропитанные потом темные кудри лежали в беспорядке.

— Фрэмингем! Докладывай! — кричала она в комм. — Вам пора подниматься в воздух. Бхарапутрянское воздушное подкрепление почти прямо над вами.

По другую сторону прохода Торн сидел за пультом тактического головида. Два окрашенных в дендарийские цвета пятнышка, боевые катера, безуспешно нападали на строй

вражеских катеров, барражирующих над призрачным городом — астральной проекцией настоящего города, раскинувшегося сейчас под ними. Марк глянул поверх плеча пилота в иллюминатор, но в солнечной утренней дымке не смог разглядеть катера живьем.

— Мы сейчас забираем людей с поверхности, мэм, — отозвался голос Фрэмингема. — Еще минута, пока не вернется весь отряд.

— Кто у вас еще? *Норвуд у вас?!* Я не могу добиться ответа от его шлема.

Недолгая пауза. Куинн стиснула кулаки, потом разжала. Ногти она себе обкусала до мяса.

Наконец раздался голос Фрэмингема. — Мы только что приняли его на борт, мэм. Всех приняли — и живых, и мертвых, кроме Филиппи. Не хочу оставлять никого этим чертовым ублюдкам, если я могу его спасти…

— Филиппи у нас.

— Благодарение богу! Значит, счет сходится. Теперь мы поднимаемся, капитан Куинн.

— Ценный груз, Фрэмингем, — напомнила Куинн. — Встретимся под огневым зонтиком «Сапсана». Боевые катера прикроют твою задницу. — На тактическом дисплее пятнышки дендарийских катеров оторвались от пребывающего в нерешительности противника и оставили его позади.

— А как насчет ваших крыльев?

— Мы прямо за вами. Желтый отряд купил нам беспрепятственный проезд домой по первому классу. «Домой» — это значит на станцию Фелл.

— И оттуда улетаем?

— Нет. «Ариэль» тоже пострадал, еще раньше. Мы пришвартуемся.

— Понял. Увидимся.

Наконец дендарийский строй соединился, и они принялись резко набирать высоту. Марк упал в кресло и крепко в него вцепился. Глядя на тактический дисплей, он понял, что боевые катера рисковали под вражеским огнем гораздо сильнее, чем десантный. Один катер двигался с ощутимым трудом, он пристроился к машине Желтого отряда. Весь строй равнялся на своего подбитого товарища. Но на это раз все шло по плану. Истребители Бхарпапутры нехотя отстали, когда они вышли на орбиту за пределы атмосферы.

На мгновение Куинн устало облокотилась на пульт и спрятала в ладонях белое, в красных пятнах лицо, потирая пострадавшие веки. Торн сидел молча. Куинн, Торн, сам Марк — на каждом из них осталась часть кровавой полосы, словно алой ленты, связавшей их друг с другом.

Наконец показалась Станция Фелл. Это было массивное сооружение, крупнейшая из орбитальных станций, вращающихся вокруг Единения Джексона — а также штаб-квартира и город барона Фелла. Барон Фелл предпочитал занимать господствующую высоту. В деликатного характера сети, связывающей Великие Дома, Фелл обладал наибольшей грубой силой, если подразумевать под ней способность кого-то или что-то уничтожить. Но прямое уничтожение редко бывает выгодным, а здесь успех исчисляли в звонкой монете. Что за монету использовали дендарийцы, чтобы купить помощь или хотя бы нейтралитет Станции Фелл? Такую персону, как барон Бхарапутра, ныне пребывающий под охраной в грузовом отсеке? А что за козырь тогда представляют собой клоны — так, разменную монету? Подумать только, а он еще презирал *джексонианских* торговцев плотью…

Станция Фелл как раз сейчас выплывала с ночной стороны планеты, и постепенно наползающая граница дневного света эффектно открывала ее гигантский объем. Они затормозили, направляясь к одному из рукавов и передав управление диспетчерам Фелла и тяжеловооруженным буксирам эскорта, вынырнувшим словно ниоткуда. Здесь же был и «Сапсан», курсирующий вдоль борта станции. Десантные и боевые катера исполнили свой танец вокруг корабля-матки, тщательно подбираясь к стыковочным захватам. И сам «Сапсан» аккуратно двигался к назначенной ему стоянке.

Клацание причальных захватов дока, шипение запоров переходного рукава; вот они и дома. В грузовом отсеке дендарийцы, сперва быстро организовав переноску раненых в

лазарет «Сапсана», убирались, расставляли все и крепили по местам — уже медленней и с усталым видом. Куинн пулей пролетела мимо них, Торн — за ней по пятам. Словно на привязи этой смертельной алой ленты, Марк последовал за ними.

Целью безумного броска Куинн оказалась шлюзовая камера правого борта, где швартовался катер Фрэмингема. Они оказались там, когда еще закрепляли гибкий переходной рукав, затем им пришлось отойти с дороги и пропустить срочно эвакуируемых из катера раненых. Марк забеспокоился, узнав среди них рядового Тонкина, сопровождавшего медика. На этот раз Тонкин выступал в другой роли — не охранника, а пациента. Лицо его было темным, неподвижным; он оставался без сознания все время, пока энергичные руки товарищей спешно выносили его из катера и укладывали на плавучую платформу. *Что-то здесь не так, совсем не так* .

Куинн нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Вот начали выходить еще дендарийцы, гоня перед собой толпу клонов. Куинн нахмурилась и принялась проталкиваться через поток идущих в переходный рукав и затем в катер.

Торн и Марк последовали за ней в хаос невесомости. Здесь повсюду были подростки-клоны — одни рыдали, других жестоко тошнило; дендарийцы пытались собрать их и направить к выходу. Один встревоженный солдат ручным пылесосом вылавливал из воздуха плавающие комочки чьего-то последнего завтрака прежде, чем кто-то успеет их вдохнуть. Крики, вопли, ропот голосов отдавались в голове, как удар. Окрики Фрэмингема не приносили результата: невозможно было восстановить здесь военный порядок прежде, чем перепуганные клоны покинут грузовой отсек.

— Фрэмингем! — Куинн подплыла к нему и ухватила за щиколотку. — Фрэмингем! Где к чертовой матери криокамера, которую сопровождал Норвуд?

Тот опустил глаза, помрачнев. — Но вы же сказали, что она у *вас* , капитан.

— Что?!

— Вы сказали, что Филиппи у *вас* . — Его губы растянулись в гримасе ярости. — Черт побери, если мы оставили ее там, я …

— Да, Филиппи у нас, но она… она была уже не в криокамере. Камеру должен был вам привезти Норвуд. Норвуд с Тонкином.

— С ними не было камеры, когда мой спасательный отряд их вытащил. Мы подобрали их обоих, вернее, что от них осталось. Норвуд убит. Ему попала в глаз одна из этих долбанных разрывных иглогранат. Голову разнесло на куски. Но я не бросил его тело — оно здесь, в мешке.

Командирский шлем притягивает огонь, о да, я это знал… Неудивительно, что Куинн не могла пробиться к каналу его шлема.

— Криокамера, Фрэмингем! — В голосе Куинн была такая черная тоска, какой Марк не слышал до сих пор.

— Я не *видел* никакой чертовой криокамеры, Куинн! У Норвуда с Тонкиным ее не было, когда мы до них добрались. Что такого важного, мать его так, было в этой криокамере, если там даже не было Филиппи?

Куинн выпустила его лодыжку и повисла в воздухе, свернувшись в тугой комок, поджав руки и ноги. Глаза ее были огромными и темными. Она не дала вырваться наружу потоку неадекватных и гадких ругательств, стиснув зубы так крепко, что десны побелели. Лицо Торна цветом напоминало мел.

— Торн, — произнесла Куинн, как только снова смогла говорить, — Найди мне по комму Елену. Я хочу, чтобы на обоих кораблях ввели полный режим секретности и радиомолчания, начиная с *этой секунды* . Никаких отпусков, никаких увольнительных, никакой связи со станцией Фелл или с кем-либо еще, кого я лично не проверю. Скажи ей, что мне здесь нужен лейтенант Харт с «Ариэля». Я хочу видеть их обоих одновременно, и лично, а не по каналу комма. Давай.

Торн кивнул, перевернулся в воздухе и метнулся в пилотский отсек.

— Что такое? — вопросил сержант Фрэмингем.

Куинн сделала глубокий, медленный вздох. — Фрэмингем, мы оставили внизу адмирала.

— Ты что, с ума сошла, вот же он… — Палец Фрэмингема уперся в Марка, но не дошел до него. Рука сжалась в кулак. — О! — Он понял. — Это клон.

Глаза Куинн горели; Марк чувствовал, как этот взгляд сверлит его затылок, словно лазерная дрель. — Может и нет, — тяжело произнесла Куинн. — И уж дому Бхарапутра эти подробности знать не обязательно.

— Да? — Фрэмингем сощурил глаза, размышляя.

«Нет!» — мысленно завопил Марк. Беззвучно. Совершенно беззвучно.

Глава 8

Это было все равно что оказаться в ловушке в запертой комнате с полудюжиной мучимых похмельем серийных убийц. Марк слышал дыхание каждого из рассевшихся вокруг офицерского стола для совещаний. Они собрались в конференц-зале рядом с главной тактической рубкой «Сапсана». Изо всех присутствующих дыхание Куинн было самым легким и частым, Тауры — самым глубоким и угрожающим. Лишь Елена Ботари-Джезек на капитанском месте во главе стола и лейтенант Харт по правую руку от нее выглядели по-корабельному чисто и опрятно. Остальные явились как были после десантной операции, помятые и пропахшие черт знает чем: Таура, сержант Фрэмингем, лейтенант Кимура, Куинн слева от Ботари-Джезек. И, конечно, он сам, одиноко устроившийся на дальнем конце длинного стола.

Капитан Ботари-Джезек нахмурилась и без слов пустила по кругу пузырек с таблетками болеутоляющего. Сержант Таура взяла себе шесть. Отказался один лейтенант Кимура. Таура передала таблетки через стол Фрэмингему, и не подумав предложить их Марку. Он тянулся к этим таблеткам, как томимый жаждой тянется к стакану воды, выливаемому в песок пустыни и поглощаемому им без следа. Бутылочка обошла стол и исчезла в капитанском кармане. Глаза Марка пульсировали в орбитах, а затылок стянуло словно высыхающую сыромятную кожу.

Заговорила Ботари-Джезек. — Мы собрали это неотложное совещание, чтобы разобраться всего с двумя вопросами, и как можно быстрее. Что, черт возьми, произошло, и что нам делать дальше? Записи со шлемов уже на пути сюда?

— Да, мэм, — ответил сержант Фрэмингем. — Их принесет капрал Абромов.

— К несчастью, мы потеряли те записи, которые имеют к происходившему самое непосредственное отношение. Так, Фрэмингем?

— Боюсь что так, мэм. Полагаю, они впечатались в стену где-то во владениях Бхарапутры, вместе с остатками шлема Норвуда. Чертовы гранаты.

— Проклятие! — Куинн сгорбилась в кресле.

Дверь конференц-зала скользнула в сторону, и рысцой вбежал капрал Абромов. Он нес стопку из четырех небольших, прозрачных пластиковых лотков, помеченных «Зеленый отряд», «Желтый отряд», «Оранжевый отряд» и «Синий отряд». На каждом лотке лежал ряд из десяти-шестнадцати крошечных пуговичек. Записывающие устройства шлемов. Личные записи всех десантников за последние часы, отслеживающие каждое движение, каждое сердцебиение, каждое сканирование, выстрел, попадание и разговор по связи. События, происходившие слишком быстро, чтобы осознать их в реальном времени, можно было замедлить, проанализировать, разобрать на кусочки, выявить ошибки в порядке действий и исправить их — в следующий раз.

Абромов откозырял и передал лотки в руки капитана Ботари-Джезек. «Спасибо, можете идти», ответила она и отдала лотки капитану Куинн, а уже та вставила их в приемное устройство компьютера-симулятора и выгрузила данные. Плюс наложила на этот файл код высокой секретности. Ее ободранные пальцы метались над панелью управления видео.

Над поверхностью стола сформировалась уже знакомая призрачная трехмерная

голокарта медкомплекса Бхарапутры. — Я перескочу непосредственно к тому моменту, когда мы были атакованы в туннеле, — сказала Куинн. — Вот мы: Синий отряд, часть Зеленого… — Клубок спагетти из синих и зеленых светящихся линий возник в самой глубине туманного здания. — Тонкин — это Номер Шесть Синего отряда, и он сохраняет свой шлем и далее. — Она сделала след Тонкина на карте желтым, для контраста. — У Норвуда пока что Номер Десять Синего отряда. На Марке… — она поджала губы, — шлем Номер Один. — Этого следа, разумеется, недоставало. Она подсветила след десятого номера, Норвуда, розовым. — В какой точке вы с Норвудом обменялись шлемами, Марк? — Задавая этот вопрос, она на него не взглянула.

Пожалуйста, отпустите меня. Он был уверен, что болен: его до сих пор трясло. Какой-то мелкий мускул на загривке сводило спазмом, крошечными подергиваниями, пробивавшимися сквозь общий фон боли. — Мы спустились до конца вот этой лифтовой шахты, — вместо голоса у него вышел сухой шепот. — Затем… когда шлем Десять возвращается наверх, он уже на мне. Норвуд и Тонкин пошли дальше вместе, тогда я их и видел в последний раз.

Действительно, розовая линия снова поднялась по шахте и червем поползла вслед за клубком зеленых и синих. Желтая ушла в одиночестве.

Куинн быстро прокрутила вперед запись голосов. Баритон Тонкина звучал писком накачавшегося амфетаминами комара. — Когда я последний раз вышла с ними на связь, они были вот здесь. — Куинн отметила сияющим пятнышком света это место — внутренний коридор глубоко в недрах соседнего здания. Она замолчала, позволяя желтой линии змеиться дальше. Вниз по лифтовой шахте, сквозь очередной служебный туннель, под самим зданием, вверх и проходя еще одно насквозь.

— Вот, — внезапно произнес Фрэмингем, — вот этаж, где они попались. Мы поймали их передачу *здесь* .

Куинн отметила еще одну точку. — Значит, криокамера должна быть где-то поблизости от линии их перемещения между вот этим и этим местом, — указала она на два ярких пятнышка. — Должна быть. — Она впилась в изображение прищуренными глазами. — Два здания. Думаю, даже два с половиной. Но в голосовой связи Тонкина нет, черт побери, ничего, что бы дало мне ключ. — В комарином писке слышалось описание нападавших бхарапутрян и крики о помощи, снова и снова, но ни одного упоминания о криокамере. Горло у Марка перехватывало в такт его словам. *Куинн, выключи его, пожалуйста…*

Программа завершилась. Все дендарийцы вокруг стола уставились на изображение, словно хотели выжать из него что-то еще. Но больше ничего не было.

Дверь отодвинулась, и вошел капитан Торн. Марку никогда не доводилось видеть более измотанное человеческое существо. Торн все еще был одет в грязный комбинезон, а из полуброни он снял только аккомулятор плазменного зеркала. Серый капюшон был откинут, русые волосы прилипли к голове. Глубоко въевшаяся в лицо сажа обозначала границу капюшона серым точно так же, как у Куинн — покрасневшая от ожога перегруженного плазменного поля кожа. Торн двигался торопливо, порывисто, преодолевая почти обморочную усталость. Капитан склонился, опершись на стол; губы его были сжаты в ровную мрачную линию.

— Итак, удалось ли получить от Тонкина хоть что-то? Что есть в компьютере, мы только что видели. По-моему, этого недостаточно.

— Медики привели его в сознание, ненадолго, — ответил Торн. — и он говорил. Я надеялся, что записи регистраторов придадут смысл тому, что он сказал, но…

— Что он сказал?

— Сказал, что когда они добрались до этого здания, — заметил Торн, — то их отрезали. Еще не окружили, но перекрыли дорогу к катеру, и противник стал быстро замыкать кольцо. Тут, сказал Тонкин, Норвуд крикнул, что у него есть идея, что он видит что-то «позади». Он приказал Тонкину отвлекать внимание врага гранатами и охранять один из коридоров — должно быть, вон тот. А сам взял криокамеру и побежал обратно, откуда

они пришли. Вернулся он несколькими минутами спустя — не больше шести минут, как сообщил Тонкин. И сказал ему: «Теперь все в порядке. Адмирал выберется отсюда, даже если мы не сможем.» Примерно двумя минутами спустя он был убит разрывной гранатой, а Тонкин — контужен и получил сотрясение мозга.

Фрэмингем кивнул. — Мои люди оказались там максимум три минуты спустя. Они заставили отступить нескольких бхарапутрян, обыскивавших тела, — те то ли мародерствовали, то ли искали разведданные, то ли то и другое сразу, капрал Абромов не может сказать определенно — подобрали Тонкина и тело Норвуда и сбежали оттуда со всей возможной скоростью. Никто из отряда не докладывал, что где-то видел криокамеру.

Куинн с отсутствующим видом грызла обломок ногтя. Марк подумал, что она даже не осознает этого действия. — Это все?

— Тонкин сказал, что Норвуд засмеялся, — добавил Торн.

— Засмеялся. — Куинн поморщилась. — Проклятье.

Капитан Ботари-Джезек глубоко утонула в своем кресле. Все вокруг стола, похоже, переваривали этот последнюю новость, уставившись на голокарту. — Он совершил какую-то хитрость, — заметила Ботари-Джезек. — Или что-то, что он счел хитростью.

— У него было всего где-то пять минут. Что такого хитрого он мог устроить за пять минут? — пожаловалась Куинн. — Все проклятые боги да швырнут этого хитреца в шестнадцать преисподних за то, что он не доложился!

— Несомненно, он собирался это сделать, — вздохнула Ботари-Джезек. — По-моему, не стоит тратить время, определяя вину каждого. А то вины хватит на всех, по кругу.

Торн поморщился, равно как Фрэмингем, Куинн и Таура. И все они поглядели на Марка. Он сжался в кресле.

— Все произошло, — Куинн поглядела на свое хроно, — менее двух часов назад. Что бы ни сделал Норвуд, криокамера еще там, внизу. Должна быть.

— Так что же нам делать? — сухо поинтересовался Кимура. — Высадиться еще с одним десантом?

Куинн поджала губы, не одобряя этого усталого сарказма. — Вызываешься добровольцем, Кимура? — Тот вскинул ладони, капитулируя и умолкая.

— Тем временем, — сообщила Ботари-Джезек, — нас вызывает Станция Фелл, и весьма настоятельно. Нам нужно начинать переговоры. Полагаю, они будут включать и нашего заложника. — Краткий благодарный кивок в сторону Кимуры подтвердил, какой именно единственный эпизод десантной миссии прошел с безоговорочным успехом. Кимура кивнул в ответ. — Кто-нибудь здесь знает, каковы были намерения адмирала в отношении барона Бхарапутры?

Все вокруг отрицательно покачали головами. — Что, и *ты* не знаешь, Куинни? — изумленно спросил Кимура.

— Нет. Не было времени на болтовню. Я даже не уверена, всерьез ли адмирал рассчитывал на успех твоей операции по похищению, Кимура, или ее ценность была просто в отвлечении внимания. Это больше похоже на его обычную стратегию: не позволять всей операции зависеть от чего-то одного с неясным исходом. Думаю, он планировал, — голос ее упал до вздоха, — положиться на собственную инициативу. — Он выпрямилась. — Но я чертовски хорошо знаю, что именно намерена делать я сама. На этот раз сделка будет в *нашу* пользу. Барон Бхарапутра станет обратным билетом отсюда для всех нас, и для адмирала тоже, но мы должны разыграть все в точности как надо.

— В таком случае, — проговорила Ботари-Джезек, — думаю, что нам не стоит выдавать Дому Бхарапутра, насколько ценный груз мы оставили внизу.

Ботари-Джезек, Торн, Куинн — все — повернулись и поглядели на Марка, хладнокровно и изучающе.

— Я тоже об этом подумала, — отозвалась Куинн.

— Нет, — прошептал Марк. — Нет! — Его вопль вырвался хриплым карканьем. — Вы же не всерьез. Вы не можете заставить меня быть им, я больше *не хочу* им быть, боже мой!

Нет! — Его трясло, колотило, желудок выворачивало наизнанку и скручивало узлом. *Мне холодно* .

Куинн с Ботари-Джезек поглядели друг на друга. Ботари-Джезек кивнула, приняв бессловное послание.

Куинн произнесла: — Все свободны, возвращайтесь к своим обязанностям. Кроме вас, капитан Торн. Вы освобождаетесь от командования «Ариэлем», оно переходит к лейтенанту Харту.

Торн кивнул, словно ожидал именно этого. — Я арестован?

Глаза Куинн сощурились от боли. — Черт, у нас на это нет времени. И людей. К тому же ты еще не доложился после операции, и помимо этого, мне нужен твой опыт. Эта… ситуация может быстро измениться в любую секунду. Считай, что ты под домашним арестом и приписан по мне. Можешь охранять себя сам. Займи одну из гостевых офицерских кают здесь, на «Сапсане», и назови ее своей камерой, если тебе так хоть немного легче.

Физиономия Торна сделалась совершенно мрачной. — Есть, мэм, — безо всякого выражения ответил гермафродит.

Куинн нахмурилась. — Иди, приведи себя в порядок. Продолжим позже.

Все, кроме Куинн и Ботари-Джезек, один за другим вышли. Марк попытался последовать за ними. «А ты — *нет* », — произнесла Куинн голосом, похожим на погребальный колокол. Марк снова рухнул в кресло и съежился. Как только последний дендариец покинул помещение, Куинн протянула руку и отключила все записывающие устройства.

Женщины Майлза. Про Елену, его детскую любовь, а ныне — капитана Ботари-Джезек, Марк выучил все, когда комаррцы тренировали его быть лордом Форкосиганом. Хотя она оказалась не совсем такой, какую он ожидал. Дендарийка Куинн оказалась для комаррских заговорщиков сюрпризом. Обе женщины оказались случайным образом похожи с виду: короткие темные волосы, тонкая бледная кожа, влажные карие глаза. А так ли уж это случайно? Или Форкосиган подсознательно выбрал Куинн как подмену Ботари-Джезек, когда не смог получить оригинал? Даже имена у них были похожи, Элли и Елена.

Ботари-Джезек была на целую голову выше, с удлиненным, аристократическим лицом и куда более хладнокровна и сдержанна — впечатление, усиливаемое ее опрятным серым офицерским мундиром. Куинн, в комбинезоне и боевых ботинках, была ниже ростом — хотя на голову выше его самого, — более округлых форм и вспыльчивей по характеру. И обе ужасали. Собственный вкус Марка в плане женщин — если он останется в живых, чтобы воплотить его на практике, — склонялся в сторону кого-то вроде той блондиночки-клона, которую они извлекли из-под кровати, будь она только в подходящем возрасте. Низенькая, мягкая, розовая, робкая — та, что не убьет и не съест его после спаривания.

Елена Ботари-Джезек наблюдала за ним с чем-то вроде ужасающего любопытства. — Так на него похож. Хотя не он. Ты чего трясешься?

— Мне холодно, — пробормотал Марк.

— *Тебе* холодно! — в ярости подхватила его слова Куинн. — Тебе холодно! Ах ты, проклятый всеми богами маленький придурок… — Она резко развернула вращающееся кресло и села к Марку спиной.

Ботари-Джезек встала, обогнула стол и подошла к нему. Женщина-ива. Она коснулась его липкого от пота лба; Марк дернулся, чуть ли не сорвавшись с места. Она наклонилась и заглянула ему в глаза. — Куинн, сдай назад. Он в психологическом шоке.

— Моего внимания он не заслуживает, — выдохнула Куинн.

— И, несмотря на это, он все еще в шоке. Если хочешь добиться результата, ты должна принимать его в расчет.

— Проклятье. — Куинн развернулась. Текущая из глаз влага промывала новые дорожки на ее красно-белом, измазанном грязью и засохшей кровью лице. — Ты-то не видела. Не видела лежащего Майлза, сердце которого разметало взрывом по всей комнате.

— Куинни, на самом деле он же не умер, верно? Он просто заморожен, и… и…

потерялся. — Не было ли в ее голосе тончайшего оттенка неуверенности, отрицания?

— О, он умер на самом деле, еще как. На самом что ни есть деле умер и заморожен. И останется таким навечно, если мы его не вернем! — Кровь, покрывавшая весь ее комбинезон, запекшаяся в складках ладоней, измазавшая лицо, наконец побурела.

Ботари-Джезек набрала воздуху. — Давай сосредоточимся на том деле, которое сейчас в наших руках. Неотложный вопрос состоит в том, сможет ли Марк одурачить барона Фелла? Фелл однажды встречался с настоящим Майлзом.

— Это одна из причин, почему я не посадила Бела Торна под строгий арест. Бел был тогда там и, надеюсь, он сможет помочь советом.

— Да. И вот что любопытно… — Она боком присела на край стола и принялась раскачивать ногой. — В шоке был Марк или нет, но легенды-прикрытия Майлза он не разрушил. Имя «Форкосиган» с его губ не сорвалось, верно?

— Верно, — признала Куинн.

Ботари-Джезек поджала губы, изучая Марка. — А почему? — внезапно спросила она.

Марк еще чуть-чуть сполз, сжавшись, в кресле, пытааясь скрыться из-под ее пристального взгляда. — Не знаю, — пробормотал он. Она неумолимо не сводила с него глаз, и он сумел пробурчать чуть громче: — По привычке, наверное. — Большей частью, по привычке Сера Галена в старые недобрые дни выколачивать из него дерьмо, как только он в чем-нибудь напортачит. — Когда я играю роль, я ее играю. М-Майлз никогда бы так не обмолвился, ну, и я тоже.

— А кто ты, когда не играешь роль? — Ботари-Джезек глядела на него прищуренными, оценивающими глазами.

— Я… почти не знаю. — Он сглотнул, и попробовал еще раз заставить свой голос звучать громче. — Что станет с моими… с клонами?

Куинн попыталась было заговорить, но Ботари-Джезек подняла руку, останавливая ее. И вместо этого произнесла сама: — А что бы ты хотел, чтобы с ними стало?

— Я хочу, чтобы их освободили. Чтобы они оказались на свободе где-нибудь в таком месте, откуда Дом Бхарапутра не сумеет снова их похитить.

— Странный альтруизм. Не могу удержаться и не спросить: почему? В первую очередь, почему ты вообще предпринял эту операцию? Чего надеялся достичь?

Он открыл рот, но не произнес ни звука. Он не мог ответить. Его еще не оставили липкий пот, слабость и дрожь. Голова у него болела по-черному, словно от нее отлила вся кровь. Он помотал головой.

— Ф-фу! — рявкнула Куинн. — Что за неудачник. Что за чертов *анти-Майлз* ! Вырвать поражение из пасти победы…

— Куинн… — тихо произнесла Ботари-Джезек. В ее голосе, в одном-единственном слове, прозвучал глубочайший упрек, который Куинн расслышала и признала, ответив на него пожатием плеча. — Думаю, ни одна из нас не знает, что это у нас в руках, — продолжила Ботари-Джезек. — Но я понимаю, когда мне что-то не по силам. И в то же время знаю кого-то, кому это окажется по силам.

— Кого?

— Графиню Форкосиган.

— Хм. — Куинн вздохнула. — Тут еще одно. Кто расскажет *ей* о… — резко повернутый вниз большой палец означал и Единение Джексона, и пагубные события, только что там случившиеся. — Да помогут мне боги: если я действительно командую теперь этим флотом, это мне придется доложить обо всем Саймону Иллиану. — Она помолчала. — Хочешь принять командование, Елена? Как старший из присутствующих здесь капитанов кораблей, ведь теперь Бел Торн под этим вроде как арестом, и вообще. Я взяла в свои руки командование потому, что под огнем была вынуждена это сделать.

— Ты все сделала отлично, — сказала Ботари-Джезек с легкой улыбкой. — Я поддержу тебя. — И добавила. — Тебя всегда самым тесным образом привлекали к делам разведки. Ты — логичный выбор.

— Да, знаю. — Куинн скривилась. — А ты расскажешь его семье, если до этого дойдет?

— Для такого дела, — вздохнула Ботари-Джезек, — самый логичный выбор — я. Да, я расскажу графине.

— Договорились. — Однако обе выглядели так, словно спрашивали себя, кому из них досталась лучшая — или худшая — половина дела.

— Что касается клонов, — Ботари-Джезек снова пристально поглядела на Марка, — каким образом ты хотел бы *заработать* их свободу?

— Елена, — предупреждающе произнесла Куинн, — не давай никаких обещаний. Мы не знаем, что нам еще придется отдать за то, чтобы отсюда убраться. Чтобы, — она снова показала вниз, — вернуть его.

— Нет, — прошептал Марк. — Вы не можете. Не можете отправить их… обратно вниз, после всего.

— Я уже отдала Филиппи, — мрачно проговорила Куинн. — И *тебя* бы отдала во мгновение ока, если не считать того, что *он* … Ты вообще знаешь, почему мы оказались внизу с этой треклятой десантной вылазкой? — спросила она.

Марк без слов покачал головой.

— Из-за тебя, маленькое дерьмецо. Адмирал уже наполовину договорился с бароном Бхарапутрой. Мы собирались выкупить Зеленый отряд за четверть миллиона бетанских долларов. Это стоило бы не намного дороже десантной операции, если посчитать все оборудование, которое мы потеряли с катером Торна. И все жизни. Но барон отказался добавить в общую кучу и тебя. Почему он не собирался тебя продавать, я не знаю. Ты для всех бесполезен. Но Майлз тебя бы не бросил!

Марк потупился, уставившись на собственные руки, нервно хватающие одна другую. Потом поднял взгляд и увидел, как Ботари-Джезек снова изучает его, как если бы он был жизненно важным зашифрованным сообщением.

— Как адмирал не бросил бы своего брата, — медленно произнесла она, — так и Марк не бросит клонов. Верно? Да?

Он бы сглотнул, но у него и слюна кончилась.

— Ты сделаешь все, чтобы спасти их, а? Все, что мы ни попросим?

Он открыл рот и снова его захлопнул. Это должно быть стать глухим, беззвучным «да».

— Ты сыграешь для нас роль адмирала? Конечно, мы тебя поднатаскаем.

Он наполовину кивнул, но все же умудрился выпалить: — А обещание?…

— Мы возьмем всех клонов с собой, когда будем улетать. Мы высадим их где-нибудь, где их не сможет достать Дом Бхарапутра.

— Елена! — запротестовала Куинн.

— Я хочу, — на этот раз он сглотнул, — получить слово барраярки. Ваше слово, — сказал он Ботари-Джезек.

Куинн закусила нижнюю губу, но ничего не сказала. После долгой паузы Ботари-Джезек кивнула: — Хорошо. Даю в этом свое слово. Но ты обязан полностью с нами сотрудничать, понимаешь?

— Ваше слово как кого?

— Просто мое слово.

— … Да. Хорошо.

Куинн поднялась и глянула на него сверху вниз. — Разве он сейчас подходит, чтобы сыграть эту роль?

Ботари-Джезек проследила за ее взглядом. — В этом состоянии — нет. Думаю, нет. Пусть он вымоется, поест, отдохнет. Тогда посмотрим, что можно сделать.

— Возможно, барон Фелл не даст нам времени нянчиться с ним.

— Скажем барону Феллу, что адмирал принимает душ. Это вполне будет правдой.

Душ. *Еда* . Он настолько изголодался, что почти не хотел есть, желудок онемел, он чувствовал вялость во всем теле. И замерз.

— Все, что я могу сказать, — подытожила Куинн, — он чертовски дурная подделка под настоящего Майлза Форкосигана.

Вот-вот, именно я это и пытался вам втолковать .

Ботари-Джезек покачала головой, с каким-то раздраженным согласием. — Пошли, — сказала она ему.

Она отвела его в офицерскую каюту, маленькую, но — слава богу — отдельную. Она была необжитой, пустой, чистой и по-военному аскетичной, а воздух там был слегка застоявшимся. Он предположил, что Торн должен обретаться где-то в аналогичной каюте поблизости.

— Я распоряжусь доставить для тебя кое-какую чистую одежду с «Ариэля». И принести поесть.

— Сперва поесть — можно?

— Конечно.

— Почему вы так внимательны ко мне? — Голос его вышел жалобным и недоверчивым; боюсь, подумал Марк, я так произвожу впечатление слабака и параноика.

На ее орлином профиле отразилась задумчивость. — Я хочу знать… кто ты такой. Что ты такое.

— Вы же знаете. Я — специально изготовленный клон. Изготовленный именно здесь, на Единении Джексона.

— Я не имею в виду твое тело.

Он сгорбился в непроизвольной защитной позе, хотя и знал, что она подчеркивает его уродство.

— Ты очень замкнут, — заметила она. — Очень одинок. Майлз совсем не такой. Как правило.

— Он не человек, он толпа. Он целую чертову армию заставляет тащиться за собой. — *Не говоря уж об этом ужасающем гареме.* — Полагаю, ему это нравится.

Ее губы тронула неожиданная улыбка. В первый раз он увидел, как она улыбается. Улыбка меняла ее лицо. — Да, по-моему, нравится. — Улыбка погасла. — Нравилось.

— Вы делаете это для него, верно? Ведете себя со мной так, потому что считаете, что ему этого хотелось бы. — Не потому, что он сам имеет на это право, нет, никогда, но все из-за Майлза и его чертовой одержимости братскими чувствами.

— Отчасти.

Все верно .

— Но главным образом потому, — продолжила она, — что в один прекрасный день графиня Форкосиган спросит меня, что я сделала для ее сына.

— Вы собираетесь обменять его на барона Бхарапутру, да?

— Марк… — Ее глаза потемнели от странной… жалости? иронии? Он ничего не сумел прочесть в ее глазах. — Это она спросит о тебе.

Она развернулась на каблуках и оставила его одного, плотно закрыв дверь каюты.

* * *

Он принял самый горячий душ, какого можно было добиться от крошечного смесителя, и долгие минуты стоял в жарком воздухе сушилки, пока его кожа не раскраснелась. Лишь тогда он перестал дрожать. Он усталости кружилась голова. Когда он наконец выбрался из душа, то обнаружил, что кто-то побывал здесь и принес еду и одежду. Он торопливо натянул белье, черную дендарийскую футболку и серые трикотажные брюки своего прародителя, а затем накинулся на ужин. На этот раз это было не изысканное, особое меню Нейсмита, а скорее поднос со стандартным, готовым к употреблению пайком, разработанным так, чтобы поддерживать в форме крупного физически активного солдата. Далеко не лакомство гурмана, зато в первый раз за несколько недель у него на тарелке оказалось достаточно еды.

Он жадно заглотил все, словно тот, кто чудесным образом эту еду доставил, мог появиться вновь и отнять ее. С разболевшимся желудком он забрался в кровать и улегся на бок. Он больше не дрожал, словно от холода, не чувствовал себя опустошенным, покрытым потом и трясущимся от недостатка сахара в крови. Однако какое-то физическое сотрясение по-прежнему прокатывалось по всему его телу, подобно черному приливу.

По крайней мере, ты вытащил клонов .

Нет. Их вытащил *Майлз* .

Проклятье, проклятье, проклятье…

Этот наполовину свершившийся провал был совсем не тем славным освобождением, о котором он мечтал. Ну а каких последствий он ждал вообще? Во всех своих отчаянных построениях он практически ничего не планировал дальше возвращения на Эскобар с «Ариэлем». На Эскобар, с улыбкой на лице и с клонами под крылышком. Он так и видел картину своего будущего разговора с разъяренным Майлзом, но тогда Майлз уже опоздал бы его остановить, забрать у него победу. Он чуть ли не ожидал, что будет арестован, но под арест пойдет охотно, насвистывая. Чего же он *хотел* ?

Быть свободным от вины за то, что выжил? Разрушить старое проклятье? *«Из тех, кого ты здесь знал, никого не осталось в живых…»* Он думал — когда вообще об этом задумывался, — что им движет именно этот мотив. Может, все было не так просто, и он сам хотел от чего-то освободиться… В последние два года, обретя свободу от Сера Галени и комаррцев стараниями Майлза Форкосигана и опять-таки освобожденный Майлзом, уже окончательно рано утром на лондонской улице, он не обрел того счастья, о котором мечтал во времена своего рабства у террористов. Майлз разбил лишь физические цепи, сковывавшие его; но иные оковы, невидимые, врезались так глубоко, что вокруг них наросла плоть.

Ты что думал? Что если будешь таким же героем, как Майлз, то они должны будут отнестись к тебе, как к Майлзу? Что они должны будут тебя полюбить?

И что это за *они* ? Дендарийцы? Сам Майлз? Или стоящие за Майлзом зловещие, завораживающие тени — граф и графиня Форкосиган?

Образ родителей Майлза был неопределенным, размытым. Неуравновешенный Гален изобразил их, своих ненавистных врагов, отвратительными негодяями — Мясником Комарры и его мегерой-женой. Однако, с другой стороны, он требовал, чтобы Марк изучал их, пользуясь не подвергнутыми цензуре материалами: написанными ими текстами, произнесенными публично речами, частными видеозаписями. Родители Майлза были явно сложными людьми, вряд ли святыми, но так же явно — и не «бешеным садистом-мужеложцем и сукой-убийцей» из параноидального бреда Галени.

На видеозаписях граф Эйрел Форкосиган выглядел просто седеющим, плотного сложения мужчиной с необычно пристальным взглядом на довольно грубоватом лице и глубоким, рокочущим, ровным голосом. Графиня Корделия Форкосиган выступала не столь часто; это была высокая женщина с рыжими с проседью волосами и удивительными серыми глазами, слишком сильная, чтобы ее можно было назвать хорошенькой, но столь уравновешенная и уверенная, что казалась красивой, даже если, строго говоря, таковой не являлась.

А теперь Ботари-Джезек грозится отвезти его к ним…

Марк сел и включил свет. Быстрый осмотр каюты не выявил ничего, пригодного для самоубийства. Ни оружия, ни режущих предметов — дендарийцы разоружили его, когда он оказался на борту. Не к чему прицепить веревку или пояс, чтобы повеситься. Свариться заживо в душе — не вариант; прочно запечатанный датчик выключит воду автоматически, как только ее температура выйдет за пределы физически переносимой. Он снова отправился в постель.

В его сознании снова и снова в замедленном воспроизведении прокручивалась картинка: грудная клетка спешащего, орущего человечка взрывается карминным фонтаном. Он сам изумился, когда заплакал. Это шок, это должен быть просто шок, Ботари-Джезек же поставила диагноз. *Я ненавидел этого маленького паршивца, когда он был жив, почему же я*

плачу? Абсурд. Быть может, он сходит с ума.

Две ночи без сна оставили ему состояние звенящего оцепенения, однако заснуть сейчас он не мог. Он лишь задремал, проваливаясь и снова выныривая из полусна и недавних, жгучих воспоминаний. В полубреду ему привиделось, что он плывет по реке крови в надувной лодке, отчаянно вычерпывая заливающий ее алый поток. Так что когда Куинн пришла за ним всего после часа отдыха, это было настоящим облегчением.

Глава 9

— Что бы ты ни делал, — сказал капитан Торн, — только не упоминай о бетанской процедуре омоложения.

Марк нахмурился. — Что за бетанская процедура омоложения? Разве такая существует?

— Нет.

— Тогда какого черта мне ее не упоминать?

— Не важно. Просто не делай этого.

Марк стиснул зубы, развернулся на вращающемся кресле лицом к видео-пластине и нажал клавишу, опуская сиденье так, чтобы ботинки прочно стали на пол. Он был полностью облачен в серую офицерскую форму Нейсмита. Куинн одела его, словно куклу или ребенка-олигофрена. После этого Куинн, Ботари-Джезек и Торн набили его голову уймой противоречащих друг другу инструкций, как именно ему изображать Майлза во время предстоящей беседы. *Будто я сам не знаю* . Сейчас трое капитанов сидели здесь, в тактической рубке «Сапсана», в пультовых креслах за пределами зоны видимости камеры, готовые суфлировать ему через вставленный в ухо микрофон. А он еще считал кукловодом *Галена* ! Ухо у него чесалось, и он раздраженно его потер, заслужив сердитый взгляд от Ботари-Джезек. Куинн безостановочно хмурилась.

Да, она не останавливается. На Куинн по прежнему был пропитавшийся кровью комбинезон; внезапно доставшееся ей в наследство командование этой катастрофой не оставило времени на отдых. Торн привел себя в порядок и переоделся в серую корабельную форму, но явно еще не спал. Лица обоих, слишком резко очерченные, бледными пятнами выделялись в тени. Одевая Марка, Куинн заметила, что на ее вкус он чересчур вяло ворочает языком, и заставила его принять стимулянт. Его действие Марку весьма не понравилось. В голове и глазах ощущалась почти избыточная ясность, зато все тело словно избили. Все края и поверхности предметов в тактической рубке, казалось, выделялись с неестественной четкостью. Звуки и голоса отдавались в ушах с болезненной отчетливостью, резкие и смазанные одновременно. Куинн тоже накачалась препаратами, понял он, видя, как она морщится при высоком электронном писке комм-оборудования.

«Отлично, ты на линии», — произнесла Куинн в наушник, когда видеопластина перед Марком замерцала искрами. Наконец-то все они заткнулись.

Материализовалось изображение барона Фелла, тоже хмуро на него взиравшего. Джориш Стаубер, барон Фелл Дома Фелл, по-прежнему (что было необычно для главы джексонианского Великого Дома) носил свое первоначальное тело. Тело старика. Барон был тучен, розовощек, с блестящей, в «печеночных» пятнах лысиной в обрамлении коротко стриженных седых волос. Шелковая куртка в зеленых цветах его Дома придавала ему вид страдающего увеличенной щитовидкой эльфа. Но ничего эльфийского не было в холодных и проницательных глазах. Майлза власть джексонианского барона не испугала бы, напомнил себе Марк. Майлза не пугала никакая власть, если за ней стояло меньше трех планет. Его отец, Мясник Комарры, мог бы закусить джексонианским Великим Домом на завтрак.

Но он, конечно же, не Майлз.

Да пошло оно все! В любом случае, это я буду Майлзом ближайшие пятнадцать минут.

— Итак, адмирал, — пророкотал барон, — наконец-то мы снова встретились.

— Вот именно. — Марк удалось не дать твоему голосу надломиться.

— Вижу, вы так же самонадеянны, как всегда. И так же плохо информированы.

— Вот именно.

«Проклятье, начинай разговор», — прошипел ему в ухо голос Куинн.

Марк сглотнул. — Барон Фелл, в мой исходный план сражения не входило впутывать Станцию Фелл в события этой высадки. Я столь же обеспокоен тем, как обеспечить моим силам отступление, как и вы — тем, как бы расстаться с нами. Я прошу вашей помощи как посредника. Вы, полагаю… знаете, что мы похитили барона Бхарапутру?

— Мне это доложили. — Веко барона Фелла дернулось. — Похоже, вы переоценили доступные вам резервы, не так ли?

— Разве? — Марк пожал плечами. — Дом Фелл в состоянии вендетты с Домом Бхарапутра, не так ли?

— Не совсем. Дом Фелл был на грани *завершения* вендетты с Домом Бхарапутра. В последнее время мы сочли ее взаимно невыгодной. Теперь меня подозревают в пособничестве вашему налету. — Барон нахмурился еще сильнее.

— Гм. — Его мысль прервал шепот Торна: «Скажи ему, что Бхарапутра жив и здоров.»

— Барон Бхарапутра жив и здоров, — произнес Марк, — и может оставаться таковым, насколько это в мой власти. Как посреднику вам окажется очень даже кстати продемонстрировать Дому Бхарапутра свою честность, помогая его вернуть. Я лишь хочу обменять его — невредимым — на одну вещь, а затем мы уйдем.

— Вы оптимист, — сухо отозвался Фелл.

Марк гнул свою линию. — Простой, выгодный обмен. Барон Бхарапутра за моего клон….

«Брата», — в унисон поправили его через наушник Куинн, Ботари-Джезек и Торн.

— … — брата, — напряженно завершил фразу Марк. Он разжал стиснутые зубы. — К несчастью, моего брата застрелили в заварушке там, внизу. К счастью, он был успешно заморожен в одной из наших мобильных криокамер. Гм, к несчастью, криокамера была случайно потеряна в суматохе прежде, чем мы взлетели. Живой за мертвого; не вижу трудностей.

Барон издал смешок, приглушив его кашлем. Лица троих дендарийцев в тени напротив Марка были ледяными, напряженными, в них не было ни капли веселья. — У вас оказался любопытный визит, адмирал. И что вы собираетесь делать с мертвым клоном?

«Братом», — снова произнесла Куинн. — «Майлз всегда на этом настаивал».

«Да», — вторил ей Торн. — «Я так в первый раз и понял еще на «Ариэле», что ты не Майлз: я назвал тебя клоном, а ты не попытался вцепиться мне в глотку».

— Братом, — устало повторил Марк. — Ранение пришлось не в голову, а криообработка была начата почти мгновенно. У него хороший шанс на оживление, судя по этому.

«Только если мы его вернем», — проворчала Куинн.

— У меня есть брат, — заметил барон Фелл. — Он не вызывает у меня подобных эмоций.

Я с вами в этом солидарен, барон, — подумал Марк.

В ухе Марка прозвучал высокий голос Торна: «Он говорит о своем сводном брате, бароне Риовале из Дома Риоваль. Изначальная вендетта была между Риовалем и Феллом. Бхарапутра оказался вовлечен в нее позднее.»

Я знаю, кто такой Риоваль , захотелось огрызнуться Марку, но было нельзя.

— По правде говоря, — продолжил барон Фелл, — мой брат весьма разволнуется, узнав, что вы здесь. После того, как вы столь подсократили его фонды в предыдущий визит, он, увы, ограничен нападениями малого масштаба. Но я бы вам советовал прикрывать спину.

— Да? Что, агенты Риоваля так свободно действуют на станции Фелл? — промурлыкал Марк.

«Неплохо! Совсем как Майлз», — одобрил Торн.

Фелл прибавил холодности. — Вряд ли.

Торн прошептал: «Да, напомни ему, что ты помог ему с его братом.»

Какого черта Майлз делал здесь четыре года назад? — Барон. Я помог вам с вашим братом. Помогите мне с моим, и мы будем в расчете.

— Это вряд ли. Требуется слишком много времени, чтобы рассортировать те яблоки раздора, которые вы швырнули нам, улетая. Однако… верно, вы нанесли Ри лучший удар, чем смог бы я. — Неужели это искра одобрения мелькнула в глазах Фелла? Барон поскреб свой округлый подбородок. — Итак, я дам вам сутки на то, чтобы завершить свои дела и отбыть.

— Вы выступите посредником?

— Будет лучше, если я пригляжу за обеими сторонами. Да.

Марк разъяснил самую правдоподобную из гипотез дендарийцев относительно приблизительного местонахождения криокамеры и дал ее описание и серийный номер. — Скажите бхарапутрянам, что мы предполагаем, что она может быть спрятана или как-то замаскирована. Подчеркните, пожалуйста: мы хотим ее возвращения в хорошем состоянии. Тогда в таком же окажется и их барон.

«Хорошо,» — подбодрила его Ботари-Джезек. — «Дай им понять, что эта вещь слишком ценная для того, чтобы ее уничтожить, но не дай догадаться, что они моги бы раскрутить нас на больший выкуп.»

Фелл поджал губы. — Адмирал, вы — человек сообразительный, но, по-моему, что не до конца понимаете, как ведутся дела на Единении Джексона.

— Но вы понимаете, барон. Вот почему мы предпочли бы иметь вас на своей стороне.

— Я не на вашей стороне. Возможно, это самое первое, что вы не понимаете.

Марк медленно кивнул; он подумал, что так сделал бы Майлз. Позиция Фелла была странной. Чуть-чуть враждебной. *Хотя он ведет себя так, словно меня уважает* .

Нет. Это *Майлза* он уважает. Проклятье. — Нейтралитет — все, о чем я вас прошу.

Фелл стрельнул в него прищуренным взглядом из-под седых бровей. — А как насчет остальных клонов?

— Что насчет них?

— Дом Бхарапутра будет спрашивать о них.

— Они не входят в этот договор. Жизни Васа Луиджи более чем достаточно.

— Да, сделка кажется неравной. Что такого ценного в вашем покойном клоне?

Три голоса хором произнесли ему в ухо: «Брате!» Марк выдрал из уха микрофон и швырнул на столик возле видеопластины. Куинн чуть не поперхнулась.

— Я не могу предложить на обмен кусочки барона Бхарапутры, — прорычал Марк. — Хотя испытываю искушение перейти к этому.

Барон Фелл умиротворяюще поднял пухлую ладонь. — Спокойствие, адмирал. Сомневаюсь, что нужно заходить так далеко.

— Надеюсь, нет. — Марка трясло. — Будет жаль, если мне придется его вернуть без мозга. Как клонов.

Барон Фелл, несомненно, прочел на его лице абсолютную искренность подобной угрозы, так как поднял уже обе ладони. — Погляжу, что я смогу сделать, адмирал.

— Благодарю, — прошептал Марк.

Барон кивнул; его изображение растаяло. Благодаря какому-то фокусу головидео или эффекту стимулянта глаза Фелла, казалось, задержались на один последний, тревожащий взгляд. Марк сидел, застыв, несколько секунд, пока не убедился, что они исчезли.

— Ха, — удивленно произнесла Ботари-Джезек. — Ты провел это вполне неплохо.

Марк не потрудился ответить.

— Интересно, — сказал Торн. — Почему Фелл не попросил о вознаграждении или о проценте?

— Смеем ли мы доверять ему? — спросила Ботари-Джезек.

— Если точно, не доверять. — Куинн провела по своим белым зубам кончиком

указательного пальца, прикусив его. — Но нам необходимо содействие Фелла, чтобы пройти Скачковую Точку Пять. Оскорбить его мы не посмеем, ни за какие деньги. Я считала, он будет скорее доволен тем, что мы пощиплем Бхарапутру, но, похоже, стратегическая ситуация изменилась с твоего последнего визита сюда, Бел.

Торн вздохнул, соглашаясь.

Куинн продолжила. — Я хочу, чтобы вы посмотрели, что можно выяснить насчет текущего баланса здешних сил. Все, что может повлиять на наши операции; все, что мы можем обратить себе в помощь. Дома Фелл, Бхарапутра и Риоваль, а также все, что возникает неожиданно. Во всем этом есть нечто, заставляющее просыпаться мою проклятую паранойю, — хотя, быть может, это просто эффект лекарств. Но сейчас я слишком чертовски устала, чтобы разобраться. что к чему.

— Погляжу, что смогу сделать. — Торн кивнул и вышел.

Когда за Торном с шипением закрылась дверь, Ботари-Джезек спросила у Куинн: — Ты уже доложила обо все на Барраяр?

— Нет.

— Хоть о *чем-то* ?

— Нет. Не хочу посылать это сообщение по любому коммерческому комм-каналу, даже закодированным. Может, у Иллиана здесь и есть пара глубоко законспирированных агентов, но я не знаю, кто они и как до них добраться. Майлз бы знал. И…

— И? — подняла бровь Ботари-Джезек.

— И я правда хотела бы сперва вернуть криокамеру.

— Чтобы подсунуть ее под дверь вместе с докладом? Не пройдет, Куинни.

Куинн пожала плечом в защитном жесте.

Мгновение спустя Ботари-Джезек добавила: — Хотя я согласна с тобой в решении ничего не посылать через систему джексонианских курьерских кораблей.

— Да, судя по тому, что говорил Иллиан, она изобилует шпионами, и это не только Великие Дома, проверяющие, как дела друг у друга. Все равно Барраяр ничем не сможет нам помочь в следующие сутки.

— Сколько… — Марк сглотнул, — сколько мне придется играть Майлза?

— Не знаю! — отрезала Куинн. Она глубоко вдохнула и восстановила контроль над собственным голосом. — День, неделю, две недели — как минимум пока мы не сможем доставить тебя и криокамеру в штаб-квартиру Департамента СБ по делам галактики на Комарре. Тогда я сбуду это дело с рук.

— И как, черт побери, вы думаете все скрыть? — насмешливо спросил Марк. — Десятки людей знают, что произошло на самом деле.

— «Тайну могут хранить двое, если один из них мертв»? — Куинн поморщилась. — Не знаю. С десантниками все будет в порядке, на то у них и дисциплина. Клонов я могу держать в изоляции. И в любом случае, мы будем закупорены в этом корабле, пока не доберемся до Комарра. Потом… я займусь этим потом.

— Я хочу посмотреть на моих… этих… моих клонов. Что вы с ними сделали, — внезапно потребовал Марк.

У Куинн был такой вид, словно она вот-вот взорвется, но тут заговорила Ботари-Джезек: — Я возьму его вниз, Куинни. Мне тоже надо проверить, как там мои пассажиры.

— Ладно… если ты отведешь его в каюту, когда вы закончите. И поставишь охранника у двери. Мы не можем позволить ему разгуливать по кораблю.

— Будет сделано. — Ботари-Джезек ловким маневром быстро вывела Марка прочь, пока Куинн не надумала его связать и вставить в рот кляп.

* * *

Клонов на борту «Сапсана» разместили в трех спешно очищенных складских отсеках

для груза; два предназначались мальчикам, один — девочкам. Марк вслед за Ботари-Джезек нырнул в дверь одного из мальчиковых отсеков и огляделся. Три ряда спальных мешков, должно быть, набранных с «Ариэля», заполняли место на полу. В одном углу был пристегнут ремнями к стене походный туалет с замкнутым циклом, в другом — спешно подсоединен полевой душ; все чтобы сократить до минимума потребность клонов перемещаться по кораблю. Наполовину тюрьма, наполовину — лагерь беженцев, скученность; когда Марк шел по проходу между спальными мешками, мальчики угрюмо глядели на него снизу вверх пустыми глазами заключенных.

Проклятие, да я освободил вас всех. Вы что, не знаете, что это я вас всех освободил?

Правда, это освобождение было грубым. Во время страшной ночи осады дендарийцы не стеснялись с самыми жуткими угрозами, чтобы удержать своих подопечных под контролем. Некоторые клоны сейчас спали, измученные. Парализованные приходили в себя — больные и ничего не понимающие; дендарийка-медик двигалась между ним, вводя синергин и говоря что-то успокаивающее. Атмосфера была… под контролем. Подавленной. Молчаливой. Не ликующей; не благодарной. *Если они поверили нашим угрозам, почему не верят нашим обещаниям?* Даже активные ребята, с энтузиазмом шедшие на сотрудничество во время волнений осады и боя, теперь уставились на него с новым недоверием.

Паренек-блондин был одним из таких. Марк остановился возле его спальника, присел на корточки. Ботари-Джезек ждала, наблюдая за ними. — Все это, — неопределенным жестом Марк обвел помещение, — временно, ты же знаешь. Потом станет лучше. Мы увезем вас отсюда.

Мальчик, который лежал, опираясь на локоть, слегка отпрянул и прикусил губу. — А ты который? — с подозрением спросил он.

«Живой», подумал было ответить Марк, но не посмел этого сделать на глазах у Ботари-Джезек. Та могла ошибиться и счесть это легкомысленной шуткой. — Не важно. Мы все равно увезем вас отсюда. — Правда это или нет? Теперь он больше не управлял дендарийцами, а барраярцами — и того меньше, если угроза Куинн насчет их нового пункта назначения была правдой. Его окатило волной унылой депрессии, когда он встал и пошел вслед за Ботари-Джезек в комнату девочек по другую сторону коридора.

Оборудован отсек был так же — спальные мешки и гигиенические устройства, хотя, поскольку девочек было всего пятнадцать, теснота была чуть меньшей. Дендарийка раздавала стопку упаковок с едой — событие, вызвавшее в комнате секундную активность и интерес. Это была сержант Таура, безошибочно узнаваемая даже со спины и одетая в чистый серый тренировочный костюм и тапочки. Она сидела на полу по-турецки, чтобы не так бросался в глаза ее устрашающий рост. Девочки, преодолевая страх, собирались возле нее и даже трогали с явным завороженным интересом. Изо всех дендарийцев лишь Таура ни разу, даже в самые жуткие минуты, не обращалась к клонам иначе как с вежливыми просьбами. Сейчас у нее был вид настоящей сказочной героини, пытающейся приручить диких животных.

И преуспевшей в этом. Когда вошел Марк, две девочки порхнули за фигуру сидящей Тауры, поглядывая на него из-за прикрытия широких плеч сержанта. Таура сердито посмотрела на Марка, затем глянула на Ботари-Джезек, ответившей коротким кивком — «Все нормально. Он со мной.»

— Уд-дивлен видеть вас здесь, сержант, — выдавил Марк.

— Я вызвалась посидеть с детьми, — пророкотала Таура. — Не хочу, чтобы к ним кто-нибудь приставал.

— А… похоже, что с этим могут быть проблемы? — Пятнадцать прекрасных девственниц… ну, может быть. «Шестнадцать, считая тебя самого», раздался язвительный голосок где-то глубоко у него в мозгу.

— Теперь нет, — ответила Ботари-Джезек твердо.

— Хорошо, — еле слышно отозвался он.

Двигаясь вдоль ряда матрасов, он на секунду задержался. Устроено все было настолько

удобно и безопасно, насколько возможно в подобных обстоятельствах, решил он. Низенькую платиновую блондинку он обнаружил спящей на боку, ее выдающиеся формы рвались наружу из-под шелковой курточки. Смущенный тем, что не может отвести от нее взгляда, Марк опустился на колени и укрыл ее одеялом до подбородка. При этом ему удалось, почти непроизвольно, украсть одно прикосновение к ее прекрасным волосам. Марк виновато поднял взгляд на Тауру. — Она уже получила дозу синергина?

— Да. Пусть поспит, пока все не пройдет. Когда она проснется, то будет чувствовать себя в полном порядке.

Он взял один из запечатанных подносов с едой и поставил его возле изголовья блондинки: пусть ждет ее пробуждения. Дыхание ее было медленным и ровным. Похоже, больше сделать для нее он ничего не может. Марк поднял взгляд и встретился с глазами девочки-евразийки, наблюдавшей за ним понимающе и злобно. Он торопливо отвернулся.

Ботари-Джезек завершила свою инспекцию и вышла, Марк поплелся следом. Она задержалась поговорить с вооруженным парализатором охранником в коридоре.

— … с широким рассеянием. — говорила она. — Сперва стрелять, потом задавать вопросы. Они все молодые и здоровые, и, думаю, тебе не стоит с этими ребятами беспокоиться насчет скрытых пороков сердца. Но сомневаюсь, что они доставят тебе много проблем.

— За одним исключением, — вставил Марк. — Тут есть темноволосая девочка, стройная, очень заметная — похоже, она прошла какую-то особую психическую обработку. И не… не совсем в себе. Осторожно с ней.

— Да, сэр, — машинально ответил солдат, затем спохватился, глянул на Ботари-Джезек. — Э-э…

— Сержант Таура подтверждает это в своем рапорте, — ответила Ботари-Джезек. — И вообще, я не хочу, чтобы кто-нибудь из них свободно бродил по моему кораблю. Они все ничему не обучены. И их невежество может быть столь же опасно, как любые враждебные действия. Так что этот охранный пост не для мебели. Будь начеку.

Они отсалютовали друг другу, завершая разговор. Десантник, преодолевая рефлекс, ухитрился не адресовать этот жест вежливости Марку. И Марк засеменил вслед за идущей широким шагом Ботари-Джезек.

— Итак, — произнесла она чуть погодя, — наше обращение с клонами заслужило твое одобрение? — Он не мог с уверенностью сказать, была ли в ее голосе ирония.

— Все хорошо, никто бы сейчас не мог сделать для них лучше. — Марк прикусил язык, но все равно у него вырвался возглас: — Проклятье, это нечестно!

Ботари-Джезек, шагавшая по коридору, приподняла брови: — Что нечестно?

— Я *спас* этих детей, — ну или мы спасли, вы спасли, — а они ведут себя, словно мы какие-то злодеи, похитители, чудовища. Они совсем не рады.

— Может… с тебя хватит, что ты просто их спас? Требовать, чтобы они еще и были этим счастливы, в твои полномочия не входит… юный герой. — Теперь в ее тоне безошибочно угадывалась ирония, хотя и странным образом лишенная издевки.

— Ждешь от них хоть немного благодарности. Доверия. Понимания. Хоть чего-нибудь.

— Доверия? — тихо переспросила она.

— Да, доверия! По крайней мере, от некоторых. Неужели никто из них не понял, что мы говорим правду?

— Они здорово травмированы. На твоем месте я бы многого от них не ждала, пока они не получат возможности увидеть больше доказательств сказанному. — Она приостановилась, замолчала и повернулась лицом к Марку. — Но если ты когда-нибудь придумаешь способ заставить невежественного, травмированного, тупого ребенка-параноика доверять тебе — расскажи его Майлзу. Ему просто необходимо это знать.

Марк остановился в полном замешательстве. — Это … обо мне? — переспросил он пересохшими губами.

Она поглядела поверх его макушки на пустой коридор и улыбнулась горькой,

раздражающей улыбкой. — Вот ты и дома. — Она кивнула на дверь его каюты. — Оставайся тут.

* * *

Он наконец уснул, надолго, хотя когда Куинн пришла его будить, время сна показалось ему таким малым. Марк не был уверен, поспала ли вообще сама Куинн, но она хотя бы наконец вымылась и переоделась в повседневную серую офицерскую форму. А он уже было вообразил, что она решила не снимать своего пропитанного кровью комбинезона, пока они не вернут криокамеру, — дала нечто вроде обета. Но даже и без полевой формы она излучала тревожащее состояние близости к пределу — с покрасневшими глазами, напряженная, как струна.

— Пошли, — рявкнула она. — Ты мне снова нужен для разговора с Феллом. Он водит меня по кругу. Я начинаю задумываться, не в сговоре ли он с Бхарапутрой. Не понимаю, в этом нет смысла.

Она снова затащила его в тактическую рубку, но на этот раз не настояла на наушнике, а с агрессивным видом встала рядом. На посторонний взгляд она смотрелась телохранителем и личным помощником, но все, о чем мог думать Марк, — это насколько удобно стоит она для того, чтобы схватить его за волосы и перерезать горло.

Капитан Ботари-Джезек сидела, занимая, как и прежде, одно из свободных кресел, и молча наблюдала. Она смерила измотанную, взвинченную Куинн беспокойным взглядом, но не произнесла ни звука.

Когда лицо Фелла снова материализовалось над видео-пластиной, румянец барона был определенно обязан скорее гневу, чем жизнерадостности. — Адмирал Нейсмит, я сказал капитану Куинн, что когда у меня будет конкретная информация, я с *вами* свяжусь.

— Барон, капитан Куинн… служит мне. Прошу вас простить некоторую назойливость с ее стороны. Она лишь адекватно отражает, э-э, мою собственную обеспокоенность. — Типично майлзовское бьющее через край словоизвержение; рот у Марка был словно пылью набит. Куинн впилась пальцами ему в плечо, безмолвно и болезненно предупреждая, что не стоит Марку позволять своей изобретательности заводить себя слишком далеко. — А какую, скажем так, не столь конкретную информацию можете вы нам предоставить?

Фелл откинулся на спику кресла, еще хмурый, но умиротворенный. — Грубо говоря, бхарапутряне сообщают, что не могут найти вашу криокамеру.

— Она должна быть там, — прошипела Куинн.

— Ну-ну, Куинни. — Марк похлопал ее по руке. Пальцы Куинн сжались, словно тиски. Ноздри ее опасно раздувались, однако ей удалось выдавить слабую, неискреннюю улыбку для головидео. Марк снова обернулся к Феллу: — Барон, как по вашему собственному мнению: не лгут ли люди Бхарапутры?

— Не думаю.

— И этому мнению есть некое независимое, стороннее подтверждение? Агенты на месте, или что-либо в этом роде?

Губы барона искривились. — Право, адмирал, я этого сказать не могу.

Естественно. Марк потер лицо — нейсмитовский жест задумчивости. — Вы можете сказать что-то определенное о нынешних действиях бхарапутрян?

— Они и вправду переворачивают сейчас свой медкомплекс вверх дном. Все служащие, все охранники, вызванные сюда, чтобы помешать вашему налету, брошены на поиски.

— Может ли это быть тщательно сработанным розыгрышем, чтобы сбить нас со следу?

Барон помолчал. — Нет, — произнес он наконец бесстрастно. — Они действительно переполошились. На всех уровнях. Вы хоть сознаете… — барон набрал воздуху в грудь и решительно произнес: — … как похищение барона Бхарапутры, окажись оно более, чем

кратким эпизодом, отразится на балансе власти между Великими Домами Единения Джексона?

— Нет, а как?

Барон вздернул подбородок, впившись глазами в Марка в поисках признаков сарказма. Вертикальные морщинки между его бровями сделались отчетливее, но ответил он серьезно: — Вы должны понимать, что ценность вашего заложника со временем падает. Никакой вакуум власти на вершине Великого, или даже Малого, Дома не может существовать долго. Там всегда есть группировка людей помоложе, ожидающих — возможно, втайне, — возможности метнуться и занять это место. Предположим даже, что благодаря ухищрениям Лотос это место займет и удержит за собой преданный Васа Луиджи главный помощник — со временем тот неизбежно поймет, что возвращение его господина принесет ему наряду с наградой понижение в должности. Представьте Великий Дом мифологической гидрой; снесите ей голову, и на обрубке шеи вырастет семь новых, которые примутся кусать друг друга. В конечном итоге выживет лишь одна. Тем временем Дом ослабеет, и все его прежние союзы и сделки превратятся в ненадежные. Этот беспорядок, как круги по воде, распространится на связанные с ним Дома… нет, такие резкие перемены тут у нас не приветствуются. Никем. — «И меньше всего — самим бароном Феллом», сделал вывод Марк.

— Быть может, за исключением ваших младших коллег, — предположил он.

Любые интересы своих младших коллег Фелл отмел взмахом руки. Жест подразумевал: если они хотят власти, пусть плетут интриги, карабкаются наверх и убивают — как некогда я сам.

— Ну, я не испытываю никакого желания держать у себя барона Бхарапутру пока он не состарится и не покроется плесенью, — заметил Марк. — Персонально он вообще мне не нужен, кроме как в данных о бстоятельствах. Пожалуйста, поторопите Дом Бхарапутра в поисках моего брата, а?

— Их не требуется подгонять. — Фелл смерил его холодным взглядом. — И имейте в виду, адмирал, если эта ситуация не разрешится удовлетворительным способом в ближайшее время, Станция Фелл не сможет больше предоставлять вам убежище.

— Гм… уточните, что вы подразумеваете под «ближайшим временем».

— Очень скоро. В течение суток.

Разумеется, у Станции Фелл хватает сил, чтобы выдворить два дендарийских кораблика, стоит ей только захотеть. Или еще похуже, нежели выдворить. — Понимаю. Э-э… а как насчет беспрепятственного прохода через Скачковую Точку Пять? — Если дела пошли неважно…

— Это… должно стать предметом отдельной сделки.

— Как именно?

— Если вы по-прежнему будете удерживать вашего заложника… я не желаю, чтобы Васа Луиджи вывезли за пределы джексонианского локального пространства. И намерен проследить, чтобы вы этого не сделали.

Куинн грохнула кулаком по видео-пластине. — Нет! — закричала она. — Никоим образом! Барон Бхарапутра — наш единственный козырь, чтобы получить обратно Ма… криокамеру. И мы его не отдадим!

Фелл слегка отпрянул. — Капитан! — с упреком выговорил он.

— Мы *возьмем* его с собой, если нас вынудят, — пригрозила Куинн, — а вы все можете разбираться во своими проблемами сами. А то, возможно, обратно от Точки Пять он прогуляется пешком без скафандра. Если мы не получим эту криокамеру — что ж, тогда мы обратимся к союзникам получше вашего. И не связанным таким количеством запретов. Им плевать на вашу выгоду, ваши сделки, ваше равновесие. Единственное, о чем они спросят: начать им с Северного полюса и жечь вниз, или с Южного, и жечь вверх!

Фелл раздраженно поморщился. — Не несите чушь, капитан Куинн. Вы говорите о силе планетного масштаба.

Куинн склонилась к камере и прорычала: — Я говорю о силе многопланетного масштаба, барон!

Перепуганная Ботари-Джезек резко провела ребром ладони по горлу: «Кончай с этим, Куинн!»

Глаза Фелла были твердыми, сверкающими и колючими, словно осколки стекла. — Вы блефуете, — произнес он наконец.

— Я — нет. И лучше бы вам в это поверить!

— Никто не пойдет на такое ради одного-единственного человека. Тем более ради одного трупа.

Куинн колебалась. Марк прикрыл ладонью ее руку у себя на плече и стиснул: «Черт побери, держи себя в руках!» Она чуть было не проговорилась — а ведь недавно сама буквально угрожала ему смертью, если он это выдаст. — Возможно, вы правы, барон, — произнесла она наконец. — Молитесь, чтобы вы оказались правы.

После долгого мгновения тишины Фелл мягко спросил: — Как кто же ваш не связанный запретами союзник, адмирал?

Марк выдержал столь же длинную паузу, затем поднял глаза и ласково проговорил: — Капитан Куинн блефовала, барон.

Губы Фелла разошлись в весьма сухой усмешке. — Все бетанцы — лжецы, — тихо выговорил он. Рука Фелла потянулась в выключателю, и его изображение исчезло в обычном искрящемся тумане. На тот раз последней, уже без тела, растаяла холодная улыбка барона.

— Хорошая работа, Куинн, — проворчал Марк в полной тишине. — Вы только что дали барону Феллу понять, сколько он на самом деле в состоянии получить за эту криокамеру. А может быть, и с кого. Теперь у нас два врага.

Куинн тяжело дышала, словно после бега. — Он не враг нам и не друг. Фелл служит Феллу. Помни об этом — потому что он-то помнит всегда. — Но лгал ли Фелл или просто передавал ложь бхарапутрян? — медленно спросила Ботари-Джезек. — Что за отдельную выгоду может преследовать Фелл в этом деле?

— Или они оба лгут? — заметила Куинн.

— Или ни один из них? — раздраженно переспросил Марк. — Об этом вы подумали? Вспомните, что Норвуд…

Его прервал писк комма. Куинн склонилась ухом к опирающемуся о комм-пульт запястью — чтобы лучше слышать.

— Куинн, это Бел. Человек, которого я нашел, согласен встретиться с нами в доке, где пришвартован «Ариэль». Если хочешь присутствовать при беседе, шлюпка тебе нужна прямо сейчас.

— Да, верно; я там буду. Отбой. — Она слепо развернулась и устремилась к двери. — Елена, пригляди, чтобы *этого* , — резкий жест большим пальцем в сторону Марка, — заперли в его каюте.

— Ага. И после разговора — кого бы там Бел с собой ни приволок, — позволь себе немного отдыха, а, Куинни? У тебя нервы расшатались. Ты тут только что чуть было не сорвалась.

Уходя, Куинн махнула рукой — двусмысленный жест, признающий справедливость сказанного, но ничего не обещающий. Когда она вышла, Ботари-Джезек развернула свое кресло к пульту и отдала приказ подготовить для Куинн пассажирскую шлюпку к тому моменту, как она доберется до шлюза.

Марк встал и принялся бродить по тактической рубке, предусмотрительно засунув руки в карманы. Дюжина дисплеев схематического или реального изображения оставалась темной и безмолвной; системы кодирования и связи молчали. Он вообразил себе этот тактический нервный узел набитым людьми, живым, сверкающим, полным беспорядочного движения — перед сражением. Он представил, как вражеский огонь вскрывает корабль, словно консервную банку, и как вся эта жизнь расплющивается, горит и разлетается в жесткой радиации и вакууме космоса. Скажем, огонь Станции Фелла у Скачковой точки Пять, когда

«Сапсан» будет прорываться с боем. Он содрогнулся, испытывая тошноту.

Марк остановился перед наглухо запертой дверью в конференц-зал. Ботари-Джезек сейчас была втянута в очередной разговор, урегулирование проблем их безопасной швартовки на станции Фелл. Он с любопытством приложил ладонь к замку. К некоторому его удивлению, дверь тихо скользнула в сторону. Стоит кому-нибудь озаботиться перепрограммированием, если все супер-защищенное дендарийское оборудование закодировано на отпечаток ладони мертвеца. Масса перепрограммирования — Майлз, несомненно, устроил так, чтобы у себя на флоте он мог проникнуть куда угодно. Это было бы в это стиле.

Ботари-Джезек подняла глаза, но ничего не сказала. Приняв это за молчаливое разрешение, Марк прошел в конференц-зал и обогнул стол. Когда он шел, вслед за ним загорался свет. В голове Марка эхом отозвались произнесенные здесь слова Торна: «Норвуд сказал: 'Адмирал выберется отсюда, даже если мы не сможем'.» Насколько тщательно изучили дендарийцы записи высадки? Кто-то уже проглядел их множество раз. Так что такого может увидеть он, чего не увидели они? Они знают своих людей, свою технику. «А я знаю этот медкомплекс. Я знаю Единение Джексона.»

Интересно, как далеко заведет его ладонь? Он скользнул в кресло Куинн, и, конечно же, по одному прикосновению файлы раскрылись перед ним, словно цветок — так, как ни одна женщина в мире. Он нашел загруженные в систему записи десантной операции. Данные Норвуда были утрачены, но ведь часть времени с ним был Тонкин. Что он видел? Не цветные линии на карте, но события в реальном времени, картинку, звук? Есть ли такая запись? Он знал, что командный шлем хранит подобные данные, а если и шлемы десантников — тоже, тогда… Ага! Перед завороженным взглядом Марка на пульте возникли визуальные и слуховые записи Тонкина.

Пытаясь отследить их, он почти мгновенно заработал головную боль. Это было не устойчивое, ровное движение видеокамеры на подвеске, не панорамная съемка «наездом» — но отрывистые, вырванные из изображения кадры, результат реального движения головы. Он замедлил воспроизведение, чтобы посмотреть на себя самого в лифтовом вестибюле — на взволнованного коротышку в сером камуфляже, со сверкающими глазами на неподвижном лице. «Что, я действительно так выгляжу?» Под просторным комбинезоном уродство его фигуры было не столь заметно, как он себе воображал.

Он устроился так, чтобы смотреть глазами Тонкина, и двинулся вместе с ним в быстрое путешествие по лабиринту зданий, туннелей и коридоров Бхарапутры; весь путь, вплоть до финального залпа в конце. Торн точно процитировал слова Норвуда: фраза была произнесена прямо перед видеокамерой. Хотя со временем он ошибся — Норвуд отсутствовал одиннадцать минут, по объективному хронометру шлема. Снова появилось лицо раскрасневшегося, запыхавшегося Норвуда, раздался торопливый смешок — и, секунду спустя, удар гранаты, взрыв… Чуть не нырнув в сторону, Марк спешно выключил комм и оглядел себя, словно почти ожидал увидеть отметины очередной смерти, брызги крови и мозгов.

«Если тут и есть какая-то подсказка, то раньше.» Марк запустил программу снова, от момента выхода из вестибюля. Просматривая в третий раз, он замедлил воспроизведение и глядел шаг за шагом, изучая каждый из них. Терпеливая, скрупулезная, самозабвенная сосредоточенность была почти приятна. Мельчайшие подробности — в них можно затеряться, они как анестезия для измученного болью рассудка.

«Поймал!» , прошептал он. Если прокручивать запись в реальном времени, это промелькнуло бы столь быстро, что отпечаталось бы лишь в подсознании. Мимолетный взгляд на рисунок на стене: стрелку, указвающую в перпендикулярный коридор, с надписью «Прием и выдача отправлений».

Он поднял глаза и увидел, что Ботари-Джезек наблюдает за ним. И давно она здесь сидит? Она расслабилась в кресле, скрестив в щиколотках длинные ноги и сплетя длинные пальцы. — Что поймал? — тихо спросила она.

Он вызвал голокарту полупрозрачного здания, со светящимися внутри нее линиями движения Норвуда и Тонкина. — Не здесь, — показал он, — а вон там. — Он поставил в медкомплексе метку совсем в стороне от маршрута, которым двигались дендарийцы с криокамерой. — Вот *сюда* пошел Норвуд. По этому туннелю. Я уверен! Я уже видел раньше эту службу — я тогда побывал во всем здании. Черт, мы ведь часто играли здесь с друзьями в прятки, пока нам воспитатели не запретили. Вижу это в уме так отчетливо, словно передо мной проигрывают запись норвудовского шлема. Он отвел криокамеру вниз, в «Прием и выдачу отправлений», и *отослал* ее.

Ботари-Джезек выпрямилась. — А это возможно? У него было так мало времени!

— Не просто возможно. Легко! Упаковочное оборудование полностью автоматизировано. Все, что от него требовалось — завести криокамеру в паковочную машину и нажать кнопку. Роботы даже доставили бы ее в погрузочный отсек. А это место оживленное — там получают припасы для всего комплекса и отправляют все что угодно: от дисков с данными до замороженных органов для трансплантации, генетически измененных эмбрионов или спасательного оборудования для поисковых команд. Такого, как отремонтированные криокамеры. Все что угодно! Почта работает круглосуточно, а с нашим налетом ее должны были эвакуировать в спешке. Пока работал упаковочный агрегат, Норвуд мог составить на компьютере багажный ярлык. Прилепил его на криокамеру, передал ее транспортному роботу — а затем, если я верного мнения о его сообразительности, затер запись в файле. И помчался со всех ног обратно к Тонкину.

— Значит, криокамера лежит запакованная в погрузочном отсеке на планете! Подожди, я сейчас сообщу Куинн! Думаю, нам лучше сказать бхарапутрянам, где им искать…

— Я… — поднял он ладонь, останавливая ее, — я думаю…

Она вгляделась в него и, прищурив глаза, откинулась назад во вращающемся кресле. — Думаешь что?

— Прошел почти целый день с тех пор, как мы взлетели. Мы сказали бхарапутрянам о поисках криокамеры больше полусуток спустя. Если бы эта криокамера по-прежнему лежала в погрузочном отсеке, то, по-моему, они бы ее уже нашли. Автоматизированная система отправки *очень действенна* . Думаю, криокамеру уже отправили, — может, в течение первого же часа. По-моему, люди Бхарапутры и Фелл говорят правду. Сейчас они должны сходить с ума. Мало того, что там внизу нет никакой криокамеры, так еще и никаких намеков на то, куда она, к чертовой матери, подевалась!

Ботари-Джезек сидела недвижно. — А мы как? — вопросила она. — Боже правый, если ты прав, она может быть на пути *куда угодно* . Отгруженная с любой из пары дюжин орбитальных пересадочных станций — да она сейчас уже могла пройти через П-В туннель! Саймона Иллиана удар хватит, когда мы об этом доложим.

— Нет. Не куда угодно, — настойчиво поправил ее Марк. — Она могла быть адресована лишь в место, известное медтехнику Норвуду. В некое место, которое он смог вспомнить даже будучи окруженным, отрезанным от своих и под огнем.

Ботари-Джезек облизала губы, размышляя над услышанным. — Верно, — произнесла она наконец. — Почти куда угодно. Но мы по крайней мере можем начать строить догадки с изучения личных файлов Норвуда. — Она откинулась в кресле и смерила на Марка серьезным взглядом. — Знаешь, а ты все нормально делаешь, когда один и в тихом месте. Ты не глуп. Да и не вижу, как ты мог бы быть глупым. Ты просто не боевой офицер.

— Я вообще никакой не офицер. Ненавижу военных.

— Майлзу нравятся боевые задания. Он — адреналиновый наркоман.

— Ненавижу это. Ненавижу, когда мне страшно. Не могу думать, когда я перепуган. Когда на меня орут, я застываю.

— Хотя думать ты *умеешь* . И как часто ты бываешь перепуган?

— Большую часть времени, — мрачно признался он.

— Тогда зачем ты… — она помолчала, с крайней осторожностью подбирая слова, — … зачем ты по-прежнему пытаешься быть Майлзом?

— Я не пытаюсь, это вы заставляете меня его играть!

— Я имею в виду не сейчас. А вообще.

— Не понимаю о чем вы, черт возьми.

Глава 10

Двадцать часов спустя оба дендарийских корабля отшвартовались от Станции Фелл и принялись маневрировать, выполняя разгон к Точке Пять. Они были не одиноки. Их вел эскорт из полудюжины кораблей охраны Дома Фелл, обеспечивающий безопасность. Суда Фелла были боевыми кораблями локального пространства, лишенными тяг Неклина и возможности совершать скачки; высвобождаемая при этом мощность шла на обеспечение грозного арсенала вооружения и защиты. Корабли-силачи.

Конвой сопровождал на благоразумной дистанции крейсер Бхарапутры — скорее яхта, чем боевой корабль, — готовый принять последний взнос, самого барона Бхарапутру, как и было условлено, поблизости от скачковой станции Фелла возле Точки Пять. К сожалению, криокамеры с Майлзом на его борту не было.

Куинн чуть не сорвалась, прежде чем наконец согласилась с неизбежным. Ботари-Джезек буквально прижала ее к стене во время последнего закрытого совещания в конференц-зале.

— Я не оставлю Майлза! — рыдала Куинн. — Скорее я выкину в космос этого ублюдка Бхарапутру!

— Слушай, — прошипела Ботари-Джезек и сгребла в кулаке лацканы куртки Куинн. Будь она диким животным, она бы прижала уши к голове, подумал Марк. Он съежился в кресле и постарался выглядеть совсем маленьким. Как можно меньше. — Мне это нравится не больше, чем тебе, но ситуация превышает наши возможности. Майлз явно не в руках людей Бхарапутры; а направляется бог знает куда. Нам нужно подкрепление: не боевые корабли, а опытные разведчики. Целая куча разведчиков. Нам нужны Иллиан и СБ, нужны дальше некуда и как можно быстрее. Пора обрубать концы и бежать. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем скорее сможем вернуться.

— Я-то *вернусь* , — поклялась Куинн.

— Это решать вам с Саймоном Иллианом. Даю слово, он столь же заинтересован в возвращении этой криокамеры, как мы сами.

— Иллиан всего лишь барраярец, — выплюнула Куинн, — *чиновник* . Ему это не может быть так же важно, как нам.

— Не стоит ручаться за это, — прошептала Ботари-Джезек.

Наконец Ботари-Джезек, долг Куинн перед оставшимися подчиненными-дендарийцами и логика ситуации взяли верх. Так Марк оказался облачен в серый офицерский мундир для — как он горячо молился — последнего появления на публике в качестве адмирала Майлза Нейсмита, наблюдающего за передачей заложника на катер Дома Фелл. Что бы ни случится с Васа Луиджи потом, это будет на совести барона Фелла. Марк мог лишь надеяться, что это окажется нечто неприятное.

Когда по графику корабль Фелла должен был пристыковаться, Ботари-Джезек лично пришла отвести Марка из его каюты-тюрьмы в шлюзовой коридор катера. Она выглядела столь же хладнокровной, как всегда, разве что усталой, и в отличие от Куинн ограничила свою критику его внешнего вида тем, что провела рукой по воротнику, расправив нашивки. Куртка с многочисленными карманами была просторной и достаточно длинной, чтобы прикрывать и маскировать туго натянувшийся пояс брюк, и животик, уже слегка нависающий над ремнем. Марк решительно одернул куртку и двинулся вслед за капитаном «Сапсана» по ее кораблю.

— Почему я должен это делать? — жалобно спросил он.

— Это наш последний шанс убедить Васа Луиджи, что ты — Майлз Нейсмит, а эта… штука в криокамере — всего лишь клон. Просто на тот случай, если криокамера не покинула

планету и если, как бы это ни произошло, Бхарапутра обнаружит ее раньше нас.

Они прибыли в шлюзовой коридор одновременно с парой тяжеловооруженных техников-дендарийцев, занявших пост у пульта управления причальными захватами. Барон Бхарапутра появился чуть вскоре, сопровождаемый настороженной капитаном Куинн и парой нервничающих дендарийских охранников. Охранники, как решил Марк, были тут скорее для украшения. Истинной мощью и истинной угрозой, двумя тяжелыми фигурами на шахматной доске, были Скачковая станция Пять и корабли Дома Фелл, ее группа поддержки. Марк представил, как они выстроились в космосе вокруг дендарийских кораблей. Шахматы. Барон Бхарапутра — король? Марк ощущал себя пешкой, замаскированной под коня. Васа Луиджи не обращал внимания на охрану, вполглаза приглядывая за Куинн — Черной Королевой, — однако в основном рассматривая люк.

Куинн откозыряла Марку. — Адмирал.

Марк отсалютовал в ответ. — Капитан. — Он стоял в позе «вольно», заложив руки за спину, словно наблюдая за всей операцией. Должен ли он обменяться репликами с бароном? Он ожидал, что беседу начнет Васа Луиджи. Барон просто ждал, с вызывающим беспокойство безупречным терпением, словно даже время он воспринимал по-иному, нежели Марк.

Несмотря на превосходство противника в вооружении, дендарийцев от спасения отделяли считанные минуты. Как только завершится передача пленного, «Сапсан» и «Ариэль» смогут совершить скачок и клоны окажутся вне смертоносной досягаемости Дома Бхарапутра. Эту задачу он выполнил — шиворот-навыворот и наломав дров столько, многое придется исправлять, — но все же достиг цели. Маленькие победы.

Наконец раздалось клацание захватов шлюза, поймавших и удержавших свою цель, и шипение герметично прикрепившегося гибкого переходника. Дендарийцы увидели, как открывается входное отверстие тамбура, и взяли «на караул». По другую сторону прохода мужчина в зеленой форме Дома Фелл с капитанскими нашивками, по бокам которого стояли два полагавшихся по протоколу охранника, коротко кивнул и представился, назвав себя и принадлежность своего корабля.

Капитан определил в Марке старшего из присутствующих здесь офицеров и откозырял ему. — Адмирал Нейсмит, сэр. Барон Фелл передает свои наилучшие пожелания и возвращает вам то, что вы случайно у него забыли.

От внезапной надежды Куинн побелела; Марк был готов поклясться, что сердце у нее на мгновение остановилось. Капитан Фелла отступил на шаг в сторону. Но в шлюзе появилась не вожделенная криокамера на плавучей платформе, а кучка из троих мужчин и двух женщин, в гражданской одежде, с видом разной степени глуповатым, рассерженным и мрачным. Один из мужчин хромал, другой помогал ему идти.

Шпионы Куинн. Группка дендарийских добровольцев, которых она попыталась внедрить на Станцию Фелл для продолжения поисков. Лицо Куинн вспыхнуло от досады. Но она вскинула голову и четко произнесла: — Скажите барону Феллу, что мы благодарны ему за заботу.

Капитан Фелла отозвался на это сообщение салютом и кислой усмешкой.

— Жду вас всех вскоре с докладом, — выдохнула она и кивком отпустила неудачников. Они с топотом удалились. Ботари-Джезек ушла вместе с ними.

Капитан Фелла объявил: — Мы готовы принять на борт пассажира. — Он щепетильно даже шагу не сделал на борт «Сапсана» и ждал. С такой же щепетильностью Куинн и охранники отошли от барона Бхарапутры, задравшего свой квадратный подбородок и шагнувшего вперед.

— Мой господин! Подождите меня!

Высокий вопль за спиной заставил Марка резко обернуться. Барон тоже изумленно раскрыл глаза.

Девочка-евразийка с развевающимися волосами выскользнула из перпендикулярного коридора и рванулась вперед. За руку она держала платиновую блондинку. Она угрем

метнулась между дендарийскими охранниками, которым хватило соображения не вытаскивать в этот рискованный момент оружие, но не хватило быстроты рефлексов ее поймать. Блондинка с маленькой ножкой оказалась не столь спортивной, она с трудом удерживала равновесие, придерживая другой рукой бюст; голубые глаза девочки были расширены от страха.

Марк мысленно увидел ее лежащей на операционном столе: обрамленный короной света скальп аккуратно отведен назад, хирургическая пила с визгом прорезает кость, живые нервы мозгового ствола медленно отгибаются в сторону, словно венчик, и наконец извлекается мозг, подобно приношению — мышление, память, личность, — или жертве некоему темному божеству, которую держит в обтянутых перчатками руках чудовище под маской…

Он поймал ее под колени. Тонкокостная рука выскользнула из хватки темноволосой, и девочка упала на палубу. Она вопила, потом просто рыдала, била ногами, дергалась, брыкалась, извивалась, лежа на спине. Перепугавшись, что выпустит ее, Марк пополз вперед, пока не придавил ее всем весом. Она безрезультатно извивалась под ним, даже не понимая, что ей достаточно было бы двинуть его коленом в пах. — Прекрати. Прекрати, ради бога, я не хочу тебе плохого, — бормотал он ей в ухо сквозь забившие ему рот сладко пахнущие волосы.

Тем временем второй девочке удалось пролететь шлюзовой коридор. Капитан охраны Дома Фелл был сбит с толку ее появлением — но не поведением дендарийцев; он мгновенно вытащил нейробластер, обуздывая инстинктивный порыв людей Куинн. — Стойте на месте. Барон Бхарапутра, что это?

— Мой господин! — закричала евразийка. — Возьмите меня с собой, пожалуйста! Я желаю воссоединиться со своей госпожой. Желаю!

— Оставайся на этой стороне — посоветовал ей спокойно барон Бхарапутра. — Здесь они тебя не тронут.

— Только попробуй мне… — начала Куинн, шагнув вперед, но барон поднял руку, чуть скрючив пальцы — получился ни кулак, ни фига, однако нечто слегка оскорбительное.

— Капитан Куинн. Вы, разумеется, не желаете спровоцировать инцидент и задержать ваше отбытие, так? Очевидно, что эта девочка сделала свой выбор по доброй воле.

Куинн заколебалась.

— Нет! — закричал Марк. Он вскочил на ноги, поднял с пола блондинку и впихнул ее в руки тому из дендарийских охранников, что повыше. — *Держи* ее. — Он развернулся на месте, пересекая дорогу барону Бхарапутре.

— Адмирал? — Барон с легкой иронией поднял бровь.

— На тебе надет труп, — огрызнулся Марк. — Не разговаривай со мной. — Он шагнул вперед, разведя руки, и оказался лицом к лицу с темноволосой, стоящей по другую сторону маленькой, ужасной, политически значимой щели в полу. — Девочка… — он не знал ее имени. Он не знал, что сказать. — Не ходи. Ты не должна идти. Они убьют тебя.

Девочка, испытывая больше уверенности в собственной безопасности, хотя по-прежнему прячась за спиной фелловского капитана и вне пределов досягаемости дендарийцев, торжествующе улыбнулась и откинула назад волосы. Глаза ее сверкали. — Я спасла свою честь. Совсем одна. Моя честь — это моя госпожа. Свинья! Моя жизнь — это приношение… величайшее, чем ты можешь себе представить. Я — цветок на ее алтаре.

— Ты чертова сумасшедшая, Цветочный горшок, — грубо отозвалась Куинн.

Девочка вздернула подбородок и сжала губы. — Идите сюда, барон, — хладнокровно распорядилась она. И театральным жестом протянула руку.

Барон Бхарапутра пожал плечами, словно говоря: «Ну что вы хотите?», и пошел к шлюзу. Ни один из дендарийцев не поднял оружия; Куинн этого не приказывала. У Марка оружия не было. Он с мукой повернулся к ней: — *Куинн?..*

Та тяжело дышала. — Если мы сейчас не совершим скачок, мы можем потерять все. *Стойте на месте .*

Васа Луиджи задержался в проеме люка, положив руку на замок, одной ногой все еще на палубе «Сапсана», — и повернулся к Марку. — На случай, если вам интересно, адмирал, это клон моей жены, — промурлыкал он. Барон поднял правую руку, лизнул указательный палец и коснулся им лба Марка. От прикосновения осталось холодное пятнышко. Засчитанный ход. — Одно очко мое. Сорок девять ваших. Если вы когда-либо посмеете вернуться сюда, обещаю, что это очко будет стоить столько, что вы станете молить о смерти. — Он проскользнул в люк. — Приветствую, капитан, и благодарю вас за терпение… — Люк захлопнулся, отсекая конец приветственной фразы, обращенной к охранникам его соперника — или союзника.

Тишину нарушал лишь лязг освобождающихся захватов и безнадежный, безудержный скулеж блондинки-клона. Пятнышко на лбу Марка зудело, словно обмороженное. Он потер его тыльной стороной ладони, словно надеясь окончательно стереть.

Обутые в тапочки ноги ксались палубы почти беззвучно, но были достаточно тяжелы, чтобы заставить ее содрогнуться. В шлюзовой коридор ворвалась сержант Таура. Увидев блондинку, она прокричала через плечо: — Тут еще одна! Осталось всего две. — Следом за ней бежал запыхавшийся десантник.

— Что случилось, Таура? — вздохнула Куинн.

— Эта девчонка, эта зачинщица… Действительно хитра, — произнесла Таура, резко тормозя. Говоря, она не переставала обшаривать глазами перпендикулярный коридор. — Рассказала всем девочкам какую-то чушь про то, что мы — корабль работорговцев. И подговорила десятерых одновременно попытаться бежать. Охранник с парализатором подстрелил троих, а остальные семь разбежались. Четверых мы поймали. Большинство из них просто пряталось, но по-моему на самом деле у этой длинноволосой был на уме четкий план: попытаться захватить пассажирскую капсулу, прежде чем мы совершим прыжок из локального пространства. Я уже поставила там охранника, чтобы отрезать ей путь к побегу.

Куинн безрадостно ругнулась. — Мысль хорошая, сержант. Твой способ отрезать ей путь оказался успешным — она явилась сюда. К сожалению, она предприняла свою попытку, когда мы меняли барона Бхарапутру. И ушла с ним. Вторую мы сумели сцапать, прежде чем она перебежала туда. — Куинн кивнула в сторону блондинки, рыдания которой утихли до хлюпанья носом. — Так что тебе нужна еще лишь одна.

— А как… — сержант стрельнула взглядом по шлюзовому коридору, озадаченная. — Как вы позволили этому случиться, мэм?

Лицо Куинн застыло лишенной выражения маской. — Я предпочла не начинать из-за нее перестрелку.

Большие когтистые руки сержанта недоуменно дернулись, но ни единого слова критики в адрес командира не прозвучало из ее вывернутых губ. — Нам надо найти оставшуюся, пока не случилось чего похуже.

— Продолжай, сержант. Вы четверо, помогите ей, — Куинн указала на своих ничем не занятых охранников. — Доложи мне в конференц-зал, когда соберешь их всех под замком, Таура.

Таура кивнула, махнула рядовым рукой в сторону разных коридоров, а сама рысцой двинулась в сторону ближайшей лифтовой шахты. Ноздри ее трепетали; выглядело это так, словно она чуть ли не вынюхивала добычу.

Куинн развернулась на каблуках, бормоча: — Мне нужно собрать их для рапорта. Выяснить, что случилось…

— Я… отведу ее обратно к комнату клонов, Куинн, — вызвался Марк, кивнув на блондинку.

Куинн с сомнением на него поглядела.

— Пожалуйста. Мне хотелось бы.

Она кинула взгляд на люк, через который ушла девочка-евразийка, а потом снова на его физиономию. Марк не знал, на что та оказалась похожа, но Куинн выпалила: — Знаешь, я просматривала записи высадки пару раз с тех пор, как мы покинули Станцию Фелл. Я не… у

меня не было возможности сказать тебе. Ты понимал, когда заслонил меня, пока мы карабкались на борт катера Кимуры, что мощность твоего плазменного зеркала падает?

— Нет. То есть я знал, что в меня много раз попадали, там, в туннелях.

— Одно попадание. Если бы оно поглотило еще одно попадание, то вышло бы из строя. Два — и ты бы загорелся.

— А-а.

Она хмуро поглядела на него, словно пытаясь решить, отдать ли ему должное за смелость или всего лишь за глупость. — Вот. Я думала, что тебе это будет любопытно. Что ты захочешь узнать. — Она еще дольше помолчала. — Моя батарея была на нуле. Так что если ты вправду считаешься очками с бароном Бхарапутрой, твой счет снова вырос до пятидесяти.

Марк не знал, какого ответа она от него ждет. Наконец Куинн вздохнула: — Хорошо. Можешь отвести ее. Если от этого почувствуешь себя лучше. — Она широким шагом удалилась принимать рапорты, и ее лицо было весьма озабоченным.

Марк повернулся и взял блондинку за руку, очень мягко; она вздрогнула, моргая блестящими от слез голубыми глазами. Пускай он прекрасно — более чем прекрасно — знал, что черты ее лица и тело были разработаны и вылеплены умышленно, но эффект был по-прежнему ошеломляющим: красота и невинность, сексуальность и страх, смешанные в опьяняющую дозу. Она смотрелась на полных двадцать лет, на самом пике своего физического развития — в идеальном соответствии с его собственным возрастом. И лишь на пару сантиметров выше его самого. Она могла бы быть специально создана героиней его романа, если не считать, что его жизнь расплылась некоей не-героической лужей, неупорядоченной и неконтроллируемой. Никаких наград, одни лишь наказания.

— Как тебя зовут? — спросил он с фальшивой веселостью.

Она с подозрением на него поглядела. — Мари.

Фамилий у клонов не бывает. — Милое имя. Пойдем, Мари. Я отведу тебя обратно в твою… э-э… спальню. Ты почувствуешь себя лучше, когда снова окажешься вместе с подругами.

Волей-неволей она пошла за ним.

— Знаешь, сержант Таура хорошая. Она действительно хочет о вас позаботиться. Ты ее просто перепугала, вот так убежав. Она беспокоится, как бы с тобой ничего не случилось. Ты ведь на самом деле не боишься сержанта Тауру, верно?

Ее прекрасные губы сомкнулись в смущении. — Я… не уверена. — Она шла изящной, раскачивающейся походкой, причем при каждом шаге ее груди самым отвлекающим образом колыхались, наполовину прикрытые розовой курточкой. Стоит предложить ей пройти процедуру уменьшения груди, хотя Марк был не уверен, есть ли у судового хирурга «Сапсана» необходимый для этого опыт и квалификация. А если ее физический опыт жизни у Бхарапутры подобен его собственному, то сейчас ее, наверное, тошнит от хирургии. Его-то точно тошнило после всего, чем искалечили его тело.

— Мы не корабль работорговцев, — с энергией начал он снова. — Мы везем вас на… — Новость, что их целью полета стала Барраярская Империя, может стать не столь уж утешительной. — Нашей первой остановкой, наверное, будет Комарр. Но тебе не обязательно там оставаться. — У него нет власти что-нибудь обещать ей насчет конечного пункта назначения. Ничего. Один пленник не может спасти другого.

Она закашлялась и потерла глаза.

— С тобой… все в порядке?

— Я хочу попить водички. — Ее голос охрип от бега и рыданий.

— Я тебе дам, — пообещал он. Его каюта была прямо по коридору, если идти назад; он повел ее туда.

По прикосновению его ладони к пластине дверь с шипением открылась. — Входи. У меня никогда не было возможности с вами поговорить. Может, если бы было… эта девчонка никогда бы тебя не одурачила. — Он провел ее внутрь и усадил на свою кровать. Она слегка

дрожала. Как и он сам.

— Она тебя одурачила?

— Я… не знаю, адмирал.

Он горько фыркнул. — Я не адмирал. Я клон, как и ты. Я вырос у Бхарапутры, этажом выше, чем ты живешь. Жила. — Он пошел в ванную, налил чашку воды и принес ей. И подавил порыв предложить ей эту чашку, опустившись на колени. Ее нужно убедить… — Я должен сделать так, чтобы ты поняла. Поняла, кто ты, что с тобой случилось. Чтобы тебя не одурачили снова. Тебе нужно много выучить, чтобы защитить себя. — Конечно — с *таким-то* телом. — Ты должна ходить в школу.

Она проглотила воду. — Не хочу в школу, — пробормотала она в чашку.

— Неужели бхарапутряне никогда не пускали тебя в виртуальные обучающие программы? Когда я там был, это было самое лучшее. Даже лучше, чем игры. Хотя игры я, конечно, любил. Ты играла в «Зайлек»?

Она кивнула.

— Это забавно. Но шоу по истории, по астрографии — самой забавной програмой был виртуальный учитель. Седой старикан в одежде двадцатого века, и этот его пиджак с заплатками на локтях — мне всегда было интересно, основан он на реальной личности или собран из кусочков.

— Никогда их не видела.

— Что же вы делали целыми днями?

— Болтали друг с другом. Делали прически. Плавали. Наставники заставляли нас каждый день заниматься аэробикой…

— Нас тоже.

— … пока мне не сделали вот это. — Она коснулась груди. — Тогда меня заставляли только плавать.

Это было логично. — Последний раз твое тело меняли довольно недавно, вижу.

— Где-то месяц назад. — Она помолчала. — А ты правда… не думаешь, что меня ждала мама?

— Мне жаль. У тебя нет мамы. И у меня нет. Что тебя ждало… это был ужас. Почти непредставимый. — Хотя он все представить мог, и даже слишком наглядно.

Она сердито на него посмотрела, явно отказываясь расстаться со своей мечтой о волшебном будущем. — Мы все красивые. Если ты правда клон, почему ты некрасивый?

— Рад видеть, что ты начинаешь думать, — осторожно сказал он. — Мое тело было создано так, чтобы соответствовать моему прародителю. А он калека.

— Но если это правда — про пересадку мозга — то как ты не…?

— Я был… частью другого плана. Мои заказчики забрали меня целиком. Только это было после того, как я достоверно узнал всю правду про Бхарапутру. — Он присел рядом с ней на кровать. Ее запах… неужели к ее коже был генетически добавлен этот тонкий аромат? Он пьянил. Воспоминание о ее мягком теле, извивающемся под ним на палубе шлюзового коридора, будоражило Марка. Он мог бы раствориться в нем… — У меня были друзья — а у тебя?

Она молча кивнула.

— Когда я смог что-то для них сделать — нет, намного раньше, чем я смог бы что-то сделать, — их уже не стало. Их всех убили. Вместо этого я спас вас.

Она недоверчиво на него уставилась. Он не мог угадать, что она сейчас думает.

Каюта поплыла, и приступ тошноты, не имеющий ничего общего с подавленным эротическим влечением, скрутил его желудок.

— Что это было? — задыхаясь, проговорила Мари, широко распахнув глаза. Она бессознательно стиснула его руку. От ее прикосновения рука Марка горела.

— Все в порядке. Даже больше. Это был твой первый П-В переход. — Имея преимущество в, э-э, несколько скачков, он говорил доброжелательным и успокаивающим тоном. — Мы ушли. Джексонианцы не могут нас достать. — *Куда* лучше, чем двойной

обман, все время наполовину ожидаемый какой-то частью его сознания, пока Васа Луиджи оставался заложником в его жирных руках. Никакого рева и сотрясений от вражеского огня. Просто милый маленький неопасный скачок. — Мы в безопасности. Теперь мы все в безопасности. — Он подумал о сумасшедшей девочке-евразийке. *Почти все.*

Он так хотел, чтобы Мари поверила. Дендарийцы, барраярцы — от них он не ждал особого понимания. Но эта девочка — если бы он только мог блистать в ее глазах! Он не хотел никакой награды, кроме поцелуя. Он сглотнул. *«Ты уверен, что хочешь всего лишь поцелуй?»* В животе, под этим жутко затянутым поясом, рос неудобный, горячий ком. Чресла смущающим образом отвердели. Может, она не заметит. Не поймет. Не осудит.

— Ты… не поцелуешь меня? — робко спросил он совершенно пересохшим ртом. Он взял у нее чашку и выпил последний оставшийся глоток воды. Его не хватило, чтобы снять напряжение в горле.

— Зачем? — спросила она, наморщив бровь.

— По… понарошку.

Такая просьба была ей понятна. Она моргнула, но довольно охотно подалась вперед и прикоснулась губами к его губам. Ее курточка приоткрыла тело…

— Ох, — выдохнул Марк. Он обхватил руками ее шею и не дал ей отодвинуться. — Пожалуйста, еще… — Он прижался к ее лицу. Она не сопротивлялась и не отвечала, но ее рот все равно был изумителен. *Хочу, хочу…* Не будет никакого вреда, если ее потрогать, просто потрогать… Ее руки машинально обвились вокруг его шеи. Он ощущал каждый прохладный пальчик, заканчивающийся остреньким ноготком. Ее губы раскрылись. Он растаял. В голове гулко стучала кровь. Разгорячившись, он скинул китель.

Прекрати. *Прекрати прямо сейчас, черт тебя подери.* Но она *могла быть* героиней его романа. У Майлза их целый чертов гарем, сомнений нет. Может ли она позволить ему… больше, чем поцелуй? Не проникнуть в нее, конечно же, нет. Ничего, чтобы могло бы повредить ей. Но если потереться между ее больших грудей, это ей не повредит, хотя, безусловно, смутит. Он может погрузиться в эту пышную плоть и достичь удовлетворения столь же полно — еще полнее — чем меж ее бедер. Может, она посчитает его психом, но вреда ей не будет. Его рот снова жадно накрыл ее губы. Он коснулся ее кожи. *Еще.* Он стянул с ее плеч курточку, высвободив тело для своих изголодавшихся рук. Ее кожа была мягкой и бархатной. Другой, дрожащей, рукой, он расстегнул удушающе-тесный пояс брюк. Что за облегчение. Он был чудовищно, мучительно возбужден. Но он не прикоснется к ней ниже талии, нет…

Он повалил ее на спину, прижав к кровати, покрывая яростными поцелуями все тело. Она онемела от испуга. Его дыхание сделалось тяжелее, и вдруг внезапно остановилось. Глубокий спазм охватил его легкие, словно все бронхи сжались одновременно со щелчком захлопнувшегося капкана.

«Нет! Только не снова!!» Опять, точно так же, как в прошлый раз год назад, когда он попытался…

Он скатился с нее; ледяной пот выступил у него по всему телу. Он боролся с перехваченным удушьем горлом. Выдавил один астматический, дрожащий всхлип. Вспышка памяти была почти галюцинаторно ясной.

Разгневанный крик Галена. Ларс и Мок по приказу Галена распластали его и содрали с него одежду — словно побоев, которые только что ему от них достались, недостаточно для наказания. Девушку они прогнали прочь прежде, чем начали; она убежала, словно заяц. Он сплюнул отдающую железом и солью кровь. Шоковая дубинка нацеливается, касается: сюда и *сюда* , удар и треск. Гален все больше багровеет, обвиняя его в измене, и хуже, неся какой-то бред относительно сомнительных сексуальных склонностей Эйрела Форкосигана, наращивая мощность все сильнее. «Переверните его». Ужас, скручивающий в узел его кишки, животная память о боли, унижении, ожоги и спазмы, странное возбуждение, подобное короткому замыканию, и жутко постыдный оргазм вопреки всему, вонь обожженной плоти…

Он оттолкнул прочь эти видения и, почти теряя сознание, попытался вдохнуть и выдохнуть еще раз. Почему-то вдруг оказалось, что он сидит не на кровати, а на полу, судорожно поджав руки и ноги. Потрясенная и полураздетая блондиночка скорчилась на разворошенной постели, уставившись на него. — Что с тобой такое? Почему ты остановился? Ты умираешь?

«Нет, но хотел бы.»

Это *нечестно* . Он точно знал, откуда взялся этот условный рефлекс. Это было не воспоминание, погребенное в подсознании, не что-то из его далекого, смутного детства. Это случилось всего четыре года назад. Разве не должно такого рода ясное осознание освободить человека от демонов прошлого? Будет ли он впадать в вызванные им же самим спазмы всякий раз, когда попробует секс с настоящей девушкой? Или дело просто в крайнем, вызванном обстоятельствами, напряжении? Будь ситуация спокойнее, будь угрызения совести меньше… если когда-нибудь ему выдастся случай заняться любовью не в спешке и потной возне, может, он справится со своей памятью и безумием? «А может, и нет.» Он боролся за очередной дрожащий вдох. Еще один. Легкие снова заработали. Грозила ли ему реальная опасность умереть от удушья? Должно быть, если он однажды и вправду вырубится, автономная нервная система вернет себе управление.

Дверь каюты скользнула в сторону. В проеме обозначились силуэты Тауры и Ботари-Джезек, всматривающихся в темноту слабо освещенной комнаты. То, что они увидели, заставило Ботари-Джезек выругаться, а сержанта Тауру — оттерев ее плечом, шагнуть вперед.

Сейчас! Марк захотел потерять сознание прямо *сейчас* . Но его бесхитростный демон не был настроен на сотрудничество. Так что он продолжал дышать, стреноженный спущенными до колен брюками.

— Ты что делаешь? — прорычала сержант Таура. Опасный, поистине волчий тембр голоса; в неярком свете в уголках ее рта сверкнули клыки. Он видел, как ей случалось вырвать человеку горло одной рукой.

Девочка-клон сидела на коленях на кровати, страшно встревоженная; ее руки как обычно старались прикрыть и поддержать самую заметную часть ее внешнего облика, как обычно же лишь привлекая к ней еще больше внимания. — Я только попросила попить водички, — прохныкала она. — Простите.

Восьмифутовая сержант Таура моментально опустилась на одно колено, раскрыв ладони и показывая девочке, что на *нее* она не сердится. Марк не был уверен, уловила ли Мари эту тонкость.

— Что случилось? — сурово спросила Ботари-Джезек.

— Он заставил меня его поцеловать.

Ботари-Джезек окинула взглядом беспорядок в его одежде, и глаза ее свирепо вспыхнули. Она была сейчас напряжена, словно натянутый лук. Она развернулась на месте и взглянула Марку в лицо. Голос ее был совсем тих: — Ты сейчас пытался ее изнасиловать?

— Нет! Не знаю. Я только…

Сержант Таура поднялась, сгребла его за футболку, защемив и кожу, вздернула на ноги и еще выше и притиснула к ближайшей стене. Пол был в метре от его вытянутых ступней. — Отвечай прямо, черт тебя подери, — рявкнула сержант.

Он зажмурил глаза и глубоко вдохнул. Не из-за угроз женщин Майлза, нет. Не из-за них. Но из-за второго унижения, которому подверг его Гален — в некотором смысле более мучительном насилии, чем первое. Когда Ларс и Мок, встревоженные, наконец убедили Галена прекратить, Марк был в таком глубоком шоке, что оказался на грани остановки сердца. Галени был вынужден посреди ночи отвести своего драгоценного клона к доверенному терапевту — тому, которого он каким-то образом заставил помогать себе с препаратами и гормонами, необходимыми для поддержания развития Марка идентичным майлзовому. Галени объяснил врачу его ожоги тем, что Марк якобы тайком занимался онанизмом с помощью шоковой дубинки, случайно включил ее и не смог выключить из-за

вызванных шокером мышечных судорог, пока его крики не услышали и не прибежали на помощь. Доктор просто поперхнулся от смеха. Марк слабым голосом подтвердил эту версию, слишком боясь противоречить Галену даже наедине с терапевтом. Однако доктор видел его кровоподтеки и должен был понять, что за этой историей кроется нечто большее. Но он ничего не сказал. И ничего не сделал. Впоследствии Марк больше всего сожалел о собственном вялом согласии; больнее всего его обжег этот смешок. Он не мог допустить, чтобы Мари вышла отсюда, обремененная похожими уликами.

В коротких, недвусмысленных фразах он точно описал, что именно только что попытался сделать. Звучало все ужасающе мерзко, хотя заставила его потерять голову именно ее красота. Он не открывал глаз. Не упомянул своего приступа паники, не попытался объяснить про Галена. Внутри он весь корчился, но рассказывал чистую правду. Пока он говорил, стена за его спиной медленно скользила вверх, пока его ступни снова не оказались на палубе. Сжимавшая его рубашку рука разжалась, и он посмел открыть глаза.

И чуть не закрыл их снова, обоженный открытым презрением во взгляде Ботари-Джезек. Ну, все. Та, что ему почти симпатизировала, была почти ласкова, почти стала здесь его единственным другом, стояла, окаменев от ярости, и он понял, что от него отвернулся тот самый человек, который мог замолвить за него слово. Это было больно, убийственно больно — иметь столь малое и потерять это.

— Когда Таура доложила, что одного клона не хватает, — отрезала Ботари-Джезек, — Куинн сказала, что ты настоял на том, чтобы проводить эту девочку. Теперь мы знаем, зачем.

— Нет. Я не намеревался… ничего. Она действительно захотела попить воды. — Он показал на чашку, лежащую возле него на палубе.

Таура повернулась к нему спиной, опустилась на одно колено у кровати и обратилась к блондинке намеренно мягким голосом: — Он тебе сделал больно?

— Я в порядке, — дрожащим голосом отозвалась она, снова натягивая свою курточку и пожимая плечами. — А вот этот человек правда болен. — Она уставилась на него с озадаченным интересом.

— Явно болен, — пробормотала Ботари-Джезек. Она вздернула подбородок и взглядом пригвоздила Марка, снова прижавшегося к стене. — Ты под домашним арестом, мистер. Я снова ставлю у твоей двери охрану. Даже не пытайся выйти.

Не буду, не буду .

Они увели Мари. Закрываясь, дверь просвистела, словно падающий нож гильотины. Марк забрался на свою узкую кровать, дрожа.

Две недели до Комарра. Он всерьез захотел умереть.

Глава 11

Первые три дня своего одиночного заключения Марк провел в депрессии, кучей тряпья валяясь на кровати. Он хотел своей геройской миссией спасать жизни, а не отнимать их. Он подсчитывал тела, одно за другим. Пилот катера. Филиппи. Норвуд. Десантник Кимуры. И восемь тяжелораненых. Когда он впервые все планировал, у этих людей не было имен. И все безымянные бхарапутряне — тоже. Среднестатистический джексонианский охранник — это просто солдат, с трудом зарабатывающий себе на жизнь. Интересно, вяло подумал он, не было ли среди них людей, с которыми Марк встречался или шутил, когда жил в интернате для клонов. Как обычно, маленьких людишек искрошили в фарш, в то время как те, у кого достаточно власти, чтобы нести ответственность, ускользнули, вышли на свободу, как барон Бхарапутра.

Перевешивают ли жизни сорока девяти клонов четырех погибших дендарийцев? Похоже, дендарийцы так не думают. Эти люди не были добровольцами. *Ты* заманил их в смертельную ловушку.

Нежданное озарение его потрясло. Жизни не складываются, как числа. Они складываются, как бесконечности.

Я не хотел, чтобы все так вышло .

И клоны. Девочка-блондинка. Он лучше, чем кто бы то ни было, знал, что она — не зрелая женщина, о чем ошеломляюще вопило ее общее физическое развитие и выдающиеся объемы. Шестидесятилетний мозг, который планировали перенести в это тело, без сомнения, знал бы, как с ним управляться. Но Марк так ясно видел своим внутренним взором десятилетнего ребенка внутри нее. Он не хотел сделать ей больно или напугать — хотя ухитрился сделать и то, и другое. Он хотел порадовать ее, заставить ее лицо осветиться. «Так, как все они вспыхивают при виде Майлза?», насмехался внутренний голос.

Ни один из клонов совсем не отреагировал так, как мучительно хотелось Марку. Он должен расстаться со своими фантазиями. Через десять, через двадцать лет они, быть может, поблагодарят его за спасение своих жизней. Или нет. *Я сделал все, что мог. Простите.*

Где-то на второй день его обуяла навязчивая мысль о том, что он сам — искушение перенести мозг Майлза в другое тело. Довольно странно — а возможно, довольно логично, — что со стороны Майлза он ничего подобного не опасался. Но Майлз сейчас вряд ли в том положении, чтобы наложить вето. А если кому-нибудь придет в голову, что куда легче перенести мозг Майлза в горячее и живое тело Марка, а не пытаться долго и нудно чинить разорванную смертельным ранением грудную клетку, да еще получить криотравму в придачу ко всему? Возможность эта была такой устрашающей, что он чуть было не пожелал вызваться добровольно, просто чтобы свыкнуться с неизбежным.

Единственное, что удержало его от срыва и бессвязного бормотания, так это соображение, что пока криокамера утеряна, эта угроза носит абстрактный характер. Пока она не найдется вновь. В темноте своей каюты, зарывшись головой в подушку, он осознал, что уважение за свое мужественное спасение клонов он больше всего мечтал увидеть на лице Майлза.

«Ты практически свел к нулю подобную возможность, а?»

Единственное избавление от круговерти мыслей приносили еда и сон. Запихнув в себя содержимое целого полевого рациона, он успокоил свою кровь до того, чтобы просто осоловеть и малыми урывками подремать. Желая забыться и не думать обо всем, он уговорил сердитого дендарийца, три раза в день просовывающего ему в дверь поднос с едой, принести добавки. Поскольку тот явно не счел флотскую одноразовую упаковку рациона чем-то опасным, то возражать никто не стал.

Другой дендариец принес и всунул в дверь набор чистой одежды Майлза из запасов с «Ариэля». На сей раз все знаки различия оказались тщательно сняты. К третьему дню Марк оставил даже попытки натянуть на себя форменные брюки Нейсмита, перейдя на просторные тренировочные штаны. В этот момент его и озарило вдохновение.

«Они не смогут заставить меня играть Майлза, если я не буду на него похож.»

С этого момента мысли его сделались несколько запутанными. Один из дендарийцев так разозлился на его бесконечные просьбы о добавке, что притащил ему целую коробку, свалил ее в углу и грубо заявил Марку, чтобы больше тот его не доставал. Марк остался наедине со своей операцией по самоспасению и хитрыми расчетами. Ему доводилось слышать о том, как узник прорыл туннель из своей камеры на свободу ложкой; а почему не он?

Все же, какой бы сумасшедшей эта идея не была — а какой-то частью своего сознания он понимал, что это так, — она придавала его жизни смысл. Прошло слишком много времени, бесконечные часы разгона и скачков в направлении Комарра, когда ему показалось, что этого недостаточно. Он прочел ярлык с питательными свойствами. Если соблюдать полную неподвижность, одна порция обеспечивает его требуемой дневной нормой калорий. Все, что он съест сверх того, прямиком превратится в не-Майлза. Каждые четыре порции должны давать килограмм добавочного веса, если он правильно посчитал. Плохо только, что меню одно и то же…

Дней едва хватит, чтобы заставить этот план сработать. Хотя на его теле лишние килограммы не спрячешь. К концу, запаниковав при мысли об уходящем времени, он ел уже

непрерывно, пока недвусмысленная боль под ложечкой не заставляла его прекратить, — тем самым сочетая удовольствие, мятеж и наказание в одном странным образом приятном ощущении.

Куинн вошла без стука, с жестокой деловитостью переведя регулятор от положения «темно» на полное освещение.

— Ой, — отшатнулся Марк и прикрыл рукой глаза. Вырванный из своего беспокойного сна, он перевернулся на кровати. Прищурился на хроно на стене. Куинн пришла за ним на полсуток раньше, чем он ожидал. Дендарийские корабли, должно быть, шли с максимальным ускорением, если ее появление означает прибытие на комаррскую орбиту. «Боже, помоги мне.»

— Вставай, — сказала Куинн. Она наморщила нос. — И помойся. Надевай мундир. — Она положила в ногах кровати что-то цвета темного хаки, с проблеском золота. Исходя из ее обычного настроения, Марк ожидал, что она эту вещь швырнет, но по благоговейной аккуратности, с какой она положила одежду на кровать, он догадался, что это один из мундиров Майлза.

— Я встану, — ответил Марк. — И вымоюсь. Но не надену этот мундир — и вообще никакого мундира не надену.

— Сделаешь, что тебе велят, мистер.

— Это мундир барраярского офицера. Он олицетворяет настоящую власть, и барраярцы ее соответственно блюдут. Они *вешают* тех, кто надевает фальшивые мундиры. — Он сдернул одеяло и сел. Голова у него слегка кружилась.

— *Бог мой!* — придушенным голосом ахнула Куинн. — Что ты с собой сотворил?

— Полагаю, — заявил он, — вы всё равно можете попытаться втиснуть меня в этот мундир. Но вам стоит принять во внимание будущий эффект. — И он, шатаясь, двинулся в ванную.

Моясь и снимая щетину депилаторием, он обозрел результаты своей попытки к бегству. Просто времени было мало. На самом деле он набрал те килограммы, которые пришлось до того сбросить, чтобы сыграть на Эскобаре адмирала Нейсмита, — ну, может, слегка сверх того, — и это за какие-то четырнадцать дней вместо года, который он набирал этот вес в первый раз. Намек на двойной подбородок. Его туловище заметно потолстело, хотя живот — двигался он осторожно — болезненно раздулся. Недостаточно, еще недостаточно для спасения.

Куинн есть Куинн, она должна была убедиться сама, и она все же примерила на него барраярский мундир. Марк специально обмяк. Эффект вышел… весьма невоенный. Она с рычанием сдалась и позволила ему одеться самому. Он выбрал чистые тренировочные штаны, мягкие шлепанцы и просторную куртку Майлза — барраярского гражданского фасона, с широкими рукавами и вышитым поясом-кушаком. Мгновение он тщательно раздумывал, какой вид больше досадит Куинн: если он повяжет этот кушак вокруг своего округлившегося живота, по экватору, или ниже выпуклости, словно бандаж. При последнем варианте Куинн скривилась, словно съела лимон, и Марк так и оставил.

Она уловила его обреченное настроение. — Наслаждаешься? — спросила она саркастически.

— Сегодня у меня больше ничего веселенького не будет. Так?

Она разжала кулак, сухо соглашаясь.

— Куда вы меня ведете? И коли на то пошло, мы где?

— На орбите Комарра. Мы сейчас тайно вылетим на шлюпке на одну из барраярских военных станций. И у нас будет совершенно секретная встреча с шефом Имперской Безопасности капитаном Саймоном Иллианом. Он прибыл на скоростном курьере из самой штаб-квартиры СБ на Барраяре, опираясь на те весьма двусмысленные зашифрованные сообщения, которые я ему отправила, и он чертовски сильно захочет узнать, почему это я нарушила его обычный распорядок. Он потребует сказать ему, какого черта это так важно. И… — голос у нее сорвался, и она вздохнула, — я буду обязана рассказать ему.

Она вывела его из каюты-камеры и повела по «Сапсану». Очевидно, охранников у двери она отпустила прежде, чем вошла, но вообще-то все коридоры казались пустынными. Нет, не пустынными. Очищенными.

Они подошли к люку пассажирской шлюпки и прошли внутрь; пилотом оказалась сама капитан Ботари-Джезек. Ботари-Джезек и больше никого. Явно намечается вечеринка в очень узком кругу.

Обычная холодность Ботари-Джезек сегодня казалась особенно явной. Когда она оглянулась на Марка через плечо, глаза ее расширились, а темные брови вразлет нахмурились в изумленном осуждении его одутловатой, обрюзгшей внешности.

— Черт, Марк. Ты выглядишь, словно утопленник, пролежавший в воде неделю.

«И чувствую себя так же». — Ну, спасибо, — с подчеркнутой любезностью ответил он.

Она фыркнула — он не знал, было ли это удивление, насмешка или отвращение — и вновь занялась контрольным интерфейсом шлюпки. Люк закрылся, захваты отошли, и в тишине они отчалили от борта «Сапсана». При переходе от невесомости к ускорению Марк снова сосредоточил все свое внимание на собственном набитом желудке и сглатывал, борясь с тошнотой.

— А почему главный человек в СБ всего лишь в капитанском звании? — спросил Марк, чтобы отвлечь свои мысли от тошноты. — Ведь не секретности ради, — все равно все знают, кто он такой.

— Еще одна барраярская традиция, — отозвалась Ботари-Джезек. В ее голосе при слове «традиция» прозвучал легкий оттенок горечи. По крайней мере, она с ним хоть разговаривает. — Предшественник Иллиана на этом посту, покойный великий капитан Негри, не принимал дальнейшего повышения. Этот род честолюбия доверенному человеку императора Эзара был чужд. Все знали, что Негри говорит Голосом императора, и его приказы были превыше любого звания и чина. Думаю, Иллиан… всегда немного стеснялся получить звание выше, чем его бывший начальник. Хотя жалование он получает вице-адмиральское. Какой бы бедняга ни возглавил СБ после отставки Иллиана, ему, наверное, придется застрять на капитанском звании навсегда.

Они приблизились к средних размеров космической станции на высокой орбите. Под конец Марк мельком увидел Комарр, вращающийся далеко внизу и уменьшенный расстоянием до размеров половины Луны. Ботари-Джезек твердо придерживалась траектории, определенной ей предельно лаконичным диспетчером станции. После томительной паузы, во время которой они обменялись паролями и отзывами, шлюпка вошла в причальный люк.

Два молчаливых, бесстрастных вооруженных охранника, очень аккуратные и подтянутые в своих зеленых барраярских мундирах, встретили их и провели по станции в небольшое, лишенное окон помещение, обставленное как кабинет — стол с комм-пультом и три кресла, и больше ничего.

— Благодарю. Оставьте нас, — произнес мужчина за столом. Охранники вышли так же молча, как делали и все остальное.

Оставшись один, мужчина, кажется, слегка расслабился. Он кивнул Ботари-Джезек. — Привет, Елена. Рад тебя видеть. — В негромком голосе послышалась неожиданно теплая нотка, словно это дядюшка приветствовал любимую племянницу.

Остальное было в точности таким, как Марк изучил по видеозаписям Галена. Саймон Иллиан был худощавым, стареющим мужчиной с сединой, приливом поднимавшейся в темно-русых волосах от висков. На округлом, курносом лице было слишком много тонких морщин, чтобы оно выглядело молодым. Находясь на военном объекте, он был надлежащим образом одет в зеленый офицерский мундир с такими же знаками различия, как те, что Куинн пыталась навязать Марку, и Глазом Гора — эмблемой СБ, — подмигивающим с воротника.

Марк заметил, что Иллиан уставился на него в ответ совершенно особым взглядом. — Бог мой, Майлз, ты… — начал он сиплым голосом, и тут его глаза вспыхнули пониманием.

Он откинулся в кресле. — А-а. — Уголок его рта дрогнул в усмешке. — Лорд Марк. Привет вам от миледи вашей матери. И я очень рад наконец встретиться с вами. — Голос его звучал совершенно искренне.

«Ненадолго», безнадежно подумал Марк. А потом — *«Лорд Марк? Не может быть, чтобы он это всерьез.»*

— Еще я рад снова знать, где вы находитесь. Я так понимаю, капитан Куинн, что сообщение из моего департамента относительно исчезновения лорда Марка с Земли наконец вас настигло?

— Пока нет. Наверное, оно все еще гонится за нами с нашей… прошлой остановки.

Иллиан поднял брови. — Так что же, лорд Марк самостоятельно явился с холода, или это мой былой подчиненный прислал его ко мне?

— Ни то ни другое, сэр. — У Куинн, похоже, обнаружились проблемы с речью. Ботари-Джезек заговорить даже не пыталась.

Иллиан подался вперед, посерьезнев, хотя в его словах все еще слышался отголосок тонкой иронии. — Итак, плату за какую именно необдуманную, противоречащую дисциплине и вообще я-думал-вы-приказали-мне-проявить-инициативу-сэр аферу хочет он выманить у меня вашими руками на этот раз?

— Никакой аферы, сэр, — пробормотала Куинн. — Но счет обещает быть громадным.

Атмосфера легкого веселья испарялась по мере того, как Иллиан рассматривал ее посеревшее лицо. — Да? — секунду спустя произнес он.

Куинн оперлась на стол обеими руками — не для большей выразительности, понял Марк, но чтобы не упасть. — Иллиан, у нас проблема. Майлз погиб.

Лицо Иллиана застыло, как восковое. Он резко развернул кресло; Марк мог видеть лишь его затылок, редеющие волосы. Когда Иллиан повернулся обратно, на его застывшем лице проявился доселе незаметный рисунок морщин, словно шрамы. — Это не проблема, Куинн, — прошептал он. — Это *катастрофа* . — Он очень осторожно положил обе ладони плашмя на черную гладкую поверхность стола. *«Так вот где Майлз подхватил этот жест»,* некстати подумал изучавший его привычки Марк.

— Он заморожен в криокамере. — Куинн облизнула пересохшие губы.

Иллиан прикрыл глаза, губы его шевельнулись то ли в молитве, то ли в ругательстве — Марк не понял. Но он лишь мягко произнес: — С этого тебе следовало начать. Остальное можно вывести логически. — Глаза его открылись, взгляд стал сосредоточен. — Итак, что случилось. Как тяжело он ранен — не в голову, бога ради? Насколько хорошо его обработали?

— Я сама помогала его обрабатывать. В боевых условиях. Я… я *думаю* , что подготовили его хорошо. Никогда не знаешь, пока… ну, ладно. Он получил очень серьезное ранение в грудь. Насколько я могу судить, от шеи и выше он не пострадал.

Иллиан осторожно выдохнул. — Вы правы, капитан Куинн. Это не катастрофа. Всего лишь проблема. Я приведу в состояние готовности Имперский Военный госпиталь в Форбарр-Султане — пусть ждут своего знаменитого пациента. Мы можем немедленно перенести криокамеру с вашего корабля на мой курьер. — Неужели этот человек так несдержан в словах просто от облегчения?

— Гм… — произнесла Куинн. — Нет.

Иллиан осторожно уперся лбом в ладони, словно за надбровными дугами у него разыгралась головная боль. — Договаривай, Куинн, — произнес он с приглушенным ужасом.

— Мы потеряли криокамеру.

— КАК можно потерять криокамеру?

— Она была переносная. — Она наткнулась на его обжигающий взгляд и поспешила продолжить доклад. — Ее оставили внизу в неразберихе при отлете. На каждом из десантных катеров считали, что криокамера на другом. Это было недопонимание — клянусь, я *проверила* . Случилось так, что медтехник, отвечавший за криокамеру, был отрезан от катера вражескими силами. Он оказался в месте, где был доступ к коммерческой пересылочной

станции. Мы думаем, что он отправил криокамеру оттуда.

— *Думаете* ? Я еще спрошу, что это была за боевая высадка — минутой позже. Куда он ее отправил?

— Вот куда именно, мы не знаем. Его убили прежде, чем он успел доложить. Криокамера может быть на пути буквально куда угодно.

Иллиан откинулся на спинку кресла и потер губы, сложившиеся сейчас в тусклую, наводящую ужас улыбку. — Понимаю. Так когда все это случилось? И где?

— Две недели и три дня назад, на Единении Джексона.

— Я отправил вас всех на Иллирику через Станцию Вега. Какого черта вас занесло на Единение Джексона?

Куинн стала по стойке «вольно» и выдала все с начала: сухое, сжатое резюме событий последних четырех недель, от Эскобара и дальше. — У меня здесь полный доклад со всеми видеозаписями и личным журналом Майлза, сэр. — Она положила на комм пульт куб данных.

Иллиан смерил куб взглядом, словно змею; его рука даже не шевельнулась, чтобы его взять. — А сорок девять клонов?

— Все еще на борту «Сапсана», сэр. Мы бы хотели их выгрузить.

Мои клоны . Что Иллиан с ними сделает? Спросить Марк не посмел.

— Личный журнал Майлза, по моему опыту, склонен превращаться в довольно бесполезный документ, — сдержанно заметил Иллиан. — Майлз весьма поднаторел в решениях, что включать туда, а что — нет. — Он еще глубже задумался, уйдя в себя, и на какое-то время повисла тишина. Затем он поднялся и стал расхаживать по маленькому кабинету от стены к стене. Ледяная маска внезапно пошла трещинами; с искаженным лицом он развернулся, с зубодробительной силой грохнул кулаком по стене и выпалил: «*Черт бы побрал* этого парня — он превратил в долбанный фарс даже собственные похороны!»

Иллиан остановился, спиной к ним; когда он снова повернулся и сел, лицо его было застывшим и невыразительным. Подняв взгляд, он обратился к Ботари-Джезек: — Елена. Очевидно, что мне придется остаться на какое-то время на Комарре, чтобы координировать поиски из штаб-квартиры Департамента СБ по делам Галактики. Я не могу позволить себе потратить на путешествие еще пять дней, прежде чем начну действовать. Конечно, я… составлю официальное сообщение о пропаже без вести лейтенанта лорда Форкосигана и перешлю его графу и графине Форкосиган. Мне ненавистна одна мысль, что его доставит кто-то из моих подчиненных, но придется так сделать. Но не можешь ли ты, в качестве личного мне одолжения, сопроводить лорда Марка в Форбарр-Султану и передать его под их опеку?

«Нет, нет, нет!», беззвучно завопил Марк.

— Я … лучше бы мне не ехать на Барраяр, сэр.

— У премьер-министра будут вопросы, на которые сможет ответить лишь непосредственный свидетель. Ты — самый идеальный курьер, какого я могу вообразить, для дела столь… большой деликатности. Полагаю, эта задача будет тягостной.

У Ботари-Джезек был вид человека, попавшего в ловушку. — Сэр. Я капитан корабля. Я не могу оставить «Сапсан». И — если честно — не имею никакого желания сопровождать лорда Марка.

— Взамен я выполню все, что ты ни попросишь.

Она заколебалась. — Все?

Он кивнул.

Она поглядела на Марка. — Я дала свое слово, что все клоны Дома Бхарапутра попадут в какое-то безопасное место с человеческими условиями, где джексонианцы не смогут их достать. Вы выкупите мое слово?

Иллиан пожевал губу. — Разумеется, СБ довольно легко сделать им новые личности. Тут никаких трудностей. Подходящее размещение — с этим может быть хитрее. Но да. Мы берем их к себе.

«Берем их к себе». Что имел в виду Иллиан? При всех их прочих недостатках, по крайней мере барраярцы не практикуют рабство.

— Это дети! — выпалил Марк. — Вы должны помнить, что они всего лишь дети. — «Об этом нелегко помнить», хотел добавить он, но не смог под холодным взором Ботари-Джезек.

Иллиан отвел взгляд от Марка. — Тогда я спрошу совета у графини Форкосиган. Что-то еще?

— «Сапсан» и «Ариэль»…

— Должны пока оставаться на комаррской орбите и в информационном карантине. Мои извинения твоим солдатам, но им придется потерпеть.

— Вы покроете расходы за эту неприятность?

Иллиан скривился. — Увы, да.

— И… ищите Майлза *как следует* !

— О, да, — выдохнул он.

— Тогда я поеду. — Голос ее был тих, лицо бледно.

— Благодарю тебя, — негромко отозвался Иллиан. — Мой скоростной курьер окажется в твоем распоряжении, как только ты будешь готова отбыть. — Его взгляд неохотно упал на Марка. Он избегал на него глядеть всю вторую половину беседы. — Сколько личных охранников тебе нужно? — спросил он Ботари-Джезек. — Я четко дам им понять, что они находятся под твоим командованием вплоть до того момента, пока вы не окажетесь в безопасности в доме графа.

— Я бы не хотела ни одного, но, думаю, иногда мне нужно будет спать. Двоих, — решила Ботари-Джезек.

Итак, его официально сделали пленником барраярского имперского правительства, подумал Марк. «Приехали.»

Ботари-Джезек поднялась и махнула Марку вставать. — Пошли. Я хочу забрать с «Сапсана» кое-какие личные вещи. Сообщить моему старпому, что он принимает командование. И объяснить солдатам насчет казарменного положения. Тридцать минут.

— Хорошо. Капитан Куинн — пожалуйста, останьтесь.

— Есть, сэр.

Иллиан встал проводить Ботари-Джезек до двери. — Скажи Эйрелу с Корделией… — начал он и замолк. Время тянулось.

— Скажу, — тихо ответила Ботари-Джезек. Иллиан безмолвно кивнул.

Запертая дверь с шипением открылась перед широко шагающей Ботари-Джезек. Она даже не оглянулась посмотреть, идет ли за ней Марк. Ему приходилось через каждые пять шагов переходить на бег, чтобы за ней поспеть.

* * *

Каюта на борту скоростного курьера СБ оказалась еще даже более крошечной и похожей на тюремную камеру, чем там, что он занимал на «Сапсане». Ботари-Джезек заперла его и оставила одного. Здесь не было даже отмечающего время устройства и хоть какого-то контакта с людьми, трижды в день приносившими ему еду: в каюте была своя собственная компьютеризированная линия доставки, соединенная пневмопроводом с каким-то центральным хранилищем. Он отдался навязчивому перееданию, не вполне понимая, зачем оно ему и что с ним делает, — кроме того, что оно было странной смесью утешения и самоистязания. Но смерть от избытка веса потребует годы, а у него всего пять дней.

В последний день его тело избрало другую стратегию, и он у него началась сильная рвота. Марк ухитрился хранить этот факт в секрете вплоть до снижения пассажирской шлюпки, когда его состояние по ошибке принял за укачивание и болезнь невесомости неожиданно сердобольный охранник СБ — явно страдавший сам от этого небольшого

недуга. Охранник быстро и добродушно налепил ему на шею противорвотный пластырь из настенной аптечки.

Пластырь обладал еще и успокаивающим действием. Сердцебиение Марка замедлилось и оставалось таковым до самого приземления и пересадки в лимузин с наглухо закрытыми дверьми. Охранник и шофер сели вперед, а Марк уселся в заднем отделении машины напротив Ботари-Джезек. Начался последний этап этого кошмарного путешествия — из военного космопорта за пределами столицы в самое сердце Форбарр-Султаны. Центра Барраярской Империи.

Лишь когда у него началось нечто вроде приступа астмы, Ботари-Джезек подняла глаза, заметила это и вышла из своей мрачной сосредоточенности.

— Черт, что это с тобой? — Она склонилась вперед и проверила его бешено скачущий пульс. Марк весь был покрыт холодным потом.

— Меня тошнит, — просипел он, и в ответ на ее раздраженный взгляд — «Это я и сама могу догадаться!» — признался: — Страшно. — Он считал, что под огнем бхарапутрян перепугался так, что сильнее человек просто не может, но тот раз не шел ни в какое сравнение с этим медленным, поглощающим ужасом; с долгой, удушающей безвыходностью назначенного ему жребия.

— Чего ты боишься? — насмешливо спросила она. — Никто тебе ничего плохого не сделает.

— Капитан, они меня убьют!

— Кто? Лорд Эйрел и леди Корделия? Вряд ли. Если по какой-либо причине нам не удастся вернуть Майлза, ты можешь стать следующим графом Форкосиганом. Разумеется, как ты и планировал.

В этот момент Марк наконец утолил свое давнее любопытство. Когда он потерял сознание, дыхание, разумеется, восстановилось автоматически. Он сморгнул черную пелену, и пресек встревоженные попытки Ботари-Джезек распустить его одежду и проверить, не заглотал ли собственный язык. У нее в кармане была пара противорвотных пластырей из аптечки катера, как раз на этот случай, и сейчас она неуверенно держала один из них в руке. Марк торопливо замахал рукой, и она приклеила пластырь. Помогло.

— Ты кем их считаешь? — вопросила она гневно, когда дыхание Марка стало поровней.

— Не знаю. Но они обязательно должны быть чертовски на меня злы.

Хуже всего было то, что он знал: не было необходимости доводить до такого. Теоретически в любой момент до разгрома на Единении Джексона он мог явиться прямо сюда и сказать «Привет!» Но он хотел встретиться с Барраяром на своих условиях. Все равно, что штурмовать небеса. Его попытка сделать как лучше привела к тому, что стало бесконечно хуже.

Ботари-Джезек откинулась на сидении и разглядывала его с медленно растущим потрясением. — Ты что, вправду перепуган до смерти? — произнесла она, словно откровение, отчего ему захотелось взвыть. — Марк, лорд Эйрел и леди Корделия истолкуют все сомнения в твою пользу. Я знаю. Но ты должен выполнить свою часть уговора.

— А в чем она состоит?

— Я… не знаю, — призналась она.

— Спасибо. Уж ты мне помогла…

Вот они и на месте. Машина миновала ворота и въехала в узкую полоску зелени возле огромного каменного особняка. Марк решил, что именно архитектура Периода Изоляции, до-электрической эпохи, придавала ему такой легендарный вид. Подобные же здания, виденные им в Лондоне, датировались более чем тысячью лет, а этой громадине было всего лишь полтора столетия. Особняк Форкосиганов.

Колпак поднялся, и он выбрался из лимузина вслед за Ботари-Джезек. На этот раз она его подождала. А затем крепко стиснула его руку выше локтя, то ли беспокоясь, что он лишится чувств, то ли боясь, что он может удрать. С ласкового солнышка они зашли в

холодный полумрак большого, выложенного черным и белым камнем вестибюля, самой примечательной деталью которого была широкая винтовая лестница. Сколько раз Майлз переступал этот порог?

Ботари-Джезек показалась ему прислужницей какой-то злого эльфа, укравшего их дорогого Майлза и оставившего вместо него толстенького, мертвенно-бледного подменыша. Он подавил истерическое хихиканье, когда некий язвительный насмешник где-то в глубине его черепа завопил: «Эй, мама, папа, вот я и дома!..» Конечно же, злобным эльфом был он сам.

Глава 12

В вестибюле их встретило двое слуг в коричневой с серебром ливрее Форкосиганов. В домах высших форов даже прислуга изображала из себя солдат. Один из них указал Ботари-Джезек куда-то направо. Марк был готов разрыдаться. Она относилась к нему с презрением, но, по крайней мере, была кем-то знакомым. Лишенный всяческой поддержки и ощущая себя еще более одиноким, чем в темноте запертой каюты, он повернулся и пошел вслед за вторым слугой налево по коридору со сводчатым потолком и через двустворчатую дверь.

Планировку особняка Форкосиганов он выучил наизусть давным-давно, под руководством Галени, поэтому знал, что сейчас они вошли в помещение, именуемое Первой Приемной, — прихожую перед большой библиотекой, тянущейся от фасада до задней стены особняка. По стандартам «общественных» помещений резиденции Форкосиганов это место должно быть относительно интимным, хотя высокий потолок, на взгляд Марка, придавал ему аскетичный и суровый вид. Но мысли об архитектурных деталях мгновенно испарились, стоило ему увидеть женщину, сидящую на мягкой кушетке и спокойно его ожидающую.

Она была высокой, не худощавой и не полной, скорее крепкого средних лет телосложения. Рыжие волосы, пронизанные естественной сединой, были уложены в сложный узел на затылке, оставляя открытым овал лица с выраженными скулами, четкой линией подбородка и ясными серыми глазами. Ее поза выражала сдержанное напряжение — она скорее приготовилась действовать, чем отдыхала. На ней была мягкая шелковая бежевая блузка с вышитым пояском — Марк внезапно сообразил, что узор вышивки был тот же, что и на позаимствованном им кушаке, — темно-коричневая юбка до щиколоток и сандалии на платформе. Никаких украшений. Он ожидал чего-то более нарочитого, пугающего, замысловатого — официальный облик графини Форкосиган с видеозаписей парадных мероприятий и приемов. Или атмосфера власти окружает ее столь плотно, что ей нет необходимости этот облик носить — она его *олицетворяет* ? Никакого внешнего сходства между нею и собой Марк заметить не смог. Ну разве только цвет глаз. И бледность кожи. И переносица, наверное. Линия челюсти оказалась очень правильной, что по записям было не заметно…

— Лорд Марк Форкосиган, миледи, — напыщенно провозгласил слуга, заставив Марка содрогнуться.

— Спасибо, Пим, — кивнула она средних лет мужчине, отпуская его. Оруженосец ничем не продемонстрировал неутоленного любопытства, кроме быстрого взгляда, брошенного им назад перед тем, как закрыть за собой двери.

— Здравствуй, Марк. — У графини Форкосиган был мягкий альт. — Садись, пожалуйста. — Она махнула рукой в сторону кресла с подлокотниками, стоящего чуть наискось от ее кушетки. Непохоже, чтобы это был капкан, настороженный на него и готовый со щелчком сомкнуться, да и кресло стояло не слишком близко. Марк осторожно опустился в него, как ему было сказано. Непривычное ощущение: кресло оказалось не слишком высоким — его ноги доставали до полу. Укорочено специально для Майлза?

— Рада наконец-то встретиться с тобой, — сказала она, — хотя жаль, что это случилось при столь неприятных обстоятельствах.

— Я тоже, — пробормотал он. Тоже рад или тоже жаль? И кто такие эти «я», сидящие

здесь и вежливо лгущие друг другу о своей радости или сожалении? «Кто мы, леди?» Он опасливо огляделся в поисках Мясника Комарры. — Где… ваш муж?

— Официально он здоровается с Еленой. А на самом деле — перетрусил и выслал меня первой на линию огня. Совсем на него не похоже.

— Я… не понимаю. Мэм. — Он не знал, как к ней обращаться.

— Последние два дня он пил микстуру для желудка, как вино… ты должен понять, как выглядела с нашей точки зрения эта прибывающая по капле информация. Первым намеком, что что-то не так, оказалось прибытие четыре дня назад курьера из штаб-квартиры СБ с коротким стандартным извещением от Иллиана: Майлз пропал без вести в бою, подробности позже. Сперва мы были не склонны паниковать. Майлз уже пропадал и раньше, порой достаточно надолго. Лишь тогда, когда несколько часов спустя было передано с эстафетой и расшифровано полное сообщение Иллиана — заодно с новостью, что ты на пути сюда, — все стало ясно. У нас было три дня на обдумывание.

Марк молча сидел, привыкая к самой идее, что у великого адмирала графа Форкосигана, жуткого Мясника Комарры, этого огромного, таящегося в тени, чудовища, существует точка зрения, не говоря уж о том, что жалкие смертные вроде него самого могут эту точку зрения понять.

— Иллиан никогда не пользуется обтекаемыми формулировками, — продолжила графиня, — однако он добился того, что во всем докладе ни разу не используется термин «мертв», «погиб» или какой-то из их синонимов. Медицинский отчет наводит на противоположную мысль. Это так?

— Гм… криоподготовка выглядела успешной. — Что она от него хочет?

— Итак, мы застряли в эмоциональном и юридическом чистилище, — вздохнула она. — Было бы почти легче, если бы он… — Она яростно нахмурилась, глядя на собственные колени. И в первый раз за разговор стиснула кулаки. — Понимаешь, мы собираемся обсудить множество непредвиденных возможностей. Большинство из которых вертятся вокруг тебя. Но я не стану считать Майлза мертвым, пока он действительно не умер и не *истлел* .

Он вспомнил кровь, заливающую бетонный пол, и беспомощно хмыкнул.

— Тот факт, что теоретически ты способен изобразить Майлза, отвлекает мысли некоторых людей от главного. — Она с сомнением на него поглядела. — Говоришь, дендарийцы тебя приняли…?

Он съежился в кресле, ощущая все свое тело под взглядом ее пристальных серых глаз, чувствуя как складки плоти перекатываются под рубашкой и поясом Майлза, как туго натянулись брюки. — Я… с тех пор немного набрал вес.

— Все это? За каких-то три недели?

— Да, — пробормотал он, заливаясь краской.

Она приподняла бровь. — Специально?

— Вроде того.

— Ха. — Она откинулась на спинку дивана, вид у нее был удивленный. — *Весьма* умно с твоей стороны.

Марк разинул рот, понял, что это подчеркивает его двойной подбородок, и спешно его закрыл.

— Твой статус оказался предметом множества споров. Я высказалась против любой хитрой идеи скрыть по соображениям безопасности случившееся с Майлзом и выдать тебя за него. В первую очередь, это излишне. Лейтенант лорд Форкосиган часто исчезал на много месяцев; сегодня привычным выглядит его отсутствие, а не наоборот. Стратегически важнее ввести тебя в твои собственные права как лорда Марка — если лорд Марк именно то, чем тебе стоит быть.

Он сглотнул пересохшим горлом. — У меня есть выбор?

— Выбор будет, но сознательный, после того, как ты успеешь сравнить все варианты.

— Вы же не всерьез! Я — *клон* .

— Я с Колонии Бета, паренек, — колко отозвалась она. — Бетанские законы устроены в отношении клонов предельно практично и ясно. Это только барраярский обычай встает перед ними в тупик. Барраярцы! — Она произнесла это слово, словно ругательство. — Барраярцам недостает долгого опыта с разнообразными технологическими вариантами человеческого воспроизводства. Никаких юридических прецедентов. А если у них нет *традиции* , — она выговорила это слово столь же кисло, как ранее — Ботари-Джезек, — они не знают, как им быть.

— Тогда кто я для вас, как для бетанки? — спросил он нервно.

— Либо сын, либо двоюродный сын, — немедля ответила она. — Нелицензированный, но заявленный мной в качестве наследника.

— В вашем родном мире эти юридические понятия действительны?

— Уж будь уверен. Значит так, если я заказала бы клона Майлза, — конечно, получив предварительно подтвержденную лицензию на ребенка, — ты был бы моим сыном прямо и однозначно. Если бы Майлз, как юридически совершеннолетний, сделал то же самое, твоим законным родителем был бы он, а я — твоей двоюродной матерью, и мои права и обязанности по отношению к тебе были бы примерно те же, что у бабушки. Конечно, в момент, когда тебя клонировали, Майлз не был совершеннолетним, а твое рождение не было лицензировано. Будь ты несовершеннолетним сейчас, мы с Майлзом предстали бы перед Арбитром, и он бы назначил над тобой опекунство, исходя из соображений твоего благополучия. Но ты, разумеется, уже не несовершеннолетний — ни по бетанским законам, ни по барраярским. — Она вздохнула. — Время законного опекунства прошло. Потеряно. Наследование собственности окажется большей частью запутано барраярской юридической неразберихой. Когда придет время, Эйрел обсудит с тобой барраярское прецедентное право, или, вернее, его отсутствие. Так что остаются наши эмоциональные отношения.

— А они у нас есть? — осторожно спросил он. Два его величайших страха — что она вытащит оружие и пристрелит его или что кинется ему на шею в совершенно неуместном припадке материнского чувства, — похоже, не оправдались. И он остался лицом к лицу с этой загадкой со спокойным голосом.

— Есть, хотя нам еще остается выяснить, каковы же они. Уясни себе вот что. В твоем теле половина моих генов, а мой эгоистичный геном жестко запрограммирован эволюцией приглядывать за своими копиями. Другая их половина взята от самого восхитительного, по моему мнению, мужчины всех времен и народов, так что мой интерес фиксируется на тебе вдвойне. А художественная комбинация того и другого, скажем так, приковывает мое внимание.

В таком виде это действительно имело смысл, было логично и не содержало угрозы. Марк почувствовал, что узел в его желудке рассосался, горло отпустило. Тут же он опять почувствовал голод, впервые с тех пор, как они вышли на планетарную орбиту.

— Наши отношения с тобой и твои отношения с Барраяром — совершенно разные вещи. Последнее — по ведомству Эйрела, он изложит тебе свои убеждения. Все еще не решено, за исключением одного. Пока ты здесь, ты — это ты сам, Марк, брат-близнец Майлза на шесть лет его моложе. А не подражание ему или его замена. Так что чем больше ты сумеешь утвердить себя самого и свои отличия от Майлза, с самого начала, тем лучше.

— Ох, — выдохнул он, — да, прошу вас.

— Подозреваю, что это ты уже сообразил. Отлично, мы поладили. Но просто не быть Майлзом — не более чем обратная сторона подражания Майлзу. Я хочу знать, кто такой Марк?

— Леди… я не знаю. — Эта вынужденная честность была почти мучительна.

Она понимающе его разглядывала. — Время есть, — спокойно сказал она. — Знаешь, Майлз… хотел, чтобы ты здесь оказался. Описывал мне, как бы тебе здесь все показывал. Представлял, как учит тебя ездить верхом. — Ее слегка передернуло.

— Гален в Лондоне пытался меня научить ездить на лошади, — припомнил Марк. — Это было чудовищно дорого, и у меня не особо получалось, так что в конце концов он

приказал мне избегать лошадей, когда я здесь окажусь.

— Да? — она слегка просветлела. — Хм. Майлз, знаешь, у него было… есть… было романтическое представление о братьях, какое бывает у единственного ребенка в семье. У меня-то самой был брат, так что я подобных иллюзий не питаю. — Она помолчала, окинула взглядом комнату, и подалась вперед с неожиданно заговорщическим видом, понизив голос: — У тебя на Колонии Бета есть бабушка, дядя и двое его детей — такие же твои близкие родственники там, как я, Эйрел и твой кузен Айвен — здесь, на Барраяре. Запомни, у тебя не один вариант. Я уже отдала Барраяру одного сына. И двадцать восемь лет наблюдала, как Барраяр пытается его уничтожить. Может, на этот раз не его очередь, а?

— Айвен ведь сейчас не *здесь* , правда? — спросил Марк, отвлекшись и ужаснувшись одновременно.

— В особняке Форкосиганов он не остановился, если ты это имеешь в виду. Он в Форбарр-Султане, приписан к Генштабу Имперской Службы. Возможно, — в ее глазах мелькнула новая мысль, — он возьмет тебя в город и покажет кое-что из того, с чем тебя хотел познакомить Майлз.

— Айвен может все еще злиться на меня за то, что я ему устроил в Лондоне, — разволновался Марк.

— Переживет, — доверительно сделала свой прогноз графиня. — Должна признаться, Майлз бы просто наслаждался, смущая тобой других людей.

А ехидство Майлз несомненно унаследовал от матери.

— Я прожила на Барраяре почти три десятилетия, — задумчиво произнесла она. — Мы проделали такой долгий путь. И нам еще так ужасающе далеко идти. Даже энергия Эйрела ослабевает. Может, мы не сумеем этого совершить за одно поколение. По-моему, пора сменить караул… ну, ладно.

Марк впервые откинулся в кресле, позволив своему телу опереться на спинку, и стал смотреть и слушать вместо того, чтобы просто сидеть, съежившись. Союзник. Кажется, у него появился союзник — хотя все еще непонятно, почему. Гален не уделял много времени графине Корделии Форкосиган, целиком одержимый своим старым врагом, Мясником. Похоже, Гален серьезно ее недооценил. Она выжила здесь в течении двадцати девяти лет… а он сможет? Впервые эта задача показалась ему по человеческим силам.

Из-за двустворчатой двери в вестибюль раздался короткий стук. — Да? — отозвалась графиня Форкосиган, одна створка приоткрылась, и в проем просунул голову человек, одарив графиню деланной улыбкой.

— Теперь я могу зайти, милая капитан?

— Думаю, да, — ответила графиня Форкосиган.

Человек вошел, прикрыв за собой дверь. У Марка перехватило горло; он сглатывал и тяжело дышал, снова сглатывал и дышал, борясь за пугающе хрупкий контроль над собой. Он *не* упадет в обморок на глазах у этого человека. И его не вырвет. И вообще, желчи у него во внутренностях осталось едва ли на чайную ложку, Это он, ошибиться невозможно: премьер-министр граф Эйрел Форкосиган, бывший регент Зловещего Барраяра и де-факто диктатор трех миров, завоеватель Комарра, военный гений, выдающийся ум, политик… обвиняемый в убийстве, палач, — слишком много совершенно невозможных вещей, заключенных в одной коренастой фигуре, шагавшей навстречу Марку.

Марк изучал его по ежегодным записям; наверное, нечто странное было в том, что его первой связной мыслью оказалось «А он старше, чем я ожидал». Графу Форкосигану было на десять стандартных лет больше, чем его жене-бетанке, но по виду ему можно было дать лишних двадцать или тридцать. Даже по сравнению с записями двухгодичной давности в его волосах прибавилось седины. Для барраярца он был невысок, одного роста с графиней. Энергичное, с крупными и глубоко прорезанными чертами, лицо. На нем были зеленые форменные брюки, но без кителя — только кремовая рубашка: длинные рукава закатаны, воротник-стойка расстегнут, словно в попытке спешно его ослабить. С его появлением напряжение в комнате возросло до удушающих величин.

— Елена устроена, — доложил граф Форкосиган, усаживаясь возле графини. Он сидел в открытой позе, положив ладони на колени, но не откинулся с удобством на спинку дивана. — Этот визит взбаламутил в ее душе больше воспоминаний, чем она была готова. И она весьма встревожена.

— Через минутку я пойду и поговорю с ней, — обещала графиня.

— Хорошо. — Граф обшарил глазами Марка. Озадаченно? С отвращением?

— Ладно. — Опытный дипломат, чьей работой было уговаривать три планеты двигаться по пути прогресса, сидел без слов, в затруднении, словно не мог обратиться к Марку напрямую. Вместо этого он повернулся к жене:

— И *его* приняли за Майлза?

Вспышка черного юмора мелькнула в глазах графини Форкосиган. — С тех пор он прибавил в весе, — объяснила она любезно.

— Вижу.

Несколько мучительных секунд тянулось молчание.

Марк импульсивно произнес: — Первое, что я должен был сделать, увидев вас — попытаться вас убить.

— Да, я знаю. — Граф Форкосиган откинулся на кушетке, наконец взглянув Марку в лицо.

— Меня заставили освоить примерно двадцать запасных способов, пока я не смог бы повторить их даже во сне, но основным был пластырь с парализующим токсином, при вскрытии дающим картину сердечного приступа. Я должен был остаться с вами наедине и приложить его к вашему телу туда, куда смогу достать. Для убийства с помощью яда оно длится удушающе медленно. Я должен был прождать у вас на глазах двадцать минут, пока вы не умрете, и ни в коем случае не выдать, что я не Майлз.

Граф мрачно улыбнулся. — Понимаю. Отличная месть. Очень искусная. И это могло бы сработать.

— Как новый граф Форкосиган я бы затем двинулся дальше, возглавив заговор с целью получить Империю.

— А *вот это* провалилось бы. Сер Гален того и ждал. Он желал лишь хаоса разгрома, во время которого должен был восстать Комарр. Ты стал бы очередным Форкосиганом, принесенным в жертву. — Казалось, он почувствовал себя свободнее, принявшись профессионально обсуждать этот гротескный сценарий.

— Убить вас было единственным смыслом моего существования. Два года назад я был весь в готовности это осуществить. Я прожил все эти годы у Галена, не имея другой цели в жизни.

— Держись, — посоветовала графиня. — Большинство людей не имеют и такой цели.

Граф заметил: — После того, как заговор вышел на свет божий, СБ собрала на тебя огромную кучу материалов. Они охватывают период от того момента, когда ты был лишь безумной искоркой во взгляде Галена, и до последних дополнений относительно твоего исчезновения с Земли два месяца назад. Но в этих материалах нет ничего, наводящего на мысль, что твоя, э-э, недавняя авантюра на Единении Джексона есть результат какого-то рода латентного программирования, связанного с моим готовившимся убийством. А это так? — В его голосе прозвучало легкое сомнение.

— Нет, — ответил Марк твердо. — Меня программировали достаточно, чтобы я разбирался. Эту штуку невозможно не заметить. Во всяком случае, в той форме, как это делал Гален.

— Я бы поспорила, — неожиданно заговорила графиня Форкосиган. — Тебя на это дело настроили. Но не Гален.

Граф поднял брови в удивленном вопросе.

— Боюсь, это был Майлз, — объяснила она. — Совсем неумышленно.

— Не вижу, как, — возразил граф.

Марк воспринял сказанное так же: — Я общался с Майлзом всего несколько дней, на

Земле.

— Не уверена, готов ли ты это услышать, но вот что. Ты мог воспринять всего три ролевые модели, показывающие тебе, как быть человеком. У джексонианских торговцев телом, у комаррских террористов и у Майлза. Ты *пропитан* Майлзом. А он, уж извини, считает себя странствующим рыцарем. Разумное правительство не доверило бы ему во владение и перочинный ножик, тем более — космический флот. Итак, Марк, когда тебя наконец заставили выбирать между двумя вариантами очевидного зла и безумием, ты вскочил и побежал за безумием.

— Я считаю, Майлз в полном порядке, — запротестовал граф.

Графиня вздрогнула и на мгновение зарылась лицом в ладони. — Дорогой, мы говорим о молодом человеке, на плечи которого Барраяр возложил такое невыносимое напряжение, такую боль, что он создал целую альтернативную личность и сбежал в нее. Он уговорил несколько тысяч галактических наемников поддержать его психоз и в довершении всего вынудил Барраярскую Империю за это платить. Адмирал Нейсмит — нечто чертовски большее, чем просто личность-прикрытие СБ, и ты это знаешь. Я с тобой согласна — он гений; но ты не отважишься утверждать, что он при этом психически здоров. — Она сделала паузу. — Нет. Так нечестно. Предохранительный клапан Майлза работает. Я не стану всерьез беспокоиться за его душевное здоровье, пока он не отрезан от маленького адмирала. В конечном счете, это чудеса эквилибристики. — Она поглядела на Марка. — И их, по-моему, практически невозможно повторить.

Марк никогда не считал Майлза всерьез спятившим, а всего лишь безупречным. Сказанное его здорово встревожило.

— Дендарийцы действительно выступают орудием секретных операций СБ, — возразил граф, слегка встревоженный и сам. — Потрясающе эффективным, при случае.

— Конечно. Вы бы не позволили Майлзу иметь свой флот, не будь оно так, поэтому он сделал это непреложным фактом. Я просто хочу заметить, что их официальная роль — не единственная. И как только Майлз перестанет в них нуждаться, не пройдет и года, как СБ найдет повод разрубить этот узел. А ты будешь горячо верить, что действуешь совершенно логично.

Почему они не обвиняют его…? Марк собрался с духом и произнес эту фразу вслух: — Почему вы не обвинили меня в смерти Майлза?

Одним взглядом графиня перекинула этот вопрос своему мужу; тот кивнул и ответил — за обоих? — В докладе Иллиана утверждалось, что Майлза застрелил бхарапутрянский охранник.

— Он не оказался бы на линии огня, если бы я…

Граф Форкосиган прервал его, подняв ладонь. — Если бы он не совершил такой безрассудный выбор. Не пытайся замаскировать свою истинную вину, беря на себя больше, чем тебе принадлежит. Я сам совершил слишком много смертельных ошибок, обманувшись так же. — Он посмотрел на носки своих сапог. — Мы рассматривали и дальнюю перспективу. Хотя твоя личность, твое «я» особым образом отличается от майлзовского, дети каждого из вас были бы генетически неотличимы. Если не ты, так твой сын может понадобиться Барраяру.

— Только в продолжение системы форов, — с улыбкой вставила графиня Форкосиган. — Сомнительная цель, милый. Или ты воображаешь себя дедушкой, наставляющим гипотетических детей Марка, — таким, как был для Майлза твой отец?

— Боже упаси! — негромко, но эмоционально пробормотал граф.

— Поберегись собственного программирования. — Она повернулась к Марку. — Проблема в том… — она отвела взгляд, снова посмотрела ему в лицо, — что если нам не удастся вернуть Майлза, то ты столкнешься не просто с новыми взаимоотношениями. А с должностью. Как минимум, ты станешь отвечать за благополучие пары миллионов людей в твоем Округе; ты будешь их Голосом в Совете Графов. Для этой работы Майлз обучался буквально с рождения, и я не уверена, возможна ли замена запасным в последнюю минуту.

Конечно, конечно же нет!

— Не знаю, — проговорил граф задумчиво. — Я сам был именно такой заменой. До одиннадцати лет я был запасным, а не наследником. Признаюсь, бурные события, последовавшие за убийством моего старшего брата, сделали для меня эту перемену судьбы легкой. Во время войны Юрия Безумного мы были так поглощены местью! К тому времени, когда я сумел оглядеться и отдышаться, я уже полностью принял тот факт, что в один прекрасный день стану графом. Хотя я вряд ли мог вообразить, что день этот наступит пятьдесят лет спустя. Возможно у тебя, Марк, тоже будет много лет, чтобы учиться и набираться опыта. Но возможно также, что мое графство свалится в тебе в руки завтра.

Этому человеку семьдесят два стандартных года — средний возраст для галактики, старость для жестокого Барраяра. Граф Эйрел себя не щадил; мог ли он себя почти всего истратить? Его отец, граф Петр, прожил дольше на двадцать лет — на целую жизнь. — Разве Барраяр примет когда-нибудь клона как вашего наследника? — с сомнением спросил он.

— Ну, давно пора приступить к развитию законов: не тем, так иным путем. Твой случай будет основополагающим тестом. Если собрать достаточно воли, я, наверное, смогу протолкнуть его им в глотку.

В этом Марк не сомневался.

— Но начинать войну законов преждевременно, пока все не прояснится с пропавшей криокамерой. На настоящий момент, общедоступная версия такова: Майлз отсутствует по делам службы, а ты впервые приехал к нам погостить. Все достаточно близко к истине. Вряд ли мне потребуется особо уточнять, что подробности засекречены.

Марк потряс головой и кивком выразил согласие, ощущая, что голова у него идет кругом. — А это необходимо? Допустим, я бы никогда не появлялся на свет, а Майлз погиб бы где-нибудь на службе. Вашим наследником стал бы Айвен Форпатрил.

— Да, — ответил граф, — а Дом Форкосиганов пришел бы к своему концу после одиннадцати поколений прямого наследования.

— Тогда в чем же проблема?

— В том, что случай не тот. Ты существуешь. В том, что… я всегда хотел, чтобы мне наследовал сын Корделии. Заметь, мы обсуждаем довольно немалую собственность, по обычным стандартам.

— Я думал, что большинство ваших родовых земель светится в темноте после разрушения Форкосиган-Вашного.

Граф пожал плечами. — Кое-что осталось. Этот особняк, например. Но мои владения — это не просто собственность; как заметила Корделия, это еще и полноценная работа. Если мы признаем твои права на них, ты должен признать их право на тебя.

— Оставьте все себе, — искренне заявил Марк. — Я что угодно подпишу.

Граф поморщился.

— Считай это вводным курсом, Марк, — сказала графиня. — Некоторые из людей, которых ты можешь встретить, много будут на эту тему размышлять. Тебе просто нужно знать негласную повестку дня.

Граф погрузился в свои мысли; он медленно выдохнул. А когда снова поднял глаза, лицо его было пугающе серьезным. — Это верно. И на повестке есть один вопрос — не просто негласный, но тот, о котором нельзя говорить. Ты должен быть предупрежден.

Нельзя насколько, что сам граф Форкосиган явно никак не мог этого выговорить — Что такое? — опасливо спросил Марк.

— Существует… ложная генеалогическая теория, одна из шести возможных цепочек, которая помещает меня в линию наследования Барраярской Империи, если император Грегор умрет, не оставив потомства.

— Ну да! — нетерпеливо выпалил Марк. — Конечно, я это знаю. Заговор Галени использовал именно этот юридический довод. Вы, затем Майлз, затем Айвен.

— Ну, теперь это я, потом Майлз, потом ты, потом Айвен. А Майлз в эту секунду номинально мертв. Так что между тобой и Империей остаюсь лишь я, и я превращаюсь в

мишень. Тобой как таковым, а не как поддельным Майлзом.

— Это же *чушь* ! — взорвался Марк. — Даже больший идиотизм, чем мысль о том, что я стану графом Форкосиганом!

— Придерживайся этой мысли, — посоветовала графиня. — Крепко за нее держись и никогда не давай даже понять, что можешь думать иначе.

«Я попал к сумасшедшим».

— Если кто-то подойдет к тебе с разговором на эту тему, сообщи как можно скорее мне, Корделии или Саймону Иллиану, — добавил граф.

Марк изо всех сил вжался в спинку кресла. — Хорошо…

— Ты пугаешь его, дорогой, — заметила графиня.

— В *этом* вопросе паранойя — залог здоровья, — аккуратно подчеркнул граф. Мгновение он молча разглядывал Марка. — Ты выглядишь уставшим. Я покажу тебе твою комнату. Ты сможешь вымыться и немного отдохнуть.

Все поднялись. Марк последовал за графом и графиней в мощеный плиткой вестибюль. Графиня кивнула на сводчатый проход прямо под винтовой лестницей: — Я собираюсь подняться на лифте и повидаться с Еленой.

— Правильно, — согласился граф. Марку волей-неволей пришлось шагать за ним. Два пролета лестницы дали ему понять, насколько в плохой он сейчас форме. Когда они добрались до второй лестничной площадки, он дышал тяжело, словно старик. Граф свернул в коридор третьего этажа.

Марк с опаской спросил: — Вы ведь не поселите меня в комнату Майлза, а?

— Нет. Хотя твоя комната некогда, в детстве, была моей. — Очевидно, до смерти его старшего брата. Комната второго сына. Это заставляло почти так же сильно нервничать.

— Теперь это просто гостевая комната. — Граф распахнул очередную деревянную, повешенную на петлях, гладкую дверь. За ней лежала залитая солнцем комната. Деревянная мебель явно ручной работы, неясно какого века и громадной стоимости, состояла из кровати и нескольких комодов; возле резной спинки кровати нелепо пристроился пульт управления освещением и механизмом окон.

Марк оглянулся и встретился с вопрошающими, пристальными глазами графа. Это было в тысячу раз хуже, чем все дендарийские взгляды «я-люблю-Нейсмита». Он стиснул голову руками и возмущенно выпалил: — Майлза тут нет!

— Знаю, — спокойно ответил граф. — Я ищу… наверное, себя самого. И Корделию. И тебя.

В ответ Марку пришлось с тревогой поискать в графе свои черты. Уверенности не было. Раньше — цвет волос; у него с Майлзом была та же темная шевелюра, что он наблюдал на видеозаписях более молодого адмирала Форкосигана. Умозрительно Марк знал, что Эйрел Форкосиган был младшим сыном старого генерала графа Петра Форкосигана, но тот безвестный старший брат был уже шестьдесят лет как мертв. Марк был поражен тем, как непосредственно нынешний граф вспомнил об этом и связал с его, Марка, положением. Странно и пугающе. «Я был должен убить этого человека. Я и сейчас могу. Он совсем не остерегается.»

— Ваши СБшники даже не допросили меня с фаст-пентой. Вы что, совсем не опасаетесь, что я могу быть запрограммирован на ваше убийство? — Или он кажется такой незначительной угрозой?

— Полагаю, ты уже застрелил того, кто играл при тебе роль отца. Для катарсиса хватило. — Гримаса смущения искривила его губы.

Марк вспомнил удивленный взгляд Галени, когда луч нейробластера ударил его прямо в лицо. Как бы ни выглядел Эйрел Форкосиган, умирая, но Марк не мог вообразить его в этот момент удивленным.

— А потом ты спас жизнь Майлзу, судя по его описанию этой заварушки, — добавил граф. — Два года назад, на Земле, ты выбрал, за кого ты. И очень действенно. Я многого опасаюсь с твоей стороны, Марк, но моя смерть от твоей руки в число этих опасений не

входит. Ты не столь проигрываешь по очкам в сравнении со своим братом, как представляешь себе. По моему счету, вы на равных.

— Прародителем. Не братом, — поправил Марк, натянуто и холодно.

— Твои прародители — мы с Корделией, — твердо ответил граф.

На лице Марка вспыхнуло выражение упрямого отрицания.

Граф пожал плечами. — Кем бы ни был Майлз, это мы его сотворили. Возможно, с твоей стороны мудро сближаться с нами осторожно. Мы можем тебе не подойти.

У Марка внутри все затрепетало от жуткого желания, сменившегося жутким страхом. Прародители. *Родители* . Он не был уверен, хочет ли так поздно обрести родителей. Оба были такими громадными фигурами. Он чувствовал, что теряется в их тени, разбивается на кусочки, словно стеклянный, исчезает совсем. Марк почувствовал внезапное необъяснимое желание, чтобы за его спиной появился Майлз. Кто-то одного с ним размера и возраста; кто-то, с кем он сможет поболтать.

Граф снова заглянул в спальню. — Пим должен был разложить твои вещи.

— У меня нет вещей. Только одежда, что на мне… сэр. — Было невозможно удержаться и не добавить это почетное обращение.

— У тебя должна быть еще какая-нибудь одежда!

— То, что я привез с Земли, я оставил в камере хранения на Эскобаре. Сейчас плата исчерпана, и вещи, наверное, конфискованы.

Граф смерил его взглядом. — Я пришлю кого-нибудь снять с тебя мерку и заказать тебе комплект одежды. Если бы ты приехал к нам при более нормальных обстоятельствах, мы бы с тобой всюду вокруг побывали. Представили бы тебя друзьям и родственникам. Устроили бы экскурсию по городу. Провели бы с тобой тесты на профпригодность, договорились бы о твоем дальнейшем обучении. Кое-что из перечисленного мы сделаем в любом случае.

Школа? Какого рода? Попасть в барраярскую военную академию весьма близко соответствовало представлениям Марка о спуске в ад. Могут ли они его заставить…? Есть способы сопротивляться. Он уже сумел успешно сопротивляться облачению в гардероб Майлза.

— Если захочешь что-то, позвони со своего пульта Пиму, — проинструктировал его граф.

Живые слуги. В высшей степени странно. Физический страх, выворачивающий его наизнанку, исчез, сменившись гораздо более расплывчатым общим беспокойством. — Могу я чего-нибудь поесть?

— А-а. Пожалуйста, присоединяйся к нам с Корделией за обедом через час. Пим проведет тебя в Желтую Гостиную.

— Я сам могу ее найти. Этажом ниже, один коридор на юг, третья дверь справа.

Граф поднял бровь. — Правильно.

— Понимаете, я же вас изучал.

— Все нормально. Мы тоже изучали тебя. И все выполнили свои домашние задания.

— Так в чем же экзамен?

— О, в этом и хитрость. Это не экзамен. Это реальная жизнь.

И реальная смерть. — Простите, — пробормотал Марк. Извинялся за Майлза? За себя самого? Вряд ли он это знал.

Вид у графа был такой, словно ему самому это было интересно; краткая, ироничная улыбка искривила уголок его рта. — Ну… неким странным образом чувствуешь почти облегчение, зная, что хуже некуда. Когда Майлз пропадал прежде, никто не знал, где он и что способен вытворить, чтобы, э-э, усугубить хаос. По крайней мере, на сей раз мы знаем, что у него нет возможности вляпаться в еще худшую ситуацию.

Коротко махнув рукой, граф ушел, не войдя в комнату вслед за Марком и вообще никоим образом его не подгоняя. Три способа убить его промелькнули в мозгу Марка. Но похоже, с годами его навыки выдохлись. И вообще он сейчас совсем не в форме. Карабканье по лестнице его утомило. Он закрыл дверь и рухнул на резную кровать, дрожа от реакции на

пережитое.

Глава 13

Видимо, давая Марку время оправиться от последствий скачка, граф с графиней первые два дня ничем его не загружали. Вообще-то, не считая довольно официальных сборов за трапезой, графа Форкосигана Марк не видел вовсе. Он бродил по дому и участку, сколько хотел, безо всякой видимой охраны, разве что за ним ненавязчиво приглядывала графиня. На воротах стояли охранники в форме; пока что он не набрался духу проверить, не поставлены ли они там, чтобы не выпускать его точно так же, как не впускать внутрь недозволенных персон.

Да, он изучал особняк Форкосиганов раньше, но непосредственно побывать здесь было тоже по-своему полезно. Все казалось чуть-чуть не таким по сравнению с его представлениями. Это место было запутанным, как кроличья нора, но несмотря на антиквариат, заполонивший дом, все старые окна в нем заменили на современные высокопрочные бронированные стекла с автоматическими жалюзи, даже окошки под самым потолком в полуподвальном помещении кухни. Словно огромный защитный панцирь. Дворец — крепость — тюрьма. Сможет ли он из этого панциря выскользнуть?

«Я был пленником всю свою жизнь. Хочу быть свободным.»

На третий день доставили его новую одежду. Графиня пришла помочь ее распаковать. Утренний свет и прохладный воздух ранней осени потоком лились в окно спальни, с ослиным упрямством открытое им навстречу таинственному, опасному, неизвестному миру.

Марк расстегнул один из висящих на вешалке чехлов и обнаружил там наряд в устрашающе военном стиле: китель с высоким воротником и брюки с лампасами в форкосигановских коричневых с серебром цветах. Очень похоже на ливреи графских оруженосцев, но отделка на воротнике и эполетах сверкает сильнее.

— Это что? — с подозрением спросил он.

— А-а, — ответила графиня. — Кричаще, правда? Это твой мундир лорда Дома Форкосиганов.

Его, а не Майлза. Всю новую одежду компьютер выкроил со щедрым запасом; сердце у Марка ушло в пятки, когда он прикинул, сколько ему придется есть, чтобы избежать и *этого* мундира.

Испуг на его лице заставило губы графини дрогнуть в улыбке. — Есть всего два места, куда тебе его действительно придется надевать: на заседание Совета графов и на празднование Дня Рождения императора. А ты можешь туда попасть: оба они случатся в ближайшие пару недель. — Она помедлила, водя пальцем по вышитому на воротнике кителя вензелю Форкосиганов. — А немного погодя — день рождения Майлза.

Ну, где бы Майлз сейчас ни был, он не стареет. — День рождения для меня — пустой звук. Как можно назвать день, когда тебя вынули из маточного репликатора?

— Когда из репликатора достали *меня* , родители назвали это моим днем рождения, — ответила она сухо.

Верно. Она же бетанка. — Я даже не знаю, когда именно мой.

— Не знаешь? Это есть в твоих записях.

— Каких таких записях?

— В твоей бхарапутрянской медицинской карте. Ты ее никогда не видел? Я дам тебе копию. Это, гм, захватывающее чтение из разряда ужасов. Твой день рождения был в прошлом месяце, семнадцатого числа.

— Тогда я все равно его пропустил. — Он закрыл чехол и запихал мундир подальше в гардероб. — Неважно.

— То, что кто-то празднует факт нашего появления на свет, — это важно, — дружелюбно возразила она. — Люди — это единственное зеркало, в котором мы вынуждены на себя смотреть. Область приложения всего. Вся добродетель, все зло, — они только в

людях. Больше во вселенной нет ничего. Одиночное заключение является наказанием в любой из человеческих культур.

— Да… верно, — признал он вспомнив свое недавнее заточение. — Хм.

Следующий костюм, который он вытряхнул на свет, соответствовал его настроению: монотонно черный. Хотя при ближайшем рассмотрении обнаружился почти тот же самый фасон, что и у мундира младшего лорда Дома: скромные вензеля и лампасы черного шелка вместо сверкающего серебра, почти не различимые на черной ткани.

— А это для похорон, — прокомментировала графиня. Голос ее стал внезапно очень ровным, безжизненным.

— А. — Уловив намек, он запрятал мундир на вешалку позади формы младшего фора. Наконец он подобрал себе одеяние, меньше всего отдающее военным душком: мягкие свободные брюки, низкие ботинки без пряжек, металлических набоек на носках и прочих агрессивных украшений, рубашку и жилет в темных — синих, зеленых и красно-бурых — тонах. Выглядело все вместе как готовый костюм, но просто было чрезвычайно удачно подобрано. Это камуфляж? Показывает ли эта одежда, что за человек внутри нее, или маскирует его? — Это что, я? — спросил он графиню, выходя из ванной.

Она издала смешок. — Это слишком серьезный вопрос, чтобы задавать его в отношении одежды. Даже я не могла бы на него ответить.

* * *

На четвертый день за завтраком обнаружился Айвен Форпатрил. На нем был повседневный зеленый лейтенантский мундир, превосходно сидящий на его высокой, атлетичной фигуре; с его появлением в Желтой Гостиной сделалось неожиданно тесно. Марк виновато отодвинулся от своего предполагаемого кузена, пока тот чинным поцелуем в щеку приветствовал свою тетю и официальным кивком — дядю. Айвен вытащил из буфета тарелку, и, до опасного предела нагрузив ее яичницей, мясом и сладкими хлебцами и жонглируя кружкой кофе, подцепил ногой стул и скользнул на свое место за столом напротив Марка.

— Привет, Марк. — Айвен наконец-то соизволил его заметить. — Хреново выглядишь. Как это тебя так разнесло? — Он отправил в рот целую вилку жареного мяса и принялся жевать.

— Спасибо, Айвен. — Марк, насколько мог, скрылся за вялым сарказмом. — А ты, я погляжу, не изменился. — Он понадеялся, что прозвучало это как «не изменился к лучшему».

Карие глаза Айвена сверкнули; он хотел было ответить, но был остановлен тетиным холодным упреком «Айвен!»

Марк не думал, что упрек относился к попытке разговаривать с набитым ртом, однако Айвен все же проглотил, прежде чем ответить — не Марку, а графине: — Мои извинения, тетя Корделия. Но из-за него у меня до сих пор проблемы с чуланами и прочими маленькими, темными, наглухо запертыми помещениями.

— Извини, — пробормотал Марк, ссутулившись. Но что-то не давало ему спасовать перед Айвеном, и он добавил: — Я лишь заставил Галена похитить тебя, чтобы выманить Майлза.

— Так это была *твоя* идея.

— Моя. И она сработала. Он пришел прямо куда надо и сунул голову в петлю ради тебя.

Челюсть Айвена отвердела. — Понимаю: он так и не смог избавиться от этой привычки, — парировал он тоном, средним между мурлыканьем и рычанием.

На сей раз настала очередь Марка заткнуться. Однако это оказалось почти утешительным. Айвен, по крайней мере, обходится с ним так, как он того заслуживает.

Немного желанного наказания. Он ощущал, что оживает под дождем презрения, словно опаленное жарой растение. Вызов, брошенный ему Айвеном, принес радость. — Зачем ты здесь?

— Поверь, идея была не моя, — ответил Айвен. — Я здесь, чтобы вывезти тебя в город. На прогулку.

Марк глянул на графиню, но та не сводила глаз с мужа. — Уже? — спросила она.

— По требованию, — ответил граф Форкосиган.

— Ага! — отозвалась она, словно это все объясняло. Но для Марка ни стало ни на капельку ясней; *он-то* ничего не требовал. — Отлично. Может, по дороге Айвен немного покажет ему город.

— Это мысль, — заметил граф. — И, поскольку Айвен офицер, отпадает необходимость в телохранителе.

Зачем, чтобы они могли поговорить откровенно? Жуткая мысль. И кто защитит его от Айвена?

— Внешняя охрана там будет, я надеюсь, — добавила графиня.

— О, да.

Внешнюю охрану никто не был должен видеть, даже охраняемые. Интересно, подумал Марк, что мешает этим людям просто отлучиться с работы на денек, а потом заявить, что они там незримо присутствовали? У Марка было подозрение, что в период между кризисами жульничать так можно достаточно долго.

После завтрака Марк обнаружил, что у лейтенанта лорда Форпатрила есть своя машина, спортивная модель, просто бросающаяся в глаза массой красной эмали. Марк неохотно уселся рядом с Айвеном.

— Итак, — произнес он с сомнением, — ты все еще хочешь меня придушить?

Айвен стремительно вырулил сквозь ворота особняка на полные транспорта улицы Форбарр-Султаны. — В глубине души — да. Но с точки зрения практической — нет. Мне нужны все, кого я могу поставить между собой и должностью дяди Эйрела. Хотел бы я, чтобы у Майлза было с десяток детей. Он бы ими мог уже обзавестись, если бы начал… и вообще, в некотором смысле ты — подарок судьбы. Не будь тебя, меня бы уже сейчас записали в наследники. — Он помедлил, но лишь в разговоре — машина, набрав скорость, пронеслась через перекресток, едва обогнув четыре встречных. — Насколько Майлз на самом деле мертв? Дядя Эйрел говорил очень туманно, когда сообщал мне об этом по комму. Я не уверен, в секретности ли было дело… никогда не видел его таким напряженным.

Движение тут было еще похуже лондонского, и, если такое вообще возможно, еще более неорганизованным. Либо организованным согласно правилу «выживает сильнейший». Марк вцепился в края сиденья и ответил: — Не знаю. Он получил иглогранату в грудь. Почти самое худшее — не считая случая, если бы его разорвало пополам.

Вздрогнули ли губы Айвена от подавленного ужаса? Если и да, то беззаботный вид вернулся к нему почти мгновенно.

— Потребуется первоклассное оборудование для оживления, чтобы снова привести его туловище в порядок, — продолжил Марк. — Что же касается мозга… никогда не знаешь, пока оживление не закончится. — *А тогда уже слишком поздно* . — Но проблема не в этом. Или пока не в этом.

— Ага. — Айвен поморщился. — Знаешь, это просто бардак какой-то… И как вы умудрились потерять…? — Он повернул столь резко, что чиркнул бортом по мостовой, высекая искры, и весело выругался на здоровенный грузовик на воздушной подушке, чуть не въехавший в машину со стороны Марка. Марк съежился и захлопнул рот. Уж лучше беседа кончится, чем он сам; его жизнь зависит от того, будет ли он отвлекать водителя. Первое впечатление от родного города Майлза: половина здешних жителей погибнет в автокатастрофах еще до вечера. А может, погибнут лишь те, кто окажется у Айвена на пути. Айвен заложил жуткий поворот на сто восемьдесят градусов, боком скользнул на место для парковки, оттерев две другие машины, выруливающие туда, и затормозил так резко, что

Марк чуть было не вылетел через лобовое стекло.

— Замок Форхартунг, — кивком и жестом объявил Айвен под замирающий вой двигателя. — Сегодня Совет Графов не заседает, поэтому музей открыт для всех. Хотя мы — не *все* .

— Как… культурно, — осторожно ответил Марк, всматриваясь сквозь колпак кабины. Замок Форхартунг выглядел самым настоящим замком — хаотичной, древней каменной громадой, возвышающейся меж деревьев. Он громоздился на утесе над быстрой рекой, разрезавшей пополам Форбарр-Султану. Участок вокруг замка был теперь превращен в парк, и там, где некогда во время тщетного штурма люди и лошади волокли по ледяной грязи осадные машины, сейчас были разбиты цветочные клумбы. — А что на самом деле?

— Ты встретишься с одним человеком. До встречи я не намерен это обсуждать. — Айвен откинул колпак и выбрался из машины; Марк — за ним.

Айвен — в соответствии с планом или из чистой вредности — действительно повел его в музей, занимавший целое крыло замка и посвященный форскому оружию и доспехам времен Изоляции. В своем военном мундире Айвен прошел бесплатно, но послушно заплатил за Марка пару монеток. Ради прикрытия, догадался Марк; люди из касты форов тоже имели право на бесплатный проход, как шепотом объяснил ему Айвен. Никакого объявления, гласящего об этом, не было. Считается, раз ты фор, ты должен это знать.

А может, Айвен столь тонким образом высказывал пренебрежение к форству Марка, или недостатку оного? Роль нахала из высших классов Айвен исполнял с той же особой доскональностью, как и роль имперского лейтенанта или любую другую, какую от него требовало его окружение. Марк понимал, что настоящий Айвен куда более неуловим; не стоило недооценивать его хитрость или ошибочно принимать его за простака.

Итак, он сейчас встретится с «одним человеком». Что это за человек? Если это очередной допрос СБ, почему бы было не встретиться с Марком в особняке Форкосиганов? Или это кто-то из правительства или из центристской коалиции премьер-министра Эйрела Форкосигана? Опять таки, почему бы не прийти к нему? Не может быть, чтобы Айвен вел его на смерть — Форкосиганы и так могли тайно убить Марка в любую минуту за последние два года. Может, его подставят и *обвинят* в каком-то преступлении? Мысли о самых загадочных сценариях вертелись у него в мозгу, но все они страдали одним пороком — полным отсутствием мотива или логики.

Он уставился на тесный ряд парных клинков, развешанных на стене в хронологическом порядке и демонстрирующих развитие барраярского кузнечного дела на протяжении двух столетий. Затем Марк поспешил догнать Айвена у витрины с оружием, действующим по принципу «снаряд, толкаемый химической взрывчаткой». Богато украшенные, с заряжающимся с дула широким стволом, ружья некогда принадлежали императору Владу Форбарра, как гласила табличка. Пули были особые, из чистого золота — массивные шарики размером в ноготь большого пальца Марка. На близком расстоянии они должны были обладать поражающей силой падающего кирпича. На большом, вероятно, летели мимо. А какой-нибудь бедняга крестьянин или паж был специально приставлен, чтобы приносить обратно не попавшие в цель пули? Или, того хуже, попавшие? Некоторые из блестящих шариков были сплющены или деформированы, и, к немалому смущению Марка, очередная табличка информировала посетителей музея, что вот этот смятый комочек убил фор-лорда такого-то в битве там-то… «и был извлечен из его мозга». Надо полагать, после смерти. Надо надеяться. Уф-ф!.. Удивительно было лишь то, что кто-то счистил с пули запекшуюся кровь, прежде чем выставить ее в витрине — если учесть кровожадную жуть некоторых экспонатов, Например, выдубленный и покрытый консервирующим составом скальп императора Юрия Безумного, предоставленный для выставки частной коллекцией какого-то форского клана.

— Лорд Форпатрил. — Это был не вопрос. Говоривший появился так беззвучно, что Марк даже не понял, откуда он пришел. Спокойный, средних лет, интеллигентного вида; он мог быть музейным администратором. — Будьте добры, пройдите за мной.

Без каких-либо вопросов или замечаний Айвен двинулся вслед за пришедшим, махнув Марку рукой проходить вперед. Вот так, на манер бутерброда, Марк поплелся вслед за этим человеком, разрываясь между любопытством и тревогой.

Они прошли в дверь с надписью «вход запрещен», которую мужчина открыл механическим ключом, а затем снова запер за ними; поднялись по двум лестницам и миновали гулкий коридор с деревянным полом, приведший их в комнату на верхнем этаже круглой угловой башни. Некогда караульный пост, теперь она была обставлена как кабинет, а вместо амбразур для стрел в каменных стенах были прорезаны обычные окна. Внутри их дожидался человек; присев на табурет, он задумчиво глядел на сбегающий к реке парк и россыпь нарядно одетых людей, прогуливающихся и поднимающихся по его дорожкам.

Худой, темноволосый, лет тридцати с небольшим; бледность его кожи оттенял свободный темный костюм, лишенный какой-либо псевдо-военной отделки. С короткой улыбкой он глянул на их проводника. — Спасибо, Кеви. — Судя по тому, что тот поклонился и вышел, это было одновременно приветствием и разрешением уйти.

Лишь когда Айвен с поклоном произнес «Сир…», в голове у Марка щелкнуло, и он узнал, кто это.

Император Грегор Форбарра. О, черт. Дверь за спиной Марка была перекрыта Айвеном. Марк обуздал волну паники. Грегор лишь человек, он один и, судя по всему, не вооружен. А все остальное… пропаганда. Очковтирательство. Иллюзия. Но сердце все равно забилось быстрее.

— Привет, Айвен, — произнес император. — Спасибо, что пришел. Почему бы теперь тебе немного не поизучать экспонаты?

— Уже видел, — лаконично отозвался Айвен.

— И все-таки. — Грегор указал подбородком на дверь.

— Может, я буду слишком прям, — заявил Айвен, — но он — не Майлз. Даже в лучшие свои дни. Несмотря на внешнее сходство, *его* некогда натаскивали на убийцу. Не преждевременно ли?

— Ладно, — мягко ответил Грегор, — вот мы это и выясним. Вы хотите убить меня, Марк?

— Нет, — хрипло каркнул Марк.

— Вот ты и получил ответ. Пойди устрой себе экскурсию, Айвен. Немного погодя я пришлю за тобой Кеви.

Айвен поморщился — от недовольства и, как почувствовал Марк, ничуть не утоленного любопытства. Вышел он с ироничным поклоном, словно говоря: «Пеняйте на себя».

— Итак, лорд Марк, — произнес Грегор, — как вам Форбарр-Султана?

— Она пронеслась довольно быстро, — осторожно ответил Марк.

— Боже правый, только не говорите мне, что позволили *Айвену* сесть за руль!

— Не знал, что у меня есть выбор.

Император рассмеялся. — Садитесь. — Он махнул Марку на вращающееся кресло за комм-пультом; иной мебели в скудно обставленной комнатке не было, хотя покрывавшие все стены древние военные карты и гравюры, должно быть, просто не поместились в расположенном поблизости музее.

Пока император разглядывал Марка, его улыбка исчезла, сменившись первоначальным задумчивым выражением. Немного походило на то, как глядел на него граф Форкосиган, — этот взгляд, открыто вопрошающий «Кто ты?», только без жадной напряженности, которая была в глазах графа. Терпимое удивление.

— Это ваш кабинет? — спросил Марк, осторожно устраиваясь на императорском вращающемся кресле. Для кабинета комната казалась маленькой и аскетичной.

— Один из. Все это здание просто набито различными офисами, и некоторые из них — в самых странных уголках. У графа Форволка кабинет в бывшей темнице. Головы не поднять. А этой комнатой я пользуюсь как личным убежищем, когда бываю здесь на

заседаниях Совета Графов или по каким-то другим делам.

— А почему я считаюсь делом? Ну, помимо того, что не могу быть потехой. И дело это личное или официальное?

— Я и сплюнуть не могу, чтобы это не стало официальным. На Барраяре это две вещи не особо разделимы. Майлз… был… — на прошедшем времени глагола Грегор тоже запнулся, — если перечислять произвольно: равный мне человек из моей касты; офицер на моей службе; сын чрезвычайно, чтобы не сказать первостепенно, важного должностного лица; личный друг всей моей жизни. И наследник графства. А графы — это механизм, посредством которого один человек, — он прикоснулся к своей груди, — превращается в шестьдесят, а затем во множество. Графы — это старшие офицеры Империи, а я ее капитан. Вы понимаете, что я — это не Империя? Ведь империя — это просто географическое понятие, а Империя, с большой буквы, — это общество. Единый, множественный организм, — в конечном счете, включающий в себя каждого подданного — вот что такое Империя. И в нем я лишь деталь. Взаимозаменяемая часть — вы заметили скальп моего двоюродного деда там, внизу?

— Гм… да. Он, э-э, бросается в глаза.

— Здесь дом Совета Графов. Точка приложения рычага может мнить себя самой главной, но без рычага она ничто. Безумный Юрий забыл об этом. А я помню. Граф округа Форкосиганов — еще одна живая часть. И тоже заменимая. — Он замолчал.

— Э-э… звено цепи, — осторожно предложил Марк, демонстрируя, что он внимательно слушает.

— Звено кольчуги. Нить паутины. Так что одно слабое звено — это еще не фатально. Чтобы случилась настоящая катастрофа, должны ослабеть многие звенья одновременно. Хотя… очевидно, что хочется иметь как можно больше надежных, верных звеньев.

— Очевидно. — «Почему ты на меня смотришь?»

— Ну вот. Расскажите мне, что произошло на Единении Джексона. С вашей точки зрения. — Грегор устроился на табурете, зацепившись носком ботинка за ножку и скрестив лодыжки — явно удобно и устойчиво, точно ворон на ветке.

— Я бы начал рассказ с событий на Земле.

— Как пожелаете. — Короткая, спокойная улыбка Грегора дала Марку понять, что в его распоряжении все время вселенной и сто процентов императорского внимания.

Запинаясь, Марк принялся рассказывать. Грегор задал лишь пару вопросов, прерывая речь Марка тогда, когда тот застревал на самых трудных моментах. Пару вопросов, но испытующих. Марк быстро понял, что Грегор не гонится за голыми фактами. Он явно уже видел доклад Иллиана. Император старался получить нечто иное.

— Не могу оспаривать, что намерения у вас были благие, — в какой-то момент заметил Грегор. — Бизнес по пересадке мозга — отвратительное предпринимательство. Но понимаете ли вы, что все ваши усилия, ваш налет едва ли оставили на этом механизме царапину. Дом Бхарапутра попросту выметет разбитое стекло и продолжит свое дело.

— Для сорока девяти клонов это будет огромная разница, — упрямо доказывал Марк. — Все прибегают к одному и тому же проклятому доводу: 'Я не могу сделать все, так что не буду делать ничего'. И не делают. И это длится и длится. В любом случае, если бы я смог вернуться через Эскобар — как сперва и планировал — в новостях была бы большая сенсация. Может, дом Бхарапутра даже попытался бы затребовать э тих клонов назад законным путем, и тогда *действительно* поднялась бы такая шумиха! Уж я бы позаботился. Даже будь я в эскобарской тюрьме. Где, кстати, бхарапутрянским судебным приставам было бы тяжело меня достать. И может… может все это заставило бы заинтересоваться этой проблемой других людей.

— А! — отозвался Грегор. — Трюк на публику.

— Это был не трюк, — возмутился Марк.

— Извините. Я не имел в виду, что ваши усилия были ничтожны. Скорее наоборот. У вас, в конце концов, *была* долговременная и связная стратегия.

— Ага, была, только отправилась в мусорный дезинтегратор в тот же миг, как я потерял контроль над дендарийцами. Как только они узнали, кто я есть на самом деле. — Он с тоской припомнил свою беспомощность.

Понукаемый Грегором, Марк перешел к подробному рассказу о гибели Майлза, неразберихе с потерей криокамеры, их оборвавшихся попытках ее вернуть и унизительном изгнании из локального джексонианского пространства. Он обнаружил, что раскрывает при этом свои истинные мысли гораздо откровеннее, чем это ему обычно было удобно, однако… Грегор чуть ли не провоцировал на естественность. И как он это делает? Мягкая, почти скромная манера поведения скрывала в высшей степени опытного манипулятора. Марк быстро и неискренне протараторил описание происшедшего с Мари инцидента и своего полубезумного одиночного заключения, а затем погрузился в невразумительное молчание.

Грегор задумчиво нахмурился и какое-то время ничего не говорил. Черт, да этот человек почти все время молчал. — Мне кажется, Марк, вы недооцениваете свои сильные стороны. Вы проверили себя в бою и доказали собственную отвагу. Вы способны взять на себя инициативу и на многое решиться. Мозгов у вас хватает, хотя порой… недостает информации. Неплохие предпосылки, которые могут потребоваться для управления графством. Когда-нибудь.

— Да никогда! Я не хочу быть барраярским графом, — категорически отказался Марк.

— Это может стать первым шагом к моей должности, — подсказал Грегор, слегка улыбаясь.

— Нет! Это еще хуже. Они меня живьем съедят. И мой скальп присоединится к коллекции внизу.

— Очень даже возможно. — Грегор больше не улыбался. — Да, я часто спрашиваю себя, где в конце концов окажутся различные части моего тела. И все же — я так понимаю, всего два года назад вы были готовы этого добиваться. Включая графство Эйрела.

— Да, сыграть роль. А теперь мы говорим о настоящих вещах. Не о фальшивке. *Я сам всего лишь фальшивка, знаешь?* — Я всего лишь изучал внешние проявления. Но едва могу представить, что под ними.

— Но, понимаете ли, — ответил Грегор — мы все с этого начинаем. Прикидываемся. Роль — это маска, в которую мы медленно врастаем настоящей плотью.

— Становясь механизмом?

— Некоторые — да. Подобный вариант графа — это патология, и парочка таких здесь есть. А другие делаются… человечнее. Механизм, роль становится тогда удобным протезом, служащим человеку. Оба этих типа по-своему полезны для моих целей. Просто нужно быть уверенным, до каких именно пределов самообмана способен дойти человек, с которым ты говоришь.

Да, графиня Корделия явно приложила руку к его обучению. Марк ощущал ее влияние, подобное фосфоресцирующим следам во мраке. — А каковы ваши цели?

Грегор пожал плечами. — Хранить мир. Не дать различным фракциям перебить друг друга. Быть стопроцентно уверенным, что ни один галактический оккупант больше не поставит ноги на барраярскую землю. Поощрять экономический прогресс. Леди Мир первой попадает в заложницы, когда растет экономический дискомфорт. В этом смысле мое правление необычайно благословенно, учитывая терраформирование второго континента и открытие Сергияра для полномасштабной колонизации. Наконец-то мы обуздали эту отвратительную эпидемию подкожного сергиярского червя. Освоение Сергияра будет поглощать избыток чьей угодно энергии на протяжении нескольких поколений. Я тут изучал в последние время историю колоний — интересно, скольких ошибок мы сумеем избежать… в общем, так.

— Я все равно не хочу быть графом Форкосиганом.

— В отсутствие Майлза у вас реально нет выбора.

— Чушь. — По крайней мере, он надеялся, что это чушь. — Вы только что говорили про заменяемые части. Если надо, прекрасно можно найти кого-нибудь другого. Я думаю,

Айвена.

Грегор безрадостно улыбнулся. — Признаюсь, я сам часто использовал подобный довод. Хотя в моем случае речь идет о потомстве. Кошмары насчет судьбы отдельных частей моего тела — ничто в сравнении с теми, что касаются моих гипотетических будущих детей. А я не собираюсь жениться на какой-нибудь юной дебютанточке из высших форов, чье фамильное древо скрещивалось с моим шестнадцать раз за последние шесть поколений. — Он резко оборвал себя и с извиняющимся видом поморщился. И все же… этот человек так хорошо владел собой, что Марк заподозрил: даже этот проблеск его внутренней сути служит какой-то цели.

У него разболелась голова. В отсутствие Майлза… Будь Майлз здесь, все эти барраярские дилеммы были бы его уделом. А Марк был бы волен встретиться лицом к лицу… со своими собственными дилеммами. С собственными, а не доставшимися в наследство, демонами. — Это не мой… талант. Увлечение. Судьба. Не знаю, что. — Он потер шею.

— Страсть? — подсказал Грегор.

— Да, подойдет. Графство — не моя страсть.

Помедлив секунду, Грегор с любопытством спросил: — А какова же ваша страсть, Марк? Если не власть, не могущество, не богатство — его вы даже не упомянули.

— Богатство, достаточное, чтобы сокрушить Дом Бхарапутра, столь недосягаемо для меня, что просто… это не обсуждается. Для меня это не решение. Я… я… на свете есть людоеды. Дом Бхарапутра, его клиенты — и я хочу остановить людоедов. Ради *этого* стоит вставать по утрам. — Он сообразил, что говорит все громче, и вновь забился в кресло.

— Другими словами… у вас страсть к правосудию. Или, позволю себе заметить, Безопасности. Любопытным образом перекликающаяся с вашим, гм, прародителем.

— Нет— нет! — Ну, может быть… в определенном смысле. — Полагаю, на Барраяре тоже есть людоеды, только на них не сконцентрирован мой непосредственный личный интерес. Я мыслю не категориями правопорядка — ведь бизнес по пересадке мозга не является на Единении Джексона чем-то нелегальным. Так что полицейский — это тоже не ответ. — Или… это должен быть чертовский необычный полицейский. — Такой, как тайный агент-оперативник СБ? Марк попытался вообразить себе полицейского-детектива с каперским свидетельством в кармане. Почему-то ему все время представлялся его прародитель. Эти проклятые тревожащие подсказки Грегора! *Не полицейский. Странствующий рыцарь. Графиня попала в яблочко.* Но для странствующих рыцарей в мире больше нет места; полиция арестовала бы их.

Грегор откинулся назад с выражением чуть заметного удовлетворения. — Очень интересно. — У него был рассеянный, задумчивый взгляд человека, запоминающего кодовую комбинацию к сейфу. Грегор соскользнул с табурета и стал прохаживаться вдоль окна, разглядывая пейзаж внизу под другим углом. Остановившись лицом к свету, он заметил: — Похоже, ваш будущий доступ к… предмету вашей страсти весьма жестко зависит от того, вернется ли Майлз.

Марк разочарованно вздохнул. — Это не в моей власти. Мне никогда не позволят… и что я могу сделать такого, что не смогла СБ? Может, они его найдут. Со дня на день.

— Другими словами, — медленно подытожил Грегор, — в настоящий момент вы не в силах повлиять на самую важную вещь в вашей жизни. Мои искренние вам соболезнования.

Марк невольно и незаметно для себя перешел к полной откровенности. — Я здесь фактически пленник. Не могу ничего сделать и не могу уехать!

Грегор покачал головой. — А вы пытались?

Марк замер. — Ну… вообще-то пока нет.

— А-а. — Грегор отвернулся от окна, достав из внутреннего кармана пиджака пластиковую карточку, протянул ее через стол Марку. — Мой Голос доносится лишь в пределах интересов Барраяра. И все же… вот номер моего личного видео-комма. Ваш звонок будет проверен на допуск лишь одним человеком. Вы будете в списке. Просто назовите свое

имя, и ваш вызов пропустят.

— Э-э… спасибо, — ответил Марк с осторожным замешательством. На карточке была лишь кодовая полоска и никаких других опознавательных знаков. Очень аккуратно он убрал ее.

Грегор коснулся булавки аудио-комма на своем пиджаке и заговорил с Кеви. Через несколько секунд в дверь постучали и она распахнулась, пропуская Айвена. Марк, принявший было крутиться в кресле Грегора — оно не скрипело, — смущенно выбрался из него.

Грегор с Айвеном обменялись словами прощания — столь же лаконично, как ранее поздоровались, — и Айвен увел Марка из комнаты в башне, когда они завернули за угол, Марк оглянулся на звук шагов. Кеви уже вел на императорскую аудиенцию очередного посетителя.

— Ну, как оно прошло? — вопросил Айвен.

— Я чувствую себя выжатым, — признался Марк.

Айвен мрачно улыбнулся. — Да, Грегор это может, когда он предстает как император.

— Предстает? То есть играет?

— О, он не играет.

— Он дал мне свой номер. — *Думаю, мой у него есть* .

Айвен поднял брови. — Добро пожаловать в закрытый клуб. Людей, у которых есть доступ, я могу пересчитать по пальцам, даже не снимая сапог.

— И… Майлз был одним из них.

— Разумеется.

Глава 14

Айвен, действуя явно по приказу, — Марк сразу догадался, что этот приказ исходил от графини, — повез его в город пообедать. Марк подумал с легким сочувствием, что Айвену приходится следовать множеству приказов. Они пешком отправились от замка Форхартунг в место под названием «караван-сарай». Очередной поездки в машине Марк избежал лишь благодаря узости улиц — переулочков — старого города.

Сам караван-сарай являл собой любопытный срез эволюции барраярского общества. Старейшая его сердцевина была вычищена, отреставрирована и превращена в милый лабиринт магазинчиков, кафе и маленьких музеев, посещаемый как городскими служащими в поисках обеда, так и явными туристами из провинции, приехавшими в столицу ради исторических святынь. Подобные преобразования концентрировались вокруг скоплений старых правительственных зданий ближе к центру района — таких, как замок Форхартунг над рекой; в дальней части к югу процесс обновления сходил на нет, и район там превращался в нечто запущенное, слегка опасное, отвечающее былой репутации караван-сарая как рискованного места.

По пути Айвен гордо указал на здание, где, по его словам, он родился в дни мятежа Фордариана. Теперь там был магазин, торгующий безумно дорогими коврами ручной работы и прочими старинными вещичками, предположительно сохранившимися со времен Изоляции. Судя по тому, как Айвен этот факт сообщил, Марк ожидал чуть ли не мемориальной доски на стене, но ее там не оказалось — он проверил.

После обеда в одном из маленьких кафе Айвена, чьи мысли вертелись теперь вокруг фамильной истории, обуяло намерение показать Марку тот кусочек мостовой, где его отца, лорда Падму Форпатрила, убили спецслужбы Фордариана во время того самого мятежа. Это сочеталось с общим мрачным историческим настроем сегодняшнего утра, и Марк согласился. Они опять двинулись пешком к югу. Перемены в архитектуре — от низких бурых оштукатуренных зданий первого века Периода Изоляции до высоких кирпичных домов его последнего столетия — демонстрировали, в должном ли направлении идете вы по караван-сараю.

На этот раз, ей-богу, табличка была: квадрат литой бронзы, утопленный прямо в мостовую; пока Айвена глядел вниз, мимо нее и по ней двигались машины.

— Не думаешь, что стоило хотя бы установить ее на тротуаре? — спросил Марк.

— Точность, — ответил Айвен. — Мать настояла.

Марк почтительно выждал немного, давая Айвену время на бог-знает-какие душевные раздумья. Наконец тот поднял голову и жизнерадостно произнес: — Как насчет десерта? Тут за углом я знаю одну небольшую пекаренку с кероссавской выпечкой. Мать всегда водила меня туда после приношения ежегодного возжигания. Просто забегаловка, зато хорошая.

Марк еще не нагулял аппетита после обеда, но местечко это оказалось внутри столь же восхитительным, сколь непрезентабельным смотрелось снаружи, и он в конце концов оказался обладателем пакета с ореховыми рулетиками и традиционными корзиночками с блестяникой — на потом. Пока Айвен застрял с выбором вкусностей для леди Форпатрил — и заодно, возможно, еще более сладкими переговорами с хорошенькой продавщицей (трудно было сказать, с серьезными намерениями или просто повинуясь спинномозговому рефлексу), — Марк вышел наружу.

Он вспомнил, что некогда Гален имел в этом районе пару тайных шпионских контактов. Несомненно, барраярская Имперская безопасность арестовала их два года назад, зачищая все после раскрытия заговора Галена. И все же интересно, сумел бы он их отыскать, стань мечты Галена о мести реальностью? Это должно быть на следующей улице и через два перекрестка… Айвен все еще болтал с девушкой из булочной. Марк отправился пройтись.

К своему полному удовлетворению, адрес Марк нашел через пару минут и решил, что заходить внутрь необходимости нет. Он развернулся и пошел той дорогой, которая, казалась, позволила бы ему срезать путь между булочной и главной улицей. Оказалось, что это тупик. Он снова повернул и пошел к началу переулка.

Старуха и тощий юнец, сидевшие на крыльце и наблюдавшие, как он заходил, заметили, что он возвращается. Тусклые глаза старухи блеснули едва заметной враждебностью, когда Марк снова попал в поле ее зрения.

— Это не мальчик. Это мутантик, — прошипела она юнцу. Внуку? Она многозначительно пихнула его локтем. — Мутантик пришел на *нашу* улицу.

Подстрекаемый подобным образом юнец, ссутулясь, поднялся на ноги и заступил дорогу Марку. Марк остановился. Паренек был выше его — а кто бы не был? — но не особо тяжелее. Бледный, с сальными волосами. Он агрессивно расставил ноги, не давая Марку его обогнуть. О, боже. Местные. Во всей своей грубой красе.

— Тебе не стоило появляться здесь, мутантик, — Он сплюнул, подражая манере крутого задиры; Марк чуть не расхохотался.

— Ты прав, — охотно согласился он. Он специально произнес это со среднеантлантическим земным, а не барраярским, выговором. — Это просто дыра.

— Инопланетник! — взвыла старуха, чье недовольство росло на глазах. — Ступай через червоточину в ад, инопланетник!

— Похоже, я уже там, — сухо прокомментировал Марк. Дурные манеры — но и настроение у него сейчас было дурное. Если эти трущобные хамы собираются дразнить его, то получат то же в ответ. — Барраярцы. Если есть что-то хуже форов — так это идиоты, которыми они правят. Неудивительно, что вся галактика презирает это захолустье. — Он удивился, как легко нашла себе выход подавленная ярость и как хорошо ему при этом стало. Лучше бы не заходить слишком далеко.

— Ну ты сейчас у меня получишь, мутантик, — пообещал мальчишка, танцуя на цыпочках в состоянии нервозной угрозы. Ведьма, науськивая его, сделала грубый жест в сторону Марка. Интересное дело; старушонки и хулиганы обычно естественные враги, а эти двое, похоже, заодно. Собратья по Империи, объединившиеся против общего врага, — сомнений нет.

— Лучше уж мутантик, чем дебил, — с показным добродушием проговорил Марк.

Юный грубиян поднял брови. — Эй! Это ты мне хамишь, а?

— А что, ты видишь здесь *других* дебилов? — Паренек быстро стрельнул глазами в сторону, и Марк оглянулся через плечо. — О. Извини. *Вот* еще двое. Понимаю твое замешательство. — Адреналин в его крови прибывал, заставив пожалеть о недавнем обеде, комом лежащим в желудке. Еще два юнца — выше, тяжелее, старше, но все равно лишь подростки. Может, и злобные, но необученные. И вообще… где Айвен? Где эта чертова незримая внешняя охрана? Ушла на перерыв? — А вы не опаздываете в школу? Например, на занятия для умственно отсталых по распусканию слюней?

— *Забавный* мутантик, — произнес один из ребят постарше. Он не смеялся.

Нападение было внезапным и чуть не застигло Марка врасплох; он-то думал, что этикет требует сперва обменяться еще несколькими оскорблениями, и даже приготовил парочку неплохих. Возбуждение странным образом смешивалось с предчувствием боли. Или, может, это предчувствие боли его возбуждало? Высокий хулиган попытался лягнуть его в пах. Марк одной рукой поймал его ступню и рванул кверху, заставив мальчишку рухнуть навзничь на камни с силой, явно вышибившей из него дух. Кулак второго рванулся вперед; Марк перехватил его руку. Они развернулись, и хулиган споткнулся о своего тощего приятеля. К несчастью, оба преграждали Марку выход.

Подростки вскочили на ноги, с видом изумленным и оскорбленным; бога ради, а они что, ждали легкой победы? *А довольно легко* . Его рефлексы выдохлись за эти два года, и он уже начинал пыхтеть. Однако лишний вес делал его тяжелее и не давал сбить с ног. *«Трое на одного толстого низенького чужака, калеку с виду? Вам такой перевес по душе? Идите сюда, маленькие каннибалы.»* Он приглашающе развел руки, все еще по-дурацки сжимая в кулаке кулек из булочной.

Юнцы прыгнули на него вместе, заранее обозначив каждое движение. Чисто защитные *ката* сработали превосходно; оба налетели, откатились и, благодаря его собственной инерции, оказались на земле, очумело тряся головами, — жертвы собственной агрессии. Марк подвигал челюстью, куда пришелся неловкий удар, — достаточно сильный, чтобы он почувствовал острую боль и опомнился. Следующий раунд оказался не столь удачным; ему пришлось покатиться по земле, уходя из под удара и теряя наконец пакет с булочками, который оказался немедленно затоптан. Тут один из них поймал его в захват, и посыпались неумелые кулачные удары. Марк задыхался уже всерьез. Он собирался поставить блок рукой и рвануть на улицу, и все бы закончилось ко всеобщему удовольствию, если бы один из этих идиотов, пригнувшись, не вытащил старую шоковую дубинку на батареях и не ткнул ею Марка.

Марк чуть не убил его мгновенным ударом ноги в шею; он едва успел замедлить удар, пришедшийся не прямо в горло, а чуть в сторону. Даже сквозь ботинок он почувствовал, как хрустнули ткани, — тошнотворное ощущение, отдавшееся во всем его теле. Марк в ужасе отпрянул от мальчишки, хрипящего на земле. *Нет, меня учили не драться. Меня учили убивать. О, черт.* Ему удалось не раздробить гортань. Марк взмолился, чтобы его удар не перерубил какой-нибудь из главных кровеносных сосудов. Двое остальных нападавших застыли в шоке.

Из-за угла с топотом вылетел Айвен. — Какого черта ты тут делаешь? — охрипшим голосом заорал он.

— Не знаю, — задыхаясь, выговорил Марк, согнувшись и опершись ладонями на колени. Кровь из носа заливала всю новую рубашку. Его начало трясти — запоздалая реакция. — Они набросились на меня. — *«Я их дразнил.»* Зачем, черт побери? Все случилось так быстро…

— Этот мутантик что, с вами, офицер? — вопросил тощий парень со смесью изумления и страха.

Марк видел по лицу Айвена, как тот борется с искушением отречься от всякого знакомства с ним. — Да, — выдавил Айвен наконец.

Здоровенный хулиган, все еще остававшийся на ногах, попятился, развернулся и побежал. Тощий мальчишка покинуть место происшествия не мог — его удерживало

присутствие раненого и старухи, — хотя тоже испытывал желание удрать. Старая ведьма поднялась и захромала к своему поверженному чемпиону, выкрикивая обвинения и угрозы в адрес Марка. Ее единственную из присутствующих не испугал вид зеленого офицерского мундира Айвена. А затем прибыла муниципальная стража.

Лишь только Марк убедился, что раненый под присмотром, он замолк и передал дело в руки Айвена. Тот лгал как… как виртуоз, ни разу даже не произнеся имя Форкосиганов; в свою очередь, стражники, разобравшись, кто такой Айвен, утихомирили истерику старухи и быстро отпустили обоих. Марк отказался выдвигать обвинения в нападении еще до торопливой подсказки Айвена. Получасом спустя они вернулись в машину. На сей раз Айвен вел ее куда тише; Марк решил, что дело было в еще не утихшем испуге чуть было не потерять своего подопечного.

— Черт возьми, и где был этот тип из внешней охраны — мой предполагаемый ангел-хранитель? — спросил Марк, осторожно трогая избитую физиономию. Нос наконец-то перестал кровоточить. Айвен не посадил его в машину, пока кровь из носа не остановилась и пока он не убедился, что Марка не будет тошнить.

— А по-твоему, кто вызвал муниципальную стражу? Внешняя охрана *должна* быть осторожной.

— А-а. — Ребра у него болели, но ни одно, как решил Марк, не было сломано. В отличие от своего прародителя, он никогда не ломал костей. *Мутантик* . — А… *Майлзу* часто приходилось иметь дело с подобным дерьмом? — Он ничего этим людям не сделал — только мимо прошел. Будь Майлз одет так, как он, и будь здесь один, как он, напали бы они на *него* ? — Начнем с того, что Майлз не был бы так глуп, чтобы пойти сюда гулять в одиночку!

Марк нахмурился. Со слов Галена у него сложилось впечатление, что статус Майлза делает его неуязвимым для барраярских предрассудков в отношении мутаций. Неужели на самом деле Майлз все время мысленно просчитывал свою безопасность, ограничивая себя в передвижениях и в действиях?

— А если бы и пошел, — продолжил Айвен, — то языком проложил бы себе путь наружу. Вывернулся бы. Какого черта ты связался с тремя парнями? Если тебе просто хотелось, чтобы кто-нибудь выбил из тебя дерьмо, обратился бы ко мне. Был бы рад это сделать.

Марк неловко пожал плечами. А не этого ли он втайне искал? Наказания? Вот почему все пошло так плохо и так быстро? — Я думал, вы тут все великие форы. Зачем вам выворачиваться? Разве вы не можете просто растоптать отребье?

— Нет, — проворчал Айвен. — До чего же я рад, что мне не придется быть твоим постоянным телохранителем!

— Я тоже рад, если вот это — пример твоей работы, — огрызнулся Марк в ответ. Он потрогал левый клык; губы и десна распухли, но зуб не шатался.

Айвен ответил лишь досадливым возгласом. Марк откинулся на спинку сиденья, задумавшись, как там дела у мальчишки с разбитым горлом. Муниципальная стража увезла его в больницу. Марку не стоило с ним драться; он был в миллиметре от убийства. Он мог убить всех троих. В конце концов, эти хулиганы всего лишь *маленькие* каннибалы. Вот почему Майлз заболтал бы их и убрался прочь, понял Марк: не из страха, не из-за того, что положение обязывает, но потому что они… не в его весовой категории. Марк почувствовал себя дурно. *Барраярцы. Боже, помоги мне.*

Айвен затормозил у своей квартирки в многоэтажном здании одного из лучших районов города; неподалеку в совершенно современном правительственном здании располагалась штаб-квартира командования Имперской Службы. Там он дал Марку возможность вымыться и отстирать подтеки крови с одежды, прежде чем они вернутся в особняк Форкосиганов. Возвращая Марку его рубашку после сушилки, Айвен заметил: — Завтра у тебя все тело будет разукрашено. Майлз после такого попал бы в госпиталь на ближайшие три недели. Мне бы пришлось увозить его оттуда на доске.

Марк поглядел на красные пятна, только начинающие лиловеть. Все тело у него одеревенело. С полдюжины потянутых мышц протестовали против столь жестокого с ними обращения. Но это он может скрыть, а вот отметины на физиономии придется объяснять. Сказать графу и графине, что они с Айвеном попали в аварию? Прозвучит вполне правдоподобно, но вряд ли их удастся надолго обмануть этой ложью.

В конечном итоге, доставив его графине, Айвен снова взял объяснения на себя; его отчет о приключениях Марка был правдив, но минимизирован: — Ой, ну он отправился побродить вокруг и немного сцепился с местными, но я догнал его прежде, чем что-нибудь эдакое случилось… Пока, тетя Корделия. — Марк не стал препятствовать его отступлению.

К ужину граф и графиня, очевидно, получили полный отчет. Марк ощутил легкое напряжение, садясь на свое место за столом напротив Елены Ботари-Джезек, которая наконец вернулась из штаб-квартиры СБ со своего долгого и, видимо, изматывающего доклада.

Граф подождал, пока не было подано первое блюдо и слуга не удалился из столовой, прежде чем заметить: — Рад, что твой сегодняшний образовательный опыт не закончился летальным исходом, Марк.

Марк ухитрился проглотить еду, не подавившись, и приглушенно выговорил: — Для него или для меня?

— Для обоих. Хочешь узнать о своей, э-э, жертве?

Нет! — Да, пожалуйста.

— Врачи в муниципальной больнице собираются выписать его через два дня. Неделю он посидит на жидкой диете. Голос к нему вернулся.

— О-о. Отлично. — *Я не собирался…* Ждали ли от него извинений, оправданий, возражений? Конечно, нет.

— Я задался целью частным образом оплатить его медицинские счета, но лишь обнаружил, что Айвен меня опередил. По здравому размышлению, я решил позволить ему сделать по-своему.

— А-а. — Должен ли он предложить Айвену денежное возмещение? Есть ли у него хоть какие-то деньги и есть ли на это право? Законное? Моральное?

— Завтра, — заключила графиня, — твоим здешним гидом станет Елена. И вас будет сопровождать Пим.

У Елены был далеко не заинтригованный этой перспективой вид.

— Я говорил с Грегором, — продолжил граф Форкосиган. — Ты каким-то образом явно произвел на него впечатление, так что он дал мне санкцию на официальное объявление тебя наследником, младшим членом Дома Форкосиганов в Совете графов. В любой момент на мое усмотрение, если — или когда — гибель Майлза подтвердится. Очевидно, что пока этот шаг преждевременен. Я сам не уверен, что будет лучше: протолкнуть твое утверждение через Совет до того, как графы с тобой познакомятся, или после того, как у них будет время привыкнуть к этой мысли. Быстрый маневр, мгновенный удар — или долгая нудная осада. На сей раз я, в виде исключения, предпочел бы осаду. Если мы выиграем, твоя победа в этом случае окажется надежнее.

— Что, они могут меня отвергнуть? — *Неужто я вижу свет в конце туннеля?*

— Чтобы ты наследовал графство, они должны принять и одобрить тебя простым большинством голосов. Моя личная собственность — особое дело. При обычных обстоятельствах подобное утверждение является рутиной, если речь идет о старшем сыне либо, в случае его отсутствия, любом дееспособном родственнике мужского пола, выдвигаемом графом. Формально, для этого не обязательно даже быть родственником, хотя почти всегда бывает именно так. Есть знаменитый, еще Периода Изоляции, прецедент графа Форталы, который поссорился с собственным сыном. Молодой лорд Фортала выступил на стороне тестя в Зидиаракской торговой войне. Фортала лишил его права наследования и каким-то образом ухитрился заставить неполное заседание Совета признать наследником его коня, Полуночника. Заявил, что, мол, конь так же умен и никогда его не предавал.

— Какой… обнадеживающий прецедент для меня, — выдавил Марк. — И каков оказался граф Полуночник? В сравнении со средним графом.

— Лорд Полуночник. Увы, никто этого не узнал. Конь почил раньше Форталы, война сошла на нет, и, в конце концов, все унаследовал сын. Но это было одной из зоологических вершин многообразной политической истории Совета, наряду с печально известным заговором кошек-поджигателей. — Пока граф Форкосиган повествовал об этом, глаза его горели не относящимся к делу энтузиазмом. Взгляд его упал на Марка, и оживление тут же пропало. — У нас было несколько столетий, чтобы накопить прецеденты, какие душе угодно, от абсурдных до ужасающих. И пара из них, похоже, дает нам отсрочку.

Граф не стал больше спрашивать о том, как Марк провел день, а по своей инициативе делиться дальнейшими подробностями тот не стал. Ужин лег в желудке свинцом, и Марк сбежал, как только позволили приличия.

* * *

Марк прокрался в библиотеку, длинную комнату в торце одного из крыльев дома, его старейшей части. Графиня поощряла его бессистемное чтение. Плюс к считывателю, подключенному к общедоступным банкам данных, и защищенному комм-пульту с собственными комм-линками, запертому на кодовый замок, библиотека была уставлена рядами переплетенных бумажных книг, напечатанных или даже каллиграфически переписанных от руки со времен Изоляции. Библиотека напомнила Марку замок Форхартунг, с его современным назначением и оборудованием, прежде не предвиденным и не предусмотренным, а нынче самым неудобным образом втиснутым в разные неожиданные закоулки старинной постройки.

Стоило ему подумать про музей, и ему попался на глаза огромный фолиант с гравюрами оружия и доспехов. Марк аккуратно вытащил его из футляра и унес в одну из ниш, расположенных по обе стороны ведущих в сад высоких застекленных дверей. Ниша была роскошно обставлена; на столик, стоявший перед здоровенным креслом с подлокотниками, можно было положить этот во всех смыслах тяжелый том.

Марк в ошеломлении пролистал книгу. Пятьдесят разновидностей мечей и ножей, для каждого малейшего отличия — свое название, да еще имена для всех деталей оружия…. Что за полностью рекурсивная база знаний — именно такие создаются и сами создают замкнутые группы вроде форов…

Дверь библиотеки распахнулась, по мраморному полу и ковру прозвучали шаги. Это был граф Форкосиган. Марк вжался в кресло, подтянув ноги так, чтобы их не было видно. Может, тот просто возьмет что-то и снова уйдет. Марк не хотел попасть в ловушку доверительного разговора, к которому так располагало это удобное помещение. Свой первоначальный ужас перед графом он уже поборол, но этот человек по-прежнему ухитрялся заставлять его испытывать мучительную неловкость, даже когда не произносил ни слова.

К несчастью, граф Форкосиган уселся за один из комм-пультов. Цветные отблески дисплея замерцали на оконном стекле, перед которым стояло кресло Марка. Марк понял, что чем дольше он выжидает, затаившись точно убийца, тем более неловко будет ему себя обнаружить. *«Ну так поздоровайся. Уровни книгу. Чихни. Хоть что-нибудь.»* Он только набирался духу слегка откашляться и зашуршать страницей, когда дверные петли снова скрипнули и раздались более легкие шаги. Графиня. Марк в своем кресле сжался в комок.

— А-а, — произнес граф. Отблески на стекле погасли; он отключил машину и развернул вращающееся кресло. Графиня склонилась к нему для быстрого поцелуя? Прошуршала ткань — она тоже уселась.

— Что ж, Марк явно проходит краткий курс Барраяра, — заметила она, успешно покончив с его последним порывом заявить о своем присутствии.

— Это ему и надо, — вздохнул граф. — Ему придется наверстывать двадцать лет, если

он должен будет работать здесь.

— А он должен? Я имею в виду, сразу.

— Нет. Не сразу.

— Отлично. Я подумала, что ты можешь возложить на него непосильную задачу. А, как мы знаем, невозможное требует немного больше времени.

Граф отозвался коротким, быстро угасшим смешком. — По крайней мере, он бегло познакомился с одной из худших черт нашего общества. Мы должны быть уверены, что он досконально изучил историю мутагенных катастроф, чтобы понимать, что же является источником насилия. Как глубоко впитались муки и страх, движущие видимыми тревогами и, э-э, как толкуете это вы, бетанцы, дурными манерами.

— Не уверена, что он сумеет воспроизвести прирожденное умение Майлза вприпрыжку преодолевать это минное поле.

— Похоже, он скорее склонен это поле пропахивать, — сухо пробормотал граф и помолчал. — Его внешность… Майлз прилагает огромные усилия, чтобы двигаться, вести себя, одеваться, отвлекая внимание от собственной внешности. Чтобы его личность затмевала то, что видят глаза. Некое жонглерство всем телом, если угодно. А Марк… почти что намеренно ее подчеркивает.

— Эта мрачная неуклюжесть?

— Да, и… признаюсь, то, как он набирает вес, меня беспокоит. В частности, судя по докладу Елены, с какой именно быстротой. Может, мы должны отвести его к врачу. Это ему не на пользу.

Графиня фыркнула. — Ему всего двадцать два. Непосредственной опасности здоровью нет. Тебя не это беспокоит, милый.

— Может… не совсем.

— Он смущает тебя. Мой чувствительный к внешности барраярский друг.

— Хм. — Марк отметил, что граф не стал отрицать.

— Очко в его пользу.

— Ты не могла бы пояснить?

— Поступки Марка — это язык. По большей части, язык отчаяния. Их не всегда легко истолковать. Хотя *этот* — очевиден.

— Не для меня. Разбери его, пожалуйста.

— Проблема трехсторонняя. Во-первых, чисто физическая сторона. Я поняла, что ты читал медицинские материалы не так тщательно, как я.

— Я читал резюме СБ.

— А я — сырые данные. Полностью. Когда джексонианские скульпторы по телу урезали Марка до соответствия росту Майлза, то не модифицировали генетически его метаболизм. Вместо этого они состряпали смесь замедляющих гормонов и стимуляторов, которую вводили ему ежемесячно, и она как-то подправляла формулу обмена в нужную сторону. Дешевле, проще, и результат более контролируем. Теперь, возьми Айвена — вот образец фенотипа, в который развился бы генотип Майлза, не будь солтоксинового отравления. Так что в случае Марка мы имеем человека, физически ограниченного ростом Майлза, но генетически запрограммированного на вес Айвена. Как только он перестал получать от комаррцев препараты, его тело снова попыталось исполнить свое генетическое предназначение. Если бы ты когда-нибудь открыто его разглядывал, то заметил бы, что он не просто жирный. Его кости и мышцы тоже тяжелее майлзовых или даже его собственных два года назад. Когда он достигнет наконец своей новой точки равновесия, то, наверное, будет смотреться приземистым.

«Хочешь сказать, шарообразным,» — подумал Марк, с ужасом слушая это и внезапно ощущая, что за ужином он переел. Героическим образом он успокоил поднимавшуюся было отрыжку.

— Словно маленький танк, — предположил граф, явно рассчитывающий на более оптимистическую картину.

— Возможно. Это зависит от двух прочих аспектов его… гм… языка тела.

— Каких же?

— Сопротивления и страха. Что касается сопротивления — всю его жизнь *посторонние* делали с его телом, что хотели. Принудительно выбрали его форму. А на этот раз — его черед. И страх. Перед Барраяром, перед нами, но больше всего, несомненно, страх, что его подавит Майлз. А Майлз весьма подавляющая фигура, тем более для младшего брата. И Марк прав. В этой идее есть некое благо. Оруженосцы и слуги без труда его отличают, принимают его именно как лорда Марка. Уловка с весом — импульсивный, частично бессознательный, блестящий ход, напоминающий мне… об одном нашем общем знакомом.

— Но где он остановится? — Марк решил, что на этот раз и графу представилось нечто шарообразное.

— С обменом веществ — там, где захочет. Он сам может пойти к врачу и отрегулировать свой постоянный вес на любом уровне, на каком пожелает. Он выберет более обычное телосложение, когда больше не будет испытывать страх и необходимость сопротивляться.

Граф фыркнул. — Я знаю Барраяр с его паранойями. Здесь никогда не бываешь в полной безопасности. Что нам делать, если он так и не решит, что уже достаточно толст?

— Купим ему плавающую платформу и наймем пару мускулистых слуг. *Или* поможем ему побороть его страхи. А?

— Если Майлз мертв… — начал он.

— Если Майлз не отыщется и не оживет, — резко поправила она.

— Тогда Марк — это все, что нам осталось от Майлза.

— Нет! — Юбки прошелестели, когда она встала, повернулась и принялась расхаживать по комнате. *Боже, не дай ей пойти сюда!* — Вот здесь ты и ошибаешься, Эйрел. Марк — все, что нам осталось от Марка.

Граф поколебался. — Хорошо. Готов признать. Но если Марк — это все, что у нас есть, то есть ли у нас следующий граф Форкосиган?

— А ты не можешь его принять как сына, даже если он *не* следующий граф Форкосиган? Или это экзамен, который он должен пройти, чтобы быть принятым?

Граф молчал. Графиня заговорила тише. — Уж не голос ли твоего отца я эхом слышу в твоем? Не его ли я вижу, всматриваясь в глубину твоих глаз?

— Невозможно… чтобы его там не было. — Голос графа был таким же тихим, растревоженным, но не виноватым.

— Я… да. Понимаю. Прости. — Она снова села, к немалому облегчению Марка. — Хотя, несомненно, пройти тест на барраярского графа не так уж и трудно. Погляди на кое-кого из стариканов, заседающих нынче в Совете. А в отдельных случаях, тебе и поглядеть не удастся. Скажи, сколько времени прошло с тех пор, как голосовал граф Фортьен?

— Его сын уже достаточно взрослый, чтобы удержать за собой его скамью, — ответил граф. — К величайшему нашему облегчению. В последний раз, когда нам требовалось единогласное решение, приставу Совета пришлось отправиться за ним и лично вывозить из его резиденции, прерывая в высшей степени странную сцену… ну, в общем, граф находит несколько необычное применение своей личной охране.

— Как я поняла, качества от них требуются тоже необычные. — В голосе графини Корделии звучала усмешка.

— А ты откуда *это* узнала?

— От Элис Форпатрил.

— Я… даже не стану спрашивать, откуда знает она.

— Мудро с твоей стороны. Однако смысл в том, что Марку придется и вправду постараться, чтобы стать худшим графом в Совете. Они — не такая уж соль земли, как делают вид.

— Фортьен — отвратительный, нечестный пример. Вообще Совет функционирует лишь благодаря исключительной преданности делу очень многих. Он выжимает этих людей.

Но — Совет лишь половина битвы. Сам Округ — второе, острейшее лезвие этого меча. Примут ли Марка люди? Неуравновешенного эмоционально клона искалеченного прототипа?

— Майлза они как итог приняли. Даже, по-моему, все больше им гордятся. Но Майлз этого добился сам. Он излучал такую преданность, что им ничего не оставалось, кроме как отразить ее в ответ.

— Не уверен, что именно излучает Марк, — задумчиво произнес граф. — Он больше похож на черную дыру в человеческом облике. Свет заходит туда, и ничего не выходит оттуда.

— Дай ему время. Он еще боится тебя. Думаю, это защитный механизм вины за то, что все эти годы он был предназначен для твоего убийства.

Марк, дышавший ртом ради полной тишины, съежился. У этой женщины что, рентген в глазах? Она весьма пугающий союзник — если вообще союзник.

— У Айвена, — медленно проговорил граф, — проблем с популярностью в Округе явно не будет. И, хоть неохотно, я считаю, что он мог бы справиться с тем вызовом, которым является графская должность. Не худший и не лучший, но по крайней мере средний.

— Именно этой системой он пользовался и до сих пор пользуется, чтобы благополучно миновать все трудности в школе, Имперской военной академии и своей нынешней карьере. Неприметный середнячок, — сказала графиня.

— Огорчительно смотреть. Он способен на столь большее.

— Находясь так близко к наследованию Империи, насколько блестящим осмеливается он быть? Потенциальные заговорщики, ищущие главу для своей группировки, слетались бы к нему, словно мошки на свет. И он мог бы стать такой привлекательной фигурой. Он лишь играет дурачка. На самом деле он, быть может, наименее глуп из всех нас.

— Оптимистичная теория, но если Айвен столь расчетлив, как он мог стать таким, едва научился ходить? — жалобно спросил граф. — Ты делаешь из него какого-то Макиавелли пяти лет от роду, милая капитан.

— Не настаиваю на этом толковании, — легко согласилась графиня. — Но речь о том, что если Марк выберет жизнь, скажем, на Колонии Бета, Барраяр это как-то переживет и похромает дальше. А Марк ни на йоту меньше не станет нашим сыном.

— Но я хотел столько ему передать… Ты все время возвращаешься к этой идее. К Колонии Бета.

— Да. Ты удивляешься, почему?

— Нет. — Голос его стал еще тише. — Но если ты увезешь его на Колонию Бета, я никогда не получу возможности узнать его.

Графиня помолчала, затем заговорила твердым голосом. — Эта жалоба произвела бы на меня больше впечатления, демонстрируй ты хоть какие-то признаки желания узнать его *сейчас* . Пока что ты избегал его почти так же усердно, как он от тебя прятался.

— Я не могу отложить все правительственные дела ради личного кризиса, — чопорно заявил граф. — Как ни хотел бы.

— Как я припоминаю, для Майлза ты это делал. Вспомни все время, которое ты проводил с ним здесь и в Форкосиган-Сюрло… ты украдкой воровал это время для него, урывая то там, то тут — час, утро, день, где только мог, а тем временем на сумасшедшей скорости тащил регентство сквозь шесть крупных политических и военных кризисов. Нельзя отказать Марку в той же форе, что от тебя получил Майлз, а потом ставить ему в вину то, что ему не удалось Майлза превзойти.

— Ох, Корделия, — вздохнул граф. — Я был тогда моложе. Я не тот папа, что был у Майлза двадцать лет назад. Этого человека больше нет, он сгорел.

— Я не прошу тебя пытаться быть таким же папой, как тогда; это было бы нелепо. Марк не ребенок. Я лишь прошу тебя: попытайся быть таким отцом, какой ты есть сейчас.

— Милая капитан… — Голос его устало затих.

После задумчивого молчания графиня многозначительно произнесла: — У тебя было

бы больше времени и энергии, если бы ты вышел в *отставку* . Оставил наконец пост премьер-министра.

— Сейчас? Корделия, ну подумай! Я не осмелюсь потерять управление сейчас. Иллиан и СБ по-прежнему докладывают мне, как премьер-министру. Если я уйду и стану просто графом, я выпаду из этой командной цепочки. Я потеряю всю власть вести розыски.

— Чушь. Майлз — офицер СБ. Сын он премьер-министра или нет, его будут разыскивать точно так же. Одна из немногих привлекательных черт СБ — верность своим.

— Они будут вести розыск в пределах разумного. Лишь как премьер-министр я могу и вынудить эти пределы преступить.

— Не думаю. По-моему, дорогой, Саймон Иллиан наизнанку ради тебя вывернется, даже когда ты будешь уже мертв и похоронен.

Когда граф заговорил снова, голос его был страшно усталым. — Три года назад я был готов уйти и передать все в руки Квинтиллиану.

— Да. Я была в восторге.

— Если бы он только не погиб в этой дурацкой авиакатастрофе! Что за бессмысленная трагедия. Даже не убийство!

Графиня ответила ему мрачным смешком. — По барраярским стандартам — *воистину* напрасная смерть. Но я серьезно. Пора остановиться.

— Давно пора, — согласился граф.

— Так *давай* .

— Как только это станет безопасно.

Она выдержала паузу. — Ты никогда не растолстеешь достаточно, дорогой. Найди другой способ.

Марк сидел скрючившись, оцепенев, нога у него затекла и ее кололо иголочками. По его ощущению, его всего пропахали и проборонили, отделали куда более обстоятельно, чем те трое громил из переулка. Сомнений нет, графиня — искусный боец.

Граф издал легкий смешок, но на сей раз ничего не ответил. К громадному облегчению Марка, оба встали и вместе покинули библиотеку. Стоило двери захлопнуться, он скатился с кресла на пол, дергая затекшими руками и ногами в попытках восстановить кровообращение. Его трясло. Горло было забито, и он наконец закашлял, снова и снова, блаженно восстанавливая дыхание. Он не знал, смеяться ему или плакать, а чувствовал себя так, словно одновременно делает и то, и другое, поэтому просто хрипло дышал, глядя на свой опадающий и вздымающийся живот. Марк чувствовал себя жирным. Чувствовал себя сумасшедшим. Чувствовал, словно кожа его сделалась прозрачной, и проходящим мимо виден каждый внутренний орган.

Когда он наконец справился с дыханием после истерического кашля, то понял, что единственное, чего он не чувствует, — это страха. По крайней мере, перед графом и графиней. Их облик на людях и наедине оказался… неожиданно одинаковым. Похоже, он может им доверять — не до такой степени, чтобы вообще не ждать от них плохого, но в том смысле, что они именно те, кем кажутся. Он сперва не мог подобрать слова для этого ощущения единства личности. Затем догадался. *Так вот как выглядит честность. А я и не знал.*

Глава 15

Графиня исполнила свое обещание — или угрозу — отправить Марка осматривать окрестности с Еленой. Следующие пара недель перемежались частыми, со значительным историческим и культурным уклоном, экскурсиями по всей Форбарр-Султане и соседним Округам, в том числе — частным посещением императорского дворца. К облегчению Марка, Грегора в тот день дома не было. Должно быть, они отметились в каждом городском музее. Елена, явно выполняя распоряжение, к тому же протащила его по двум десяткам колледжей, академий и технических школ. Марка воодушевила мысль, что не все институты на этой

планете готовят военных офицеров; на самом деле, крупнейшими и самыми загруженными учебными заведениями в столице оказались Сельскохозяйственный и Инженерный институты Округа Форбарра.

Елена в присутствии Марка вела себя как официальное, беспристрастное доверенное лицо Форкосиганов. Какие бы чувства она ни испытывала, увидев свой прежний дом впервые после десятилетнего отсутствия, эти чувства редко нечасто отражались на поверхности маски из слоновой кости, разве что там случайно проскальзывало удивление какими-то неожиданными переменами: выросшими зданиями, сровненными с землей старыми кварталами, по-другому проложенными дорогами. Марк подозревал, что столь бурный темп экскурсий был предназначен именно для того, чтобы ей не приходилось с ним разговаривать: вместо этого она заполняла паузы лекциями. Марк уже начал думать, как бы получше подольститься к Айвену. Может, кузен под шумок повел бы его в тур по пивнушкам — ради разнообразия.

Разнообразие настало однажды вечером, когда граф неожиданно вернулся в особняк Форкосиганов и объявил, что они все едут в Форкосиган-Сюрло. Часу не прошло, как Марк со своими упакованными пожитками оказался вместе с Еленой, графом и оруженосцем Пимом во флаере, стрелой мчащемся в темноту на юг, к летней резиденции Форкосиганов. Графиня с ними не поехала. Разговоры по дороге можно было бы описать словами от «натянутый» до «вовсе не было», не считая редких лаконичных, непонятных и обрывистых реплик, которыми обменивались граф с Пимом. Наконец перед ними выросла цепь Дендарийских гор — темное пятно под тенью облаков и звездами. Они описали круг над тускло поблескивающим озером и приземлились на полпути к вершине холма, перед каменным зданием хаотичной постройки. Дом был освещен и полон радушно их встречающими слугами. Из второго флаера, следовавшего за ним, вышло несколько немногословных фигур — положенная премьер-министру охрана СБ. Поскольку была уже почти полночь, граф ограничился тем, что быстро провел Марка по дому, показав где что, и отвел его в гостевую спальню на втором этаже, с видом на спускавшийся к озеру склон. Марк, оставшись наконец один, оперся на подоконник и уставился в темноту. По другую сторону черной водной глади мерцали огоньки — деревня на том конце озера и несколько отдельных вилл на дальнем берегу. *«Зачем вы меня сюда привезли?»* — мысленно вопросил он графа. Форкосиган-Сюрло — самая уединенная из всех резиденций Форкосиганов, средоточие эмоций, бережно хранимое сердце разрозненных на части личных владений графа. Прошел ли он какой-то экзамен, что его допустили сюда? Или Форкосиган-Сюрло и есть экзамен? Он отправился в постель и уснул, все еще задавая себе этот вопрос.

Марк пробудился, моргая от лучей утреннего солнца, косо падавших в окно, которое он забыл занавесить прошлой ночью. Тогда же кто-то из слуг развесил в гардеробе комплект самой неофициальной его одежды. В конце коридора он обнаружил ванную, умылся, оделся и отправился на осторожные поиски какой-нибудь живой души. В кухне домоправительница отправила Марка на улицу поискать графа, — увы, не предложив ему завтрака.

Он прошелся по вымощенной каменной крошкой дорожке к рощице заботливо высаженных земных деревьев, чью характерную зеленую листву уже позолотила и испещрила крапинками наступающая осень. Большие деревья, очень старые. Граф с Еленой были неподалеку, в обнесенном стеной садике, ныне служившем Форкосиганам фамильным кладбищем. Каменный особняк изначально был казармами стражи, которая служила в ныне лежащем в руинах замке возле озера; когда-то это кладбище было последним приютом охранников.

Брови Марка поползли вверх. Граф смотрелся невыносимо ярко в самом официальном из вариантов военного мундира — парадной имперской красно-синей форме. Елена была тоже должным образом одета в парадную, хоть и более спокойную по цвету, дендарийскую форму — серый бархат с отделкой серебряными пуговицами и белым кантом. Она сидела на корточках возле плоской бронзовой жаровни на треноге. Над жаровней трепетали бледно-оранжевые язычки пламени, и поднималась струйка дыма, таявшая в золотистом утреннем

тумане. Сжигают посмертное приношение, догадался Марк и неуверенно застыл возле кованой железной калитки в низкой каменной стене. Кому? Его никто не пригласил.

Елена встала; пока приношение, чем бы оно ни было, сгорало дотла, они с графом тихо переговаривались. Минутой спустя Елена свернула из ткани прихватку, сняла жаровню с треножника и вытряхнула серые и белые хлопья на могилу. Протерев бронзовую чашу изнутри, она убрала ее вместе со складным треножником в вышитый коричневым и серебряным мешочек. Граф поглядел на озеро, заметил стоящего у калитки Марка и кивнул ему — не приглашая внутрь, но и не запрещая входить.

Еще что-то сказав графу, Елена вышла из обнесенного стеной садика. Граф отдал ей честь. Проходя мимо Марка, она удостоила его вежливого кивка. Лицо ее было мрачным, но, как показалось Марку, не столь напряженным и похожим на маску, каким он его видел с момента приезда на Барраяр. Теперь граф однозначным жестом поманил Марка внутрь. Испытывая одновременно неловкость и любопытство, Марк прошел через калитку и двинулся к нему по усыпанной хрустящим гравием дорожке.

— Что… это было? — наконец решился спросить он. Прозвучало это слишком легкомысленно, но граф вроде бы не рассердился.

Граф Форкосиган кивком указал на могилу у своих ног: «Сержант Константин Ботари. Fidelis.» И даты. — Я выяснил, что Елена ни разу не приносила посмертного возжигания своему отцу. Он восемнадцать лет был моим оруженосцем, а до этого служил под моим командованием в космических силах.

— Телохранитель Майлза. Я знаю. Но его убили до того, как Гален начал мое обучение. Гален не уделял ему особо много времени.

— А стоило. Сержант Ботари был очень важен для Майлза. И для нас всех. Ботари был… трудным человеком. Я думаю, что Елена так никогда с этим полностью и не примирилась. А ей нужно его принять, чтобы быть в ладу с собой.

— Трудным? Я слышал, преступником.

— Это очень… — граф заколебался. Марк ожидал, что тот скажет «нечестно» или «неправильно», но слово, которое граф наконец произнес, было — «неполно».

Они прогуливались между могил, граф устроил Майлзу экскурсию. Родственники и доверенные слуги… кто такой майор Эмор Клийви? Марку это напомнило все недавние музеи. Семейная история Форкосиганов со времен Изоляции охватывала собой историю Барраяра. Граф показал могилы своего отца, матери, брата, сестры, дедушки с бабушкой по отцовской линии. Вероятно, все, кто умер ранее, были похоронены в прежней столице Округа, Форкосиган-Вашном, и цетаганидийские захватчики расплавили их вместе с городом.

— Меня тоже похоронят здесь, — прокомментировал граф, глядя на спокойное озеро и горы за ним. Утренний туман исчез с поверхности воды, на ней принялись сверкать солнечные зайчики. — И я не попаду в эту толпу на Имперском кладбище в Форбарр-Султане. Моего беднягу отца хотели похоронить там. Мне пришлось по-настоящему на эту тему с ними поспорить, несмотря на то, что он выразил свою последнюю волю. — Он кивком указал на камень. «Генерал граф Петр Пьер Форкосиган», и даты. Тот спор граф явно выиграл. Точнее, оба графа.

— Я провел здесь счастливейшее время моей жизни, когда был маленьким. И уже потом, мою свадьбу и медовый месяц. — Лицо его дрогнуло в мгновенной улыбке. — Здесь мы зачали Майлза. А значит, в определенном смысле, и тебя. Осмотрись. Вот ты откуда. После завтрака я переоденусь и еще кое-что тебе покажу. — О. Так, э-э, значит никто еще не ел.

— Перед приношением посмертного возжигания надо поститься. Подозреваю, именно по этой причине его часто устраивают на рассвете. — Граф слегка улыбнулся.

Больше ни для чего блестящий дворцовый мундир здесь графу понадобиться не мог, как и дендарийская парадная форма Елене. Они заранее их упаковали ради этой священной цели. Марк разглядывал свое искаженное, темное отражение в начищенных до зеркального

блеска сапогах графа. Выпуклая поверхность искажала его до гротескных пропорций. Вот его будущее? — Вот за чем мы все сюда прилетели? Чтобы Елена могла совершить обряд?

— Среди всего прочего.

Зловеще звучит. Марк проследовал за графом обратно в большой каменный дом, чувствуя себя смутно растревоженным.

Завтрак домоправительница накрыла в солнечном дворике-патио возле торца дома; цветущие кусты и насаждения скрывали его, лишь в сторону озера был проделан проход. Граф переоделся в старые черные брюки от рабочей формы и куртку в деревенском стиле, с поясом и разрезами по бокам. Елена к ним не присоединилась.

— Она хочет подольше прогуляться, — коротко пояснил граф. — Мы тоже так сделаем. — И Марк благоразумно положил третий сладкий рулетик обратно в накрытую крышкой корзинку.

Очень скоро он возрадовался своей умеренности — граф повел его прямо вверх по склону холма. Они достигли вершины и остановились передохнуть. Вид на длинное озеро, извивающееся меж холмов, был очень красив и ради него стоило запыхаться. По другую сторону холм переходил в небольшую ровную долину со старой каменной конюшней и пастбищем, где выращивалась зеленая земная трава. По пастбищу лениво бродили несколько не занятых никакой работой лошадей. Граф провел Марка вниз, к изгороди, и с печальным видом на нее облокотился.

— Вот тот большой чалый — конь Майлза. В последние годы он почти заброшен. У Майлза не всегда находилось время поездить верхом, даже когда он бывал дома. Конь привык прибегать, когда Майлз его звал. Нечто на грани фантастики — когда эта здоровенная, ленивая животина встрепенется и переходит на бег. — Граф помолчал. — Может, попробуешь.

— Что? Позвать коня?

— Мне было бы любопытно посмотреть. Заметит ли конь разницу. Голоса у вас… очень похожи, на мой слух.

— Меня на это натаскивали.

— Его зовут, э-э… Дурачок. — В ответ на взгляд Марка он добавил: — Прозвище для любимца или конюшенная кличка.

«Его зовут Толстый Дурачок. Ты это подправил. Ха.» — Итак, что мне делать? Стоять тут и выкрикивать: «Дурачок, Дурачок, сюда!»? — Он уже чувствовал себя идиотом.

— Трижды.

— Что?

— Майлз всегда повторял его имя трижды.

Конь стоял на противоположном краю пастбища, подняв уши и глядя на них. Марк набрал воздуху и с самым своим лучшим барраярским выговором позвал: «Дурачок, Дурачок, Дурачок, сюда! Дурачок, Дурачок, Дурачок, сюда!»

Конь фыркнул и порысил к изгороди. Он не совсем бежал, хотя по дороге разочек оживленно взбрыкнул. Подбежал он с пыхтением, забрызгав слюной и Марка, и графа, и навалился на изгородь — та застонала и прогнулась. Так близко, он казался чертовски большим. Конь положил свою здоровенную голову на изгородь. Марк торопливо отпрянул.

— Привет, старина. — Граф потрепал животное по шее. — Майлз всегда давал ему сахар, — посоветовал он Марку, обернувшись через плечо.

— Тогда неудивительно, что он прибегает! — возмущенно отозвался Марк. А он-то думал, что это все тот же эффект «любви к Нейсмиту».

— Да, но мы с Корделией тоже даем ему сахар, а к нам он не бежит. Подходит эдаким шагом, когда он в духе.

Конь уставится на него — Марк был готов поклясться — в полном недоумении. Вот еще одна живая душа, которую он предал тем, что он — не Майлз. Две прочие лошади теперь тоже подошли, словно испытывая нечто вроде ревнивого соперничества, образовав пихающую друг друга массивную кучу, решительно не желающую расходиться.

Устрашенный, Марк жалобно вопросил: — А вы принесли сахару?

— Ну, да, — отозвался граф. Он вытащил из кармана полдюжины белых кубиков и протянул Марку. Марк осторожно положил парочку на ладонь и протянул руку так далеко, как только мог. Визгливо заржав, Дурачок прижал уши к голове и лязгнул зубами в обе стороны, отгоняя своих четвероногих соперников, затем притворно застенчиво прянул ушами, снова их подняв, и подобрал сахар большими, словно резиновыми, губами, оставив на ладони Марка слизистый, травянистый след. Часть слюны Марк стер об изгородь, подумал было о том, чтобы вытереть руку о брюки, и стер оставшееся о глянцевитую лошадиную шею. Шкуру портил старый неровный шрам, выпуклый на ощупь. Дурачок снова боднул Марка головой, и он отступил за пределы досягаемости. Парой окриков и шлепков граф восстановил порядок — «Ага, в точности барраярская политика», безо всякого почтения подумал Марк, — и убедился, что двое опоздавших получили свою долю сахара. После этого граф вытер ладонь о штанину, почти машинально.

— Хочешь попробовать на нем прокатиться? — предложил граф. — Хотя в последнее время на нем не ездили, и он может быть слегка непослушен.

— Нет, спасибо, — выдавил Марк. — Может, в другой раз.

— А-а.

Они пошли вдоль изгороди; Дурачок тащился за ними по другую сторону, пока они не дошли до угла и не лишили его последней надежды. Когда они уходили, конь проскулил, неожиданно горестно. Марк сгорбился, как от удара. Граф улыбнулся, но, должно быть, попытка эта показалась ему самому столь же грустной, как выглядела со стороны, и улыбка исчезла почти сразу. Граф оглянулся через плечо. — Старичку сейчас уже за двадцать. Для лошади это не немало. Я начинаю разделять его взгляды.

Они направились к лесу. — Здесь тропа для верховой езды… она описывает круг и выводит к месту с видом на дом. Мы обычно устраиваем там пикники. Хочешь посмотреть?

Пеший переход. К нему у Марка сердце не лежало, но он уже отверг явное и настойчивое предложение графа прокатиться верхом. Второй раз отказаться он не смел, граф посчитает его… невежей. — Отлично. — В пределах видимости не было ни оруженосцев, ни телохранителей из СБ. Граф нарушил свой обычный распорядок, чтобы получить это время наедине. Марк съежился в ожидании. Грядет доверительная беседа.

Когда они достигли опушки леса, под ногами зашуршали и захрустели первые опавшие листья, издающие запах гниения — неожиданно приятный. Но шума шагов не хватало, чтобы заполнить молчание. Граф, при всей своей притворной непринужденности человека на загородном отдыхе, был напряжен и натянут. Выведенный из состояния равновесия, Марк выпалил: — Это графиня заставляет вас так поступить. Она?

— Не совсем, — ответил граф. — Да.

Совершенно противоречивый ответ и, скорее всего, правдивый.

— Вы когда-нибудь простите бхарапутрянам, что они застрелили не того адмирала Нейсмита?

— Наверное, нет. — Голос графа был ровным, без раздражения.

— Если бы все произошло наоборот — прицелься бхарапутрянин в того коротышку, что левее, — разыскивала бы теперь СБ мою криокамеру? — И вообще, выбросил бы Майлз из нее десантницу Филиппи, чтобы положить на ее место Марка?

— Поскольку в этом случае СБ там представлял бы Майлз, то полагаю, ответ будет «да», — тихо проговорил граф. — Я, если бы так и не познакомился с тобой, испытывал бы слегка… абстрактный интерес. А твоя мать прилагала бы все силы точно так же, — добавил он задумчиво.

— Давайте будем, как бы то ни было, честны друг с другом, — горько попросил Марк.

— Ни на какой другой основе что-либо построить не удастся, — сухо ответил граф. Марк покраснел и пробормотал «да».

Тропа сперва шла вдоль ручья, затем врезалась в холм, сквозь который проходила почти овражком, промоиной, выстланной неустойчивыми и скользкими камнями. К счастью,

потом она какое-то время шла ровно, петляя и возвращаясь на прежний курс среди деревьев. Тут и там были специально устроены для лошади небольшие препятствия из срубленных бревен; всадник мог по своему выбору обогнуть их или перепрыгнуть. И почему он был уверен, что Майлз предпочитал прыжок? Марк должен был признаться себе: что-то в этом лесу было первозданно успокаивающее — этот узор света и тени, высокие земные деревья, местные и земные кустарники создавали иллюзию бесконечной уединенности. Тот, кто понятия не имел о терраформировании, мог бы вообразить, что вся планета представляет собой такой девственный лес. Они свернули на колею пошире, где могли идти бок о бок.

Граф облизнул губы. — Насчет криокамеры…

Марк вскинул голову точно так же, как тот конь, когда он почуял сахар. СБ ему ничего не рассказывала, граф тоже; чуть не доведенный до безумия этим информационным вакуумом, он наконец сдался и принялся клянчить сведения у графини, хотя его самого от этого тошнило. Но даже она сообщала ему лишь об отрицательных результатах. СБ сейчас выявила больше четырехсот мест, где криокамеры не было. Для начала. Четыре сотни минус, и вся вселенная в уме… невозможно, бесполезно, тщетно.

— СБ ее нашла. — Граф потер ладонями лицо.

— Что?! — Марк резко затормозил. — Они ее вернули? Черт побери! Дело сделано! Где они… и почему вы… — Он прикусил язык, когда до него дошло, что за вероятная причина могла заставить графа не сказать ему об этом немедля. И он был не уверен, что хочет это услышать. Лицо графа было безрадостным.

— Она пуста.

— Ой. — Что за идиотский ответ — «ой». Марк сейчас себя чувствовал невообразимым идиотом. — Как… не понимаю. — Марк воображал себе множество сценариев, но этот — никогда. *Пуста?* — Где?

— Агент СБ нашел ее в прайс-листе компании по продаже медоборудования со Ступицы Хеджена. Очищенную и вновь подготовленную к работе.

— Они уверены, что это та самая?

— Если серийные номера, которые дали нам дендарийцы и капитан Куинн, правильные, то да. Агент, один из наших самых смышленых парней, просто втихую ее купил. Сейчас ее отправили курьером в штаб-квартиру СБ на Комарре, чтобы эксперты подвергли ее исчерпывающему анализу. Там явно осталось мало что анализировать…

— Но это наконец-то зацепка, удача! У этой компании должны быть записи… и СБ должна суметь отследить их до… — До чего?

— Да, и нет. Записи обрываются на предыдущем звене цепочки. Независимую компания-перевозчик, у которой они криокамеру купили, похоже, можно обвинить в присвоении краденой собственности.

— С Единения Джексона? Разумеется, это сужает область поисков.

— Хм. Необходимо помнить, сто Ступица Хеджена — это *узел* . Вероятность, что криокамера была направлена с Единения Джексона в Цетагандийскую Империю, а затем снова через Ступицу обратно, невелика… но реальна.

— Нет. Временные рамки.

— Временные рамки могут быть тесными, но допускающими эту возможность. Иллиан подсчитал. Ограничение по времени сводит область поисков к только…. девяти планетам, семнадцати станциям и всем кораблям, бывшим в пути между ними. — Граф скривился. — Мне почти хочется убедиться, что мы имеем дело с цетагандийским заговором. Гем-лордам можно по крайней мере доверять в том, что они знают или догадываются о ценности этой посылки. Вот кошмар, от которого я прихожу в отчаяние: криокамера попала в руки какого-то мелкого джексонианского воришки, просто выбросившего содержимое, чтобы перепродать установку. Мы бы заплатили выкуп … в десятки раз больше, чем стоит криокамера, за одно только мертвое тело. За сохраненного и потенциально способного к оживлению Майлза… что бы они ни запросили. Меня доводит до безумия мысль, что Майлз гниет где-то *по ошибке* .

Марк стиснул ладонями виски, в которых колотилась кровь. Шея у него сейчас так напряглась, что буквально одеревенела. — Нет… это бред. Полный бред. Сейчас у нас есть оба конца веревочки, не хватает лишь середины. Они должны быть связаны. Норвуд… Норвуд был предан адмиралу Нейсмиту. И сообразителен. Я встречал его, мельком. Конечно, на свою смерть он не рассчитывал, но он не послал бы криокамеру навстречу опасности или наугад. — Так ли он уверен? Норвуд полагал, что сможет забрать криокамеру из пункта ее назначения самое большее через день. Если она прибыла… неважно куда… с приложенной к ней некоей таинственной запиской «оставьте у себя, пока не придет запрос», а затем запроса не последовало… — Была ли ее переподготовка проведена до или после того, как ее купила компания со Ступицы Хеджена?

— До.

— Тогда в промежутке должно скрываться какое-то медицинское учреждение. Может, криоцентр. Может… может, Майлза переложили в чьи-то банки постоянного хранения. — Неопознанного, нищего? На Эскобаре такая благотворительность возможна, но на Единении Джексона? Слабая надежда.

— Я молюсь об этом. Подобных учреждений у нас ограниченное число. СБ сейчас ими занимается. Однако лишь… замороженное тело требует такой квалификации. Простая механическая процедура опустошения и очистки камеры может быть проведена в любом корабельном медотсеке. Или инженерной секции. Безымянную могилу обнаружить труднее. А может и могилы нет, а тело было просто пущено в дезинтегратор, как мусор… — Граф уставился на деревья. Марк был готов поклясться, что деревьев этих граф не видит. Что перед его глазами то же видение, что и у самого Марка: маленькое замороженное тело, с развороченной грудной клеткой — чтобы его поднять, не нужен даже ручной тяговый луч, — небрежно и бездумно запихивают в устройство для переработки отходов. Поинтересовались ли они хотя бы, кем был этот человечек? Или для них это просто было *нечто отвратительное* ? И что это за *они* , черт возьми?

Как давно мысли графа мечутся по одному и тому же кругу, и как, черт возьми, он может при этом гулять и разговаривать? — Как давно вы об этом узнали?

— Доклад пришел вчера днем. Так что, видишь… мне в известной мере стало важнее знать, твою позицию. В отношении Барраяра. — Он снова двинулся вверх по дороге, затем свернул на боковую тропинку, которая, сужаясь, круто забирала вверх между еще более высоких деревьев и редкого кустарника.

Марк с трудом тащился за ним. — Никто в здравом уме не пожелает иметь никакого отношения к Барраяру. Они сбегут от этих отношений. Прочь.

Граф ухмыльнулся через плечо. — Боюсь, ты слишком много беседовал с Корделией.

— Ну да, она оказалась почти единственной, кто желал со мной разговаривать. — Он догнал графа, замедлившего шаг.

Граф болезненно поморщился. — Правда. — Он зашагал вверх по крутой каменистой тропе. — Прости. — Еще пару шагов спустя он добавил со вспышкой черного юмора: — Интересно, когда я обычно рисковал, для моего отца это было так же? Если да, он достойно отомщен. — Слишком мрачно для юмора, оценил Марк. — Но поэтому более, чем всегда, необходимо… знать…

Граф неожиданно остановился и присел рядом с тропой, привалившись к стволу. — Странно, — пробормотал он. Лицо его, только что раскрасневшееся и взмокшее от подъема в гору и от теплеющего утреннего воздуха, внезапно побледнело и покрылось испариной.

— Что? — заботливо спросил запыхавшийся Марк. Он оперся руками в колени и уставился на графа, столь странно ставшего с ним сейчас одного роста.

У того на лице было растерянное, сосредоточенное выражение. — Думаю… мне лучше минуту отдохнуть.

— Мне подходит. — Марк тоже сел на ближайший валун. Граф не стал сразу продолжать разговор. Жуткое беспокойство стиснуло желудок Марка. *Что с ним не так? С ним ведь что-то не так. О черт…* Небо сделалось голубым и чистым, легкий ветерок

зашелестел в кронах деревьев и еще несколько золотистых листьев спланировало вниз. Холод, пробежавший по спине Марка, не имел никакого отношения к погоде.

— Это не прободение язвы, — произнес граф сдержанным, отвлеченным тоном. — У меня уже одно было, и это не так. — Он скрестил руки на груди. Дыхание его сделалось неглубоким и частым, и его ритм не восстановился после сидения, как у Марка.

Что-то очень нехорошее. Марк решил, что храбрый человек, старающийся не выглядеть испуганным, — самое устрашающее зрелище, какое он в жизни видел. Храбрый, но не глупый: например, граф не сделал вид, что все в порядке, и не принялся снова карабкаться вверх по тропе, чтобы это доказать.

— Вы плохо выглядите.

— Я плохо себя чувствую.

— А что чувствуете?

— Э-э… боюсь, боль в груди, — признался он в явном смущении. — По сути, больше чем боль. Очень… странное… ощущение. Возникло на очередном шаге.

— Это не может быть несварение желудка, а? — Как то, что сейчас бурлит, кислотой обжигая внутренности самого Марка?

— Боюсь, нет.

— Может, лучше вызвать помощь по вашему комм-линку? — неуверенно предложил Марк. Чертовски ясно, что *он* ничего не может сделать, если здесь, судя по виду, требуется срочная медицинская помощь. Граф рассмеялся с сухим хрипом. Звучало неутешительно. — Я его оставил.

— Что?! Черт, вы же премьер-министр, вам нельзя ходить без…

— Я хотел гарантировать, что этот личный разговор никто не прервет. Разнообразия ради. Что половина заместителей министра из Форбарр-Султаны не перебьет меня звонком с вопросом, куда они задевали свои папки с повесткой дня. Я привык… поступать так для Майлза. Порой, когда дела слишком поджимали. Все с ума сходили, но в конченом счете… они… смирились. — На последнем слове голос его сделался выше и резче. Он совсем сполз на спину, лег на каменистую почву, усыпанную палыми листьями. — Нет… так не лучше. — Он протянул руку, и Марк, сердце которого от ужаса тяжело колотилось, потянул его и снова усадил.

«Парализующий токсин… сердечный приступ… я должен остаться с вами наедине… и ждать на ваших глазах минут двадцать, пока вы не умрете.» Как он заставил это случиться? Черной магией? Может он все-таки *был* запрограммирован, и одна часть его сделала с другой то, о чем он понятия не имел, как при раздвоении личности? *Это я сделал? О черт…*

Граф выдавил мертвенно-бледную усмешку. — Брось этот перепуганный вид, мальчик, — прошептал он. — Просто отправляйся домой и пришли мою охрану. Это не так далеко. Обещаю, я никуда не уйду. — Хриплый смешок.

«Я не обращал внимания на маршрут, которым мы шли. Я просто шел за вами.»

Не сможет ли он нести?… Нет. Марк не был медиком, однако у него было четкое и ясное ощущение, что попытаться этого человека двигать — очень плохая мысль. При всех новых объемах Марка граф был куда его тяжелее. — Хорошо. — Здесь не должно быть много поворотов, где он может свернуть не туда, ведь так? — Вы… вы… — *«Не смей умирать у меня на руках, проклятье! Не сейчас!»*

Марк развернулся и потрусил, заскользил по склону, а затем просто побежал вниз по тропинке. Направо или налево? Налево, по двухколесной колее. Хотя где, ко всем чертям, они на нее свернули? Они пробирались сквозь какие-то кусты — кусты тут были повсюду, и сквозь них полдюжины проходов. Они прошли мимо одного из устроенных для лошадей барьеров. Вот он? Почти все они выглядели похоже. *Я заблужусь в этом чертовом лесу и буду бегать кругами… двадцать минут, пока у него не наступит смерть мозга и трупное окоченение, и… все они подумают, что я это сделал специально…* Он споткнулся, оттолкнулся ладонью от ствола, с трудом восстанавливая равновесие и направление

движения. Он ощущал себя бегущим за помощью псом из мелодрамы: когда он прибежит, то сумеет лишь лаять, скулить и валиться на спину, и никто не сможет его понять… Марк, задыхаясь, уцепился за дерево и оглянулся вокруг. Мху полагается расти у них с северной стороны, или это только на Земле? По большей части, деревья тут были земные. На Единении Джексона на южной стороне всего, включая дома, рос мерзкий скользкий лишайник, и приходилось его выцарапывать из дверных щелей… А! вот и ручей. Но шли они вверх или вниз по ручью? *Дурак, дурак, дурак.* В боку закололо. Он повернулся налево и побежал.

Аллилуйя! По дорожке впереди шагала высокая женская фигура. Елена направлялась обратно к конюшням. Он не только на правильном пути, он обнаружил помощь. Он попытался заорать. Вышло хриплое карканье, но ее внимание оно привлекло; она оглянулась через плечо, увидела Марка и остановилась. Он, шатаясь, двинулся в ней.

— Черт, что это с тобой стряслось? — Первоначальная холодность и раздражение Елены уступили место любопытству и зарождающейся тревоге.

— Графу… стало плохо…в лесу, — задыхаясь, выговорил Марк. — Можешь … привести сюда… его охранников?

Она с глубоким подозрением нахмурила брови. — Плохо? Как это? Еще час назад он был в полном порядке.

— *По-настоящему* плохо, черт, прошу тебя, поспеши!

— Что ты с … — начала было она, но его явное, осязаемое страдание побороло ее осторожность. — В конюшне есть комм-линк, это ближе всего. Где ты его оставил?

Марк махнул рукой куда-то назад. — Где-то там… не знаю, как вы это место называете. По пути к вашей площадке для пикников. Это понятнее? Или у этих чертовых СБшных охранников нет сканеров? — Он обнаружил, что чуть ли не топает ногами в досаде на ее медлительность. — У тебя ноги длиннее. Иди!

Она наконец поверила, и побежала, кинув на него через плечо горящий взгляд, который в буквальном смысле чуть не содрал с него кожу.

«Я этого не…» Он развернулся и быстро зашагал обратно туда, где оставил графа. Интересно, должен ли он вместо этого сбежать и скрыться? Если угнать флаер и вернуться в столицу, сможет ли он уговорить одно из тамошних галактических посольств предоставить ему политическое убежище? *Она думает, что я… они все подумают…* , черт, да он *сам* себе не верит, почему же ему должны верить барраярцы? Может, ему стоит не тянуть и покончить с собой прямо сейчас, в этом дурацком лесу? Но оружия у него не было, а в этой пересеченной местности нет ни одного достаточно высокого и крутого обрыва, чтобы броситься с него и гарантированно разбиться насмерть.

Сперва Марк подумал, что он снова свернул не туда. Разумеется, граф не мог встать и уйти… нет, вот и он, лежит на спине возле поваленного дерева. Он дышал короткими, затрудненными всхлипами со слишком длинными паузами между ними; руки его были стиснуты — явно от боли сильнее, чем он испытывал, когда Марк его оставил. Но он не умер. Пока не умер.

— Привет, мальчик, — тяжело выдохнул он.

— Елена ведет помощь, — с волнением пообещал Марк. Он огляделся и прислушался. *Пока их здесь нет.*

— Хорошо.

— Не… не пытайтесь разговаривать.

Это вызвало у графа короткий смешок, прозвучавший еще более жутко, чем его прерывистое дыхание. — Лишь Корделии… удавалось… заставить меня заткнуться. — Но после этого он замолк. Марк предусмотрительно оставил последнее слово за ним, чтобы тот не больше не заговаривал.

«Живи, черт побери. Не оставляй меня так.»

Знакомый звук рассекаемого воздуха заставил Марка поднять голову. Елена решила проблему транспортировки сквозь лес с помощью воздушного мотоцикла. СБшник в зеленой

форме сидел у нее за спиной, держась за талию. Она стремительно бросила мотоцикл вниз, сквозь тонкие, хрустнувшие ветки. Они хлестали ее по лицу, оставляя на коже алые полосы, но Елена не обращала внимания. СБшник спрыгнул, когда мотоцикл был еще в полуметре над землей. — Отойди, — рявкнул он на Марка, Ну, у него хоть аптечка с собой. — Что ты с ним сделал?

Марк попятился в сторону Елены. — Он врач?

— Нет, только медтехник, — Елена тоже задыхалась.

Медик поднял голову и доложил: — Это сердце, но я не знаю, что и почему. Врача премьер-министра сюда вызывать не надо, встретимся с ним в Хассадаре. Без промедления. Думаю, нам понадобится оборудование.

— Верно. — Елена отрывисто проговорила распоряжения в свой комм-линк.

Марк попытался помочь им устроить графа на воздушном мотоцикле, подхватив его между Еленой и санитаром. Медик ожег Марка взглядом: — Не прикасайся к нему!

Марк думал, что граф в полубессознательном состоянии, но тот открыл глаза и прошептал. — Эй. Парень в порядке, Джази. — Медик Джази сник. — Все н'рмально, Марк.

Черт, он же при смерти, а все еще думает о будущем. Старается очистить меня от подозрений.

— Аэрокар встретит нас на ближайшей просеке, — Елена показала вниз по склону. — Давай туда, если хочешь поехать с нами. — Мотоцикл медленно и осторожно поднялся в воздух.

Марк понял намек и во весь дух бросился вниз по склону, старательно не упуская из виду движущуюся над самыми деревьями тень. Она его опережала. Он рванулся быстрее, хватаясь на поворотах за стволы деревьев, и до двухколесной колеи добежал с ободранными до крови ладонями в тот самый момент, когда медик СБ, Елена и оруженосец Пим закончили укладывать графа Форкосигана на заднее сиденье в пассажирском отделении лоснящегося черного аэрокара. Марк ввалился в машину и сел рядом с Еленой на сиденье против хода движения, в тот же момент колпак закрылся и защелкнулся. Пим в переднем отделении взял управление, и они по спирали поднялись в воздух и рванули прочь. Медик сгорбился на полу возле своего пациента, занимаясь логичными процедурами: давая ему кислород и вводя из пневмошприца синергин, чтобы справиться с шоком.

Марк дышал еще с большим шумом, чем граф, так что поглощенный своим занятием санитар все же поднял на него хмурый, с медицинским интересом, взгляд. Но в отличие от графа Марк через какое-то время успокоил дыхание. Он вспотел, его всего трясло. В последний раз он чувствовал себя так плохо, когда бхарапутрянские охранники вели по нему смертельный огонь. *Разве аэрокар приспособлен, чтобы лететь так быстро?* Марк молился, чтобы в сопла двигателя не попало ничего крупнее мошки.

Несмотря на синергин, глаза графа затуманились от шока. Он нашарил пластиковую кислородную маску, оттолкнул медика, пытающегося обеспокоенно сдержать его руки, и спешно поманил Марка. Он так явно хотел что-то сказать, что это повредило бы ему меньше, чем попытка его от этого удержать. Марк упал на колени возле изголовья графа.

Граф шепнул Марку тоном величайшего доверия: — Все… истинное богатство… биологическое.

Медик дико уставился на Марка, ожидая от него перевода; тот мог лишь беспомощно пожать плечами. — Думаю, он отключается.

За время стремительной поездки граф попытался заговорить еще лишь раз; он вцепился пальцами в маску, оттянул и произнес: — Сплюнуть. — Медик поддержал его голову, но отхаркивание лишь временно очистило забитое горло.

«Последние слова великого человека», мрачно подумал Марк. *«Вся эта исполинская, ошеломляющая жизнь выродилась в конце в простое «сплюнуть». Конечно, биологическое.»* Он обхватил себя руками и сел, сжавшись в комок, на полу, с отсутствующим видом грызя костяшки пальцев.

Когда они прибыли на посадочную площадку хассадарского Окружного госпиталя,

туда мгновенно высыпала небольшая армия медперсонала, быстро увезшая графа прочь. Санитар и оруженосец умчались вместе с ними; Марка с Еленой отправили в приемный покой, где им пришлось ждать.

В какой-то момент туда заглянула женщина с органайзером в руках, спросившая Марка: — Вы ближайший родственник?

Марк открыл было рот и замер. Он действительно не мог ответить. Спасла его Елена, сказавшая: — Графиня Форкосиган летит из Форбарр-Султаны. Она будет здесь через буквально через пару минут. — Похоже, медсестру это удовлетворило, и она исчезла.

Елена оказалась права. Не прошло и десяти минут, как коридор огласился топотом сапог. Стремительно влетела графиня, по пятам которой маршировала пара оруженосцев в ливреях. Она пронеслась мимо, одарив Марка и Елену подбадривающей улыбкой, но через двустворчатые двери пройти не смогла. Какой-то случайный, неосведомленный врач по другую сторону двери попытался ее и вправду остановить: — Простите, мадам, никому из посетителей нельзя заходить за…

Ее голос перекрыл его слова:: — Хватит нести мне эту чушь, парень, я твоя *хозяйка* . — Его возражения завершились извиняющимся лепетом, стоило врачу увидеть мундиры оруженосцев и сделать соответствующие выводы; на словах «Вот сюда, миледи», голос его затих в отдалении.

— Она имеет в виду, — прокомментировала Елена происшедшее для Марка, чуть сардонически скривив губы, — что медицинское обеспечение в Округе Форкосиганов — один из ее любимых проектов. Половина персонала присягнула ей на службу в обмен на обучение.

Время тикало. Марк подошел к окну и уставился сквозь него на столицу Округа Форкосиганов. Хассадар был новым городом, наследником разрушенного Форкосиган-Вашного; почти все здешние здания были возведены после Периода Изоляции, а большей частью — в последние тридцать лет. Распланированный в соответствии с новейшими методами передвижения, нежели конные подводы, он распростерся вокруг в точности как любой город развитого галактического мира, его характерные башни-небоскребы сверкали на утреннем солнце. Все еще утро? А кажется, что с рассвета миновало столетие. Госпиталь был неотличим от скромного заведения подобного рода, скажем, на Эскобаре. Официальная графская резиденция была одним из полностью современных особняков в перечне форкосигановских владений. Графиня заявляла, что любит ее, хотя пользовались они ей лишь тогда, когда бывали в Хассадаре по делам Округа: скорее гостиница, чем дом. Любопытно.

Дело шло к полудню и тени хассадарских башен укоротились, прежде чем графиня вернулась за ними. Когда она вошла, Марк в страхе вгляделся в ее лицо. Шаги ее были медленными, глаза усталыми и напряженными, но губы не исказились от горя. Он понял, что граф еще жив, даже до того, как она заговорила.

Она обняла Елену и кивнула Марку. — Состояние Эйрела стабилизировалось. Его собираются переводить в Имперский Военный госпиталь в Форбарр-Султане. Сердце сильно повреждено. Наш врач говорит, что определенно показана трансплантация или механический протез.

— Где вы были рано утром? — спросил ее Марк.

— В штаб-квартире СБ. — «Логично». Она внимательно на него посмотрела. — Мы разделили нагрузку. Чтобы сидеть в шифровальной, где раскодируют приходящие по сжатому лучу послания, двое не нужны. Эйрел рассказал тебе новости, да? Он поклялся мне, что скажет.

— Да. Как раз перед тем, как ему стало плохо.

— Что вы делали?

Несколько лучше привычного «Что ты с ним сделал?». Запинаясь, Марк попытался описать сегодняшнее утро.

— Стресс, завтрак, пробежка вверх по холмам, — задумчиво подытожила графиня. —

Держу пари, шаг задавал он.

— Марш-бросок, — подтвердил Марк.

— Ха, — мрачно проговорила она.

— Это тромб? — спросила Елена. — Было похоже на то.

— Нет. Вот почему это застало меня врасплох. Я знаю, что артерии у него чистые — он специально принимает препараты, иначе его чудовищная диета убила бы его много лет назад. Эта аневризма аорты, внутри сердечной мышцы. Лопнул кровяной сосуд.

— Стресс, да? — переспросил Марк пересохшим ртом. — У него подскочило давление?

Она сощурила глаза. — Да, значительно, но сосуд был уже ослаблен. Это могло случиться вообще в любое ближайшее время.

— Сказали ли… что-нибудь еще в СБ? — робко спросил он. — Пока вы там были.

— Нет. — Она прошагала к окну и невидящим взглядом уставилась на паутину улиц и башни Хассадара. Марк последовал за ней. — То, что криокамеру нашли подобным образом… сильно пошатнуло наши надежды. Но по крайней мере подстегнуло наконец Эйрела в попытках наладить с тобой контакт. Ему удалось?

— Не… я не знаю. Он водил меня всюду, разное мне показывал. Он пытался. Пытался так сильно, что было больно смотреть. — И оставалось больно; комок боли застрял где-то возле его солнечного сплетения. Там, где пребывает душа — по чьей-то-там мифологии.

— Удалось, — выдохнула она.

Все это было слишком. Окно, безопасности ради, ударопрочное, но рука-то нет; это душа заставила его кулак сжаться, замахнуться и ударить.

Графиня стремительно перехватила его руку; попытка причинить себе вред не удалась, его кулак ударился в ее открытую ладонь и не попал по стеклу.

— Оставь это, — спокойно посоветовала она.

Глава 16

В комнате перед библиотекой висело на стене большое зеркало в резной раме ручной работы. Марк, нервничая, свернул в эту комнату, чтобы в последний раз оглядеть себя перед ним, прежде чем предстать на смотр графини.

Коричневый с серебром мундир младшего члена дома Форкосиганов мало скрывал форму его тела — ни старых диспропорций, ни новых, хотя, вытянувшись в струнку, Марк решил, что мундир придает ему некую грубоватую монолитность. К сожалению, стоило обмякнуть, и китель сделал то же самое. Сидел мундир в самый раз, что несло в себе угрозу: как восемь недель назад, когда его доставили, он был чуть великоват. Неужели какой-нибудь аналитик СБ просчитал, какой вес он наберет к сегодняшнему числу? С них станется.

Всего лишь восемь недель назад? У него было ощущение, что он заключен здесь целую вечность. Да, конечно, он в мягком заключении — как в старину, когда офицеру, давшему слово чести, позволялось ходить по крепости. Хотя с него слова никто не просил. Возможно, оно ничего не стоит. Он бросил рассматривать свое мерзкое отражение и устало потащился в библиотеку.

Графиня сидела на обитом шелком диване, аккуратно расправив свое длинное платье — высокий воротник, мягкое облако бежевого, покрытое сетью богатой медной и серебряной вышивки, перекликающейся с цветом ее забранных в косы на затылке волос. Ни пятнышка черного, серого или чего-то, говорящего о предчувствии траура; почти вызывающе элегантно. *У нас все в порядке* , словно говорил этот костюм, *и очень по-форкосигановски* .

Когда вошел Марк, они повернула голову, и сосредоточенный вид уступил место короткой, непринужденной улыбке. Он невольно улыбнулся в ответ.

— Хорошо выглядишь, — одобрила она.

— Вы тоже, — отозвался он и, поскольку это ему показалось слишком фамильярным,

добавил: — мэм.

При этом слове она чуть приподняла брови, но никак его не прокомментировала. Марк подошел к ближайшему креслу, но, слишком взвинченный, чтобы сидеть, лишь облокотился на спинку. Порыв отстукивать правой ногой какой-то ритм по мраморном полу он подавил. — И насколько, по вашему, мы их сегодня поразим? Ваших друзей-форов.

— Ну, ты несомненно поглотишь их внимание, — вздохнула она. — Можешь на это рассчитывать. — Взяв небольшой коричневый шелковый кошель с вышитым на нем серебряным форкосигановским вензелем, она протянула его Марку. Внутри завлекательно позвякивали тяжелые золотые монеты. — Когда ты, как представитель Эйрела, вручишь его Грегору на церемонии уплаты налогов нынче вечером, это послужит для всех официальным извещением, что мы объявляем тебя законным сыном и что ты с этом согласен. Шаг Один. Их последует еще много.

А в конце этого пути — графство? Марк совсем насупился.

— Что бы ты ни чувствовал, чем бы в конце концов ни завершился нынешний кризис — не позволяй им видеть, как ты трясешься, — посоветовала графиня. — Система форов всего лишь умозрительна. Убежденность заразна. Как и сомнение.

— Вы считаете систему форов иллюзией? — спросил Марк.

— Привыкла считать. Хотя теперь я назвала бы ее творением, которое, как и все живое, должно непрерывно воссоздаваться. Мне случалось видеть барраярскую систему неудобной, прекрасной, развращенной, дурацкой, благородной, раздражающей, безумной и поразительной. Большую часть времени она выполняет почти всю правительственную работу, что в среднем и делает любая система.

— Так… одобряете вы ее или нет? — озадаченно спросил он.

— Не уверена, что мое одобрение имеет значение. Империя похожа на огромную, обрывочную симфонию, которую сочиняет комитет. Уже триста лет. А исполняет ее компания музыкантов-любителей. Она обладает гигантской инерцией и по сути очень хрупка. Не то чтобы она стабильна или неизменна. Но может раздавить тебя, как слепой слон.

— Очень воодушевляющая мысль.

Она улыбнулась. — Сегодня вечером мы не бросим тебя в окружении совершенно незнакомых людей. Там будут Айвен и твоя тетя Элис, и молодые лорд и леди Фортала. И прочие, с кем ты уже встречался здесь за последние пару недель.

Плоды всех этих мучительных ужинов в узком кругу. Еще до болезни графа в особняк Форкосиганов был устроен парад избранных посетителей, с которыми знакомили Марка. Графиня Корделия в преддверии сегодняшнего вечера решительно продолжила этот процесс, невзирая на медицинский кризис, случившийся неделю назад.

— Я жду, что все будут по очереди выспрашивать нас о состоянии Эйрела, — добавила графиня.

— И что мне им говорить?

— Чистая правда всегда выигрышней. Эйрел в Имперском госпитале, ожидает, пока ему вырастят сердце для трансплантации. Пациент он очень трудный. Его терапевт попеременно грозится то привязать его к кровати, то подать в отставку, если Эйрел не будет себя хорошо вести. А во все медицинские подробности тебе вдаваться не надо.

Подробности, которые дали бы понять, как сильно пострадал премьер-министр. В самом деле. — А если меня спросят про Майлза?

— Рано или поздно… — она вздохнула. — Если СБ не найдет его тело, то рано или поздно надо будет официально объявить о его смерти. Пока Эйрел жив, я бы предпочла, чтобы поздно. Никто, кроме самых высоких чинов СБ, императора Грегора и нескольких должностных лиц в правительстве, не знает, что Майлз — не просто курьер СБ, офицер в скромном звании. Совершенно истинным утверждением будет «он отсутствует по делам службы». Большинство из тех, кто спросит тебя о нем, будет готово примириться с фактом, что СБ не сообщила тебе по секрету, куда и как надолго его отправила.

— Гален как-то говорил, — начал Марк и остановился.

Она спокойно на него поглядела. — Сегодня вечером Гален сильно занимает твои мысли?

— Отчасти, — признался Марк. — На это он меня тоже натаскивал. Мы прошли все основные церемониалы Империи, потому что он не знал наперед, в какое именно время года забросит меня сюда. День Рождения императора, парад Середины Лета, Зимнепраздник… все. Я не могу делать это и не думать о нем и о том, как сильно он ненавидел Империю.

— У него были свои причины.

— Он говорил… что адмирал Форкосиган — убийца.

Графиня вздохнула и откинулась на спинку дивана. — Да?

— А он убийца?

— У тебя была возможность понаблюдать за ним самому. Что думаешь ты?

— Миледи… я *сам* убийца. И не могу сказать.

Графиня прищурилась. — Верно подмечено. Ладно. Его военная карьера была долгой и сложной — и кровавой, — и стала предметом общедоступных сочинений в архивах. Но я думаю, что Гален в основном сосредоточился на Солстайнской Бойне, когда была убита его сестра Ребекка.

Марк молча кивнул.

— Это политофицер барраярского экспедиционного корпуса, а не Эйрел, отдал приказ об этом варварстве. Эйрел казнил его за это собственными руками, когда узнал. К несчастью, безо всякой формальности военного трибунала. Так что он избавлен от обвинения в одном, но не в другом. Да. Он убийца.

— Гален говорил, что этим он скрывал улики. Что был устный приказ, и лишь тот политофицер знал о нем.

— Так откуда мог о нем узнать Гален? Эйрел говорил иначе. Я верю ему.

— Гален говорил, что он палач.

— Нет, — категорически опровергла графиня. — *Палачами* были Гес Форратьер и принц Серг. Теперь эта порода вымерла. — Она слегка иронично, не разжимая губ, улыбнулась.

— Сумасшедший.

— По бетанским меркам ни один из барраярцев не нормален. — Она глянула на него, забавляясь. — Даже мы с тобой.

Особенно я . Он набрался решимости: — Мужеложец.

Она склонила голову. — Это для тебя имеет значение?

— Это… сильно отразилось на том, как именно Гален меня обрабатывал.

— Я знаю.

— Вы? Проклятье… — Он что для этих людей, совсем прозрачен? Виртуальная мелодрама ради их развлечения? Хотя не похоже, чтобы графиня развлекалась. — Доклады СБ, сомнений нет, — горько подытожил он.

— Они допросили под фаст-пентой одного из оставшихся в живых подручных Галена. Его имя Ларс, если тебе это что-то говорит.

— Говорит. — Он скрипнул зубами. Нет шанса сохранить человеческое достоинство — ему ни кусочка не оставили.

— Если отвлечься от Галена, имеет ли личная ориентация Эйрела значение? Для тебя?

— Не знаю. Но правда — имеет.

— Так и есть. Ну, по правде… я считаю его бисексуалом, но подсознательно мужчины его привлекают больше. Или скорее — солдаты, а не мужчины как вообще, как я думаю. Я, по барраярским стандартам, скорее жуткий, э-э, сорванец, и это стало решением его дилеммы. Когда он впервые меня встретил, на мне был мундир и это было во время неприятной вооруженной стычки. Он подумал, что влюбился с первого взгляда. Я так и не стала тревожить его объяснением, что это сработали его установки. — Губы графини сложились в улыбку.

— А почему нет? Или это ваши установки сработали?

— Нет, мне потребовалось, хм, еще четыре или пять дней, чтобы совершенно расклеиться. Ну, уж три — во всяком случае. — Глаза ее загорелись воспоминанием. — Жаль, что ты не видел его тогда, в сорок с небольшим. На пике формы.

Марку уже случилось подслушать, как графиня проводит словесное препарирование его самого, вот в этой библиотеке. Что-то странно успокаивающее было в знании, что ее скальпель не предназначен персонально для него. *«Не только меня. Она делает это с каждым. Вот черт.»*

— Вы… очень откровенны, мэм. А что об этом думал Майлз?

Она задумчиво сдвинула брови. — Он никогда меня не спрашивал. Возможно, этот несчастливый период юности Эйрела дошел до ушей Майлза в виде клеветы, сфальсифицированной его политическими противниками, и он не поверил и не придал значения.

— А почему вы рассказываете мне?

— Ты спросил. Ты взрослый человек. И… тебе гораздо важнее знать. Из-за Галена. Если между тобой и Эйрелом когда-нибудь наладятся нормальные отношения, ты должен видеть его ни ложно возвышенным, ни ложно приниженным. Эйрел — великий человек. Это говорю я, бетанка; но я не путаю величие с совершенством. Стать великим несмотря ни на что — это… величайший подвиг. — Она криво ему улыбнулась. — Это дает тебе надежду, а?

— Ха. Перекрывает мне путь к отступлению, вы это имеете в виду. Или надо понимать: не важно, насколько я напортачил, вы по-прежнему ждете от меня чудес? — *Жуть*.

Она обдумала услышанное. — Да, — ответила она безмятежно. — По сути, поскольку никто не совершенен, отсюда следует, что все великие деяния выросли из несовершенства. Однако сами они — совершенны, каким-то образом.

«Не только от *отца* Майлз такой чокнутый», решил Марк. — Я что-то ни разу не слышал, чтобы вы анализировали себя саму, мэм, — кисло пожаловался он. Да, и кто же бреет брадобрея?

— Я? — Она безрадостно улыбнулась. — Я глупа, мальчик.

Она ушла от ответа. Или ответила? — От любви? — легкомысленным тоном переспросил он в попытке избежать внезапной неловкости, которую породил этот вопрос.

— И многого другого. — В глазах ее был зимний холод.

* * *

Влажный, туманный сумрак плащом окутал город, когда графиня с Марком поехали в императорский дворец. Лимузин вел впечатляюще экипированный и неимоверно аккуратный Пим. Еще полдюжины графских оруженосцев сопровождали их в другой машине — скорее почетный караул, чем телохранители, как понял Марк; похоже, они с нетерпением предвкушали празднество. В ответ на какие-то его слова графиня сказала: — Да, у них на одну свободную ночь больше, чем обычно. Дворец будет полностью под контролем СБ. На таких приемах слуги составляют еще одно избранное общество — и бывали известны случаи, когда ловкий оруженосец попадался на глаза какой-нибудь из младших форских девиц и поднимался с помощью женитьбы на ступеньку выше, если у него был неплохой послужной список.

Они прибыли к подъезду императорской громады, с архитектурной точки зрения напоминавшей особняк Форкосиганов, но помноженный на восемь. И поспешили уйти из липкого тумана в теплое, искрящееся огнями помещение. Графиня строго по этикету оперлась на левую руку Марка; это было одновременно тревожно и успокаивающе. Кто он, ее сопровождающий или довесок к ней? Как бы то ни было, он втянул живот и распрямил спину как только мог.

Марк вздрогнул, когда первой же персоной, встреченной ими в вестибюле, оказался

Саймон Иллиан. Шеф безопасности был одет по такому случаю в парадный красно-синий мундир, делающий не такой уж неприметной его сухощавую фигуру — хотя, возможно, вокруг было достаточно народу в красно-синем, чтобы он мог смешаться с толпой. Хотя у Иллиана на поясе висело смертоносное оружие — плазмотрон и нейробластер в потрепанных кобурах, а не пара затупленных дуэльных клинков, как у офицеров-форов. В правом его ухе поблескивал крупный наушник.

— Миледи, — Иллиан склонил голову и отвел их в сторону. — Вы видели его сегодня днем, — понизив голос, спросил он у графини — как он?

В этом контексте не было необходимости уточнять, кто такой «он». Графиня оглянулась вокруг — убедиться, что случайных прохожих нет в пределах слышимости. — Нехорошо, Саймон. Цвет лица плохой, сильные отеки, сознание у него то и дело плывет, а это пугает меня больше всего остального. Хирург хотел избавить его от двойного стресса и обойтись без установки механического сердца на то время, пока они доращивают органическое до нужных для пересадки размеров, но, возможно, ждать они не смогут. Ему может потребоваться операция в любой момент.

— Стоит мне повидаться с ними или нет, как вы считаете?

— Нет. В ту же минуту, как ты войдешь в дверь, он сядет и попытается заняться делами. И стресс от попытки не пойдет ни в какое сравнение со стрессом от неудачи. Это его жутко растревожит. — Она помолчала. — Исключая вариант, если ты заглянешь на минутку передать, скажем, немного добрых вестей.

Иллиан расстроено покачал головой. — Простите.

Поскольку в наступившей паузе графиня не заговорила немедля, Марк осмелился произнести: — Я думал, вы на Комарре, сэр.

— Я должен был на это время вернуться. Ужин в честь Дня Рождения императора — для СБ это кошмар года. Одна бомба способна уничтожить практически все правительство целиком. Как вам известно. Я был в пути, когда меня настигла новость о… нездоровье Эйрела. Если бы можно было заставить быстрейший из моих курьеров лететь скорее, я бы выбрался наружу и толкал его.

— Так… что происходит на Комарре? Кто руководит, гм, поисками?

— Мой доверенный подчиненный. Теперь, когда, похоже, мы, ищем лишь тело… — Иллиан поглядел на графиню и осекся. Она горестно нахмурилась.

Поиски перестали быть первоочередным делом. Марк взбудораженно выдохнул. — Сколько ваших агентов ведет поиск на Единении Джексона?

— Столько, сколько мы можем выделить. Новый кризис, — движением подбородка Иллиан обозначил опасное нездоровье графа Форкосигана, — напряг все мои ресурсы. У вас есть хоть какое-то представление, сколько нездорового оживления вызовет состояние премьер-министра на одной только Цетаганде?

— Так сколько? — Голос его был резок и слишком громок, но графиня, по крайней мере, не шелохнулась, чтобы его утихомирить. Она смотрела с хладнокровным интересом.

— Лорд Марк, вы пока не в том положении, чтобы желать и требовать ревизии наиболее секретной диспозиции сотрудников СБ!

Пока? Конечно же, никогда. — Только просить, сэр. Но вы не можете притворяться, будто эта операция меня не касается.

Иллиан кивнул ему — уклончиво, неопределенно. На мгновение он с сосредоточенным видом коснулся наушника, а затем прощально откозырял графине: — Прошу извинить меня, миледи.

— Развлекайся.

— Вы тоже. — Его гримаса была столь же иронична, как ее улыбка.

Марк повел графиню вверх по широкой лестнице, и они оказались в длинной зале, с зеркалами по одной стене и высокими окнами — по другой. Мажордом, стоящий у распахнутых дверей, звучным голосом объявил их титулы и имена.

Первым впечатлением Марка были безликие, угрожающие, расплывшиеся,

разноцветные формы, будто сад с хищными цветами. Радуга мундиров форских домов, густо разбавленная красно-синей дворцовой формой, практически затмевала великолепные платья дам. Большинство народу собиралось группками, переходя от одной к другой, болтая; некоторые сидели на изящных креслах вдоль стен, образуя свой собственный маленький двор. Между ними плавно сновали слуги, предлагая на подносах еду и напитки. Все эти великолепно физически развитые молодые люди в форме дворцового персонала были, разумеется, людьми СБ. А непреклонного вида мужчины постарше в ливрее Форбарра, стоявшие у дверей, — личными оруженосцами императора.

Лишь паранойя заставила Марка подумать, будто при их появлении все лица в зале повернулись к нему и волна тишины прокатилась по толпе; однако несколько голов повернулось, и несколько разговоров в непосредственной близости замолкло. Один из них вели Айвен Форпатрил и его мать, леди Элис Форпатрил; та немедля поманила графиню Форкосиган к ним.

— Корделия, милочка. — Леди Форпатрил озабоченно улыбнулась. — Ты должна ввести меня в курс дела. Люди же спрашивают.

— Да, ладно, процедуру ты знаешь, — вздохнула графиня.

Леди Форпатрил с кислым видом кивнула. Потом повернулась и обратилась к Айвену, явно продолжая беседу, прерванную появлением Форкосиганов: — Потрудись сегодня вечером быть полюбезнее с девочкой Форсуассонов, если представится случай. Это младшая сестра Виолетты Форсуассон, может, она тебе больше понравится. И Кассия Форгорофф здесь. Она впервые на Дне Рождения императора. И Ирен Форташпула, протанцуй с ней по крайней мере один танец, попозже. Я обещала ее матери. Айвен, сегодня вечером здесь столько подходящих девушек. Если бы ты только приложил немножко усилий… — Женщины взялись за руки и отступили на шаг, эффективно выключая Марка с Айвеном из своей приватной беседы. Строгий кивок графини Форкосиган дал Айвену понять, что он снова заступает на пост. Вспомнив прошлый раз, Марк подумал, что предпочел бы более могучую светскую опеку графини.

— О чем это они? — спросил Марк. Мимо шествовал слуга с подносом напитков; следуя примеру Айвена, Марк тоже взял себе бокал. Это оказалось сухое белое вино с цитрусовым ароматом, довольно приятное.

— Ежегодная ярмарка скота, — поморщился Айвен. — Сюда и на бал в Зимнепраздник выставляют на обозрение всех телок из высшего форства.

Об этом аспекте церемонии в День Рождения императора Гален ни разу не упоминал. Марк отпил глоток побольше. Он стал сильнее проклинать Галена за то, о чем он умолчал, нежели за то, чему и как он заставлял Марка учиться. — Они же на меня и не оглянутся, верно?

— Учитывая, каких жаб они порой целуют, почему бы и нет? — пожал плечами Айвен.

Ну, спасибо, Айвен . Рядом с блистательным, высоким Айвеном в красно-синем он действительно напоминал скорее толстую и приземистую коричневую жабу. И, разумеется, чувствовал себя так же. — Я вне игры, — заявил он твердо.

— Пари я бы держать не стал. Есть только шестьдесят графских наследников, а дочерей на выданье куда больше. Кажется, сотни. Как только станет известно, что случилось с беднягой Майлзом, произойти может все что угодно.

— Ты хочешь сказать… мне не будет необходимости гоняться за женщинами? Я буду просто стоять на месте, а они подойдут ко мне? — Или, во всяком случае, к его имени, положению и деньгам. Эта мысль наполнила его каким-то мрачным весельем, если такое сочетание слов возможно. Пусть тебя лучше любят за твое положение, чем не любят вовсе; гордым идиотам, провозглашающим обратное, никогда не случалось так смертельно изголодаться по человеческому прикосновению, как ему.

— Похоже, для Майлза этот способ работал, — заметил Айвен с необъяснимой ноткой зависти в голосе. — Но мне так ни разу не удалось заставить его воспользоваться этим преимуществом. Разумеется, он не выносит отказов. «Пробуй снова», вот мой девиз, а он

просто терял всякую надежду и забивался в свою раковину на много дней. Он не любитель приключений. А, может, просто не жаден. Он был склонен останавливаться на первой же надежной женщине, до которой добирался. Сперва Елена, а потом, когда с ней сорвалось, — Куинн. Хотя, кажется, я могу понять, отчего он остановился на Куинн. — Айвен залпом опрокинул в себя оставшееся вино, и заменил бокал полным с проносимого мимо подноса.

Адмирал Нейсмит, напомнил себе Марк, — был *альтернативной* личностью Майлза. Весьма вероятно, что Айвен знает о своем кузене не все.

— Ах ты, черт, — заметил Айвен, глядя поверх ободка бокала. — Вот к нам нацеливают одну из мамочкиного списка.

— Так ты охотишься за женщинами или как? — спросил запутавшийся Марк.

— Здесь для этого не место. «Смотреть можно, трогать нельзя.» Шансов нет.

Марк догадался, что в этом контексте под шансами Айвен имеет в виду секс. Как многие отсталые культуры, все еще зависящие от биологического воспроизводства вместо маточных репликаторов, барраярцы подразделяли секс на две категории: законный, в рамках формального контракта, когда ты был обязан признать любое получившееся в результате потомство, и незаконный, или все остальное. Марк еще больше просветлел. Значит, это мероприятие проходит в зоне сексуальной безопасности? Никакого напряжения, никакого страха?

К ним приближалась молодая женщина, которую высмотрел Айвен. На ней было длинное, мягкое, пастельно-зеленого оттенка платье. Темно-русые волосы уложены в косы и локоны, в которые вплетены живые цветы.

— А что с ней не так? — прошептал Марк.

— Ты что, шутишь? — негромко отозвался Айвен. — Кассия Форгорофф, это дитя, козявочка с лошадиным лицом и фигурой, как доска? — Он замолк, как только она оказалась в пределах слышимости, и вежливо ей кивнул. — Привет, Касс. — В его голосе почти не слышалась смертельная скука.

— Здравствуйте, лорд Айвен, — затаив дыхание, проговорила она и мечтательно ему улыбнулась. Верно, лицо у нее было чуточку длинным, а фигура худощавой, но Марк решил, что Айвен слишком уж привередлив. У нее гладкая кожа, прелестные глаза. Хотя прелестные глаза здесь были у всех женщин — дело в косметике. И пьянящих духах. Ей должно быть не больше восемнадцати. Робкая улыбка доводила его чуть ли не до слез, так бессмысленно дарила она ее Айвену. *Никто и никогда не глядел на меня так. Айвен, ты свинья неблагодарная!*

— Вы как, ждете танцев? — спросила она у Айвена, явно обнадеженная.

— Не особо, — пожал тот плечами. — Каждый год одно и то же.

Она увяла. Марк был готов поклясться, что это ее первый здешний бал. Будь рядом ступеньки, Марк испытал бы искушение спустить с них Айвена пинком. Он откашлялся. Взгляд Айвена упал на него и озарился вдохновением.

— Касси, — промурлыкал Айвен, — ты еще не знакома с моим кузеном, лордом Марком Форкосиганом?

Похоже, она только что его заметила. Марк для пробы улыбнулся ей. Она в ответ с сомнением на него поглядела. — Нет… я слышала… я не думала, что он выглядит точно как Майлз.

— Нет, — ответил Марк. — Я не Майлз. Как поживаете, леди Кассия?

Запоздало исправившись и вспомнив о хороших манерах, она отозвалась: — Как поживаете, гм, лорд Марк? — Быстрый, нервный кивок заставил цветы в ее прическе задрожать.

— Почему бы вам двоим не познакомиться? Прошу прощения, я должен повидать одного человека… — Айвен махнул рукой своему коллеге в красно-синем на том конце комнаты и ускользнул прочь.

— А вы ждете танцев? — сделал попытку Марк. Он до этого был так сосредоточен на запоминании всех официальных моментов церемонии уплаты налогов и ужина, не говоря уж

о перечне «кто есть кто» из приблизительно трех сотен длинных имен, начинавшихся с «Фор», что едва задумался хоть раз о предстоящих танцах.

— Гм… некоторых, — ее взгляд неохотно расстался с успешно сбежавшим Айвеном, скользнул по Марку и поспешно ушел в сторону.

Он едва удержался, чтобы не выпалить: «Вы тут часто бываете?» Что же сказать? «Как вам нравится Барраяр?» Нет, это не пойдет. «Что за чудный нынче вечером на улице туман». Да, и в голове тоже. *Подскажи мне, девочка! Произнеси хоть что-нибудь!*

— А вы правда *клон* ?

Все, что угодно, только не это! — Да.

— Ой. Бог мой.

Снова молчание.

— Многие люди — клоны, — заметил он.

— Но не здесь.

— Правда.

— Гм… а-а! — Лицо ее расплылось от облегчения. — Прошу прощения, лорд Марк. Я вижу, меня мама зовет. — Откупившись судорожной улыбкой, она развернулась и поспешила к фор-матроне на другой стороне зала. Марк что-то не заметил, чтобы та подавала ей знак.

Он вздохнул. Вот и вся многообещающая теория о неодолимой привлекательности общественного положения. Леди Кассия явно не мечтает поцеловать жабу. «Будь я на месте Айвена, я бы на руках прошелся ради девушки, что так на меня смотрит.»

— Ты выглядишь задумчивым, — заметила рядом с ним графиня Форкосиган. Он подпрыгнул на месте.

— О, здравствуйте еще раз. Да. Айвен только что представил меня вон той девушке. Как я понял, это не его подружка.

— Да, я наблюдала за этим маленьким спектаклем из-за плеча Элис Форпатрил. Милосердия ради я встала так, чтобы она была обращена к вам спиной.

— Я… не понимаю Айвена. Мне она показалась достаточно милой девушкой.

Графиня Форкосиган улыбнулась. — Все они милые девушки. Дело не в этом.

— А в чем?

— Ты не понимаешь? Ну, может тебе стоило дать больше времени на наблюдения. Элис Форпатрил — воистину любящая мать, но она просто не может преодолеть соблазн понемногу устраивать будущее Айвена. А Айвен слишком благодушен, или слишком ленив, чтобы сопротивляться в открытую. Так что он делает все, о чем она его просит — за исключением единственного, чего она жаждет сильнее всего прочего вместе взятого: чтобы он женился и подарил ей внуков. Я думаю, это неверная стратегия. Если бы он правду хотел отвести огонь от себя, то внуки полностью бы отвлекли внимание бедной Элис. А пока что у нее сердце уходит в пятки всякий раз, стоит ему сесть за руль.

— Могу ее понять, — согласился Марк.

— Временами я бы просто отшлепала его за такую игру, не будь я уверена в том, что он делает это бессознательно. И в любом случае на три четверти это вина Элис.

Марк поглядел, как леди Форпатрил настигла Айвена на другой стороне зала. «Боюсь, проверяет, как за этот вечер продвинулись дела по списку.» — Похоже, вы сами способны занимать разумную и сдержанную материнскую позицию, — безучастно заметил он.

— Возможно… это оказалось ошибкой, — пробормотала она.

Он поднял взгляд и моментально спасовал перед заставшим его врасплох смертельным отчаянием в глазах графини. «Высказался. О черт.»

Выражение это исчезло так мгновенно, что он даже не посмел извиниться.

— Не совсем сдержанную, — произнесла она беспечно, вновь беря его под руку. Пойдем, я покажу тебе, как налаживаются связи по-барраярски. Как ты только что видел, на повестке сегодняшнего вечера два вопроса, — любезно начала она лекцию. — Политический, дело стариков, — это с каждым годом обновляющийся подвид форов, — и

генетический, дело старух. Мужчины воображают, что их дела — единственные, но это лишь эгоистический самообман. Вся система форов в своей глубине основана на женских играх. Старики из правительственных комиссий тратят жизнь на споры и интриги по поводу финансирования того или иного фрагмента инопланетной военной технологии. Между тем, маточный репликатор просочился сюда мимо их заслонов, и они даже не осознают, что прямо сейчас между их женами и дочерьми идет спор о вещи, которая коренным образом изменит будущее Барраяра. Пользоваться репликатором или нет? Слишком поздно не пускать его, он уже здесь. Средний класс толпой выбирает вариант «за». Всякая любящая мать настаивает на репликаторе, чтобы избавить свою дочь от физической опасности естественного деторождения. И сражаются они не со стариками, до которых намеки просто не доходит, а со старой гвардией своих же сестер, по сути говорящих дочерям: «Мы страдали, так пострадайте и вы!» Оглянись вокруг нынче вечером, Марк. Ты видишь последнее поколение мужчин и женщин, отплясывающее этот танец на старый манер. Система форов вот-вот изменится с самой глухой своей стороны, с той, что обращена — или закрывает глаза — на самые ее основы. Еще полпоколения, и форство не поймет, что же его подкосило.

Марк был почти готов поклясться, что ее спокойный, повествующий об абстрактных вещах голос скрывал по-первобытному мстительное удовольствие. Но выражение ее лица оставалось столь же бесстрастным, как и всегда.

К ним приблизился молодой человек в капитанском мундире и, склонив голову, приветствовал одновременно Марка и графиню. — Главный церемониймейстер настоятельно просит вашего присутствия, милорд, — тихо проговорил он. И эта фраза тоже словно повисла в воздухе где-то меж ними. — Сюда, прошу вас.

Они последовали за ним прочь из длинной залы для приемов и вверх по украшенной витиеватой резьбой лестнице из белого мрамора, по коридору, и затем в вестибюль, где уже выстроилось полдюжины графов или их официальных представителей. За широким сводчатым проходом в главной комнате был виден Грегор, которого обступила небольшая группка людей: по большей части в красно-синем, но трое — в темных министерских мантиях.

Император сидел на простом складном табурете, даже не на стуле. — А я почему-то ожидал увидеть трон, — прошептал Марк графине.

— Это символ, — шепнула она в ответ. — И как большинство символов, наследственный. Это стандартный офицерский походный табурет.

— Хм. — Тут ему пришлось распрощаться с графиней, так как распорядитель церемоний повел его на назначенное место в строю. Место Форкосиганов. *«Вот оно».* Он пережил мгновение жуткой паники, подумав, что каким-то образом оставил или обронил по дороге кошель с золотом, но тот по-прежнему был надежно привязан к петле кителя. Вспотевшими пальцами он развязал шелковый шнурок. *«Это просто дурацкая небольшая церемония. С чего мне сейчас нервничать?»*

Повернуться, пройти вперед — его сосредоточенность чуть было не разбилась вдребезги при чьем-то шепоте в вестибюле у него за спиной «Боже, Форкосиганы и вправду так поступили…» — еще шаг, отдать честь, преклонить левое колено; правой рукой он должным образом протянул кошель на раскрытой ладони и, запинаясь, выговорил официальные слова. Взгляды ожидающих свидетелей буравили ему спину, словно лучи плазмотрона. Лишь потом он поднял глаза и встретил взгляд императора.

Грегор улыбнулся, взял кошель и произнес столь же официальную формулу принятия дара. Он передал кошель в сторону, в руки министра финансов в черной бархатной мантии, но затем взмахом руки сделал тому знак отойти.

— Итак, в конце концов вы здесь… лорд Форкосиган, — тихо проговорил Грегор.

— Всего лишь лорд Марк, — поспешно взмолился Марк. — Я не лорд Форкосиган, пока Майлз не… не… — ему на ум пришла обжигающая фраза графини, — пока он не умер и не *истлел* . Все это ничего не значит. Так хотели граф с графиней. По-моему, сейчас

неподходящее время им мешать.

— Это так. — Грегор печально улыбнулся. — Благодарю вас за это. Как ваши дела?

Грегор был первым человеком, спрашивающим его о нем самом, а не о графе. Марк заморгал. Но вообще-то Грегор может получать полный медицинский бюллетень о состоянии своего премьер-министра ежечасно, если пожелает. — Полагаю, в порядке, — пожал он плечами. — В сравнении с остальными, во всяком случае.

— М-м, — проговорил Грегор. — Вы не воспользовались вашей комм-картой. — В ответ на смущенный взгляд Марка он мягко добавил: — Я дал ее вам не как сувенир.

— Я… не оказал вам никаких услуг, которые позволили бы мне вас беспокоить, сир.

— У вашей семьи в Империи почти неисчерпаемый кредитный счет. Знаете, вы можете им воспользоваться.

— Я не просил ни о чем.

— Знаю. Благородно, но глупо. Может, вы еще тут у нас приживетесь.

— Не хочу одолжений.

— Множество новых предприятий начинаются с заемного капитала. Его выплачивают потом, и с процентами.

— Я раз попробовал, — сказал Марк горько. — Я позаимствовал дендарийских наемников и обанкротился.

— Хм. — Улыбка искривила губы Грегора. Он поглядел поверх головы Марка на толчею, явно образовавшую пробку в вестибюле. — Мы еще поговорим. Желаю приятного ужина. — Кивок превратился в официальное императорское позволение удалиться.

Марк с трудом поднялся на ноги, должным образом отсалютовал и ретировался к ожидавшей его графине.

Глава 17

По завершении долгой и скучной церемонии уплаты налогов дворцовая прислуга накрыла банкет на тысячу персон, распределив гостей в соответствии их рангам по семи залам. Марк обнаружил, что ужинает за столом сразу ниже стола самого Грегора. Вино и искусно приготовленные яства давали ему предлог не вести разговоров с соседями. Он жевал и потягивал вино как можно медленнее и все же ухитрился под конец неудобным образом переесть и напиться до того, что его повело от алкоголя. Лишь тогда он заметил, что графиня с каждым тостом просто обмакивает губы. Он взял на вооружение ее стратегию. Жаль, что он не заметил этого раньше, но по крайней мере после ужина он был в состоянии идти, а не выползти из-под стола, лишь комната слегка кружилась.

Могло быть и хуже. Я бы мог пройти сквозь то же самое, делая вид, что я — Майлз Форкосиган.

Графиня отвела его в бальный зал с инкрустированным паркетом, уже освобожденный для танцев, хотя танцевать еще никто не начал. Оркестр из живых исполнителей, одетых в мундиры Имперской Службы, расположился в углу залы. В этот момент лишь полдесятка музыкантов исполняли какую-то камерную прелюдию. Высокие двери с одной стороны залы были открыты холодному ночному воздуху галереи. Марк отметил их на предмет будущего бегства. Каким невыразимым облегчением было бы остаться сейчас в темноте, одному! Он даже снова заскучал по своей каюте на борту «Сапсана».

— Вы танцуете? — спросил он у графини.

— Сегодня вечером — только один танец.

Объяснение сказанному последовало вскоре, когда император Грегор появился в зале и со своей всегдашней серьезной улыбкой вывел графиню Форкосиган, открывая бал. Когда мелодия повторилась, к ним присоединились и другие пары. Форские танцы, похоже, были медленными и официальными, пары скорее располагались сложными группами, а не каждая сама по себе, и в танце было слишком много точных па, чтобы их запомнить. Марк нашел этот образ действия слегка аллегоричным.

Лишившись своей спутницы и защитницы, Марк побрел в боковую комнату, где громкость музыки приглушилась просто до звукового фона. На столах для фуршета, выстроившихся вдоль одной из стен, было накрыто еще больше напитков и закусок. На мгновение он жадно задумался о привлекательности алкогольной анестезии. Туманное забвение… *Ну да, конечно. Напиться на людях, чтобы его потом, без сомнения, на людях же стошнило.* Как раз то, что нужно графине. Он и так был на полпути к этому.

Вместо этого он отступил в оконную нишу. Его угрюмого вида хватало, чтобы заявить на нее права в пику всем подходящим. Марк прислонился к стене в тени, скрестил руки на груди и мрачно настроился потерпеть. Может, он сумеет уговорить графиню забрать его домой пораньше, после этого единственного танца. Но, похоже, она собирается обработать множество людей. Она выглядела расслабленной, общительной, жизнерадостной, но при всем этом он нынче вечером не слышал от нее ни единого слова, которое не служило бы какой-то цели. Такой огромный самоконтроль при столь сильной скрытой напряженности был почти тревожным.

Мрачное настроение сделалось еще мрачнее, стоило ему задуматься о том, что же означает пустая криокамера. *СБ не вездесуща* , сказала как-то графиня. Проклятье… предполагается, что СБ видит все. Вот что подразумевают зловещие серебряные Глаза Гора на воротнике Иллиана. Или репутация СБ — лишь плод пропаганды?

Одно определенно. *Сам по себе* Майлз из криокамеры не выбрался. Разлагается он, дезинтегрирован или по-прежнему заморожен, где-то должен существовать свидетель или свидетели. Нить, зацепка, связь, тропинка из чертовых хлебных крошек, хоть что-то. *Думаю, если не окажется ничего, я умру* . Что-то должно быть.

— Лорд Марк? — раздался жизнерадостный голос.

Невидяще созерцавший свои ботинки Марк поднял взгляд и обнаружил прямо перед своим лицом восхитительное декольте в обрамлении малиновой кисеи и белой кружевной оборки. Изящная линия ключиц, плавно вздымающиеся формы и кожа цвета слоновой кости образовывали почти абстрактную скульптуру, причудливый топологический пейзаж. Он представил, как, уменьшенный до размеров муравья, босиком путешествует по этим холмам и долинам…

— Лорд Марк?… — неуверенно повторила она.

Он задрал голову, надеясь, что полумрак скроет краску смущения на его щеках, и сумел, как требует вежливость, посмотреть ей в глаза. *Ничего не могу сделать, это все мой рост. Простите.* Ее лицо было такой же утехой для взора: ярко-синие глаза, изгиб губ. Короткие, свободные пепельно-русые кудряшки обрамляли лицо. И как это было, видимо, принято у молодых женщин, в волосы она вплела крошечные розовые цветы, пожертвовавшие свои краткие растительные жизни на ее недолгое великолепие нынче вечером. Однако волосы были слишком коротки, чтобы цветы прочно держались, и несколько штук уже были вот-вот готовы упасть.

— Да? — Это прозвучало слишком отрывисто. Грубо. Он сделал еще одну попытку, более ободряюще: — Леди?…

— А-а, — она улыбнулась. — Я вовсе не леди. Я Карин Куделка.

Он наморщил лоб. — Коммодор Клемент Куделка — ваш родственник? Имя с самого верха списка старших штабных офицеров Эйрела Форкосигана. Список Галена: перечень дополнительных убийств, если представится случай.

— Мой отец, — гордо ответила она.

— Э-э… он здесь? — нервно спросил Марк.

Улыбка исчезла, сменившись кратким вздохом. — Нет. Ему пришлось сегодня вечером отправиться в Генштаб, буквально в последнюю минуту.

— А. — Подсчет человек, которые должны было бы быть здесь нынче вечером, но не пришли из-за состояния здоровья премьер-министра, раскрыл бы многое. Будь Марк действительно вражеским агентом, на роль которого он был натаскан в прежней жизни, это бы стало для него быстрейшим способом выяснить реальные ключевые фигуры в окружении

Эйрела Форкосигана, что бы не говорили должностные списки.

— А вы на самом деле выглядите совсем не как Майлз, — произнесла она, критическим взором его изучая, — он напрягся, но потом решил, что урчание в животе может привлечь лишь больше внимания. — У вас кости тяжелее. Было бы здорово посмотреть на вас вместе. Он скоро вернется?

«Она не знает», с каким-то ужасом сообразил он. *«Не знает, что Майлз мертв, что я его убил.»* — Нет, — пробормотал он. И затем из мазохизма добавил: — А вы тоже в него влюблены?

— Я? — Она рассмеялась. — Шансов у меня нет. У меня три старшие сестры, и *все* три выше меня. Они зовут меня карлицей.

Его макушка не доставала ей до плеча, это значило, что она среднего для барраярки роста. А сестры у нее должны быть просто валькириями. Как раз в стиле Майлза. Аромат ее цветов — или кожи — укачивал его на легких, нежных волнах.

Агония отчаяния поднялась от желудка до макушки. *Это могло быть моим. Если бы я все не испортил, это сейчас могло быть моим.* Она дружелюбна, открыта, улыбчива — лишь потому, что не знает, что он натворил. А если вдруг он соврет, если попытается, если вопреки всякому здравому смыслу отправится, как в самых хмельных грезах Айвена, прогуляться вместе с этой девушкой и она пригласит его, словно Майлза, взойти на гору… что тогда? Насколько забавно ей будет наблюдать, как он до чуть не задохнется до смерти во всей своей нагой импотенции? Безнадежно, беспомощно, злополучно … от одного лишь предчувствия этой новой боли и унижения в глазах у него потемнело. Марк ссутулился. — Ох, бога ради, уходите, — простонал он.

Синие глаза широко распахнулись — удивленно, нерешительно. — Пим предупреждал меня, что вы угрюмец… ну ладно. — Она пожала плечами и повернулась, высоко вскинув голову.

Пара розовых цветочков отцепилась наконец и выпала. Марк судорожно их подхватил. — Подождите!..

Она повернулась снова, все еще хмурясь. — Что?

— Вы обронили цветы. — Он протянул их ей на сложенных лодочкой ладонях — смятые розовые комочки, — и попытался улыбнуться. Но побоялся, что улыбка вышла такой же помятой, как и цветы.

— Ой! — Она приняла их (пальцы у нее были длинные, сильные и гладкие, с короткими ненакрашенными ногтями — вовсе не руки бездельницы), смерила цветы взглядом и закатила глаза, словно не совсем уверенная, как их прикрепить обратно. Наконец она без долгих церемоний продела их в кудряшки на макушке, совсем не так, как остальные, и еще ненадежнее, чем раньше. И снова собралась повернуться и уйти.

Скажи хоть что-то, или ты упустишь свой шанс! — А вы не носите длинных волос, как остальные, — выпалил он. О, нет, она же подумает, что это критика…

— У меня нет времени с ними возиться. — Она машинально запустила пальцы в локоны, рассыпав еще немного несчастных растений.

— А на что уходит ваше время?

— В основном на учебу. — К ее чертам понемногу возвращалась живость, столь жестоко подавленная его категорическим отказом. — Графиня Форкосиган обещала мне, что если я буду учиться так же хорошо, она на будущий год пошлет меня в школу на Колонию Бета! — Блеск в ее глазах словно сфокусировался до остроты лазерного скальпеля. — А я могу. Я докажу. Если Майлз может делать то, что делает, то и я добьюсь своего.

— А что вам известно про то, что делает Майлз? — встревожено спросил он.

— Он же прошел через Имперскую Академию, верно? — Воодушевленная, она вздернула подбородок. — Когда все говорили, что он слишком слабый и хилый, что это пустая трата времени, он просто умрет молодым. А когда он поступил, то сказали, что все дело в отцовской протекции. Но он же закончил ее в числе лучших в своем выпуске! Не думаю, чтобы к *этому* приложил руку его отец. — Она уверенно кивнула, довольная

сказанным.

Но насчет того, что он умрет молодым, они оказались правы. Естественно, она была не в курсе насчет маленькой личной армии Майлза.

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Восемнадцать стандартных.

— А мне, э-э, двадцать два.

— Знаю. — Она разглядывала его с прежним интересом, но уже осторожнее. Тут в ее глазах вдруг вспыхнуло понимание. Она понизила голос. — Вы очень тревожитесь за графа Эйрела, верно?

Самое милосердное объяснение его невежливости. — Граф — мой отец, — эхом повторил он. Майлзовское выражение, произносимое на одном дыхании. — Помимо прочего.

— У вас здесь есть друзья?

— Я… не знаю. — Айвен? Грегор? Мать? Был ли кто-то из них именно другом? — Я был слишком занят, обзаводясь родственниками. Раньше у меня вообще никого из родных не было.

Она подняла брови — И из друзей?

— Нет. — Это было странное, запоздалое осознание. — Не могу сказать, что мне уж так не хватало друзей. У меня всегда были более насущные проблемы. — «И сейчас есть».

— По-моему, у Майлза всегда была куча друзей.

— Я не Майлз, — огрызнулся Марк, уязвленный в незащищенное место. Не ее вина — у него чуть ли не любое место больное.

— Это я вижу… — Как только в соседнем зале заиграла музыка, она остановилась. — Вы любите танцевать?

— Я совсем не знаю ваших танцев.

— Это танец отражений. Танцевать его может любой, он нетрудный. Просто просто повторяешь все, что делает партнер.

Он глянул сквозь арку прохода и подумал о высоких дверях, ведущих на галерею. — Может… может снаружи?

— Зачем снаружи? Вы там меня не разглядите.

— Зато никто не сможет разглядеть меня. — Тут его обожгла подозрением мысль. — Это моя мать вас попросила?

— Нет…

— Леди Форпатрил?

— Нет! — Она рассмеялась. — Зачем кому-то меня просить? Пошли, а то музыка кончится! — Она схватила его за руку и решительно потащила за собой в зал, обронив на ходу еще несколько цветочков. Он свободной рукой подхватил пару бутонов с ее жакета и исподтишка спрятал в брючный карман. «На помощь, меня похищает энтузиастка!..»

Бывает участь и похуже. Кислая полуулыбка тронула его губы. — Вы не против танца с жабой?

— Что?

— Айвен кое-что сказал.

— А-а, Айвен. — Она отмела сказанное движением белого плечика. — Не обращайте на него внимания, мы все так делаем.

«Леди Кассия, вы отомщены.» Марк еще больше просветлел, дойдя до состояния средней мрачности.

Танец отражений соответствовал описанию: партнеры становились лицом друг к другу и приседали, склонялись и ступали в такт музыке. По темпу он был живее и не столь величав, как танцы для больших групп народу, и на танцевальном полу было больше юных пар. Ощущая, как жутко он бросается в глаза, Марк окунулся в танец вместе с Карин, принявшись копировать ее движения с отставанием на полтакта. На то, чтобы ухватить суть, потребовалось секунд пятнадцать — точно как она и обещала. Он слегка заулыбался. Пары

постарше были совершенно серьезны и элегантны, но кое-то из молодых подошел к делу творчески. Один молодой фор воспользовался па танца, чтобы поддразнить свою даму: на мгновение приставил большой палец к носу и пошевелил остальными. Вопреки правилам, она не повторила его движения, но он зато превосходно передразнил возмущенное выражение ее лица. Марк рассмеялся.

— Вы другой, когда смеетесь, — с изумлением заметила Карин. Она удивленно склонила голову.

Он повторил наклон ее головы. — Другой в каком смысле?

— Не знаю. Не такой… похоронный. Когда вы прятались там в углу, вид у вас был такой, словно умер ваш лучший друг.

«Если бы ты только знала». Она сделала пируэт; он тоже. Он отвесил ей преувеличенный поклон; удивленная, но довольная, она сделала тоже самое. Зрелище открылось восхитительное.

— Я просто должна заставить вас рассмеяться еще раз, — твердо решила она. И затем с абсолютно невозмутимым видом рассказала ему быстро один за другим три неприличных анекдота; кончилось тем, что он расхохотался — больше от полного их контраста с ее скромным девичьим видом, нежели от чего другого.

— Где это вы их узнали?

— Разумеется, от моих старших сестер, — пожала она плечами.

Ему было правда жаль, когда музыка подошла к концу. На этот раз он перехватил инициативу и сперва ее отвел в соседнюю комнату что-нибудь выпить, а затем вывел на галерею. После того, его сосредоточенность на танце прошла, он со стеснением заметил, как много людей глядит на них, и на сей раз с его стороны это было не параноидальное слабоумие. Они были заметной парой: прекрасная Карин и ее жаба-Форкосиган.

Снаружи было не так темно, как он надеялся. Помимо света, льющегося из дворцовых окон, разноцветные фонарики, которыми был крашен пейзаж, рассеивали туман, создавая общее мягкое освещение. Склон, спускавшийся от каменной балюстрады и покрытый старыми кустами и деревьями, походил на настоящий лес. Мощеные камнем дорожки серпантином спускались вниз, а гранитные скамейки вдоль них манили присесть. Однако ночь выдалась достаточно зябкой, чтобы удержать большинство в помещении, и это было кстати.

Слишком романтическая обстановка, чтобы тратить ее на него. «Зачем я это делаю?» Что хорошего в том, чтобы дразнить голод, который нельзя утолить? Больно даже глядеть на нее. Он все равно придвинулся поближе; от ее запаха голова кружилась сильнее, чем от вина и танцев. Ее разгоряченная от движений кожа излучала тепло; в прицеле снайпера она пылала бы факелом. Нездоровая мысль. Похоже, секс и смерть слишком тесно связаны где-то в глубине его сознания. Он испугался. *Я разрушаю все, к чему ни прикоснусь. Я не коснусь ее.* Он поставил свой бокал на каменный парапет и запихнул руки глубоко в карманы брюк. Указательным пальцем он принялся навязчиво теребить цветок, спрятанный в левом кармане.

— Лорд Марк, — произнесла она, отпив вина, — вы почти что инопланетник. Если бы вы женились и собрались завести детей, хотели бы вы, чтобы ваша жена воспользовалась маточным репликатором, или нет?

— А почему супружеская пара может не предпочесть репликатор? — спросил он; от внезапного нового поворота в беседе голова у него пошла кругом.

— Например, чтобы она доказала ему свою любовь.

— Боже правый, что за варварство! Конечно, нет. По-моему, это может доказать лишь обратное: что он *ее* не любит. — Он сделал паузу. — Но это вопрос сугубо теоретический, верно?

— Вроде того.

— Я хочу сказать, это никто из ваших знакомых всерьез не ведет этих споров… ваши сестры или кто-то в этом роде? — обеспокоено вопросил он. *И, разумеется, не вы?* Если

так, то неизвестному варвару надо засунуть голову в ведро с ледяной водой. И продержать ее там изрядное время, пока он дергаться не перестанет.

— О, никто из моих сестер пока не замужем. Хотя в предложениях недостатка нет. Но мама с папой пока выжидают. Это стратегия.

— Гм?

— Когда родилась вторая из нас, леди Корделия стала поощрять маму с папой продолжать в том же духе. Вскоре после того, как она сюда иммигрировала, настало время, когда галактическая медицина распространилась широко, а там были таблетки, чтобы выбрать пол ребенка. И все на какое-то время просто помешались на мальчишках. Соотношение выровнялось недавно. А мы с сестрами пришлись прямо на середину настоящей засухи девочек. Если какой-нибудь мужчина не дает сейчас в брачном контракте согласия на использование маточного репликатора, то время для женитьбы он выбрал неудачное. Свахи даже не побеспокоятся его представлять. — Она хихикнула. — Леди Корделия сказала маме, что если та хорошо разыграет карты, то все ее внуки родятся с приставкой «фор» перед фамилией.

— Понимаю. — Марк заморгал. — Это и есть предмет желаний ваших родителей?

— Не обязательно, — пожала плечами Карин. — Но при прочих равных эта приставка дает парню преимущество.

— Э-э… приятно знать. Полагаю. — Он глянул на вино, но пить не стал.

Из дверей бального зала вышел Айвен, посмотрел на них и дружески помахал на ходу рукой. Бокала у него не было, зато он держал в руке целую бутылку; прежде, чем скрыться по тропинке, Айвен оглянулся через плечо с несколько затравленным видом. Поглядев через балюстраду пару минут спустя, Марк заметил его удаляющуюся макушку.

Теперь Марк отпил глоток. — Карин… я *приемлем* ?

— Для кого? — она склонила голову и улыбнулась.

— Гм… для женщин. Я имею в виду, посмотрите на меня. Прямо. Я и вправду похож на жабу. Весь перекореженный, а если я поскорее не приму меры, то сделаюсь в ширину таким же, как… как в высоту. И в довершении всего, я клон. — Не говоря уж о небольшой проблеме с дыханием. Подытоживая все, совершенно логично было нырнуть вниз головой через балюстраду. Он был бы избавлен от столькой боли…

— Ну, все это верно, — рассудительно согласилась она.

«Проклятие, женщина, я-то ждал, что ты из вежливости возразишь.»

— Но вы же клон *Майлза* . Значит, и мозги у вас — его.

— А что, мозги компенсируют все остальное? С точки зрения женщины?

— Полагаю, не всякой женщины. А лишь неглупой.

— Вы *неглупая* .

— Да, но с моей стороны было бы невоспитанно такое сказать. — Она взъерошила свои кудряшки и усмехнулась.

Как, черт возьми, ему это истолковать? — Может, мозги у меня и не майлзовские, — мрачно ответил он. — Может, джексонианские скульпторы по телу вдобавок их притупили, чтобы держать под меня контролем. Этот бы объясняло *многое* в моей жизни. — Вот еще одна нездоровая мысль, которой можно наслаждаться.

Карин хихикнула. — Я так не думаю, Марк.

Он кисло улыбнулся в ответ. — Без сожалений. Без пощады.

— Теперь вы говорите как Майлз.

Из бального зала вынырнула молодая женщина. Одетая в бледно-голубой шелк, атлетичная, подтянутая, ослепительно белокурая и почти такая же высокая, как Айвен. — Карин! — Она помахала рукой. — Мама нас всех зовет.

— *Сейчас* , Делия? — явно расстроенным тоном протянула Карин.

— Да. — Она поглядела на Марка с пугающе острым интересом, но, ведомая дочерним долгом, снова скрылась внутри.

Карин вздохнула, шагнула от парапета, прислонясь к которому стояла, тщетно

попыталась разгладить затяжку на малиновой кисее платья и улыбнулась на прощание. — Приятно было познакомиться, лорд Марк.

— И с вам было приятно поговорить. И танцевать. — Истинная правда. Он помахал рукой — легкомысленнее, чем ощущал себя на самом деле, — и она исчезла в теплом свете дворца. Убедившись, что она исчезла, он опустился на колени, тайком подобрал последние несколько цветочков, оброненных ею, и запихнул их в карман к остальным.

Она улыбалась мне. Не Майлзу. Не адмиралу Нейсмиту. Лично мне, Марку. Так все и было бы, не потерпи он крах у Бхарапутры.

Теперь, оставшись, как и хотел, в одиночестве и в темноте, Марк обнаружил, что не очень-то ему этого и хочется. Он решил пойти разыскать Айвена и свернул на парковую дорожку. К несчастью, тропинки разветвлялись вновь и вновь, и, видимо, вели не в одном направлении, Он миновал не одну парочку, нашедшую, несмотря на холод, пристанище на скамейке, и нескольких мужчин и женщин, просто идущих куда-то по дорожкам — либо поговорить наедине, либо проветриться. Каким путем пошел Айвен? Явно не этим; небольшой круглый балкончик оказался тупиком. Марк повернул обратно.

Кто-то шел за ним следом: высокий мужчина в красно-синем. Лицо его было в тени. — Айвен? — неуверенно позвал Марк, не думая, что это он.

— Так ты и есть форкосигановский клоун? — Голос не Айвена. Но искаженный выговор сделал оскорбление предельно явным.

Марк выпрямился. — Попал в точку, все верно. А ты кто в этом цирке? Дрессированный медведь?

— Я фор.

— Я это и сам могу сказать по низкому скошенному лбу. И что за фор? — Волоски на загривке стали у него дыбом. В последний раз подобное возбуждение, смешанное с сильной тошнотой, он испытывал в переулке караван-сарая. Сердце тяжко заколотилось. *«Но он пока ничем не угрожал, и он один. Подожди.»*

— Инопланетник. Ты понятия не имеешь о форской чести, — проскрежетал мужчина.

— Ни малейшего, — радостно согласился Марк. — По-моему, вы все сумасшедшие.

— Ты не солдат.

— Снова верно. Мой бог, какие мы сегодня вечером сообразительные! Меня обучали исключительно на убийцу-одиночку. Смерть в темноте — вот моя специальность. — Он мысленно принялся отсчитывать секунды.

Мужчина, двинувшийся было вперед, отшатнулся. — Похоже на то, — прошипел он. — Ты не терял времени, добиваясь графства. Не слишком хитрая работа для профессионального убийцы.

— А я не особо хитер. — Он встал поустойчивее, но не двинулся. Никаких резких движений. Продолжай блефовать.

— Вот что я скажу тебе, маленький *клоун* , — произнес тот, вновь оскорбительно перековеркав это слово. — Если Эйрел Форкосиган умрет, *ты* на его место не встанешь.

— Ну, и это абсолютно верно, — промурлыкал Марк. — А что это ты так раскипятился, зануда-фор? — *Черт. Этот тип знает, что Майлз погиб. Как, к чертовой матери, он узнал? Он свой человек в СБ?* Но с его воротника не таращились Глаза Гора; он носил знаки различия какого-то корабля, которые Марк разобрать не мог. Типчик с действительной службы. — Что тебе до лишнего форского трутня, живущего в Форбарр-Султане на содержании у семьи? Сегодня вечером я видел, как они целой толпой надирались.

— Очень уж ты наглый.

— Соображай, где мы сейчас, — раздраженно отозвался Марк. — Здесь никаких смертельных угроз не осуществишь. Это поставит СБ в неловкое положение. А я не думаю, что тебе захочется раздражать Саймона Иллиана, кем бы ты ни был. — Он по-прежнему вел отсчет.

— Не знаю, что там у тебя в СБ за зацепка… — разъяренно начал мужчина.

Но его прервали. По дорожке шел улыбающийся слуга в дворцовой ливрее, несущий поднос с бокалами. Прекрасно физически развитый молодой человек.

— Напитки, джентльмены? — предложил он.

Безымянный фор сердито на него воззрился. — Нет, спасибо. — Он развернулся на каблуках и зашагал прочь. Ветки кустов хлестали его, стряхивая капельки росы.

— Спасибо, я возьму, — радостно отозвался Марк. Слуга с легким поклоном предложил ему поднос. Ради своего многострадального желудка Марк выбрал то же легкое вино, которое пил весь вечер. — Восемьдесят пять секунд. Время никудышное. Он бы трижды мог меня убить, а вы вмешались как раз в тот момент, когда беседа сделалась интересной. И как вы, ребята, выявляете всю эту ерунду, в реальном времени? Невозможно держать наверху столько человек, чтобы отслеживать каждый разговор в здании. Автоматический поиск по ключевым словам?

— Канапе, сэр? — Слуга невозмутимо повернул поднос другой стороной.

— Опять-таки спасибо. Кто был сей гордый фор?

Слуга поглядел на уже опустевшую дорожку. — Капитан Эдвин Форвента. Он в личном увольнении, пока его корабль стоит в доке на орбите.

— Он не из СБ?

— Нет, милорд.

— Да? Ладно, скажите своему шефу, что я хотел бы поговорить с ним в ближайшее удобное для него время.

— Это будет лорд Фораронберг, заведующий в замке съестными припасами и вином.

Марк ухмыльнулся. — О, конечно же. Можете идти, уже вполне пьян.

— Да, милорд.

— И не приходите утром. А! Еще одно. Вы не знаете, где я могу сейчас найти Айвена Форпатрила?

Молодой человек на мгновение с отсутствующим видом уставился поверх балкона, словно выслушивая что-то, хотя никакого наушника видно не было. — Следующий поворот по левую руку, милорд, там в конце есть нечто вроде беседки возле фонтана. Попробуйте поискать его там.

— Благодарю.

Марк последовал у указанном направлении сквозь прохладный ночной туман. В редких лучах фонарей капли на рукаве его мундира блестели, как тучи над серебряными ручьями вышивки. Вскоре до него донесся плеск фонтана. Напротив фонтана стояло маленькое каменное строеньице без стен, в арках которого лежала глубокая тень.

В этот уголке парка было так тихо, что он мог слышать дыхание сидящего внутри. Сидящего в одиночестве; отлично, он не нанесет урон свой и без того низкой популярности, помешав свиданию. Но дыхание было странно хриплым. — Айвен?

Долгая пауза. Он пытался решить, окликнуть ли Айвена еще раз или удалиться на цыпочках, когда тот отозвался недружелюбным ворчанием: — Ну, чего?

— Я просто… хотел узнать, что ты делаешь.

— Ничего.

— Прячешься от матери?

— … Угу.

— Я… э-э… не скажу ей, где ты.

— Ну и молодец, — получил он кислый ответ.

— Ладно… увидимся. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Погоди.

Он остановился, недоумевая.

— Выпить хочешь? — предложил Айвен после долгой паузы.

— Э-э… конечно.

— Так иди сюда.

Марк нырнул в беседку и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Обычная

каменная скамья и тень сидящего Айвена. Айвен предложил ему блеснувшую бутылку, и Марк долил свой бокал, слишком поздно обнаружив, что Айвен пьет не вино, а скорее что-то вроде бренди. Вкус у случайно получившегося коктейля был мерзким. Он осторожно откинулся, опершись спиной о каменную колонну, и поставил бокал рядом. Айвен обходился без такой формальности, как бокал.

— И как ты ухитришься вернуться к своей машине? — с сомнением спросил Марк.

— И не намерен. Дворцовые слуги вывезут меня отсюда утром на тележке, когда будут подбирать в саду прочий мусор.

— А-а. — Он различал сверкающее шитье на мундире Айвена и блики на его начищенных сапогах. Отблески света от его глаз. И блеск влажных дорожек на щеках. — Айвен, ты… — Марк прикусил язык на слове «плакал» и на ходу заменил: — … в порядке?

— Я, — твердо заявил Айвен, — решил как следует надраться.

— Могу видеть. Почему?

— Ни разу не надирался в День рождения императора. Это традиционный подвиг, все равно как кого-нибудь тут трахнуть.

— Неужели кто-то это делает?

— Иногда. На спор.

— Что за развлечение для СБ.

Айвен хохотнул. — Ага, именно.

— Так с кем ты поспорил?

— Ни с кем.

Марк почувствовал, что наводящие вопросы закончатся у него быстрее, чем односложные ответы — у Айвена.

Но Айвен произнес их темноты: — Мы с Майлзом обычно отбывали этот прием вместе, из года в год. Я удивился… как мне все время не хватает злобных политических комментариев этого маленького паршивца. Вечно он меня смешил. — Айвен засмеялся. Вышло глухо и совсем невесело. Он резко смолк.

— Тебе сказали, что нашли пустую криокамеру, верно? — догадался Марк.

— Угу.

— Когда?

— Пару дней назад. С тех пор я все думал об этом. Нехорошо.

— Не очень. — Марк помедлил. Айвена в темноте трясло. — Хочешь… отправиться домой и лечь в кровать? — *Я-то хочу.*

— Теперь мне ни за что в гору не подняться, — пожал плечами Айвен.

— Я дам тебе руку. Или подставлю плечо.

— … Ладно.

Это потребовало некоторых усилий, но он поднял нетвердо стоящего Айвена на ноги, и они двинулись обратно, по круто забиравшему вверх саду. Марк не знал, что за милосердный СБшный ангел-хранитель сообщил о них, но наверху их встретила не мать Айвена, а его тетя.

— Он, гм… — Марк был не уверен, что сказать. Айвен затуманенным взором озирался вокруг.

— Вижу, — ответила графиня.

— Мы можем дать оруженосца, чтобы отвезти его домой? — Айвен обмяк, и у Марка подогнулись колени. — А лучше двоих.

— Да. — Графиня коснулась декоративной комм-броши на лифе платья. — Пим?…

Так Айвен был сдан с рук, и Марк вздохнул с облегчением. Облегчение это переросло в неприкрытую благодарность, когда графиня заметила, что им тоже пора уезжать. Через несколько минут Пим подвел графский лимузин к подъезду, и ночное испытание подошло к концу.

Графиня, разнообразия ради, по дороге в особняк много не разговаривала. Она откинулась на спинку сиденья и измученно прикрыла глаза. Она даже ни о чем его не

спросила.

В мощеном черно-белой плиткой вестибюле графиня скинула свой плащ на руки горничной и направилась налево, в библиотеку.

— Извини, Марк, я пойду. Позвоню в Имперский Госпиталь.

У нее был такой усталый вид — Наверняка они позвонили бы вам, мэм, если бы в состоянии графа произошли какие-нибудь изменения.

— Я пойду позвоню в госпиталь, — повторила она решительно. Глаза у нее заплыли до щелочек. — Иди в постель, Марк.

Марк не стал с ней спорить. И устало потащился вверх по лестнице, к коридору, ведущему к его спальне.

Перед дверью в свою комнату он остановился. Была поздняя ночь. Вестибюль пуст. Тишина огромного дома давила ему на уши. Повинуясь импульсу, он развернулся и зашагал по коридору к комнате Майлза. У двери он снова остановился. За все недели своего пребывания на Барраяре он так и не отважился сюда зайти. Его не приглашали. Он тронул старинную круглую ручку. Дверь оказалась не заперта.

Поколебавшись, он вошел и приказал свету зажечься. Это оказалась спальня, просторная, насколько позволяла старинная архитектура дома. Смежная с ней комнатка, некогда предназначавшаяся для камердинера, была много лет как переделана в отдельную ванную. На первый взгляд комната казалась почти голой: пустой, чистой и аккуратной. Должно быть, все детское барахло было упаковано и убрано на чердак в очередном припадке взрослости. Марк подозревал, что чердаки в особняке Форкосиганов должны оказаться потрясающими.

Однако след личности владельца здесь все же остался. Марк медленно прошелся по комнате, засунув руки в карманы, словно посетитель музея.

Вполне логично, что немногие хранимые здесь сувениры скорее напоминали об успехах. Майлзовский диплом Имперской Военной Академии и приказ о его производстве в офицеры были вполне обыденны, хотя было интересно, зачем вставлен в раму и повешен между ними старый электронный погодный справочник на батареях армейского образца. Коробка со старыми, вплоть до юных лет, спортивными наградами имела такой вид, словно в очень скором времени должна отправиться на чердак. Полстены занимала огромная коллекция дисков с книгами и видео, тысячи наименований. Сколько из них Майлз на самом деле прочел? Любопытствуя, он вынул из держателя на ближайшей стене ручной считыватель и проверил наугад три диска. На каждом было как минимум несколько пометок или замечаний на полях — следы майлзовых размышлений. Марк оставил свои изыскания и двинулся дальше.

С одним предметом он был знаком лично. Кинжал с рукояткой «клуазонне», унаследованный Майлзом от старого генерала Петра. Марк осмелился снять его со стены и попробовать его вес и остроту. И когда же за последние два года Майлз бросил всюду таскать кинжал с собой и стал благоразумно оставлять его дома, в безопасности? Он осторожно вернул его обратно на полку, в ножны.

Одно украшение стены было личностным, ироничным и недвусмысленным: старая металлическая накладка для ноги, перекрещенная на музейный манер с форским клинком. Наполовину шутка, наполовину вызов. И то, и другое устарело. Дешевая фотокопия страницы из старинной книги была наклеена на плотную основу и помещена в дико дорогую серебряную рамку. Текст вне контекста было не понять, но, кажется, это была некая религиозная чушь до-скачковой эпохи, что-то про пилигримов, гору и город в облаках. Марк не очень понял, к чему все это: уж в религиозности Майлза никто не упрекнет. Однако эта вещь явно была для него важна.

«Кое-что здесь — не награды», догадался Марк. *«А уроки.»*

На прикроватном столике остался коробка с альбомом головидео-снимков. Марк сел и включил ее. Он ожидал увидеть лицо Элли Куинн, но первым появился портрет высокого, сердитого, необычайно уродливого мужчины в ливрее форкосигановского оруженосца.

Сержант Ботари, отец Елены. Марк принялся пролистывать альбом. Следующей была Куинн, затем — Ботари-Джезек. Родители, разумеется. Конь Майлза, Айвен, Грегор; а потом — вереница лиц и фигур. Марк листал все быстрее, не узнавая даже трети из них. После пятидесятой физиономии он, щелкнув, остановил альбом.

Марк устало потер лицо. *Это не человек, это толпа.* Верно. Он сидел сгорбленный и страдающий, спрятав лицо в ладони и уперев локти в колени. *Нет. Я не Майлз.*

Комм-пульт Майлза оказался защищенным никоим образом не меньше, чем графский пульт в библиотеке. Марк обошел его, разглядывая, но не касаясь; руки он снова засунул глубоко в карманы. Пальцы нащупали смятые цветочки Карин Куделки.

Он вытащил их и расправил на ладони. Затем в порыве досады смял другой рукой и швырнул на пол. Не прошло и минуты, как он уже на четвереньках собирал с ковра выброшенные и рассыпавшиеся комочки. *Должно быть, я спятил.* Стоя на коленях на полу, он разрыдался.

В отличие от бедолаги Айвена, его страдания никто не прервал, за что он был глубоко благодарен. Мысленно он извинился перед кузеном Форпатрилом: «Прости, прости…» — хотя шансы, вспомнит Айвен к утру хоть что-то про его незваное появление или нет, были равными. Он сглотнул, восстанавливая дыхание; голова у него ужасно болела.

Десятиминутная задержка внизу у Бхарапутры имела решающее значение. Будь они на десять минут проворнее, дендарийцы вернулись бы к десантному катеру до того, как бхарапутряне получили возможность его подорвать, и будущее свернуло бы в другую колею. В его жизни были тысячи десятиминутных интервалов, миновавшие незамеченными и безо всяких последствий. Но *эти* десять минут превратили его из потенциального героя в вечное ничтожество. И он никогда не сможет наверстать это мгновение.

Так не в этом ли талант командира: распознать критические мгновения среди множества похожих, даже среди хаоса. Рискнуть всем и поймать золотое мгновение? Майлз в высшей степени обладал этим даром своевременности. За одно это мужчины и женщины следовали за ним, складывая к его ногам всю свою веру.

Только однажды чувство времени подвело Майлза.

Нет. Он легкие надрывал, когда кричал им не останавливаться. *Майлз* рассчитал время практически точно. Но его роковым образом задержало чужое промедление.

Марк с трудом поднялся с пола, умыл лицо в ванной, вернулся и сел во вращающееся кресло комм-пульта. В первый слой защиты он вошел с помощью ладонного замка. Машине не очень-то понравился отпечаток его ладони: рост костей и отложения подкожного жира исказили узор до того, что он перестал опознаваться. Но не совсем — пока что: на четвертой попытке машина удовлетворилась результатами считывания и открыла для него файлы. Следующий слой функций требовал кодов доступа, которые он не знал, но ему сейчас был необходим лишь первый: конфиденциальный, или даже защищенный, комм-канал связи с СБ.

Автомат СБ почти немедленно перебросил его на живого оператора в приемной. — Мое имя — лорд Марк Форкосиган, — сообщил он ночному дежурному в чине капрала, чье лицо появилось над видео-пластиной. — Я хочу поговорить с Саймоном Иллианом. Полагаю, он все еще в императорском дворце.

— Это срочно, милорд? — спросил капрал.

— Для меня — да, — рявкнул Марк.

Что бы капрал об этом ни подумал, но Марка он пропустил. Ему пришлось проложить свой путь через еще два слоя подчиненных, прежде чем перед ним материализовалось утомленное лицо шефа СБ.

Марк сглотнул. — Капитан Иллиан.

— Да, лорд Марк, в чем дело? — устало проговорил Иллиан. Для СБ тоже выдалась долгая ночь.

— Ранее, этим вечером, я имел любопытную беседу с неким капитаном Форвентой.

— Я в курсе. Вы высказали ему несколько не очень завуалированных угроз.

И Марк еще думал, что слуга/охранник СБ был прислан туда защитить *его* … а, ладно.

— Итак, у меня есть к вам вопрос, сэр. Капитан Форвента в списке лиц, которые должны знать про Майлза?

Иллиан прищурился. — Нет.

— Ну а он знал.

— Это… весьма интересно.

— Для вас было полезно это узнать?

Иллиан вздохнул. — Это создает для меня новую заботу. Где утечка внутри системы? Теперь я должен ее найти.

— Но… лучше знать, чем нет.

— О, да.

— Могу я в ответ попросить об одолжении?

— Быть может. — Иллиан выглядел в высшей степени уклончиво. — И что за одолжение?

— Включите меня.

— Что?

— Включите меня. В розыск Майлза, который ведет СБ. Наверное, я хотел бы начать с просмотра ваших отчетов. А потом — не знаю. Но я больше не вынесу, если буду по-прежнему оставаться один в темноте.

Иллиан с подозрением на него поглядел. — Нет, — вымолвил он наконец. Благодарю покорно, но я не пущу вас беспрепятственно вас играться с моими супер-секретными файлами. Спокойной ночи, лорд Марк.

— Подождите, сэр! Вы же жаловались на нехватку людей. Вы не можете отказать добровольцу.

— Вы воображаете, что можете сделать нечто, чего не смогла СБ? — огрызнулся Иллиан. — В том-то и дело, сэр… Не смогла. Вы не нашли Майлза. Вряд ли я могу сделать *меньше* .

Марк сообразил, что прозвучало это далеко не так дипломатично, как стоило, когда лицо Иллиана потемнело от ярости. — *Спокойной ночи* , лорд Марк, — снова процедил тот сквозь зубы и резким движением руки разорвал связь.

Марк, застыв, сидел в кресле Майлза. Дом был так тих, что громче всего был звук бьющейся в ушах крови. Следовало показать Иллиану, как умно он себя повел, как быстро сообразил: Форвента выдал ему все, что знал, но Марк ни коим образом не выдал в ответ, что понял, что Форвента знает. Теперь расследование Иллиана должно застать источник утечки, кем бы он ни оказался, врасплох.

Разве это ничего не стоит? Я не так глуп, как ты думаешь.

А вот ты, Иллиан, не так сообразителен, как думал я. Ты не… совершенен. Это тревожило. Он почему-то ждал от СБ совершенства; эта мысль, была якорем, державшим его мир на месте. И Майлз совершенен. И граф с графиней. Все совершенны, все недоступны смерти. Все выше упреков. Единственная настоящая боль — его собственная.

Он подумал про Айвена, плачущего в темноте. Про умирающего в лесу графа. Графиня хранила свою маску лучше всех прочих. Была вынуждена. Ей приходилось прятать больше всех прочих. И сам Майлз, человек, создавший целую альтернативную личность, чтобы сбежать в нее…

Проблема в том, решил Марк, что он пытался стать Майлзом Форкосиганом самостоятельно. Даже *Майлз* этого не делал. Его поддерживала целая труппа. Тысячи человек. *Неудивительно, что я не мог его догнать* .

Медленно, с любопытством, Марк расстегнул китель и, достав из внутреннего кармана комм-карточку Грегора, выложил ее на пульт. Он напряженно уставился на кусочек пластика безо всяких надписей, словно на нем было какое-то зашифрованное сообщение, предназначенное лишь ему одному. Он был почти уверен, что так оно и есть.

Ты знал. Ты знал, Грегор, верно? ах ты, ублюдок... Ты просто ждал, пока я не

додумаюсь до этого сам.

В судорожной решимости Марк вставил карту в прорезь считывателя на пульте.

На этот раз не было никаких автоматов. Мужчина в обычном гражданском костюме ответил ему немедленно, не назвав, однако, себя: — Да?

— Я лорд Марк Форкосиган. Я должен быть у вас в списке. Я хотел бы поговорить с Грегором.

— Прямо сейчас, милорд? — мягко переспросил тот. Рука его заплясала над клавиатурой.

— Да. Сейчас. Пожалуйста.

— Прошу вас. — Он исчез.

Видео-пластина оставалась темной, но динамик передал мелодичный звонок. Звенел он довольно долго. Марк начал паниковать. Что, если… но тут звонок замолк. Раздалось загадочное звяканье, и Грегор невнятным тоном произнес: — Да? — Изображения никакого не было.

— Это я. Марк Форкосиган. Лорд Марк.

— А-а?

— Вы сказали мне позвонить вам.

— Да, но… — короткая пауза, — сейчас чертовых *пять утра* , Марк!

— Ой. Вы спали? — в ужасе протянул он. Он склонился и мягко стукнулся лбом о прохладный пластик стола. *«Время. Я снова не вовремя.»*

— Бог мой, вы это сказали в точности как Майлз, — пробормотал император. Видео-пластина ожила; появилось изображение Грегора, включившего свет. Вокруг Грегора было что-то вроде спальни, с темным полумраком на заднем плане, и из одежды на нем были только свободные пижамные штаны из черного шелка. Он вгляделся в Марка, словно убеждаясь, не с призраком ли разговаривает. Но это было слишком дородное тело, чтобы оказаться кем-нибудь, кроме Марка. Император глубоко вздохнул, вентилируя легкие, и заморгал, чтобы сфокусировать взгляд. — Что вам нужно?

Как восхитительно кратко. Возьмись он отвечать полностью, ему потребуются ближайшие шесть часов.

— Мне нужно быть включенным в розыски Майлза, которые ведет СБ. Иллиан не захочет меня пускать. Вы можете отменить его решение.

Минуту Грегор сидел неподвижно, затем коротко рассмеялся. Он запустил руку в спутанные со сна черные волосы. — Вы его просили?

— Да. Только что. Он мне отказал.

— М-м, ладно… это его работа — быть осторожным за меня. Так, чтобы моему суждению ничто не мешало.

— На ваше свободное суждение, сэр. Сир. Включите меня!

Грегор задумчиво изучал его, потирая лицо. — Да… — медленно протянул он через минуту. — Давайте… посмотрим, что получится. — Теперь его глаза не были затуманены сном.

— Вы можете позвонить Иллиану прямо сейчас, сир?

— Что, накопившееся желание? Плотину прорвало?

И я пролился как вода … откуда это? Звучит, словно цитата из графини. — Он еще на ногах. Пожалуйста. Сир. И пусть он перезвонит мне на этот комм для подтверждения. Я буду ждать.

— Очень хорошо, — губы Грегора изогнулись в странной улыбке. — Лорд Марк.

— Спасибо, сир. Э-э… спокойной ночи.

— Доброго утра. — Грегор отключил комм.

Марк ждал. Шли секунды, растянувшиеся до неузнаваемости. У него начиналось похмелье, но он еще был слегка пьян. Худшее из обоих состояний. Он начал задремывать, когда комм-пульт наконец звякнул и Марк, вздрогнув, чуть не вывалился из кресла.

Он поспешно хлопнул по клавише. — Да. Сэр?

Над видео-пластиной показалось мрачное лицо Иллиана. — Лорд Марк. — Он приветствовал Марка сухим кивком. — Если вы придете в штаб-квартиру СБ утром к началу обычного рабочего дня, то вам будет разрешено просмотреть файлы, о которых мы дискутировали.

— Спасибо, сэр, — искренне поблагодарил Марк.

— Это будет через два с половиной часа, — уточнил Иллиан с понятной, про мнению Марка, ноткой садизма. Иллиан тоже не ложился.

— Я буду там.

Иллиан чуть прикрыл веки — подтвердил, что понял, — и исчез.

Проклятие посредством благодеяния или просто милость? Марк задумался над милостью Грегора. *Он знал. Знал это раньше меня самого.* Лорд Марк Форкосиган — реальный человек.

Глава 18

Ровный свет зари позолотил остатки ночного тумана, превратив его в осеннюю дымку, придающую Форбарр-Султане почти волшебный вид. Штаб-квартира Службы Безопасности возвышалась на фоне светлого неба — куб без окон, огромный и утилитарный бетонный монолит с гигантскими воротами и дверьми, явно спроектированный с целью превратить в козявку любого просителя, достаточно глупого, чтобы к нему приблизиться. В данном случае, как решил Марк, с этим эффектом переборщили.

— Что за жуткая архитектура, — обратился он с соседнего сиденья к Пиму, привезшему его сюда на графском лимузине.

— Самое уродливое здание в городе, — охотно согласился тот. — Относится к творениям лорда Доно Форратьера, имперского архитектора Юрия Безумного. Дяди покойного вице-адмирала. До убийства Юрия, пока его не остановили, он успел выстроить пять крупных сооружений. Городской стадион по уродству отстает лишь ненамного — за ним полноценное второе место, — но снести его нам не по карману. Так он и стоит, уже шестьдесят лет.

— Судя по виду, местечко из тех, в которых имеются подвальные казематы. Со стенами, выкрашенными в стандартный зеленый цвет. И где заправляют лишенные моральных устоев врачи.

— А они и были, — ответил Пим. Оруженосец провел машину мимо охранников на воротах и затормозил перед огромным лестничным пролетом.

— Пим… а эта лестница не высоковата?

— Ага, — ухмыльнулся оруженосец. — Попытайся преодолеть ее одним махом, и на верху у тебя непременно сведет ногу. — Пим аккуратно подал лимузин вперед и остановился, высаживая Марка. — А если завернуть за угол налево, вон туда, там будет небольшая дверь на цокольный этаж и вестибюль с лифтовой шахтой. Туда все на самом деле и входят. — Пим поднял передний колпак кабины, и Марк выбрался наружу.

— А что сталось с лордом Доно после правления Безумного Юрия? Надеюсь, его прикончила Лига Защиты Архитектуры?

— Нет, он удалился от дел в провинцию, жил на иждивении дочери с зятем и умер, полностью спятив. У них в поместье он понастроил таких ч*у* дных башен, что за право посмотреть они берут теперь входную плату. — Помахав рукой, Пим опустил колпак и резко тронулся.

Марк побрел за угол, как и было указано. Итак, вот он здесь, рано утром, как штык… или, как минимум, просто рано утром. Он долго стоял под душем, облачился в удобную гражданскую одежду темных тонов и накачался таким количеством болеутоляющего, витаминов, средств от похмелья и стимуляторов, что чувствовал себя неестественным образом свежим. Даже более чем неестественным, но он был полон решимости отстоять свой шанс у Иллиана.

В вестибюле он представился охранникам СБ: — Я лорд Марк Форкосиган. Меня ждут.

— Это вряд ли, — проворчал голос из лифтовой шахты. Оттуда шагнул Иллиан собственной персоной. Охранники вытянулись; Иллиан совсем не по-военному махнул им рукой — «Вольно». Как и Марк, он принял душ и переоделся — в повседневный зеленый мундир. Марк подозревал, что и завтракал Иллиан, как он: пилюлями. — Спасибо, сержант. Я заберу его наверх.

— Должно быть, работать в таком здании тоскливо, — заметил Марк, поднимаясь по лифтовой шахте вслед за шефом СБ.

— Да, — вздохнул Иллиан. — Я был как-то в здании Инвестигейтив Федераль на Эскобаре. Сорок пять этажей, и все из стекла… Никогда я не был так близок к мысли эмигрировать. Доно Форратьера следовало придушить при рождении. Но… теперь оно мое. — Он огляделся вокруг с сомнительным видом собственника.

Иллиан повел Марка глубоко в недра СБ — да, решил Марк, у этого здания определенно были недра. Их шаги отзывались эхом в голом коридоре, вдоль стен которого протянулись крошечные, похожие на кабинки, комнаты. Марк заглянул в некоторые из полуоткрытых дверей, где за супер-защищенными комм-пультами сидели мужчины в зеленых мундирах. По крайней мере у одного из них горел неуставного образца ряд ламп полного спектра. В конце коридора стоял большой кофейный автомат. Иллиан отвел его в комнатушку под номером тринадцать, и Марк подумал, что это не случайно.

— В комм-пульт были загружены все до единого отчеты, полученные мною по делу о розыске лейтенанта Форкосигана, — холодно сообщил Иллиан. — Раз вы считаете, что справитесь лучше моих профессиональных аналитиков, — пробуйте, прошу.

— Спасибо, сэр. — Марк уселся во вращающееся кресло и включил видео-пластину. — Это более чем щедро.

— У вас не должно быть жалоб, милорд, — настоятельным тоном заключил Иллиан.

Видно, сегодня утром Грегор изрядно его допек, сообразил Марк, когда с явно различимой иронией Иллиан откланялся. Нет. Так нечестно. Иллиан далеко не столь враждебен, как может себе позволить. «Это не просто повиновение императору», с дрожью сообразил Марк. В вопросе безопасности вроде этого Иллиан мог бы и схлестнуться с Грегором, если бы действительно захотел. *Он начинает отчаиваться.*

Сделав глубокий вдох, Марк погрузился в файлы, читая, слушая и просматривая. Иллиан не шутил, когда сказал *все* . Здесь были буквально сотни отчетов от пяти или шести десятков разных агентов, рассыпанных по всей ближайшей сети П-В туннелей. Некоторые были краткими и безрезультатными. Другие длинными — и тоже безрезультатными. Но, похоже, в каждом криоцентре на самом Единении Джексона, его орбитальных и скачковых станциях или соседствующих с ним космических системах хоть раз побывали люди Иллиана. Здесь были даже свежеполученные рапорты аж с самого Эскобара.

Через какое-то время Марк понял: чего там не хватает, так это сводки или завершенного анализа. Он получил лишь сырые данные, во всей их полноте. В конечном счете, решил он, оно и лучше.

Марк читал, пока у него не начало резать в пересохших глазах, а желудок не забурчал от плохо переваренного кофе. «Пора прерваться на обед», подумал он, когда в дверь постучал охранник.

— Лорд Марк, приехал ваш водитель, — вежливо сообщил тот.

Черт, если и пора прерваться, то на *ужин* . Охранник провел Марка обратно через все здание и сдал на руки Пиму. Снаружи было темно. *У меня голова болит.*

Наутро Марк упрямо вернулся и начал заново. И на следующее утро. И на следующее. Прибыли новые доклады. На самом деле они прибывали быстрее, чем он успевал их читать. Чем упорнее он работал, тем сильнее отставал. В разгар пятого дня он откинулся на спинку кресла с мыслью: *«Это безумие».* Иллиан похоронил его под фактами. Паралич неведения с удивительной скоростью перетек в паралич избытка информации. *«Я должен разгрести это дерьмо, а то мне никогда не выбраться из этого мерзкого здания.»*

— Лгут, лгут, все лгут, — в раздражении пробормотал он своему комм-пульту. Тот в ответ словно подмигнул и хмыкнул, незаметно и скромно.

Решительным движением отключив комм-пульт с его бесконечным лепетом голосов и фонтаном данных, он какое-то время сидел в темноте и тишине, пока в ушах у него не перестало звенеть.

«СБ не смогла. Не смогла найти Майлза.» Ему не нужны все эти данные. И никому не нужны. Ему нужен один-единственный кусочек мозаики. *Давай-ка подгоним его на место* .

Начнем с нескольких неприкрытых допущений. Первое. Майлза можно вернуть.

Пусть СБ ищет гниющий труп, безымянную могилу или записи о дезинтеграции — все, что хочет. Такие поиски *ему* не нужны, даже если они увенчаются успехом. *Особенно если увенчаются* . Интерес представляют лишь криокамеры — в банках постоянного хранения или переносные. Либо — это и менее вероятно, и их куда меньше, — центры криооживления. Но на пути его его оптимизма встала логика. Если бы Майлз был успешно оживлен руками друзей, то первое, что он сделал — доложился бы. Он этого не сделал, следовательно, он все еще заморожен. Или, если и ожил, в слишком плохой форме, чтобы действовать. Или он не в дружеских руках. Итак. Где?

Дендарийскую криокамеру нашли на Ступице Хеджена. Ну… так что же? Ее отослали туда уже пустой. Осев в кресле и полуприкрыв глаза, Марк задумался, откуда же ведет этот след. А не собственная ли одержимость соблазняет его поверить в то, во что он хочет верить? *Нет, проклятье. К дьяволу Ступицу Хеджена, Майлз не покидал планеты.* Одним ударом он отбросил три четверти ненужных данных, застилающих ему поле зрения. *Значит, будем рассматривать только доклады с Единения Джексона* . Каким образом СБ проверила все остальные возможные пункты назначения? Те, у которых не было общеизвестных причин для интереса или явной связи с Домом Бхарапутра? По большей части, агенты СБ просто задавали вопросы, не открывая при этом себя, но предлагая солидное вознаграждение. И все это делалось по меньшей мере четыре недели спустя после их налета. По остывшему следу, так сказать. У кого-то была масса времени подумать над посылкой-сюрпризом. И времени ее спрятать, имей они такое намерение. Так что, если СБ и проверяла их тщательнее по второму разу, у нее было еще больше шансов вернуться с пустыми руками.

«Майлз в некоем месте, которое СБ уже проверяла, и в руках людей, имеющих тайные причины им интересоваться.»

Все равно остаются сотни вариантов.

Мне нужна взаимосвязь. Она должна быть здесь.

СБ разобрала до мелочей все дендарийские архивы Норвуда, вплоть до семантического анализа до отдельных слов. Ничего. Но Норвуд прошел медицинскую подготовку. И он не отправил бы криокамеру с телом своего любимого адмирала наугад. Он отправил ее *куда-то* и *кому-то* .

Знаешь, Норвуд, если ад существует, то надеюсь, что ты там сейчас поджариваешься.

Марк вздохнул, склонился вперед и снова включил комм-пульт.

Пару часов спустя Иллиан заглянул в клетушку Марка, закрыв за собой звуконепроницаемую дверь. С обманчиво небрежным видом он прислонился к стене и обронил: — Ну, как идут дела?

Марк взъерошил волосы. — Вопреки вашей любезной попытке похоронить меня под всеми этими данными, я, по-моему, достиг кое-какого прогресса.

— Да? И какого же рода? — Марк заметил, что Иллиан не опроверг обвинения.

— Я абсолютно убежден, что Майлз так и не покидал Единения Джексона.

— Тогда как же вы объясните, что криокамеру мы нашли на Ступице Хеджена?

— Никак. Это отвлекающий маневр.

— Хм-м, — неопределенно отозвался Иллиан.

— И он сработал, — безжалостно добавил Марк.

Иллиан поджал губы.

«Дипломатичнее», напомнил себе Марк. Дипломатичнее, не то никогда не получишь желаемого. — Согласен, сэр, ваши ресурсы не безграничны. Так соберите их в одной точке. Все, что вы имеете, вы должны направить на Единение Джексона.

Сардоническая усмешка Иллиана была исчерпывающим ответом. Этот человек руководил СБ последние тридцать лет. И Марк учит его, как выполнять его работу. Одной дипломатии мало, чтобы заставить Иллиана смириться с подобным.

— Что вы выяснили начет капитана Форвенты? — попробовал Марк сменить тему.

— Цепочка оказалась короткой и не особо зловещей. Его младший брат был адъютантом моего сотрудника, ведающего галактическими операциями. Вы должны понимать, эти люди — не предатели.

— И… что же вы сделали?

— С капитаном Эдвином? Ничего. Слишком поздно. Сведения о Майлзе форы уже передают из уст в уста — как слухи и сплетни. Последствия вышли из-под контроля. Младшего Форвенту перевели и понизили в звании. И в моем штате образовалась возмутительная дыра. Он был хорош на своем месте. — Похоже, Иллиан не слишком благодарен Марку.

— А-а. — Марк помолчал. — Форвента считал, что я что-то сотворил с графом. Эту сплетню тоже передают?

— Да.

Марк поморщился. — Ладно… *вы-то* знаете, как все было на самом деле. — Он вздохнул. Поглядел на каменное лицо Иллиана и ощутил вдруг подкатывающую к горлу тревогу. — Ведь так, сэр?

— Возможно. А возможно, нет.

— Как это нет?! У вас же есть история болезни.

— Гм. Разрыв сердечной мышцы явно выглядит естественным. Но он мог быть образован искусственно, с помощью хирургического тягового луча. Последовавшее повреждение всей области сердечной мышцы скрыло бы его следы.

Марка затрясло от беспомощной ярости. — Хитрая работа, — выдохнул он. — Предельно четкая. Как же я заставил графа не двигаться и ничего не замечать, пока проделывал все это?

— В этом и есть слабое место такого сценария, — согласился Иллиан.

— И что я сделал с тяговым лучом? А еще с медицинским сканером, он мне бы тоже понадобился. Два или три килограмма приборов.

— Закопал бы в лесу. Или еще где-то.

— Вы что их, нашли?

— Нет.

— А искали?

— Да.

Марк с усилием потер лицо, стиснул зубы, потом снова их разжал. — Так-так. У вас нашлось достаточно человек, чтобы обыскать вдоль и поперек несколько квадратных километров леса в поисках тягового луча, которого там нет, зато не хватает людей для отправки на Единение Джексона на розыски Майлза, который там есть. Понятно. — Нет. Он обязан обуздывать свой норов, не то потеряет все. Ему хотелось взвыть. Хотелось съездить Иллиану по физиономии.

— Галактический оперативник — это высококлассный специалист с редкими личными качествами, — сухо отозвался Иллиан. — Поиск же на местности известного объекта может производиться рядовыми, не имеющими особой подготовки, а их куда больше.

— Да. Извините. — *Он* извинился? *«Цель. Помни о своей цели.»* Он подумал о графине и сделал глубокий, успокаивающий вдох. И не один.

— Я не придерживаюсь подобного убеждения, — произнес Иллиан, не сводя глаз с лица Марка. — Я просто выражаю сомнение.

— Ну, спасибо, — огрызнулся Марк.

Целую минуту он сидел, пытаясь привести в порядок свои разрозненные мысли, выстроить свои самые лучшие аргументы. — Послушайте, — заговорил он наконец. — Вы впустую растрачиваете собственные ресурсы, и один из таких ресурсов — я. Отправьте *меня* обратно на Единение Джексона. О ситуации в целом я знаю больше любого из ваших агентов. Кое-какая подготовка у меня есть — быть может, это всего подготовка убийцы, но все же… Ее хватило, чтобы три или четыре раза оторваться от ваших шпионов на Земле! Хватило, чтобы зайти столь далеко. Я знаю Единение Джексона — потрохами чую, а таким чувством можно обзавестись, лишь выросши там. И вам даже не придется мне платить! — Он ждал, затаив дыхание в страхе перед собственной смелостью. *Вернуться?* Его память окатило брыгами крови. *«Дать бхарапутрянам второй шанс прицелиться получше?»*

Хладнокровное выражение на лице Иллиана не изменилось. — До сих пор ваш послужной список оперативника не впечатлял особыми успехами, лорд Марк.

— Да, блестящий боевой командир из меня не вышел. Я не Майлз. Теперь мы все это знаем. А столько у вас еще агентов, равных Майлзу?

— Если вы, э-э, столь некомпетентны, как кажетесь, то посылать вас будет очередной пустой тратой времени. Но предположим, что вы хитрее, чем я думаю. И что все ваши здешние трепыхания — просто дымовая завеса. — Иллиан тоже был способен на завуалированные оскорбления. Острые, как бритва, уже в тот момент, когда они срываются с его губ. — И предположим, вы доберетесь до Майлза раньше, чем это сделаем мы. Что случится тогда?

— В каком смысле «что случится»?

— Если вы вернете нам не замороженное с надеждой на оживление, а оттаявшее до комнатной температуры тело, пригодное лишь для погребения… как мы узнаем, что именно в таком виде вы его и нашли? А вы унаследуете его имя, положение в обществе, состояние и будущее. Какое искушение, Марк, для человека без своего «Я». Очень большое искушение.

Марк зарылся лицом в ладони. Он сидел сокрушенный, разъяренный и дико раздосадованный. — Послушайте, — проговорил он сквозь пальцы, — послушайте же. Или я человек, который, по вашей теории, преуспел в почти что убийстве Эйрела Форкосигана и был настолько хорош, что не оставил следов и улик, — или нет. Вы можете утверждать, что я недостаточно компетентен, чтобы отправиться туда. Или недостаточно надежен. Но нельзя же использовать оба аргумента сразу. Выберите что-то одно!

— Я подожду новых доказательств. — Взгляд Иллиана был каменным.

— Будь все проклято, — прошептал Марк, — излишние подозрения делают нас большими дураками, чем излишняя доверчивость. — В его случае это оказалось неоспоримой истиной. Внезапно он выпрямился. — Так допросите меня с фаст-пентой!

Иллиан поднял брови. — Хм?

— Допросите меня с фаст-пентой. Вы никогда этого не делали. Развейте ваши подозрения. — Судя по всем отзывам, допрос с фаст-пентой был мучительно унизительным событием. Ну и что? Подумаешь, одним унижением больше. Для *него* это нечто родное и знакомое.

— Мне бы крайне этого хотелось, лорд Марк, — признался Иллиан, — но ваш, э-э, прародитель обладает известной идиосинкразической реакцией на фаст-пенту, а вместе с ним, полагаю, и вы. Это даже не обычная аллергия. Препарат приводит к потрясающей гиперактивности, изрядной болтливости, но, увы, не создает никакой непреодолимой потребности говорить правду. Он бесполезен.

— Для Майлза. — Марк загорелся надеждой. — Вы же *полагаете* ? А не знаете точно! Обмен веществ у меня с Майлзом явно не одинаков. Можете вы хотя бы попробовать?

— Да, — медленно проговорил Иллиан, — попробовать можно. — И он вышел из комнатки со словами: — Продолжайте. Я вскоре вернусь.

Майр возбужденно вскочил и принялся вышагивать по комнатушке двух шагов в поперечнике. Страх и страстное желание пульсировали у него в голове. Воспоминание о нечеловечески ледяном взгляде барона Бхарапутры приливало к горлу горячей волной

бешенства. *Если хочешь что-то найти, ищи там, где потерял.* Он потерял на Единении Джексона все.

Наконец вернулся Иллиан. — Сядьте и закатайте левый рукав.

Марк послушался. — Что это?

— Кожная алергическая проба.

Марк ощутил укол, словно от колючки, когда Иллиан прижал ко внутренней стороне его предплечья крошечную медицинскую накладку и тут же ее убрал. Иллиан глянул на хроно и облокотился на комм-пульт, не сводя глаз с руки Марка.

Минуты не прошло, как там появилось розовое пятно. Через две оно стало крапивницей. Через пять — выросло до плотного белого вздутия, окруженного разбегающимися от запястья к локтю воспаленными красными полосами.

Иллиан разочарованно вздохнул. — Лорд Марк. Я настоятельно рекомендую вам в будущем любой ценой избегать фаст-пенты.

— Это была аллергическая реакция?

— Это была сильнейшая аллергическая реакция.

— Черт! — Марк сел и мрачно задумался. И принялся чесаться. Пока он не успел расчесать себя до крови, пришлось расправить рукав. — Если бы на моем месте сидел Майлз, читал эти файлы и выдвигал те же самые аргументы, его бы вы послушали?

— В личном деле лейтенанта Форкосиган зафиксирован один успех за другим, что заслуживает моего внимания. Результаты говорят сами за себя. А вы — как вы сами неоднократно указывали — не Майлз. Нельзя использовать оба аргумента сразу, — холодно добавил Иллиан. — Выберите что-то одно.

— А зачем вы вообще взяли на себя труд пустить сменя сюда, если не важно, что бы я ни сказал или ни сделал? — взорвался Марк.

Иллиан пожал плечами. — Помимо того, что у меня был прямой приказ Грегора… я хоть знаю, где вы сейчас и чем заняты.

— Словно камера одиночного заключения, только сюда я вхожу по своей воле. А если вы могли бы запереть меня в камеру без комм-пульта, так были бы еще счастливее.

— Откровенно говоря, да.

— Угадал. Так. — Мрачный Марк снова включил комм-пульт. Иллиан вышел, оставляя его наедине с коммом.

Марк вскочил с кресла, спотыкаясь, подбежал к двери и высунул голову. Иллиан уже удалился на полкоридора. — Теперь у меня есть собственное имя, Иллиан! — яростно выпалил Марк ему вслед. Иллиан оглянулся, поднял бровь и пошел дальше.

Марк попытался прочесть очередной отчет, но где-то на пути от глаз к мозгу текст оборачивался полной чушью. Он слишком разволновался, чтобы дальше заниматься сегодня анализом. В конце концов он сдался и позвонил Пиму, чтобы тот его забрал. Было еще светло. Он пялился на заходящее солнце, сверкавшее между зданий по пути в особняк Форкосиганов, пока у него глаза не разболелись.

* * *

В первый раз за эту неделю он вернулся из Штаб-квартиры СБ достаточно рано, чтобы присоединиться за ужином к графине. Они вместе с Ботари-Джезек устроились на ужин в одной из комнаток на первом этаже, с видом на щедро украшенный осенними цветами укромный уголок сада. Точечные лампы делали эту картину разноцветной и яркой даже в сгущавшихся сумерках. На графине был украшенный орнаментом зеленый жакет и длинная юбка — городской наряд фор-матроны; на Ботари-Джезек — такой же костюм в синих тонах, явно позаимствованный из гардероба графини. За столом было оставлено место для Марка, несмотря на то, что он не появлялся за едой уже целых четыре дня. Втайне тронутый этим, он сел на место.

— Как сегодня граф? — робко спросил он.

— Все так же, — вздохнула графиня.

По заведенному графиней обычаю все минуту помолчали, прежде чем приняться за еду; она тем временем вознесла молчаливую молитву, которая сегодня, как подозревал Марк, содержала нечто большее, нежели просьба благословить хлеб насущный. Ботари-Джезек с Марком вежливо ждали: она — размышляя бог знает о чем, он — вновь прокручивая в голове свою беседу с Иллианом и запоздало проговаривая про себя все остроумные реплики, которые ему стоило произнести. Слуга внес накрытые крышками блюда и исчез, оставив их наедине, как предпочитала графиня, если не ужинала с высокими гостями.

«По-семейному. Ха.»

Ботари-Джезек оказывала графине воистину дочернюю поддержку со дня болезни графа — сопровождала ее в частых поездках в Имперский Госпиталь, бегала по личным поручениям, была ее наперсницей; Марк с необъяснимой завистью подозревал, что свои истинные мысли графиня поверяет Ботари-Джезек больше, чем кому-либо другому. Единственный ребенок самого любимого из их оруженосцев, Елена Ботари была практически приемной дочерью Форкосиганов; их особняк был тем домом, где она выросла. Если он действительно брат Майлза, не делает ли это Елену его молочной сестрой? Надо бы подкинуть ей эту мысль. И приготовиться смыться. Как-нибудь в другой раз.

— Капитан Ботари-Джезек, — начал Марк, проглотив кусок-другой, — что там с дендарийцами на Комарре? Или Иллиан вас тоже держит в неведении?

— Пусть только попробует, — ответила Ботари-Джезек. Еще бы, у Елены есть союзники рангом повыше, чем командующий СБ. — Мы совершили кое-какие перестановки. Куинн оставила за собой основных свидетелей твоего, гм, рейда, — очень мило с ее стороны: не воспользоваться каким-либо выражением попрямее, вроде «провала». — Зеленый отряд, часть Оранжевого и Синий. Всех прочих она отправила на «Сапсане» под командованием моего помощника обратно к остальному флоту. Запертые на орбите — без увольнительных на планету и без дежурств — люди начали терять терпение. — Эта временная потеря командования явно делала ее несчастной.

— Значит, «Ариэль» все еще у Комарра?

— Да.

— Разумеется, Куинн… Капитан Торн? Сержант Таура?

— Все пока ждут.

— Сейчас они должны уже здорово потерять терпение.

— Да, — ответила Ботари-Джезек и с такой силой ткнула вилкой в ломоть синтезированного протеина, что тот проехался по тарелке. Терпение. О, да.

— Так что ты выяснил за эту неделю, Марк? — спросила графиня.

— Боюсь, ничего сверх того, что вы уже знаете. Разве Иллиан не передает вам доклады?

— Да, но под давлением нынешних обстоятельств у меня хватает времени лишь бегло проглядывать сводки аналитиков. В любом случае, есть лишь одна новость, которую я желаю узнать.

Верно. Приободренный, Марк принялся подробно излагать ей свои изыскания, в том числе принцип сортировки данных и свою растущую убежденность.

— Похоже, ты весьма досконально разобрался, — заметила она.

Он пожал плечами. — Теперь я знаю примерно то же, что и СБ, если Иллиан был со мной честен. Но поскольку СБ явно не знает, где Майлз, все это бесполезно. Я готов поклясться…

— Да? — переспросила графиня.

— Я *готов поклясться* , что Майлз все еще на Единении Джексона. Но не могу заставить Иллиана сосредоточиться на этой идее. Его внимание рассеивается на черт знает чем и исчезает. У него цетагандийцы на уме.

— Для этого есть веские исторические основания, — заметила графиня. — И, боюсь,

нынешние причины тоже, хотя я уверена, что Иллиан вел себя весьма уклончиво и не посвящал тебя в проблемы СБ, не имеющие прямого отношения к ситуации с Майлзом. Сказать, что месяц у него выдался плохой, было бы вопиющим преуменьшением. — Она тоже замолчала, колеблясь, причем довольно надолго. — Марк… ты, в конце концов, клон-близнец Майлза. Вы близки друг к другу так, как только могут быть два человеческих существа. Эта твоя убежденность — на грани страсти. Ты словно *знаешь* . А ты не допускаешь… что ты на самом деле знаешь? На каком-то уровне?

— Вы имеете в виду, так сказать, психическую связь? — «Что за жуткая идея».

Графиня, слегка покраснев, кивнула. Перепуганная Ботари-Джезек метнула на него странный, умоляющий взгляд, словно говоря: «Не смей пудрить ей мозги, ты!..»

Вот это была истинная мера ее отчаяния. — Извините. Я не экстрасенс. Просто экстрапсих. — Ботари-Джезек расслабилась. Марк поник, но потом чуть просветлел — его осенила идея. Хотя, возможно, было бы не вредно дать *Иллиану* понять, что вы так считаете.

— Он для этого слишком непреклонный рационалист. — Графиня печально улыбнулась.

— Эта страсть — лишь неудовлетворенная досада, мэм. Никто не позволяет мне ничего сделать.

— А что бы ты хотел сделать?

Я хотел бы сбежать прочь на Колонию Бета . Графиня, вероятно, могла бы ему помочь в… *Нет. Больше я никогда не сбегу.*

Он набрал воздуху, взамен той храбрости, которую не испытывал. — Я хочу вернуться на Единение Джексона и искать Майлза. Я могу справиться с этой работой не хуже других агентов Иллиана — знаю, что могу! Я попытался подать ему эту идею. Он ее не принял. Если бы мог, он предпочел бы запереть меня в камере под охраной.

— В такие дни, как этот, бедняга Саймон продал бы свою душу, только бы остановить время хоть ненадолго, — призналась графиня. — Его внимание сейчас не просто рассеяно, оно разбито на осколки. Я испытываю к нему определенное сочувствие.

— А я нет. Я бы не спросил у Саймона Иллиана, который час. А он бы мне и не сказал. — Марк печально задумался. — Грегор окольным путем намекнул бы, где поискать хроно. А вы… — непрошеная метафора ширилась, — дали бы мне часы.

— Я дала бы тебе часовую фабрику, сынок, будь она у меня, — вздохнула графиня.

Марк прожевал, проглотил, затем замер и поднял глаза. — Правда?

— Пра… — начала графиня категорично, но тут осторожность взяла верх. — Правда что?

— Лорд Марк — свободен? Я хочу сказать, я не совершил никаких преступлений на территории Барраярской Империи, так? Законов против глупости не существует. И я не арестован.

— Нет…

— Я могу отправиться на Единение Джексона сам. Да пошел Иллиан с его драгоценными ресурсами куда подальше! Если… — Вот и загвоздка. Он капельку сник, — … если бы у меня был билет. — Запал кончился. Все богатство Марка, по его подсчетам, составляли семнадцать имперских марок, скомканные в кармане брюк, — остаток от двадцатипятимарковой банкноты, данной ему графиней на расходы в начале недели.

Графиня резко отодвинула тарелку и откинулась на спинку стула; лицо у нее было опустошенным. — Эта мысль не производит на меня впечатление осмотрительной. Если уж мы заговорили о глупости.

— После всего. что ты сделал, Бхарапутра, наверное, уже подготовил контракт на твое убийство, — подсказала Ботари-Джезек.

— Нет… на убийство адмирала Нейсмита, — возразил Марк. — И я не собираюсь возвращаться к Бхарапутре. — В общем-то, он был согласен с графиней. Место на лбу, которого коснулся Бхарапутра, подводя счет, тайно горело. Он настойчиво воззрился на графиню. — Мэм…

— Ты хочешь рискнуть жизнью и всерьез просишь меня это профинансировать? — спросила она.

— Нет… я хочу спасти жизнь! Я не могу… — он беспомощно повел рукой, подразумевая сразу и особняк Форкосиганов, и ситуацию в целом, — жить так дальше. Здесь я сам не свой, я не могу успокоиться.

— Спокойствие к тебе придет — со временем. Пока просто слишком рано, — убедительно объяснила она. — Пока ты сущий новичок.

— Я должен вернуться. Попытаться исправить то, что натворил. Если смогу.

— А если не сможешь, что тогда? — холодно вопросила Ботари-Джезек. — Рванешь прочь прямо с низкого старта?

Эта женщина что, мысли его читает? Плечи Марка обвисли под грузом ее насмешки. И его собственных сомнений. — Я… — выдохнул он, — не… — *Не знаю.* Он не сумел договорить эту фразу вслух.

Графиня сплела длинные пальцы. — Я не сомневаюсь в отваге твоего сердца, — произнесла она, спокойно на него глядя.

Черт, она своим доверием способна разбить это сердце куда основательнее, чем Иллиан со всеми его подозрениями. Марк сгорбился на стуле.

— Но… ты мой второй шанс. Моя совсем нежданная надежда. Я никогда не думала, что здесь, на Барраяре, у меня может быть еще один ребенок. Теперь Единение Джексона сожрало Майлза, а ты хочешь отправиться туда вслед за ним? И ты тоже?

— Мэм, — безнадежно проговорил он. — Мама… Я не могу быть твоим утешительным призом.

Она скрестила руки на столе и оперлась подбородком на сложенные колечком пальцы. Глаза у нее были серыми, словно зимнее море.

— Кто-то, но вы должны понимать, — взмолился Марк, — как важен бывает второй шанс.

Графиня отодвинула стул и встала. — Я… должна это обдумать. — И она вышла из маленькой столовой. Марк со смятением заметил, что половина ужина осталась на ее тарелке нетронутой.

Заметила это и Ботари-Джезек. — Хорошая работа, — огрызнулась она.

«Мне жаль, мне жаль…»

Она поднялась и выбежала вслед за графиней.

Марк сидел, одинокий и покинутый. И, без оглядки и не совсем понимая, что делает, наелся до того, что ему стало плохо. Он с трудом доковылял до своей комнаты, поднявшись на нужный этаж на лифте, и лег, мечтая скорее забыться сном, чем отдышаться. Но ни сон, ни ровное дыхание к нему не приходили.

Когда про прошествии бесконечного времени его оглушающая головная боль и острая резь в желудке только-только начали стихать, в дверь постучали. Он перекатился на кровати с приглушенным стоном. — Кто там?

— Елена.

Марк зажег свет и сел в кровати, прислонившись к резному изголовью орехового дерева и запихнув за себя подушку, чтобы в спину не впивался чертовски твердый выпуклый узор из листьев. Ему не хотелось разговаривать с Ботари-Джезек. И вообще ни с одним человеческим существом. Он перезастегнул рубашку — посвободнее. — Заходи, — пробормотал он.

Она осторожно перешагнула порог, лицо ее было серьезным и бледным. — Привет. Ты как, нормально?

— Нет, — признался он.

— Я пришла извиниться, — сообщила она.

— Ты? Передо мной? За что?

— Графиня рассказала мне… кое-что о том, что с тобой произошло. Извини. Я не понимала.

Его снова препарировали заочно. Он точно мог это сказать по тому потрясенному виду, с каким Ботари-Джезек глядела на него: словно сейчас на ее глазах его туго набитый живот располосовали от сих до сих и вывернули наизнанку для аутопсии. — Ах, черт. И что она теперь рассказала? — Он с трудом напрягся, пытаясь сесть прямее.

— Майлз уже кое-что говорил об этом, но не прямо. Тогда я не поняла, насколько все было плохо. А графиня рассказала мне как есть. Что с тобой сделал Гален. Про изнасилование шоковой дубинкой и, гм, нарушения в еде. И все прочие тоже. — Она отводила взгляд от его тела, глядя Марку лишь в лицо и выдавая этим непрошеную глубину своих новых знаний. Елена с графиней должны были проговорить часа два. — И все это он тщательно рассчитывал. Вот что самое ужасное.

— Не уверен, что с шоковой дубинкой он рассчитал специально, — осторожно начал Марк. — По-моему, Гален был не в себе. У него крыша съехала. Не бывает таких прекрасных актеров. А, может, начиналось все по расчету, но вышло из-под контроля. — Тут он в полной беспомощности взорвался: — Черт!!! — Ботари-Джезек аж подлетела в воздух. — Она не имела *права* говорить об этом с тобой! И ни с кем другим! Я вам что, к черту, лучшее шоу в городе?

— Нет-нет! — Ботари-Джезек успокаивающе развела ладони. — Ты должен понять. Я рассказала ей про Мари, эту блондиночку-клона, с которой мы тебя застали. О том, что, по моему мнению, тогда случилось. Я обвинила тебя перед графиней.

Он застыл, вспыхнув от стыда и нового страха. — А я думал, что ты расскажешь ей об этом первым делом. — Или все его, как он считал, сложившиеся отношения с графиней, были выстроены на гнилом фундаменте и теперь обрушились, превратившись в руины?

— Она так сильно хотела, чтобы ты был ей сыном… я не могла решиться. Но сегодня вечером я так на тебя разъярилась, что все выболтала.

— И что произошло тогда?

Ботари-Джезек изумленно покачала головой. — Она *настолько* бетанка… Настолько странная. Когда ты представляешь, где сейчас ее мысли, то никогда не угадаешь. Она ни капельки не удивилась. А потом все объяснила мне… У меня было такое ощущение, словно мне мозги вывернули наизнанку, да еще хорошенько прочистили щеткой.

Марк чуть не расхохотался. — Судя по описанию, типичная беседа с графиней. — Удушающий страх начал таять. *Она не презирает меня* .

— Я ошибалась насчет тебя, — упрямо заявила она.

Он досадливо развел руками. — Приятно знать, что у меня есть такая защитница — но ты не ошиблась. *Должно было случиться* именно то, о чем ты подумала. И я бы совершил это, если бы смог, — горько признался он. — Меня остановила не добродетель, а то, что мне некогда хорошенько промыли мозги под высоким напряжением.

— О, я не хочу сказать, что я ошибалась в фактах. Но я толковала твои поступки под влиянием собственной злости. Я и не представляла себе, какими систематическими пытками тебя воспитывали. И как сильно ты сопротивлялся. Думаю, я на твоем месте просто впала бы в кому.

— Ну, так плохо было не *всегда* , — с неловкостью признался он.

— Но ты должен понять, — упрямо повторила она еще раз, — что произошло со мной. Дело в моем отце.

— Что? — Ощущение было, словно его голову резко развернули налево на девяносто градусов. — Я знаю, какое к этому имеет отношение мой отец, а твой-то каким боком?

Она принялась ходить по комнате. Готовясь к чему-то. Когда она заговорила, то выпалила все единым махом: — Мой отец изнасиловал мою мать. Вот так появилась я, во время барраярского вторжения на Эскобар. Я узнала об этом несколько лет назад. Поэтоиму я болезненно чувствительна ко всякому насилию. Я его не выношу, — она стиснула кулаки, — и все же оно *во мне* . Я не в силах от него сбежать. Поэтому мне было очень трудно увидеть тебя ясно. У меня было такое чувство, словно последние десять недель я гляжу на тебя сквозь туман. А графиня его рассеяла. — Действительно, взгляд ее больше не

был обжигающе холодным. — И граф мне тоже помог; не могу передать, насколько.

— А. — И что ему ответить? Значит, последние два часа они говорили не только о нем. В ее истории явно было что-то еще, но *Марк* уж точно не собирался спрашивать. Исключения ради, на этот раз ему не надо извиняться. — Я… не жалею о том, что ты есть. Откуда бы ты ни взялась.

Она криво усмехнулась. — Если честно, и я не жалею.

Марк испытывал очень странное чувство. Ярость перед насильственным вторжением в его личные дела спала, уступив место поражающей его самого беспечности. Он испытал огромное облегчение от того, что свалил с себя бремя тайны. Предмет его страхов усох и съежился, как будто, поделившись своими секретами, Марк в буквальном смысле сделал их меньше. «Готов поклясться, расскажи я еще четверым — и был бы совсем свободен.»

Марк спустил ноги с кровати, встал, схватил Елену за руку, подвел ее к стоящему возле окна деревянному стулу, забрался на него и расцеловал ее. — Спасибо!

Она выглядела изрядно ошеломленной. — За что? — выдохнула она со смехом. И твердо высвободила руку.

— За то, что ты есть. Что оставила меня в живых. Я… не знаю. — Он ухмыльнулся, словно навеселе, но усмешка сменилась головокружением; он слез со стула уже осторожнее и сел.

Она пристально на него поглядела и прикусила губу. — Зачем ты с собой это делаешь?

Нет возможности притвориться, что он не понял, какое такое *это* ; физические проявления его навязчивого обжорства были налицо. Он чувствовал себя чудовищем. Марк резко провел рукой по вспотевшему лицу. — Не знаю. Полагаю, половина того, что мы зовем безумием, — это какой-нибудь бедняга пытается справиться с болью, избрав своей стратегией раздражать всех вокруг.

— Как это: справиться с болью, причиняя себе новую боль? — жалобно спросила она.

По лицу Марка, который сидел положив руки на колени и глядя в пол, скользнула полуулыбка. — Есть в этом некая притягательность. Отвлечь свой разум от реальности. Представь себе, сколько внимания требует зубная боль.

Она помотала головой: — Спасибо, лучше не надо.

— Гален пытался всего лишь исковеркать мои отношения с отцом, — вздохнул Марк, — но ухитрился исковеркать мои отношениями со всем, чем угодно. Он знал, что не сможет контролировать меня напрямую, стоит ему отпустить меня на Барраяр, потому должен был создать мотивации, от которых бы я никуда не делся. — Он медленно добавил: — А срикошетило это по нему самому. Гален тоже был моим отцом, в каком-то смысле. Приемным отцом. Первым, который у меня был. — И граф это осознавал. — Когда комаррцы забрали меня с Единения Джексона, я так жаждал собственной личности. Я, наверное, был тогда похож на свежевылупившегося птенчика, у которого сработал импринтинг на автопоилку — лишь потому, что это была первая штука размером со взрослую птицу, попавшаяся ему на глаза.

— У тебя удивительный талант к анализу информации, — сказала она. — Я это подметила еще на Единении Джексона.

— У меня? — Он моргнул. — Вот уж нет! — Конечно же, нет у него никакого таланта, иначе он добился бы результатов получше. Но все же за эту неделю, проведенную в крошечном кабинетике СБ, Марк, несмотря на всю свою досаду, испытал и некую удовлетворенность. Спокойствие монашеской кельи в сочетании с захватывающе трудной задачей, которую представляло собой это море информации… странным образом это напомнило ему безмятежные времена детства, колторые он провел в интернате для клонов наедине с виртуальной обучающей программой. Времена, когда никто не делал ему больно.

— Графиня тоже так думает. Она хочет тебя видеть.

— Что, сейчас?

— Она послала меня за тобой. Но я сначала должна была все тебе сказать. Пока дело не зайдет слишком далеко, и у меня больше не будет такой возможности. Или храбрости.

— Хорошо. Дай собраться. — Марк был бесконечно благодарен судьбе за то, что сегодня вечером к столу не подавали вина. Он отправился в ванную, ополоснул лицо ледяной водой, затолкал в себя пару таблеток обезболивающего и причесался. Поверх темной рубашки он натянул один из своих деревенского стиля жилетов и вышел вслед за Ботари-Джезек в коридор.

* * *

Елена привела Марка в личный кабинет графини — спокойную, строго обставленную комнату с окнами в сад, смежную со спальней. Спальней графа и графини. Марк кинул взгляд сквозь арку двери в темноту комнаты. Отсутствие графа казалось здесь почти физически ощутимым.

Графиня сидела за своим комм-пультом — не защищенным правительственным коммом, а просто очень дорогой коммерческой моделью. Перламутровые цветы, инкрустированные в черном дереве, обрамляли видео-пластину, над которой виднелось изображение встревоженного мужчины. Графиня резко произнесла: — Ну тогда узнайте насчет соглашений! Да, вечером, сейчас. И снова свяжитесь со мной. Спасибо. — Она хлопнула по клавише отключения и развернулась на кресле, оказавшись лицом к лицу с Марком и Ботари-Джезек.

— Узнаете насчет билета на Единение Джексона? — робко спросил он, надеясь безо всякой надежды.

— Нет.

— А-а. — Конечно же, нет. Как она может его отпустить? Он был идиотом. Бесполезно было и предполагать, что…

— Я узнаю насчет корабля для тебя. Если ты отправляешься на Джексон, тебе понадобится большая свобода передвижений, чем дает коммерческий космический рейс.

— *Купить* корабль? — ошеломленно выговорил он. А он-то думал, что фраза насчет часового завода была *шуткой* — Но это же безумно дорого, разве нет?

— Арендовать, если смогу. Купить, если придется. Кажется, есть три-четыре возможных варианта, находящихся на барраярской или комаррской орбите.

— Но все же… как? — Марк не думал, что даже Форкосиганы способны купить скачковый корабль просто из денег на карманные расходы.

— Я могу кое-что заложить, — довольно туманно заявила графиня, оглядываясь вокруг.

— С тех пор, как появились синтетические камни, пропала возможность отдавать в залог семейные бриллианты. — Он проследил за взглядом графини. — Не особняк Форкосиганов же!!!

— Нет, это майоратное владение. Та же проблема с Окружной резиденцией в Хассадаре. Но вот Форкосиган-Сюрло я могу заложить по собственному распоряжению.

Сердце их владений, ох, черт…

— Все эти дома и их история — это, конечно, прекрасно, — пожаловалась она, подняв бровь, в ответ на ужас Марка, — но чертов музей не дает мне ликвидных активов. В любом случае финансы — это моя проблема. У тебя своих забот хватит.

— Экипаж? — это было первой мыслью, пришедшей ему в голову и сорвавшейся с языка.

— Скачковый пилот и инженер прибудут вместе с кораблем, это как минимум. А насчет суперкарго, ну… есть же все эти дендарийцы, застрявшие без дела на комаррской орбите. Полагаю, ты сможешь найти среди них одного-двух добровольцев. Очевидно, что отправиться обратно в джексонианское пространство на «Ариэле» они не могут.

— Куинни уже стерла себе до крови пальцы, царапаясь в дверь, — заметила Ботари-Джезек. — Даже Иллиан не сумеет ее дольше удержать, если СБ вскоре не добьется

результатов.

— А меня Иллиан удержать не попытается? — испугался Марк.

— Не будь я нужна Эйрелу, я бы отправилась сама, — ответила графиня. — И чертовски уверена, что остановить *себя* я бы Иллиану не позволила. А ты — мой уполномоченный. СБ займусь я.

Марк был готов поклясться, что с нее станется. — Дендарийцы, о которых я думаю, кровно заинтересованы, но… я предвижу проблемы: как заставить их следовать моими приказам. Кто будет командовать этой маленькой тайной экспедицией?

— Есть золотое правило, мой мальчик. У кого золото, тот устанавливает правила. Корабль будет твоим. Выбор попутчиков будет за тобой. Если они захотят, чтобы ты их взял, они должны будут пойти на сотрудничество.

— Оно продлится до первого скачка. А потом Куинн запрет меня в чулане.

Графиня невольно фыркнула от смеха. — Хм. В этом и дело. — Она откинулась на спинку своего вращающегося кресла, сплела пальцы и минуту-другую сидела с полузакрытыми глазами. Потом широко их распахнула. — Елена, — обратилась она. — Ты присягнешь лорду Форкосигану? — Правая рука ее махнула в сторону Марка.

— Я уже давала клятву лорду Форкосигану, — сухо отозвалась Елена. Подразумевая — «Майлзу».

Серые глаза посуровели. — Смерть освобождает от любых обетов. — А затем вспыхнули: — Система форов никогда особо не справлялась с хитрой подачей, которую подкидывала ей галактическая технология. Знаешь, не думаю, что существует решение относительно статуса устной присяги, один из субъектов которой находится в криостазисе. В конце концов, слово не может быть твоим дыханием, если ты вообще не дышишь. Мы просто должны будем установить собственный прецедент.

Елена прошагала к окну и невидяще уставилась в него. Отражающийся в стекле свет ламп скрывал какой бы то ни было ночной вид за окном. Наконец, она решительно развернулась на месте, опустилась перед Марком на колени и подняла сложенные ладони. Марк машинально заключил ее руки в свои.

— Милорд, — произнесла она, — клянусь вам в повиновении как ваша подданная.

— Гм… — протянул Марк. — Гм… думаю, мне может потребоваться большее. Попробуем так. «Я, Елена Ботари-Джезек, свидетельствую в том, что я — полноправная подданная округа Форкосиганов. Сим я поступаю на службу под начало лорда Марка Пьера Форкосигана как простой оруженосец — оруженосица, — и буду считать его своим сеньором и командиром до тех пор, пока его или моя смерть не разрешит меня от этой клятвы.»

Потрясенная Ботари-Джезек уставилась на него снизу вверх. Если честно, не особо-то вверх. — Ты не можешь сделать этого! Или можешь?

— Ну, — произнесла графиня, с сияющими глазами наблюдавшая эту сцену, — на самом деле нет закона, гласящего, что графский наследник не может взять в оруженосцы женщину. Просто этого никогда не делалось. *Традиция* , знаешь ли.

Елена с графиней обменялись долгим взглядом. Неуверенно, словно под гипнозом, Ботари-Джезек повторила клятву.

Марк заговорил: — Я, лорд Марк Пьер Форкосиган, вассал секундус императора Грегора Форбарры, принимаю твою клятву и обещаю тебе свое покровительство как сеньор и командир; даю в том свое слово Форкосигана. — Он замолчал. — Вообще-то, — обернулся он к графине, — я еще сам не приносил присяги Грегору. Раз не было этой присяги, не лишает ли это законной силы эту?

— Это детали, — отмахнулась графиня. — Детали ты сможешь проработать позже.

Ботари-Джезек снова встала. Она глядела сейчас на Марка, как могла бы глядеть женщина, просыпающаяся утром с похмелья в постели рядом с незнакомцем, которого она не помнит по прошлому вечеру. Она потерла тыльную сторону кисти — там, где Марк касался ее кожи.

Власть. Так сколько же именно форской власти дала ему этот мелкая хитрость? «Сколько позволит Ботари-Джезек», решил Марк, глядя на ее атлетичное сложение и умное лицо. Опасность злоупотребить своим положением ему не грозит — Елена не позволит. Неуверенность на ее лице уступила тайной, вспыхнувшей в глазах радости.

Да. Это был верный шаг . И сомнений нет, насколько он угодил графине, откровенно улыбавшейся своему сыну — ниспровергателю традиций.

— Теперь, — сказала графиня, — сколько у нас времени на сборы? Как скоро мы будем готовы к путешествию?

— Немедленно, — отозвалась Ботари-Джезек.

— В вашем распоряжении, мэм, — отрапортовал Марк. — У меня такое чувство… нет, поймите, экстрасенорика тут не при чем. И даже не нетепение. Всего лишь логика. Но я считаю, что мы можем не уложиться по времени.

— Как это так? — спросила Ботари-Джезек. — Нет ничего статичнее криостазиса. Верно, мы все с ума сходим от неопределенности, но это наши проблемы. У Майлза времени больше, чем у нас.

Марк покачал головой. — Если бы замороженное тело Майлза попало в руки друзей или хотя бы нейтралов, они уже откликнулись бы на распущенные нами слухи о вознаграждении. Но если… кто-то… захотел его оживить, то ему пришлось бы сперва провести предварительную подготовку. Мы все сейчас прекрасно понимаем, сколько требуется времени, чтобы вырастить органы для пересадки.

Графиня сухо кивнула.

— Если там, куда Майлз попал — где бы это ни было, — его запланировали на операцию вскоре после получения тела, то сейчас они могут быть почти готовы его оживлять.

— Они могут все испортить, — забеспокоилась графиня. — Могут быть недостаточно аккуратны. — Она забарабанила пальцами по изящной перламутровой инкрустации.

— Я не согласна, — возразила Ботари-Джезек. — Зачем это врагам брать на себя труд оживлять его? Что за участь может быть хуже смерти?

— Не знаю, — вздохнул Марк. — *«Но если такая существует, то готов держать пари: джексонианцы могут ее устроить.»*

Глава 19

С дыханием пришла боль.

Он лежал на больничной койке. Это он понял, еще не открыв глаза: по неудобству, ознобу и запаху. Все казалось правильным. Смутно, хоть и неприятно, знакомым. Он заморгал и обнаружил, что веки у него слиплись. От какого-то пахучей, полупрозрачной медицинской жижи. Как будто он пытался смотреть сквозь заляпанное жиром оконное стекло. Он поморгал еще и сумел хоть как-то сфокусировать взгляд, однако был вынужден прекратить, потому что от усилия сбилось дыхание.

С дыханием было что-то ужасно не так — мучительная одышка совсем не давала воздуха. И еще этот свист. Попытавшись сглотнуть, он понял, что свист издает пластиковая трубка, уходящая ему в горло. Губы были сухими и потрескавшимися; заткнувшая рот трубка мешала их облизнуть. Он попытался пошевелиться. Тело отозвалось острой и резкой болью, пронзившей каждую косточку. Трубки тянулись к его рукам — или от рук? И к ушам. И к носу?

Чертовски много трубок. «Плохо», смутно собразил он, хотя не мог сказать, откуда именно это знает. Героическим усилием он попытался поднять голову и оглядеть свое тело. Трубка в горле сдвинулась. Больно.

Выпирающие ребра. Впалый, провалившийся живот. Багровые рубцы, разбегающиеся по груди, точно прямо под кожей притаился паук-долгоножка, припав телом к его грудине. Хирургический клей скреплял рваные надрезы, множество алых шрамов напоминало карту

большой речной дельты. Он был облеплен подушечками датчиков. Еще какие-то трубки шли от таких мест, где по идее не должно быть отверстий. Он кинул взгляд на свой член, обмякший бесформенной, бледной кучкой; оттуда тоже отходила трубка. Боль в этой области была бы даже слегка успокаивающей, но он вообще ничего не ощущал. Своих ног и ступней он не чувствовал тоже, хоть и видел. Все тело его было покрыто толстым слоем пахучей жижи. Кожа, смазанная этой дрянью, шелушилась противными, большими, бледными лохмотьями. Он снова уронил голову на подушку, и черные облака заклубились у него перед глазами. *Слишком много чертовых трубок… Плохо.*

* * *

Когда пришла женщина, он лежал в затуманенном, полубессознательном состоянии, дрейфуя между перепутавшимися обрывками сна и болью.

Она наклонилась; ее изображение расплывалось у него перед глазами. — А теперь мы убираем ритмоводитель. — Ее голос был грудным и четким. Трубок у него в ушах больше не было, а может, они ему приснились. — Твои новые сердце и легкие будут теперь работать сами.

Она склонилась над его ноющей от боли грудной клеткой. Хорошенькая женщина, из разряда изящных интеллектуалок. Он пожалел, что сейчас, у нее на глазах, он одет лишь в жижу, — хотя, похоже, ему случалось флиртовать с женщиной, когда на нем было еще меньше. Где и когда, он не помнил. Она что-то проделала с шишкой — «паучьим телом»: он увидел как его кожа разошлась узкой алой щелью и снова сомкнулась. Смотрелось это так, словно она вырвала у него сердце, подобно совершающей жертвоприношение древней жрице, — но, очевидно, лишь смотрелось, раз он продолжал тяжело дышать. Очевидно, она извлекла какую-то штуку, которую теперь положила на лоток в руках ассистента.

— Ну вот. — Она внимательно всмотрелась в него.

Он поглядел на нее в ответ, смаргивая не дававшую ясно видеть жижу. Прямые, шелковистые, черные волосы, скрученные, — вернее, сбившиеся — в пучок на затылке. Несколько тонких прядей выбились и трепетали вокруг лица. Золотистая кожа. Карие глаза с едва заметной складкой внутреннего века. Жесткие, упрямые черные ресницы. Нос со стильной горбинкой. Приятное, самобытное лицо, не измененное руками пластического хирурга до математически совершенной красоты, но живое от тревожного напряжения. Не пустое лицо. За ним кто-то интересный. Но, увы, незнакомый.

Она была высокой и стройной, поверх одежды на ней была накинут бледно-зеленый лабораторный халат. — Доктор, — попытался угадать он, но вокруг пластиковой трубки во рту раздалось лишь неясное клокотание.

— А сейчас я вытащу эту трубку, — сказала она ему и оторвала что-то липкое от его губ и щек — пластырь? С ним тоже отошла отмершая кожа. Она мягко потянула трубку из горла. Его замутило. Словно проглоченную змею вытаскивают. Избавиться от трубки стало таким облегчением, что он чуть было снова не потерял сознание. Еще какая-то трубка — кислород? — оставалась торчать из ноздрей.

Он подвигал челюстью и сглотнул, в первый раз за… за… Короче, язык был толстым и распухшим. Грудь болела жутко. Но слюна потекла; во рту вновь стало влажно. Как-то не ценишь слюни по-настоящему, пока тебя не заставят обходиться без них. Сердце билось часто и слабо, точно крылья порхающей птички. Ощущение было неправильным, но он хоть что-то ощущал.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Подсознательный ужас, который он старательно до того игнорировал, зловеще разверзся перед ним. Дыхание панически участилось. Воздуха не хватало, несмотря на кислородную трубку. И он не мог ответить на ее вопрос. — А-а, — прохрипел он, — а… — Он не знал ни кто он такой, ни как ему досталось такое гигантское бремя увечий. И незнание

пугало его куда больше, чем само увечье.

Молодой парень в голубой куртке медика фыркнул: — По-моему, я выигрываю пари. У него в мозгах все спеклось. Там сплошное короткое замыкание. — Он постучал себя пальцем по лбу.

Женщина раздраженно нахмурилась. — Пациенты не выходят из криостазиса, как блюда из микроволновки. Потребуется столько же лечения, как если бы эта рана его не убила, и даже больше. Пока не прошла пара дней, я даже не могу оценить, в каком состоянии его высшие нервные функции.

Однако она отколола что-то острое и сверкающее с отворота жакета и двинулась вокруг пациента, прикасаясь к нему и глядя на монитор телеметрии на стене у него за головой. Когда она кольнула этой штучкой его правую руку, рука отдернулась, и врач улыбнулась. *«Ага, а вот когда под ее рукой дернется моя штучка, улыбаться буду я»,* — пришла ему в голову дурацкая мысль.

Он хотел заговорить. Хотел сказать этому типу в голубом, чтобы тот катился через червоточину к дьяволу вместе со своим пари. Но изо рта вырвалось лишь глухое шипение. Его затрясло от досады. Он должен или действовать, или умереть. В этом он был уверен до мозга костей. Быть лучшим — или быть уничтоженным.

Он не знал, откуда исходит такая уверенность. Кто пытался его убить? Он не знал. «Они», какие-то безликие они. На отдых нет времени. Марш вперед или умри.

Оба медика вышли. Движимый смутным страхом, он попытался было лежа сделать упражнения для тонуса мышц. Но смог пошевелить лишь правой рукой. Привлеченный конвульсиями, о которых сообщили датчики, молодой медик вернулся и сделал ему укол успокоительного. Когда темнота сомкнулась снова, ему захотелось взвыть. После лекарства ему снилось что-то очень плохое; его сбитый с толку разум согласился бы на любое содержательное воспоминание, но все, что он смог припомнить, проснувшись, было это определение — «плохой».

* * *

Бесконечное время спустя вернулась доктор с едой. С чем-то вроде еды.

Коснувшись пульта, она подняла изголовье кровати, и непринужденно заговорила: — Ну-ка, дружок, давай опробуем твой новый желудок.

Дружок? Он ей друг? Друзья ему нужны, это точно.

— Шестьдесят миллилитров раствора глюкозы — сладкая водичка. Первая еда в твоей жизни, так сказать. Интересно, достаточно ли ты уже управляешь основными мускулами, чтобы пить через трубочку?

Он смог, стоило ей для начала уронить ему на губы несколько капель жидкости. Сосать и глотать, что может быть ближе к основным инстинктам? Только допить до конца он не смог.

— Все в порядке, — проворковала она. — Понимаешь, твой новый желудок еще не вырос до полного размера. Как и сердце с легкими. Лилия поспешила привести тебя в сознание. Все пересаженные органы пока чуть малы для твоего тела, а это значит, что работают они с трудом и растут не так быстро, как могли бы в пробирке. Какое-то время тебе будет не хватать воздуха. Зато их было легче пересаживать. Мне было просторнее работать, и я это оценила.

Он был не совсем уверен, говорит ли она с ним или сама с собой, словно одинокий человек, болтающий со своим домашним животным. Унеся чашку, она вернулась с тазиком, губкой и полотенцами и принялась мыть его, участок за участком. Почему это хирург исполняет обязанности сиделки?

«Д-р В.Дюрона», гласило имя на нагрудном кармане зеленого халата. Похоже, одновременно с уходом за пациентом она проводит и неврологический тест. Проверяет

собственную работу?

— Знешь, ты был для меня эдакой маленькой загадкой. Присланной в коробке по почте. Ворон сказал, что ты слишком мал для солдата, но я излекла из тебя столько обрывком камуфляжной ткани и нейробластерной сети, да еще сорок шесть осколков гранаты, что практически уверена: ты не просто случайный свидетель. Кем бы ты ни был, на иглогранате было твое имя. К несчастью, его теперь невозможно прочитать. — Она вздохнула, обращаясь скорее сама к себе: — *Кто же* ты?

Она не сделала паузы для ответа, что было тоже неплохо. От усилий по глотанию сладкой водички он опять устал. Столь же непраздным вопросом было «Где я?», и ему было неприятно, что она, несомненно знающая на него ответ, и не думает рассказать ему. Безымянная, высокотехнологичная медицинская палата. Без окон. На планете, а не на корабле.

Откуда я это знаю? Смутное видение корабля в его мозгу рассыпалось при прикосновении. *Что за корабль?* И если уж на то пошло, что за планета?

Здесь должно быть окно. Большое окно, сквозь которое видны подернутые дымкой очертания высокого города, через который струится быстрая река. И еще люди. Не хватает людей, которые по праву должны находиться здесь, — хотя он представить себе не мог, что это за люди. От смеси общей медицинской привычности и этой особой странности у него засосало под ложечкой.

Полотенца были ледяными и жесткими, но он был счастлив избавиться от липкой жижи, уж не говоря об отвратительной рыхлой массе в ней. Он чувствовал себя ящерицей, сбрасывающей кожу. Когда доктор закончила, отмерших белых хлопьев на нем не осталось. Новая кожа смотрелась так, будто его освежевали. Она растерла по его лицу крем-депилаторий — слишком щедро, тот ужасно жегся. Но он решил, что это жжение ему нравится. Расслабившись, он начал получать удовольствие от ее помощи, какой бы смущающе интимной та не оказалась. По крайней мере, эта женщина вернула ему достоинство чистого тела и она не похожа на врага. Что-то вроде союзницы — хотя бы на физическом уровне. Она очистила его лицо от крема, щетины и доброй толики кожи, а потом причесала его, хотя, увы, волосы, как и кожа, лезли пугающими клочьями.

— Вот, — удовлетвореннно проговорила она, поднося к его лицу большое ручное зеркало. — Узнаешь кого-нибудь знакомого? — Он понял, что она внимательно наблюдает, фокусируются ли и отслеживают ли изображение его глаза.

И это я?! Что ж, думаю, привыкнуть можно… Кости, обтянутые покрасневшей кожей. Торчащий нос, острый подбородок… серые глаза — дикие, точно с похмелья, белки все красные. Темные волосы с проплешинами, как при запущенном случае лишая. Вообще-то он надеялся на что-то попривлекательнее.

Он попытался заговорить, задать вопрос. Губы его зашевелились, но, как и мысли, слишком бессвязно и неслаженно. Он выдохнул лишь воздух и слюни. Он даже выругаться не смог, от чего ему хотелось ругаться еще сильнее, вплоть до булькания и пены на губах. Она поспешно убрала зеркало и встревоженно посмотрела на него.

«Остынь». Если он будет по-прежнему дергаться, ему могут вкатить еще одну дозу успокоительного, а это нежелательно. Он слова лег, бессильно задыхаясь. Женщина опять опустила кровать, притушила свет и собралась уйти. Он издал стон. Подействовало; она вернулась.

— Лилия называла твою криокамеру шкатулкой Пандоры, — задумчиво проговорила она. — А я себе ее представляла хрустальным гробом заколдованного рыцаря. Хотелось бы мне, чтобы все оказалось так легко и тебя можно было разбудить поцелуем.

Она склонилась над ним, полуприкрыв трепещущие веки, и коснулась его губ своими.

Он лежал очень тихо, охваченный то ли наслаждением, то ли паникой. Она выпрямилась, поглядела на него еще мгновение и вздохнула. — Я и не думала, что сработает. Может, я просто не та принцесса.

«У вас очень странный вкус в отношении мужчин, миледи», ошеломленно подумал он.

«Но как мне с ним повезло…»

Впервые с тех пор, как он пришел в сознание, будущее обнадеживало. Он лежал тихо, позволив ей уйти. Конечно же, она вернется. До того он либо терял сознание, либо отключался от лекарств; сейчас к нему пришел настоящий сон. Сон ему не особо нравился — *«если я во сне умру…»* — но именно в нем нуждалось его тело, и он заставлял исчезнуть боль.

Постепенно он восстановил контроль над своей левой рукой. Затем заставил дернуться правую ногу. Вернулась его прекрасная дама и снова накормила его сладкой водичкой, но уже без сладких поцелуев на десерт. Когда он заставил дернуться уже левую ногу, она вернулась опять, но на сей раз все оказалось жутко не так.

Доктор Дюрона выглядела лет на десять старше и стала холодной. Ледяной. Гладкие волосы, разделенные на прямой пробор, были подстрижены в каре до середины щеки, в них посверкивали серебряные нити. Прикоснувшиеся к его телу руки, которые помогли ему сесть, были сухие, холодные, суровые. Совсем неласковые.

«Я попал в искривление времени. Нет. Меня снова заморозили. Нет. Я слишком долго поправляюсь, и она разозлилась за то, что я заставляю ее ждать.» Нет… От крушения надежд у него перехватило горло. Он только что потерял своего единственного друга, и не понимал, почему. *«Я разбил наше счастье…»*

Она очень профессионально промассировала ему ноги, облачила в просторную больничную рубаху и заставила встать. Он чуть не упал в обморок. Она уложила его обратно в постель и ушла.

Вернувшись в следующий раз, она снова сменила прическу. На сей раз ее волосы отросли и были туго схвачены на затылке серебряным кольцом, спадая прямым конским хвостом с широкими серебистыми прядями. Он мог поклясться, что она постарела еще на десять лет. *Что это со мной?* Держалась она чуть мягче, но не так жизнерадостно, как в первый раз. Она провела его по комнате туда и обратно, отчего он совершенно обессилел и вскоре снова заснул.

Он ужасно огорчился, когда она снова вернулась в своем ледяном, коротко стриженном воплощении. Однако пришлось признать, что подняла и заставила его двигаться она вполне действенно. Она гаркала на него, как сержант в учебке, зато он пошел, а потом — даже без посторонней помощи. Она впервые вывела его за порог комнаты. Короткий коридор заканчивался уходящей в стену дверью, и она провела его туда и обратно.

Только они завернули на очередной круг, как дверь с шипением отъехала в сторону и из нее появилась доктор Дюрона. В хвостатом обличии. Он уставился на стоящую рядом Дюрону с карэ и чуть не разрыдался. «Нечестно. Вы меня запутали.» Он сморгнул слезы с глаз и вгляделся в нашивки с именами. С карэ была доктор Х.Дюрона. С конским хвостом — доктор П.Дюрона. «А где моя доктор Дюрона? Мне нужна доктор В.»

— Эй, Хризантема, как у него дела? — спросила доктор П.

Доктор Х. ответила: — Не так уж плохо. Хотя сейчас я его почти вымотала сеансом терапии.

— Я бы сказала… — Он пошатнулся, и доктор П. шагнула подхватить его. Он не мог заставить свой рот выговорить членораздельное слово: выходили лишь приглушенные рыдания. — Я бы сказала, «отделала».

— Не совсем, — отозвалась доктор Х., подхватывая его с другой стороны. Вместе они повели его в постель. — Но, похоже, психическое выздоровление в данном случае наступит позже физического. А это не есть хорошо. На нас давят. Лилия начинает терять терпение. Он должен наладить свои связи поскорее, не то станет для нас бесполезен.

— Лилия никогда не теряет терпения, — укорила ее доктор П.

— На этот раз — теряет, — отозвалась мрачно доктор Х.

— А психика действительно должна восстановиться? — Ему помогли лечь, а не рухнуть.

— Кто знает. Физическое состояние Верба нам гарантировала. Она проделала

потрясающую работу. В его мозгу наблюдается множественная электрическая активность, при этом что-то должно заживать.

— Да, но не мгновенно, — раздался из коридора теплый голос с ноткой иронии. — И что это вы обе делаете с моим бедным пациентом?

Это была доктор Дюрона. Снова. Ее прекрасные длинные и абсолютно черные волосы были свернуты в неаккуратный узел на затылке. Пока она с улыбкой шла к ним, он беспокойно вгляделся в ее именную нашивку. «Доктор В.Дюрона». *Его* Дюрона. Он облегченно всхлипнул. Дальнейшей путаницы ему было бы просто не вынести, от нее он страдал сильней, чем от физической боли. Похоже, с нервами у него было еще хуже, чем с телом вообще. Он себя ощущал, словно в ночном кошмаре, — только кошмары омерзительнее, в них больше крови и расчлененных тел, а тут просто женщина в зеленом стоит по всей комнате и спорит сама с собой.

— Физиотерапия и пытки суть одно и то же, — съязвила доктор Х.

Да, это все объясняет…

— Заходи его пытать попозже, — пригласила доктор В. — Но… мягко.

— И насколько мне можно будет это дело форсировать? — доктор Х., собранная, серьезная, делала заметки в своем органайзере. — Ты же знаешь, что за настоятельные запросы идут сверху.

— Знаю. Физиотерапия не чаще, чем раз в четыре часа, пока я не дам тебе отмашку. И пульс у него не должен подниматься за сто сорок.

— Так высоко?

— Неизбежное следствие того, что сердце еще до конца не выросло.

— Как скажешь, дорогуша. — Доктор Х. со щелчком захлопнула органайзер и, вручив его доктору П., прошагала к двери. Доктор П. вылетела вслед за ней.

Его доктор Дюрона, доктор В., подошла к постели, улыбнулась и причесала его так, чтобы волосы не падали на глаза. — Тебе скоро пора будет стричься. А на проплешинах начали расти новые волосы. Очень хороший знак. Думаю, раз на голове столько происходит, то и внутри нее что-то должно твориться, а?

«Ну, разве что вы считаете за активность приступы истерии»… Он нервно моргнул, и из глаза скатилась слеза, пережиток последней его вспышки ужаса. Доктор коснулась влажной дорожки и с тревожным сочувствием тихо охнула. Он ощутил внезапную неловкость. *Я не… Не… Я не мутант.* Что?

Она склонилась поближе. — Как тебя зовут?

Он попытался: — Кх… гх… — Язык не слушался. Он знал слова, но никак не мог их выговорить. — Кх… ибя ав'ут?

— Ты повторил за мной? — Она оживилась. — Уже хорошее начало…

— Не! Кх ибя ав'ут? — Он ткнул пальцем в нагрудный кармашек, надеясь, что она не подумает, будто он ее щупает.

— Что? — Она опустила взгляд. — А! Ты спрашиваешь, как зовут *меня* ?

— Д'! Д'!

— Меня зовут доктор Дюрона.

Он застонал и закатил глаза.

— … А мое имя — Верба.

Он откинулся на подушку, вздохнув от облегчения. *Верба* Милое имя. Хотелось сказать ей, что у нее милое имя. Но что, если их всех зовут Вербами? Нет, ту, похожую на сержанта, называли Хризантемой. Все в порядке. Он сможет, если понадобится, выбрать свою доктор-Дюрону из толпы; она неповторима. Он повел рукой, коснувшись ее губ, а затем своих, но она не поняла намека и не поцеловала его.

Неохотно, лишь потому, что не было сил ее удержать, он позволил ей выпустить свою руку. Может, тот поцелуй ему просто приснился. Может, ему и сейчас все это снится.

После ее ухода настало время долгой неуверенности, но, разнообразия ради, он не задремал. Он бодрствовал, покачиваясь на волнах беспокойных и бессвязных мыслей. Их

река несла разрозненные обломки кораблекрушения, картинки, которые могли быть воспоминаниями, но стоило ему обратить свое внимание вовнутрь и попытаться их изучить, как поток мыслей замерз и снова нахлынула паника. Ну так что ж. Займи себя чем-нибудь другим, приглядывая за мыслями лишь уголком глаза, исподтишка; наблюдай за своим отражением в собственных знаниях, играя в детектива в поисках потерянного «Я». *«Если не можешь делать, что хочешь, — делай, что можешь.»* И если он не может задать вопрос «Кто я?», то может хотя бы расколоть вопрос «*Где* я?» Нашлепки с датчиками с него убрали; его больше не отслеживали на расстоянии.

Стояла полная тишина. Он соскользнул с кровати и двинулся к двери. Та открылась автоматически; за ней был короткий коридор, тускло освещенный полосой ночной подсветки на уровне плинтуса.

Сюда, в коридорчик, выходило всего четыре палаты, включая его собственную. Ни в одной не было ни окон, ни других пациентов. Крошечный кабинет со следящим пультом был пуст… нет. На столе рядом с пультом, включенным и с *загруженной* программой, дымилось в чашке какое-то питье. Кто-то вот-вот вернется. Он проскользнул мимо и проверил единственный выход в торце коридора; эта дверь тоже открылась автоматически.

Еще один короткий коридор. Вдоль него тянулись две превосходно оснащенные операционные. Обе по ночному тихие, аппаратура выключена, мусорные баки пусты. И без окон. Пара кладовок — одна заперта, другая нет. Две лаборатории, запертые на ладонный замок; в одной из них сквозь стекло он смутно различил в дальнем углу ряд клеток с лабораторными животными. Лаборатория была набита оборудованием медицинского или биохимического назначения, и куда больше, чем требовалось бы для обычного лечебного учреждения. Здесь отчетливо попахивало исследованиями.

«Откуда я знаю, что…?» Нет. Не спрашивай. Просто иди вперед. В конце коридора маячила лифтовая шахта. Все тело ныло, дыхание причиняло боль, но он должен был поймать свой шанс. «Иди, иди, иди.»

Где бы он ни был, это — самый нижний этаж. Пол шахты был прямо у его ног. Шахта поднималась в темноту, освещенную надписями «С-3», «С-2», «С-l». Устройство было выключено, вход в него перекрывала «дверь безопасности». Он вручную отвел ее в сторону и прикинул, какие у него есть варианты. Он может включить лифт с риском, что где-то на пульте системы безопасности загорится лапмпочка (с чего бы он такое вообразил?). Или может оставить его выключенным и тихонько вскарабкаться по пожарной лестнице. Он попробовал подняться на первую ступеньку, тут у него в глазах потемнело. Он осторожно сделал шаг назад и включил лифт.

Мягко поднявшись на уровень С1, он выбрался наружу. В крошечном вестиблюе была одна дверь — сплошная и без каких-либо надписей. Она открылась перед ним и закрылась у него за спиной. Он оглядел самый обыкновенный хозяйственный чулан и развернулся. Дверь исчезла в ровной стене.

Ему понадобилась целая минута, чтобы испуганно оглядеться и убедиться, что это не спутанное сознание играет с ним шутки. Дверь маскировалась под стену. Он только что сам себя запер. Он отчаянно принялся колотить по стене, но та не пропустила его обратно. На гладком бетонном полу босые ступни мерзли; у него кружилась голова, он чувствовал себя смертельно усталым. Ему захотелось обратно в кровать. Разочарование и страх были почти непреодолимы — не потому, что они были так уж велики, а потому, что сам он был так слаб.

«Ты хочешь этого потому, что не можешь. Назло. Вперед!» — сурово приказал он сам себе. Опираясь то на одно, то на другое, он пробрался к выходу из кладовки. Эта дверь тоже запиралась снаружи; он обнаружил это, когда она плотно закрылась за ним. *«Вперед!»*

Кладовка выходила в очередной короткий коридор, упиравшийся в обычный лифтовый вестибюль. Этот уровень тоже притворялся конечным, уровнем Б-2; выходы были помечены Б-l, Ц, 1, 2 и так далее, исчезая за пределами видимости. Он выбрал точку отсчета, Ц. Ц — цоколь? Да. Он вышел в темный холл.

Это было небольшое аккуратное помещение, обставленное элегантно, но скорее по-

деловому, чем по-домашнему: с растениями в кадках и стойкой секретаря либо охраны. Вокруг никого. Никаких надписей. Но здесь наконец-то были окна и прозрачные двери. В стеклах смутно отражалось помещение; снаружи была ночь. Он склонился над комм-пультом. Удача! Не просто местечко, где можно присесть, а изобилие информации… ах, черт. Пульт был заблокирован ладонным замком и для него даже бы не включился. Есть способы справиться с таким замком — как же он?… обрывочные картинки стаей неуловимых рыбешек мелькнули перед его взором. Сидя во вращающемся кресле, он положил руки на пустую, неподатливую видео-пластину, уронил на них чересчур тяжелую голову и чуть не расплакался от того, что комм оказался бесполезен.

Его трясло. *«Господи, как я ненавижу холод!»* . Он проковылял к стеклянной двери. На улице шел снег, прожектора выхватывали в белом хлещущие наискось крошечные искрящиеся точки. Такие твердые, которые с шипением ужалят голую кожу. Перед его мысленным взором мелькнула странная картинка: полночь, метель и дюжина нагих, дрожащих человек — но он не мог связать с этим эпизодом никаких имен, разве что ощущение полной катастрофы. Вот, значит, как он умер: замерз под ветром и снегом? Недавно и где-то поблизости?

«Я был мертв». Осознание этого пришло к нему впервые, волна шока распространилась от живота по всему телу. Он ощупал сквозь тонкую ткань больничной рубахи ноющие шрамы на груди. *«И сейчас чувствую себя весьма неважно».* Он хихикнул, и даже на его собственный слух этот звук свидетельствовал о неуравновешенности. Он заткнул себе рот кулаком. Должно быть, раньше у него просто не было времени испугаться, потому что теперь приступ ужаса перед прошлым бросил его на колени. И на четвереньки. От пробирающего холода руки у него неудержимо тряслись. Он пополз.

Видимо, он включил какой-то датчик, потому что прозрачная дверь с шипением отворилась. О, нет, больше он этой ошибки не допустит, не даст себя выгнать во внешнюю тьму. Он пополз назад. Перед глазами у него все расплывалось, и он каким-то образом умудрился развернуться; свою ошибку он осознал, когда под его руками гладкий кафельный пол сменился ледяным бетоном. Что-то, точно удар, поразило его в голову с мерзким жужжащим звуком. Он ощутил непреодолимое сопротивление, почувствовал запах паленого волоса. На сетчатке вспыхнули радужные круги. Он попытался податься назад, но рухнул поперек дверного паза в кашу из ледяной воды и какого-то липкого оранжевого месива, похожего на глину. *«Нет, проклятье, о, нет, я не хочу снова в лед!»* Он скорчился в отчаянном спазме.

Голоса; вопли тревоги. Шаги, шум голосов, тепло — о, благословенные теплые руки оттаскивают его прочь от смертоносных дверей. Два женских голоса и один мужской: «Как он сюда выбрался?» —»… не должен был сбежать» — «Позовите Вербу. Разбудите…» — «Он выглядит ужасно.» — «Нет.» — Чья-то рука повернула его лицо за волосы к свету. — «Он вообще так выглядит. Сказать трудно.»

Над ним маячило суровое и обеспокоенное лицо того, кто держал его голову. Ассистент Вербы; молодой человек, который ввел ему тогда успокоительное. Худощавый парень с евразийскими чертами лица и решительно очерченной горбинкой на переносице. Его голубая куртка гласила «В. Дюрона» — достаточно, чтобы свихнуться. Но не «Доктор В.». *«Значит, назовем его… брат Дюрона.»*

Молодой человек говорил: — … опасно. Невероятно, чтобы он в таком состоянии преодолел наши системы безопасности.

— Не з'опасн'сти. — Слова! Его язык выговаривает слова! — Пожарн' 'ыхд. — И он задумчиво добавил: — Болван.

Лицо молодого человека, сбитого с толку оскорблением, перекосилось: — Это ты мне говоришь, Короткое Замыкание?

— Он *разговаривает!* — Над ним возникло лицо *его* доктора Дюроны; ее голос дрожал. Он узнал ее, хоть ее прекрасные волосы и были сейчас распущены, темным облаком паря вокруг лица. *Верба, любовь моя* . — Ворон, что он сказал?

Парень наморщил темные брови. — Готов поклясться, что он только что произнес «пожарный выход». Думаю, бессвязный бред.

Верба широко улыбнулась. — Ворон, все защищенные двери открываются вовне без каких-либо кодовых замков. Для бегства в случае пожара, химического выброса или… ты понимаешь, что за уровень мышления это демонстрирует?

— Нет, — холодно отозвался Ворон.

Должно быть, это «болван» уязвило Ворона, учитывая то, от кого оно исходило… он мрачно ухмыльнулся, глядя на парящие над ним лица и колыхающийся позади них потолок вестибюля.

Откуда-то слева донесся альт женщины постарше, разгонявший столпившихся. — Если вы здесь не нужны, отправляйтесь спать. — В поле зрения вплыла внимательно в него вглядывающаяся обладательница альта: доктор Дюрона, чьи коротко стриженые волосы были почти белы. — Помилуй, Верба, он чуть было не сбежал — в таком плохом состоянии!

— Ну уж и сбежал, — сказал брат Ворон. — Даже если он каким-то образом проник бы через силовой экран, нынче ночью он бы за двадцать минут замерз до смерти — в такой-то одежде.

— Как он выбрался?

Расстроенная доктор Дюрона призналась: — Должно быть, он прошел мимо поста, когда я была в ванной. Простите!

— А представьте, что он сделал бы это днем? Представьте, что его бы увидели? Это было бы катастрофой.

— Теперь я буду запирать дверь в секретное крыло на ладонный замок, — обещала разволновавшаяся Дюрона.

— Не уверена, что этого хватит — учитывая столь замечательное достижение. Вчера он даже ходить не мог. Это наполняет меня не меньшей тревогой, нежели надеждой. По-моему, у нас здесь нечто. Лучше будет поставить охрану у двери.

— Кого на это можно выделить? — спросила Верба.

Несколько докторов Дюрона, одетых кто в халат, кто в ночную рубашку, разом посмотрели на молодого человека.

— Ох, нет, — запротестовал Ворон.

— Верба может приглядывать за ним днем и продолжать свою работу. А ты возьмешь на себя ночную смену, — твердо распорядилась седоволосая.

— Да, мэм, — вздохнул парень.

Она повелительно махнула рукой. — А теперь заберите его обратно в комнату. А тебе, Верба, лучше бы проверить, не пострадал ли он.

— Я возьму парящую платформу, — отозвалась Верба.

— Для него платформы не понадобится, — усмехнулся Ворон. Он опустился на колени, поднял заблудшего на руки и, с шумом выхдохнув, встал.

Показывает свою силу? Гм… нет. — Он весит не больше мокрого пальто. Давай, Короткое Замыкание, пойдем обратно в кроватку.

Мрачно негодуя, он позволил себя нести. Обеспокоенная Верба оставалась рядом, пока они двигались через вестибюль, вниз по лифтовой шахте, через кладовку и обратно в это особое «здание под зданием». По крайней мере на сей раз, поскольку он продолжал дрожать, она сделала температуру вокруг кровати повыше.

Верба обследовала его, особое внимание уделив ноющим шрамам. — Он ухитрился ничего себе внутри не повредить. Но психологически он в плохом состоянии. Может, из-за боли.

— Хочешь, чтобы я ввел ему пару кубиков успокаивающего? — спросил Ворон.

— Нет. Просто пусть в комнате будет полумрак и тихо. Он вымотался. Думаю, он заснет как только согреется. — Она нежно коснулась его щеки, затем губ. — Знаешь, сегодня уже второй раз, как он заговорил?

Ей хочется, чтобы он поговорил с ней. Но он сейчас слишком устал. Слишком

разволновался. Этой ночью между людьми, между всеми этими Дюронами, ощущалось напряжение — большее, чем просто страх медика за безопасность пациента. Они о чем-то беспокоились. О чем-то, имеющем отношение к нему? Сам для себя он может быть чистым листом, но эти люди явно что-то знают — и ничего не говорят.

Наконец Верба поплотнее запахнула халат и ушла. Ворон принес два стула, на один сел, а на другой положил ноги, устроился и принялся просматривать что-то с портативного считывателя. Учится, судя по тому, что он то и дело вызывал страницы заново или делал пометки. Учится на врача, сомнений нет.

Он откинулся на подушки, истощенный сверх всякой меры. Ночная экскурсия чуть было его не прикончила, и что же он узнал ценой всех этих страданий? Не особо много, не считая одного: *«Это очень странное место».*

И я здесь пленник .

Глава 20

За день до запланированного отбытия Марк, Ботари-Джезек и графиня сидели в библиотеке, детально изучая корабельные спецификации.

— Как думаете, у меня будет время остановиться на Комарре и заглянуть к моим клонам? — с легкой тоской спросил Марк графиню. — Иллиан мне разрешит?

СБ, проконсультировавшись с графиней — которая в свою очередь поставила в известность Марка, — для начала разместила клонов в частной комаррской школе-интернате. СБ была довольна, поскольку это означало одну общую охраняемую территорию. Клоны были довольны, поскольку остались вместе с друзьями — единственными знакомыми им людьми во внезапно изменившемся мире. Учителя были довольны, поскольку собрали клонов в один класс для отстающих и вели их к нужному темпу обучения вместе. И в то же время юные беженцы получили возможность общаться с детьми из обычных, по большей части занимающих высокое положение, семей и постепенно воспользоваться удобным случаем адаптироваться в обществе. И графиня настояла, чтобы позже, когда это станет безопасно, клонов, несмотря на их переходный возраст и немалый рост, разместили по приемным семьям. «Как они потом сумеют завести собственную семью, если не получат примера для подражания?» — спорила она с Иллианом. Марк слушал этот разговор с самым неослабным вниманием, какое только возможно, и крепко держал рот на замке.

— Конечно, если хочешь, — ответила Марку графиня. — Иллиан заупрямится, но чисто рефлекторно. Однако… могу предположить, что одна его жалоба будет иметь под собой основания: в связи с тем, куда ты направляешься. Если ты снова, не приведи господь, столкнешься с Домом Бхарапутра, тебе лучше не знать в подробностях, что предприняло СБ. Осмотрительнее будет остановиться на Комарре на пути обратно. — У графини был такой вид, словно собственные слова ей не по вкусу, но, многие годы подчиняясь соображениям безопасности, она теперь рассуждала об этом автоматически.

«Если я снова столкнусь с Васой Луиджи, клоны будут наименьшей из моих проблем», кисло подумал Марк. И вообще, что он хочет от личного визита? Все еще пытается выдать себя за героя? Герою стоит быть сдержанней и строже. И не нуждаться в похвале столь отчаянно, чтобы преследовать свои… жертвы… и ее у них выпрашивать. Сомнений нет, он уже достаточно свалял дурака. — Нет, — вздохнул он наконец. — Если кому-нибудь из них вдруг захочется поговорить со мной, то, думаю, он сумеет меня найти. — И никакая героиня романа его не поцелует.

Эта интонация заставила графиню приподнять брови, но она пожала плечами, соглашаясь.

Ведомые Ботари-Джезек, они вернулись к более практическим материям, как то стоимость топлива и ремонт систем жизнеобеспечения. Ботари-Джезек вместе с графиней — а та, как вспомнил Марк, некогда сама была капитаном корабля, — глубоко увязли в потрясающей технической дискуссии насчет калибровки стержней Неклина, когда картинка

комм-пульта разделилась на две части и в одной из них появилось лицо Саймона Иллиана.

— Привет, Елена, — кивнул он Ботари-Джезек, сидевшей в пультовом кресле. — Будь добра, я бы хотел поговорить с Корделией.

Ботари-Джезек улыбнулась, кивнула, отключила микрофон, скользнула в сторону и спешно поманила графиню, прошептав: — У нас проблемы?

— Он собирается задержать нас, — забеспокоился возбужденный Марк, глядя, как графиня устраивается в кресле перед пультом. — Он собирается пригвоздить мои башмаки к полу, уж я-то знаю.

— Ш-ш! — выбранила их графина. — Вы оба сидите вон там и не поддаетесь искушению заговорить. Саймон — моя добыча. — Она снова включила звуковой канал на передачу. — Да, Саймон, чем могу тебе помочь?

— Миледи, — Иллиан коротко ей кивнул, — если одним словом: можете прекратить. Предлагаемый вами план неприемлем.

— Для кого, Саймон? Не для меня. У кого еще право голоса?

— У Безопасности, — рявкнул Иллиан.

— Ты и есть Безопасность. Я была бы тебе благодарна, если бы ты нес ответственность за собственные эмоциональные реакции и не пытался бы переложить их на нечто расплывчатое и абстрактное. Или уйди с линии и дай мне поговорить с капитаном Безопасность.

— Хорошо. Неприемлемо для меня.

— Если одним словом — перебьешься.

— Я *требую* , чтобы вы прекратили.

— А я отказываюсь. Если все-таки желаешь остановить меня, добейся ордера на мой и Марка арест.

— Я буду говорить с графом, — сухо выговорил Иллиан с видом человека, решившегося на последнее средство.

— Он слишком болен. И с ним я уже говорила.

Иллиан проглотил собственный блеф, почти не подавившись. — Не знаю, чего вы хотите добиться этим запрещенным и рискованным предприятием — разве что замутить воду, рискнуть жизнями и потратить целое небольшое состояние.

— Ну, в этом и вопрос, Саймон. Я *не знаю* , на что способен Марк. И ты тоже не знаешь. Проблема СБ в том, что в последнее время вам не с кем было соревноваться. Вы воспринимаете свою монополию как должное. Немного суеты пойдет вам на пользу.

Какое-то время Иллиан сидел, стиснув зубы. — Этим вы навлекаете на Дом Форкосиганов тройной риск, — произнес он наконец. — Вы подвергаете опасности последнюю имеющуюся у вас замену.

— Я в курсе. И я выбираю риск.

— А у вас есть на это право?

— Больше, чем у тебя.

— В правительстве такой шум за закрытыми дверьми, какого я не видел многие годы, — сказал Иллиан. — Центристская коалиция прилагает все усилия, чтобы найти человека на место Эйрела. Как и три остальные партии.

— Замечательно. Я надеюсь, кто-то из них преуспеет в своих поисках прежде, чем Эйрел встанет на ноги, а то я никогда не заставлю его подать в отставку.

— Так вот как вы видите эту ситуацию? — вопросил Иллиан. — Как шанс положить конец карьере вашего мужа? И это по-вашему *верность* , миледи?

— Я вижу шанс увезти его из Форбарр-Султана живым, — ледяным тоном ответила она, — и в таком исходе мне по прошествии лет часто приходилось отчаиваться. Выбирай, чему верен ты, — а я выберу сама.

— Но кто способен стать его преемником? — жалобно спросил Иллиан.

— Много кто. Ракоци, Форхалас или Сендорф, вот три имени. А если нет, значит с лидерскими качествами Эйрела что-то ужасающим образом не так. Мерило великого

человека — это люди, которых он оставляет после себя, которым он передал свои таланты. Если по-твоему Эйрел настолько мелок, что подавлял вокруг себя всех, кого мог, заражая всех ничтожеством, точно эпидемией… тогда, наверное, Барраяру будет лучше без него.

— Вы знаете, что я так не думаю!

— Отлично. Тогда твой довод самоуничтожается.

— Вы из меня веревки вяжете. — Иллиан потер шею. Наконец он выговорил: — Миледи, я хотел, чтобы мне не пришлось этого вам говорить. Но задумывались ли вы над потенциальной *опасностью* того, что лорд Марку может добраться до лорда Майлза первым?

Она откинулась в креслу, улыбаясь, слегка барабаня пальцами по столу. — Нет, Саймон. О какой опасности ты думаешь?

— Об искушении подняться выше, — отрезал Иллиан.

— Убить Майлза. Говори, черт побери, что думаешь. — Ее глаза опасно сверкнули. — Тогда просто позаботься, чтобы твои люди непременно добрались до Майлза первыми. Верно? Я не возражаю.

— Проклятье, Корделия, — воскликнул загнанный Иллиан, — да *вы* хоть понимаете, что стоит им попасть в неприятности, первым делом они возопят к СБ «Спасите нас!»

Графиня ухмыльнулась. — «Живем, чтобы служить» — по-моему, именно так звучит ваша клятва, ребята. Разве нет?

— Увидим, — прорычал Иллиан и отключил комм.

— Что он собирается делать? — с опаской спросил Марк.

— Предположительно — действовать через мою голову. Поскольку от Эйрела я его уже отрезала, у него остается лишь один вариант. Не думаю, что мне стоит давать себе труд вставать. Я ожидаю вскоре еще один звонок.

Расстроенные Марк с Ботари-Джезек попытались было вновь заняться судовыми спецификациями. Марк подскочил, когда комм снова звякнул.

Появился неизвестный и не представившийся молодой человек, кивнул Корделии, объявил: — Леди Форкосиган, император Грегор, — и исчез. Вместо него возникла физиономия Грегора, на которой читалось смущение.

— Доброе утро, леди Корделия. Знаете, не стоило вам так будоражить беднягу Саймона.

— Он это заслужил, — спокойно ответила она. — Признаю, у него на уме сейчас слишком много. Подавленная паника всякий раз делает его полным придурком — он поступает так, чтобы не бегать кругами и не вопить. Думаю, для него это такой способ держаться.

— В то время, как кое-кто другой держится с помощью чересчур тщательного анализа, — пробормотал Грегор. Губы графини дрогнули, и Марк внезапно подумал, что знает, кто же бреет брадобрея.

— Его соображения безопасности имеют под собой законные основания, — продолжал Грегор. — *Мудро* ли отправляться в эту авантюру на Джексон?

— Вопрос, на который ответить можно только опытным путем. Так сказать. Согласна, возражения Саймона искренни. Но… как вы полагаете, сир, что лучше послужит интересам *Барраяра* ? Вот этот вопрос вам и следует себе задать.

— В мыслях у меня противоречия.

— А в душе? — Ее вопрос прозвучал, как вызов. Он развел руки, то ли успокаивая ее, то ли защищаясь. — Так или иначе, но тебе придется иметь дело с лордом Марком Форкосиганом много лет. Эта поездка, помимо всего прочего, проверит истинность любых сомнений. Если их не проверить, они так и останутся с тобой навсегда, как неутоленное желание. А это нечестно по отношению к Марку.

— До чего же научно, — выдохнул он. Оба поглядели друг на друга с равной бесстрастностью.

— Я думала, этот аргумент окажется для тебя весом.

— Лорд Марк с вами?

— Да. — Графиня сделала ему знак подойти.

Марк вошел в зону видимости камеры. — Сир.

— Итак, лорд Марк. — Грегор серьезно его изучал. — Похоже, ваша мать хочет, чтобы я дал вам достаточно веревки повеситься.

Марк сглотнул. — Да. Сир.

— Или спастись… — Грегор кивнул. — Так тому и быть. Удачи и доброй охоты.

— Спасибо, сир.

Грегор улыбнулся и выключил комм.

От Иллиана они больше ничего не слышали.

* * *

Днем графиня взяла Марка с собой в Имперский госпиталь, куда она ежедневно ездила навещать мужа. С того дня, как граф заболел, Марк уже дважды проделывал этот путь вместе с ней. И ему это не особо нравилось. С одной стороны, в этом месте пахло так похоже на клиники, где он претерпел столько мучений в годы своего детства на Джексоне; он обнаружил, что помнит до деталей каждую операцию и каждый курс лечения, которые, как ему казалось, он давно забыл. С другой стороны, сам граф по-прежнему ужасал Марка. Сила его личности, даже поверженного, была столь же велика, как и опасность, в какой сейчас находилась его жизнь, и Марк не был уверен, что же пугает его больше.

Он медленно прошагал полпути по коридору до охраняемой палаты премьер-министра и встал, мучаясь нерешительностью. Графиня оглянулась и остановилась. — Да?

— Я… правда не хочу туда заходить.

Она задумчиво нахмурила брови. — Я тебя не заставляю. Но сделаю тебе одно предсказание.

— Говори же, о пророчица!

— Ты никогда не пожалеешь о том, что сделал это. Но можешь глубоко пожалеть о том, что не сделал.

Марк переварил сказанное. — Хорошо, — тихо ответил он и последовал за ней.

Они тихо прошли на цыпочках по пышному ковру. Занавески были отдернуты, открывая панораму небоскребов Форбарр-Султаны, переходящих в более низкие старинные здания, и реки, рассекающей надвое центр столицы. День был облачный, промозглый, дождливый, и серый с белым туман обвивал верхушки самых высоких из современных башен. Граф повернул лицо к серебристому свету. Вид у него был рассеянный, скучающий и больной, лицо одутловато, а зеленоватый цвет придавали ему не только блики света и форменная зеленая пижама, настойчиво напоминающая всем, что он здесь на положении пациента. Он был весь облеплен подушечками датчиков, а к ноздрям шла кислородная трубка.

— А-а, — При их появлении он повернул голову и улыбнулся. Он щелкнул выключателем возле кровати, но теплое пятно зажегшегося света почти не улучшило цвет его лица. — Милая капитан. Марк. — Графиня склонилась к кровати, и они обменялись поцелуем — слишком долгим для простой формальности. Она устроилась в ногах кровати, сев по-турецки и расправив свою длинную юбку, и между делом принялась массировать ему ступни. Граф довольно вздохнул.

Марк приблизился где-то на метр. — Добрый день, сэр. Как вы себя чувствуете?

— Дела чертовски плохи, если ты не можешь поцеловать собственную жену, не задохнувшись, — пожаловался он. Граф лежал на спине, тяжело дыша.

— Меня водят в лабораторию посмотреть на твое сердце, — заметила графиня. — Оно уже размером с цыплячье и довольно жизнерадостно бьется в пробирке.

Граф слабо хохотнул. — Каков гротеск.

— Я думаю, оно очень даже мило.

— Да, для тебя.

— Если хочешь настоящего гротеска, подумай, что ты пожелаешь сделать со старым сердцем, когда все закончится, — с озорной усмешкой посоветовала ему графиня. — Такой удобный случай для безвкусных шуток, что почти невозможно устоять.

— Аж голова идет кругом, — пробормотал граф. Он поднял взгляд на Марка, все еще улыбаясь.

Марк набрал воздуху. — Леди Корделия ведь уже объяснила вам, сэр, что я собираюсь сделать?

— М-м. — Улыбка исчезла. — Да. Берегись нападения сзади. Гадкое это место, Единение Джексона.

— Да. Я… знаю.

— И бережешься. — Он повернул голову, уставившись в серое окно. — Жаль, что я не могу отправить с тобой Ботари.

Графиня изумилась. Марк мог сейчас прочесть ее мысли прямо по лицу: «Он что, забыл, что Ботари мертв?» Но спрашивать она побоялась. Лишь к ее губам словно прилипла жизнерадостная улыбка.

— Я беру Ботари-Джезек, сэр.

— История повторяется. — Он, напрягшись, приподнялся на локте и сурово добавил: — А лучше бы не повторилась, понимаешь, мальчик? — Он расслабился и снова откинулся на подушки прежде, чем графиня прореагировала и заставила его лечь. Напряжение исчезло с ее лица: сознание графа явно было слегка затуманено, но не настолько, чтобы он забыл о гибели своего оруженосца. — Елена умнее, чем был ее отец, стоит отдать ей должное, — он вздохнул. Графиня закончила массировать ему ноги.

Он лежал на спине, насупив брови, явно стараясь придумать более полезный совет. — Когда-то я думал — я сообразил это, лишь когда стал старше, понимаешь, — что нет судьбы ужаснее, чем стать наставником. Когда ты способен рассказать, как, но уже не сделать это сам. И отправить своего ученика, умного и блестящего, под тот огонь, который предназначен тебе… По-моему, теперь я нашел нечто похуже. Отправить своего ученика туда, чертовски хорошо зная, что у тебя не было возможности его *достаточно* обучить… Будь умен, мальчик. Уворачивайся. Не сдавайся врагу заранее, в собственных мыслях. Потерпеть поражение ты можешь лишь *здесь* . — Он коснулся пальцами висков.

— Я пока даже не знаю, кто мои враги, — уныло протянул Марк.

— Я полагаю, они тебя найдут, — вздохнул граф. — Люди сами предают себя в твои руки, своими словами или как-то еще, если только ты тих и терпелив, если позволяешь им это сделать. Если только в безумной спешке отдаться им самому ты не делаешься глух и слеп как крот. Да?

— Думаю, так. Сэр, — ответил сбитый с толку Марк.

— Ха. — Графу совсем не хватало дыхания. — Увидишь, — прохрипел он. Графиня поглядела на него и встала с кровати.

— Вот, — выговорил Марк, коротко кивнув, — до свидания. — Слова его повисли в воздухе, их было мало. *«Сердечная недостаточность не заразна, черт возьми. Чего ты боишься?»* Он сглотнул и осторожно приблизился к графу. Он никогда не прикасался к этому человеку — не считая случая, когда пытался помочь погрузить его на воздушный мотоцикл. Перепугавшись, собрав все свое мужество, он протянул руку.

Граф стиснул ее в коротком, сильном пожатии. У него была большая, квадратная ладонь с грубыми пальцами: рука, подходящая для кирки и лопаты, клинка и ружья. Собственная рука по контрасту показалась Марку маленькой, детской, пухлой и бледной. У этих рук не было ничего общего — кроме этого пожатия.

— Смерть врагам, мальчик, — прошептал граф.

— Око за око, сэр.

Граф фыркнул коротким смешком.

* * *

Еще один, последний, видео-вызов Марк сделал этим вечером, в свою последнюю ночь на Барраяре. Он украдкой прокрался в комнату Майлза, чтобы воспользоваться его комм-пультом — не сколько по секрету, сколько наедине. Добрых десять минут он пялился на пустую пластину, прежде чем судорожно отстучал недавно полученный номер.

Когда звонок замолк, над видеопластиной появилось лицо светловолосой женщины средних лет. Некогда потрясающе прекрасное, сейчас оно было решительным и уверенным. В голубых глазах виднелся юмор. — Дом коммодора Куделки, — официально ответила она.

Это ее мать. Марк подавил панику до обычной дрожи. — Могу я поговорить с Карин Куделкой, прошу вас… мэм?

Блондинка приподняла бровь. — По-моему, я знаю, с кем сейчас разговариваю, и все же… как мне сказать, кто спрашивает?

— Лорд Марк Форкосиган, — выговорил он.

— Минуточку, милорд. — Она вышла из зоны видимости камеры; он слышал ее удаляющийся голос, зовущий: «Карин!»

Издалека послышался приглушенный стук, искаженные расстоянием голоса, вопль и хохочущий голос Карин, выкрикивающий: — Нет, Делия, это меня! Мама, пусть она уйдет! Меня, только меня! Прочь! — Глухой шум захлопнувшейся двери — возможно, кого-то прищемившей, — визг, затем твердый и уже окончательный хлопок.

Запыхавшаяся и взъерошенная, в поле зрения появилась Карин, поздоровавшаяся с ним мечтательным: — Привет!

Это был не точно такой же взгляд, какой леди Кассия подарила Айвену, но его ясный, голубоглазый близнец. Марк ощутил слабость. — Здравствуйте, — произнес он, переводя дыхание. — Я звоню попрощаться. — Нет, проклятие, это уж слишком односложно…

— Что?

— Гм, извините, я не совсем это имел в виду. Но я вскоре собираюсь отправиться в путешествие за пределы планеты и не хотел уехать, не поговорив с вами еще раз.

— А! — Ее улыбка увяла. — И когда вы вернетесь?

— Точно не знаю. Но когда вернусь, хочу увидеть вас снова.

— Ну… разумеется.

Она сказала «разумеется». Сколько радостных догадок заключено в этом слове .

Она сощурила глаза. — Что-то не так, лорд Марк?

— Нет, — торопливо ответил он. — Гм… я слышал только что голос издалека — это была ваша сестра?

— Да. Мне пришлось выставить ее и запереться, а то бы она встала рядом так, чтобы не попасть в камеру, и строила бы мне рожи, пока мы разговариваем. — Выражение искренней обиды на ее лице тут же дало трещину, когда она добавила: — Так я с ней делаю, когда парни ей звонят.

Значит, он *парень* . Как… как *нормально* звучит. Вопрос за вопросом, он вызвал ее на рассказ ему о ее сестрах, родителях и жизни. Частные школы и дети, которых холят и лелеют… семья коммодора была зажиточной, но барраярский культ работы внушил им страсть к образованию, к успеху — идеал служения, который, точно подводное течение, увлекал их в будущее. Он погрузился в ее рассказ, мечтательно ей сопереживая. Она такая мирная, такая настоящая! Ни тени страдания, ничего искаженного или испорченного. У него появилось ощущение сытости — только полон был не его желудок, а голова. Теплое, счастливое ощущение в мозгу, почти эротическое, но не столь угрожающее. Увы, какое-то время спустя она сообразила, что беседа идет не на равных.

— Бог мой, я заболталась. Извините.

— Нет! Мне нравится слушать, как вы рассказываете.

— Это что-то новое. У нас в семье должно повезти, чтобы тебе удалось ввернуть словечко. До трех лет я не разговаривала. Меня стали проверять. И выяснилось: дело было в том, что сестры все время отвечали за меня!

Марк рассмеялся.

— Теперь они говорят, что я наверстываю упущенное время.

— Я знаю, что такое упущенное время, — печально произнес Марк.

— Да, я… немного слышала. Наверное, ваша жизнь была почти приключением.

— Не приключением, — поправил он. — Катастрофой, быть может. — Интересно, на что становится похожа его жизнь, отразившись в ее глазах? Нечто блестящее… — Может, когда я вернусь, я немного вам о ней расскажу. — Если он вернется. Если у него получится.

«Я не очень-то привлекательная личность. Вы должны знать об этом, прежде...» Прежде чем что? Чем глубже становится их знакомство, тем труднее ему делается поверить ей свои отвратительные тайны.

— Послушайте, я… вы должны понять. — Боже, он говорит совсем как Ботари-Джезек, когда она мучительно признавалась. — Со мной не все в порядке, и я говорю не только о том, что снаружи… — Черт, черт, и что за дело прелестной юной девице до тайных хитростей пытки психопрограммирования и ее изменчивого эффекта? Какое право он имеет забивать ей голову этими ужасами? — Я даже не знаю, что должен вам рассказать.

Сейчас слишком рано, это он ощущал отчетливо. Но *потом* может быть слишком поздно, и она останется с ощущением, что ее обманули и предали. А продлись этот разговор еще минуту, и он примется уничижительно лепетать, выложит все и лишится единственного светлого, ничем не отравленного существа, которое нашел.

Карин озадаченно склонила голову. — Может, вам стоит спросить у графини?

— Вы хорошо ее знаете? Чтобы поговорить с ней?

— О, да. Они с мамой лучшие подруги. Моя мама долго была ее персональной телохранительницей, прежде чем не вышла в отставку и не завела нас.

Марк почувствовал, что тень Лиги Бабушек снова нависла над ним. Могущественные старухи с их генетическими программами… Он смутно ощущал, что есть вещи, которые мужчина должен делать за себя сам. Но на Барраяре обычно прибегают к услугам посредниц. На его стороне госпожа чрезвычайный посол ко всему женскому роду. Графиня поступит ему во благо. Ага, как женщина, которая крепко держит орущего ребенка, чтобы сделать ему весьма болезненную прививку от смертельной болезни.

Насколько он может доверять графине? Смеет ли он довериться ей в этом деле?

— Карин… прежде, чем я вернусь, окажите мне любезность. Если у вас будет возможность поговорить с графиней наедине, спросите, что, по ее мнению, вам следует обо мне узнать прежде, чем мы познакомимся поближе. Скажите, что это я вас просил.

— Хорошо. Я люблю беседовать с леди Корделией. Она мне в каком-то смысле наставница. С ней я думаю, что могу все. — Карин помедлила. — А если вы вернетесь к Зимнепразднику, вы потанцуете со мной снова на балу в императорском дворце? И на этот раз не станете прятаться в угол, — строго добавила она.

— Если я вернусь к Зимнепразднику, в угол мне прятаться будет не надо. Да.

— Хорошо. Я напомню вам, что вы дали слово.

— Слово Форкосигана, — беспечно отозвался он.

Она широко распахнула голубые глаза. — О-о, боже. — Мягкие губы приоткрылись в ослепительной улыбке.

Он ощутил себя человеком, который собирался сплюнуть, а вместо этого у него из губ нечаянно вылетел бриллиант. И затолкать его обратно и проглотить он уже не может. Это в девочке форская жилка — столь серьезно относиться к слову мужчины.

— Теперь я должен идти, — сказал он.

— Хорошо. Лорд Марк… берегите себя.

— Я… почему вы это сказали? — Он мог поклясться, что не произнес ни слова относительно того, куда и зачем отправляется.

— Мой отец военный. У вас такой же взгляд, как у него, когда он не стесняясь лжет что-то насчет проблем, в которые по голову увяз. Однако маму ему тоже никогда не удается одурачить.

Ни одна девушка никогда не говорила ему «берегите себя», имея в виду именно это. Он был безмерно тронут. — Спасибо, Карин. — Он неохотно выключил комм жестом, который можно было почти принять за ласку.

Глава 21

Марка с Ботари-Джезек подбросил до Комарра курьерский корабль СБ — очень похожий на тот, на каком они летели раньше. Марк был готов поклясться, что это последнее одолжение, о котором он просит Саймона Иллиана. Эта решимость продержалась до самой комаррской орбиты. Но там Марк обнаружил, что дендарийцы преподнесли ему заранее подарок к Зимнепразднику: от основных сил флота прибыло наконец личное имущество медика Норвуда.

СБ есть СБ, они вскрыли посылку первыми. Оно и лучше: вряд ли они позволили бы Марку прикоснуться к ней, не убедившись сами, что освободили содержимое ото всех секретов. Имея за спиной поддержку Ботари-Джезек, Марк молил, блефовал, запугивал, скулил — и получил доступ к вещам. С явной неохотой СБ допустила его под надзором в закрытое хранилище на своей орбитальной штаб-квартире. Но допустила.

Ботари-Джезек Марк отпустил приглядеть за снаряжением корабля, найденного поверенными графини. Как дендарийский капитан, Ботари-Джезек была не просто самой логичной персоной для решения задач снабжения, но даже слишком для этого хороша. С минимумом угрызений совести Марк выбросил ее из головы, пускаясь в исследование своего нового сундука с сокровищами. Один в пустой комнате. Восхитительно.

Возбужденно сперва проглядев все, что там было (а была старая одежда, библиотека дисков, письма и всякие безделушки — сувениры четырехлетнего пребывания Норвуда у дендарийцев), Марк впал в депрессию и начал склоняться к мысли, что СБ могла быть и права. Здесь не было ничего ценного. Ничего не пристало к рукаву — СБ проверила. Марк отодвинул в сторону одежду, обувь, сувениры и все прочее материальное имущество. Оно создавало у него странное чувство: ношеная одежда, хранящая следы тела, которого больше нет. Слишком уж напоминает о том, что мы смертны. Он сосредоточился на скорее интеллектуальных обломках жизни и карьеры медика: его библиотеке и техническим заметка. СБ, как мрачно подметил Марк, и их просмотрела раньше, и с тем же тщанием.

Марк вздохнул и устроился поудобнее во вращающемся кресле, готовясь к долгой, утомительной работе. Ему отчаянно хотелось получить от Норвуда хоть какую-то подсказку — словно так этот человек, нечаянно отправленный им на смерть, умер бы не столь напрасно. «Никогда не захочу больше быть боевым командиром. Никогда.»

Он не ждал, что подсказка будет очевидной. Но зацепка, на которую он наконец набрел много часов спустя, сработала почти подсознательно. Записка, нацарапанная от руки на пластиковом листке, среди кучи подобных же заметок в учебнике по криоподготовке для медтехников скорой помощи. Все, что она гласила: «Зайти в 9.00 к д-ру Дюрона за лабораторными материалами.».

Неужели *та самая* Дюрона?

Марк отмотал назад, к дипломам и копиям документов Норвуда — части компьютерного досье медика, которую он уже видел в файлах СБ на Барраяре. На обучение криотехнике дендарийцы направили Норвуда в некий Центр Жизнеобеспечения Бошена, почтенный коммерческий криоцентр на Эскобаре. В списке преподавателей, лично работавших с Норвудом, имени «доктор Дюрона» не обнаружилось. И в списке персонала Центра Жизнеобеспечения — тоже. Его вообще нигде не было. Марк проверил все заново, уверенности ради.

Наверное, на Эскобаре есть множество народу по фамилии «Дюрона». Не такая уж

она редкая. Он снова схватил листок. Тот жег его ладонь.

Куинн была на борту пришвартованного неподалеку «Ариэля»; он позвонил ей.

— А-а, — произнесла она, без особой любезности взирая на изображение. — Ты вернулся. Елена говорила. Ну, и что ты делаешь?

— Неважно, что. Слушай, среди дендарийцев есть кто-нибудь, врач или медтехник, обучавшийся в Центре Жизнеобеспечения Бошена? Желательно одновременно с Норвудом? Или приблизительно в то же время?

Она вздохнула. — В его группе было трое. Медик Красного отряда, Норвуд и медик Оранжевого отряда. СБ нас уже спрашивала, Марк.

— Где они сейчас?

— Медик Красного отряда погиб при крушении катера несколько месяцев назад…

— Блин! — он вцепился руками в волосы.

— … а человек из Оранжевого отряда здесь, на «Ариэле».

— Отлично! — возликовал Марк. — Мне нужно с ним поговорить. — Он чуть было не сказал «позови его», но вспомнил, что говорит по секретному каналу СБ и разговор явно прослушивают. — Пришли за мной капсулу.

— Во-первых, СБ его уже допрашивала, и весьма долго, а во-вторых, кто ты такой, чтобы отдавать приказы?

— Вижу, Елена тебе не слишком много рассказала. — Любопытно. Неужели сомнительная присяга оруженосца, которую принесла Ботари-Джезек, выше ее верности дендарийцам? Или она ей просто некогда было болтать? Сколько же времени он пробыл… он глянул на хроно. *Бог мой!* . — Так уж случилось, что я собираюсь на Единение Джексона. И очень скоро. А если ты будешь со мной *очень* любезна, то я *могу* попросить СБ отпустить тебя со мною и разрешить тебе лететь с нами как моей гостье. Может быть. — Он улыбнулся ей, затаив дыхание.

Тлеющий огнем взгляд, каким она наградила его в ответ, был красноречивее самой непристойной цепочки ругательств, которую он в жизни слышал. Губы ее зашевелились — считает до десяти? — но не произнесли ни звука. Когда же она заговорила, голос ее был сдавлен до хрипа: — Твоя капсула будет у причального кольца шлюза через одиннадцать минут.

— Спасибо.

* * *

Медик был сердит.

— Слушайте, я уже через это проходил. Часами. Мы *закончили* .

— Обещаю, что с моей стороны это будет недолго, — заверил его Марк. — Только один вопрос.

Медик злобно воззрился на Марка, видимо, правильно опознав в нем того самого человека, из-за которого на дюжину недель он застрял в корабле на орбите Комарра.

— Не помните: когда вы с Норвудом проходили обучение криотехнике в Центре Жизнеобеспечения Бошена, то не встречалась ли вам некая доктор Дюрона? Возможно, она выдавала лабораторные принадлежности?

— Там все кишмя кишело докторами. Нет. Теперь я могу идти? — Медик привстал.

— Подождите!

— Ваш *один* вопрос вы уже задали. Громилы из СБ мне его тоже задавали.

— А вы им так же ответили? Подождите. Дайте подумать. — Марк беспокойно прикусил губу. Одного имени недостаточно, чтобы попасть в цель, даже для него. Должно быть больше. — А вы не помните… не общался ли Норвуд с высокой, эффектной женщиной с евразийскими чертами лица, прямыми черными волосами, карими глазами… и очень умной. — Про возраст он упомянуть не решился: тот мог быть любым — от двадцати до

шестидесяти.

Медик изумленно на него уставился. — Ага! А вы откуда знаете?

— Кто она была? В каких отношениях они были с Норвудом?

— По-моему, она тоже была студенткой. Он за ней какое-то время приударял, распускал перья, выжал из своего военного блеска сколько мог, — но, по-моему, ее не добился.

— Не помните, как ее звали?

— Вероника, или что-то вроде. Вера. Не помню.

— Она была с Единения Джексона?

— Я считал, что она эскобарка. — Медик пожал плечами. — В клинике были интерны со всей планеты, проходящие курс криооживления. Я сам ни разу с ней не разговаривал. Пару раз видел ее вместе с Норвудом. Должно быть, он считал, что мы попытаемся ее отбить.

— Значит, это была первоклассная клиника. С общеизвестной репутацией.

— Мы так считали.

— Ждите здесь. — Марк оставил медика сидеть в маленьком конференц-зале «Ариэля», а сам бросился на поиски искать Куинн. Далеко бежать ему не пришлось. Она ждала в коридоре, притоптывая ногой.

— Куинн, быстро! Мне нужна видеозапись со шлема сержанта Тауры, сделанная во время высадки. Только один кадр.

— СБ конфисковала оригиналы.

— Но ты, конечно же, сохранила копии.

Она кисло улыбнулась. — Может быть.

— Пожалуйста, *Куинн* !

— Жди здесь. — Она быстро вернулась и протянула ему диск с данными. На этот раз она прошла в конференц-зал вслед за ним. Поскольку теперь защищенный комм-пульт не принимал отпечатка его ладони, как Марк ее ни вертел, ему пришлось попросить Куинн. Он быстро промотал вперед запись Тауры, пока не добрался до нужного изображения. Крупным планом лицо высокой, темноволосой девушки: голова повернута, глаза широко распахнуты. Марк смазал на кадре фон — обстановку клон-яслей — и лишь тогда жестом подозвал медика взглянуть.

— Эй!

— Это она?

— Это… — медик вгляделся. — Она моложе. Но она. Откуда это у вас?

— Не важно. Спасибо. Не буду больше отнимать вашего времени. Вы нам очень помогли.

Медик вышел так же неохотно, как раньше заходил, даже оглянулся через плечо.

— Что все это значит, Марк? — вопросила Куинн.

— Вот сядем на мой корабль, отправимся, тогда я тебе и расскажу. И не раньше. — У него перед СБ фора на старте, и он не собирался ее уступать. Если бы они отчаялись хоть чуть меньше, они бы не позволили ему лететь — графиня там или не графиня. Все почти справедливо: у него нет никаких данных, которыми в принципе не обладает СБ. Он лишь сложил информацию чуть по-другому.

— Черт побери, откуда ты взял корабль?

— Мать подарила. — Он старался не ухмыляться.

— Графиня? Пропади все пропадом! Она что тебя, *отпустила* ?

— Не завидуй тому, что у меня есть кораблик, Куинн. В конце концов, старшему брату мои родители подарили целый *флот* . — У него заблестели глаза. — Увидимся на борту, как только капитан Ботари-Джезек доложит о готовности.

* * *

Собственный корабль. Не краденый, никаких обманов и подлогов. Его собственный, по законному праву дарения. Марк никогда не получал подарков на день рождения, а теперь получил. За все двадцать два года сразу.

Маленькая яхта принадлежала к старому поколению судов; прежде — в благодатные дни до барраярского завоевания — она принадлежала комаррскому олигарху. Некогда она была почти роскошна, но последние десять лет или около того явно пребывала в запустении. Марк понимал, что это не свидетельствовало о трудных временах, переживаемых комаррским кланом: яхту просто собирались заменить новой, потому и продали. Комаррцы разбирались в бизнесе, а форы разбирались, как связаны бизнес и налоги. Так что бизнес при новом режиме возродился почти с былой силой.

Марк объявил корабельный салон оперативным конференц-залом и сейчас окидывал взглядом гостей. Те расселись на прикрепленных к покрытому ковром полу креслах вокруг фальшивого камина: изображение первобытного пляшущего пламени дополняло тепло от инфракрасного излучателя.

Конечно, здесь была Куинн, по-прежнему в дендарийском мундире. Она уже полностью обгрызла ногти и принялась прикусывать щеки изнутри. Бел Торн сидел тихий и замкнутый, его неизменная мрачность лишь подчеркивала тонкие морщинки вокруг глаз. Сержант Таура возвышалась возле Торна — огромная, озадаченная и настороженная.

Это не штурмовая группа. Марк спросил себя, не должен ли был он укомплектоваться мускулами повнушительнее… нет. Единственное, чему научила его первая операция: если у тебя недостаточно сил для победы, не прибегай к силе вообще. Так что снял сливки, подобрал самых опытных в отношении Единения Джексона людей, каких ему могли представить дендарийцы.

Вошла капитан Ботари-Джезек, кивнув ему. — Мы тронулись в путь. Только что мы сошли с орбиты, и твой пилот принял управление. Двадцать часов до первой скачковой точки.

— Спасибо, капитан.

Куинн подвинулась, освободив рядом место для Ботари-Джезек. Марк сел на порожек фальшивого камина, спиной к потрескивающему огню, свободно положив сцепленные ладони меж коленей. Он глубоко вздохнул. — Добро пожаловать на борт, и благодарю вас всех за то, что вы здесь. Как все вы понимаете, это не официальная дендарийская экспедиция и СБ ее ни санкционировала, ни спонсировала. Наши расходы частным образом оплачивает графиня Форкосиган. Вы все числитесь как находящиеся в личном отпуске за свой счет. С одним исключением. У меня нет формальной власти над кем-либо из вас. И у вас надо мной. Но у нас есть неотложные взаимные интересы, которые требуют объединить наши таланты и знания. Первое — это истинная личность адмирала Нейсмита. Ты уже довела ее до сведения сержанта Тауры и капитана Торна, Куинн?

Бет Торн кивнул. — Мы со стариной Тангом вычислили ее очень давно. Боюсь, тайна личности Майлза была не настолько тайной, как он надеялся.

— Для меня это было новостью, — пророкотала сержант Таура. — Хотя это, разумеется, стало ответом на многие вопросы, которые я себе задавала.

— Все равно, добро пожаловать во Внутренний Круг, — подытожила Куинн. — Официально. — Она повернулась к Марку. — Ладно, что там у тебя есть? Что это за зацепка, наконец-то?

— О-о, Куинн. Зацепок-то у меня до фига. Вот мотива — не хватает.

— Значит, ты на голову впереди СБ.

— Быть может, ненадолго. Они уже отправили на Эскобар агента, прояснить подробнее насчет Центра Жизнеобеспечения Бошена — так что они на грани обнаружения той же зацепки, что и я. Но когда я планировал эту экспедицию, у меня был исходный список двадцати точек на Единении Джексона, которые надо заново и глубоко проверить. В результате кое-чего, обнаруженного мною в личном имуществе Норвуда, я изменил порядок

пунктов в списке. Если Майлза оживили — а это часть моей гипотезы — то сколько, по-вашему, пройдет времени, пока он не вытворит что-нибудь и не привлечет к себе внимание?

— Немного, — неохотно признала Ботари-Джезек.

Куинн с кислым видом кивнула. — Хотя он еще может прийти в себя с временной амнезией. — «Или постоянной» — этого вслух она не добавила, но Марк видел страх на ее лице. — Для криооживления такое скорее правило, чем исключение.

— Вопрос в том, что… мы с СБ не единственные, кто ищет Майлза. По моему ощущению, время начинает поджимать. Чье внимание он привлечет прежде всего?

Куинн мрачно хмыкнула. Торн с Таурой обменялись встревоженными взглядами.

— Отлично. — Марк запустил пальцы в волосы. Подниматься и расхаживать по салону, на манер Майлза, он не стал; и все равно, под неодобрительным взглядом Куинн он почувствовал себя так, словно принялся ковылять и переваливаться, как утка. — Вот что я выяснил и вот что думаю. Когда Норвуд обучался на Эскобаре предкриогенной подготовке, он познакомился с некоей доктором Вероникой или Верой Дюрона с Архипелага Джексона, которая тоже стажировалась там по курсу криооживления. Между ними завязались некие определенные отношения, достаточные, чтобы он вспомнил о ней, когда оказался в безвыходном положении в комплексе Бхарапутры. И он достаточно ей доверял, чтобы отправить на ее адрес криокамеру. Вспомните, в тот момент у Норвуда к тому же было впечатление, что Дом Фелл — наш союзник. Потому что группа Дюрона работает на Дом Фелл.

— Минутку! — немедленно вмешалась Куинн. — Дом Фелл заявил, что у них криокамеры нет!

Марк успокаивающим жестом поднял руку. — Позвольте мне преподать вам немного джексонианской истории, насколько я ее знаю. Примерно девяносто или сто лет назад…

— Боже, лорд Марк, и долгим будет рассказ? — спросила Ботари-Джезек. Услышав, как та употребила барраярский титул, Куинн пронзительно на нее глянула.

— Потерпите немножко. Вы должны понять, кто это такие — группа Дюрона. Примерно девяносто лет назад отец нынешнего барона Риоваля основал свою хитрую, базирующуюся на генетике, работорговлю — фабрику людей на заказ. В какой-то момент ему пришло на ум: а зачем нанимать гениев со стороны? Выращу-ка я своих собственных. Умственные способности — почти неуловимы, их трудно генетически запрограммировать, но старик Риоваль сам был гением. Он начал проект, кульминацией которого стало создание женщины, которую он назвал Лилией Дюрона. Она должна была стать музой его медицинских исследований, его доктором для рабов — или доктором-рабом, выбирайте любой смысл.

— Она выросла, выучилась и приступила к работе. И работала блестяще. Примерно тогда же старый барон Риоваль умер, и не то чтобы таинственно: при одной из первых попыток пересадки мозга.

— Я сказал «не то, чтобы таинственно», поскольку в тот же момент обнаружился характер его сына и преемника, нынешнего барона Риоваля. Первым делом он избавился ото всех своих сестер и братьев — потенциальных соперников. Старик наплодил множество детей. Начало карьеры Риоваля стало на Джексоне своего роде легендой. Взрослых мужчин он попросту поубивал. Женщин и мальчиков — отправил в лаборатории по модификации тел, а оттуда — в супер-закрытые бордели, обслуживать заказчиков именно подобным образом. Думаю, сейчас они все уже умерли. Если им повезло.

— Очевидно, Риоваль применил свой прямолинейный подход и к управлению персоналом, доставшимся ему в наследство. Его отец обращался с Лилией Дюрона как со взлелеянным сокровищем, он же пригрозил ей, что если она не будет сотрудничать, то отправится вслед за своими сестрами самым прямым образом удовлетворять биологические фантазии заказчиков. И она принялась строить планы бегства вместе с презираемым младшим сводным братом Риоваля по имени Джориш Стайбер.

— А! Барон Фелл! — воскликнул Торн. У Торна был вид человека, до которого дошло;

Таура слушала как завороженная; Куинн и Ботари-Джезек ужаснулись.

— Тот самый, но еще не барон. Лилия и юный Джориш сбежали под защиту Дома Фелл. Я думаю, что по сути это Лилия стала для Джориша билетом на свободу. Они оба устроились на службу своим новым господам, выторговав себе немалую автономию — по крайней мере, что касается Лилии. Это была Сделка. Сделки почти священны, насколько что-то вообще может быть священным на Единении Джексона.

— Джориш начал подниматься по ступеням Дома Фелл. А Лилия положила начало Исследовательской группе Дюрона, клонируя себя саму. Снова и снова. Группа Дюрона, которая насчитывает сейчас от тридцати до сорока клонированных сестер, разными способами служит Дому Фелл. Она своего рода семейный доктор для высших должностных лиц Дома, не желающих доверять свое здоровье специалистам из других домов типа Бхарапутры. А с тех пор, как основным товаром Дом Фелл стало оружие, они ведут исследования и разработку военных ядов и биологического оружия. И противоядий к ним. С помощью «пеританта» группа Дюрона принесла Дому Фелл небольшое состояние, а несколько лет спустя, с помощью противоядия к нему же, — уже огромное. Группа Дюрона обладает своего рода скромной известностью среди тех, кто следит за состоянием дел в этой области. А СБ следит. Про них есть куча всякого материала даже в тех несчастных файлах, которые мне позволили посмотреть. Хотя большинство этих фактов на Единении Джексона общеизвестны.

— Джориш, не в последней мере благодаря удаче, которую он принес Дому Фелл в лице Лилии, несколько лет назад поднялся на самую вершину, став бароном Феллом. Теперь на сцене появляются дендарийские наемники. Это *вы* должны рассказать мне, что случилось. — Марк кивнул Белу Торну. — Мне достались лишь подчищенные крохи информации.

Бел присвистнул. — Кое-что я знал, но не думал, что когда-нибудь услышу всю историю целиком. Неудивительно, что Фелл с Риовалем друг друга ненавидят. — Он глянул на Куинн; она кивнула, разрешая ему продолжать. — Ну, примерно четыре года назад Майлз доставил дендарийцам очередной контракт. Нужно было вывезти одного человека. Наш наниматель… прошу прощения, Барраяр, просто я так долго называл их «нашим нанимателем», что это стало рефлексом.

— Сохраняйте этот рефлекс и впредь, — посоветовал Марк.

Бел кинул. — Империя хотела, чтобы мы вывезли инопланетного генетика. Не очень понимаю, зачем. — Он глянул на Куинн.

— А тебе и не надо понимать, — ответила она.

— Короче, некий доктор Канаба, один из ведущих генетиков Дома Бхарапутра, пожелал дезертировать. У Бхарапутры убийственно пессимистический взгляд на то, чтобы их покидали служащие, чья голова полна торговыми секретами. Поэтому ему требовалась помощь. Он заключил сделку с Барраярской Империей, чтобы та предоставила ему приют.

— Вот откуда взялась я, — вставила Таура.

— Да, — подтвердил Торн, — Таура была одним из его любимых проектов. К несчастью, от проекта с супер-солдатами незадолго до того отказались, а Тауру продали барону Риовалю, коллекционировавшему генетические — извини, сержант, — диковинки. Так что нам пришлось устроить ее побег из Дома Риоваль, плюс к тому, что мы устраивали побег Канаба из Дома Бхарапутра. Гм, Таура, ты сама лучше расскажешь, что случилось потом.

— Пришел адмирал и спас меня из главного биоцентра Риоваля, — пророкотала огромная женщина. Она испустила глубокий вздох, словно при некоем приятном воспоминании. — А при бегстве мы целиком уничтожили главный генный банк Риоваля. Столетняя коллекция тканей развеялась в дым. Буквально. — Она улыбнулась, обнажив клыки.

— Той ночью Дом Риоваль потерял примерно пятьдесят процентов своих активов, по оценке барона Фелла, — добавил Торн. — Как минимум.

Марк хохотнул, потом помрачнел. — Это *объясняет* , почему все считают, будто люди барона Риоваля станут охотиться за адмиралом Нейсмитом.

— Марк, — безнадежно произнес Торн, — если Риоваль найдет Майлза первым, то оживит лишь затем, чтобы снова убить. Снова. И снова. Вот почему мы так настаивали на том, чтобы ты сыграл Майлза, когда мы уходили с Единения Джексона. У Риоваля нет мотивов для мести клону — только адмиралу.

— Понятно. Ну, здорово… Спасибо. Эй, а что случилось с доктором Канаба? Если мне можно спросить.

— Его доставили на место в безопасности, — ответила Куинн. — У него теперь новое имя, новое лицо, новая лаборатория и жалование, которое должно сделать его счастливым. Новый верноподданный Империи.

— Хм. Ладно, отсюда я перехожу к другой перекрестной зацепке. Это не секрет и не новость, однако я пока не знаю, что с этим делать. Кстати, точно так же не знает и СБ, хотя как следствие они дважды посылали своих агентов проверить группу Дюрона. Баронесса Лотос Бхарапутра, жена барона, клон Дюроны.

Когтистая рука Тауры метнулась к губам. — Та девочка!

— Да, *та самая* девочка. Я все спрашивал себя, почему от нее у меня мурашки по спине. Я уже видел ее раньше, в ином воплощении. Клон клона.

— Баронесса — одна из старейших клон-дочерей, или сестер, Лилии Дюрона — или как там называть этот род. Улей. Она не продалась задешево. Лотос стала отступницей за одну из самых больших взяток в истории Джексона — за почти равный совместный контроль над Домом Бхарапутра. Двадцать лет она была партнером барона Бхарапутра. А теперь, похоже, она получит еще одну вещь. Группа Дюрона достигла поразительных высот в биологии, но они отказываются пересаживать мозг в тело клона. Это записано непосредственно в уставной договор о сделке между Лилией Дюрона и Домом Фелл. Но баронесса Бхарапутра, которой уже больше шестидесяти стандартных лет, явно планирует вскоре вступить во вторую молодость. Судя по тому, чему мы были свидетелями.

— Вот гадство, — пробормотала Куинн.

— Вот вам очередная перекрестная связь. На самом деле, у нас из этих связей целая чертова «колыбель для кошки», только как бы ухватиться за верную нить. Но это не объясняет, по крайней мере для меня, зачем группе Дюрона утаивать Майлза от *своих собственных хозяев из Дома Фелл* . Однако, должно быть, именно это они сделали.

— Если он у них, — отметила Куинн, прикусив собственную щеку.

— Если, — уступил Марк. — Хотя…, — он чуть просветлел, — это объяснило бы, почему эта изобличающая улика, криокамера, добралась до Ступицы Хеджена. Группа Дюрона не пыталась спрятать ее от СБ. Она пыталась спрятать ее от других джексонианцев.

— Почти все сходится, — сказал Торн.

Марк развел руки, держа их порознь, словно от одной ладони к другой протянулись невидимые нити. — Ага. Почти. — Он сложил ладони. — Вот как обстоят наши дела. И вот куда мы направляемся. Первый трюк, который нам придется выполнить, — это пробраться в джексонианское локальное пространство через скачковую станцию Фелла. Капитан Куинн захватила с собой целый инструментарий для подделки наших удостоверений личности. Согласуйте свои идеи с нею. У нас есть десять дней, чтобы все обдумать.

Компания разошлась, чтобы каждый — он, она или оно — по-своему изучил новые задачи. Ботари-Джезек с Куинн задержались, глядя как Марк встает, потягиваясь и расправляя ноющую от боли спине. Голова у него тоже ныла от боли.

— Весьма неплохой образчик анализа, Марк, — нехотя признала Куинн. — Если это не просто пустая болтовня.

Она уж должна понимать. — Спасибо, Куинн, — искренне ответил он. Он сам молился, чтобы это оказалось не галлюцинацией, не тщательно разработанной ошибкой.

— Да… по-моему, он немного изменился, — рассудительно заметила Ботари-Джезек. — Вырос.

— Да ну? — Куинн смерила его взглядом с ног до головы. — Верно…

Сердце Марка воспылало в алчущем ожидании хоть капельки похвалы.

— … он растолстел.

— За работу, — прорычал Марк.

Глава 22

Он сумел припомнить, как когда-то учил скороговорки. Даже смог вообразить себе целый их список на экране — черные слова на бледно-голубом фоне. Курс ораторского искусства или что-то вроде? К несчастью, хотя экран он представить себе и мог, но вспомнить был в состоянии только одну из его строчек. Он с усилием уселся в кровати прямо и попробовал ее произнести: — Шла Шаша… шша… Шла Шаса ше… Ш-черт! — Он глубоко вздохнул и начал сначала. Снова. Снова. Язык был толстым, как старый носок. Казалось поразительно важным вернуть контроль надо собственной речью. Пока он разговаривает, как идиот, с ним будут и обращаться, как с идиотом.

Могло быть и хуже . Теперь он ест настоящую пищу, а не сладкую водичку и не кашицу-размазню. Уже два дня он сам моется и одевается. Никакой больше больничной рубахи. Вместо нее ему выдали футболку и штаны. *Как тренировочный костюм* . Сперва было приятно, что они серые, затем беспокойно — потому что он не мог вспомнить, отчего приятно. «Шла. Саша. По шоссе. И сосала. Сушку. Ха!» Он откинулся на спину, триумфально пыхтя. Потом поднял взгляд и увидел, как в дверь заглядывает доктор Дюрона, наблюдающая за ним с легкой улыбкой.

Все еще задыхаясь, он пошевелил пальцами, приветствуя ее. Она подошла и присела на краешек кровати. На ней был привычный, все скрывающий, зеленый хирургический халат, а в руках сумка.

— Ворон говорит, ты пол-ночи бормотал, — заметила она, — А ты вовсе не бормотал, правда? Ты практиковался.

– 'га. — Он кивнул. — Буд' г'рить. Команд'… — он коснулся губ, потом жестом обвел комнату. — Слуш'ся.

— Вот как ты думаешь? — Брови ее изумленно приподнялись, но глаза смотрели пристально. Она подвинулась и поставила между ними на кровати столик-поднос. — Садись, мой властный маленький друг. Я принесла тебе кое-какие игрушки.

— Торо' дец'во, — угрюмо пробормотал он и рывком снова сел прямо. Грудь всего лишь ныла. По крайней мере, он видел, что сделали медики с самыми отталкивающими моментами его второго младенчества. А потом должна наступить вторая юность? Боже упаси. Может, эту страницу ему удастся пролистнуть. *«Почему я так страшусь юности, которую не помню?»*

Он коротко рассмеялся, когда она перевернула сумку вверх дном и вытряхнула из нее на столик где-то десятка два частей разобранного ручного оружия. — Тест, да? — Он начал их подбирать и составлять вместе. Парализатор, нейробластер, плазмотрон, реактивный пистолет… задвинуть, повернуть, щелчок, ударом вогнать на место… один, два, три, четыре — он выложил их в ряд. — Бат'реи пусты. Не даете мне 'ружия, да? Эти лишние. — Он отодвинул в сторону кучку из полдюжины запасных или неподходящих деталей. — Ха. Хитро. — Он самодовольно ей улыбнулся.

— А ты ни разу не направил оружие ни на меня, ни на себя самого, пока держал его, — с любопытством отметила она.

— М-м? Не замет'л. — Он понял, что она права. Он неуверенно коснулся плазмотрона.

— Тебе ничего не пришло на ум, пока ты это делал? — спросила она.

Он покачал головой со вспыхнувшей заново досадой, потом оживился. — Седня 'спомнил утр'м. Вдош. — Стоило заговорить быстрее, и его речь запуталась до неразборчивости, словно на губах образовался затор.

— В душе , — перевела она, подбадривая его. — Расскажи мне. Говори так медленно,

как тебе надо.

— Медленно. Это. Смерть. — четко выговорил он.

Она моргнула. — Успокойся. Расскажи.

— А. Ну… Вроде… я мальч'к. Еду н-на лошади. Старик н'другой. Ферх на гору. Вс'холод. Лошади… п'хтят, как я. — Как бы глубоко он не дышал, воздуху не хватало. — Деревья. Гора, две, три, 'крыты лесом, межд' дерев'ми новые трубы 'з пластика. Бегут нииз, к хижине. Дед рад, что трубы *эффективны* . — Он приложил все усилия, чтобы выговорить последнее слово без изъянов, и преуспел. — И люди рады.

— А что они делают в этой сценке? — спросила Верба, судя по голосу, сбитая с толку. — Те люди.

Он снова глянул на картинку в собственной голове: воспоминание в воспоминании. — Ж-жгут дерево. Дел'ть сахар.

— Это не имеет смысла. Сахар производится в чанах с биопродукцией, а не делается из горящего дерева, — не поняла Верба.

— Деревья, — настаивал он. — Корич'вые сахарн' деревья. — Выплыло новое воспоминание: старик ломает плитку чего-то, похожего на бурый песчаник, и засовывает ему в рот кусочек попробовать. Прохладное прикосновение узловатых, покрытых пятнами старческих пальцев к щеке, сладость с привкусом кожи и лошадей. Он задрожал от необычайной силы сенсорного взрыва. *«Это было на самом деле».* Но он по-прежнему не мог назвать ни одного имени. *Деда.*

— Горы мои, — добавил он. От этой мысли ему сделалось печально, но он не знал, почему.

— Что?

— Мое вл'дение. — Он угрюмо насупился.

— Что-то еще?

— Нет. Эт' все, 'то есть. — Он стиснул кулаки. Затем разжал их, аккуратно положив пальцы на столик-поднос.

— Ты уверен, что все это тебе не приснилось прошлой ночью?

— Не. *Вдош'* , — настаивал он.

— Очень странно. Вот этого я ожидала, — она кивнула на только что собранное оружие и принялась убирать его обратно в матерчатую сумку. — А то, — движение головы обозначило только что рассказанную историю, — совсем не подходит. Деревья из сахара для меня звучат чистой фантазией.

К чему не подходит? Отчаянное возбуждение прокатилось по нему волной. Он схватил ее за узкое запястье, поймав руку — неподвижную, точно парализованную. — К ч'му не подход'т? *Что ты зна'шь?*

— Ничего.

— Ненеч'го!

— Мне больно, — ровно произнесла она.

Он мгновенно отпустил ее. — Ненеч'го, — продолжал настаивать он. — *Что-т'. Что?*

Она вздохнула, закончила складывать оружие в сумку и, откинувшись на спинку стула, пристально на него поглядела. — Мы не знаем, кто ты, — и это утверждение правдиво. Но правильнее было бы сказать, что мы не знаем, *который* ты.

— Я м'гу выбрать? Расск'жи!

— Ты сейчас на… очень хитрой стадии выздоровления. Посткриогенная амнезия редко завершается восстановлением всей памяти сразу. Это происходит небольшими каскадами. Типичная кривая нормального распределения. Сперва немного, потом в возрастающем объеме. А потом сходит на нет. Несколько последних белых пятен могут остаться на годы. Поскольку больше никаких черепно-мозговых травм у тебя нет, то ты, по моему прогнозу, в конечном итоге восстановишь свою личность целиком. Но…

Какое зловещее «но». Он уставился на нее молящим взглядом.

— На этой стадии, в преддверии каскада, страдающий криоамнезией пациент может

так сильно жаждать собственной личности, что подберет себе ошибочную и начнет собирать доказательства в ее поддержку. Чтобы все исправить, потребуются недели или месяцы. В твоем случае, по особым причинам, не только повышена вероятность такого исхода событий, но и распутать все обратно будет гораздо труднее. Я должна быть очень, очень осторожной, чтобы не внушить тебе того, в чем сама абсолютно не уверена. А это трудно, потому что я сама строю сейчас теории — и, наверное, столь же упрямо, как ты. Я должна быть уверена, что все твои рассказы действительно исходят от тебя, а не внушены мною.

— А-а. — Он осел в подушки, ужасно разочарованный.

— Есть возможность пройти кратчайшим путем, — добавила она.

Он снова выпрямился. — Что? Дай!

— Есть препарат под названием «фаст-пента». Один из его производных в психиатрии применяют как успокаивающее, но обычно он используется при допросах. Называть его сывороткой правды, по сути, не совсем правильно, хотя дилетанты настаивают на таком определении.

— Я… знаю фаст-пент'. — Он насупил брови. Что-то важное он знал про фаст-пенту… Что?

— Он дает исключительный расслабляющий эффект и, в отдельных случаях, вызывает каскад воспоминаний у пациентов с криоамнезией.

— А!

— Однако этот препарат может создать неловкое положение. Под его воздействием люди радостно выбалтывают все, что приходит им на ум, включая самые свои интимные и тайные мысли. Врачебная этика требует, чтобы я тебя предупредила. А еще у некоторых людей к нему аллергия.

— А где вас… 'учили… 'чебной этике? — с любопытством спросил он.

Странно, но она вздрогнула. — На Эскобаре, — ответила она, пристально глядя на него.

— А где мы щас?

— Лучше мне не говорить, по крайней мере пока.

— Как ты можешь заразить м'ю память? — негодующе вопросил он.

— Надеюсь, я скоро тебе все скажу, — успокоила она его. — Скоро.

— Хм, — проворчал он.

Она вытащила из кармана халата маленькую белую упаковку, открыла и отлепила с пластиковой основы кружочек. — Протяни руку. — Он сделал, как было велено, и она прижала кружок к оборотной стороне предплечья. — Кожная аллергическая проба, — объяснила она. — Исходя из всего, что я предполагаю насчет твоей работы, у тебя повышенные шансы иметь аллергию. Искусственно вызванную.

Она отлепила кружок — под ним покалывало — и внимательно стала разглядывать его руку. Там появилось розовое пятнышко, и она нахмурилась. — Чешется? — с подозрением спросила она.

— Нет, — солгал он, стиснув другую руку, чтобы не почесать пятно. Препарат, который вернет ему память, — да он должен его получить! «Белей обратно, чтоб тебя!», мысленно приказал он розовому пятнышку.

— Похоже, ты слегка к нему чувствителен, — задумчиво проговорила она. — На грани.

— *Пжжалуссста…*

Она в нерешительности скривила губы. — Ладно… что мы теряем? Я сейчас вернусь. — Она вышла и вскоре вернулась с двумя пневмошприцами, которые положила на столик-поднос. — Это фаст-пента, показала она, — а это нейтрализатор к ней. Сразу же дай мне знать, если почувствуешь себя странно: начнешь чесаться, ощутишь звон в ушах, затруднения с дыханием или глотанием либо если начнет распухать язык.

— Р'спух щас, — возразил он, когда она закатала ему оба рукава, обнажив бледные худые руки, и прижала первый инъектор ко сгибу локтя. — 'Ткуда я скажу?

— Ты будешь в состоянии говорить. Теперь просто ляг на спину и расслабься. Когда ты

досчитаешь до десяти, то должен почувствовать сонливость, точно плывешь. Попробуй.

— Дес'ть. Дев'т. Вос'. Сем. Шет', пят', ч'тыре, три-два-раззз! — Он не почувствовал сонливости; а чувствовал себя напряженным, нервным и несчастным. — Ты уверена, это тот п'рат? — Он начал барабанить пальцами по столику. Звук неестественно громко отдавался у него в ушах. Предметы в комнате приобрели жесткие, яркие грани и радужный ореол. Лицо Вербы вдруг показалось лишенной души маской из слоновой кости.

Маска угрожающе нависла над ним. — Как твое имя? — прошипела она.

— Я … я… и-и… — Заикание не давало ему выговорить ничего. Он был невидимым, безымянным наблюдателем…

— Странно, — пробормотала маска. — Кровяное давление у тебя должно падать, а не повышаться.

Внезапно он вспомнил ту самую важную вещь насчет фаст-пенты. — Фсс-пент' меня 'ждает.

Она покачала головой, не понимая.

— *Збуждает* , — повторил он; рот словно заело, свело судорогой. Он хотел говорить. Тысячи слов осаждали его язык, теснясь вдоль его нервов, подпихивая друг друга. — Йа. Йа-а!

— Это необычно, — Она хмуро посмотрела на инъектор, который все еще держала в руке.

— Нет, ч'рт. — Руки и ноги распрямились, точно сжатые пружины. Лицо Вербы сделалось хорошеньким, кукольным. Сердце колотилось часто-часто. Очертания комнаты колыхались, точно он плыл под водой. Он с усилием выпрямился. Он должен расслабиться. Он должен расслабиться *немедленно* .

— Вспомнил что-нибудь? — спросила она. Ее темные глаза были точно озера, чистые и прекрасные. Он хотел бы плавать в этих глазах, блистать в них. Хотел угодить ей. Хотел уговорами выманить ее из брони зеленого халата и танцевать с нею, нагой, в свете звезд, и… его лепет на эту тему неожиданно вылился в некий стих — на самом деле, в крайне непристойный лимерик, обыгрывающий очевидный символизм червоточин и скачковых кораблей. К счастью, выговорил он его с кучей ошибок.

К его облегчению, она улыбнулась. Но была еще одна ассоциация, совсем не забавная… — 'Тот раз, когда я это читал, кто-т'меня оф'генно избил. Тогда тоже была фсс-пента.

Ее очаровательную, высокую фигуру сковала настороженность. — Ты уже бывал прежде под действием фаст-пенты? Что ты еще об этом помнишь?

– 'Го з-звали Гален. Злилссся. Не знаю, п'чему. — Он вспомнил побагровевшееe лицо, склонившееся над ним, излучающее неумолимую, убийственную ненависть. Удары, которые на него сыпались. Он поискал в памяти свой страх — и нашел, странным образом смешанный с жалостью. — Не п'нимаю.

— О чем он еще тебя спрашивал?

— Н'знаю. Пр'чел ему еще стихи.

— Ты декламировал ему стихи на допросе под фаст-пентой?

— *Много часов* . Он пр'сто свихнулся.

Она приподняла брови и коснулась пальцем своих мягких губ, приоткрывшихся в восхищении. — Ты *сумел обойти* допрос с фаст-пентой? Потрясающе! Тогда не будем говорить о поэзии. Но ты вспомнил Сера Галена. Ага!

— Гален подходит? — Он встревоженно задрал голову. Сер Гален, о, да! Имя важно, она его узнала. — *Скажи мне* .

— Я… не уверена. Каждый раз, когда мне кажется, что мы с тобой сделали шаг вперед, мы, похоже, уходим на два в сторону и один — назад.

— Шаги. Хочу гулять с'тобой, — доверительно признался он, и вдруг в ужасе услышал собственные слова, грубо и лаконично описывающие, что еще он бы хотел с нею сделать. — Ой. Простите, миледи. — Он затолкал пальцы в рот и прикусил их.

— Все хорошо, — утешила она его. — Это фаст-пента.

— Ннет… это *тестостерон* .

Она откровенно рассмеялась. Обнадеживающий знак, но его мимолетный восторг смыло очередной волной напряжения. Пальцы вцепились в футболку, выкручивая ее, ноги судорожно подергивались.

При взгляде на настенный медицинский монитор она нахмурилась. — Кровяное давление у тебя по-прежнему ползет вверх. Как ты ни очарователен под фаст-пентой, но эта реакция ненормальная. — Она взяла второй инъектор. — Думаю, нам лучше на этом остановиться.

— Я н'нормальный, — печально признался он. — Мутант. — Его накрыло приливом страха. — Ты вынешь мои мозги? — спросил он с внезапно возникшим подозрением, глядя на инъектор.

А затем вспышкой пришло осознание: — *Эй!* Я знаю, где я! На *Единении Джексона* ! — Он в ужасе на нее воззрился, взлетел на ноги и стрелой метнулся к двери, увернувшись от попытки его схватить.

— Нет, подожди, подожди! — окликнула она, бросившись за ним со сверкающим инъектором в руке. — Это у тебя реакция на препарат, стой! Дай я тебе ее уберу! Пион, хватай его!

Он увернулся в лабораторном коридоре от доктора Дюроны с конским хвостом, кинулся в лифтовую шахту и принялся карабкаться вверх по пожарной лестнице рывками, отдающимися вспышками жгучей боли в полузаживших мускулах груди. Бурлящий хаос этажей и коридоров, вопли и звук бегущих ног, и он оказался в том самом вестибюле.

Он стрелой пролетел в прозрачные двери мимо каких-то рабочих, ведущих нагруженную ящиками плавучую платформу. На сей раз силового экрана, отбросившего его назад, не было. Охранник в зеленой парке медленным движением повернулся, вытаскивая парализатор, рот его был открыт в крике, появляющемся на свет тягуче и вязко, точно замерзшая смазка…

Он заморгал: в слепящем сером свете дня перед ним открылась эстакада, мощеная площадка для машин и грязный снег. Он, задыхаясь, побежал через площадку; лед и гравий кусали его босые ноги. Комплекс был огорожен стеной. В ней были открытые ворота, а рядом очередные охранники в зеленых парках. — Не парализуйте его! — вопила женщина где-то сзади.

Он выбежал на грязную улицу и едва увернулся от какой-то машины. Пронзительный серо-белый пейзаж окрасился у него в глазах взрывом красок. Широкое пустое пространство через дорогу было испещрено голыми черными деревьями, чьи ветви, точно скрюченные когти, напряженно тянулись к небу. За стеной, дальше по улице, виднелись и другие, странные, здания. Совершенно незнакомый пейзаж. Он побежал к открытому пространству и деревьям. Голова кружилась, черные и пурпурные тени клубились перед глазами. Холодный воздух сушил легкие. Он пошатнулся, упал на спину и покатился, не в силах вдохнуть.

Полдюжины Дюрон налетели на него, словно волки на добычу. Они подхватили его за руки и за ноги и подняли со снега. Примчалась Верба, лицо ее было напряжено. Зашипел инъектор. Его, точно связанную овцу, торопливо перетащили через шоссе и поспешили занести в большое белое здание. В голове у него начало проясняться, но грудь болела жутко, словно ее сжимали тисками. К тому моменту, когда его вновь уложили в кровать в подземной клинике, вызванная препаратом ложная паранойя исчезла. Сменившись настоящей…

— Как думаешь, его кто-то видел? — с тревогой спросил чей-то альт.

— Охрана на воротах, — отрезал другой голос. — Бригада курьеров.

— А еще кто?

— Не знаю. — Верба тяжело дышала, выбившиеся из пучка пряди волос намокли от снега. — Пока мы его ловили, проехало с полдесятка машин. В парке я никого не видела.

— А я видела, как там гуляла пара человек, — вызвалась еще одна доктор Дюрона. —

Вдалеке, по ту сторону пруда. Они на нас смотрели, но сомневаюсь, что много смогли увидеть.

— Несколько минут мы представляли собой то еще зрелище.

— Что случилось на этот раз, Верба? — раздался усталый альт седоволосой Дюроны. Она прошаркала поближе и встала, разглядывая его и опираясь на резную трость. Похоже палка у нее была не эффекта ради, а по необходимости. И все ей подчинялись. Уж не таинственная ли это Лилия?

— Я ввела ему дозу фаст-пенты, — сухо доложила Верба, — чтобы попытаться пробудить его память. Для криооживленных такое иногда срабатывает. Но у него началась реакция. Подскочило давление, накатила паранойя, и он пустился наутек, точно гончая. Мы не могли его догнать, пока он сам не свалился в парке. — Когда его агония начала утихать, он заметил, что сама Верба все еще не может отдышаться.

Старая доктор Дюрона фыркнула. — И это сработало?

Верба колебалась. — Выяснились кое-какие странные вещи. Мне надо поговорить с Лилией.

— И немедленно, — согласилась старая Дюрона (явно Лилия — это не она). — Я… — но ей не удалось договорить: к его заикающимся, дрожащим попыткам что-то сказать прибавились конвульсии.

На мгновение мир рассыпался брызгами конфетти. Когда он пришел в себя, две женщины его держали, Верба выкрикивала распоряжения, а прочие Дюроны покидали комнату. — Я приду как только смогу, — отчаянно кинула Верба через плечо, — я не могу его сейчас оставить.

Старая Дюрона понимающе кивнула и вышла. Предложенный пневмошприц с антиконвульсантом Верба отвела в сторону. — Записывайте мое распоряжение. Ничего не назначать этому человеку, не замерив сперва его чувствительность к препарату. — Она отослала большинство помощников, а затем затемнила освещение и подняла температуру в палате. Он постепенно отдышался, хотя по прежнему ощущал тошноту в желудке.

— Я виновата, — сказала она ему. — Я не представляла, что фаст-пента может сотворить с тобой такое.

Он попытался произнести «Это не ваша вина», но способностей к связной речи у него хватило лишь на: «Й-й-а. Я. Плохо?»

Она слишком долго молчала, прежде чем ответить: — Может, все обойдется.

* * *

Два часа спустя за ним пришли с плавучей платформой и перевели из палаты.

— К нам поступают новые пациенты, — невозмутимо объяснила ему Дюрона с карэ, доктор Хризантема. — Нам нужна твоя палата. — Ложь? Полуправда?

Больше всего его озадачило то, *куда* его перевели. Воображение рисовало ему картины запертых камер, но вместо этого его подняли грузовым лифтом на несколько этажей выше и разместили на складной койке в личных апартаментах Вербы. Вероятно, на этом этаже жили сами Дюроны — вдоль коридора тянулся ряд одинаковых дверей. Ее квартира состояла из гостиной/кабинета и спальни плюс отдельной ванной комнаты и была довольно просторной, несмотря на царивший там беспорядок. Он почувствовал себя скорее не узником, а домашней зверушкой, которую в обход всех правил тайком протащили в женское общежитие. Хотя он уже видел еще один вариант доктора Дюроны в мужском теле, мужчину лет тридцати, к которому доктор Хризантема обратилась «Ястреб». Цветы и птицы; в этой бетонной клетке все они — цветы и птицы.

Еще попозже какая-то юная Дюрона принесла на подносе ужин, и они вместе с Вербой поели за маленьким столиком в гостиной, пока снаружи сумерки сменяли серый день. Он подозревал, что реально его статус пленника/пациента не изменился, но он чувствовал себя

лучше, покинув больничную палату, избавившись от следящих мониторов и соседства зловещего медицинского оборудования. Чтобы заняться чем-то в высшей степени прозаическим: поужинать с подругой.

После того, как они поели, он прошелся по гостиной. — Не против, если я взгляну на ваши вещи?

— Вперед. И дай мне знать, если тебе что-то придет в голову.

Она по-прежнему ничего не говорила непосредственно о нем самом, но по крайней мере с охотой рассказывала о себе. Его мысленная картинка после этого разговора *изменилась. И почему у меня в голове карта П-В туннелей?* Может, его восстановление пойдет по сложному пути? Он выучит все, что существует во вселенной, а то, что останется, — дырка в форме карлика — по методу исключения и будет он? Устрашающая задача.

Он уставился в поляризованное стекло на висящее в воздухе легкое мерцание, точно вокруг была рассеяна волшебная пыль. Теперь по этому эффекту он опознал силовой экран — шаг вперед в познании мира в сравнении с первым знакомством, когда он уперся в него головой. Он понял, что поле было военного калибра, непроницаемое для всего, начиная от вирусов и молекул газа и до… чего? Очевидно, снарядов и плазмы. Где-то здесь должен быть мощный генератор. Защита была встроена позднее, изначальная архитектура здания ее не предусматривала. Здесь была своя история… — Мы на Единении Джексона, да? — спросил он.

— Да. Что это значит для тебя?

— Опасность. Случается плохое. Что *это* за м'сто? — Он повел рукой.

— Клиника Дюрона.

— Да ну? И кто вы? Почему я тут?

— Мы — собственная клиника Дома Фелл. Мы выполняем для них всякого рода медицинские задачи, по необходимости.

— Дом Фелл. Оружие. — Ассоциации выстроились почти автоматически. — Биологическое оружие. — Он обвиняюще на нее воззрился.

— Иногда, — призналась она. — И биологическая защита тоже.

Был ли он солдатом Дома Фелл? Или взятым в плен вражеским солдатом? Черт, да какая армия вообще возьмет в солдаты наполовину искалеченного коротышку?

— Вам меня передал Дом Фелл?

— Нет.

— Нет? Т'к… почему я тут?

— Для нас это тоже было большой загадкой. Ты прибыл замороженным в криокамере, и, судя по всем признакам, тебя готовили в большой спешке. Контейнер был адресован мне, он был в общей доставке, а обратного адреса не было. Мы надеялись, что если мы тебя оживим, ты сможешь нам рассказать.

— Тут еще что-то.

— Да, — откровенно призналась она.

— Но ты мне н'скажешь.

— Пока нет.

— А ч-что будет, если я отсюда уйду?

Она встревожилась. — Не надо, пожалуйста. Тебя убьют.

— Снова?

Они кивнула: — Снова.

— Кто?

— Это… зависит от того, кто ты такой.

Он переменил тему разговора, а затем еще три раза заводил беседу вокруг да около, но не смог ни убеждением, ни хитростью заставить ее рассказать ему что-то о нем самом. Утомленный, он на ночь отступил — лишь затем, чтобы без сна лежать на своей койке, терзая мысленно этот вопрос, как хищник терзает тушу. Но как он эти кости не вертел,

ничего хорошего не вышло, кроме студившего его мозг холодка досады. «С этим надо переспать», сказал он себе. Завтрашний день должен принести что-то новое. Каким бы его положение не было, но только не стабильным. Он ощущал это, чувствовал, будто балансирует на лезвии ножа; под ним простиралась темнота, скрывающая то ли мягкий пух, то ли заостренные колья, то ли вообще ничего — и падение должно было быть бесконечным.

* * *

После горячей ванны и лечебного массажа он не был так уж уверен в логическом обосновании происходящего. Вот упражнения, это он понимал; доктор Хризантема приволокла в кабинет Вербы велотренажер, предоставив ему возможность самому вымотаться почти до потери сознания. Все болезненное должно быть для него полезно. Хотя пока никаких отжиманий. Он попробовал было раз и свалился, выпучив глаза, с приглушенным воплем агонии; а разгневанная доктор Хризантема весьма твердо наорала на него за попытку делать самовольные физические упражнения.

Доктор Хризантема записала что-то и снова ушла, предоставив его на милость нежной Вербы. Сейчас он лежал, распаренный, на ее кровати, в одном лишь полотенце на бедрах, пока она проверяла состояние костно-мышечного аппарата — по всей задней стороне тела, туда и обратно. Когда массаж делала доктор Хриз, пальцы у нее были как щупы; руки Вербы ласкали. Анатомически не приспособленный для мурлыкания, он ухитрялся то и дело издавать легкий, ободрительный и признательный стон. Она дошла по его ног и ступней и двинулась в обратном направлении.

Весьма удобно вдавленный в тот момент лицом в подушку, он начал постепенно осознавать, что о готовности докладывает еще одна система его тела — впервые раз после оживления. Ну конечно, кое-что восстало из мертвых… Встало. Лицо его вспыхнуло от смеси смущения и восторга, и он как бы случайно подтянул руку, чтобы прикрыть свою физиономию. *Она твой врач. Она захочет знать* . Будто бы она не свела еще близкого знакомства с каждой частью его тела — внутри и снаружи! Она сейчас была чертовски к нему близка — в буквальном смысле. Но все равно он продолжал прикрываться рукой.

— Переворачивайся, — распорядилась Верба, — я пройдусь по другой стороне.

— Э-э… лучш не надо, — пробормотал он в подушку.

— А почему нет?

— Гм… помн'шь, ты просила меня сказать, не оживет ли что-то… в памяти?

— Да…

— Ну… кое-что ожило.

Последовала секунда молчания, а затем: — О! Тогда точно переворачивайся. Я должна тебя обследовать.

Он вздохнул. — Что не сдел'шь для науки…

Он перевернулся, и она стянула с него полотенце. — Такое уже случалось прежде? — спросила она.

— Нет. Перв'раз в жизни. Этой жизни.

Длинные прохладные пальцы быстро, по-медицински его ощупали. — А что, неплохо, — с воодушевлением сообщила она.

— Тебе *спасибо* ! — радостно воздал он ей хвалу.

Она рассмеялась. Он не нуждался в подсказке памяти, чтобы понять: если женщина смеется твоим шуткам на такую тему, это добрый знак. Он попробовал нежно притянуть ее лицо к себе. *«Ура науке! Посмотрим, что случится.»* Он поцеловал ее. Она поцеловала его в ответ. Он растаял.

После этого и наука, и речь были на какое-то время отложены в сторону. Не говоря уж о зеленом халате и всем, что было надето под ним. Ее тело было именно таким прекрасным, каким он его себе воображал, — чистая эстетика линий и округлостей, мягкость цветка,

сокровенные местечки. Его собственное тело представляло собой разительный контраст: скелетик, исчерченный отвратительными алыми шрамами.

На него нахлынуло острое осознание того, что недавно он был мертв, и он обнаружил, что целует ее — отчаянно, страстно, словно она была самой жизнью и вот так он мог овладеть этой жизнью, насытиться ею. Он не знал, враг она или друг, хорошо он поступает или нет. Но *это* было влажным, горячим, полным движения, а не ледяным и неподвижным; безусловно, самая б*о* льшая противоположность криостазису из всех, что только можно вообразить. *«Лови день».* Потому что поджидает ночь, холодная и неумолимая. Этот урок словно вспышкой вырвался у него изнутри. Она широко распахнула глаза. Лишь проблемы с дыханием заставили его сбавить темп до более благоразумного и пристойного.

Собственное уродство должно было беспокоить его, но этого не было, и он спрашивал себя: почему? *«Любовью занимаются с закрытыми глазами».* Кто сказал ему это? Та же женщина, что произнесла: «Это не суть, это движение»? Открывать для себя тело Вербы было все равно что иметь дело с кучей разобранного оружия. Он знал, что делать, какие части подходят, а какие здесь для маскировки, но не мог вообще вспомнить, откуда он этому научился. Инструкции осталось с ним, но инструктора стерли. Такое сочетание знакомого со странным беспокоило его куда глубже, чем все, что он до этого момента успел пережить.

Она задрожала, вздохнула и расслабилась, а он продолжил на ее теле дорожку поцелуев до самого уха, прошептав: — Н'думаю, что я могу отжиматься — пока что.

— О! — Она распахнула подернутые поволокой глаза, ее взгляд сфокусировался. — Боже. Да. — Несколько минут экспериментов, и одобренная с медицинской точки зрения позиция была найдена: он с превеликим удобством лежит на спине плашмя, и никакого давления или напряжения не приходится на грудь, руки или живот. На этот раз наступила его очередь. Это казалось правильным: «дамы вперед», и в него не станут швырять подушками за то, что он заснул сразу после. Ужасающе знакомый рисунок — но все детали не те. Верба тоже уже занималась этим раньше, понял он, хотя, наверное, не слишком часто. Но вряд ли с ее стороны требовался огромный опыт. Его тело действовало превосходно…

— Доктор Д., — вздохнул он, — т'гений. Аск… Ашк… Эск… этот грек мг'брать у тебя уроки воскр'шения.

Она рассмеялась и растянулась на кровати рядом с ним, тело к телу. *«Мой рост не имеет значения, когда мы лежим.»* Это он тоже уже знал. Их поцелуй — уже не такой торопливый, изучающий, — отдавал привкусом мятной конфетки после еды.

— У тебя это *очень* хорошо выходит, — хрипловато выговорила она, покусывая ему ухо.

— Ага… — Его усмешка исчезла, и он уставился в потолок, нахмурив брови в сочетании легкой меланхолии после соития и возобновившейся, хоть и чисто умственной, досады. — … интересно, а я женат? — Она отдернула голову, и он чуть не прикусил язык, видя ее страдающий взгляд. — Н'думаю, — добавил он быстро.

— Нет… нет. — Она снова приняла прежнюю позу. — Ты не женат.

— Кем бы я ни был?

— Правильно.

— Ха. — Он помедлил, наматывая на палец ее длинные пряди, бездумно раскладывая их веером по скоплению красных шрамов у себя на груди. — Так как ты дум'шь, с кем ты сейчас зан'малась любовью?

Длинным указательным пальцем она мягко коснулась его лба. — С тобой. Просто с тобой.

Это было самым приятным, но… — А эт ' была любовь или лечение?

Она улыбнулась, поддразнивая его и очерчивая пальцами его лицо. — Я думаю, всего понемногу. А еще любопытство. И удобный случай. За последние три месяца я ушла в тебя с головой.

Это прозвучало как честный ответ. — Каж'тся, ты сама создала эт ' случай.

По ее губам скользнула глупая улыбка. — Ну… может быть.

Три месяца . Интересно. Значит, он был мертв чуть больше двух. В таком случае, Дюроны здорово на него потратились. Начнем с того, что три месяца работы этой женщины стоят недешево.

— Зач'м т это дел'шь? — спросил он, мрачно глядя в потолок, пока она осторожно прикорнула у него на плече. — Я хочу сказ'ть, все. Чего ты ждешь от меня? — Полукалека, заика, пустой и глупый, без единого доллара за своей безымянной душой. — Ты так жадно ж-ждешь моего в'доровления, словно я — твоя н'дежда на рай. — Теперь он понимал, что даже жестоко деловая физиотерапевт Хризантема давит на него ради его же блага. Ему почти нравился ее безжалостный напор. Он откликался на него. — Кто 'ще хочет меня з'получить, раз вы меня прячете? Враги? — *Или друзья* ?

— Определенно враги, — вздохнула Верба.

— М-м. — Он в изнеможении откинулся на спину; она задремала, но он — нет. Он трогал ее разметавшиеся волосы и задавал себе вопросы. Что она увидела в нем? *«А я себе ее представляла хрустальным гробом заколдованного рыцаря… Я извлекла из тебя столько осколков гранаты, что практически уверена: ты не просто случайный свидетель.»* Итак, нужно выполнить какую-то работу. Вряд ли группе Дюрона понадобился какой-то рядовой наемник. Это Единение Джексона, здесь рядовых громил можно нанять хоть вагон и маленькую тележку.

Но он никогда и не считал себя рядовым человеком. Ни единой минуты.

«О, миледи. Кем я должен быть для вас?»

Глава 23

Повторное открытие секса отчасти приковало его к месту на ближайшие три дня, однако днем, когда Верба оставила его спящим — а он проснулся, — инстинкт побега снова поднял голову. Он лежал с открытыми глазами, водил пальцем по рисунку шрамов на груди и размышлял.

Явно, что «наружу» — это неверное направление. А «внутрь» он пока не пробовал. Похоже, все здесь идут со своими проблемами к Лилии. Отлично. Он тоже к ней пойдет.

Вверх или вниз? Как джексонианский правитель, она традиционно должна располагаться либо в пентхаузе, либо в бункере. Барон Риоваль живет в бункере — или, по крайней мере, смутное изображение физиономии барона ассоциировалось у него именно с этим словом, а также с мрачными подвалами. Барон Фелл занимал пентхауз в высшем смысле этого слова, глядя на все сверху с орбитальной станции. Похоже, у него в голове масса картинок Единения Джексона. Это его дом? Такая мысль его смутила. Вверх. Вверх и внутрь.

Он надел свой серый тренировочный костюм, позаимствовал у Вербы пару носков и выскользнул в коридор. Там он обнаружил лифтовую шахту и поднялся до самого верха, этажом выше апартаментов Вербы. Это был еще один жилой этаж с квартирами. В самом центре была очередная лифтовая шахта, запертая на ладонный замок. Ею могли пользоваться лишь Дюроны. Вокруг шахты спиралью вилась лестница. Он очень медленно поднялся по ступенькам, а почти у самого верха постоял, пока не восстановилось дыхание. Потом он постучал в дверь.

Дверь скользнула в сторону, и на него серьезно взглянул худенький мальчик лет десяти с евразийской внешностью. — Что вам надо? — хмуро спросил он.

— Я хочу видеть твою… бабушку.

— Впусти его, Дрозд, — окликнул мягкий голос.

Мальчик склонил голову и жестом пригласил его внутрь. Его ноги, обутые в носки, ступали по пышному ковру совершенно бесшумно. За поляризованным окном был хмурый серый день, с мрачностью которого боролись лужицы теплого, желтого света ламп. Видно было, что окно прикрыто силовым полем — по едва заметному мерцанию водяных капелек или частичек пыли, которые поле отклоняло либо уничтожало.

Усохшая женщина сидела в широком кресле, ее темные глаза на лице цвета старой слоновой кости следили за его приближением. На ней была черная шелковая куртка с высоким воротом и свободные брюки. Белоснежные и очень длинные волосы падали за спинку кресла; худенькая девочка, в буквальном смысле слова близняшка мальчика, расчесывала их долгими движениями щетки. В комнате было очень тепло. Видя, как старуха смотрит на него, он спросил сам себя: и как он мог принять за Лилию ту озабоченную пожилую женщину? Глаза, которым сто лет, глядят на тебя по-другому.

— Мэм, — выговорил он. Во рту у него внезапно пересохло.

— Садитесь, — она кивнула на короткий диванчик, огибавший угол низенького столика перед нею. — Фиалка, милая, — тонкая рука, вся в белых складках и голубых веревках вен, коснулась девочкиной руки, в защитном жесте замершей над черным шелком плеча. — Принеси чаю. Три чашки. Дрозд, пожалуйста, сходи вниз и приведи Вербу.

Девочка расправила волосы так, чтобы они веером падали на грудь Лилии, и оба ребенка с недетской молчаливостью исчезли. Очевидно, что группа Дюрона не берет на работу посторонних. Ни у одного агента нет шанса даже внедриться в эту организацию. Столь же послушно он сел туда, куда она указала.

На гласных звуках ее голос по-старчески дрожал, но сам выговор был безупречен. — Вы пришли в себя, сэр? — спросила она.

— Нет, мэм, — печально ответил он. — Всего лишь к вам. — Он тщательно обдумывал, как именно ему построить вопрос. Лилия проявит не меньшую медицинскую осторожность, чем Верба, чтобы не предоставить ему ключа к разгадке. — Почему вы не можете меня опознать?

Она подняла белые брови. — Хорошо сказано. Думаю, вы готовы к ответу. А!

Раздалось жужжание лифта, и показалось встревоженное лицо Вербы. Она поспешно выговорила: — Лилия, я виновата. Я думала, он спит…

— Все хорошо, дитя мое. Сядь. Разлей чай, — из-за угла появилась Фиалка с большим подносом в руках. Лилия что-то шепнула девочке, прикрывшись слегка дрожащей ладонью, и та, кивнув, убежала. Верба опустилась на колени — похоже, это был выверенный, старый ритуал (не была ли она некогда на месте Фиалки? он был почти уверен, что да), — разлила зеленый чай по тонким белым чашечкам и раздала их по кругу. Сама она уселась у колен Лилии и украдкой, подбадривая себя, прикоснулась к вьющимся белым прядям.

Чай был жутко горячим. Поскольку он в недавнее время обзавелся глубокой антипатией к холоду, это было приятно, и он аккуратно отпил глоток. — Ответы, мэм? — осторожно напомнил он.

Губы Вербы приоткрылись во встревоженном выдохе «Нет!»; Лилия жестом согнутого пальца подавила ее протест.

— Подоплека, — сказала старая женщина. — Полагаю, пришло время рассказать вам одну историю.

Он кивнул и откинулся на спинку дивана с чашкой чая в руках.

— Жили-были однажды, — она мимолетно улыбнулась, — три брата. Настоящая сказка, а? Старший, прототип, и два младших клона. Старший — как и бывает в таких сказках — получил при рождении внушительное наследие. Титул, богатство, комфорт… его отец если и не был королем, то распоряжался большей властью, чем любой король в доскачковой истории. Поэтому он стал мишенью для множества врагов. И поскольку было известно, что он безумно любит своего сына, случилось так, что многие враги решили нанести ему удар через его единственного ребенка. Отсюда и пошло это странное умножение. — Она кивнула в его сторону.

В животе у него возникла дрожь. Чтобы скрыть свое смятение, он отпил еще чаю.

Она сделала паузу. — Вы уже можете назвать какие-то имена?

— Нет, мэм.

— Хм. — С волшебной сказкой было покончено; она заговорила более четким, рубленым голосом. — Лорд Майлз Форкосиган с Барраяра был прототипом. Ему сейчас

примерно двадцать восемь стандартных лет. Его первого клона сделали именно здесь, на Единении Джексона, двадцать два года назад — Дом Бхарапутра по заказу группы комаррского сопротивления. Мы не знаем, как этот клон называет себя сам, но хитроумный комаррский заговор по подмене оригинала двойником провалился года два назад, а клон исчез.

— Гален, — прошептал он.

Она пристально на него глянула. — Да, он был главой этих комаррцев. Второй клон… это загадка. Наилучшая догадка состоит в том, что его изготовили цетагандийцы, но точно не знает никто. Он впервые появился лет десять назад в качестве уже сложившегося и исключительно талантливого командира наемников, заявившись под совершенно законным — по материнской линии — бетанским именем Майлза Нейсмита. Он продемонстрировал, что к цетагандийцам дружеских чувств не питает, так что версия цетагандийского перебежчика обладает некоей неотразимой логикой. Его возраст не знает никто, хотя очевидно, что ему не может быть больше двадцати восьми. — Она отпила глоток чая. — Мы надеемся, что вы — один из двух клонов.

— Доставленный вам в коробке, словно мороженное мясо? С развороченной грудной клеткой?

— Да.

— Так что же? Клоны, даже замороженные, здесь не новость. — Он кинул взгляд на Вербу.

— Позвольте мне продолжить. Около трех месяцев назад созданный Бхарапутрой клон вернулся домой — с командой наемных солдат за спиной, которых он явно обманом позаимствовал из дендарийского флота, просто притворившись для этой цели своим клон-братом, адмиралом Нейсмитом. Он совершил налет на клон-ясли Бхарапутры в попытке то ли украсть, то ли освободить группу клонов, предназначенных стать телами для пересадки мозга, — бизнес, который лично у меня вызывает отвращение.

Он коснулся груди. — И… ему не удалось?

— Нет. Но за ним по пятам примчался за своими похищенными войсками и кораблем адмирал Нейсмит. И в неразберихе, случившейся внизу, в основном медкомплексе Бхарапутры, один из двоих был убит. Второй спасся — вместе с наемниками и большинством крайне дорогостоящих клонов из питомника Бхарапутры. Они оставили Васа Луиджи в дураках — я смеялась до колик, когда впервые об этом услышала. — Она чинно отхлебнула чаю.

Да, он мог бы вообразить ее смеющейся до колик, хоть от этой картинки глаза у него слегка лезли на лоб.

— Прежде, чем уйти в скачок, дендарийские наемники объявили о вознаграждении за возвращение криокамеры с останками человека, объявленного ими бхарапутрянским клоном.

Он распахнул глаза. — Меня?

Она подняла руку. — Васа Луиджи, барон Бхарапутра, абсолютно убежден, что они лгали, а человек в ящике — их настоящий адмирал Нейсмит.

— Я? — произнес он уже не столь уверенно.

— Джориш Стаубер, барон Фелл, отказывается даже строить догадки. А барон Риоваль разнес бы по камешку целый город ради пятидесяти шансов из ста наложить лапу на адмирала Нейсмита, который четыре года назад так ему навредил, как никто сто лет не делал. — Ее губы сложились в бритвенно-тонкую улыбку.

Смысл был во всех вариантах, то есть ни в одном. Словно рассказ, который он слышал давным-давно, в детстве, а теперь опять столкнулся с ним. *«В другой жизни».* Что-то знакомое под стеклом. Он коснулся ноющей головы. Верба с беспокойством проследила за этим жестом.

— А у вас нет медицинской карты? Хоть чего-то?

— Не без риска мы добыли историю развития клона Бхарапутры. К сожалению, она достигает лишь четырнадцатилетнего возраста. По адмиралу Нейсмиту у нас нет ничего.

Увы, невозможно сделать триангуляцию по одной точке.

Он повернулся к Вербе. — Ты знаешь меня внутри и снаружи. Ты не можешь сказать?

— Ты *странный* . — Верба покачала головой. — Половина твоих костей заменена пластиковыми, знаешь? А на всех настоящих — следы старых переломов, старых травм… Я бы предположила, что ты должен быть не только старше бхарапутрянского клона, но и старше оригинала, лорда Форкосигана, — а это не имеет смысла. Если бы только мы могли получить одну весомую, верную подсказку! Воспоминания, о которых ты рассказал, ужасающе двусмысленны. Ты разбираешься в оружии, как это может адмирал, — но бхарапутрянского клона обучали на убийцу. Ты помнишь Сера Галена, а это может только бхарапутрянский клон. Я разобралась с этими сахарными деревьями. Они называются кленами и происходят с Земли — где бхарапутрянский клон проходил обучение. И так далее. — Она в досаде всплеснула руками.

— Если вы не получаете правильного ответа, — медленно произнес он, — то, может, вы не задаете правильного вопроса?

— И каков правильный вопрос?

Он безмолвно покачал головой. — Почему… — Он развел руками. — Почему бы вам было не вернуть мое замороженное тело дендарийцам и не получить вознаграждение? Почему бы не продать меня барону Риовалю, раз я там ему нужен? Зачем было оживлять меня?

— Барону Риовалю я бы не продала и лабораторной крысы, — бесстрастно заявила Лилия. Ее губы искривились в короткой усмешке. — Между нами старые счеты.

Насколько старые? Старше него самого, кем бы он ни был.

— А что насчет дендарийцев… может, мы еще заключим с ними сделку. Это зависит от того, кто вы.

Они приближаются к сердцевине проблемы; он это чувствовал. — Да?

— Четыре года назад адмирал Нейсмит посетил Единение Джексона, и помимо того, что нанес Риовалю весьма впечатляющий удар, отбыл вместе с неким доктором Хью Канаба, одним из ведущих генетиков Бхарапутры. Я знала доктора Канаба. И к тому же мне известно, что Васа Луиджи с Лотос заплатили за то, чтобы заполучить его к себе, и в какое множество секретов Дома он был посвящен. Ему никогда не позволили бы уйти живым. Однако он скрылся, и никто на Единении Джексона так и не смог его выследить.

Она энергично склонилась вперед. — Если допустить, что Канаба не просто-напросто выставили через шлюз в космос… адмирал Нейсмит продемонстрировал свою способность вывезти отсюда людей. Фактически, именно этим он и славится. Вот *в чем* наш интерес к нему.

— Вы хотите покинуть планету? — Он окинул взглядом комфортабельную, самодостаточную маленькую империю Лилии Дюрона. — Почему?

— У меня с Джоришем Стаубером — бароном Феллом — Сделка. Это очень старая Сделка, как мы — очень старые договаривающиеся стороны. Мое время определенно истекает, а Джориш становится… — она поморщилась, — ненадежен. Если я умру, или он умрет, или ему удастся пересадить свой мозг в тело помоложе, как он уже раз пытался сделать, — наша старая Сделка будет разорвана. Группе Дюрона может быть предложена менее удачная сделка, чем та, которая к нашему удовольствию так долго связывала нас с Домом Фелл. Группа может быть разбита, или продана, или ослаблена до такой степени, что спровоцирует нападение со стороны давних врагов вроде Ри, помнящего *вечно* нанесенное ему оскорбление либо вред. Ее могут принудить выполнять работу не по собственному выбору. Последние пару лет я ищу путь наружу. Адмирал Нейсмит знает такой путь.

Она хочет, чтобы он был адмиралом Нейсмитом, явно более ценным из двух клонов. — А что, если я другой? — Он уставился на собственные руки. Просто руки. Никаких намеков.

— Вас могли бы выкупить.

Кто его выкупит? Кто он такой, спаситель или товар? Хорошенький выбор. Верба выглядела обеспокоенной.

— А кто я для вас, если не смогу вспомнить, кто я такой?

— Вообще никто, человечек. — Ее темные глаза на мгновение сверкнули, точно осколки обсидиана.

Эта женщина прожила на Единении Джексона почти целое столетие. Не стоит недооценивать ее безжалостность, исходя лишь из разборчивости и предубеждения в отношении пересадки мозга в клонов.

Они допили чай и вернулись в комнату Вербы.

* * *

— Что во всем этом показалось тебе знакомым? — с тревогой спросила его Верба, когда они остались одни на ее диванчике.

— Все, — ответил он в глубокой растерянности. — И еще… похоже, Лилия думает, что я смогу тайно похитить и увезти вас отсюда, как волшебник какой-то. Но даже если я адмирал Нейсмит, я не могу вспомнить, как я это делал!

— Ш-ш, — попыталась она его успокоить. — Готова поклясться, ты уже созрел для каскада воспоминаний. Я просто вижу, как он начинается. Твоя речь заметно прогрессирует за последние несколько дней.

— Это все лечебные поцелуи, — улыбнулся он, и этим комплиментом с намеком добился, чего и хотел, — дополнительного лечения. Но когда он пришел в себя, чтобы глотнуть воздуха, то сказал: — Я бы этого не вспомнил, не будь я тем, вторым. Я помню Галена. Землю. Дом в Лондоне… как зовут того клона?

— Мы не знаем, — ответила она, а когда он сердито стиснул ее руку, добавила: — Нет, *правда* не знаем.

— Адмирал Нейсмит… не должен быть Майлзом Нейсмитом. Он должен быть Марком Пьером Форкосиганом. — Откуда он это знает, черт возьми? Марк Пьер. *Петр Пьер.* «Питер-Питер, нос не вытер; у него была жена, от него ушла она…» — дразнилка, которую выкрикнули из толпы и которая привела старика в такую ужасающую, смертоносную ярость, что его пришлось удерживать — кому?… картинка ускользнула от него. *Деда?* — Если бхарапутрянский клон — третий сын, его могут звать как угодно. — Что-то не так.

Он попытался вообразить себе детство адмирала Нейсмита в рамках тайного цетагандийского проекта по созданию галактического агента. Его собственное детство? Оно должно быть необычным, если ему в возрасте восемнадцати лет или моложе удалось не просто сбежать, но ускользнуть от цетагандийской разведки и за год устроить свою судьбу. Но ничего из подобной юности он припомнить не мог. Чистый лист.

— А что вы собираетесь со мной делать, если я не Нейсмит? Держать меня в качестве домашней зверушки? И как долго?

Встревоженная Верба поджала губы. — Если ты — бхарапутрянский клон… тебе самому нужно будет убираться с Единения Джексона. Дендарийский налет превратил штаб-квартиру Васы Луиджи в жуткое месиво. Среди причин для мести не только пострадавшая собственность, но и кровь. И гордость. Если это так… я попытаюсь тебя вывезти.

— Ты? Или вы все?

— Я никогда раньше не шла против группы. — Она встала и принялась шагать по гостиной. — Хотя я прожила год на Эскобаре одна, когда проходила обучение криооживлению. Я часто спрашивала себя… на что это похоже: быть половиной пары. А не одной сороковой группы. Почувствовала бы я себя больше?

— А ты была больше, когда была ста процентами целого, — там, на Эскобаре?

— Не знаю. Это дурацкое самомнение. И все же… когда ты одна, нельзя не думать о Лотос.

— Лотос. Баронесса Бхарапутра? Единственная, покинувшая вашу группу?

— Да. Старшая дочь Лилии после Розы. Лилия говорит… если мы не будем держаться

вместе, нас перевешают поодиночке. Это она про древний метод казни, когда…

— Я знаю, что такое повешение, — торопливо перебил ее он, прежде чем она успела углубиться в медицинские детали.

Верба уставилась в окно. — Единение Джексона — не такое место, чтобы быть одному. Ты никому не сможешь доверять.

— Интересный парадокс. Создает дилемму.

Она поискала на его лице признаки иронии, нашла и нахмурилась. — Я не шучу.

Естественно. Даже материнская стратегия Лилии Дюроны — завязать все связи на себя саму — не до конца решала проблему, что и продемонстрировала Лотос.

Он пристально всмотрелся в нее и внезапно спросил: — Тебе приказали спать со мной?

Она передернулась. — Нет. — И снова принялась мерить шагами комнату. — Но я спросила разрешения. Лилия сказала «Давай», это могло помочь привязать тебя к нам, к нашим интересам. — Она помолчала. — Тебе это кажется жутким бессердечием, да?

— На Единении Джексона — всего лишь осторожностью. — А привязывание явно сработало в обе стороны. Единение Джексона не такое место, чтобы быть одному. *Но доверять ты не можешь никому.*

Если здесь кто-то в здравом рассудке, то можно поклясться, что по чистой случайности.

* * *

Чтение — упражнение, которое сперва приводило к рези в глазах и моментальной, мучительной головной боли — сделалось легче. Теперь он мог читать минут по десять, прежде чем от боли темнело в глазах настолько, что становилось невыносимо. Отсиживаясь в кабинете Вербы, он силой доводил себя до пределов боли: кусочек информации, несколько минут отдыха, и все заново. Двигаясь из центра к периферии, он начал с изучения Единения Джексона: его уникальной истории, неправительственной структуры, ста шестнадцати великих Домов и бесчисленного множества Домов малых, с их взаимосвязанными альянсами, вендеттами, смешанными в одно целое договорами и предательствами. Он рассудил, что группа Дюрона находится явно на пути превращения в настоящий малый Дом, отпочковываясь от Дома Фелл, точно гидра и, как гидра, размножаясь неполовым путем. Упоминания Домов Бхарпапутра, Харгрейвз, Дайн, Риоваль и Фелл вызывали у него в голове не те образы, которые появлялись на вид-дисплее. Некоторые из них начали связываться друг с другом. Слишком немногие. Интересно, показательно ли то, что ему кажутся наиболее знакомыми именно те Дома, которые наиболее известны своими противозаконными сделками за пределами планеты?

«Кто бы я ни был, я знаю это место.» И еще… его видение было узким, точно в прицеле, слишком ограниченным, чтобы по нему воссоздать жизнь и формирование личности. Может, он был незначительной персоной. Пока что это было больше, чем он мог извлечь из подсознательного разглядывания молодости предполагаемого адмирала Нейсмита, клона цетагандийского производства.

Деда . Это было множество воспоминаний, почти ошеломительный груз ощущений. Кто такой «деда»? Джексонианский лесник? Комаррский учитель? Цетагандийский инструктор? Кто-то огромный и завораживающий, таинственный, старый и опасный. «Деда» не происходил откуда-то — казалось, он появился вместе со вселенной.

Происхождение. Быть может, изучение его прародителя, искалеченного барраярского лордика Форкосигана, даст ему хоть что-то. В конце концов, он был сделан по образу Форкосигана, а такое для любого бедняги слишком. Он вызвал на библиотечный комм-пульт Вербы список ссылок на Барраяр. Здесь было несколько сотен документальных книг, фильмов, свидетельств и видеохроник. Системы ради, он начал с общей истории, бегло ее просматривая в ускоренном режиме. Пятьдесят тысяч первопоселенцев. Схлопывание червоточины. Период Изоляции, Кровавые Столетия… повторное открытие… слова

расплывались. Голова его была готова взорваться. Знакомое, все такое болезненно знакомое… он был вынужден остановиться.

Тяжело дыша, он притушил свет в комнате и лег навзничь на диванчик, ожидая, пока глаза не перестанут вылезать из орбит. Но если его когда-либо натаскивали на то, чтобы он заменил Форкосигана, все и должно казаться очень знакомым. Он должен был тогда изучить Барраяр вдоль и поперек. *И изучил* . Он уже хотел умолять Вербу приковать его к стене и ввести еще одну дозу фастпенты, невзирая на то, что препарат делает с его кровяным давлением. Эта дрянь почти сработала. Может, еще одна попытка…

Прошипела дверь. — Эй? — Зажегся свет. В дверном проеме стояла Верба. — С тобой все нормально?

— Голова болит. Читал.

— Ты не должен пытаться…

«Так себя гнать», — безмолвно дополнил он. Это было постоянным рефреном в речах Вербы за последние несколько дней, с момента его беседы с Лилией. Но на этот раз она себя оборвала. Он приподнялся; она подошла и села рядом. — Лилия хочет, чтобы я привела тебя наверх.

— Хорошо… — Он начал было вставать, но она его остановила.

И поцеловала. Это был долгий, долгий поцелуй, сперва доставивший ему наслаждение, а потом — разволновавший. Он отстранился и спросил: — Верба, в чем дело?

— … Кажется, я люблю тебя.

— И это проблема?

— Только для меня. — Она выдавила короткую, безрадостную улыбку. — Я с ней справлюсь.

Он захватил в плен ее руки и стал водить пальцем по жилочкам и венам. Руки у нее были золотые. Он не знал, что сказать.

Она подняла его на ноги. — Пойдем. — Всю дорогу до лифтовой шахты пентхауза они держались за руки. Потом она отпустила его руку, чтобы активировать ладонный замок, и больше уже не взяла. Они поднялись вместе и вошли, обогнув хромированные перила, в гостиную Лилии.

Лилия сидела в своем широком кресле с подлокотниками, прямая и официальная, ее седые волосы сегодня были заплетены в толстую косу, спадающую через плечо до самых колен. Ей прислуживал Ястреб, молча стоявший справа за ее спиной. Нет, не *слуга* . Охранник.

Вокруг нее расположились трое незнакомцев в серой полувоенной форме с белой отделкой; две женщины сидели, мужчина стоял. У одной из женщин были темные кудряшки и карие глаза, обжегшие его взглядом. Коротко стриженые русые волосы второй, постарше, были чуть тронуты сединой. Но его взор был прикован к мужчине.

«Бог мой. Это же второй я.»

Или *не-я* . Они стояли глаза-в-глаза. Тот, второй, был просто болезненно аккуратен — ботинки начищены, отглаженный мундир официален; одним своим внешним видом он отдавал уважение Лилии. На воротнике поблескивали знаки различия. *Адмирал… Нейсмит?* «Нейсмит» — гласила именная нашивка, пристроченная над левым карманом его повседневной офицерской куртки. Коротышка резко втянул воздух, стрельнул серыми глазами и почти не сумел сдержать улыбки, и это сделало его лицо необычайно живым. Но если он — костлявая тень себя самого, то тот, второй, — он же, умноженный на два. Приземистый, замерший в боевой стойке, мускулистый и напряженный, с тяжелой челюстью и заметным брюшком. Он и *смотрелся* старшим офицером: массивное тело, крепкие ноги, расставленные в агрессивном варианте стойки «вольно»; он был похож на перекормленного бульдога. Вот каков Нейсмит, прославленный спасатель, которого так жаждала Лилия. В это можно поверить.

Сквозь предельную завороженность его близнецом-клоном проникло ужасное, растущее осознание. *Я не тот* . Лилия потратила целое состояние на оживление не того

клона. Насколько она разгневается? Для джексонианского руководителя такая огромная ошибка должна ощущаться как личный удар. Действительно, лицо Лилии, когда она глянула в сторону Вербы, было неподвижным и суровым.

— Это он, все верно, — выдохнула женщина с горящим взглядом. Ее лежащие на коленях руки были туго стиснуты в кулаки.

— Я… знаю вас, мэм? — вежливо и осторожно спросил он. Этот факельный жар его тревожил. Почти неосознанно он придвинулся поближе к Вербе.

Лицо точно из мрамора. И лишь чуть расширившиеся глаза, точно эту женщину ударил прямо в солнечное сплетение луч лазера, обнаружили глубину ее… какого именно чувства? Любви, ненависти? Напряжение… Голова у него разболелась еще хуже.

— Как видите, — сказала Лилия. — Жив и здоров. Давайте вернемся к обсуждению цены. — Круглый столик был уставлен чашками и усыпан крошками… как давно идет это совещание?

— Все, что хотите, — произнес адмирал Нейсмит, тяжело дыша. — Мы платим и улетаем.

— Любая цена в пределах разумного. — Русоволосая женщина постарше кинула на своего командира странный, точно подавленный, взгляд. — Мы пришли за человеком, не за одушевленным телом. Плохо проведенное оживление, на мой взгляд, наводит на мысль о скидке за порчу товара. — Это голос, этот ироничный альт… *Я тебя знаю.*

— Его оживление проведено не плохо, — отрезала Верба. — Если и были проблемы, то в подготовке к заморозке…

Горячая женщина дернулась и свирепо нахмурилась.

— … но, на самом деле, он поправляется хорошо. Прогресс ощутим ежедневно. Просто слишком рано. Вы слишком сильно давите. — Взгляд на Лилию? — Стресс и давление замедляют появление тех самых результатов, которое вы хотите ускорить. Он *сам* давит на себя слишком сильно, он узлом завязывается, так что…

Лилия примирительно подняла руку. — Так говорит мой специалист по криооживлению, — сказала она адмиралу. — Ваш клон-брат на стадии выздоровления, и мы ожидаем улучшения. Если это именно то, чего вы хотите.

Верба прикусила губу. Горячая впилась зубами в кончик пальца.

— А теперь мы переходим к тому, чего хочу я, — продолжила Лилия. — И, как вам будет, видимо, приятно узнать, это — не деньги. Давайте обсудим немного недавней истории. Недавней на мой взгляд.

Адмирал Нейсмит поглядел в большое квадратное окно, обрамляющее очередной сумрачный джексонианский день. Гонимые ветром низкие облака начали плеваться снегом. Силовой экран искрился, бесшумно пожирая ледяные иголочки. — Недавняя история и у меня на уме, мэм, — ответил он Лилии. — Если вы знаете ее, то знаете и то, почему я не хочу здесь задерживаться. Переходите к главному.

Далеко не так уклончиво, как того требует джексонианский деловой этикет, но Лилия кивнула. — Как поживает нынче доктор Канаба, адмирал?

— Что?

Лаконично — для джексонианца — Лилия еще раз рассказала, какой у нее интерес к судьбе сбежавшего генетика. — Ваша организация сделала, чтобы Хью Канаба безвозвратно исчез. Ваша организация выхватила десять тысяч мэрилакских военнопленных из-под носа их цетагандийских тюремщиков на Дагуле Четыре… хотя, признаю, они-то эффектно *не* исчезли. Где-то между этим двумя проверенными крайностями лежит и судьба моего маленького семейства. Простите мне мою маленькую шутку, если я скажу, что для меня ваше появление — то, что доктор прописал.

Нейсмит распахнул глаза; он потер лицо, втянул воздух сквозь зубы и выдавил напряженную улыбку. — Понимаю. Мэм. Ладно. На самом деле, такой проект, как предлагаете вы, вполне может служить предметом переговоров, особенно если вы считаете, что можете присоединиться к доктору Канаба. Я не готов к тому, чтобы выложить это из

кармана сегодня же днем, вы понимаете…

Лилия кивнула.

— Но как только я установлю контакт с моей группой поддержки, я думаю, можно будет кое-что устроить.

— Как только вы это сделаете, возвращайтесь к нам, адмирал, и вы сможете получить вашего клон-близнеца.

— Нет!.. — начала было горячая, привстав с места; ее подруга схватила ее за руку и мотнула головой, и та осела обратно в кресло. — Верно, Бел, — пробормотала она.

— Мы надеялись забрать его сегодня, — проговорил наемник, глядя на него. Их взгляды пересеклись, как будто это был удар. Адмирал отвел глаза, словно оберегал себя от слишком интенсивного воздействия.

— Но как вы можете видеть, это бы лишило меня того, что я считаю своим главным козырем, — тихо проговорила Лилия. — А обычная договоренность: половина вперед, половина по получении — здесь явно неприменима. Возможно, скромный денежный гонорар вас утешит.

— Похоже, до сих пор они хорошо о нем заботились, — произнесла русоволосая женщина-офицер неуверенным тоном.

— Но это также, — адмирал нахмурился, — может предоставить вам возможность попытаться продать его с аукциона другим заинтересованным сторонам. Предупреждаю вас: не начинайте войны цен по этому предмету. Она может стать настоящей войной.

— Ваши интересы защищены вашей же неповторимостью, адмирал. Больше ни у кого на Единении Джексона нет того, что нужно мне. А у вас есть. И обратное тоже верно. Мы превосходно подходим для сделки.

Для джексонианца это значило сдать на попятную и поощрить противоположную сторону. «Хватай ее, закрепляй сделку!» мысленно выкрикнул он, затем спросил себя: а почему? Зачем он этим людям? Снаружи порывы ветра вздымали падающий снег слепящей, кружащейся завесой. Снежинки бились в окно.

Снежинки бились в окно… Лилия сообразила это сразу после него, ее темные глаза широко распахнулись. Больше никто пока не заметил исчезновения бесшумного блеска. Ее изумленный взгляд встретился с его, она обернулась от окна, губы ее разомкнулись, чтобы заговорить…

Окно взорвалось внутрь.

Это было защитное стекло; вместо режущих осколков оно осыпало их градом горячих комочков. Обе наемницы вскочили на ноги, Лилия закричала, Ястреб прыгнул вперед, прикрывая ее, — в руке у него появился парализатор. Какой-то большой летательный аппарат завис перед окном: в проем нырнули один, два… три, четыре огромных десантника.

Прозрачная биозащита была надета на них поверх противонейробластерных костюмов; их лица целиком скрывали капюшоны и защитные очки. Несколько выстрелов парализатора Ястреба прозвучали безвредным треском.

«Ты еще швырни в них своим чертовым парализатором!» Он отчаянно оглянулся вокруг в поисках пистолета, ножа, стула, ножки от стола — хоть чего-нибудь, с чем можно было нападать. Из карманного комм-линка одной из наемниц кричал металлический голос: «Куинн, это Елена! Только что отключился защитный экран здания. У меня показания о выплесках энергии… что у вас, черт возьми, творится? Вам нужна поддержка?»

— Да! — закричала горячая, откатываясь в сторону от луча парализатора, с треском преследовавшего ее по ковру. *«Игра в пятнашки с парализатором».* Значит, нападение имело своей целью похищение, а не убийство. Ястреб наконец-то обрел рассудок, схватил круглый столик и замахнулся им. Одного солдата он уложил, но его свалил из парализатора другой. Лилия стояла абсолютно неподвижно, мрачно за всем наблюдая. Порыв холодного ветра трепал ее шелковые брюки. В нее никто не целился.

— Который из двоих Нейсмит? — прогудел усиленный громкоговорителем голос одного из солдат в биозащите. Дендарийцы на время переговоров, должно быть,

разоружились; русоволосая просто схватилась с нападавшим врукопашную. Для него не остается никакого выбора. Он схватил Вербу за руку и спрятался за кресло, ища свободный путь к отступлению в сторону шахты.

— Бери обоих, — рявкнул из динамика голос главаря нападавших. Десантник бросился к лифтовой шахте, чтобы отрезать им путь; плоская, прямоугольная грань разрядника парализатора блеснула на свету, словно он был готов выстрелить в упор.

— Черта с два! — взвыл адмирал и врезался в десантника. Тот споткнулся, прицел заметался. Ныряя вместе с Вербой в лифтовую шахту, он успел увидеть — и это было последнее — как луч парализатора главаря попал Нейсмиту в голову. Оба остальных дендарийца были уже повержены.

Они опускались мучительно медленно. Если они с Вербой сумеют добраться до генератора силового поля, то смогут ли они его снова включить и запереть нападавших в здании? Выстрелы парализатора трещали и шипели им вслед, взрываясь разрядами на стенах. Они извернулись в воздухе, как-то приземлились на ноги и спиной вперед вывалились в коридор. Объяснять времени нет… он схватил Вербу за руку и пришлепнул ее ладонь к закодированному на Дюрон ладонному замку, одновременно пнув локтем клавишу отключения питания. Преследовавший их солдат с криком рухнул с трехметровой высоты — чуть ли не головой вниз.

Поморщившись при глухом звуке удара, он потащил Вербу по коридору за собой. — Где генераторы? — крикнул он ей через плечо. Со всех сторон стали появляться встревоженные Дюроны. В дальний конец коридора влетела пара одетых в зеленое охранников Фелла и рванула к ведущей в пентхауз лифтовой шахте. Но на какой они стороне? Он втянул Вербу в ближайшую открытую дверь.

— Запри ее! — задыхаясь, выговорил он. Она так и сделала. Они оказались в жилой квартире какой-то из Дюрон. Тупик — плохое убежище, но, кажется, помощь на подходе. Только он не был уверен, помощь *кому* . «Ваш защитный экран только что отключился…» Изнутри. Экран мог быть снят только изнутри. Он согнулся, хватая ртом воздух, легкие у него горели, сердце колотилось, грудь болела, кружащая голову тьма застилала зрение. Он все равно проковылял к грозящему опасностью окну, пытаясь разобраться в тактической ситуации. Из-за стены коридора доносились приглушенные крики и топот.

— Как, черт побери, эти ублюдки сняли ваше поле? — прохрипел он Вербе, цепляясь за подоконник. — Взрыва было не слышно… предатель?

— Не знаю, — встревожено ответила Верба. — Это безопасность внешнего периметра. За нее должны отвечать люди Фелла.

Он уставился наружу, на обледенелую парковку комплекса. Через нее пробежала пара мужчин в зеленом, крича, указывая наверх, прячась за припаркованными машинами и стараясь прицелиться из ракетомета. Еще один охранник отчаянно махал им руками: «нет, нет!» — промах разнес бы на куски пентхауз и всех, кто там находился. Они кивнули и стали выжидать.

Он вытянул шею, прижав лицо к стеклу и пытаясь вглядеться вверх и влево. Там маячил бронированный аэрокар, все еще висящий у окна пентхауза.

Нападавшие уже начали отход. Проклятье! С силовым экраном ничего не выйдет. *Я слишком медлю.* Аэрокар качнулся, когда солдаты торопливо погрузились на борт. Мелькнули руки, толстенькое тело в сером протащили через зазор — шесть головокружительных этажей над бетонной поверхностью. Так же перетащили обмякшего солдата. Раненых для допроса не оставили. Верба, скрипнув зубами, оттащила его от окна. — Уйди с линии огня!

Он сопротивлялся. — Они уходят! — протестовал он. — Мы должны сражаться с ними *сейчас* , на нашем собственном поле…

С улицы, из-за старой стены дворика, поднялся еще один аэрокар, Небольшая гражданская модель, невооруженная, не бронированная, быстро набирала высоту. Сквозь колпак за пультом управления виднелась смазанная фигура в сером, оскалившая в гримасе

белые зубы. Бронированная машина нападавших отвалила от окна. Дендарийский аэрокар попытался протаранить вражескую машину, заставить ее снизиться. Брызнули искры, затрещал пластик, раздался визг металла, но бронированная машина стряхнула обычную, и та волчком рухнула на мостовую, приземлившись с последним, окончательным треском и хрустом.

— Арендованная, держу пари, — охнул он, глядя на происходящее. — Придется за нее платить. Хорошая попытка, и почти сработала… Верба! Вон те аэрокары внизу — есть среди них ваши?

— То есть нашей группы? Да, но…

— Пошли. Нам надо добраться туда, вниз. — Но здание сейчас кишит людьми из безопасности. Они поставят лицом к стене любого, пока не проверят и не убедятся, что он чист. Вряд ли он может выпрыгнуть в окно и слететь на пять этажей вниз, как бы он этого ни хотел. Полцарства за плащ-невидимку.

«Боже. Да!»

— Понеси меня. Ты можешь меня нести?

— Думаю, да, но…

Он метнулся к двери и, как только она открылась снова, упал Вербе на руки.

— Зачем? — спросила она.

— Давай, давай, делай! — прошипел он сквозь зубы. Она выволокла его в коридор, словно мешок. Сквозь полуприкрытые глаза он изучал творящийся вокруг хаос, весьма реалистично задыхаясь. Всяческие встревоженные Дюроны толпились за кордоном охранников Фелла, перекрывающих вход в пентхауз. — Пусть доктор Хриз возьмет меня за ноги, — тихо пробормотал он уголком рта.

Верба была в тот момент слишком ошеломлена, чтобы спорить, поэтому крикнула: — Хриз, помоги мне! Нам надо отнести его вниз.

— А-а… — Посчитав, что речь идет о чем-то вроде неотложной помощи, доктор Хризантема вопросов не задавала. Она схватила его за щиколотки, и в считанные секунды они проложили себе путь через толпу. Две доктор-Дюроны, бегом несущие бледного, видимо, раненого, человека… вооруженные мужчины в зеленом поспешно отступили в сторону и махнули им проходить.

Как только они добрались до нулевого этажа, Хриз попыталась было галопом рвануть в больничную зону. Какое-то мгновение его дергали в обе стороны сразу, затем он высвободил ноги из рук изумленной Хриз и вырвался от Вербы. Она рванула за ним, и ко внешней двери они подлетели вместе.

Внимание охранника было сосредоточено на тех двоих мужчинах с ракетометом; он проследил за их целью: смутными очертаниями удаляющейся мишени, которую вот-вот поглотят снежные тучи. *Нет, нет, не стреляйте!..* Ракетомет рявкнул; яркий разрыв покачнул машину, но не сбил ее.

— Сажай меня в самую большую и быструю машину, которую ты сможешь стронуть с места, — задыхаясь, сказал он Вербе. — Мы не можем позволить им уйти. — *И не можем позволить людям Фелла ее взорвать.* — Скорее!

— *Зачем?*

— Эти громилы только что похитили моего… моего брата, — пропыхтел он. — За ними. Посадим их, если сможем, и выследим, если не сможем. К дендарийцам должно прийти подкрепление, если мы только их не потеряем. Или к Феллу. Лилия — она его… его вассал, верно? Он должен принять меры. Или кто-то должен. — Его отчаянно трясло. — Если упустить их, мы никогда не заполучим их назад. Но это они и рассчитывают.

— А что, черт возьми, мы будем делать, если их догоним? — возразила Верба. — Они только что пытались похитить тебя, а ты хочешь бежать за ними? Это работа для Безопасности!

— Я — это… Я… — *Что? Что «я»?* Его досадливое, расстроенное заикание завершилось охватившим все ощущения взрывом конфетти. *«Нет, только не снова!..»*

Его взгляд прояснился, когда он услышал шипение пневмошприца, укусившего его в руку холодом. Доктор Хризантема его поддерживала, а Верба одной рукой прижимала большим пальцем веко, вглядываясь в зрачок, а другой — убирала в карман шприц. На него снизошло какое-то прозрачное отупение, словно его обернули в целлофан.

— Это должно помочь, — проговорила Верба.

— Не помогает, — пожаловался он, или попытался пожаловаться. Слова выходили бормотанием.

Они вдвоем оттащили его из вестибюля, из зоны видимости — к лифтовой шахте, ведущим в подземную клинику. Значит, на конвульсии ушло буквально несколько секунд. Еще оставался шанс… он попытался вырваться из хватки Хриз, но та сделалась лишь крепче.

Из-за угла донеслось цоканье женских каблучков — не мужских ботинок. Появилась Лилия, лицо ее было неподвижно, ноздри трепетали. Ее сопровождала доктор Пион.

— Верба. Забирай его отсюда, — произнесла Лилия абсолютно ровным голосом, несмотря на то, что она запыхалась. — Джориш лично сюда спустится для расследования. *Он* никогда не бывал здесь. Похоже, нападавшие были из числа врагов Нейсмита. Наша версия будет такова: дендарийцы пришли сюда в поисках клона Нейсмита, но не обнаружили его. Хризантема, избавься от улик в комнате Вербы и спрячь файлы. Иди!

Хризантема кивнула и убежала. Вместо нее его подняла на ноги Верба. Он испытывал странную склонность обвиснуть, словно таял. Моргая, он пытался справиться с действием лекарства. *Нет, мы должны отправиться за…*

Лилия кинула Вербе кредитную карточку, а доктор Пион протянула ей пару курток и медицинский чемоданчик. — Выведи его через задний ход и скрывайся. Воспользуйся кодом для эвакуации. Выбери место случайным образом и заляг на дно — *не* в одном из наших владений. Доложись по зашифрованной линии из другого места. К тому времени я буду знать, что в этой неразберихе мне удалось спасти. — Ее сморщенные губы в гневе приподнялись, желтоватые зубы оскалились. — Двигайся, девочка.

Он негодующе отметил, что Верба послушно кивнула и не стала спорить. Крепко держа его за руку, она повела его, ковыляющего, за собой: вниз по грузовой лифтовой шахте, через подвал и в подземную клинику. Потайная дверь на втором этаже клиники выходила в узкий туннель. Он ощутил себя бегущей по лабиринту крысой. Трижды Верба останавливалась, чтобы отпереть защитные барьеры.

Они вышли на подземном уровне какого-то другого здания, и дверь за ними исчезла, слившись со стеной. Они продолжили путь по обычным хозяйственным туннелям. — Часто вы пользуетесь эти путем? — пропыхтел он.

— Нет. Но время от времени нам требуется что-то внести или вынести, не регистрируя это у охраны ворот — они люди Фелла.

Наконец они вышли в небольшой подземный гараж. Она подвела его к маленькому синему флаеру, старому и неприметному, и усадила, пристегнув, на пассажирское сиденье.

— Это н'так, — пожаловался он заплетающимся языком. — Адмирал Нейсмит… кто-то должен лететь за ним.

— У Нейсмита целый собственный наемный флот. — ответила Верба, пристегиваясь к пилотскому креслу. — Пусть они и разбираются с его врагами. Постарайся успокоиться и отдышаться. Я не хочу вводить тебе еще одну дозу.

Флаер поднялся в снежные вихри, неуверенно покачиваясь в порывах ветра. Раскинувшийся под ними город быстро исчез во мраке; Верба прибавила мощности. Она покосилась на его взволнованное лицо. — Лилия что-нибудь предпримет, — утешила она его. — Ей тоже нужен Нейсмит.

— Это неправильно, — пробормотал он. — Все неправильно. — Он съежился под курткой, который накинула на него Верба. Она повернула ручку обогрева.

Я не тот. Похоже, собственной ценности у него нет, кроме таинственной связи с адмиралом Нейсмитом. И если адмирал Нейсмит выбыл из этой Сделки, единственная заинтересованная в нем персона — это Васа Луиджи, желающий ему отомстить за

преступления, которые он даже не помнит. Ничего не стоящий, никчемный, одинокий, перепуганный… Желудок у него свело от боли, голова пульсировала. Мышцы болели, напряженные, как струна.

Все, что у него есть, — это Верба. И, очевидно, адмирал, который приехал сюда на его поиски. Который, скорее всего, рискнул своей жизнью в попытке его забрать. Зачем? *Я должен сделать… что-то* .

— Дендарийские наемники. Они все здесь? У адмирала на орбите корабли, или как? Сколько у него поддержки? Он говорил, что ему потребуется время для контакта со своей группой поддержки. Сколько времени? Откуда прибыли дендарийцы — из коммерческого космопорта? Могут ли они вызывать сюда помощь с воздуха? Как много… сколько… где… — Его мозг бешено пытался сложить сведения, которых у него не было, в план атаки.

— Расслабься! — взмолилась Верба. — Мы ничего не можем сделать. Мы — люди маленькие. А ты в плохой форме. Ты доведешь себя до очередного припадка, если будешь продолжать так себя вести.

— К черту мою форму! Я должен… должен…

Верба иронически приподняла брови. Он с болезненным вздохом откинулся на сиденье, опустошенный. *Я должен был суметь сделать это… сделать что-то…* Он ничего не слышал, почти загипнотизированный звуком собственного неглубокого дыхания. Поражение. Снова. Это ему не по вкусу. Он печально разглядывал свое бледное и перекошенное отражение на внутренней поверхности фонаря. Время стало тягуче-вязким.

Лампочки на пульте управления погасли. Внезапно исчез вес. Ремни сиденья впились в тело. Туман вокруг флаера понесся вверх, все быстрее и быстрее.

Верба вскрикнула, сражаясь с пультом управления и колотя по нему. Пульт мигнул; через мгновение толчок повторился. Затем снова исчез. Они опускались рывками. — Проклятье, что с ним не так! — закричала Верба.

Он посмотрел вверх. Только ледяной туман… они спустились ниже уровня облаков. Затем над ними прорисовалась темная тень. Большой, тяжелый фургон-подъемник…

— Это не сбой системы. У нас попеременно откачивают энергию, — сонно произнес он. — Нас вынуждают сесть.

Верба сглотнула, сосредоточившись на попытках выровнять флаер при появляющемся и исчезающем управлении. — Бог мой, это снова они?

— Нет. Не знаю… может, у них была поддержка. — Адреналин и решимость заставили его разум действовать, несмотря на туман снотворного. — Устрой шум! — сказал он. — Фейерверк!

— Что?

Она не понимает. Не уловила. Ей надо… кому-то надо… — Разбей эту колымагу! — Она *не послушалась* .

— Ты с ума сошел? — Они коснулись поверхности, накренясь на левую сторону, и невредимыми сели в пустой долине, покрытой снегом и хрустким кустарником.

— Кто-то захотел нас похитить. Нам надо оставить отметину, или мы просто исчезнем без следа. Комм-линка нет, — он кивнул на мертвый пульт. — Мы должны оставить отпечатки, зажечь огонь, чтобы… чтобы! — Он боролся с привязными ремнями, стараясь освободиться.

Слишком поздно. Четверо или пятеро здоровенных мужчин с парализаторами наизготовку выступили из мрака, окружив их. Один вытянул руку, открыл защелку двери и вытащил его наружу.

— Осторожно, не навредите ему! — в страхе закричала Верба, выкарабкиваясь следом. — Это мой пациент!

— Не будем, мэм, — вежливо кивнул один из одетых в парки здоровяков, — но вы не должны сопротивляться. — Верба замерла неподвижно.

Он отчаянно озирался вокруг. Если он рванет к их фургону, то сможет ли…? Несколько шагов вперед, и его перехватил один из громил, схватив за рубашку и вздернув в воздух. В

израненной груди взорвалась боль, когда его руки завернули за спину. На запястьях защелкнулся холодный металл. Это не те люди, что вломились в Клинику Дюрона — не похожи ни черты лица, ни форма, ни оборудование.

Очередной здоровяк приблизился, хрустя снегом. Он откинул капюшон и осветил пленных ручным фонариком. Он выглядел где-то на сорок стандартных лет: резкие черты лица, оливково-смуглая кожа, темные волосы, связанные сзади в простой хвост. Глаза у него были горящие и очень настороженные. Темные брови озадаченно приподнялись, когда он уставился на свою добычу.

— Расстегни ему рубашку, — приказал он одному из охранников.

Тот выполнил приказ; мужчина с резким лицом осветил фонариком сеть шрамов. Его губы разошлись в белозубой усмешке. Внезапно он откинул голову и громко захохотал. Эхо его голоса терялось в пустоте зимних сумерек. — Ри, ты идиот! Интересно, скоро это до тебя дойдет?

— Барон Бхарапутра, — пискнула Верба. Она вздернула подбородок, приветствуя его этим коротким, непокорным движением.

— Доктор Дюрона, — отозвался Васа Луиджи, вежливо и насмешливо. — Это ваш пациент, не так ли? Тогда вы не откажетесь принять мое приглашение и присоединиться к нам. Прошу вас, будьте моей гостьей. Вы превратите эту встречу в небольшое воссоединение семейства.

— Что вы от него хотите? Он потерял память.

— Вопрос не в том, что хочу от него я. Вопрос в том… что хочет от него кое-кто другой. И чего я могу захотеть от *них* . Ха! Даже лучше! — Он жестом подозвал своих людей и отвернулся. Пленников затолкали в крытый фургон.

Один из мужчин отделился от группы, чтобы сесть в синий флаер. — Где я должен его бросить, сэр?

— Верни его в город и припаркуйся на улице. Где угодно. Увидимся дома.

— Есть, сэр.

Двери фургона закрылись, и он поднялся в воздух.

Глава 24

Марк застонал. Сквозь жуткую тошноту пробивались острые уколы боли.

— Ты дал ему дозу синергина? — произнес удивленный голос. — Я что-то не помню, чтобы барон велел нам с ним нежничать.

— А тебе охота отчищать флаер после того, как он вывернет наружу свой завтрак? — громко отозвался второй голос.

— А-а.

— Барон разберется с ним по-своему. Он только специально оговорил, что хочет получить его живым. Как оно и есть.

Прошипел пневмошприц.

— Бедняга, — задумчиво произнес первый голос.

Благодаря синергину Марк начал отходить от удара парализатора. Он не знал, сколько времени и пространства лежало сейчас между ним и клиникой Дюроны; с тех пор, как он пришел в сознание, они меняли машину по меньшей мере трижды, причем один раз пересели в нечто более быстрое и крупное, чем аэрокар. Они остановились неизвестно где, и солдаты вместе с ним прошли через камеру дезинфекции. Затем безликие солдаты продолжили свой путь, а его передали в руки очередной пары охранников, верзил с тупыми лицами, одетых в красные куртки и черные брюки.

Цвета дома Риоваль. Ох!

Связав руки и ноги, его лицом вниз положили на заднее сиденье флаера. Серые облака, потемневшие к вечеру, не давали никакой подсказки насчет пункта их назначения.

Майлз жив. Облегчение от этого факта было таким сильным, что он эйфорически

улыбался, даже приплюснутый лицом к липкому пластиковому сиденью. Какая радость — видеть этого маленького мерзавца, кожа до кости! Стоит на ногах и дышит. Марк чуть не разрыдался. То, что он натворил, исправлено. Теперь он и вправду может быть лордом Марком. *С меня сняты все мои прегрешения.*

Почти что. Он молился, чтобы доктор Дюрона оказалась искренна насчет того, что Майлз идет на поправку. В глазах Майлза было пугающее недоумение. И он не узнал Куинн, чем чуть не убил ее. *Ты поправишься. Мы отвезем тебя домой, и ты поправишься.* Он притащит Майлза домой, и все снова будет в порядке. Все будет замечательно.

Как только развеются иллюзии этого идиота Риоваля. Марк был готов просто прибить этого типа за то, что тот сорвал воссоединение семейства. *СБ с ним разберется* .

Они завершили свой путь в подземном гараже, так и не дав Марку кинуть взгляд на окружающую обстановку. Два охранника грубо вздернули его на ноги и развязали затекшие, сведенные щиколотки. Его провели через помещение с электронными системами безопасности, после чего забрали всю его одежду. А затем повели его по… фабрике. Это не тюрьма. И не один из знаменитых борделей Риоваля. В воздухе был легкий, тревожащий медицинский привкус. Это место было слишком утилитарным, чтобы делать здесь клиентам хирургическую пластику тела. И слишком секретным и защищенным, чтобы изготавливать здесь на заказ рабов, превращая людей в вещи, невозможные для человека. Места не очень много. Окон нет. Подвал? *Где я, черт возьми?*

Только без паники. Он подбодрил себя краткой картинкой того, что же устроит Риоваль собственными солдатам, обнаружив, что они сцапали не того близнеца. Поиграл с мыслью о том, чтобы скрыть на какое-то время, кто он такой, если Риоваль не осознает своей ошибки с первого же взгляда. Дать Майлзу с дендарийцами больше форы на старте. Их не схватили, они свободны. *«Я нашел его!»* Дендарийцы должны за ним прийти. А не они, так СБ. СБ отставала от него самое большее на неделю и быстро его нагоняла. *«Я выиграл, черт побери, выиграл!»*

Голова его все еще кружилась от причудливой смеси восторга и ужаса, когда охранники привели его к Риовалю. Это был роскошный кабинет или офис; у барона явно были здесь личные покои, как понял Марк по беглому взгляду на гостиную сквозь дверной проем. Риоваля Марк узнал без труда. Он уже видел того на видеозаписях «Ариеля», во время своей первой джексонианской операции. Запись разговора, где тот грозился отрезать адмиралу Нейсмиту голову, залить в пластик и повесить на стену. Будь это другой человек, фразу можно было бы забыть, как преувеличение, но Марк испытывал беспокойное ощущение, что Риоваль имел сказанное в виду буквально. Барон откинулся, полусидя на комм-пульте. У него были блестящие темные волосы, уложенные в причудливые косички, нос с горбинкой и гладкая кожа. Крепок и молод — для человека, которому более ста лет.

«На него надет клон». Улыбка Марка сделалась волчьим оскалом. Он понадеялся, что Риоваль не примет постпаралитическое дрожание за дрожь страха.

Охранники усадили его в кресло и пристегнули запястья металлическими лентами. — Ждите снаружи, — распорядился барон. — Это будет недолго. — Оба вышли.

Руки Риоваля чуть дрожали. Бронзовое лицо покрылось легкой испариной. Когда он поднял взгляд на Марка и улыбнулся ему, глаза барона горели каким-то внутренним огнем; у него был вид человека, столь поглощенного своими видениями, что он почти не замечает реальности. Но Марк был слишком разъярен, чтобы этим встревожиться. *Заказчик клона!*

— Адмирал, — радостно выдохнул Риоваль, — Я обещал вам, что мы еще встретимся. Это неизбежно и предопределено. — Они оглядел Марка с ног до головы, и темные брови приподнялись. — А вы за последние четыре года прибавили в весе.

— Жил припеваючи, — огрызнулся Марк, неуютным образом вспомнив о своей наготе. Как бы он ни ненавидел дендарийский мундир, но выглядел он в нем, по правде говоря, довольно неплохо. Куинн лично подогнала одежду для этого маскарада, и он хотел бы его вернуть. Хотя, наверное, именно мундир обманул солдат Риоваля, в то мгновение его временного героического помешательства.

— Как я рад видеть вас живым! Сперва я надеялся на вашу гибель в муках в какой-нибудь из мелких стычек, но по здравому размышлению начал просто молиться о том, чтобы вы выжили. Я четыре года строил планы этой встречи. Пересматривал, улучшал. Я возненавидел вас за то, что вы не приходите на свидание.

Риоваль не узнал в нем не-Нейсмита. Риоваль вообще едва сейчас его видит. Казалось, он глядит сквозь него. Барон принялся расхаживать перед Марком взад-вперед, изливая ему свои намерения, точно взволнованный любовник: планы мщения, варьирующиеся от непристойных до безумных и вовсе невозможных.

Могло быть и хуже. Риоваль мог бы сейчас осыпать угрозами рассеянного, сбитого с толку тощего человечка с криоамнезией, даже не знающего, кто он такой, а тем более почему с ним все это происходит. От этой мысли Марка затошнило. *Ага. Сейчас лучше уж я, чем он. Нет, к черту.*

«Он собирается запугать меня. Это только слова.» Что там говорил граф? «Не сдавайся врагу заранее, в собственных мыслях…»

Черт, да Риоваль даже не *его* враг. Весь этот витиеватый сюжет скроен под Майлза. Нет, даже не под Майлза. Под адмирала Нейсмита: человека, которого не существует. Риоваль гонялся за призраком, за химерой.

Риоваль остановился перед ним, прервав свою шипящую тираду. Он с любопытством провел влажной рукой по телу Марка, согнув пальцы и анатомически точно прослеживая лежащие под слоем жира мускулы. — Знаете, — выдохнул он, — раньше я собирался морить вас голодом. Но, пожалуй, я передумал. Вместо этого я стану кормить вас насильно. Результаты по прошествии времени должны оказаться даже забавнее.

Марк в первый раз тошнотворно передернулся. Риоваль ощутил эту дрожь своими изучающими пальцами и ухмыльнулся. Этот человек попадает в цель с пугающей инстинктивной точностью. Не лучше ли, чтобы Риоваль сосредоточился на химере? *«Лучше бы оказаться к чертовой матери подальше отсюда.»*

Он набрал воздуху. — Мне неприятно прерывать ваши речи, барон, но у меня для вас кое-какие плохие новости.

— Что, я просил вас говорить? — Пальцы Риоваля поднялись выше, стиснув его челюсть. — Это не допрос. Не следствие. Признание не принесет вам ничего. Даже смерти.

Гиперактивность чертовски заразительна. Даже враги Майлза умудряются ее подхватить.

— Я не адмирал Нейсмит. Я — сделанный Бхарапутрой клон. Ваши громилы схватили не того парня.

Риоваль лишь улыбнулся. — Неплохая попытка, адмирал. Но мы много дней наблюдали за бхарапутрянским клоном в клинике Дюроны. Я знал, что вы придете за ним, после всего того, что вы предприняли для его возвращения в первый раз. Не знаю, что за страсть он вызывает в вас — вы не любовники? Вы бы удивились, узнав, как много людей заказывают себе клона именно для этой цели.

Так. Когда Куинн клялась, что никто не сможет их выследить, она была права. Риоваль их не выследил. Он их *поджидал* . Ну, классно. Именно его поступки, а не слова и не мундир, убедили Риоваля в том, что он — Нейсмит.

— Но его я тоже получу, — пожал плечами Риоваль. — И очень скоро.

«Нет, не получишь.» — Барон, я действительно другой клон. Вы можете получить доказательства. Проверьте меня.

Риоваль хихикнул. — Что вы предлагаете? Сканирование ДНК? Даже Дюроны не сумели решить эту проблему. — Он глубоко вздохнул. — Я так много хочу с вами сделать, что даже не знаю, с чего начать. Я должен действовать медленно. И в логическом порядке. Например, невозможно подвергать пытками те части тела, которые уже удалены. Интересно, сколько лет я смогу сохранять вас живым? Или десятилетий?

Марк почувствовал, что его самоконтроль дает трещину. — Я не Нейсмит, — проговорил он высоким от напряжения голосом.

Риоваль схватил Марка за подбородок и вздернул его голову. Губы барона скривились в ироническом недоверии. — Тогда я потренируюсь на вас. Тестовый прогон. А Нейсмит появится. Со временем.

Ты будешь неприятно удивлен, увидев, что именно появится со временем. СБ не испытает никаких колебаний, разнося вокруг него на кусочки весь Дом Риоваля, и у нее нет запретов даже по джексонианским стандартам.

«Чтобы спасти Майлза».

А он, разумеется, не Майлз.

Он как раз беспокойно задумался над этим, когда вошли вызванные Риовалем охранники.

* * *

Первое избиение было достаточно неприятным. Дело не просто в боли. А в боли, от которой не спастись, в страхе, от которого не избавиться, — вот что воздействовало на его разум и сводило тело. Риоваль наблюдал. Марк вопил, не сдерживая себя. Нет уж, спасибо: не будет он безмолвно, гордо и мужественно страдать. Может, это убедит Риоваля в том, что он не Нейсмит. Это сумасшествие. Хотя охранники не переломали ему ни одной кости и завершили это действо небрежно. И заперли его, голого, в крошечной, очень холодной комнате либо чулане без окон. Вентиляционное отверстие было сантиметров пять в диаметре. Он туда кулак просунуть не мог, тем более протиснуться всем телом.

Он попытался подготовиться, ожесточиться. Дать себе надежду. Время на его стороне. Риоваль в высшей степени опытный садист, но с психологическим уклоном. Риоваль оставит его живым и относительно невредимым, по крайней мере сперва. В конце концов, чтобы передавать боль, нервы не должны быть повреждены. И сознание должно быть почти не затуманено, чтобы испытать все тонкости агонии. Скорее искусно разработанные унижения, чем порка до смерти — вот что будет первым блюдом в меню. И все, что ему нужно, — выжить. Потом… а «потом» не будет. Графиня говорила, что, отправляясь на Единение Джексона, Марк вынудит Иллиана направить сюда дополнительных агентов, хочет тот этого или нет. Одно это станет несомненным выигрышем его предприятия, даже если сам он не достигнет ничего.

И в конце-то концов, что ему лишние унижения? Безмерная гордость Майлза разбилась бы вдребезги. А у него гордости нет. Пытки для него не новость. *«Ох, Риоваль. Тебе достался решительно не тот.»*

И вообще, будь Риоваль хоть наполовину таким тонким психологом, каким он себя явно мнит, он бы прихватил пару друзей Майлза, чтобы пытать их у него на глазах. Это с Майлзом прекрасно сработало бы. Но, разумеется, не с ним — не с Марком. У него нет друзей. *Проклятие, Риоваль. Ты и представить себе не можешь такие гадости, как могу я.*

Не важно. Друзья его спасут. Когда-нибудь. Вот-вот.

Сейчас.

Он еще оставался в состоянии эдакого мысленного вызова, когда за ним пришли техники.

* * *

Потом его вернули в крошечную камеру — наверное, чтобы дать ему подумать в одиночестве. Но какое-то время он вообще не мог думать. Он лежал на боку, дыша крошечными всхлипами, в полубессознательном состоянии, а руки и ноги у него медленно подергивались, точно щупальца морской звезды, в том же ритме, как накатывала изнутри непрекращающаяся боль.

Постепенно пелена с его глаз немного спала, а боль частично утихла, уступив место чернейшей ярости. Техники привязали его, затолкали в горло трубку и до верху накачали его омерзительной высококалорийной жижей. Как они сказали, смешанной с противорвотным — чтобы не дать ему от этой штуки впоследствии избавиться, — и коктейлем из стимуляторов обмена веществ, ускоряющих переваривание и отложение жиров. Это был слишком хитрый коктейль, чтобы составить его тут же, на месте — должно быть, его Дом Риоваль держал где-то про запас. А он-то воображал, что обжорство — его тайное и неповторимое извращение. Он думал, что вредил себе раньше, но люди Риоваля зашли далеко за пределы простого заигрывания с болью — на глазах у своего хозяина, который специально пришел, чтобы наблюдать. И изучать его, с улыбкой, которая делалась все шире. Риоваль *знал* . Марк видел это в его хитром, довольном взгляде.

Риоваль лишил его собственный мятеж всяческого тайного удовольствия. У него отобрали единственную власть над телом, которая была его голосом, его способом контроля. Риоваль поймал его на крючок, задел за живое, достал до мяса. Куда глубже.

Тобой могут заниматься хоть целый день, а ты можешь просто не-быть-здесь, но ничего не сравнится с тем, что ты делаешь сам с собой. Разница между просто пыткой и истинным унижением в соучастии жертвы. Гален, мучения из арсенала которого были физически куда мягче, чем все, что придумал Риоваль, знал это; Гален всегда заставлял его все делать самостоятельно или думать, что делает.

* * *

Попозже Риоваль продемонстрировал, что он тоже это знает: он ввел Марку из пневмошприца сильнейший афродизиак, прежде чем отдать его своим… охранникам? или этих людей он одолжил на время в одном из собственных борделей? Так Марк с остекленевшими глазами сделался соучастником собственного падения. Несомненно, это было шоу что надо, и парящие камеры головида фиксировали его со всех точек.

* * *

Его притащили обратно в крошечную камеру — переварить новый опыт, точно так же, как это сделали с ним после первого насильственного кормления. Прошло много времени, прежде чем отступил шок и туман от препарата. Он медленно колыхался от опустошенной усталости к ужасу. Любопытно. Препарат закоротил рефлекс, полученный некогда от шоковой дубинки, сведя его к чему-то вроде приступа икоты — не то шоу оказалось бы куда скучнее и короче. Риоваль наблюдал.

Нет. Риоваль *изучал* .

Марка зациклило на осознании того, что этот человек все время на него глядит. Интерес Риоваля не был эротическим. Марк чувствовал, что барону, должно быть, уже десятилетия назад наскучили стереотипные банальности всех возможных вариантов секса. Риоваль наблюдал за ним, ища… рефлексы? Едва заметные симптомы, выдающие интерес, страх, отчаяние. Это действие было устроено не ради боли. Боли было хоть отбавляй, но она была побочным эффектом. По большей части дискомфорт от насильственного кормления и недостаток нейротрансмиттеров.

«Это не пытка», осознал Марк. *«Это лишь предварительные испытания. Пытка для меня пока готовится.»*

Внезапно он понял, что будет дальше, все вместе. Сперва Риоваль выработает у него привычку, подсадив на регулярные дозы препарата. И лишь затем добавит боль, пришпилив его, трепещущего, между болью и удовольствием. Предложит Марку истязать себя самому, чтобы заработать это гадкое подкрепление. А потом уберет препарат, оставив Марка, уже

натасканного на эту схему, продолжать. Он и продолжит. А потом Риоваль предложит ему свободу. А он станет выть и умолять о том, чтобы остаться рабом. Разрушение через искушение. Конец игры. Полное отмщение. *«Ты видишь меня, Риоваль, но и я тебя вижу. Вижу.»*

* * *

Насильственное кормление стало проходить по графику каждые три часа. Других часов у него не было — а то он подумал бы, что время остановилась. Он явно вошел в вечность.

* * *

Он всегда считал, что человека свежуют живьем острыми ножами. Или тупыми. Но техники Риоваля сделали это с помощью какой-то химии, аккуратно сбрызнув аэрозолем отдельные участки тела. На них были перчатки, маски и защитные костюмы; он безуспешно пытался стащить с одного маску и дать ему попробовать того же, что они вводят ему. Он проклинал свой маленький рост и кричал, глядя, как пузырится и сползает кожа. Этот химикат был не едкой щелочью, а скорее каким-то странным энзимом; нервы ужасным образом оставались неповрежденными, но обнаженными. Чего бы он ни касался или где бы ни касались его, это причиняло жуткие мучения — а в особенности давление, если он сидел или лежал. В своей крошечной камере-чулане он не один час стоял, переминаясь с ноги на ногу и ничего не касаясь, пока дрожащие ноги наконец не отказались его держать.

* * *

Всё происходит так быстро. К чертовой матери, где все? Сколько он уже пробыл здесь? День?

Так. Один день я пережил. Значит, могу пережить еще один. Хуже быть уже не может. Только больше.

Он присел и подскочил, разум у него почти мутился от боли. И ярости. Особенно ярости. С момента первого насильственного кормления это больше не было войной Нейсмита. Теперь это была личная война между ним и Риовалем. Но недостаточно личная. Он никогда не оставался с Риовалем наедине. Враги всегда превосходили его числом и весом, его переводили из здания в здание. Даже сейчас с адмиралом Нейсмитом обращались как с весьма опасным мелким паршивцем. Но это не так.

Он рассказал бы им все — про лорда Марка, про Майлза, графа, графиню, Барраяр. И про Карин. Но трубка насильственного кормления затыкала ему рот, а наркотик лишал языка — ну а все остальное время он слишком был занят тем, что орал. Это было ошибкой Риоваля. Этот человек наблюдал. Но *не слушал* .

«Я хотел быть лордом Марком. Просто хотел быть лордом Марком.» . И что в этом такого дурного? Он все еще хотел быть лордом Марком. Он почти получил это, успел коснуться рукой. Сорвалось. Он оплакивал эту возможность и тосковал по ней, горячие слезы лились расплавленным свинцом на его лишенное кожи тело. Он чувствовал, как лорд Марк ускользает от него, как его отрывают, хоронят живьем. Как он распадается. *Я просто хотел быть человеком. И снова все испортил.*

Глава 25

Он в сотый раз обошел комнату кругом, простукивая стены. — Если бы мы сумели бы

вычислить, какая из стен внешняя, — обратился он к Вербе, — то могли бы как-нибудь ее проломить.

— Чем, ногтями? А что, если до земли три этажа? И вообще, *сядь* , пожалуйста, — проговорила сквозь стиснутые зубы Верба. — Ты меня с ума сводишь.

— Мы должны выбраться.

— Мы должны ждать. Лилия нас хватится. И что-нибудь сделает.

— Кто сделает? И как? — Он пристально оглядел крохотную спальню. Это место — не тюрьма. А всего лишь гостевые апартаменты с собственной ванной комнатой. Окон нет — намек на то, что эти комнаты расположены во внутренней секции дома или под землей. Если под землей — пробить стену пользы мало, но если за ней другая комната, а там — и другие возможности… Единственная дверь, а за ней два охранника с парализаторами. Прошлой ночью они уже попробовали заманить охранников внутрь, в открытую дверь: один раз он симулировал нездоровье, а во второй его неистовое беспокойство действительно переросло в очередные конвульсии. Охранники передали Вербе ее медицинский чемоданчик, но от него толку было мало: теперь измученная женщина на его требования действовать стала отвечать угрозой ввести успокоительное.

— Выжить, бежать, навредить врагу, — продекламировал он. Как заклинание, эта фраза безостановочно, циклично крутилась у него в мозгу. — Вот долг солдата.

— Я не солдат, — возразила Верба, потирая обведенные кругами глаза. — И меня Васа Луиджи убивать не собирается, а пожелай он убить тебя, так сделал бы это еще прошлой ночью. Он не играет со своей жертвой, как Риоваль. — Она прикусила губу — видимо, пожалев о последней фразе. — А, может, он собирается оставить нас тут вдвоем, пока я сама тебя не убью. — Она перекатилась на кровати и накрыла голову подушкой.

— Ты должна была разбить флаер.

Невнятный возглас из-под подушки мог с равным успехом быть и стоном, и проклятием. Наверное, он слишком часто упоминает об упущенной возможности.

Когда щелкнула открываемая дверь, он дернулся, как ошпаренный.

Охранник вежливо откозырял. — Барон Бхарапутра передает свои наилучшие пожелания — мэм, сэр — и спрашиваете, не присоединитесь ли вы к нему и баронессе за ужином. Мы сопроводим вас наверх, когда вы будете готовы.

* * *

В гостиной Бхарапутры были большие стеклянные двери, выходящие в обнесенный стенами по-зимнему морозный сад, — а еще по здоровенному охраннику возле каждого выхода. Сад поблескивал в сгущающихся сумерках; следовательно, они пробыли здесь уже полные джексонианские сутки, двадцать шесть часов с какими-то там минутами. При их появлении Васа Луиджи встал, и по мановению его руки охранники ретировались, заняв пост за дверью и создав иллюзию приватности.

Гостиная была стильно обставлена: одноместные кушетки и столики, расставленные полукругом на нескольких уровнях с видом на сад. На одной из кушеток сидела очень знакомого вида женщина.

У нее были седые, с черными прядями, волосы, уложенные вокруг головы в причудливые косы. Темные глаза, крошечные морщинки на тонкой коже цвета слоновой кости, нос с горбинкой — доктор Дюрона. Снова. Она была одета в тонкую, струящуюся шелковую блузу того бледно-зеленого оттенка, который — видимо, случайно — напоминал зеленые лабораторные костюмы Дюрон, и мягкие брюки цвета топленого молока. У доктора Лотос Дюроны, баронессы Бхарапутра, был изысканный вкус. И средства, чтобы его удовлетворять.

— Верба, милая, — она кивнула и протянула руку, словно Верба могла запечатлеть на ней придворный поцелуй.

— Лотос, — ровно отозвалась Верба, сжав губы. Лотос улыбнулась и повернула руку ладонью вверх, превратив жест в приглашение сесть, — что они и сделали.

Лотос коснулась панели управления возле своей кушетки, и вошла девочка в коричневых с розовым шелках цветов Бхарапутры. Она подала им напитки; первым, присев в реверансе и опустив глаза, — барону. Очень знакомая с виду девочка — высокая, гибкая как ива, нос с горбинкой, великолепные прямые черные волосы, собранные на затылке и спадающие на спину конским хвостом… Когда она поднесла бокал баронессе, глаза ее вспыхнули, раскрылись, точно цветок навстречу солнцу, осветились радостью. Когда она склонилась перед Вербой, а затем подняла глаза, взгляд ее сделался изумленным, а черные брови озадаченно сошлись у переносицы. Верба, в свою очередь, уставилась на нее с не меньшим изумлением, а когда та повернулась, изумление начало переходить в ужас.

Когда она склонилась перед ним, то нахмурилась еще сильнее. — Ты!.. — прошептала она, словно в потрясении.

— Ну, беги, Лилия, милочка, не надо так глазеть, — добродушно проговорила баронесса.

Плавной, покачивающейся походкой та вышла из комнаты, украдкой оглянувшись на них через плечо.

— Лилия!.. — выдохнула Верба. — Ты назвала ее Лилией?

— Маленькая месть.

Верба, глубоко оскорбившись, стиснула кулаки. — Как ты могла? Зная, кто ты такая? И кто такие мы?

— А как ты могла выбрать смерть, а не жизнь? — Баронесса пожала плечами. — Или еще хуже — позволить Лилии выбирать за тебя? Твое время искушения еще не пришло — Верба, дорогая моя сестричка. Спроси себя снова через двадцать-тридцать лет, когда почувствуешь, как разрушается твое тело, и посмотрим, сможешь ли ты дать ответ с той же легкостью.

— Лилия любила тебя как дочь.

— Лилия пользовалась мною как служанкой. Любила? — Баронесса хихикнула. — Стадо Дюрон держит вместе не любовь. А давление хищника. Если убрать все экономические отношения с внешним миром и прочие опасности, то самые дальние уголки вселенной не окажутся для нас достаточно далеки, чтобы сбежать от наших дорогих сестер и братьев. Вообще-то, так бывает почти во всех семьях.

Верба этот довод проглотила. Вид у нее был несчастный. Но она не возразила.

Васа Луиджи откашлялся. — Вообще-то, доктор Дюрона, чтобы найти свое собственное место, вам нет необходимости отправляться в путешествие к дальним уголкам галактики. Дом Бхарапутра может найти применение вашим талантам и опыту. Возможна даже небольшая автономия. К примеру, в качестве руководителя отдела. А позже — кто знает? — может, даже филиала.

— Нет. Благодарю, — отрезала Верба.

Барон пожал плечами. Баронесса, судя по виду, испытала облегчение.

Он поспешно вмешался: — Барон… те, кто забрал адмирала Нейсмита, — это действительно был отряд Риоваля? Вы не знаете, куда они его забрали?

— Ну-ну, вопрос интересный, — пробормотал Васа Луиджи, внимательно глядя на него. — Я целый день пытался связаться с Ри, но безуспешно. Подозреваю, что, где бы он ни был, с ним и ваш клон-близнец… адмирал.

Он втянул воздух. — Почему вы считаете меня адмиралом, сэр?

— Потому что я встречался с тем, вторым. При весьма впечатляющих обстоятельствах. Не думаю, что настоящий адмирал Нейсмит позволил бы своей телохранительнице отдавать ему приказы… вы ведь не позволили бы?

У него разболелась голова. — Что Риоваль с ним сделает?

— В самом деле, Васа, не за столом, — упрекнула баронесса. Потом с любопытством на него посмотрела: — Кроме того… почему вас это волнует?

— *«Майлз, где младший брат твой?»* — Цитата пришла ниоткуда, помимо воли сорвалась с его губ. Он неуверенно коснулся их. Верба уставилась на него. И Лотос тоже.

Васа Луиджи сказал: — Что до вашего вопроса, адмирал, все зависит от того, пришел ли Ри к тем же умозаключениям, что и я. Если да… вероятно, ничего особого он не сделает. Если нет, выбранные им методы будут зависеть от вашего клон-близнеца.

— Я… не понимаю.

— Риоваль будет его изучать. Экспериментировать. Его выбор действий будет проистекать из анализа личности вашего клон-брата.

Звучит не так уж плохо. Он представил себе тесты, где нужно выбрать один из вариантов ответов. И озадаченно нахмурился.

— Ри — художник, в своем роде, — продолжил барон. — Он умеет создавать самые неординарные психологические эффекты. Я видел, как он превратил своего врага в раба, абсолютно преданного ему лично и повинующегося любому приказу. Последний, кто попытался убить Риоваля и имел несчастье остаться в живых, подает напитки у него на закрытых вечеринках и умоляет о возможности доставить любому гостю всяческое удовольствие, какое тот ни пожелает. — И чего же попросил ты? — сухо поинтересовалась баронесса.

— Белого вина. Это было еще до тебя, дорогая. Но я внимательно наблюдал. У него был такой одержимый взгляд.

— Вы решаете, не продать ли меня Риовалю? — медленно спросил он.

— Если он даст на торгах наивысшую цену, адмирал. Налет на мои владения, который устроили вы с вашим клоном-близнецом, — и я все еще не уверен, не спланировали ли вы его вместе от начала до конца, — очень дорого обошелся моему Дому. И еще он, — глаза барона сверкнули, — досадил лично мне. Я не дам себе труда мстить человеку с криоамнезией, но хотел бы свести убытки к минимуму. Если я продам вас Ри, вас накажут лучше, чем я могу даже помыслить. Ри просто с ума сойдет от мысли составить пару. — Васа Луиджи вздохнул. — Боюсь, Дом Риоваль навсегда так и останется Малым домом, пока Ри позволяет своим личным удовольствиям перевешивать выгоду. Какая жалость. Я с его ресурсами мог бы сделать намного больше.

Вернулась девочка, расставила перед сидящими тарелочки с закусками, обновила в бокалах напиток — что-то причудливое из фруктов и вина, — и снова исчезла. Медленно. Васа Луиджи проводил ее взглядом. Баронесса прищурилась, заметив это. Но когда барон повернул голову, она опустила ресницы, сосредоточившись на своем бокале.

— А как насчет… дендарийских наемников и наивысшей цены, которую они могу заплатить? — *Да!* Пусть только Бхарапутра сделает подобное предложение, и дендарийцы тут же постучатся к нему в двери. Вместе с плазменным орудием. О да, заявка, которую не перешибешь. Игра на повышение будет недолгой. Бхарапутра не может выставить его на аукцион, не дав понять, что он здесь, а тогда уж, тогда… — *что?* . — По крайней мере вы воспользоваться ими как конкурентами, чтобы поднять ставку Риоваля, — сухо добавил он.

— Боюсь, их ресурсы слишком ограничены. И находятся не здесь.

— Мы видели их. Вчера.

— Всего лишь секретная оперативная группа. Никаких кораблей. Никакой поддержки. Я так понял, они продемонстрировали себя лишь для того, чтобы Лилия могла с ними поговорить. Но… у меня есть основания считать, что в этой игре есть еще один участник. Когда я на вас гляжу, срабатывают мои инстинкты. И я испытываю странный позыв удовлетвориться скромной прибылью посредника, а все негативные предложения пусть поступают Дому Риоваль. — Барон издал смешок.

«Негативные предложения?» Ах, да. От людей с плазменными орудиями. Он постарался не выдать своей реакции.

Васа Луиджи продолжал: — Что снова приводит нас к исходному вопросу… в *чем* тут интерес Лилии? Зачем Лилия приказала вам оживить этого человека, Верба? И кстати, как к ней попал, тогда как сотни ревностно искавших его людей так и не преуспели?

— Она не сказала, — невозмутимо отозвалась Верба. — Но я была рада возможности отточить свои навыки. Благодаря исключительной меткости ваших охранников, он представлял собой очень сложную с медицинской точки зрения задачу.

Завязалась беседа технически-медицинского характера между Лотос и Вербой, которая к моменту, как когда девочка-клон подала им искусно приготовленные яства, стала совсем отрывочной. Верба уклонялась от ответов с той же легкостью, как барон задавал вопросы, а поймет ли что-то он, никто и не ждал. Но, похоже, барон Бхарапутра и не спешил, явно собираясь занять выжидательную позицию.

После ужина охранники отвели их в комнату, которая, как он наконец сообразил, была одной из целого коридора одинаково распланированных помещений — возможно, жилье для слуг важных посетителей.

— Где мы? — прошипел он Вербе, как только за ними закрылась дверь. — Ты можешь сказать? Это штаб-квартира Бхарапутры?

— Нет, — ответила Верба. — Его основная резиденция все еще перестраивается. Там при некоем налете взорвали несколько комнат, — добавила она раздраженно.

Он медленно прошелся по комнате, но, к явному облегчению Вербы, не принялся снова стучать по стенам. — Мне приходит на ум… есть и другой способ бежать. Можно не только проломиться наружу, но и заставить кого-нибудь другого вломиться внутрь. Скажи… откуда труднее всего силой вызволить пленника: из Дома Бхарапутра, Дома Фелл или Дома Риоваль?

— Ну… думаю, от Фелла было бы труднее всего. У него больше солдат и тяжелого вооружения. От Риоваля легче всего. Дом Риоваль вообще-то Младший, хотя он сам насколько стар, что по традиции пользуется таким же почетом, как глава Великого Дома.

— Итак… если кому-то нужен некто посильней и побольше, чем Бхарапутра, он пойдет к Феллу.

— Может быть.

— И, если этот «кто-то» знает, что помощь на подходе… может быть, тактически разумнее оставить пресловутого пленника у Риоваля, нежели быть вынужденным вытаскивать его из места похуже.

— Может быть, — уступила она.

— Мы должны добраться до Фелла.

— Как? Мы не можем выбраться даже из этой комнаты.

— Из комнаты — конечно, из комнаты выбраться надо. Но выбираться из здания не нужно. Хватит, чтобы один из нас просто добрался до комм-пульта и ему бы несколько минут не мешали. Позвонить Феллу, позвонить *кому-то* , сообщить о том, что мы у Васы Луиджи. *Это* приведет колесики в движение.

— Позвонить Лилии, — твердо заявила Верба. — Не Феллу.

Мне нужен Фелл. Лилия не сможет прорваться к Риовалю. Он обдумал неприятный вариант: у него с Группой Дюрона могут возникнуть конфликтующие цели. Он хочет одолжения от Фелла, а Лилия желает от Фелла сбежать. Хотя… немногое требуется, чтобы заинтересовать Фелла набегом на Риоваля. Оплата расходов и прибыль в форме удовлетворения застарелой ненависти. Ага.

Он побрел в ванную и уставился на себя в зеркало. *«Кто я?»* Изможденный, кожа-да-кости, бледный, странного вида человечек с отчаянием в глазах и склонностью к припадкам. Если бы он только мог решить, который из двоих его клон-близнец, с которым он столь кратко и болезненно познакомился вчера, то методом исключения он бы присвоил имя и себе. На его взгляд, тот парень выглядел Нейсмитом. Но Васа Луиджи не дурак, и Васа Луиджи убежден в обратном. Он должен быть или одним, или другим. Почему он не может решить? *«Если я Нейсмит, почему мой брат занял мое место?»*

В это мгновение он и открыл для себя, почему это называется *каскадом* .

Ощущение было такое, словно он попал под водопад в реку, которая собирала воды со всего континента, — и эти тонны воды бросили его на колени. Он издал тихое хныканье,

скорчившись на полу и обхватив руками голову — за надбровными дугами взорвалась боль, а горло перехватил ужас. Он стиснул губы, стараясь не издать больше ни звука и не привлечь внимания заботливой Вербы. Сейчас ему необходимо было побыть одному — о, да!

«Неудивительно, что я не мог угадать. Я пытался выбрать из двух неверных ответов. Ох, мама. Ох, папа. Ох, сержант. Эту задачу ваш мальчик провалил. И с треском.» .

Лейтенант лорд Майлз Нейсмит Форкосиган распластался на кафельном полу и беззвучно кричал, так что выходило лишь слабое шипение. *«Нет, нет, нет, ох, черт…» Элли…*

Бел, Елена, Таура…

Марк… Марк? Этот приземистый, сердитый, держащий себя в руках, решительный субъект — *Марк* ?

О своей смерти он не помнил ничего. Он со страхом коснулся груди, ощупывая свидетельства… чего именно? Он плотно стиснул веки, пытаясь вспомнить последнее, что видел. Вооруженная высадка в медкомплексе Бхарапутры, да. Марк устроил катастрофу — Марк вместе с Белом, — и он прилетел туда в попытке вытащить из огня все каштаны до единого. Маньяческое вдохновение — переплюнуть Марка, показать ему, как работает профессионал, отобрать у оскорбившего его Васа Луиджи всех этих детей-клонов… привезти из домой, к маме. *«Вот дерьмо, а что сейчас знает мама?»* Он взмолился, чтобы ничего. Они ведь почему-то по прежнему на Единении Джексона. *Как долго* он был мертв?…

«И где, к чертовой матери, СБ?»

Разумеется, не считая того эсбешника, который сейчас валяется на полу в ванной.

«Ой-ёй-ёй…»

И еще Элли. Он спросил ее: «Я вас знаю, мэм?» Лучше бы он язык себе откусил.

Верба… Элли. По-своему, в этом есть смысл. Его любовница — высокая, кареглазая, темноволосая, упрямая и умная женщина. Первое, что предстало перед его сбитым с толку пробудившимся сознанием, была высокая, кареглазая, темноволосая, упрямая и умная женщина. Естественная ошибка.

Интересно, купится ли Элли на такое объяснение? Вкус на хорошо вооруженных подруг имеет и потенциально неприятные стороны. Он выдохнул безрадостный смешок.

Смешок застрял в горле. *«Таура, здесь?»* Знает ли об этом Риоваль? В курсе ли тот, что именно она приложила свою очаровательную когтистую ручку к уничтожению его генных банков четыре года назад? Или винит в этом одного «адмирала Нейсмита»? Вообще-то все наемные убийцы Риоваля, с которыми, с одним за другим, он имел дело на протяжении последних лет, были одержимо и исключительно сосредоточены на нем одном. Но солдаты Риоваля по ошибке приняли Марка за адмирала; а сам Риоваль? Конечно, Марк скажет, что он клон. *«Проклятье, будь я на его месте, я сказал бы барону то же самое, в маловероятной попытке спутать его умозаключения.»* Что происходит с Марком? Почему он предложил себя… выкупом за Майлза? Не может же у Марка тоже оказаться криоамнезия, верно? Нет — Лилия сказала, что дендарийцы, а с ними клоны, и «адмирал Нейсмит», бежали. Так как же они *вернулись* ?

«Они вернулись искать тебя, адмирал В-глубокой-заднице.»

И очертя голову бросились в руки Риоваля, искавшего его же. Чертово рандеву какое-то!

Что за *милосердным* состоянием была криоамнезия… Хотел бы он ее вернуть.

— Ты в порядке? — неуверенно позвала его Верба. Она подошла к двери ванной и увидела его на полу. — Ох, нет! Снова конвульсии? — Она упала рядом с ним на колени, длинные пальцы ощупали его в поисках повреждений. — Ты не ударился?

— Э-э… э-э… — Васа Луиджи сказал: «Я не дам себе труда мстить человеку с криоамнезией». Значит, лучше пока что оставаться таким человеком. На какое-то время, пока он овладеет ситуацией. И самим собой. — Кажется, я в порядке.

Он позволил ей, перепуганной, отнести себя в постель. Она гладила его по волосам. Он

в смятении поглядывал на нее из-под полузакрытых век, изображая пост-конвульсивную сонливость. *«Что я наделал?»*

«Что мне теперь делать?»

Глава 26

Он забыл, почему он здесь. У него начала нарастать кожа.

* * *

Интересно, куда делся Марк.

Приходили какие-то люди, пытали безымянное, не имеющеее очертаний, существо и снова уходили. Он встречал их по-разному. Возникшие у него варианты поведения сделались личностями, и он дал им имена, как только научился отличать. Это были Обжора, Пыхтун, Рева и еще один, молчаливый, который таился в тени и выжидал.

Он давал Обжоре выбраться, когда дело доходило до насильственного кормления, потому что тот единственный действительно получал от этого удовольствие. В конце концов, Обжоре никогда не позволили бы делать все то, что проделывали техники Риоваля. Пыхтуна он высылал на передовые позиции, когда снова появлялся Риоваль со шприцем афродизиака. Он решил, что именно Пыхтун должен быть в ответе за нападение на Мари, девочку-клона с измененным хирургами телом, — хотя, не будучи возбужден, Пыхтун был очень робок и стыдлив и почти не разговаривал.

Рева имел дело со всем остальным. Он начал подозревать, что именно Рева втайне виноват в том, что все они оказались у Риоваля. Наконец-то он попал в такое место, где его *по-настоящему* накажут. Никогда не применяйте к мазохисту терапию отвращением. Результаты непредсказуемы. *Так что Рева получал по заслугам.* Неуловимый четвертый просто выжидал, сказав, что в один прекрасный день они все оценят его усилия.

Они не всегда соблюдали очередь. У Ревы была склонность подслушивать, когда наступало время Обжоры, — а оно наступало по часам, в отличие от сеансов Ревы. И не раз оказывалось, что Обжора вылезал, сопровождая Пыхтуна в его приключениях, делавшихся тогда в высшей мере специфическими. Но никто по доброй воле не составлял компанию Реве.

Поименовав их всех, он наконец-то методом исключения обнаружил Марка. Обжора, Пыхтун, Рева и Другой отправили лорда Марка глубоко внутрь, спать, пока все не пройдет. Бедный, хрупкий лорд Марк, каких-нибудь двенадцати недель от роду.

Там, в глубине, Риовалю даже не увидеть лорда Марка. Не добраться до него. Не коснуться. Обжора, Пыхтун, Рева и Другой были очень осторожны, чтобы не разбудить младенца. Нежные и заботливые, они его защищали. Они были для этого *приспособлены* . Безобразная, уродливая, упрямая компашка, его психические наемники. Непривлекательные. Зато свое дело знают туго.

Он начал время от времени тихонько напевать им марши.

Глава 27

В разлуке сердце бьется сильнее. Майлз боялся, что верно и обратное. Верба снова накрыла голову подушкой. Он продолжал вышагивать по комнате. И говорить. Он не представлял, как ему остановиться. За время, прошедшее после утаенного им каскада воспоминаний, он разработал множество планов побега, но в каждом из них был какой-то роковой изъян. Не в состоянии привести в действие ни один, он упорядочивал и оттачивал их вслух. Снова и снова. Верба перестала критиковать его планы… вчера? По правде говоря, она вообще перестала с ним разговаривать. Она отказалась от попыток приласкать и

успокоить его, а вместо этого старалась держаться на дальней стороне комнаты или надолго уединяться в ванной. Майлз не мог ее винить. Вернувшаяся к нему нервная энергия, кажется, начала перерастать в нечто вроде буйного помешательства.

Вынужденное заключение подвергло самым сильным испытаниям ее теплые чувства. И, он сам, приходилось признать, не сумел скрыть от нее легкой неуверенности. Его прикосновения сделались прохладнее, он все больше сопротивлялся ее врачебному авторитету. Вопросов нет: он ее любит, он ею восхищается, он был бы счастлив передать ей в руки любой принадлежащий ему лазарет. Под его командованием. Но чувство вины плюс ощущение, что они не одни, подорвали его интерес к интимной жизни. В тот момент у него была иная страсть. И она поглощала его целиком.

Скоро должен быть ужин. Считая три приема пищи за один долгий джексонианский день, они пробыли здесь четверо суток. Барон с ними больше не разговаривал. Что за планы разрабатывает Васа Луиджи там, у себя? Начал ли он уже аукцион? А что, если следующим, кто войдет в эту дверь, окажется покупатель? Что если вообще никто не примет участия в торгах, если его оставят тут навсегда?

Обычно еду приносил на подносе слуга под бдительным взором пары вооруженных парализаторами охранников. Майлз испробовал все, что только мог придумать, — чуть ли не выдал свою тайну, — в попытках их подкупить за краткие минуты разговора. Их это лишь рассмешило. Он сомневался в своей способности обогнать луч парализатора, но при следующей возможности решил попробовать и это. Воспользоваться другим рычагом он не мог. И был готов пойти на глупость. Неожиданность иногда срабатывает…

Щелкнул замок. Он подскочил, готовый метнуться вперед. — Верба, вставай! — прошипел он. — Я собираюсь попробовать.

— Ох, проклятье, — простонала она, вылезая из постели. Неверящая, запуганная, она встала и устало подошла к его кровати. — От парализатора бывает больно. А потом тошнит. А у тебя, наверное, начнутся *конвульсии* .

— Да. Знаю.

— Но это хоть заставит тебя ненадолго заткнуться, — пробормотала она себе под нос.

Он приподнялся на цыпочки. И снова опустился на всю ступню, когда увидел, кто пришел.

О, боже. Что такое? В игре внезапно объявился новый участник, и мозг Майлза переключился на полные обороты. Верба, не сводившая с него глаз в ожидании обещанного броска, тоже подняла взгляд и широко распахнула глаза.

Это была девочка-клон, Лилия — Лилия-младшая, как он решил мысленно называть ее, — в своем коричневом с розовым наряде служанки: длинной запашной юбке и украшенном блестками пиджаке. Выпрямив спину, она внесла поднос с едой и поставила его на столик в другом конце комнаты. Непонятно почему, но охранник кивнул ей и вышел, закрыв за собой дверь.

Она, как и положено прислуге, принялась сервировать стол; Верба подошла ближе, приоткрыв рот.

Майлз мгновенно увидел десяток возможностей; в том числе и ту, что такого шанса может больше не представиться. В его нынешнем ослабленном состоянии самому ему с девочкой не справиться. А как насчет успокоительного, которым ему грозила Верба? Сможет ли она ее свалить? Верба плоховато понимает окольные намеки, а что насчет исполнения непонятных ей приказов — просто ужас. Ей захочется объяснений. Ей захочется *споров* . Он может лишь попытаться.

— Бог мой, до чего же вы двое похожи! — радостно прощебетал он, пожирая глазами Вербу. Та одарила его раздраженным и непонимающим взглядом, превратившимся в улыбку, как только девочка повернулась к ним. — Как это мы удостоились, э-э, столь высокородной прислуги, миледи?

Гладкая рука Лилии коснулась груди. — Я не леди, — отрезала она тоном, по которому было ясно, она считает его полным идиотом. И не без причины. — Но ты… — Она

изучающе оглядела Вербу. — Я тебя не понимаю.

— Тебя прислала баронесса? — спросил Майлз.

— Нет. Но я сказала охранникам, что в вашей еде наркотик, и баронесса прислала меня побыть здесь и убедиться, что вы ее съели, — неожиданно добавила она.

— А это, гм, правда? — спросил он.

— Нет. — Она вскинула голову, отчего ее длинные волосы взметнулись, и окончательно оставила его без внимания, жадно сосредоточившись на Вербе. — *Кто* ты?

— Она сестра баронессы, — немедленно вставил Майлз. — Дочь матери твоей госпожи. Ты знаешь, что тебя назвали в честь твоей, э-э, бабушки?

— … Бабушки?

— Расскажи ей о Группе Дюрона, Верба, — настойчиво попросил он.

— Тогда почему бы тебе не дать мне возможность вставить слово? — сквозь зубы процедила Верба, улыбаясь.

— Она знает, кто она такая? Спроси ее, знает ли она, — попросил он, тут же засунул костяшки пальцев в рот и прикусил их. Девочка пришла не к нему. А к Вербе. Он должен позволить Вербе воспользоваться шансом.

— Ладно. — Верба глянула на закрытую дверь и снова перевела взгляд на девочку. — Дюроны — это группа из тридцати шести клонированных братьев и сестер. Мы живем под защитой Дома Фелл. Нашу мать — первую Дюрону — тоже зовут Лилия. Она очень расстроилась тем, что Лотос — баронесса — ушла от нас. Лотос мне… старшая сестра, понимаешь? Значит, ты тоже должна быть моей сестрой. Лотос говорила тебе, зачем она тебя завела? Ты станешь ее дочерью? Ее наследницей?

— Я воссоединюсь с моей госпожой, — сказала девочка. В ее голосе звучал легкий вызов, но было видно, насколько она зачарована Вербой. — Я подумала… не затем ли ты здесь, чтобы занять мое место. — Ревность? *Безумие.*

Глаза Вербы потемнели от молчаливого ужаса. — Ты понимаешь, что это значит? Что такое пересадка мозга в клона? Она заберет твое тело, Лилия, и тебя не станет.

— Да. Я знаю. Это моя судьба. — Она снова вскинула голову, откинув волосы с лица. В ее голосе звучала убежденность. Но ее глаза… не было ли там едва заметного вопроса?

— Вы двое так похожи, — пробормотал Майлз, ходя вокруг них и стараясь подавить беспокойство. И улыбаясь. — Я был готов поспорить, что если вы обменяетесь одеждой, никто не заметит разницы. — Быстрый взгляд Вербы дал ему понять: да, она уловила намек, но считает, что он слишком уж сильно давит. — Не-а, — добавил он, наморщив губы и склонив голову. — Думаю, нет. Девочка слишком толстая. Как тебе, не кажется, что она слишком толстая, а, Верба?

— Не толстая я! — вознегодовала Лилия-младшая.

— Одежда Вербы на тебя не налезет.

— Ты не прав, — сказала Верба, сдаваясь и позволяя втянуть себя в события, разворачивающиеся ускоренным темпом. — Он идиот. Давай докажем это, Лилия. — Она принялась стаскивать с себя жакет, блузку, брюки.

Медленно, с огромным любопытством, девочка сняла пиджачок и юбку и взяла костюм Вербы. Верба пока не прикоснулась к шелковой одежде Лилии, аккуратно сложенной на кровати.

— О-о, смотрится ничего, — заявила Верба и кивнула в сторону ванной. — Тебе стоит самой взглянуть.

— Я был не прав, — благородно признался Майлз, подталкивая девочку в сторону ванной комнаты. Нет времени составлять заговор, нет способа отдать приказ. Придется всецело довериться… инициативе Вербы. — А правда, одежда Вербы на тебе неплохо смотрится. Вообрази, что ты хирург-Дюрона. Они там все врачи, знаешь? Ты тоже могла бы стать врачом… — Уголком глаза он заметил, как Верба свободно распустила волосы, вытащив ленту, а затем схватила шелковые тряпки. Закрыв дверь за собой и Лилией, Майлз развернул девочку к зеркалу и включил воду, чтобы замаскировать звуки: вот Верба стучит

во входную дверь, охранник ей открывает, она выходит, прикрыв распущенными волосами лицо…

Лилия уставилась в высокое зеркало. Поглядела на отражение Майлза рядом со своим — он сделал жест, словно представляя ей ее саму, — а потом перевела взгляд на его макушку на уровне собственного плеча. Он схватил стакан и отпил воды, чтобы прочистить горло, прежде чем начать действовать. Сколько он сможет удерживать тут растерянную девочку? Вряд ли удастся успешно оглушить ее ударом чего-нибудь тяжелого, а что насчет стоявшего на столе медицинского чемоданчика Вербы — он точно не знал, что именно там является пресловутым снотворным.

К его удивлению, она заговорила первой. — Это ты приходил за мной, верно? За всеми нами, клонами.

— Э-э… — Тот самый гибельный налет на владения Бхарапутры? Она была одной из спасенных? Тогда что она здесь делает? — Извини. Я последнее время был мертв, и моя голова не совсем в порядке. Криоамнезия. Может, было, как ты говоришь, а может — ты повстречалась с моим клоном-близнецом.

— У тебя тоже есть братья и сестры клоны?

— Как минимум один. Мой… брат.

— А ты был правда мертв? — Вид у нее был слегка недоверчивый.

Он задрал серую трикотажную футболку и показал свои шрамы.

— Ого, — впечатлилась она. — Да, правда.

— Верба меня собрала из кусочков. Она очень умелая. — Нет, не привлекай ее внимания к Вербе, которой тут нет. — Ты могла бы стать такой же, держу пари, если бы постаралась. Если бы научилась.

— А на что это похоже? Быть мертвым. — Она вдруг настойчиво вгляделась в его лицо.

Он одернул футболку. — Уныло. Действительно скучно. Пустота. Я ничего не помню. Не помню, как я умер… — Тут у него перехватило дыхание. Дуло гранатомета, осветившееся вспышкой, — и его грудь взрывается, жуткая боль… Он втянул воздух и оперся на подзеркальник, почувствовав внезапную слабость в ногах. — Одиноко. Тебе бы не понравилось. Гарантирую. — Он взял ее теплую руку. — Быть живым куда лучше. Быть живым — это… это… — Ему нужно на что-то встать. Он забрался на подзеркальник, и, склонившись, наконец-то взглянул ей прямо в глаза. Намотал на палец прядь ее волос, склонил голову и поцеловал девочку — просто на секунду прижался губами. — Ты можешь сказать про себя, что жив, когда кто-то касается тебя в ответ.

Она отпрянула, потрясенная и заинтересованная. — А ты целуешь не так, как барон.

У него мозги чуть не заклинило. — Барон тебя целовал?!

— Да…

Заранее пробовал новое тело жены? Как скоро запланирована пересадка мозга? — А ты всегда жила с… э-э… со своей госпожой?

— Нет. Меня привезли сюда после того, как разгромили ясли клонов. Ремонт почти закончен, я скоро поеду обратно.

— Но… ненадолго.

— Нет.

Барон должен испытывать… любопытное искушение. В конце концов, скоро ее мозг будет уничтожен, и обвинять она не сможет. Васа Луиджи может делать все, что угодно, лишь бы не трогать ее девственности. И как это повлияло на ее явное психопрограммирование, на ее преданность своей судьбе? Очевидно, как-то повлияло, иначе бы ее здесь не было.

Она поглядела на закрытую дверь, и открыла рот во внезапно нахлынувшем подозрении. Вырвав у него ладонь, она бросилась обратно, в опустевшую спальню. — Ой, нет!

— Ш-ш! — Он побежал за ней, снова схватил ее за руку, прыгнул на кровать и встал,

развернув ее лицом к себе и восстанавливая контакт глаза-в-глаза. — Не кричи! — прошипел он. — Если ты выбежишь отсюда и позовешь охрану, у тебя будут жуткие неприятности, а если просто подождешь, пока она вернется, то никто и не узнает. — Он чувствовал себя подлецом, играя на ее явной панике, но он должен был это сделать. — Веди себя тихо, и никто никогда не узнает.

Коли на то пошло, он понятия не имел, собирается ли Верба вернуться. Дела обстояли так, что она может захотеть просто от *него* сбежать. И ни один из разработанных им ранее планов не предусматривал вот такого мига удачи.

Лилия-младшая легко могла бы одолеть его физически, хотя он не был уверен, понимает ли она это. Один-единственный хороший удар кулаком в грудь свалит его на пол. Ей даже не придется бить его слишком сильно.

— Садись, — сказал Майлз. — Сюда, рядом со мной. Не бойся. Честно говоря, я даже представить себе не могу, чтобы ты чего-то боялась: ведь ты приняла свою судьбу глазом не моргнув. Должно быть, ты храбрая девочка. Женщина. Сядь… — Он потянул ее на кровать; она весьма неуверенно перевела взгляд на дверь, но позволила себя ненадолго усадить. Ее мышцы были напряжены, точно струны. — Расскажи мне… расскажи мне о себе. Расскажи о том, как ты живешь. Ты ведь очень интересный человек, знаешь?

— Я?

— Я про себя самого сейчас мало что помню, вот почему и спрашиваю. Для меня это настоящий ужас — быть не в состоянии вспомнить. Это меня просто убивает. А какое твое самое раннее воспоминание?

— Зачем… ну, думаю… то место, где я жила до яслей. Там обо мне заботилась одна женщина. Я — глупо, да? — я помню, что там у нее были какие-то лиловые цветы, с меня ростом, они росли в маленьком таком садике — не больше квадратного метра — и пахли виноградом.

— Да? Расскажи мне еще про эти цветы…

Он опасался, что времени им хватит на долгую беседу. А что потом? То, что Вербу еще не *приволокли* обратно, — это очень хороший знак. А то, что она может так и не *вернуться* , — поставит в неприятную ситуацию Лилию-младшую. «А что ей могут сделать барон с баронессой? Убить?» — родилась в его мозгу беспощадная насмешка.

Они разговорились про ее жизнь в яслях. Ему удалось вытянуть из нее описание налета дендарийцев — как она его видела. Как ей удалось присоединиться к барону. Очень сообразительное дитя. Да уж, с Марком вышла неприятность. Паузы в разговоре делались все длиннее. Он, чтобы поддержать беседу, уже собрался заговорить о себе, а это было очень опасно. Девочка отвлеклась от разговора, все чаще и чаще поглядывает на дверь…

— Верба не вернется, — произнесла Лилия-младшая наконец. — Да?

— Думаю, не вернется, — откровенно признался он. — Я считаю, ей удалось беспрепятственно бежать.

— А ты откуда знаешь?

— Если бы ее поймали, то пришли бы за тобой, даже бы если ее саму и не привели обратно. Но они думают, что Верба все еще здесь. А вот ты пропала.

— Ты ведь не думаешь, что они могут перепутать ее со мною, да? — задыхаясь от тревоги, выговорила она. — И взять ее, чтобы она воссоединилась с моей госпожой? — Майлз не мог точно сказать, тревожится ли она за Вербу или из-за того, что Верба обманом займет ее место. Что за омерзительная, жуткая у него новоприобретенная паранойя!

— А когда… — начал было он, но тут же поспешил успокоить ее. И себя. — Нет. Если просто глянуть, проходя мимо, вы покажетесь ужасно похожими, но тут-то будет необходимо разглядеть ее вблизи. Она на много лет старше тебя. Это просто невозможно.

— Что мне делать? — Она попыталась подняться на ноги; он поймал ее за руку и потянул обратно на кровать.

— Ничего, — посоветовал он. — Все нормально. Скажешь им… скажешь, что это я заставил тебя тут остаться.

Она смерила вопросительным взглядом его невысокую фигуру. — И как?

— Хитростью. Угрозами. Психологическим принуждением, — честно ответил он. — Можешь винить во всем меня.

Она засомневалась сильнее.

Сколько ей лет? Он провел последние два часа, выуживая из нее историю ее жизни, и, похоже, та была не особо длинной. Ее речь отражала странную смесь проницательности и наивности. Величайшим приключением в ее жизни стало недолгое похищение дендарийскими наемниками.

Верба. *Ей все удалось. Что теперь?* Вернется ли она за ним? Как? Это же Единение Джексона. Доверять нельзя никому. Здесь люди — это просто мясо. Как сидящая перед ним девочка. Ему внезапно представилось кошмарное видение: Лилия-младшая с пустым черепом и бессмысленным взглядом.

— Прости, — прошептал он. — Ты так прекрасна… *внутренне* . Ты заслуживаешь того, чтобы жить. А не быть сожранной старухой.

— Моя госпожа — великая женщина, — упрямо сказала она. — Она заслужила еще одну жизнь.

Какого рода извращенная этика руководила Лотос Дюроной, когда она превратила эту девочку в якобы добровольную жертву? Кого обманывает Лотос? Очевидно, лишь себя саму.

— А кроме того, — заметила Лилия-младшая, — по-моему тебе же понравилась та толстая блондинка. Ты вокруг нее так и извивался.

— Кто?

— Ой, правда. Наверное, это был твой близнец-клон.

— Мой брат, — машинально поправил он. А *это* что за дела, Марк?

Теперь она потихоньку расслабилась, смирившись со своим странным пленом. Заскучала. И с любопытством на него посмотрела. — Хочешь еще поцеловать меня? — спросила она.

Это все его рост. Будит в женщинах зверя. Не чувствуя угрозы, они делаются храбрыми. В обычных условиях он считал этот эффект приятным, но эта девочка его смущала. Она ему… не ровня. Но нужно убить время, задержать ее здесь и занять чем-нибудь как можно дольше. — Ладно… хорошо…

Где-то минут через двадцать неопасных и пристойных ласк она отстранилась и заметила: — А барон делает это не так.

— А что ты делаешь для Васы Луиджи?

Она распустила пояс на его тренировочных штанах и принялась показывать. Не прошло и минуты, как он выдавил: — Хватит!

— Тебе не понравилось? Барону нравится.

— Еще бы! — Чудовищно возбужденный, он бежал в кресло за маленьким обеденным столиком и забился туда. — Это, э-э, очень мило, Лилия, но слишком серьезно для нас тобой.

— Не понимаю.

— В этом и дело. — Она же ребенок, несмотря на свое развитое тело; он все больше в этом уверялся. — Когда станешь старше… ты сама определишь для себя границы. И сможешь разрешать их переступать тому, кого сама выберешь. А прямо сейчас ты едва понимаешь, где кончаешься ты и начинается мир. Желание должно приходить изнутри, а не навязываться извне. — Он попытался придушить собственное желание чистым усилием воли, и преуспел лишь наполовину. *Васа Луиджи, ах ты подонок!*

Она задумчиво нахмурилась. — Я не стану старше.

Он обхватил руками подтянутые к животу колени и содрогнулся. *Ох, черт* .

Внезапно он вспомнил, как познакомился с сержантом Таурой. Как они в тот отчаянный час стали любовниками. Снова его загоняют в ловушку провалы в памяти. Можно провести некие очевидные параллели с нынешней ситуацией — вот почему, наверное, подсознание попыталось предложить ему некогда сработавшее решение. Но у Тауры была биоинженерная мутация: короткая жизнь. Дендарийские медики выкроили для нее еще

столько-то времени, подстроив обмен веществ. Но не так уж много. Каждый день был для нее подарком, каждый год — чудом. Всю свою жизнь она проживала по принципу «хватай, что плохо лежит», и он от всей души ее ободряет. А Лилия-младшая могла бы прожить сто лет, если бы ее не… сожрали. Ее нужно соблазнять жизнью, а не сексом.

Как и честность, любовь к жизни — это не то, чему можно научиться, но ее можно подхватить, точно заразу. Подхватить от кого-то, у кого она есть.

— Разве ты не хочешь жить? — спросил он.

— Я… не знаю.

— А я знаю. Я хочу жить. И, поверь мне, альтернативу я обдумал… *глубоко* .

— Ты… забавный, уродливый человечек. Что может тебе дать жизнь?

— Все. И я собираюсь получить еще больше. — «*Хочу, хочу.* Богатства, власти, любви. Побед — прекрасных, ослепительных побед, сияющих в глазах твоих соратников. Когда-нибудь — жену и детей. Кучу детей, высоких и здоровых, чтобы осадить и поразить до глубины души всех тех, кто шипит «Мутант!». И еще — брата.»

Марка. Ага. Угрюмого паренька, которого сейчас, и это весьма вероятно, барон Риоваль расчленяет кусочек за кусочком. Вместо Майлза. Нервы у него натянулись так, что он был готов орать, а облегчения не наступало. *«Я должен выиграть время».*

Наконец он уговорил Лилию-младшую поспать, завернувшись в одеяло на той стороне кровати, где обычно лежала Верба. Он великодушно удовольствовался креслом. Прошла пара часов, и он больше не мог терпеть боль. Он потрогал пол. Холодный. Грудь болела. Мысль проснуться утром с кашлем его ужаснула. Наконец он заполз в кровать поверх одеял и свернулся калачиком спиной к девочке. Он отчетливо ощущал ее тело рядом. И столь же явно понимал, что его она не чувствует.

Его беспокойство лишь усилилось оттого, что оно было неопределенным. Он не управлял *ничем* . Ближе к утру он согрелся достаточно, чтобы задремать.

* * *

— Верба, любовь моя, — неразборчиво пробормотал он, уткнувшись носом в душистые волосы и обвившись вокруг ее теплого высокого тела. — Миледи. — Баррярский оборот; теперь наконец-то он знает, откуда взялось это «миледи». Она вздрогнула; он отпрянул. К нему вернулось сознание. — Уй! Извини.

Лилия-младшая села, избавившись от хватки уродливого человечка. Хотя скорее всего он ее просто ее нащупал. — Я не моя госпожа!

— Извини, это просто неверный перевод. Я мысленно называю Вербу «миледи». Она моя леди, а я ее… — *придворный шут?* — рыцарь. Понимаешь, я же вправду солдат. Хоть и коротышка.

При следующем стуке в дверь он осознал, что же его разбудило. — Завтрак. Быстро! Давай в ванную. Пошуми там. Готов поклясться, мы сумеем сохранить статус-кво до следующего раза.

На этот раз он не пытался вовлечь охранников в беседу и подвести их к мысли о подкупе. Когда за слугой закрылась дверь, Лилия-младшая вернулась. Она ела медленно, словно сомневалась в своем праве на пищу. Он наблюдал за ней, не сводя глаз. — Вот. Возьми эту булочку. Знаешь, и ты можешь ее посыпать сахаром.

— Мне нельзя есть сахар.

— Тебе нужно есть сахар. — Он помолчал. — Тебе все нужно. Тебе нужны друзья. Нужны… сестры. Тебе нужно получить образование, чтобы напрягать до предела ум, и нужна работа, чтобы твоя душа трудилась со всей отдачей. Работа делает тебя больше. Реальнее. Ты поглощаешь ее и растешь. Тебе нужна любовь. Твой собственный рыцарь. Выше тебя ростом. Тебе нужно… мороженое.

— Мне нельзя толстеть. Моя судьба — это моя госпожа.

— Судьба! Что ты знаешь про судьбу? — Он встал и принялся зигзагом расхаживать вокруг стола и кровати. — Я, *так и разэтак* , специалист по судьбе! Твоя госпожа — это фальшивая судьба. Как ты думаешь, откуда я это знаю? Она забирает все, но ничего не отдает назад. А *настоящая* судьба заберет все — до последней капли крови, да еще выжмет тебе вены, чтобы уж наверняка, — но вернет вдвое. Вчетверо. В тысячу раз больше! Но ты не можешь отдать половину. Тебе приходится отдавать все. Я-то *знаю. Клянусь* . Я вернулся из мертвых, чтобы сказать тебе правду. Настоящая судьба дает тебе целую *гору* жизни и водружает тебя на ее вершину.

Его убежденность сделалась просто маниакальной. Он обожал подобные минуты.

— Ты сумасшедший, — сказала она, настороженно на него уставившись.

— А ты откуда знаешь? Ты за всю свою жизнь не встречала нормальных людей. А? Подумай над этим.

Ее растущий интерес вдруг увял. — Все бесполезно. Я здесь пленница. Куда я пойду?

— Тебя могла бы взять к тебе Лилия Дюрона, — тут же предложил он. — Ты же знаешь, что Группа Дюрона под защитой Дома Фелл. Если ты сможешь добраться до своей бабушки, там ты будешь в безопасности.

Ее брови поползли к переносице — точно так же, как у Вербы, когда та выискивала изъяны в его планах побега. — Но как?

— Нас не оставят тут вместе навсегда. Предположим… — он подошел к ней, собрал волосы и закрепил их в беспорядке у нее на затылке. — У меня не создалось впечатления, что Васа Луиджи намерен удерживать Вербу дольше, чем того потребует секретность. Когда уйду я, уйдет и она. Если они примут тебя за Вербу, то, держу пари, ты сможешь просто выйти отсюда.

— А… что мне говорить?

— Как можно меньше. «Здравствуйте, доктор Дюрона, вот ваш транспорт.» Берешь сумку и идешь.

— Я не смогу.

— Ты можешь попытаться. Если не получится, ты ничего не потеряешь. А если удастся, то получишь *все* . И — если ты сбежишь — то сможешь рассказать, куда меня увезли. Кто забрал меня и когда. От тебя потребуется собраться с духом на какие-то пару минут, а мужество — оно бесплатное. Мы получаем его у себя самих. Никто не может украсть у тебя мужество, как крадут кошелек. Черт, да что я тебе это говорю? Ты же сама улизнула от дендарийских наемников благодаря одной лишь сообразительности и мужеству.

Она была совершенно поражена. — Я сделала это для своей госпожи. Я никогда и ничего не делала для… для *себя* .

Он ощутил, что готов разрыдаться, напряженный до точки абсолютного нервного срыва. Такого рода самоотдачу и патетическое красноречие он обычно приберегал для того, чтобы убедить людей *рискнуть* своей жизнью, а не спасти ее. Он склонился к ней и точно демон-искуситель, прошептал на ухо: — Сделай это для себя. Вокруг тебя окажется целая вселенная, и из нее ты выберешь собственный жребий.

После завтрака он попытался помочь ей уложить волосы на манер Вербы. С волосами он обращался просто ужасно. Поскольку Верба тоже, то окончательный результат, как он понадеялся, вышел довольно убедительный. Потом принесли и унесли обед.

Он понял, что это не ужин, когда в дверь вошли без стука.

Три охранника и мужчина в ливрее Дома. Двое охранников, ни слова не говоря, взяли его и надели наручники. Не за спиной. Он был благодарен за эту небольшую любезность. После первых получаса руки, скованные за спиной, начинали доставлять мучительную боль. Его вытолкали в коридор. Никаких признаков присутствия ни Васы, ни Лотос. Он понадеялся, что они ищут сейчас потерянного клона. Майлз Оглянулся через плечо.

— Доктор Дюрона, — склонил голову слуга, обратившись к Лилии-младшей. — Я ваш шофер. Куда вас отвезти?

Она отвела с глаз выбившуюся прядку волос, подхватила сумку Вербы, шагнула вперед

и произнесла: — Домой.

— Верба, — позвал Майлз. Она обернулась.

— Бери все, потому что придет время, и все у тебя отберут. Вот истинная правда. — Он облизнул сухие губы. — Поцелуешь меня на прощание?

Она склонила голову, повернулась, наклонилась. На мгновение прижалась своими губами к его. И пошла вслед за водителем.

Что ж, достаточно, чтобы произвести впечатление на охрану. — Как тебе это удалось? — дружелюбно подшучивая, спросил один из охранников, пока Майлза вели в противоположном направлении.

— Ко мне надо приобрести вкус, — самодовольно сообщил Майлз.

— Разговорчики! — выдохнул старший.

По дороге к машине он дважды пробовал бежать; после второго раза самый рослый охранник просто перекинул его через плечо головой вниз и пригрозил уронить, если тот будет дергаться. Чтобы схватить Майлза во второй раз, им пришлось приложить немало сил, так что тот вряд ли шутил. Его запихнули его в заднее отделение машины между двумя охранниками.

— Куда вы меня везете?

— К месту передачи, — ответил один.

— Что за место передачи?

— Больше тебе знать не надо.

Всю дорогу из него непрерывным потоком изливались язвительные замечания, обещания денег, угрозы, оскорбления и, наконец, брань, но никто больше на эту удочку не попался. Интересно, нет ли среди них того самого человека, что убил его. Нет. Никто, бывший в той в заварушке в медкомплексе, не держался бы столь спокойно. В тот день эти парни были далеко. Он сорвал голос. Поездка была долгой; вряд ли наземными машинами часто пользуются вне города, раз дороги так отвратительны. А они были далеко от любого города. Были уже поздние сумерки, когда они добрались до одинокого перекрестка.

Там терпеливо, точно домашний скот, их ожидали двое мужчин — лица невыразительные, чувства юмора нет и в помине. Майлза передали им в руки. Красная с черным ливрея Дома. Цвета Риоваля. Они связали ему руки за спиной и лодыжки, а затем зашвырнули на заднее сиденье флаера. Флаер бесшумно взмыл в темное небо.

«Похоже, Васа Луиджи получил, сколько хотел.»

Верба, если она преуспела, должна была отправить кого-то искать его у Бхарапутры. Где Майлза не окажется. Он, правда, был почти уверен, что Васа Луиджи с радостью проложит этому «кому-то» курс прямо к Риовалю.

Но если разыскать местожительство Риоваля было бы легко, это уже сделали бы.

«Бога ради. Я могу стать первым попавшим туда агентом СБ!» . Раньше он убедился бы в этом и отметил этот факт в своем рапорте к Иллиану. Он уже предвкушал, как будет составлять Иллиану свой посмертный рапорт. Теперь же он спрашивал себя, проживет ли для этого достаточно долго.

Глава 28

— Мне неприятно это говорить вам, барон, — произнес техник, — но, похоже, жертва ваших истязаний прекрасно проводит время.

Обжора ухмыльнулся, насколько мог при заткнувшей рот трубке, пока барон Риоваль обходил его по кругу, внимательно разглядывая. Поди любуется его потрясающим брюхом?

— В такой ситуации может встречаться множество форм психологической защиты, — сказал Риоваль. — В том числе расщепление личности и идентификация со своими тюремщиками. Я, разумеется, ожидал, что Нейсмит использует их все, но… столь скоро?

— Я тоже не поверил, сэр, поэтому провел серию сканирований мозга. Результаты оказались необычными.

— Если действительно произошло расщепление личности, сканирование должно было его показать.

— А *что-то* оно и показало. Похоже, он защищает отдельные фрагменты разума от нашей стимуляции, а его поверхностные реакции явно подтверждают факт расщепления… но их рисунок ненормально аномальный, если можно так выразиться, сэр.

— Вообще-то нет. — Риоваль с любопытством поджал губы. — Я посмотрю ваши результаты.

— Чем бы они ни были, он не симулирует. В этом я уверен.

— Так невероятно быстро… — пробормотал Риоваль. — По-твоему, когда он сломался? И как я это пропустил?

— Не знаю точно. Быстро. В первый же день… может, в первый же час. Но если так у него пойдет и дальше, он станет просто неуловим и придется прикладывать все больше сил, чтобы подействовать на него. Он может… менять часовых.

— И я тоже, — холодно ответил Риоваль.

Давление в желудке переросло в боль. Рева принялся беспокойно пихаться, но Обжора не уступил. Пока что была его очередь. Другой внимательно слушал. Этот четвертый всегда слушал, когда появлялся барон Риоваль. Он редко спал и почти никогда не разговаривал.

— Я не ожидал, что он достигнет стадии распада раньше, чем через несколько месяцев. Это ломает все мое расписание, — посетовал барон.

«Да, барон. Разве мы не очаровашки? Разве не интригуем тебя?»

— Я должен решить, как лучше его сфокусировать, — задумчиво проговорил барон. — Попозже приведите его в мои комнаты. Поглядим, что нам дадут в плане новых направлений небольшая спокойная беседа и пара экспериментов.

Под слоем вялых, сглаженных эмоций задрожал в предвкушении Другой.

* * *

Двое охранников привели его/их в очаровательную гостиную барона Риоваля. Там не было окон, хотя большую часть стены занимал экран большого головида, на котором сейчас крутилось изображение какого-то тропического берега. Жилище Риоваля явно под землей. Никто не вломится сюда через окно.

Его кожа пока наросла лишь участками. Техники опрыскали голое мясо каким-то составом, чтобы он не измазал изящную мебель Риоваля, а остальные раны закрыли пластповязкой — иначе они бы открылись, начали кровоточить и стали оставлять пятна.

— Думаешь, будет от этой штуки какая-то польза? — спросил техник с пульверизатором.

— Наверное, нет, — вздохнул его товарищ. — Мне кажется, стоит заранее вызвать команду уборщиков. Лучше бы он постелил что-нибудь вроде брезента.

Теперь охранники усадили его в низкое, широкое кресло. Просто кресло, никаких шипов, бритвенных лезвий или кольев. Руки связали сзади — это значило, что откинуться на спинку он не сможет. Он широко расставил колени и сидел, неудобно выпрямившись и тяжело дыша.

Старший охранник спросил Риоваля: — Хотите, чтобы мы привязали его, сэр?

Риоваль приподнял бровь. — А он сможет встать без посторонней помощи?

— Из такого положения — не сразу.

Риоваль презрительно усмехнулся, глядя на своего пленника сверху вниз. — О, да мы приближаемся к цели. Медленными темпами. Оставьте нас. Я вас вызову. И не входите. Даже если услышите шум.

— У вас очень хорошая звукоизоляция, сэр. — Охранники с невыразительными лицами откозыряли и вышли. Что-то с этими охранниками неправильное. Когда они не исполняют приказов, то стараются просто сидеть или стоять, молча и равнодушно. Так и задумано,

сомнений нет.

Обжора, Пыхтун, Рева и Другой с интересом осмотрелись, спрашивая друг друга, чья же очередь следующая.

«Твоя была только что», заявил Рева Обжоре. «Теперь буду я.»

«Не будь так уверен», возразил Пыхтун. «Может, и я.»

«Если бы не Обжора», мрачно прокомментировал Другой, «теперь бы настала моя очередь. А так я должен ждать.»

«Твоей очереди еще не было ни разу», с любопытством заметил Обжора. Но Другой снова замолк.

— Давай-ка посмотрим шоу, — сказал Риоваль, коснувшись пульта дистанционного управления. Тропический пейзаж сменился видеозаписью в натуральную величину: один из моментов общения Пыхтуна с… созданиями из борделя. Пыхтун наблюдал за собой с огромным любопытством и наслаждением, со всех новых точек зрения. Да, работа Обжоры постепенно угрожает закрыть от его взгляда массу интересных событий, происходящих… ниже экватора.

— Я подумываю, не отослать ли копию записи на флот Дендарийских наемников, — негромко проговорил Риоваль, не сводя с него глаз. — Вообрази, как это будут смотреть все твои старшие офицеры. Полагаю, парочка из них явится после этого ко мне, а?

Нет . Риоваль лжет. Его присутствие здесь по-прежнему держится в секрете, не то его здесь *не было* бы. И Риовалю не к спеху выдавать этот секрет. «Отправь-ка копию Саймону Иллиану и увидишь, кто к тебе после *этого* явится», сухо прокомментировал Другой. Но Иллиан — это по ведомству лорда Марка, а Марка здесь нет, и вообще — Другой никогда, ни разу в жизни не заговаривал вслух.

— И эта твоя хорошенькая телохранительница — представь, как она к тебе присоединится… — И Риоваль продолжил расписывать в деталях. Кое что из рассказанного Пыхтуну очень захотелось себе представить, а кое-что оскорбило даже его.

«Рева?»

«Я — нет!», отозвался Рева. «Это не мое дело.»

«Нам просто нужен новый рекрут», хором отозвались все. Если потребуется, он сможет создавать их тысячами. Он — армия, он течет, точно вода, огибает любые препятствия, и его невозможно ничем рассечь и уничтожить.

Изображение на видео-дисплее сменилось одним из самых выдающихся моментов в жизни Ревы — как раз тем, за который он и получил свое имя. Вскоре после того, как с него химикатами сняли кожу, техники намазали его какой-то липкой дрянью, вызывающей невыносимый зуд. Им даже прикасаться к нему не пришлось. Он сам себя чуть не прикончил. После этого пришлось сделать ему переливание крови — чтобы возместить ту, что вытекла из рваных ран.

Он бесстрастно глядел на содрогающееся создание на экране. То шоу, которого желает Риоваль, — это он сам, живьем. Глядящий на него сейчас так, словно получает удовольствие от спектакля и возбуждается от наблюдения за схемой экспериментов. Скучающий. Судя по виду Риоваля, тому хотелось прицелиться в него пультиком дистанционного управления и переключить программу.

Другой ждал с растущим нетерпением. Он уже почти отдышался, но еще надо было справиться с этим чертовым низким креслом. Это должно произойти нынче вечером. К тому времени, когда представится следующая возможность (если она вообще когда-нибудь представится), Обжора их всех обездвижит. Да. Он ждал.

Риоваль досадливо фыркнул, глядя на его безмятежное лицо. Барон выключил видео, встал и принялся расхаживать вокруг кресла, изучая пленника прищуренными глазами. — Тебя здесь просто нету, верно? Ты забрался куда-то в закоулок сознания. Надо подумать, что же вернет тебя обратно ко мне. Или, я бы сказал, *вас всех* . — Очень уж Риоваль проницателен.

«Я тебе не доверяю», с сомнением сказал Обжора Другому. «Что будет со мной

потом?»

«И со мной», добавил Пыхтун. Лишь Рева не сказал ничего. Он очень устал.

«Обещаю, что лорд Марк будет по-прежнему кормить тебя, Обжора», — шепнул Другой откуда-то из самой глубины. «По крайней мере, время от времени. И ты, Пыхтун. Марк может взять тебя на Колонию Бета. По-моему, там есть люди, которые помогут тебе привести себя в порядок, чтобы ты мог выбраться на белый свет. Тебе не понадобится шприц Риоваля. Бедный Рева вообще вымотался, он сделал самую тяжелую работу, он прикрывал всех остальных. Кстати, Пыхтун, что если следующим пунктом Риоваль выберет кастрацию? А так, может, вам с Ревой удастся выбраться вместе, и Марк наймет для вас несколько хорошеньких женщин — женщины ведь лучше? — с наручниками и плетьми. Это же Единение Джексона: могу поклясться, вы сможете найти кое-что в здешнем каталоге видео. Вам не нужен Риоваль. Мы спасаем Марка, а он спасет нас. Обещаю.»

«Да кто ты такой, что даешь слово за Марка?» — сварливо отозвался Обжора.

«Я к нему ближе всех.»

«Да, верно, ты спрятался лучше всех», — в реплике Ревы прозвучал намек на негодование.

«Это было необходимо. Но мы все погибнем, один за другим, как только Риоваль нас выследит. Он дьявольски проницателен. Мы — настоящие. А новые рекруты в любом случае будут лишь нашими искаженными тенями.»

«Это правда», признали все.

— Я приведу вам дружка, чтобы было с кем играть, — заметил Риоваль, прохаживаясь вокруг. Когда Риоваль заходил ему за спину, это любопытным образом отражалось на его внутренней топографии. Обжора отступал и прижимался к стене, а Рева вылезал было вперед, но вжимался обратно, когда Риоваль вновь появлялся перед глазами. А Пыхтун бдительно ловил его реплики, разве что слегка подрагивая. — Твоего близнеца-клона. Того, которого мой отряд — идиоты! — забрать не сумел.

Глубоко внутри с воплем начал приходить в себя лорд Марк. Другой задушил его крик. «Он лжет. Лжет.»

— Их неумелость обернулась ошибкой, которая мне дорого обошлась, и они за это заплатят. Твой двойник исчез, а потом каким-то образом объявился у Васы Луиджи. Эдакая типичная для Васы ловкость рук. Я до сих пор не уверен, нет ли у дражайшей Лотос тайного канала связи с кем-то в Группе Дюрона.

Риоваль снова обошел его по кругу. Это так сбивает с толку! — Васа почти уверен, что твой близнец — это адмирал, а ты — клон. Он и меня заразил своими сомнениями, хотя если у этого человека действительно криоамнезия, как это заявляет Васа, то правота барона окажется весьма досадной. Но теперь это не важно. У меня в руках вы оба. Точно так, как я и предсказывал. Можешь догадаться, что я заставлю вас сделать друг с другом в первую очередь?

Пыхтун смог. Прямо в точку, хотя и без тех подробностей, что шепотом добавил Риоваль.

Лорд Марк пришел в ярость, зарыдал от ужаса и отчаяния. Но вялое, с расслабленным ртом лицо Пыхтуна не дрогнуло, а ровный блеск глаз не омрачился никакими родившимися в его душе намерениями. «Жди!» взмолился Другой.

Барон подошел к конторке из полированного зебрового дерева и развернул набор каких-то блестящих инструментов. Видно их не было, хотя Рева и вытянул шею. Риоваль задумчиво разглядывал свой набор.

«Вы должны убраться с моего пути. И не мешать», — сказал Другой. — «Я знаю, что Риоваль дает вам то, чего вы жаждете… но это все обман.»

«Тебя Риоваль не кормит», — сказал Обжора.

«Риоваль сам станет моей пищей», — прошептал Другой.

«У тебя будет только одна попытка», — занервничал Рева. — «А потом они придут за мной».

«Мне и нужна всего одна попытка».

Риоваль обернулся. В его руке блеснул хирургический тяговый луч. Перепуганный Пыхтун уступил дорогу Другому.

— Я думаю, — сказал Риоваль, — что дальше удалю тебе глаз. Только один. Это должно возыметь любопытный психологический эффект — фокусирование, — когда я пригрожу удалить оставшийся.

Рева беспрепятственно очистил путь. И последним неохотно ретировался Обжора, когда Риоваль уже двинулся к ним.

Первая попытка Убийцы подняться на ноги провалилась, и он завалился обратно в кресло. «Черт бы тебя побрал, Обжора.» Он попробовал снова: перенес вес вперед, с усилием поднялся, сделал шаг и чуть не потерял равновесие, потому что не мог помогать себе руками. Риоваль, весьма веселясь, наблюдал за ним, нисколько не опасаясь ковыляющего вперевалку маленького чудовища, которое, по его мнению, он сам же и сотворил.

Необходимость справляться с новоприобретенным животом Обжоры заставляла его чувствовать себя слепым дзенским лучником. Но прицел его был совершенен.

Первый удар ногой пришелся Риовалю в пах. Тот аккуратно сложился пополам, и верхняя часть его тела оказалась в пределах досягаемости. Тогда он перетек всем телом во второй удар ногой, поразивший Риоваля в горло. Он ощутил хруст тканей и хрящей, достав Риовалю до позвоночника. Поскольку на сей раз на нем не было ботинок со стальными носками, то заодно он сломал и несколько пальцев на ноге, размозжив их и сплющив под тем же углом. Боли он не почувствовал. Это дело Ревы.

Он упал. Подняться снова оказалось нелегко, ведь руки по-прежнему были скованы за спиной. Барахтаясь на полу и пытаясь подтащить под себя ноги, он с досадой заметил, что Риоваль пока не умер. Тот корчился, булькая и хватаясь за горло, на ковре прямо рядом с ним. Но компьютерный центр управления комнаты больше не признавал команд, отданных голосом барона. Еще немного времени у них есть.

Он подкатился поближе к уху Риоваля. — Я *тоже* Форкосиган. Тот, из кого готовили агента с глубоким внедрением и убийцу. И я по-настоящему злюсь, когда меня недооценивают, понял?

Он ухитрился снова подняться на ноги и обдумал свою проблему: Риоваль все еще жив. Он вздохнул, сглотнул, сделал шаг вперед и принялся наносить тому ногами удар за ударом, пока Риоваля не перестало рвать кровью, пока барон не прекратил конвульсивно дергаться и дышать. Занятие это было тошнотворное, и он испытал гигантское облегчение, осознав, что ни одна из составляющих его личности не получила от этого процесса наслаждения. Даже Убийце пришлось прибегнуть к чистому профессионализму, чтобы досмотреть все до конца.

Он задумался о Другом, в котором теперь распознал Убийцу. *«А тебя по большей части сотворил Гален, верно?»*

«Да. Но он не мог создать меня из ничего.»

«Ты отлично сработал. Спрятался. Подкрался. Я тут спрашивал себя, есть ли у кого-нибудь из нас чутье на нужный момент. Рад, что по крайней мере у одного оно имеется.»

«Вот об этом и говорил граф-наш-отец», — признался Убийца, довольный и смущенный такой похвалой. «*Люди сами предадут себя в твои руки, если ты будешь терпеливо ждать и не поспешишь отдаться им сам.* Я так и сделал. И Риоваль — тоже.» — Он застенчиво добавил: — «Знаешь, граф ведь тоже убийца. Как и я.»

Хм-м.

Он подергал скованными запястьями и захромал к столику из зебрового дерева, чтобы изучить набор инструментов Риоваля. Туда, наряду с отвратительным ассортиментом ножей, скальпелей, щипцов и зондов, входила и лазерная дрель. Хирургическая, с коротким фокусным расстоянием, пригодная для резания костей: оружием послужит вряд ли, но как инструмент — самое то.

Он проковылял вокруг стола и попытался подхватить дрель скованными за спиной руками. Когда он уронил ее, то чуть не разрыдался. Придется снова опускаться на пол. Он

весьма неуклюже улегся и извивался вокруг дрели до тех пор, пока не ухитрился ее подхватить. Он потратил массу лишних минут, но наконец развернул ее и нацелил так, чтобы она перерезала наручники, но не отсекла ему при этом руки и не подожгла задницу. Освободившись, он обхватил руками свое раздувшееся туловище и принялся укачивать себя, точно уставшего ребенка. В ступне у него начало дергать. Неоднородные векторы массы привели к тому, что он потянул себе спину, когда бил Риоваля ногой в горло.

Он покосился на свою жертву/палача/добычу. *Заказчик клона.* Он почувствовал вину перед телом, которое только недавно бил ногами. *«Ты же не виноват. Ты когда умер — лет десять назад?»* Врагом его был тот, кто сидел внутри черепа.

Им овладел иррациональный страх: а что если охранники Риоваля ворвутся и спасут своего господина, хоть он и умер? Он с трудом подполз — но все-таки это теперь, когда руки у него были свободны, стало легче — взял лазерную дрель и сделал кое-что, чтобы никто и никогда не сумел бы пересадить этот мозг. Никто и никак.

Обмякнув и откинувшись на спинку низкого кресла, он сидел в состоянии полного изнеможения и ждал смерти. Разумеется, у людей Риоваля есть приказ отомстить за гибель своего господина.

Никто не появлялся.

…Верно. Босс заперся в своих апартаментах вместе с пленником и с набором хирургических инструментов, приказав своим громилам не беспокоить его. Как скоро кто-нибудь из них наберется смелости прервать его маленькие забавы? Это может случиться… очень много времени спустя.

Тяжесть вернувшейся надежды придавила его почти невыносимым бременем, точно кто-то наступил на сломанную ногу. *«Не хочу шевелиться».* Как ни безумно он злился на СБ, бросившую его здесь, но теперь он подумал, что простил бы им все, появись они сейчас тут и умчи его отсюда прочь без каких-либо дополнительных усилий с его стороны. *«Разве я не заслужил передышки?»* В комнате стало очень тихо.

«Перестарался ты с убийством», подумал он, глядя на тело Риоваля. «Признак некоторой неуравновешенности. Да еще грязь на ковре развел.»

«Я не знаю, что делать дальше.»

Кто это произнес? Убийца? Обжора, Пыхтун? Рева? Все хором?

Вы хорошие солдаты, верные, но не слишком сообразительные.

«Сообразительность — не по нашей части».

Пора просыпаться лорду Марку. А спал ли он вообще хоть когда-то?

— Отлично, команда, — пробормотал он вслух, обхватив себя руками. — Всем встать. — Низкое кресло само по себе было орудием пытки. Последняя подлая гадость Риоваля. Он со стоном поднялся на ноги.

Не может быть, чтобы у старой лисы вроде Риоваля был только один выход из норы. Он оглядел подземную квартирку в поисках желаемого. Кабинет, гостиная, кухонька, большая спальня и весьма странно оборудованная ванная комната. Он с тоской глянул на душ. Пока он здесь пребывал, помыться ему не давали. Но сейчас он побоялся смыть пластикожу. Он почистил зубы. Десны кровоточат, но это нормально. Отпил немного холодной воды. *«Хотя бы есть не хочется.»* Он испустил смешок.

Аварийный выход он в конце концов нашел в глубине гардероба в спальне.

«Если он не охраняется», заметил Убийца, «значит, там должна быть ловушка на дурака.»

«Главная защита Риоваля должна срабатывать при проникновении снаружи внутрь», медленно проговорил Марк. «А изнутри наружу все должно быть настроено под легкое и быстрое бегство. Для Риоваля. Для него одного.»

Там оказался ладонный замок. Его пластина считывала биение пульса, температуру и электропроводимость кожи наряду с завитками отпечатков пальцев и углублениями линий жизни на ладони. Мертвая рука замок не открывала.

«Есть способы его обойти», пробормотал Убийца. Его некогда обучали подобным

штукам — в предыдущем воплощении. Лорд Марк пропустил его вперед и держался на поверхности, наблюдая.

В руках Убийцы комплект хирургических инструментов сработал не хуже, чем набор электронщика. Если считать, что время в избытке и не требуется сохранить ладонный замок в пригодном для дальнейшей работы состоянии. Лорд Марк сонно наблюдал, как Убийца отвинчивает от стены сенсорную пластину, касается там, надрезает тут…

Наконец на стене вспыхнул индикатор доступа. «Ага», с гордостью пробормотал Убийца.

«О-о», произнесли остальные. На экране высветился маленький яркий квадрат.

«Ему нужен кодовый ключ», в смятении сказал Убийца. Паника человека, попавшего в ловушку, делалась еще сильнее оттого, что их общее сердце слишком часто билось. Тонкая герметичная граница, отгораживающая Реву, ослабла, и их всех пронзили спазмы боли.

«Подождите», сказал лорд Марк. Если кодовый ключ понадобился им, он понадобился бы и Риовалю.

Преемников у барона Риоваля нет. Не было у него ни второго человека в руководстве, ни подготовленной замены. Всех своих забитых подчиненных он держал на отдельных каналах связи. Дом Риоваль состоял из барона Риоваля плюс его рабов, и точка. Вот почему Дому не удалось вырасти. Риоваль никогда не делился властью.

Следовательно, у Риоваля не могло быть доверенных подчиненных, которым он мог бы передать свои тайные кодовые ключи. Он вынужден был носить его с собою всегда. Все время.

Когда лорд Марк развернулся и пошел обратно в гостиную, черная команда захныкала. Марк их игнорировал. *«Теперь дело за мной.»*

Он перевернул тело Риоваля на спину и методично обыскал от головы до пят, по всей коже и даже глубже. Он не пропустил ни одной возможности, даже дырок в зубах. Потом он сел, неудобно откинувшись назад: надутый живот болел, потянутая спина горела огнем. Пока он вновь собирался в единое целое, боль стала сильнее, отчего этот процесс он проходил словно на ощупь.

«Ключ должен быть тут. Он должен быть где-то тут.»

«Беги, беги, беги!» тараторила в один голос — подумать только! — черная команда.

«Заткнитесь и дайте подумать». Он взял правую кисть Риоваля в руки и повернул. На свету блеснуло кольцо с плоским черным камнем.

Он расхохотался в голос.

И тут же в страхе подавил свой смех, оглянувшись по сторонам. Да, звукоизоляция у барона явно держится до сих пор. Кольцо не соскальзывало с пальца. Плотно надето? Пришпилено к кости? Лазерной дрелью он отрезал Риовалю правую кисть. Лазер заодно прижег запястье, так что крови вылилось немного. Очень мило. Медленно и болезненно он похромал обратно к гардеробу в спальне и уставился на маленький светящийся квадрат, точь-в-точь по размеру камня в кольце.

«Какой стороной вверх?» Если повернуть кольцо неправильно, не включится ли сигнал тревоги?

Лорд Марк изобразил спешащего барона Риоваля. Хлопнуть ладонью по замку, развернуть кисть и втиснуть кольцо в паз… «Вот так», прошептал он.

Дверь скользнула в сторону, открыв персональную лифтовую шахту. Она тянулась вверх метров на двадцать. Мерцали пластины управления антигравами — зеленые вверх, красные вниз. Лорд Марк вместе с Убийцей огляделись. Явной защиты, вроде генератора силовой ловушки, нет…

Легкий сквозняк донес сверху вкус свежего воздуха. «Пошли!», заорали Пыхтун, Обжора и Рева.

Лорд Марк грузно стоял, расставив ноги, глядел и торопиться не желал. «Здесь нет пожарной лестницы», сказал он наконец.

«Так что же?»

«Так. И что?»

Убийца отступил назад, шикнул остальным, чтобы заткнулись, и принялся почтительно ждать.

«Мне нужна пожарная лестница», проворчал лорд Марк.

Он развернулся и побрел обратно в комнаты Риоваля. Там он заодно поискал одежду. Выбирать было особо не из чего: основная резиденция Риоваля явно не здесь. Тут лишь тайная квартирка. Одежда была слишком длинна и недостаточно широка. Брюки надеть было совершенно невозможно. Короткую трикотажную рубашку он все же натянул на голую кожу. Свободная куртка, если ее не застегивать, давала какую-то дополнительную защиту. Купальным саронгом в бетанском стиле он обернул чресла. Еще он взял пару шлепанец: левая хлопала, правая туго налезла на распухшую, сломанную ступню. Он поискал наличные, ключи, еще что-нибудь полезное. Но приспособлений для восхождения тут не было.

«Мне просто нужно будет сделать собственную пожарную лестницу». Лазерную дрель он повесил на шею с помощью пары связанных друг с другом поясов Риоваля, шагнул в самый низ лифтовой шахты и принялся методично выжигать отверстия в пластиковой стене.

«Слишком медленно!» взвыла черная команда. Рева рыдал где-то внутри, и даже Убийца завопил: «Беги, черт тебя побери!»

Лорд Марк не обращал на них внимания. Он включил поле в положение «вверх», но не дал ему себя утащить. Цепляясь за горячие отверстия для ног и рук, он прокладывал себе пунктир пути наверх. Карабкаться было нетрудно — его поддерживало гравиполе, — тяжело было лишь помнить о том, чтобы все время сохранять три точки опоры. Правая нога была практически бесполезной. Черная команда в ужасе захлебывалась словами. Упрямо и методично Марк продолжал подниматься. Проплавить дыру. Подождать. Передвинуть руку, ногу, руку, ногу. Проплавить следующую дыру. Подождать…

За три метра до верха его голова оказалась рядом со вделанным в стену маленьким аудиоприемником и защищенным датчиком движения.

«Полагаю, ему нужно кодовое слово. Сказанное голосом Риоваля», — бесстрастно заметил лорд Марк, глядя на это. «Ничем не могу помочь.»

«Не обязательно случится то, что ты думаешь», отозвался Убийца. «Может быть все что угодно. Луч плазмотрона. Ядовитый газ.»

«Нет. Риоваль видел меня, но и я видел Риоваля. Это должно быть что-то простое. И элегантное. И ты сам это делаешь. Смотри.»

Он покрепче стиснул хватку и выдвинул лазерную дрель за датчик движения, чтобы проплавить следующую дыру.

Гравиполе в лифтовой шахте отключилось.

Даже практически ожидая этого, он чуть было не сорвался с своего насеста под собственным весом. Рева не сумел все вместить. Марк молча взвыл, когда на него нахлынула боль. Но он вцепился и не позволил им упасть.

Последние три метра подъема можно было бы назвать кошмаром, но теперь у него были новые стандарты кошмара. Это три метра были просто утомительны.

У верхнего входа в шахту располагалась ловушка силового поля, но она была направлена наружу. Лазерная дрель обезвредила ее управление. Наконец ему удалось, пыхтя, по-крабьи выкарабкаться в личный подземный гараж. Там стоял флаер барона. По прикосновению кольца Риоваля колпак открылся.

Он забрался во флаер, подрегулировал как мог сиденье и рычаги управления под свое распухшее и ноющее тело, включил питание, подал вперед. Эта кнопка на панели управления… вот? Гаражная дверь скользнула в сторону. Он пролетел насквозь и принялся подниматься выше, и выше, и выше, в темноту, так что ускорение ударило его, словно кулаком. В него никто так и не стрелял. Внизу — ни огонька. Каменистая зимняя пустошь. Вся небольшая постройка, должно быть, располагалась под землей.

Он проверил дисплей с картой и выбрал направление — *на восток* . К свету. Это казалось правильным.

Он все увеличивал скорость.

Глава 29

Флаер лег на крыло. Майлз вытянул шею и краем глаза уловил, что же находится ниже. Или чего там не находится. Рассвет только-только заливал зимнюю пустошь. И, похоже, на километры вокруг не было ничего интересного.

— Странно, — сказал тот, что пилотировал флаер. — Дверь открыта. — Он коснулся комма и передал какую-то сжатую кодовую строку. Второй охранник неуютно поежился, глядя на своего товарища. Майлз извертелся, пытаясь держать в поле зрения обоих одновременно.

Они снизились. Ушли вверх скалы, потом бетонные стены шахты. А-а. Потайной вход. Они спустились до самого низа и вырулили вперед в подземный гараж.

— Ха, — произнес второй охранник. — А где все машины?

Флаер остановился, и охранник повыше, вытащив Майлза с заднего сидения, развязал ему лодыжки и поставил прямо. Тот чуть не рухнул снова. Шрамы на груди болели от напряжения из-за связанных за спиною рук. Он утвердился на ногах и принялся оглядываться столь же внимательно, как и охранники. Просто утилитарный гараж, скупо освещенный, гулкий, похожий на пещеру. И пустой.

Охранники повели его к выходу. Они миновали, набрав код, несколько автоматических дверей и прошли в комнату с системами электронного слежения. Оборудование было включено и, судя по монотонному гудению, работало. — Вадж? — позвал один. — Мы тут. Просканируй нас.

Никакого ответа. Охранник прошел вперед, огляделся. Набрал код на настенном пульте. — Все равно проведем его через процедуру.

Система безопасности его пропустила. На Майлзе по-прежнему был серый трикотажный костюм, который ему дали Дюроны, и — увы! — вроде бы никаких любопытных устройств в его ткань вделано не было.

Старший охранник попытался вызвать кого-то по интеркому. Несколько раз. — Никто не отзывается.

— Что нам делать? — спросил его напарник.

Старший нахмурился. — Думаю, раздеть его и отвести к боссу. Приказы были именно такими.

С него стащили тренировочный костюм; преимущество в массе было слишком явным, чтобы он мог сопротивляться, но о потере он горько сожалел. Чертовски холодно. Даже похожие на буйволов охранники — и те на мгновение уставились на его иссеченный шрамами торс с выпирающими ребрами. Затем они снова связали ему руки за спиной и повели через здание, бдительно шаря глазами по сторонам на каждом перекрестке коридоров.

Было очень тихо. Горел свет, но ниоткуда не появилось ни души. Странная постройка, не очень большая, никаких излишеств и — он поежился — в воздухе явно пахнет чем-то медицинским. Исследовательский центр, решил он. Тайная фабрика биологических исследований Риоваля. Очевидно, после дендарийского налета четырехлетней давности тот решил, что его главный исследовательский центр недостаточно защищен. Можно понять. В этом месте не царила деловая атмосфера, как в прежнем. Здесь пахло военной паранойей. Если уж попал на работу в такое место, то не выберешься наружу долгие годы. Или, учитывая особенности Риоваля, никогда. На ходу он скользнул взглядом по нескольким похожим на лаборатории комнатам. Ни одного техника. Пару раз охранники окликали, нет ли кого. Никто не ответил.

Они подошли к открытой двери, за которой располагалось нечто вроде кабинета. —

Барон, сэр? — осмелился позвать старший охранник. — Ваш пленник у нас.

Второй охранник потер шею. — Если его здесь нет, нам что, нужно самим обработать этого так же, как и первого?

— Этого барон пока не приказывал. Лучше подождем.

Еще бы. Майлз подозревал, что Риоваль не из тех, кто поощряет инициативу подчиненных.

С глубоким, нервным вздохом старший переступил порог и оглянулся. Младший пихнул Майлза, чтобы тот шел следом. Кабинет был изысканно обставлен: письменный стол из натурального дерева… а перед ним — странный стул с металлическими зажимами для запястий сидящего. Очевидно, чтобы никто не покинул барона Риоваля, пока тот не закончит беседы. Все ждали.

— Что теперь делать?

— Не знаю. Дальше мои приказы не идут. — Старший помолчал. — Может, это проверка…

Они подождали минут пять.

— Если вы не хотите тут осмотреться, — жизнерадостно заявил Майлз, — так *я* сам осмотрю.

Охранники переглянулись. Старший из них, наморщив лоб, вытащил парализатор и проскользнул через арку в соседнюю комнату. Мгновение спустя донесся его голос: — Черт… — И еще через секунду — странное, оборвавшееся, мяукающее подвывание.

Даже для тупицы, державшего Майлза, это было слишком. Второй охранник двинулся вслед за первым, крепко ухватив Майлза за плечо своею похожей на окорок рукой.

Большая комната была обставлена как гостиная. Экран головида во всю стену был молчалив и пуст. Конторка из зебрового дерева делила комнату напополам. В открытой части стояло очень низкое кресло. А рядом лицом вверх лежал совершенно мертвый голый барон Риоваль, сухими глазами уставившийся в потолок.

Нигде нет явных следов борьбы — ни перевернутой мебели, ни отметин от луча плазмотрона на стенах. Следы только на теле. Вот здесь признаков насильственной смерти предостаточно: горло перебито, торс размозжен, вокруг губ все измазано засохшей кровью. Двойной пунктир черных пятнышек размером с подушечку пальца аккуратно прострочил лоб барона. Похоже на ожоги. Правой кисти нет — отрезана, остался лишь обожженный обрубок запястья.

Охранников трясло, точно от ужаса, на них напал столбняк изумления — слишком преходящий, увы. — Что случилось? — прошептал младший.

«Куда их сейчас понесет?»

Как же Риоваль управлял своими подчиненными… точнее, рабами? Людишками помельче, разумеется, через ужас; средним звеном руководства и прослойкой техников — с помощью тонкого сочетания страха и корысти. Но эти типы, его личные телохранители, должны принадлежать к самому внутреннему кругу, быть основным орудием, посредством которого воля хозяина принуждает к повиновению всех прочих.

Они не должны быть умственно заторможенными — как можно было бы судить по их невозмутимости, — не то от них не было бы проку в экстремальной ситуации. Но если их скудные умишки оставлены в неприкосновенности, следовательно, ими управляют через эмоции. Люди, которым Риоваль позволял стоять у себя за спиной с заряженным оружием в руках, должны программироваться по максимуму — возможно, с самого рождения. Риоваль для них — отец, мать, семья и вообще все. Он — их бог.

Но теперь их бог умер.

Что же они сделают? Постижимо ли для их разума само понятие «я свободен»? Фокусирующей фигуры больше нет: как быстро начнет рушиться их психопрограммирование? *«Недостаточно быстро».* В их глазах разгорался угрожающий огонь, смесь страха и бешенства.

— Это не я, — быстро проявил благоразумие Майлз. — Я был с вами.

— Стойте тут, — рявкнул старший. — Я пойду на разведку. — Он рысцой промчался через апартаменты барона и пару минут спустя вернулся с лаконичным: — Флаера нет. И защита лифтовой шахты вся к чертовой матери полетела.

Оба колебались. А, вот оборотная сторона полного послушания: инициатива хромает.

— Не стоит ли вам проверить все помещения? — предложил Майлз. — Тут могут быть выжившие. Свидетели. Может… может и убийца где-то тут по-прежнему прячется. — *«Где же Марк?»*

— А с *ним* что будем делать? — спросил младший, мотнув головой в сторону Майлза.

Старший в нерешительности нахмурился. — Возьмем с собой. Или запрем наверху. Или убьем.

— Вы не знаете, для чего я был нужен барону, — немедленно перебил его Майлз. — Лучше возьмите меня с собой, пока не выясните.

— Ты ему был нужен для того, второго, — ответил старший, безразлично глянув сверху вниз. Маленький, голый, наполовину больной, со связанными за спиной руками — нет, охранники не видели в нем угрозы. *«И правильно не видели. Черт.»*

Они коротко посовещались вполголоса, и младший вывел Майлза за дверь. Затем они принялись осматривать фабрику — именно так быстро и методично, как это хотел сделать сам Майлз. Двоих или троих своих товарищей в красно-черной форме охранники обнаружили мертвыми. Таинственная лужа крови змеилась через весь коридор, от стены к стене. Еще одно тело, в полном облачении старшего техника, они нашли в душе; затылок мертвеца был размозжен каким-то тупым предметом. На нижних уровнях стали попадаться и другие следы борьбы, мародерства и отнюдь не случайных разрушений: разбитые комм-пульты и оборудование.

Что это было, восстание рабов? Вооруженное столкновение между группировками? Месть? Все сразу? Было ли убийство Риоваля причиной или целью происшедшего? Что случилось потом — массовая эвакуация или массовое убийство? Перед каждым поворотом Майлз напрягался, ожидая увидеть сцену резни.

На самом нижнем этаже находилась лаборатория с полудюжиной выстроенных в ряд камер со стеклянными стенами. Судя по вони, результат какого-то эксперимента кипел на огне слишком долго. Майлз глянул на камеры и судорожно сглотнул.

Некогда они были людьми — эти комки плоти, зарубцевавшейся ткани и опухолей. Теперь они стали… своего рода питательными средами для культур. Четверо раньше были женщинами, двое — мужчинами. Какой то техник, уходя, в качестве акта милосердия перерезал всем глотки. Майлз отчаянно вгляделся в тела, прижавшись лицом к стеклу. Конечно же, для Марка все они слишком крупные. Конечно же, подобного эффекта нельзя достичь за какие-то пять дней. Конечно. Входить в камеры, чтобы изучить их поближе, ему не хотелось.

Вот, по крайней мере, и объяснение, почему рабы Риоваля в большинстве своем и не пытаются протестовать. Здесь чувствовался дух ужасающей экономии. Не нравится работа в борделе, девочка? Заела скука и жестокость работы охранника, мужик? А не хотите ли поучаствовать в научных исследованиях? Вот чем заканчивают потенциальные Спартаки из числа людской собственности Риоваля. «*Прав был Бел. Следовало кинуть сюда ядерную бомбу еще в тот раз.»*

Охранники уделили камерам лишь краткий взгляд и поспешили дальше. Майлз попятился, охваченный нежданным вдохновением. Стоит попробовать…

— Черт!.. — прошипел он, подскочив на месте.

Охранники развернулись на месте.

— Вон… вон тот. Он шевельнулся. Кажется, меня сейчас вывернет…

— Не может быть. — Старший охранник уставился сквозь прозрачную стенку на тело, лежащее к ним спиной.

— Он ведь оттуда не мог ничего видеть, правда? — вопросил Майлз. — Бога ради, дверь не открывайте!

— Заткнись. — Старший охранник покусал губу, поглядел на индикатор доступа и, мгновение поколебавшись, набрал код, открывающий дверь, и опасливо шагнул внутрь.

Майлз ойкнул.

— Чего? — огрызнулся младший охранник.

— Он снова шевельнулся. Вроде как задергался.

Младший вытащил свой парализатор и прошел внутрь за старшим товарищем, прикрывая того. Старший протянул было руку, нерешительно помедлил и, поразмыслив, отцепил с пояса шоковую дубинку и осторожно ткнул ею тело.

Резко склонив голову, Майлз прицельно боднул лбом клавишу управления. Герметичное стекло практически мгновенно беззвучно скользнуло на место. Охранники принялись из всей силы колотиться в дверь и потолок, точно бешеные псы. Но клетка лишь едва вздрагивала от ударов. Рты обоих были открыты, они изрыгали проклятья и угрозы, но до Майлза не доносилось ни звука. Прозрачные стены, должно быть, изготовлены из материала того качества, что идет на космические сооружения: огонь парализаторов они тоже не пропускали.

Старший вытащил плазмотрон и принялся жечь стену. Та начала раскаляться. Плохо. Майлз изучил панель управления… вот. Он переключал языком разделы меню, пока дошел до слова «кислород», а затем перевел ползунок на самую нижнюю позицию. Вырубятся ли охранники прежде, чем стена уступит лучу плазмотрона?

Да. Хорошая тут система кондиционирования. Псы Риоваля рухнули у стеклянной стены, потеряв сознание; их скрюченные пальцы расслабились. Плазмотрон выпал из бесчувственной руки и отключился.

Майлз оставил охранников замурованными в гробнице жертвы.

Это лаборатория. Здесь должны быть резаки и разнообразные инструменты… верно. Несколько минут, неестественно изгибаясь, он проделывал за спиною необходимые действия, и за это время чуть сознания не потерял. Но наконец-то наручники поддались. Освободив руки, он от облегчения всхлипнул.

Оружие? Все настоящее оружие явно прихватили с собой при побеге здешние обитатели, а у Майлза не было никакой охоты открывать без костюма биозащиты стеклянную клетку, чтобы подобрать экипировку охранников. Но с лазерным скальпелем из лаборатории он ощутил себя не столь уязвимым.

Ему нужна одежда. Дрожа от холода, он рысцой пробежался по жутким коридорам к комнате электронной защиты на входе и там снова натянул свой тренировочный костюм.

Затем он вернулся в помещение и принялся за поиски всерьез. Каждый комм-пульт, попадавшийся ему на пути, он проверял: разбит тот или нет. Но все они были предназначены для внутренней связи, а способа перехватывать внешние линии не было.

«Где Марк?» До него внезапно дошло, что есть и худшая участь, чем сидеть пленником в одной из здешних камер и ждать, когда же снова придут твои мучители. Это сидеть в камере и ждать мучителей, которые так *никогда* и не появятся. За эти, наверное, самые отчаянные полчаса во всей своей жизни он открыл или выломал все до единой двери. За каждой дверью ожидая обнаружить обмякшее маленькое тело с милосердно перерезанным горлом. Он уже задыхался и стал опасаться очередного приступа конвульсий, когда с гигантским облегчением нашел камеру — нет, чулан, — поблизости от комнат Риоваля. Пустую. Хотя судя по вони, совсем недавно она была занята. А от пятен крови на стенах — и не только крови — в желудке у него похолодело и он ощутил тошноту. Но где и в каком состоянии ни был бы Марк сейчас, здесь его нет. И Майлзу тоже надо отсюда убираться.

Отдышавшись, он раздобыл пластиковую корзинку и отправился в лабораторию за всяким полезным электронным оборудованием. Кусачки и провода, тестеры электросхем, датчики, реле — все, что попадалось. Решив, что набрал достаточно, он вернулся в кабинет барона и приступил к вскрытию поврежденного комм-пульта. Наконец ему удалось обойти ладонный замок — но лишь затем, чтобы получить на экране небольшой светящийся квадрат

и требование «Вставьте кодовый ключ». Он выругался, встал, распрямляя ноющую спину, и снова уселся. Работа обещает быть скучной.

Чтобы обойти блокировку кодового ключа, потребовалось еще раз пробежаться по всем помещениям. И комм-пульт больше не подлежал восстановлению. Но Майлз наконец-то пробился в общепланетную сеть связи. Возникла еще одна небольшая трудность, пока он не разобрался, как сделать вызов звонок за счет Дома Риоваль; это же Единение Джексона, здесь плата всегда берется вперед.

Минуту он выжидал, думая, кому же звонить. У Барраяра есть консульство на станции Консорциума Харгрейвз-Дайн. Кое-кто в тамошнем штате являлся настоящими дипломатом — или экономистом, — но даже они по совместительству были аналитиками СБ. А остальные были агентами в узком смысле слова, ведающими тонкой сетью информаторов, рассеянных по планете, ее спутникам и станциям. Там у адмирала Нейсмита контакт был. Но, может, СБ здесь уже побывала? Не ее ли это рук дело — спасение Марка? Нет, решил он. Все проделано безжалостно, но недостаточно методично. Проще говоря, здесь был полный хаос.

«Так почему же вы, парни, не искали Марка?» Назойливый вопрос, причем один из тех, на которые он не знал ответа. Он отстучал номер консульства.

«Сейчас начнется цирк…»

* * *

Они спустились к нему через полчаса — взвинченный лейтенант СБ по фамилии Айверсон со взятым напрокат взводом местных сил из дома Дайн: в псевдовоенных мундирах, но со вполне достойным настоящих военных снаряжением. Они спустились на катере прямо с орбиты; его обшивка истекала жаром в туманном утреннем воздухе. Майлз сидел на камне возле пешеходного выхода — точнее сказать, того запасного выхода, который он сумел отыскать, — и с сардонической усмешкой наблюдал, как они на полной скорости выскакивают из катера с оружием наизготовку и рассыпаются по местности так, словно собираются брать этот комплекс штурмом.

Офицер поспешил к нему и почти по форме откозырял: — Адмирал Нейсмит?

Айверсона он не знал; человек на этом уровне должен считать его ценным, хоть и не барраярским, наемником СБ. — Он самый. Можете приказать вашим людям расслабиться. Комплекс проверен.

— Вы его сами проверили? — с легким недоверием спросил Айверсон.

— Более или менее.

— Мы ищем это место уже два года!

Майлз подавил взбешенную реплику насчет людей, которые не могли бы отыскать и собственный член, даже будь у них карта и ручной фонарик. — А где, гм, Марк? Второй клон. Мой двойник.

— Мы не знаем, сэр. Действуя по сигналу от информатора, мы готовили штурм Дома Бхарапутра, чтобы освободить вас, — и тут вы сами позвонили.

— Там я был прошлой ночью. Ваш информатор не знал, что меня переместили. — «Должно быть, это Верба… ура, она выбралась!» — Вы бы весьма неуместно опоздали.

Айверсон сжал губы. — Эта операция была полностью провальной с начала до конца. Приказы все время менялись.

— Это вы мне говорите? — Майлз вздохнул. — Нет ли у вас известий от дендарийских наемников?

— Секретный отряд ваших людей предположительно уже на пути сюда, сэр. — Эти «сэры» в исполнении Айверсона несли оттенок неуверенности: двусмысленный взгляд барраярца из регулярных войск на наемника, который сам произвел себя в адмиралы. — Я … хотел бы лично убедиться, что этот комплекс полностью проверен, если не возражаете.

— Тогда вперед, — согласился Майлз. — Вам эта экскурсия покажется интересной. Если у вас крепкий желудок. — Айверсон повел своих солдат внутрь. Майлз рассмеялся бы, если бы мысленно он сейчас не вопил. Вздохнув, он соскользнул со своего насеста и двинулся за ними.

Люди Майлза прибыли на небольшом пассажирском катере, который нырнул прямо в подземный гараж. Он ждал их появления, глядя на монитор в кабинете Риоваля, и сразу описал, в каком направлении его искать. Куинн, Елена, Таура и Бел, все в полуброне. Они с бряцаньем влетели в кабинет, столь же впечатляюще бесполезные, как и отряд СБ.

— Чего это вы разоделись для вечеринки? — устало спросил Майлз, когда они возникли перед ним. Надо было, наверное, встать, принять их приветствие и откозырять в ответ, но вращающееся кресло Риоваля было невероятно удобным, а сам он невероятно устал.

— Майлз! — издала вопль Куинн.

При взгляде на ее озабоченное лицо Майлз осознал, насколько же он разозлился, и почувствовал себя виноватым. Безумно зол, потому что безумно боится. *«Где же Марк, проклятье на вас на всех!»*

— Капитан Куинн. — Он дал ей понять, что сейчас она на службе, прежде, чем она успела броситься ему на шею. Она остановилась на середине движения так резко, что ее занесло, и вытянулась в чем-то вроде стойки «смирно». Остальные сгрудились у нее за спиной.

— Мы сейчас как раз договаривались с СБ о налете на Дом Бхарапутра, — запыхавшись, выговорила Куинн. — Ты пришел в себя! У тебя была криоамнезия… ты уже полностью выздоровел? Та доктор Дюрона обещала, что…

— На мой взгляд, процентов на девяносто. Я все еще обнаруживаю провалы в памяти. Куинн… что случилось?

Она поглядела на него слегка ошеломленно. — С какого момента? Когда тебя убили…

— С происшедшего пять дней тому назад. Когда вы появились в Группе Дюрона.

— Мы пришли в поисках тебя. И мы тебя *нашли* , после этих четырех чертовых месяцев!

— Вас парализовали, Марка забрали, а меня с моим врачом Лилия Дюрона в спешке отправила в место, которое, по ее расчетам, было безопасным, — реплика Майлза направила ее к нужной сосредоточенности.

— А, так она твой *врач* . Я подумала… нет, ничего. — Куинн сдержала эмоции, стащила свой шлем и откинула капюшон, запустила пальцы с покрасневшими подушечками в свои примятые кудряшки и принялась излагать суть — в сжатом, боевом стиле. — С самого начала мы упустили несколько часов. Пока Елена с Таурой добыли еще один аэрокар, похитители давно скрылись. Они вели поиски, но безуспешно. Когда они вернулись в Группу Дюрона, мы с Белом только что пришли в себя. Лилия Дюрона настаивала, что ты в безопасности. Я ей не поверила. Мы прекратили переговоры, и я связалась с СБ. Они начали стягивать своих людей, разбросанных по всей планете, в поисках зацепок относительно вашего местонахождения и отправили их сосредоточить усилия на Марке. Потом были еще задержки — из-за их любимой теории, будто похитители — цетагандийские наемные убийцы. А у Дома Риоваль где-то полсотни городов и производственных центров, которые необходимо было проверить, — не считая этого, который вообще держали в полном секрете. Тут Лилия Дюрона наконец пришла к выводу, что ты пропал. Поскольку важнее казалось найти тебя, мы все свои силы бросили на эту задачу. Но зацепок у нас было еще меньше. Лишь через два дня отыскали брошенный флаер. И он нам ничего не дал.

— Верно. Но вы подозревали, что Марк у Риоваля.

— Но Риовалю был нужен адмирал Нейсмит. Мы подумали, Риоваль вычислит, что ему достался не тот человек.

Майлз провел ладонями по лицу. Голова болела. И желудок тоже. — А вам не приходило в голову, что Риовалю на это *наплевать* ? Я хотел бы, чтобы через пару минут вы

прошли вот по этому коридору и поглядели на камеру, где его держали. И принюхались. Хочу, чтобы вы *внимательно* поглядели. Чего там, идите прямо сейчас. Сержант Таура, останься.

Куинн неохотно вывела Елену и Бела в коридор. Майлз подался вперед; Таура склонилась, чтобы лучше слышать.

— Таура, что произошло? Ты же с Джексона. Ты знаешь, кто такой Риоваль и что это за место. Как вы все могли упустить это из виду?

Она покачала большой головой. — Капитан Куинн считала Марка полнейшим ничтожеством. После твоей смерти она была так разгневана, что едва была в состоянии разговаривать с ним. И поначалу я была с ней солидарна. Но… не знаю. Он так сильно старался. Налет на ясли чуть было не удался. Будь мы попроворнее, или сделай внешняя охрана катера свое дело как полагается — и у нас бы получилось.

Он поморщился, не споря. — Операции, где у тебя нет резерва времени, беспощадны к ошибкам в расчетах. И командир тоже должен быть беспощаден, в противном случае ему стоит просто оставаться на орбите и отправлять свои войска прямиком в мусорный дезинтегратор — хоть время сэкономит. — Он помолчал. — Куинн когда-нибудь станет отличным командиром.

— И я так считаю, сэр. — Таура стащила шлем, сняла капюшон и огляделась. — Хотя потом этот маленький шельмец вроде как начал мне нравиться. Он так *старался* . Он старался и провалился, но никто другой даже не попробовал. И он совсем один.

— Один. Да. Здесь. Пять дней.

— Мы правда думали, что Риоваль разберется, что он — не ты.

— Может… может и так. — Какой-то частью сознания он сам держался за эту надежду. Может, все было не так плохо, как выглядит; не так плохо, как представляло ему несущееся вскачь воображение.

Вернулись Куинн и компания, вид у всех был одинаково мрачный.

— Итак, — произнес Майлз, — меня вы нашли. Теперь, может, мы в состоянии полностью сосредоточиться на поисках Марка? За последние часы я облазил все это здание и никакого ключа не нашел. Могли ли люди Риоваля, убегая, забрать его с собой? Не бродит ли он где-то поблизости на пустоши, замерзая? Я послал шестерых людей Айверсона осмотреть все вокруг с визорами и еще одного — проверить журналы дезинтеграционных камер на запись о разовом уничтожении пятидесяти или больше килограммов протеина. Есть еще какие-нибудь умные идеи, народ?

Вернулась Елена, на минуту заглянувшая в соседнюю комнату. — Как ты думаешь, кто это так отметил Риоваля?

Майлз развел руки. — Не знаю. За свою карьеру он нажил себе сотни смертельных врагов.

— Его убил невооруженный человек. Ударил ногой в горло, а потом забил упавшего до смерти.

— Я заметил.

— А набор инструментов ты заметил?

— Угу.

— Майлз, это был Марк.

— Да каким образом? Все случилось где-то прошлой ночью. В конце концов, его пять дней обрабатывали, а Марк маленький — как я. По-моему, это физически невозможно.

— Марк маленький, но не как ты, — возразила Елена. — И он в Форбарр-Султане чуть было не убил человека ударом ноги в горло.

— *Что?!*

— Его *обучали* , Майлз. Натаскивали на убийство твоего отца, а тот крупнее Риоваля и обладает многими годами боевого опыта.

— Да, но я никогда не верил… а *когда* это Марк был в Форбарр-Султане? — «Забавно, стоит тебе пробыть мертвым два-три месяца — и ты так отстаешь от жизни!» Он впервые в

жизни обуздал свой порыв немедленно вернуть себе статус боевого командира. «Ну да, конечно: маньяк, потерявший четверть памяти и приобретший привычку кататься в конвульсиях, — как раз то, что нам надо на ответственном посту. Не говоря уж об одышке.»

— Да, и насчет твоего отца — я должна сказать… нет, наверное, лучше попозже. — Елена с беспокойством в него вгляделась.

— А что насчет?… — Его прервало жужжание комм-линка, вежливо одолженного ему Айверсоном. — Да, лейтенант?

— Адмирал Нейсмит, тут у входа барон Фелл. С двумя взводами солдат. Он, э-э… говорит, что прибыл забрать тело своего покойного единокровного брата. Как ближайший родственник.

Майлз беззвучно присвистнул и ухмыльнулся. — Да ну? Ладно. Вот что я вам скажу. Он может войти с одним телохранителем. И тогда поговорим. Может, ему что-нибудь известно. Но не позволяйте пока его отряду заходить внутрь.

— Вы думаете, это разумно?

«Да откуда мне знать, черт побери?» — Конечно.

Через несколько минут, пыхтя, появился сам барон Фелл в сопровождении солдата из наемного отряда Айверсона; рядом с ним шагал здоровенный охранник в зеленом. Круглое лицо барона Фелла от физической нагрузки было чуть розовее обычного, в остальном же он по-прежнему выглядел пухлым, добрым дедушкой, всем своими видом излучавшим опасно обманчивое веселье.

— Барон Фелл, — кивнул Майлз. — Рад видеть вас снова.

Фелл кивнул в ответ. — Адмирал. Похоже, вы сейчас рады любой картине. Я так и думал, что это вас подстрелил бхарапутрянский снайпер. Должен сказать, после этого ваш клон-близнец проделал превосходную работу, прикидываясь вами, и тем самым еще больше запутал и так крайне запутанную ситуацию.

«Арргх!» — Да. И, гм, что же привело вас сюда?

— Обменяемся, — заявил Фелл. На джексонианском языке это означало «Вам начинать».

Майлз кивнул. — Меня привезли сюда на флаере по приказу покойного барона Риоваля два его тогдашних охранника. Мы обнаружили все в том состоянии, как вы видите сейчас. Я, гм, нейтрализовал обоих при первой же возможности. Как я попал в их руки — это несколько более подробный рассказ. — Что значило «это все, что вы от меня получите, пока я не получу что-то от вас».

— Тут начали ходить весьма странные слухи о том, как мой дорогой покойный… надеюсь, он действительно покойный?

— О, да. Через минуту вы сможете в этом убедиться своими глазами.

— Благодарю… Как умер мой дорогой брат. Я узнал их из первых рук.

«Кто-то из бывших служащих Риоваля направился отсюда с информацией прямо к барону. Верно.» — Надеюсь, добродетель была вознаграждена?

— Будет, как только я удостоверюсь, что мне сказали правду.

— Хорошо. Почему бы вам не пойти взглянуть? — Майлзу пришлось подняться с вращающегося кресла. Он с трудом собрал силы и повел барона в гостиную, сопровождаемый охранником из Дома Фелл и дендарийцами.

Здоровенный охранник метнул обеспокоенный взгляд на возвышавшуюся над ним сержанта Тауру; она в ответ улыбнулась, сверкнув клыками. — Эй, привет. А ты ничего — милый. — обратилась она к охраннику. Тот отшатнулся и придвинулся поближе к своему хозяину.

Фелл поспешил к телу, опустился на колени справа от него, и приподнял обрезанную культю. Он аж зашипел от досады. — Кто это сделал?

— Мы пока не знаем, — ответил Майлз. — Таким я его нашел.

— Именно таким? — Фелл метнул в него пронзительный взгляд.

— Да.

Фелл провел пальцем по черным отверстиям, пересекающим лоб трупа. — Кто бы это ни сделал, он знал, что делает. Я хочу найти убийцу.

— Чтобы… отомстить за смерть вашего брата? — осторожно спросила Елена.

— Нет. Чтобы предложить ему *работу* ! — Фелл расхохотался, гулко и жизнерадостно. — Вы хоть представляете, сколько людей и сколько лет подряд пытались совершить именно это?

— У меня есть одна мысль, — заметил Майлз. — Если вы можете помочь…

В соседней комнате звякнул недорезанный комм-пульт Риоваля.

Фелл поднял глаза, взгляд его был пристальным. — Сюда невозможно позвонить без кодового ключа, — констатировал он и поднялся на ноги. Майлз просто отпихнул его вглубь кабинета, а сам скользнул в кресло.

Он активировал видео-пластину. — Да? — И чуть не свалился на пол.

Над пластиной сформировалась одутловатая физиономия Марка. Судя по виду, он только что вышел из душа: дочиста вымытое лицо, зачесанные назад влажные волосы. На нем был такой же серый тренировочный костюм, что и на Майлзе. От кровоподтеков, синих в центре и переходящих в зеленовато-желтый цвет по краям, видимая часть физиономии походила на лоскутное одеяло, однако оба глаза были открыты и блестят. И оба уха на месте.

— А-а, — радостно проговорил Марк, — вот и ты. Я так и думал, что это ты тут окажешься. Сообразил уже, кто ты такой?

— Марк!!! — Майлз чуть не попытался пролезть сквозь изображение. — С тобой все в порядке? *Ты где?*

— Вижу, сообразил. Отлично. Я у Лилии Дюрона. Боже, Майлз. Что за место! Что за женщина! Она устроила мне *ванну* . Она нарастила мне *кожу* . Она починила мою ногу. Она сделала мне в спину укол мышечного релаксанта. Собственными руками она оказала мне кое-какие медицинские услуги, слишком интимные и неаппетитные, чтобы их описывать, однако чертовски необходимые, могу тебя заверить, — и держала мне голову, пока я орал. Я уже говорил про ванну? Я люблю ее, я хочу на ней жениться.

И весь этот восторг был произнесен так серьезно, что Майлз не мог понять, шутит ли Марк. — Ты что принял? — с подозрением спросил он.

— Болеутоляющие. Очень-очень много болеутоляющих. О, это чудесно! — Он одарил Майлза очень странной широкой улыбкой. — Но не беспокойся, голова у меня совершенно ясная. Это все ванна. Я держался, пока она не устроила мне ванну. Это меня сломало. Ты не представляешь, что за чудесная штука ванна, когда смываешь… не важно, что.

— Как ты выбрался отсюда и вернулся в Клинику Дюрона? — торопливо спросил Майлз.

— На флаере Риоваля, разумеется. Кодовый ключ сработал.

За спиной Майлза выдохнул барон Фелл. — Марк, — он с улыбкой склонился в поле зрения камеры, — прошу вас, вы не позовете сюда на минуту Лилию?

— А, барон Фелл! — отозвался Марк. — Отлично. Вам я собирался звонить следующему. Хочу пригласить вас на чай — сюда, к Лилии. Нам надо о многом поговорить. И тебя тоже, Майлз. И приводи *всех* своих друзей. — Взгляд, который кинул на него Марк, был откровенно многозначителен.

Майлз незаметно дотянулся до комм-линка Айверсона и нажал кнопку «тревога». — Зачем, Марк?

— Потому что они мне нужны. Мои собственные солдаты слишком устали, чтобы работать сегодня и дальше.

— Твои солдаты?

— Пожалуйста, сделай, как я прошу. Потому что я прошу. Потому что ты мне *должен* , — добавил Марк столь тихим голосом, что Майлзу пришлось напрячься, дабы его расслышать. В глазах Марка блеснула короткая вспышка.

Фелл пробормотал: — Он воспользовался им. Он должен знать… — Снова подавшись вперед, он спросил Марка: — Вы знаете, что у вас, э-э, в руке, Марк?

— О, барон. Я знаю, что делаю. Не понимаю, почему такому множество людей столь трудно в это поверить, — добавил Марк тоном горькой жалобы. — Я *точно* знаю, что я делаю. — Тут он засмеялся. Весьма тревожащий смех, нервный и слишком громкий.

— Позвольте мне поговорить с Лилией, — попросил Фелл.

— Нет. Прилетайте сюда и тогда говорите с нею, — дерзко ответил Марк. — В любом случае, вам надо говорить со мной. — Он буравил Фелла прямым взглядом, глаза в глаза. — Обещаю, что вы найдете это выгодным.

— Да, полагаю, я хочу поговорить с вами, — пробормотал Фелл. — Очень хорошо. — Майлз. Ты сейчас в кабинете Риоваля, где был я. — Марк вгляделся в его лицо, точно искал чего-то; Майлз не мог догадаться, что именно, но Марк коротко кивнул сам себе, словно удовлетворившись осмотром. — Елена там?

— Да…

Елена склонилась вперед радом с Майлзом. — Что ты хочешь, Марк?

— Хочу поговорить с тобой одну минуту. Оруженосица. Наедине. Пожалуйста, ты не могла очистить комнату? Пусть все выйдут. Все.

— Ты не можешь… — начал было Майлз. — Оруженосица? Не… не присягнувший вассал? Так нельзя…

— Да, формально действительно нельзя — теперь, когда ты снова жив, — ответил Марк и печально улыбнулся. — Но мне нужна ее служба. Мое первое и последнее повеление, Елена. *Наедине* .

Елена оглянулась. — Все выйдите. Пожалуйста, Майлз. Это между Марком и мною.

— Оруженосица? — бормотал Майлз, позволяя себя вытолкать в коридор. — Как это может…

Елена прикрыла за ними дверь. Майлз вызвал Айверсона, чтобы договориться насчет транспорта и всего остального. Пока что они с Феллом соревновались в вежливости — но это было явно соревнование.

Через пару минут вышла Елена. Лицо ее было напряженным. — Отправляйтесь к Дюронам. Меня Марк попросил кое-что для него здесь найти. Я вас догоню.

— Заодно, пока ты здесь, собери для СБ все данные, какие сможешь, — ответил Майлз, огорошенный таким ходом событий. Каким-то образом за происходящее здесь теперь отвечал не он. — Я скажу Айверсону, чтобы он предоставил тебе свободу действий. Но… оруженосица? Это значит именно то, что я думаю? Как может…

— Теперь это ничего не значит. Но я у Марка в долгу. Мы все в долгу. Ты же знаешь, это он убил Риоваля.

— Я начинаю понимать, что так и было. Просто не вижу, как.

— Он говорит, со связанными за спиной руками. И я ему верю. — Она развернулась, направившись в комнаты Риоваля.

— Это был Марк? — бормотал Майлз, неохотно удаляясь в противоположном направлении. Не мог же он обзавестись еще одним клон-братом, пока был мертв, верно? — Он не похож на Марка. Прежде всего, он выглядит так, словно рад меня видеть. Это… Марк?

— О да, — ответила Куинн. — Все верно, это Марк.

Майлз ускорил шаги. Даже Тауре пришлось шагать шире, чтобы поспевать за ним.

Глава 30

Маленький пассажирский катер дендарийцев летел наравне с большим десантным челноком барона; к клинике Группы Дюрона они прибыли практически одновременно. Катер Дома Дайн, временно находящийся в распоряжении СБ, вежливо дожидался их на другой стороне улицы, возле парка. Просто дожидался.

Когда они заходили на посадочный вираж, Майлз спросил Куинн, пилотировавшую катер: — Элли… если бы мы летели на флаере или аэрокаре, и я вдруг приказал бы тебе разбить машину, ты бы это сделала?

— Сейчас? — изумленно переспросила Куинн. Катер накренился.

— Нет! Не сейчас. Я говорил чисто теоретически. Повиновалась бы — мгновенно, без вопросов?

— Ну… конечно, да. Хотя я задала бы все вопросы потом. Возможно, стискивая в этом момент твою шею.

— Так я и думал. — Довольный Майлз откинулся на спинку сиденья.

* * *

Они снова встретились с бароном Феллом у главного входа, где стоящие на воротах охранники уже собирались ввести код, чтобы открыть проход в силовом поле. Фелл нахмурился, глядя на троих дендарийцев в полуброне — Куинн, Бела и Тауру, — идущих вслед за Майлзом, облаченным в серый тренировочный костюм.

— Это мое предприятие, — заметил Фелл. Пара его собственных охранников в зеленом смотрела на дендарийцев безо всякой любезности.

— Это мои телохранители, — ответил Майлз, — и они мне необходимы, что уже было продемонстрировано ранее. Похоже, ваши силовые экраны неисправны.

— Это *он* устроил, — мрачно ответил Фелл. — И больше подобного не случится.

— И тем не менее. — В качестве уступки Майлз ткнул большим пальцем себе за спину, на катер у парка: — А остальные мои друзья подождут снаружи.

Фелл нахмурился, обдумывая это предложение. — Хорошо, — наконец ответил он. Все прошли вслед за Феллом внутрь. Встретивший их Ястреб поклонился барону и официальным образом сопроводил всех гостей по цепочке лифтовых шахт наверх, в пентхауз Лилии Дюроны.

Правильным словом для представшего их глазам было бы «живая картина» — так подумал Майлз, поднимаясь мимо хромированных перил. И выстроена она была столь же тщательно, как любая театральная мизансцена.

По центру сцены располагался Марк. Он сидел в кресле самой Лилии Дюроны, удобно откинувшись на спинку и возложив забинтованную правую ступню на шелковую подушечку на невысоком круглом чайном столике. Его окружали Дюроны. По правую руку Марка стояла Лилия собственной персоной, чьи белоснежные волосы сегодня были заплетены в косы и короной уложены вокруг головы; смущенно облокотившись на мягкую спинку кресла, она благосклонно улыбалась поверх макушки Марка. Ястреб занял позицию слева от него. Доктор Хризантема, доктор Пион и доктор Роза восхищенно столпились вокруг. Возле колена доктора Хриз стоял здоровенный огнетушитель. Вербы здесь не было. И окно починили.

В центре стола стояла прозрачная холодильная камера. В ней лежала отрубленная кисть, а на ней — широкий серебряный перстень с камнем, похожим на черный оникс.

Внешность Марка Майлза встревожила. Он был готов увидеть следы явных травм от каких-то пыток, но тело Марка от шеи до лодыжек скрывал такой же серый тренировочный костюм, как и на самом Майлзе. Лишь кровоподтеки на лице и перевязанная нога подсказывали, чем он был занят в последние пять дней. Но лицо и тело Марка странно и нездорово распухли, а особенно жутко — живот. Он стал толще, чем тот коренастый, прочно стоящий на ногах человек в дендарийском мундире, которого Майлз видел прямо здесь каких-то пять дней назад, и куда дальше ушел от майлзовского почти-двойника, которого тот пытался спасти при налете на ясли клонов четыре месяца назад. На подобную тучность у другого человека — к примеру, у барона Фелла — Майлз и глазом бы не моргнул, но Марк… Не станет ли сам Майлз в один прекрасный день таким же, стоит ему сбавить темп? Ему внезапно захотелось дать себе зарок не есть сладкого. Элли уставилась на Марка с неприкрытым ужасом и отвращением.

Марк улыбался. Под его правой рукой лежала маленькая коробочка дистанционного

управления. Указательным пальцем Марк прижимал кнопку.

Барон Фелл увидел кисть в холодильной камере и рванулся было к ней с радостным возгласом.

— Стоять, — произнес Марк.

Барон остановился, склонив голову. — Что такое? — встревоженно произнес он.

— Интересующий вас предмет в этой герметичной камере лежит на небольшой термогранате. Управляемой, — он приподнял руку с устройством дистанционного управления, — вот этим «выключателем мертвой руки». Есть еще вторая кнопка, не нажатая, в руках другого человека за пределами этой комнаты. Если меня парализовать или броситься на меня, он сработает. Если меня испугать, рука может соскользнуть. Если я слишком устану, палец поддастся. Если меня достаточно разозлить, я могу просто послать все к черту.

— Тот факт, что вы пошли на подобные приготовления, — медленно произнес барон, — говорит мне, что вам известна ценность того, чем вы обладаете. Вы не сделаете этого. Вы блефуете. — Он вперил пронзительный взгляд в Лилию.

— Не надо меня испытывать, — промолвил Марк, по-прежнему улыбаясь. — После пяти дней гостеприимства вашего сводного брата я нахожусь в по-настоящему *недружелюбном* настроении. Содержимое камеры представляет ценность для вас. Не для меня. Однако, — он глубоко вздохнул, — у вас есть нечто, для меня ценное. Давайте заключим Сделку, барон.

Фелл пососал нижнюю губу и пристально взглянул в сверкающие глаза Марка. — Слушаю, — сказал он наконец.

Марк кивнул. Две Дюроны поспешили принести стулья для Майлза и барона Фелла; телохранители выстроились вокруг. У охранников Фелла вид был такой, словно они напряженно пытаются что-то сообразить, глядя на коробку и на своего хозяина; дендарийцы в свою очередь не сводили глаз с охранников в зеленом. Фелл с официальным видом устроился в кресле, слегка улыбаясь; взгляд его был пристален.

— Чаю? — предложила Лилия.

— Спасибо, — ответил барон.

По кивку Лилии двое детей-Дюрон поспешили вон из комнаты. Ритуал начался. Майлз осторожно сел и крепко стиснул зубы. Что бы здесь ни происходило, он в это не посвящен. Это явно шоу Марка. Только он далеко не уверен, что Марк сейчас нормален. В здравом уме — да. Нормален — нет. Казалось, барон Фелл вот-вот придет к тому же умозаключению, разглядывая сидящего напротив за столом самозванного хозяина приема.

Противники молча ждали, меряя друг друга взглядами, пока не прибыл чай. Мальчик принес поднос и поставил его рядом с жуткой коробкой. Девочка налила всего две чашки лучшего, привозного зеленого японского чая Лилии — для Марка и для барона, — и предложила к нему печенья.

— Нет, — отказался от печенья Марк с отвращением в голосе, — спасибо. — Барон взял две штучки и одну надкусил. Марк попытался было поднять чашку левой рукой, но рука столь сильно тряслась, что он торопливо опустил чашку на стоящее на подлокотнике кресла блюдце, пока не успел расплескать чай и ошпариться. Девочка молча скользнула к нему и поднесла чашку к его губам; Марк отпил глоток, благодарно кивнул, и девочка устроилась с чашкой на полу возле его левого колена, готовая снова подать чай по первому слову.

«Ему чертовски хуже, чем он сейчас ухитряется показать», сообразил Майлз, и в желудке у него похолодело. Барон поглядел на дрожащую левую руку Марка, потом с большим сомнением — на правую, и неуютно поежился.

— Барон Фелл, — заговорил Марк, — полагаю, вы согласны со мной, что главное сейчас — это время. Можно я начну?

— Да, прошу вас.

— В этой холодильной камере, — Марк кивнул на отрезанную кисть, — ключ к Дому Риоваль. Э-э, секретное декодирующее кольцо Ри Риоваля. — Марк громко хихикнул, но оборвал смех и кивнул девочке, прося еще глоток чая. Совладав со своим голосом, он

продолжил: — В кристалле кольца заключены все личные кодовые ключи покойного барона Риоваля. Далее. Дом Риоваль обладал особой административной структурой. Сказать, что Ри Риоваль был параноидальным поборником тотального контроля — значит чудовищно преуменьшить. Но Риоваль мертв, а его разрозненные подчиненные рассыпаны по отдельным участкам без привычных им руководящих указаний. Кто знает, как они поступят, когда до них дойдут слухи о смерти барона? Один пример вы уже видели.

Пройдет день-два, и отовсюду слетятся стервятники, чтобы обглодать Дом Риоваль до скелета. В здешних местах фактическое обладание значит куда больше, чем любые пункты несуществующего закона. Да у одного Дома Бхарапутра явный профессиональный интерес к товарам Риоваля! Уверен, что вы вспомнили и остальных, барон.

Фелл кивнул.

— Но человек, в чьих руках окажутся *сегодня* кодовые ключи самого Риоваля, будет иметь большое преимущество, — продолжал Марк. — Особенно если он обеспечен людьми, способными служить силовой поддержкой. Такому человеку нет необходимости в утомительных задержках с постепенным, шаг за шагом, взламыванием кодов Риоваля; он в таком положении, что сможет немедленно взять на себя управление активами Дома. Сверху донизу, а не по кусочкам. Добавьте к этому общеизвестные кровные узы, придающие требованиям законность, и, полагаю, большинство конкурентов покинет поле боя, и не будет необходимости в столь дорогостоящем противостоянии.

— Кодовое кольцо моего сводного брата — не ваше, чтобы вы им торговали, — холодно заметил Фелл.

— О, именно мое, — ответил Марк. — Я его выиграл. Я его контролирую. Я могу его уничтожить. И… — он облизнулся; девочка снова подняла к его губам чашку. — я за него заплатил. Никто не сделал бы вам это эксклюзивное — и остающееся таковым — предложение, не будь меня.

Барон ответил микроскопическим кивком согласия. — Продолжайте.

— Как бы вы обозначили стоимость Группы Дюрона в сравнении с текущими активами Дома Риоваль? В пропорции.

Барон наморщил лоб. — Одна двадцатая. Или одна тридцатая, быть может. Дом Риоваль — это куда более крупная недвижимость. А, э-э, ценность Интеллектуального достояния подсчитать труднее. Они специализируются на весьма разных биологических задачах.

— Оставим в стороне — или забудем — вопросы недвижимости. Очевидно, что Дом Риоваль — во много раз большая ценность. Лаборатории, техники, рабы. Список клиентов. Хирурги. Генетики.

— Вынужден с вами согласиться.

— Отлично. Давайте сторгуемся. Я отдам вам Дом Риоваль в обмен на Группу Дюрона плюс кредитную карту на предъявителя с суммой, равной десяти процентам средств Дома Риоваль.

— Десять процентов. Агентское вознаграждение, — сказал Фелл, поглядев на Лилию. Та улыбнулась, но промолчала.

— Агентское вознаграждение в чистом виде, — согласился Марк. — И не случайно вдвое дешевле той цены, что вы как минимум заплатили бы, не имея преимущества в виде кодового ключа Ри Риоваля.

— А если вы получите этих дам — что вы станете с ними делать, а, Марк?

— То что мне *надумается* . От слова «задумчивость»; но, похоже, в виде глагола это слово нравится мне больше.

— Думаете начать здесь собственное дело? Барон Марк?

Майлз заледенел в ужасе от новой картины.

— Нет, — вздохнул Марк. Мне надумается отправиться домой, барон. И чертовски сильно. Я отдам группу Дюрона… им самим. А вы позволите им уйти — свободно, в полной безопасности и без преследования — туда, куда им надумается. На Эскобар, так, Лилия? —

Марк поднял на нее взгляд, а она посмотрела на него, улыбнулась и слегка кивнула.

— Как эксцентрично, — пробормотал барон. — По-моему, вы безумны.

— О-о, барон. Вы и понятия не имеете, насколько. — Марк издал странный смешок. Если он сейчас играет, то лучшей актерской игры Майлз в жизни не видал, не исключая и самых диких полетов собственного притворства и фантазии.

Барон откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Лицо его закаменело от раздумий. Решится ли он на попытку напасть? Майлз отчаянно принялся высчитывать боевой расклад во внезапной перестрелке. Дендарийцы под рукой, СБ на орбите, они с Марком под угрозой, *неожиданная вспышка, вырвавшаяся из дула гранатомета* — бог мой, ну и заварушка!..

— Десять процентов, — произнес барон наконец, — *минус* стоимость Группы Дюрона.

— А кому считать стоимость этого интеллектуального достояния, барон?

— Мне. И они покидают здание немедленно. Вся собственность, заметки, файлы и материалы идущих экспериментов остаются здесь нетронутыми.

Марк поднял взгляд на Лилию; она склонилась и что-то прошептала ему на ухо. — Группа Дюрона получит право скопировать технические файлы. И забрать с собой личные вещи — такие, как одежду и книги.

Барон задумчиво уставился в потолок. — Они могут взять с собой… сколько каждый способен унести в руках. Не больше. Они *не могут* копировать технические файлы. И их кредитные счета остаются, как это всегда и было, моими.

Лилия нахмурила брови; она прикрылась ладонью и еще раз о чем-то шепотом посовещалась с Марком. Он отмахнулся от какого-то возражения и очертил рукою защитный круг. Наконец она кивнула.

— Барон Фелл. — Марк набрал воздуху. — Это Сделка.

— Это Сделка, — подтвердил Фелл, глядя на него с легкой улыбкой.

— И в том вам моя рука, — продекламировал Марк. Он захихикал, перевернул коробку дистанционного управления и повернул круглый рычажок на ее оборотной стороне. Потом положил коробку на подлокотник и потряс дрожащими пальцами.

Фелл потянулся в кресле, стряхивая напряжение. Охранники расслабились. Майлз чуть не растекся лужей. «Оп-па, что же мы сделали?»

По знаку Лилии заспешили в разные стороны Дюроны всех полов и возрастов.

— Вести с вами бизнес, Марк, было весьма занимательно. — Фелл встал. — Не знаю, где ваш дом, но если вы когда-нибудь решите, что ищете работу, навестите меня опять. Посредник вроде вас будет очень полезен мне в галактических делах. Ваше чувство времени… в высшей степени утонченно.

— Благодарю, барон, — кивнул Марк. — Я это припомню, если вдруг прочие мои варианты не сработают.

— И ваш брат тоже, — по размышлении добавил Фелл. — При условии, что он полностью оправится, естественно. Моим войскам не помешал бы боевой командир поактивнее.

Майлз откашлялся. — Дом Фелл нуждается в основном в обороне. Я предпочитаю более агрессивного типа задания, как у дендарийцев, — ответил он.

— Быть может, в скором будущем случатся и штурмовые операции, — заметил Фелл, чей взгляд сделался слегка отсутствующим.

— Думаете о завоевании мира? — осведомился Майлз. *«Империя Фелла?»*

— Приобретение Дома Риоваль поставит Дом Фелл в любопытное неравновесное положение, — ответил Фелл. — Не стоит следовать политике неограниченной экспансии и быть вынужденным сражаться со всем вызываемым ею сопротивлением ради каких-то пяти лет правления. Но если, скажем, собираешься прожить еще полвека, то для боевого офицера со способностями может найтись весьма увлекательная работа… — Фелл вопрошающе приподнял бровь, глядя на Майлза.

— Нет, спасибо. — «Желаю вам вполне насладиться друг другом.»

Марк хитро поглядел на Майлза, прищурив глаза, — явно забавляясь.

Но что же за необычное решение принял Марк! Какова Сделка! Джексонианец отвергает то, в чем он был воспитан, и становится на сторону ангелов; бунтует, делаясь неподкупным. Похоже, так. «Думаю, в моем брате больше от джексонианца, чем он сам считает. Джексонианский отступник. Голова идет кругом.»

Повинуясь жесту Фелла, один из охранников осторожно взял прозрачную коробку. Фелл повернулся к Лилии.

— Что ж, старшая сестра. У тебя была интересная жизнь.

— И еще есть, — улыбнулась Лилия.

— На какое-то время.

— С меня хватит, жадный мальчишка. Вот и конец пути. Последнее из наших кровных соглашений. Кто бы мог это вообразить тогда, много лет назад, когда мы вместе выкарабкивались из канализации Риоваля?

— Не я, — ответил Фелл. Они обнялись. — Прощай, Лили.

— Прощай, Джори.

Фелл повернулся к Марку. — Сделка есть Сделка, это для моего Дома. А это уже для меня. Во имя старых добрых времен. — Он протянул пухлую ладонь. — Могу я пожать вам руку, сэр?

Марк поглядел недоверчиво и смущенно, но Лилия ему кивнула. И он позволил своей руке затеряться в ладони Фелла.

— Спасибо, — искренне сказал Джориш Стаубер. Движением подбородка он отдал приказ охранникам и скрылся вместе с ними в лифтовой шахте.

* * *

— Как думаете, эта Сделка не сорвется? — встревоженным, высоким голосом спросил Марк Лилию.

— Какое-то время да. В ближайшие пару дней Джориш будет слишком занят, принимая свое новое приобретение. Это поглотит все его силы и еще сверх того. А потом будет слишком поздно. Да, потом он об этом пожалеет. Но мстить и преследовать — нет, не станет. Этого достаточно; больше нам не надо.

Она ласково погладила его по волосам. — А теперь просто отдохни. Выпей еще чаю. Мы некоторое время будем очень заняты. — Она обернулась подозвать юных Дюрон: — Дрозд! Фиалка! Быстренько идем со мною… — Они вместе поспешили в глубь апартаментов.

Марк осел в кресле с чрезвычайно усталым видом. Он озадаченно поморщился, глядя на чашку, взял ее в правую руку и задумчиво покачал, прежде чем пить.

Элли коснулась шлема полуброни, выслушивая что-то, и внезапно испустила горький смешок. — На связи командующий силами СБ со станции Харгрейвз-Дайн. Говорит, что прибыло подкрепление, и запрашивает, куда его послать.

Майлз с Марком переглянулись. Майлз не знал, что думает Марк, но большинство ответов, приходящих сейчас на ум ему самому, были абсолютно непристойными.

— Домой, — сказал наконец Марк. — А они могут нас подбросить, раз уж они тут.

— Мне нужно обратно к дендарийскому флоту, — настойчиво заговорил Майлз. — Э-э… где они сейчас, Элли?

— На пути от Иллирики к точке встречи у Эскобара. Но вы, сэр, к ним и близко не подойдете, пока врачи СБ не подтвердят, что вы способны к полевой службе, — твердо заявила она. — Флот в норме. А вы — нет. Иллиан пришпилит мои уши к стене, если прямо сейчас я не отправлю вас домой. И еще — ваш отец…

— Что — отец? — спросил Майлз. Елена же пыталась тогда что-то сказать… ледяной ужас сжал его грудь. В мозгу Майлза закружился калейдоскоп сливающихся друг с другом

картин: убийства, смертельные заболевания, политические заговоры. Не говоря уж о авиакатастрофах.

— Когда я был там, у него случился обширный инфаркт, — сказал Марк. — Когда я уезжал, он лежал прикованным к койке в Имперском Военном госпитале в ожидании пересадки сердца. Вообще-то, сейчас эту пересадку как раз должны проводить.

— Ты там был? — *«Что ты с ним сделал?»* Майлз чувствовал себя так, словно северный и южный магнитные полюса только что поменялись местами. — Мне нужно домой!

— Именно это я только что и сказал, — устало отозвался Марк. — Как ты думаешь, зачем мы проделали весь этот путь обратно на Джексон? Чтобы притащить тебя домой. А не ради бесплатного отпуска на курорте Ри Риоваля, позволь тебе заметить. Мать считает меня следующим наследником Форкосиганов. С Барраяром я хоть как-то могу примириться, но с *этим* — нет; тут я чертовски уверен.

Слишком много всего и слишком быстро. Майлз откинулся в кресле и попытался успокоиться, пока не случился очередной приступ конвульсий. Как раз такого рода небольшое проявление физической слабости и обеспечит ему немедленную отставку с Имперской Службы, если он не будет осторожен в выборе свидетелей. Раньше он считал конвульсии временным дефектом, который исчезнет с выздоровлением. А что если они не пройдут? О, боже…

— Лилии я собираюсь сдать напрокат мой корабль, — сказал Марк, — раз уж барон Фелл столь предусмотрительно лишил ее средств, достаточных для оплаты тридцати шести билетов до Эскобара.

— Какой такой корабль? — вопросил Майлз. *«Только не один из моих…»*

— Тот, который дала мне мама. Лилия сумеет продать его на эскобарской орбите, и с неплохой прибылью. Я смогу вернуть матери деньги и выкупить закладную на Форкосиган-Сюрло, и у меня еще останется весьма впечатляющая сумма на карманные расходы. Когда-нибудь мне и *захочется* иметь собственную яхту, но этой я явно долго не смогу пользоваться.

«Что? Что? ЧТО?!!»

— Я тут подумал, — продолжил Марк, — что дендарийцы могут отправиться вместе с Лилией. Они обеспечат ей небольшую военную поддержку в обмен на бесплатный и быстрый проезд обратно к флоту. И к тому же сэкономят СБ стоимость четырех пассажирских билетов.

Четырех? Майлз поглядел на Бела, сидевшего все это время молча; тот безрадостно встретил его взгляд.

— И как можно скорее забрать всех отсюда к чертовой матери, — добавил Марк. — Пока что-нибудь не пошло не так.

— Аминь! — пробормотала Куинн.

Верба и Элли на одном корабле? Не говоря уж о Тауре. А что если они соберутся вместе сравнить впечатления? Что если завяжут вражду? Или того хуже, вступят в союз и тайно сговорятся поделить его на зоны, по договору? Северный Майлз и Южный Майлз… И не так уж у него много женщин, он может поклясться. В сравнении с Айвеном он практически соблюдает обет безбрачия. Просто он никогда ни одну не *отпускает* . И такое накопление может привести к конфузам, по прошествии достаточно долгого времени. Ему нужна… леди Форкосиган, чтобы положить конец всем глупостям. Но даже Элли Отважная отказалась вызваться добровольцем для исполнения этой службы.

— Да, — согласился Майлз, — подходит. Домой. Капитан Куинн, уладьте с СБ насчет нашей доставки — моей и Марка. Сержант Таура, не могла бы ты пока поступить в распоряжение Лилии Дюроны? Согласен: чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше. И, гм, Бел… останься, пожалуйста, нам надо с тобой поговорить.

Куинн с Таурой уловили намек и ретировались. Марк… Марк в этом участвовал с самого начала, решил Майлз. И вообще он слегка боялся попросить Марка встать. Боялся

того, что могут сказать его движения. Брошенная вскользь фраза насчет курорта Ри Риоваля была слишком явной попыткой скрыть… что?

— Садись Бел, — кивнул Майлз на опустевшее кресло барона Фелла. Так получался равносторонний треугольник: он, Марк и Бел. Бел кивнул и уселся, положив шлем на колени и откинув капюшон. «Как это я принял Бела за женщину — здесь, в этой комнате, пять дней назад, еще до каскада воспоминаний?» Раньше его глаза всегда легко видели в нем мужчину, по тем или иным причинам. Странно. Наступило короткое, неуютное молчание.

Майлз сглотнул и нарушил тишину. — Я не могу позволить тебе вернуться к командованию «Ариэлем», — сказал он.

— Знаю, — ответил Бел.

— Это дурно скажется на флотской дисциплине.

— Знаю.

— Это… несправедливо. Будь ты бесчестным гермафродитом, держи рот на замке и продолжай притворяться, что Марк тебя одурачил — и никто никогда бы не узнал.

— Знаю, — сказал Бел. И мгновение спустя добавил: — В экстремальной ситуации я должен был вернуть себе командование. Я решил, что не могу позволить Марку и дальше отдавать приказы. Слишком опасно.

— Для тех, кто последовал за тобой.

— Да. И… я должен был знать, — добавил Бел.

— Капитан Торн, — вздохнул адмирал Нейсмит, — я должен попросить вас подать в отставку.

— Примите мою отставку, сэр.

— Благодарю. — Вот и сделано. Так быстро. Он снова прокрутил в голове разрозненные картинки рейда Марка. Некоторых кусочков еще недостает, разумеется. Но там были смерти — слишком много смертей, сделавших ошибку непоправимой. — Ты не знаешь… что стало с Филлиппи? По-моему, шанс у нее был. Марк с Белом переглянулись. Бел ответил. — Она не смогла им воспользоваться.

— Ох. Как жаль это слышать.

— Криооживление — дело случая, — вздохнул Бел. — Мы все принимаем на себя этот риск, когда подписываем контракт.

Марк нахмурился. — Звучит нечестно. У Бела сломана карьера, а я вышел из этой истории, не заплатив ничем.

Мгновение Бел созерцал избитое, распухшее тело Марка, кучей осевшее в большом кресле Лилии, и чуть приподнял брови.

— Что ты собираешься делать, Бел? — осторожно спросил Майлз. — Отправиться домой на Колонию Бета? Ты как-то говорил об этом.

— Не знаю, — ответил Бел. — И не потому что мало думал. Я думал неделями. Не уверен, что подхожу теперь для прежнего дома.

— Я и сам думал, — сказал ему Майлз. — Насчет благоразумия. И меня осенило, что оставайся ты на жаловании у Иллиана, и кое-кто с моей стороны испытает меньшую паранойю при мысли о том, что ты мотаешься по сети П-В туннелей с головой, полной барраярских засекреченных сведений. Информатором… может, оперативником?

— Это у Элли Куинн талант притворяться, а не у меня, — признался Бел. — Я просто капитан корабля.

— Капитаны кораблей бывают в разных интересных местах. И благодаря своему положению могут получать самую разную информацию.

Бел наклонил голову. — Я … серьезно над этим подумаю.

— Полагаю, ты не хочешь получить расчет тут же, на Единении Джексона?

Бел откровенно рассмеялся. — Да уж нет!

— Тогда обдумай все по пути назад к Эскобару. Поговори с Куинн. Прими решение к моменту прилета и дай ей знать.

Бел кивнул, поднялся и оглядел тихую гостиную Лилии Дюрона. — Знаешь, я все равно

не жалею, — сказал он Марку. — Так или иначе, а мы вытащили из этого засасывающего гравитационного колодца почти девяносто человек. Спасли от верной смерти или джексонианского рабства. Неплохой счет для стареющего бетанца. Когда я буду вспоминать обо всем, то вспомню и о них, будь уверен.

— Спасибо, — прошептал Марк.

Без внимательно поглядел на Майлза. — Помнишь, как мы в первый раз встретились? — спросил он.

— Да. Я тебя оглушил.

— Еще как. — Бел обошел кресло, склонился и взял Майлза за подбородок. — Не двигайся. Мне столько лет хотелось это сделать. — И он поцеловал Майлза, долгим и вполне основательным поцелуем. Майлз подумал было о том, как это выглядит, о двусмысленности происходящего, потом о внезапной смерти, обо всем сразу — и ответил на поцелуй. Когда Бел выпрямился, то улыбался.

Из лифтовой шахты донеслись голоса; кто-то из Дюрон произнес: «Прямо наверх, мэм.»

Из-за хромированной ограды показалась Елена Ботари-Джезек. Она окинула взглядом комнату. — Привет, Майлз, мне надо поговорить с Марком, — выпалила она на одном дыхании. Глаза ее были темными и встревоженными. — Мы можем куда-нибудь пойти? — спросила она Марка.

— Мне лучш'бы не вставать, — ответил Марк. Голос у него был такой усталый, что он глотал звуки.

— Верно. Майлз, Бел, выйдите, пожалуйста, — без церемоний попросила она.

Озадаченный Майлз поднялся на ноги. Он вопросительно поглядел на Елену; ее ответный взгляд говорил: «Не сейчас. Позже.». Майлз пожал плечами. — Пойдем, Бел. Посмотрим, не нужна ли кому наша помощь. — Он хотел найти Вербу.

Спускаясь по лифтовой шахте вместе с Белом, он поглядел на Марка с Еленой. Она подтащила стул и оседлала его задом наперед. Елена развела руки, настойчиво протестуя против чего-то; у Марка был очень мрачный вид.

* * *

Майлз прикомандировал Бела к доктору Пион — для связи, — а сам разыскал квартиру Вербы. Как он и надеялся, она была там, упаковывая вещи. Там же сидела еще одна юная Дюрона, глядя на нее со слегка ошеломленным видом. Ее Майлз узнал сразу.

— Лилия-младшая! Ты выбралась. Верба!

Лицо Вербы вспыхнуло радостью, и она поспешила его обнять. — Майлз! Тебя все-таки *зовут* Майлз Нейсмит. Я так и думала. У тебя был каскад. Когда?

— Ну… — он откашлялся, — по правде говоря, еще у Бхарапутры.

Ее улыбка сделалось чуть искусственной. — До моего ухода. И ты мне не сказал.

— Безопасность, — осторожно предположил он.

— Ты мне не доверял.

Это же Единение Джексона. Ты сама говорила. — Меня больше беспокоил Васа Луиджи.

— Могу понять, наверное, — вздохнула Верба.

— И когда каждая из вас сюда добралась?

— Я — вчера утром. Лилия появилась прошлой ночью. Беспрепятственно! Я и не мечтала, что ты сможешь ее тоже вытащить.

— Один побег стал причиной и следствием другого. Ты выбралась сама, а это позволило выбраться Лилии. — Он сверкнул улыбкой в сторону Лилии-младшей, с любопытством за ним наблюдавшей. — Я ничего не делал. В последнее время, похоже, это применимо ко всей моей жизни. Но я надеюсь, что вы покинете планету прежде чем Васа

Луиджи с Лотос сообразят, что случилось.

— Мы все поднимемся наверх еще до темноты. Смотри! — Она подвела Майлза к окну. Пассажирский катер дендарийцев, с сержантом Таурой за штурвалом и где-то восемью Дюронами на борту тяжело поднялся с огороженной стеной стоянки. Эти женщины подготовят корабль к прибытию остальных.

— Эскобар, Майлз! — восторженно выпалила Верба. — Мы все летим на Эскобар. Ах, Лилия, тебе там понравится!

— Там вы останетесь одной группой? — спросил Майлз.

— Сперва, думаю, да. Пока для остальных планета не перестанет быть такой странной. Лилия отпустит нас, когда будет умирать. Думаю, барон Фелл это предвидел. По прошествии времени у него не будет такого сильного соперника. По-моему, он уже к завтрашнему утру разместит тут надерганных из Дома Риоваль лучших специалистов.

Майлз прошелся по комнате и заметил знакомый пульт дистанционного управления на подлокотнике кушетки. — А! Так это у тебя было второе управляющее устройство к термогранате! Я должен был знать. Так что ты все слышала. Я не был уверен, блефовал ли Марк.

— Марк не блефовал ни в чем, — серьезно заявила она.

— Ты здесь была, когда он приехал?

— Да. Это было сегодня утром, незадолго до рассвета. Он выбрался из флаера, шатаясь, одетый в высшей степени *странный* костюм, и потребовал разговора с Лилией.

Майлз поднял брови, представив эту картину. — А что сказали охранники на воротах?

— «Есть, сэр.» У него была такая аура… не знаю, как описать. Разве что… представляю как в темных аллеях здоровенные головорезы убираются с его пути. Твой клон-близнец — *страшный* молодой человек.

Майлз моргнул.

— Лилия с Хриз отвезли его в клинику на парящей платформе, и после этого я его больше не видела. А потом посыпались приказы. — Она помолчала. — Так. Теперь ты возвращаешься к своим дендарийским наемникам?

— Да. Полагаю, после кое-какого лечения.

— Не очень-то ты остепенился. Ты же был на волосок от смерти.

— Сознаюсь, вид гранатомета вызывает у меня новое и весьма неприятное содрогание, но… я надеюсь, что еще очень долго не получу у дендарийцев расчет. Гм… эти мои конвульсии. Они пройдут?

— Должны. Криооживление — это всегда случайность. Значит… ты не можешь представить себя в отставке? Скажем, на Эскобаре.

— Мы бываем на Эскобаре время от времени, для починки судов. И личного состава. Это — большой узел сети. Наши пути могут снова пересечься.

— Надеюсь, не так, как в первый раз, — улыбнулась Верба.

— Позволь тебя заверить: если мне когда-то снова понадобится криооживление, я оставлю приказ разыскать именно тебя. — Он помолчал, колеблясь. *«Мне нужна моя леди Форкосиган, чтобы положить конец метаниям.»* Могла бы ею стать Верба? Тридцать пять свояченицы — не очень большое препятствие, если они находятся в безопасном удалении на Эскобаре. — А что ты думаешь про то, чтобы жить и работать на планете Барраяр? — осторожно спросил он.

Она наморщила нос. — Эта захолустная дыра? Зачем?

— У меня там кое-какие интересы. По сути, именно там я собираюсь жить, когда уйду в отставку. На самом деле это очень красивое место. И малонаселенное. Они поощряют, гм… деторождение. — Он опасно близко подошел к тому, чтобы разрушить свою легенду, ту искусственную личность, ради памяти о которой он в последнее время шел на такой риск. — И там полным-полно работы для врача с галактическим образованием.

— Да уж, могу поклясться. Но я всю свою жизнь была рабыней. Так зачем мне выбирать жизнь подданной, если я смогу стать *гражданкой* ? — Она криво улыбнулась,

шагнула к нему и обняла за плечи. — Эти пять дней, когда мы были заперты вместе у Васы Луиджи… дело было не в заточении, верно? Ты на самом деле *такой* , когда здоров.

— Более-менее, — признался он.

— Я всегда спрашивала себя, чем же зарабатывают на жизнь гиперактивные взрослые. Управлять несколькими тысячами солдат — это поглощает твою энергию, да?

— Да, — вздохнул он.

— Думаю, я всегда буду тебя любить — немного. Но жить с тобой постоянно — это свело бы меня с ума. По-моему, такого невероятно властного человека я в жизни не встречала.

— Ты должна давать отпор, — объяснил он. — Я рассчитываю на то, что… — он не мог сказать ни «Элли», ни, что еще хуже, «все мои женщины», — мой партнер сопротивляется. Иначе я не могу расслабиться и быть самим собой.

Верно. Они слишком много были вместе, и это разрушило их любовь — или, по крайней мере, иллюзии Вербы. Барраярский принцип устраивать матримониальные соглашения через сваху делается со временем все привлекательнее. Может, было бы лучше сперва без опаски жениться, а затем узнавать друг друга. Ко времени, когда новобрачная его раскусит, ходу назад у нее уже не будет. Он вздохнул, улыбнулся и отвесил Вербе преувеличенно аристократический поклон: — Буду счастлив навестить Вас на Эскобаре, миледи.

— Это было бы просто прекрасно, сэр, — невозмутимо отозвалась она.

О! Проклятье, она могла оказаться той самой, она себя недооценивает…

Сидящая на диванчике Лилия-младшая, которая завороженно наблюдала за всем происходящим, кашлянула. Майлз перевел взгляд на нее и вспомнил про ее рассказ о пребывании у дендарийцев.

— Марк знает, что ты здесь, Лилия? — спросил он.

— Не знаю. Я была с Вербой.

— Когда Марк видел тебя в последний раз, ты улетала вместе с Васа Луиджи. Я… думаю, ему было бы приятно узнать, что ты изменила свою точку зрения.

— Он пытался уговорить меня остаться на корабле. Но он говорит не так хорошо, как ты, — призналась она.

— Все, что случилось, устроил он. Он оплатил ваш билет отсюда. — И Майлзу не очень хотелось думать, какой именно монетой. — Я лишь тащился следом. Пойдем. Скажи хотя бы привет, пока и спасибо. Тебе это не будет стоить ничего, но подозреваю, что для него это будет кое-что значить.

Она неохотно встала и позволила Майлзу утащить ее за собой. Верба одобрительно ему кивнула и вернулась к своим спешным сборам.

Глава 31

— Ты их нашла? — спросил лорд Марк.

— Да, — лаконично ответила Ботари-Джезек.

— И уничтожила?

— Да.

Марк покраснел и откинул голову на спинку кресла, ощутив, как на него наваливается сила тяжести. Он вздохнул. — Ты их смотрела. Я же говорил не делать этого.

— Мне необходимо было убедиться, что это именно они.

— Нет, не было. Можно было просто все уничтожить.

— Так я в конце концов и сделала. Я начала смотреть. Потом отключила звук. Потом пустила на быстрое воспроизведение. И наконец стала останавливать только в контрольных точках.

— Мне жаль, что ты так поступила.

— *Мне* тоже. Марк, там же сотни часов головидеозаписи! Не могу поверить, что все

тянулось так долго.

— На самом деле, прошло всего часов пятьдесят. А может, и пятьдесят лет. Но там одновременно велось несколько записей. Я всегда, что бы ни происходило, видел краем глаза парящую рядом головидеокамеру. Не знаю, зачем Риоваль их делал: чтобы изучать и анализировать или просто чтобы наслаждаться. Полагаю, всего понемножку. Его способности к анализу просто ужасали.

— Я… не поняла кое-что из увиденного.

— Хочешь, чтобы я тебе объяснил?

— Нет.

— Вот и хорошо.

— Могу понять, почему ты захотел их уничтожить. Вырванные из контекста… они могли бы стать ужасающим инструментом шантажа. Если хочешь, чтобы я поклялась хранить тайну, я дам любое обещание.

— Не поэтому. Я ничего не намереваюсь хранить в секрете. Никто и никогда не получит рычага воздействия на меня. Никогда не будет дергать за мои тайные ниточки. В общих чертах можешь рассказать об этом хоть всей галактике, мне наплевать. Но… если бы СБ получила эти материалы, они в конце концов оказались бы в руках Иллиана. А он не сумел бы утаить их от графа или графини — хотя, не сомневаюсь, попытался бы. Или, в конечном счете, от Майлза. Можешь себе представить, как эту дрянь смотрят граф, графиня или Майлз?

Она втянула воздух сквозь зубы. — Начинаю понимать.

— Подумай над этим. Я подумал.

— Лейтенант Айверсон был в ярости, когда вломился туда и обнаружил оплавленные картриджи. Он собирается подать протест по своим каналам.

— Пусть его. Если СБ выразит протест по поводу меня или моих людей, я выставлю свой — против них. Например, где они к чертовой матери были последние пять дней? Я без жалости и угрызений совести востребую этот долг с кого угодно, вплоть до Иллиана. Только пусть перейдут мне дорогу, и… — его враждебное бормотание смолкло.

Лицо Елены было зеленовато-бледным. — Мне… так жаль, Марк. — Она нерешительно коснулась его руки.

Он крепко вцепился в ее запястье. Ноздри Елены раздувались, но она даже не поморщилась. Он сел прямее; точнее, попытался сесть. — Да как ты *смеешь* меня жалеть! Я *победил* . Прибереги свое сочувствие для барона Риоваля, если тебе надо. Я его сделал. Одурачил. Побил в его же собственной игре, на его поле. Я не позволю тебе обратить мою победу в поражение ради твоих чертовых… эмоций. — Он выпустил ее руку. Она потерла запястье, спокойно на него глядя. — Вот в чем вопрос. Я могу избавиться от Риоваля, если мне дадут это сделать. Но если они будут слишком много знать — если у них будут эти чертовы записи, — они никогда смогут оставить это дело в покое. Чувство вины возвращало бы их к этому снова и снова, а они заставляли бы возвращаться *меня* . Не хочу, чтобы меня вынудили всю оставшуюся жизнь сражаться с Риовалем у себя — или у них — в голове. Он мертв, я жив, и хватит на этом.

Он замолк, потом фыркнул. — Согласись, для Майлза это было бы особенно скверно.

— О да, — согласно выдохнула Ботари-Джезек.

Снаружи поднимался дендарийский пассажирский катер, пилотируемый сержантом Таурой — первая порция Дюрон направлялась на орбиту на яхту Марка. Он помолчал, следя за катером, пока тот не исчез в вышине. *«Да. Вперед, вперед, вперед! Прочь из этой дыры — вы и я, мы все клоны. Навсегда. Идите и станьте просто людьми, если сможете. Если я смогу.»*

Ботари-Джезек оглянулась на него и произнесла: — Они настоят на медицинском обследовании, ты же знаешь.

— Ага, кое-что они увидят. Я не смогу скрыть побои и, бог свидетель, насильственное кормление — тоже… — как это по-твоему, гротеск?

Она кивнула, сглотнув. — Я думала, ты собирался… нет, не важно.

— Верно. Я же говорил тебе не смотреть. Но чем дольше я сумею избежать осмотра квалифицированным СБшным врачом, тем более неопределенно смогу говорить об остальном.

— Тебе точно нужно подлечиться.

— Лилия Дюрона проделала прекрасную работу. И по моей просьбе единственная медицинская запись об этом осталась у нее в голове. Я смогу уклониться.

— Не пытайся избежать лечения вообще, — посоветовала Ботари-Джезек. — Графиня это обнаружит, даже если всех остальных тебе удастся провести. И еще: я не верю, что тебе не требуется… чего-то большего. И не физически.

— Ох, Елена. Если я что и узнал за последнюю неделю — так это то, насколько все у меня в мозгу перепутано сверху донизу. Худшим из всего, что я повстречал в подвале Риоваля, было чудовище в зеркале: психологическом зеркале барона. Мое ручное чудовище о четырех головах. Доказавшее, что оно пострашнее самого Риоваля. Сильнее. Быстрее. Коварнее. — Он прикусил язык, прежде чем сказал слишком много — прежде чем это прозвучало так, словно он балансриует на грани слабоумия. Он подозревал, что скорее балансирует на грани нормальности, идя к нему долгим кружным путем. Трудным путем. — Я знаю, что делаю. На каком-то уровне я точно знаю, что именно делаю.

— На паре записей… мне показалось, что ты обманывал Риоваля, симулируя расщепление личности. Разговаривал сам с собой…?

— Я никогда не обманул бы Риоваля какой-либо симуляцией. Он десятилетиями занимался тем, что копался на дне человеческого сознания. Но моя личность не совсем расщепилась. Вероятно, она… вывернулась наизнанку. — Нельзя называть расщепленным то, что ощущается таким глубочайшим целым. — Я не то чтобы решил это сделать. Просто *сделал* .

Она глядела на него с страшным беспокойством. Ему пришлось громко рассмеяться. Но явно подобная жизнерадостность оказала на нее не столь успокаивающее действие, как ему хотелось бы.

— Ты должна понять, — принялся объяснять он. — Порой безумие — это не трагедия. А стратегия выживания. Порой… это победа. — Он нерешительно помолчал. — Ты знаешь, что такое «черная команда»?

Она молча покачала головой.

— Как-то раз я побывал в лондонском музее. Давным-давно, в девятнадцатом и двадцатом столетии на Земле использовали корабли с паровыми двигателями, плавающие по поверхности океана. Жар для паровых машин получали от огромных угольных печей в недрах корабля. И там внизу нужны были дураки, чтобы кидать уголь в топки. Внизу, в жаре, грязи, поту и вони. Они чернели от угля, поэтому их и прозвали «черной командой». А офицеры и прекрасные дамы на палубе не имели с точки зрения общества никакого отношения с этим нищим никудышным придуркам. Но без них не было бы движения. Не было бы огня. Не было бы жизни. Не было бы пара. Черная команда. Невоспетые герои. Уродливые типы из низшего класса.

Теперь она, конечно же, подумает, что у него словесный понос. Желание пропеть на ухо Елене панегирик отчаянной верности его черной команды сейчас было… возможно, не самой удачной идеей. «*Ага, меня никто не любит»,* — жалобно шепнул Рева. *«Тебе стоит привыкать.»* .

— Не важно. — Он прекратил монолог и улыбнулся. — Но, могу сказать тебе, Гален после Риоваля кажется… просто крошечным. А Риоваля я *разбил* . В каком-то странном смысле, я сейчас себя чувствую необычайно свободным. И намереваюсь двигаться в этом направлении и дальше.

— Ты мне сейчас кажешься… извини… просто маньяком каким-то, Марк. Для Майлза такое нормально. Ну, привычно. Но он рано или поздно поднимается на самый пик, а потом в конце концов скатывается вниз. По моему, тебе следует беречься такого развития событий

— у вас это может быть общее.

— Настроение словно вертят на конце эластичного троса, да?

Из ее губ невольно вырвался короткий смешок. — Да. — Я буду остерегаться перигея.

— Хм, да. Хотя обычно именно в апогее все вокруг разбегаются и ныряют в укрытие.

— Сейчас я к тому же накачался, ну, кое-какими болеутоляющими и стимуляторами, — заметил он. — А то не продержался бы последние пару часов. Боюсь, действие некоторых из них проходит. — Отлично. Быть может, она спишет на это кое-что из его болтовни, и в то же время это чистая правда.

— Хочешь, я приведу Лилию Дюрону?

— Нет. Я просто хочу тут посидеть. И не двигаться.

— По-моему, мысль хорошая. — Елена поднялась со стула и подобрала свой шлем.

— Зато теперь я знаю, кем хочу стать, когда вырасту, — внезапно заявил он ей. Елена замерла, подняв брови.

— Хочу быть аналитиком СБ. Гражданским. Тем, кто не пошлет людей не в то место или с опозданием на пять дней. Или не подготовленными должным образом. Хочу целыми днями сидеть в крохотном кабинетике в самом сердце крепости и делать все *как надо. — Он ждал, что она сейчас посмеется над ним.*

Вместо этого, к его изумлению, она серьезно кивнула. — Мы — самое острие оружия СБ; так вот, я была бы рада.

Она небрежно козырнула ему и повернулась. Когда она скрылась в лифтовой трубе, он все еще был озадачен выражением, увиденным в ее глазах. Это была не любовь. Не страх.

«О-о. Так вот как выглядит уважение.»

«Я могу к нему пристраститься.»

* * *

Как Марк и заявил Елене, он какое-то время просто сидел, уставившись в окно. Рано или поздно ему придется шевельнуться. Может, под предлогом перелома ступни он уговорит дать ему грави-кресло. Лилия обещала, что ее стимуляторы дадут ему шесть часов собранности, а потом обмен веществ заставит платить по счетам, и счет этот принесут громилы с утыканными гвоздями дубинками, эдакие виртуальные вышибалы долгов по нейромедиаторам. Интересно, эта нелепая фантазия — не первый признак приближающегося биохимического спада? Он взмолился, чтобы смог протянуть хотя бы до того момента, как окажется в безопасности на катере СБ. *«Ох, братец. Забери меня домой.»*

Из лифтовой шахты донеслось эхо голосов. Появился Майлз, который тащил за собой какую-то Дюрону. В своем сером дюроновском трикотажном костюме он выглядел тощим, как скелет, и бледным, точно привидение. Похоже, вес у них на двоих общий. Если бы он мог волшебным образом передать Майлзу все те килограммы, что за последнюю неделю заставил его набрать Риоваль, оба смотрелись бы получше. Но если он будет продолжать толстеть, вдруг Майлз совсем исхудает и исчезнет? Тревожащая картинка. *Это все препараты, парень. Просто препараты.*

— О, отлично, — произнес Майлз. — Елена сказала, что ты еще наверху. — С бодрым видом иллюзиониста, представляющего особенно классный фокус, он вытолкал молодую женщину вперед. — Узнаешь ее?

— Это Дюрона, Майлз, — сказал Марк мягко, но устало. — Они мне теперь сниться будут. — Он помолчал. — Или это вопрос с подвохом? — Тут он выпрямился в кресле, потрясенный тем, что узнал ее. «Да, ты *способен* различать клонов.» — Это она!

— Именно так, — улыбнулся довольный Майлз. — Мы с Вербой помогли ей тайком сбежать от Бхарапутры. И она отправится на Эскобар вместе с сестрами.

— А-а! — Марк откинулся в кресле. — Ага. О! Отлично. — Он неуверенно потер лоб. *«Забирай свое очко, Васа Луиджи.»* — Не думал, Майлз, что ты заинтересуешься спасением

клонов.

Майлз заметно поморщился. — Это ты меня заставил.

Ой. Он не хотел намекать на пребывание у Риоваля. Понятно: девочка не хотела, но Майлз притащил ее сюда, намереваясь подбодрить Марка. Майлзу не столь очевидно — а вот Марку кристально ясно, — что здесь есть элемент подспудного соперничества. В первый раз в жизни Майлз ощутил затылком горячее дыхание брата-конкурента. *«Что, неуютно? Ха! Привыкай, парень. Я с этим жил двадцать два года.»* Майлз говорил про Марка «мой брат» тем же тоном, каким сказал бы «мои ботинки» или, скажем, «моя лошадь». Или — ладно, будем справедливы, — «мой ребенок». Нечто вроде самодовольного патернализма. Майлз не ожидал встретить равного себе и с теми же задатками. Внезапно Марк сообразил, что у него появилось очаровательное новое хобби, которого ему хватит на много лет. *«Бог мой, а мне понравится быть твоим братом, Майлз!»* .

— Да, — благодушно отозвался Марк. — ты тоже можешь. Я знал, что ты сможешь, если постараешься. — Он рассмеялся. Но к его ужасу, смех в глубине горла перешел в рыдания. Он подавил и смех, и плач. Сейчас он не смееет ни смеяться, ни выражать еще каких-то чувств. Самоконтроль и так слишком тонок. — Я очень рад, — констатировал он как можно нейтральнее.

Майлз, от чьих глаз не укрылась вся сцена, кивнул. — Отлично, — заявил он столь же нейтрально.

«Благослови тебя бог, братик.» По крайней мере, Майлз понимает, что значит балансировать на лезвии ножа.

Оба поглядели на девочку-Дюрону. Она поежилась под весом двойного ожидания, тряхнула волосами и нашла наконец слова. — Когда я впервые тебя увидела, ты мне не очень-то понравился, — сказала она Марку.

«Когда ты меня впервые увидела, я сам себе не очень нравился.» — Да? — подбодрил ее Марк.

— Я и сейчас считаю, что ты смешно выглядишь. Даже смешнее, чем другой, — она кивнула на невозмутимо улыбавшегося Майлза. — Но… Но… — Ей не хватило слов. Осторожно и нерешительно, точно дикая птичка к кормушке, она отважилась к нему приблизиться, склонилась и поцеловала в распухшую щеку. И, как птичка, упорхнула.

Майлз хмыкнул, глядя, как она спускается в лифтовую шахту. — А я надеялся на чуть более восторженное проявление благодарности.

— Ты еще поймешь, — спокойно ответил Марк, потрогал щеку и улыбнулся.

— Если считаешь это неблагодарностью, пообщайся с СБ, — мрачно посоветовал Майлз. — «И *сколько* оборудования вы потеряли?»

Марк приподнял бровь. — Цитата из Иллиана?

— О, так ты с ним уже встречался?

— О да.

— Жалко, меня там не было.

— И мне жалко, что тебя там не было, — искренне признался Марк. — Он был… язвителен.

— Готов поклясться. По части язвительности он, по-моему, самый большой специалист — за исключением моей матери, когда та выходит из себя, но это, благодарение богу, случается не слишком часто.

— Тогда тебе стоило бы посмотреть, как она его изничтожила, — сказал Марк. — Столкновение титанов. По-моему, тебе бы понравилось. Мне — понравилось.

— Да ну? Похоже, нам много о чем есть поговорить…

В первый раз, понял Марк. Его охватил душевный подъем. К несчастью, поднялось в этот момент не только настроение — в этот момент на лифте поднялся человек, вынудивший их прервать разговор. Мужчина в ливрее Дома Фелл заглянул через хромированные перила, увидел Марка и козырнул его. — Курьерская доставка человеку по имени Марк, — объявил он.

— Марк — это я.

Курьер подошел к нему, быстро провел мимо лица сканером для подтверждения личности, открыл прикованный к запястью цепочкой тонкий портфель и отдал в руки Марку карточку в конверте без всяких надписей. — Барон Фелл шлет вам свои наилучшие пожелания и надеется, что это поможет вам проделать ваш путь быстрее.

Кредитная карта. Ага! А с ней весьма толстый намек. — Мои наилучшие пожелания барону Феллу и… и… что мы хотим сказать барону, Майлз?

— Полагаю, я бы сжал это до «спасибо», — посоветовал Майлз. — По крайней мере, пока мы не окажется далеко-далеко.

— Передайте ему мое спасибо, — распорядился Марк курьеру. Тот кивнул и покинул комнату тем же путем, как и вошел.

Марк глянул на стоящий в углу комнаты комм-пульт Лилии. Далековато до него идти. Он показал пальцем: — Майлз, не мог бы ты, гм, принести мне дистанционный считыватель от того комм-пульта?

— Конечно. — Майлз взял плоскую коробку и вручил ему.

— Предсказываю, — заявил Марк, помахивая кредиткой, — что меня обсчитают — серьезно, но не настолько сильно, чтобы я рискнул вернуться к Феллу и начать ругаться. — Он вставил карту в паз и улыбнулся. — Точно!

— Сколько ты получил? — спросил Майлз, вытягивая шею.

— Ну, это очень личный вопрос, — Майлз виновато вжал голову в плечи. — Давай меняться. Ты спал с твоей Дюроной-врачом?

Майлз прикусил губу, любопытство явно в нем боролось с джентльменскими манерами. Марк с интересом наблюдал, что же выйдет. Лично он поставил бы на любопытство.

Майлз сделал глубокий вдох. — Да, — признался он наконец.

«Я так и думал». Удачу они с Майлзом, похоже, поделили ровно пополам: Майлзу везение, ему все остальное. Но не на сей раз. — Два миллиона.

Майлз присвистнул. — Два миллиона имперских марок? Впечатляет.

— Нет-нет. Два миллиона бетанских долларов. Что-то около восьми миллионов марок, верно? Или ближе к десяти. Наверное, зависит от обменного курса. Конечно, даже близко не подходит к десяти процентам стоимости Дома Риоваль. Скорее похоже на два процента, — высчитывал Марк вслух. Наслаждаясь редкой и исключительной картиной: Майлз Форкосиган, лишившийся дара речи.

— И что ты собираешься со всем этим делать? — прошептал Майлз по прошествии целой минуты.

— Вкладывать, — энергично заявил Марк. — Экономика Барраяра расширяется, верно? — Он помолчал. — Хотя сперва я собираюсь отдать один миллион СБ за их услуги в течение последних четырех месяцев.

— Никто не *платит* СБ!

— А почему бы нет? Например, смотри: вот операции твоих наемников. Разве не предполагается, что они должны быть рентабельными? Дендарийский флот может стать для СБ настоящей дойной коровой, если верно им управлять.

— Свою прибыль Барраяр получает в виде политических последствий, — твердо заявил Майлз. — Хотя… если ты и правда это сделаешь, я хочу присутствовать. Поглядеть, что за выражение будет на физиономии Иллиана.

— Будешь хорошо себя вести, разрешу тебе пойти со мною. О, я действительно собираюсь так поступить. Есть долги, которые я никогда не смогу отдать, — он подумал о Филиппи и остальных. — Но во имя этих долгов я намереваюсь заплатить по тем счетам, по каким могу. Хотя будь уверен, все сверх того я оставлю себе. Лет за шесть я смогу эту сумму удвоить и вернуться к тому, с чего начал. Или к большему. Гораздо легче сделать два миллиона из одного миллиона, чем две монеты из одной, если я верно понимаю правила игры. Я научусь и выдержу экзамен.

Майлз уставился на него, не сводя глаз. — Да уж, не сомневаюсь.

— Ты хоть имеешь понятие, в каком я был отчаянии, когда затевал этот налет? И как был перепуган? Я намерен приобрести ценность, которую больше никто не сможет игнорировать, даже если она будет измеряться лишь деньгами. Деньги — такая разновидность власти, которая может быть практически у любого. И не нужно иметь приставки «Фор» перед фамилией. — Он слабо улыбнулся. — Может, какое-то время спустя я заведу собственную квартирку. Как Айвен. В конце концов, смешно станет выглядеть, если я по-прежнему буду жить с родителями, когда мне, скажем, стукнет двадцать восемь.

И, наверное, хватит подкалывать Майлза на сегодня. Майлз продемонстрировал, что он жизнь готов положить за своего брата, однако при этом он явно склонен воспринимать людей вокруг себя как продолжение собственной личности.

Я не придаток к тебе. Я твой брат. Да. И Марк вполне уверенно представлял, что теперь они оба сумеют за этом следить. Он осел в кресле, усталый, но счастливый.

— По-моему, — сообщил Майлз, все еще здорово ошарашенный, — ты первый Форкосиган за пять поколений, получивший прибыль в рискованном предприятии. Добро пожаловать в семью.

Марк кивнул. Какое-то время оба молчали.

— Это не решение вопроса, — вздохнул наконец Марк. Кивком он обозначил все вокруг — и клинику Группы Дюрона, и, косвенно, Единение Джексона в целом. — Такое спасение клонов кусочками. Даже если я сокрушу Васу Луиджи полностью, кто-то другой просто продолжит дело с того места, на котором его бросил Дом Бхарапутра.

— Да, — согласился Майлз. — Настоящее решение должно быть медико-техническим. Должен появиться кто-то с лучшим и более безопасным способом продления жизни. И я верю, что этот кто-то появится. Должно быть, над этой проблемой работает множество людей в сотне разных мест. Техника пересадки мозга слишком рискованна, чтобы выдержать конкуренцию. И скоро, в один прекрасный день, ей придет конец.

— Я… в медицинской и технической области у меня никаких талантов нет, — признался Марк. — А тем временем мясники продолжают свое дело. И я должен подобраться к этой проблеме с другой стороны, пока еще не пришел тот самый прекрасный день. Хоть как-то.

— Но не сегодня, — твердо заявил Майлз.

— Не сегодня. — Марк увидел в окно, как на стоянку опускается пассажирский катер. Нет, это не катер дендарийцев вернулся. Он кивнул: — Это случайно не наш транспорт?

— Надеюсь, что да, — ответил Майлз, подходя к окну и глядя вниз. — Да.

А потом больше времени не было. Воспользовавшись тем, что Майлз отправился проверять катер и видеть его не мог, Марк собрал полдюжины Дюрон, и те помогли вытащить его распухшее, скорченное, наполовину парализованное тело из кресла Лилии и уложить на плавучую платформу. Скрюченные руки неудержимо тряслись, пока Лилия, поджав губы, не сделала ему еще один укол чего-то чудесного. Он был полностью доволен, что его несут в горизонтальном положении. Сломанная ступня была вполне общественно приемлемой причиной его невозможности передвигаться самому. И с демонстративно поднятой на растяжке ногой он выглядел очень даже инвалидом: это поможет уговорить парней из СБ отнести его на койку, когда они прибудут наверх.

Впервые в жизни он ехал домой.

Глава 32

Майлз гляделся в старинное зеркало, висящее в фойе перед библиотекой в особняке Форкосиганов. Оно попало в семью как часть приданого матери генерала Петра; его богато изукрашенная резным узором рама вышла из рук кого-то из слуг Дома Форратьеров. Майлз был один, никто за ним не наблюдал. Он подошел поближе к зеркалу и с беспокойством принялся разглядывать собственное отражение.

Алый китель дворцовой красно-синей формы и в лучшие времена не особо выгодно подчеркивал его излишнюю бледность. Майлз предпочитал строгую элегантность парадного зеленого мундира. Твердый от золотого шитья высокий воротник, к сожалению, был недостаточно высок, чтобы скрыть парные красные шрамы по обеим сторонам шеи. Со временем следы разрезов побледнеют и исчезнут, но пока что они просто приковывают взгляд. Он подумал, как бы ему объяснить эти отметины. *«Дуэльные шрамы. Я тогда проиграл.»* А, может, «*любовница укусила»?* Ближе к истине. Он провел по рубцам пальцем, повертел головой из стороны в сторону. В отличие от жуткого воспоминания об иглогранате, их происхождения он не помнил. И это беспокоило его куда больше, чем видения смерти: с ним могли случиться столь значимые вещи, а он их не помнит — не в состоянии вспомнить.

Ну, общеизвестно, что у него были проблемы со здоровьем, а шрамы достаточно аккуратны, чтобы сойти за хирургические. Может, комментариев и не последует. Он сделал шаг назад, чтобы полюбоваться на себя целиком. Форма по-прежнему скорее висела на нем, несмотря на то, что последние пару недель мать постоянно предпринимала мужественные попытки заставлять его есть побольше. В конце концов она переложила эту задачу на Марка, словно уступая человеку с б Ольшим опытом. Марк, радостно ухмыльнувшись, принялся беспощадно изводить Майлза. И такая забота сработала. Майлз почувствовал себя лучше. Крепче.

Бал в Зимнепраздник — вполне светское действо, без обязательных военных или правительственных мероприятий, так что двойные парадные клинки он может оставить дома. Айвен свои нацепит, но у Айвена хватает росту, чтобы их носить. А при росте Майлза длинный клинок смотрится совсем по-дурацки, чуть ли ни по земле волочится, не говоря уж о том, что сам об него спотыкаешься, а свою партнершу по танцам ударяешь по лодыжкам.

Из-под арки прозвучали шаги; Майлз быстро обернулся, облокотился на ручку кресла и упер каблук сапога в стену, притворяясь, что не обращает внимания на нарциссическую привлекательность собственного отражения.

— А, вот ты где. — Марк забрел к нему, задержался перед зеркалом, коротко себя оглядел и повертелся, проверяя, как сидит костюм. Разумеется, сидел он превосходно. Марк раздобыл имя императорского портного — секрет, бдительно хранимый СБ, — с помощью простейшей уловки: позвонил Грегору и спросил у него самого. Прямой, свободный покрой пиджака и брюк был вызывающе штатским, но каким-то уж очень четким. Цвета были, в общем, выбраны в честь Зимнепраздника: темно-зеленый — настолько темный, что казался почти черным — был оторочен темно-красным — настолько темным, что выглядел почти черным. Эффект был наполовину праздничным, наполовину зловещим: эдакая маленькая, жизнерадостная бомба.

Майлз вспомнил то давнее мгновение во флаере Вербы, когда ненадолго уверился себя, что он — Марк. Как это было ужасно, как жутко одиноко. Память об этом безутешном одиночестве заставила его вздрогнуть. *«Что, он так все время себя чувствует?»*

«Ну, больше нет. У меня есть что сказать на эту тему.»

— Неплохо выглядит, — заметил Майлз.

— Ага. — Марк ухмыльнулся. — И ты сам не так уж плох. Меньше походишь на труп.

— Ты тоже приходишь в норму. Потихоньку. — Да, и правда. Какие бы ужасы ни устроил Марку Риоваль, но самые пугающие уродства, те, о которых Марк решительно отказывался говорить, постепенно прошли. Хотя изрядная прибавка в массе осталась. — И на каком весе ты наконец остановишь свой выбор? — с любопытством спросил Майлз.

— Ты его видишь. А то стал бы я вкладывать в гардероб целое состояние!

— Хм. А тебе удобно? — спросил Майлз, сам такого удобства не испытывая.

Марк сверкнул глазами. — О да, спасибо. Мысль, что даже одноглазый снайпер с дистанции двух километров в полночную грозу *никак* не может перепутать меня с тобой, заставляет меня испытывать несомненное удобство.

— О-о. Ладно. Ну, думаю, так и есть.

— Продолжай упражнять мозги, — сердечно посоветовал ему Марк. — Это тебе

полезно. — Он сел, откинувшись на спинку, и задрал ноги.

— Марк? — позвал из вестибюля голос графини. — Майлз?

— Тут, — отозвался Майлз.

— А-а. — Графиня свернула в фойе. — Вы оба тут. — Она улыбнулась обоим с глубоким материнским торжеством и очень довольным видом. Майлз невольно ощутил тепло, словно внутри растаял наконец и потек водой оставшийся от криозаморозки ледяной осколок. На графине было новое платье, еще богаче украшенное, чем обычно: зеленое с серебром, с защипами, гофрировкой и шлейфом, подчеркивающее богатую фактуру ткани. Хотя даже платье не делало ее чопорной и строгой — не смело. Графиню наряды не пугали. Скорее наоборот. А глаза ее своим блеском затмевали серебряное шитье.

— Отец нас ждет? — спросил Майлз.

— Спустится вниз через минуту. Я настояла, что мы уедем точно в полночь. Вы двое, конечно, можете остаться и дольше, если захотите. Я знаю заранее: он переутомится, доказывая всем шакалам, что он слишком крепок, чтобы они могли на него броситься — даже если шакалов поблизости не кружит. Условный рефлекс всей жизни. Попробуй привлечь его внимание к Округу, Майлз. А то бедный премьер-министр Ракоци с ума сойдет, чувствуя, что Эйрел глядит ему через плечо. Надо бы нам после Зимнепраздника переехать из столицы в Хассадар.

Майлз, имевший весьма ясное представление о том, сколько времени занимает заживление после операции на грудной клетке, ответил: — Думаю, ты сможешь его урезонить.

— Добавь на чашу весов и свой голос. Я знаю, что тебя он одурачить не сможет, и он это тоже знает. Э-э… а с медицинской точки зрения, чего мне ожидать нынче вечером?

— Он протанцует два танца: один — чтобы доказать, что может, а второй — чтобы доказать, что первый раз не был случайностью. А потом ты безо всяких проблем уговоришь его присесть, — уверенно предсказал Майлз. — Давай, изображай курицу-наседку, а он притворится, что остановился, чтобы сделать тебе приятно, а не потому, что вот-вот упадет. Мне тут показалось, что Хассадар — хороший план.

— Да. Барраяр просто не знает, что делать с правителями в отставке. По традиции они весьма любезно отправляются в мир иной, а не болтаются поблизости, комментируя работу своих преемников. Эйрел в чем-то первый. Хотя у Грегора есть куда более устрашающая идея.

— Да?

— Он что-то бормочет насчет поста вице-короля на Сергияре, когда Эйрел полностью поправится. Похоже, нынешний вице-король умоляет о возвращении домой, просто слезно просится. А более неблагодарной работы, чем у губернатора колонии, мне вообразить трудно. Честный человек должен землю рыть, пытаясь разрешить конфликт потребностей: сверху давит правительство материнской планеты, снизу — колонисты. Я была бы крайне признательна за любые твои усилия по развенчанию иллюзий Грегора на сей счет.

— О, не знаю, — Майлз задумчиво приподнял брови. — Я хочу сказать… как план отступления. Целая планета, чтобы играть с ней. Сергияр. Разве это не ты ее открыла, когда еще была капитаном Бетанского Астроэкспедиционного корпуса?

— Естественно. Не опереди нас барраярская военная экспедиция, Сергияр был бы сейчас дочерней колонией Беты. И куда лучше управлялся бы, поверь мне. Там действительно кому-то нужно взять дело в свои руки. Одни только экологические проблемы просто вопиют о нехватке данных… ну, например, эта эпидемия червя. Немного предусмотрительности в бетанском стиле было бы… ну, ладно. По-моему, в конце концов они с нею разобрались.

Майлз с Марком переглянулись. Это не было телепатией. «Эйрел Форкосиган, возможно, не единственный стареющий и супер-энергичный специалист, которого Грегор был бы счастлив сплавить из столицы», — такая мысль в это мгновение, безусловно, посетила обоих.

Марк нахмурил брови. — А как скоро это может случиться, мэм?

— О, как минимум — не раньше, чем через год.

— А! — Марк просветлел.

В арку двери просунул голову оруженосец Пим. — Готовы, миледи, — доложил он.

Всей толпой они вышли в вымощенный черно-белой плиткой вестибюль и у подножья изгибающейся спиралью лестницы обнаружили графа. Он с удовольствием глядел, как они предстали перед ним. За время своих медицинских злоключений граф тоже похудел, но в красно-синем мундире он смотрелся лишь более подтянутым. Форму и парные клинки он носил с бессознательной легкостью. Через три часа он выдохнется, подумал Майлз, но к тому времени успеет произвести устойчивое первое впечатление на многочисленных наблюдателей. Это его первый официальный выход в свет после пересадки сердца. Цвет лица — превосходный, взгляд — бритвенно-острый, как всегда. Но в шевелюре больше не осталось темных волос. А если не считать этого, можно и вправду подумать, что он будет жить вечно.

Вот только Майлз так больше не думал. Задним числом вся эта история с сердечной болезнью перепугала его до чертиков. Самым страшным было не то, что однажды отец умрет, и, наверное, раньше него самого — это был естественный порядок вещей, и ради графа Майлз не желал бы, чтобы случилось по-другому, — но то, что Майлза может в этот момент не оказаться рядом. Когда он будет нужен. Скажем, он может гулять где-то с дендарийскими наемниками, и еще много недель не узнает об этом. *Опоздает.*

Поскольку оба были при мундире, сын-лейтенант откозырял отцу-адмиралу с привычной долей иронии, которая сопровождала их взаимное воинское приветствие. Майлзу больше хотелось его обнять, но это выглядело бы странно.

«К черту, как все выглядит!» Он шагнул вперед и крепко обнял отца.

— Эй, парень, эй, — отозвался граф, удивленный и довольный. — Не так все и плохо, правда. — Он обнял Майлза в ответ. Потом граф снова выпрямился и оглядел всех: свою элегантную жену и обоих — теперь обоих — сыновей. Улыбаясь так самодовольно, как может только обладатель богатства, он развел руки, точно обнимая всех троих, мимолетно и чуть ли не застенчиво. — Итак, мы, Форкосиганы, готовы брать штурмом Бал Зимнепраздника, а? Дорогая капитан, предвижу, что тебе будут сдаваться целыми толпами. Как твоя нога, Марк?

Марк выставил вперед правый ботинок и покрутил им. — Готова к тому, чтобы быть оттоптанной любой фор-девицей весом до ста килограммов, сэр. Там внутри в носках ботинок стальные прокладки, — добавил он в сторону, Майлзу. — Я не полагаюсь на случай.

Графиня оперлась на руку мужа. — Веди нас, дорогой. Форкосиганы Победоносные.

«Форкосиганы выздоравливающие, на это больше похоже», — подумал Майлз, следуя за ними. — «Но стоит посмотреть, как в результате выглядит парни с противной стороны.»

* * *

Майлз не удивился, когда буквально первым, кого встретила на входе в Императорский дворец компания Форкосиганов, оказался Саймон Иллиан. Тот был одет как обычно в соответствии со своими обязанностями: парадный красно-синий мундиром скрывал множество комм-линков.

— А, сегодня вечером он здесь лично, — пробормотал граф, углядев на другой стороне вестибюля давнишнего шефа своей Службы Безопасности. — Значит, нигде крупных заварух быть не должно. Отлично.

Блестящую от снега верхнюю одежду они сдали на руки дворцовой прислуге. Майлз дрожал. Он решил, что это последнее приключение сдвинуло его расписание. Обычно на время зимы в столице он ухитрялся устроить себе задание за пределами планеты. Иллиан кивнул и подошел к ним.

— Добрый вечер, Саймон, — сказал граф.

— Добрый вечер, сэр. Сегодня вечером все тихо и спокойно.

— Прекрасно. — Граф приподнял бровь, слегка забавляясь. — Уверен, премьер-министр Ракоци будет счастлив это слышать.

Иллиан открыл было рот — и захлопнул. — Хм. Привычка, — в замешательстве проговорил он. И уставился на графа Форкосигана с выражением чуть ли не досады. Словно он знал лишь один способ обратиться к человеку, который тридцать лет был его командиром, — отдать рапорт; но адмирал граф Форкосиган рапортов больше не принимал. — Странное чувство, — признался он.

— Свыкнешься, Саймон, — заверила его графиня Форкосиган. И решительно отбуксировала своего мужа прочь с орбиты Иллиана. Граф попрощался с ним полу-салютом, вторя словам графини.

Тогда взгляд Иллиана упал на Майлза с Марком. — Хм, — произнес он тоном человека, которому на лошадиной ярмарке только что достался не лучший, а лишь второй экземпляр.

Майлз подтянулся и выпрямился. Медики СБ дали ему добро на возвращение к действительной службе через два месяца, когда он пройдет окончательное физическое обследование. Он не дал себе труда упомянуть перед ними свою небольшую проблему с конвульсиями. Может, первый приступ был просто эффектом идиосинкразии на фаст-пенту. Конечно; а второй и третий — галлюцинации от препаратов…

Но больше после этого у него припадков не было. Майлз неуверенно улыбнулся, стараясь выглядеть пышущим здоровьем. Иллиан, глядя на него, лишь покачал головой.

— Добрый вечер, сэр, — это уже Марк приветствовал Иллиана. — СБ сумела доставить клонам мои подарки к Зимнепразднику, все в порядке?

Иллиан кивнул. — Пятьсот марок каждому, адресованные персонально и вовремя; да, милорд.

— Отлично. — Марк улыбнулся той остро отточенной улыбкой, после которой люди обычно спрашивали себя: о чем же он на самом деле думает? Клоны были предлогом, под которым Марк, как и обещал, выдал Иллиану для передачи СБ миллион бетанских долларов. Деньги были положены на депозит и использовались на нужды клонов, в том числе и на оплату места в привилегированной школе. Иллиан был тогда так потрясен, что ушел с видом механической куклы, а Майлз наблюдал за этим эффектом, как зачарованный. К тому времени, как клоны закончат школу, миллион как раз истратится — это Марк подсчитал. Но подарки к Зимнепразднику были личными и оплачивались отдельно.

Марк не спросил, как же были приняты подарки, хотя Майлз и умирал от желания узнать; вместо этого он отошел с очередным вежливым кивком, словно Иллиан был клерком, с которым он только что завершил незначительное дело. Майлз откозырял и поспешил вдогонку. Марк боролся с усмешкой до ушей и в конце концов совершенно по-дурацки улыбнулся.

— Все это время, — доверительно, вполголоса сказал Майлзу Марк, — я переживал из-за того, что никогда не получал подарков. И мне даже в голову не приходило переживать из-за того, что я никому их ни разу не *дарил* . Знаешь, Зимнепраздник — это совершенно очаровательно. — Он вздохнул. — Жаль, я не знаю этих ребятишек-клонов достаточно хорошо, чтобы выбрать каждому подходящий подарок. Но хоть так они получат подарок по собственному вкусу. Все равно что вручить им два подарка в одном. И как это вы, ребята, дарите что-то тому же Грегору?

— Мы следуем традиции. Двести литров кленового сиропа с Дендарийских гор, ежегодно доставляемых к его двору. Вот и вся забота. Если думаешь, что это с Грегором тут проблемы, подумай-ка насчет нашего отца. Все равно что делать подарок на Зимнепраздник самому Деду Морозу.

— Да, я уже ломал над эти голову…

— Иногда невозможно отдариться. Приходится просто дарить дальше. А ты, э-э…

подписал конверты с кредитными карточками для клонов?

— Вроде того. Если честно, я подписался «Дед Мороз». — Марк прочистил горло. — В этом и смысл Зимнепраздника, верно? Научить тебя… делать подарки. Дед Мороз — это последняя инстанция, так?

— Думаю, так.

— Я так и понял, — Марк решительно кивнул.

Они вместе поднялись по лестнице в зал приемов и взяли по бокалу. Майлз с удовольствием заметил, что они привлекли массу внимания и взглядов украдкой от собравшихся здесь сливок форского общества. «О, Барраяр! Как мы тебя, удивили?»

«Он-то меня точно удивил».

Марк в качестве брата — это будет весьма забавно. «Союзник, наконец-то! Ну, я так думаю…» Интересно, сможет ли Майлз когда-нибудь заставить Марка полюбить Барраяр так, как любит его сам? Мысль эта странным образом заставила его занервничать. Лучше не слишком любить этот мир. Барраяр может быть смертносен, если относиться к нему, как относишься к женщине. А еще… это вызов. Вызовов тут достаточно, и никакого искусственного дефицита.

Майлзу нужно быть очень осторожным, чтобы не дать Марку повода принять его поступки за попытку верховодить. Яростная аллергия Марка при малейшем намеке на контроль вполне понятна, но поэтому наставлять его — задача деликатная.

Лучше не выкладывайся изо всех сил, старший братец. Ты знаешь, что теперь твои силы не безграничны. Он провел ладонью по яркой ткани форменного кителя, точно и трезво понимая, что значит это «не безграничны». И все же для учителя наивысшая победа — если его побьет ученик. *Милый парадокс. Я никак не могу проиграть.*

Майлз ухмыльнулся. *Ага, Марк. Догони меня, если сможешь. Если сможешь.*

— А-а, — Марк кивнул в сторону мужчины на противоположной стороне зала, одетого в винно-красный мундир графского Дома. — Вон там — это не лорд Форсмит, промышленник?

— Да, он.

— Я был бы счастлив с ним поговорить. Ты с ним знаком? Можешь меня представить?

— Конечно. Думаешь об очередных инвестициях, да?

— Да, я решил их разнообразить. Две трети в барраярские предприятия, одну треть — в галактические.

— Галактические?

— Я кое-что вкладываю в эскобарскую медицинскую технологию, если тебе надо это знать.

— Лилия?

— Угу. Ей нужен стартовый капитал. Я собираюсь быть пассивным компаньоном с неограниченной ответственностью. — Марк помедлил, колеблясь. — Решение должно быть медицинским, ты это знаешь. И… хочешь поспорить, что она вернет эти деньги с прибылью?

— Не-а. И, если по правде, я был поосторожничал спорить с тобой о чем-либо.

Марк улыбнулся самой отточенной из своих улыбок. — Отлично. Ты тоже учишься.

Майлз провел Марка вдоль комнаты и представил его, как тот и просил. Форсмит был счастлив найти *здесь* кого-нибудь, кому действительно хочется поговорить с ним о работе; скучающее выражение испарилось с его лица при первом же пробном вопросе Марка. Майлз махнул рукой, выпуская Марка на свободу. Форсмит экспансивно жестикулировал. Марк слушал так, словно у него в голове жужжало звукозаписывающее устройство. На том Майлз их и оставил.

Он высмотрел в зале Делию Куделку и направился к ней, чтобы затребовать один из танцев попозже и, возможно, перебежать дорогу Айвену. Если повезет, то она заодно даст ему шанс опробовать эту реплику насчет дуэльных шрамов.

Глава 33

Беседа о том, какие сектора экономики Барраяра развиваются быстрее всего, оказалась в высшей степени захватывающей, но тут Форсмита затребовала для представительских целей супруга и утащила его прочь из той оконной ниши, где они с Марком устроились. Форсмит неохотно расстался с Марком, пообещав ему прислать кое-какие проспекты. Марк огляделся в поисках Майлза. Он понимал, что граф — не единственный Форкосиган, которому нынче вечером грозит опасность перенапрячься в попытках доказать любопытствующим, что он совершенно здоров.

Марк стал для Майлза доверенным лицом, помогая тому проверять себя в тех вопросах, которыми он не хотел делиться с СБшным начальством: Майлз перешерстил всю свою базу знаний, от Уставов Службы до пятимерной математики. Марк подшутил над этим лишь раз, прежде чем понял, какой глубокий ужас движет Майлзом в этих навязчивых самопроверках. Особенно когда они находили то один, то другой провал в его памяти. Марка ужасно обеспокоила в старшем брате эта новая нерешительность, отчаянная неуверенность в себе. Он надеялся, что к Майлзу вскоре вернется его несносная самоуверенность. Снова эта странная взаимодополняемость: у Майлза есть нечто, что он хочет вспомнить и не может, а сам Марк, наоборот, желает кое-что забыть. Но не может.

Надо бы поощрять Майлза устраивать для него побольше экскурсий. Майлз наслаждается ролью эксперта, это автоматически ставит его в главенствующее положение, к которому Майлз так пристрастился. Ага, позволим ему еще немножко развернуть свое надутое «эго». Теперь Марк может себе это позволить. Побегать за этим лакомым кусочком он заставит Майлза в другой раз, когда тот снова придет в форму. А сейчас это неспортивно.

Наконец, забравшись на стул и вытянув шею, Марк высмотрел брата: тот как раз покидал зал приемов в компании блондинки в синем бархате — Делии Куделки, самой высокой из сестер Карин. *Они тут. О боже.* Он слез со стула и спешно отправился на поиски графини. Наконец в холле на третьем этаже он настиг ее, болтающую с какими-то немолодыми женщинами — явно со своими подругами. Стоило ей взглянуть на его тревожную улыбку, она тут же откланялась и уединилась с ним в укромном уголке застеленного коврами коридора.

— У тебя проблемы, Марк? — спросила она, сев на диванчик и расправляя пышные юбки. Марк робко примостился с другого краю.

— Не знаю. Куделки здесь. Я еще на императорском Дне Рождения обещал Карин танец, если буду в Зимнепраздник дома. И… я тогда просил ее поговорить с вами. Обо мне. Она это сделала?

— Да.

— И что вы ей сказали?

— Ну, это была долгая беседа…

«О, ч-черт!»

— Но суть была в том, что я считаю тебя умным молодым человеком, на долю которого пришелся некий весьма неприятный жизненный опыт, но если удастся уговорить тебя употребить свой ум на решение собственных проблем, то я поддержу твое ухаживание.

— Бетанская терапия?

— Что-то вроде.

— Я уже думал про бетанскую терапию. Много думал. Но меня пугает, что записи моего врача в конце концов окажутся в докладе какого-то СБшного аналитика. Я не хочу делать из себя чертово шоу.

«Снова».

— *Я* могу кое в чем с этим помочь.

— Можете? — Он поднял взгляд, вздрогнув от надежды. — Даже несмотря на то, что вы сами этих отчетов не увидите?

— Да.

— Я… был бы вам признателен, мэм.

— Считай это обещанием. Слово Форкосигана.

«Приемного» Форкосигана — даже в большей степени, чем он сам. Но в ее слове он не сомневался. *«Мама, с тобою все кажется возможным.»*

— Я не знаю, что за подробности вы рассказали Карин…

— Очень немного. В конце концов, ей всего восемнадцать. Она только-только справилась с собственным взрослением. Более, гм, продвинутые материи могут и подождать, я так рассудила. Сперва ей нужно пройти обучение, и лишь потом принимать на себя долгосрочные обязательства, — подчеркнула она.

— А-а. Гм. — Он не был уверен, испытал ли он от сказанного облегчение. — И вообще, все устарело. С тех пор я обзавелся… новым набором проблем. Еще худших.

— Я этого не чувствую, Марк. На мой взгляд, с тех пор, как вы с Майлзом вернулись с Единения Джексона, ты выглядишь гораздо более собранным и менее напряженным. Даже несмотря на то, что ты не желаешь об этом говорить.

— Я не жалею о том, что узнал себя самого, мэм. Я даже не жалею о том… что *я — это я* . — *«Я и моя черная команда».* — Но мне жаль… что между мною и Карин такая дистанция. Я знаю, что я вроде как чудовище. А в пьесе Калибан не женится на дочери Просперо. Насколько я помню, его затоптали за одну только попытку. — Да, как сумел бы он объяснить своих Обжору, Пыхтуна, Реву и Убийцу кому-нибудь вроде Карин, не перепугав ее и не вызвав отвращения? Как он мог бы просить ее утолить его ненормальные аппетиты, даже в фантазии или игре? Безнадежно. Лучше и не пытаться.

Графиня криво улыбнулась. — В твоей аналогии есть кое-что неправильное, Марк. Во-первых, могу гарантировать тебе: ты не недочеловек, что бы ты о себе не думал. А Карин — не высшее существо. Хотя если настаиваешь на том, чтобы относиться к ней как к награде, а не как к личности, то могу вдобавок гарантировать: ты сам навлечешь на свою голову другого рода неприятности. — Чуть приподняв брови, она подчеркнула эту мысль. — И добавлю, я благословлю твое ухаживание лишь при условии, что у Карин во время обучения в будущем году на Колонии Бета будет возможность пройти дополнительный курс. Я считаю, что немного бетанского образования в глубоко личных вопросах позволит ее восприятию расшириться достаточно, и она сможет принять некоторые, гм, сложности, не подавившись. Восемнадцатилетней просто негде приобрести на Барраяре определенную либеральность взглядов.

— А-а. — Ему никогда не приходила в голову подобная идея: взяться за эту проблему со стороны Карин. А это… имеет смысл, да еще какой. — Я… сам думал поучиться на Колонии Бета в будущем году. Какое-нибудь галактическое образование будет неплохо смотреться в моем резюме, когда я стану претендовать на одну работу, о которой сейчас думаю. Не хочу полагаться на одну только протекцию. Графиня удивленно склонила голову. — Отлично. Похоже, у тебя есть четкая последовательность далеко идущих планов, скоординированных так, чтобы достичь твоих целей. Тебе нужно всего лишь претворить их в жизнь. Полностью одобряю.

— Далеко идущих. Но… сегодняшний вечер — это сегодня.

— А что ты планируешь на сегодняшний вечер, Марк?

— Танцевать с Карин.

— Не вижу проблем. Танцевать тебе разрешено. Кем бы ты ни был. Это не пьеса, Марк, а у старика Просперо много дочерей. И у одной из них даже может быть низменный вкус к подозрительным типам.

— Насколько низменный?

— О… — Графиня протянула руку примерно на уровень роста Марка, если бы тот стоял. — По меньшей мере настолько. Иди потанцуй с девушкой, Марк. Она считает тебя интересным. Мать-природа дает молодым людям романтику вместо осмотрительности, чтобы увеличивался род людской. И с помощью этой уловки… она заставляет нас расти.

Пройти через весь бальный зал Дворца и поздороваться с Карин Куделкой оказалось самым страшным, что Марк когда-нибудь делал по доброй воле — не исключая и первую

высадку дендарийцев на Единение Джексона. Когда он отрешился от этого сходства, дела пошли на лад.

— Лорд Марк! — радостно выпалила она. — Мне сказали, что вы здесь.

Ты *спрашивала* об этом? — Я пришел, чтобы выкупить у вас мое слово и мой танец, миледи. — Он ухитрился изобразить форский поклон.

— Отлично. Вовремя. Я оставила за собой все танцы отражений и рилы.

Все простые танцы, с которыми он предположительно мог бы справиться. — На прошлой неделе я заставил Майлза разучить со мною па менуэта Мазепы, — с надеждой добавил он.

— Прекрасно. Ой, музыка начинается… — И она вытащила его на инкрустированный паркет.

На Карин было темно-зеленое с красной отделкой и воланами платье, так оттеняющее ее пепельно-русые кудряшки. Марк, охваченный какой-то явной паранойей, задумался: не нарочно ли ее наряд так подходит по цвету к его собственному? Разумеется, это может быть и случайным совпадением. *Как?..* Мой портной — моя мать — ее мать — она… Черт, любой аналитик СБ должен быть в состоянии вычислить, по каким путям двигалась информация.

У Пыхтуна, увы, обнаружилась отвлекающая и тревожная склонность мысленно раздевать Карин, и даже хуже. Но нынче вечером у Пыхтуна не будет права голоса. *Это дело лорда Марка. И на сей раз он не провалит дела.* Пыхтун может таиться там внутри и хоть паром исходить. Лорд Марк найдет применение для своей власти. И начнет с того, что выдержит ритм. Даже в танце — менуэт Мазепы, так уж получилось, — где два партнера касаются друг друга, держа руку или запястье другого, двигаясь практически по единому образцу. «Все истинное богатство — биологическое», так сказал граф. Марк наконец понял, что именно тот имел в виду. За все свои миллионы бетанских долларов он не мог бы купить этот свет в глазах Карин. Хотя деньги лишними не будут… откуда, с Земли или с другой планеты, эта птица, которая строит великолепное гнездо, чтобы привлечь самочку?

Танец отражений был в разгаре. — Итак, Карин… вы — девушка. У меня, гм, вышел один спор с Айвеном. По-вашему, что самое привлекательное из того, что может быть у мужчины? Флаер, богатство… знатность или чин? — Он понадеялся, что в его голосе прозвучал намек на исключительно научный характер этого изыскания. Ничего личного, мэм.

Она наморщила губы и наконец произнесла: — Острый ум.

Ага! И в каком магазине ты это купишь на все свои бетанские доллары, а, парень?

— Танец отражений, моя очередь, — сказала Карин. — А что самое важное из того, что может быть у женщины?

— Доверие, — не раздумывая, ответил он, а потом так задумался, что чуть не сбился с такта. Воистину, ему потребуются горы доверия. *«Так начинай воздвигать их с этого вечера, лорд Марк, старина. Таскай по ведерку за раз, если тебя это нужно.»*

После этого ему удалось рассмешить ее целых четыре раза. Он считал.

Он слишком много ел (даже Обжора исподтишка наелся), слишком много пил, слишком много болтал, натанцевался даже больше, чем слишком, и вообще чертовски хорошо проводил время. Танцы оказались некоторой неожиданностью. Карин неохотно одолжила его по очереди нескольким любопытствующим подружкам. Он решил, что интересен им лишь как новинка сезона, но он привередничать был не склонен. К двум часам ночи он возбудился до того, что начал заговариваться, и к тому же стал прихрамывать. Лучше самому заявить, что уходишь, пока Рева не выбрался и не взял контроль над тем, что от него осталось. Да и Майлз последний час тихо сидит в уголке с нетипично вялым видом.

Стоило сказать слово одному из слуг императорского дворца, и к их услугам оказался графский лимузин с вездесущим Пимом за рулем — графа и графиню тот отвез домой раньше. Майлз с Марком забрались в заднее отделение и оба рухнули на сиденья. Пим вырулил из охраняемых ворот Дворца на зимние улицы, по-ночному тихие для столицы —

мимо проехала лишь пара-другая машин. Майлз повернул регулятор обогрева на максимум и откинулся на спинку сиденья, полузакрыв глаза.

Марк с братом были в заднем салоне одни. Марк пересчитал присутствующих. Один, два. Три, четыре, пятть, шесть, семь. Лорд Майлз Форкосиган и адмирал Нейсмит. Лорд Марк Форкосиган и Обжора, Пыхтун, Рева и Убийца.

Адмирал Нейсмит куда более *классное* творение, решил Марк с безмолвным вздохом зависти. Майлз может выводить адмирала на вечеринки, знакомить с женщинами, выставлять напоказ практически всюду, не считая собственно Барраяра. *«Думаю, моей черной команде не хватает сообразительности, зато мы берем числом…»*

Но они едины, Марк и его черная команда, вплоть до самых глубин. Нельзя отрезать ни одну из частей, не убив целое. *Итак, я просто должен буду приглядывать за вами. Как-нибудь. А вы живите там внизу, в темноте. Потому что однажды, в какой-нибудь отчаянный час, вы снова можете мне понадобиться. Вы заботились обо мне. А я позабочусь о вас.*

Интересно, подумал Марк, о чем заботился для Майлза адмирал Нейсмит? Что-то неуловимо тонкое, но важное… графиня даже говорила об этом. Что она тогда сказала? «Я не стану всерьез беспокоиться за его душевное здоровье, пока он не отрезан от маленького адмирала.» Отсюда и отчаянное стремление Майлза объявить всем, что он здоров. Его работа в СБ — это пуповина, связывающая его с адмиралом Нейсмитом.

«По-моему, я это понимаю. О, да.»

— Я хоть раз извинялся за то, что тебя из-за меня убили? — спросил Марк вслух.

— Насколько я помню, нет… Тут была не только твоя вина. Я не имел права участвовать в этой высадке. Надо было продолжить обсуждать с Васой Луиджи его предложение о выкупе. Только…

— Только что?

— Он бы тебя мне не продал. Подозреваю, что он уже тогда планировал получить с Риоваля цену повыше.

— Почти не сомневаюсь. Э-э… спасибо.

— Не уверен, что в конечном счете вышла разница, — извиняющимся тоном проговорил Майлз. — Ведь Риоваль просто предпринял еще одну попытку.

— О, нет. Разница в конце концов оказалась огромной. Больше не бывает. — Марк едва заметно улыбнулся в темноте. За прозрачным колпаком мелькали здания Форбарр-Султаны — снег, смягчая их очертания, заставлял дикую архитектурную мешанину смотреться не таким диссонансом.

— Что мы делаем завтра? — спросил Марк.

— Отсыпаемся, — пробормотал Майлз, еще глубже утопая в жестком воротнике кителя — точно паста, которая втягивается обратно в тюбик.

— А потом?

— Сезон вечеринок и балов заканчивается через три дня, с кострами Зимнепраздника. Если мои… наши родители и правда отправятся в Округ, я, наверное, буду делить свое время между Хассадаром и столицей, пока СБ не разрешит мне вернуться к работе. В Хассадаре в это время года немного теплей, чем в Форбарр-Султане, Э-э… приглашаю тебя поехать со мною, если хочешь.

— Спасибо. Приглашение принимаю.

— Чем ты планируешь заняться?

— После того, как кончится твой отпуск по болезни, я запишусь в один из ваших колледжей.

— В который?

— Если граф с графиней собираются в основном пребывать в Хассадаре, то, может, в тамошний Окружной колледж.

— Хм. Я должен тебя предупредить: там ты столкнешься с толпой сельских жителей, не то что здесь, в Форбарр-Султане. Окунешься поглубже в барраярское мышление на

старый манер.

— Отлично. Я именно этого и хочу. Мне нужно научиться справляться с подобными трудностями, никого при этом нечаянно не убивая.

— Э-э, — отозвался Майлз, — верно. Что ты собираешься изучать?

— Это почти не важно. Учеба придаст мне официальный статус — студента — и даст возможность изучать *людей* . Информацию мне может выдать и машина. А вот люди — это мое слабое место. И так много есть чему научиться. Мне нужно знать… все.

Это тоже своего рода голод, ненасытная жажда знаний. Разумеется, аналитик СБ должен владеть огромной базой данных. Люди, которых он встречал возле кофейного автомата в штаб-квартире СБ, вели друг с другом искрометные беседы на темы, пугающие своим разнообразием и глубиной. Ему придется пошевеливаться, если он хочет соревноваться с этой компанией. *И выиграть.*

Майлз рассмеялся.

— Что такого смешного?

— Я просто задал себе вопрос: а чему научится от *тебя* Хассадар?

Лимузин свернул в ворота особняка Форкосиганов и замедлил ход.

— Может, я завтра встану пораньше, — сказал Марк. — Столько всего надо сделать.

Майлз сонно ухмыльнулся, совсем растекшись в мундире.

— Добро пожаловать к началу.

С.Б. Переслегин
Некоторые комментарии безупречности планов

> *«…пусть поймет и простит меня читатель — я не пытаюсь воскресить на страницах этой книги картины отгремевших сражений. Я поведу его за собой не в заснеженную приволжскую степь, не к степным оврагам и развалинам сталинградских кварталов, переходящих из рук в руки в кровавой сумятице бесчисленных боев, а в высшие штабы, откуда осуществлялось управление войсками. Огонь битвы не опалит там его воображения, он не почувствует ледяного дыхания зимних степей, но зато с головой окунется в атмосферу, в которой обсуждались и принимались ответственные решения».*
>
> *(Э.фон Манштейн)*

Не с Лоис Буджолд все это началось и не ею закончится, но…

Серия книг Л.М.Буджолд и прежде всего дилогия «Ученик воина» и «Игра форов» в Санкт-Петербургском клубе стратегических ролевых игр читались, обсуждались, цитировались. В космических приключениях Майлза Форкосигана и его родителей мы искали «философский камень» — рецепт абсолютной военной победы.

Общая теория стратегического искусства утверждает, что в любой ситуации существует выигрышное решение. К сожалению, доказательство, как говорят математики, неконструктивно: оно не объясняет, как можно найти это решение.

> — Вы появились в локальном пространстве Тау Верде с командой из четырех человек. Четыре месяца спустя вы диктовали всем свои условия.
>
> («Игра форов»)
>
> — Вы никак не можете выиграть, — угрюмо ответил Оссер. — Вам не захватить мой флот с одним «Ариэлем».
>
> — Коли на то пошло, «Ариэль» — только трамплин.
>
> («Игра форов»)
>
> **Лоис Макмастер Буджолд**

В этой статье я хочу предложить вашему вниманию специфический взгляд на

творчество Л.М… Буджодд — взгляд военного историка.

1. Социология вселенной Л. Буджолд

Изучение военного искусства начинается с «лестницы приоритетов», в которой каждая следующая ступень опирается на предыдущую, но господствует над ней. Выше тактики стоит стратегия, затем политика и экономика. На самом верху лестницы — психология.

Параллельно существует еще одна лестница — теоретической науки. Тактические особенности позиции определяются топографией. Стратегические — физической географией. Политика государства регулируется экономической географией. Экономика напрямую завязана с историей страны. Наконец, психологические возможности населения могут быть вычислены исходя из особенностей социологии государства.

Странствуя вместе с Майлзом Форкосиганом по вселенной, построенной Л. Буджолд, мы встречаемся со многими известными на Земле социальными моделями, а иногда и с построениями, вполне оригинальными, лишь проходящими испытание в институтах и лабораториях нашей планеты (Цетагандийская империя). Характер проблем, которые приходится разрешать Майлзу, во многом определяется поведением этих социальных систем.

(Всякая социальная или политическая система, если уж она оказалась жизнеспособна, порождает собственный эгрегор — одушевленный информационный объект. Эгрегоры обладают собственным поведением и свободой воли, они развиваются в силу собственных императивов. Люди, жители страны, с одной стороны находятся под защитой своего эгрегора — отсюда всем известное ощущение Нации, Родины, Дома, — с другой стороны своей психической деятельностью поддерживают его существование. Говоря о поведении социальных систем, мы, конечно, имеем в виду тенденции к саморазвитию, заложенные в эгрегоре.)

Для нас, россиян, наиболее интересен, несомненно, Барраяр. Российские (а может быть, и советские) корни этого планетарно-государственного образования проследить нетрудно. Барраяр — строго централизованная («пирамидальная») государственная структура. Во все времена, даже в период изоляции, он назывался «империей» и поддерживал имперскую идеологию и соответствующий эгрегор. Барраяр знал институт «политофицеров», отношение к которым в армии было несколько натянутым. Знал Министерство политического воспитания, «хозяин» которого Гришнов был убит в результате тщательно спланированных беспорядков.

Традиционно низкий жизненный уровень. Великолепно работающая служба имперской безопасности, объединяющая в себе разведку и контрразведку. Недавний опыт партизанской войны, вынудившей гораздо более сильное государство предоставить Барраяру свободу.

Само собой, сводя политическую организацию Барраяра к «советской модели», мы очень сильно упрощаем. Правильнее всего сказать, что Барраяр представляет собой «тоталитарную модель общества» — сильно облагороженную усилиями автора и ее любимых (на мой взгляд) героев — Эйрела Форкосигана и Корделии Нейсмит.

Кроме России-СССР в Барраяре можно увидеть Германскую Империю с ее культом армии и Генерального Штаба, порядком и дисциплиной, верой в Уставы и организацию, великолепно подготовленным унтер-офицерским составом (сержант Ботари). Да и стратегическое искусство обоих Форкосиганов восходит, несомненно, к «немецкому стилю» ведения войны.

Наконец, в цивилизации-изоляте Барраяре отражается императорская Япония. Сословие форов и форовский кодекс чести, представление об эстетических критериях войны Л. Буджолд, как мне кажется, взяла именно из японской традиции.

Любопытно отметить странную притягательность для нас сегодняшних феодально-имперской культуры Барраяра. Все — таки она предоставляет личности и обществу больше возможностей для развития, нежели сложившаяся в России псевдодемократическая система.

Другим (по отношению к Барраяру) социальным полюсом является Колония Бета, апофеоз классической демократии американского образца. Наиболее развитая технически, богатейшая — бетанский доллар играет в романах Буджолд роль галактической резервной валюты, — прагматическая культура с развитой инфосферой.

Уровень жизни на Бете весьма высок, хотя из-за предельной «зарегулированности» природной среды многие типично барраярские (и человеческие) удовольствия на Бете оказываются недоступными.

Интересно (и необычно для американского автора) ироничное отношение Буджолд к бетанско-американской демократии. Превосходный политический климат Беты оказывается душным для одержимой идеей личной чести Корделии Нейсмит. Этот режим, «умный, добрый, умеренный и великодушный», с чувством превосходства посматривающий вокруг, полностью реализовавший важнейшие цивилизационные ценности: свободу и познание — Буджолд сильно облагородила образ Америки и потратила на это не меньше усилий, чем на превращение милитаристско-тоталитарной «триады» в симпатичный Барраяр, — относится к личности с гораздо большим равнодушием, нежели тот же Барраяр.

При бетанской демократии судьбы людей вершит Закон. Закон стереотипен и предназначен для защиты интересов большинства. И только. «Правовое государство» — общество не обязательно жестокое (во всяком случае, на Бете не приходится говорить о жестокости), но всегда бездушное.

При Империи Закон управляется людьми, которые обладают реальной властью вложить в него свое содержание. «Имперское мышление» может быть негуманным, но оно одушевлено, человечно.

И в результате личности нестандартные с процветающей Беты эмигрируют. Корделия. Капитан Бел Торн. Пилот Ард Мэйхью.

Заметим, что в цикле романов о Форкосиганах военное искусство Беты почти не рассматривается. Как и американцы, бетанцы воюют деньгами, ресурсами и огромным техническим преимуществом. Удобно, прибыльно и… неинтересно.

От современной Америки цивилизация Беты заимствовала непоколебимое самодовольство и априорную уверенность в своей правоте. Как следствие — отсутствие уважения к противнику. Отсутствие понимания.

> — Не знаю, смогу ли я получить визу в Колонию Бета.
>
> — В этом году, наверное, нет. И в следующем тоже. Там сейчас всех барраярцев считают военными преступниками. (…)
>
> — Ясно. Значит, мне не дадут работу в качестве тренера дзюдо. И вряд ли позволят писать мемуары.
>
> — Сейчас тебе было бы трудно избежать расправы разоренной толпы…
>
> («Осколки чести»).

А вот позиция другой стороны, намного больше потерявшей в Эскобарской войне.

> — У нас тебя считают героиней. По-моему, ты это не совсем осознаешь. (…)
>
> — …с чего мне быть популярной — после того, что мы сделали с вами на Эскобаре?
>
> — Это — особенность национальной психологии. Превыше всего барраярцы ценят воинскую доблесть.
>
> («Барраяр»).

Мелкие, не играющие самостоятельной роли в галактической политике структуры типа Пола или Вервана Буджолд явно рассматривает по разряду «датчан и разных прочих шведов». В «невинно загубленной» Комарре иногда чувствуется привкус Ирландии. Но Комарра присутствует воочию только в «Братьях по оружию» и представлена явно не лучшими своими людьми. Впрочем, как всегда у Буджолд, Сер Гален может быть

преступником и подонком, но по крайней мере он не выглядит дураком.

Если Бета и Барраяр отображают настоящее Земли, то, возможно, другая пара — Архипелаг Джексона и Цетаганда — связана с ее будущим.

Мы привыкли к тому, что субъектами международных отношений по определению являются государства. Однако внегосударственные управленческие структуры также способны к созданию эгрегоров. Эти структуры нередко обладают значительными экономическими возможностями. Лишь отсутствие в современном мире крупных наемных армий лишает их полагающейся им по праву военной силы. Весьма вероятно, что субъектами политики будущего станут не государства, раздираемые в клочья центробежными процессами, а именно внегосударственные образования — международные культурные организации (ЮНЕСКО), Институты, Корпорации. Наконец, организованная преступность.

Архипелаг Джексона представляет собой «свободную территорию», в пределах которой могущественные преступные кланы сами обеспечивают свои интересы, обходясь без столь нерентабельного механизма, которым является государство.

Отметим инстинктивную неприязнь к Архипелагу Джексона со стороны Беты и Барраяра. Но ни та, ни другая сторона не обходятся без услуг Кланов. Даже дендарийские наемники Майлза, подчиненные непосредственно Императору Грегору, зарегистрированы как Корпорация на Архипелаге.

Наконец, волшебная по своей красоте Цетаганда, главный враг Барраяра, самая динамичная и, возможно, самая жестокая цивилизация Галактики. Во всяком случае, психологические пытки в концлагере цетагандийские офицеры организовали образцово («Границы бесконечности»).

Я не смог найти на Земле каких-либо аналогов, пусть даже отдаленных, Цетагандийской империи. Эта цивилизация сочетает в себе несоединимое: сибаритство и агрессивность, тончайшие нюансы понимания человека человеком и невероятную жестокость, утонченность и варварство, доведенное до абсурда.

Политическая структура Цетатанды сложна так же, как и цетагандийская культура. Трудно сказать, насколько устойчиво равновесие в политической системе двух постепенно расходящихся правящих рас — гемов и аутов. Насколько осмысленны и этичны генно-инженерные эксперименты цетагандийцев. Насколько устойчив матриархат, замаскированный под матриархат, маскирующийся матриархатом.

Во всяком случае, Цетаганда ближе всего к давней мечте человечества. Если где-то во вселенной Лоис Буджолд абсолютная власть находится в руках рафинированной интеллигенции, так это на Цетаганде. И в связи с этим цетагандийские методы ведения войны наводят (меня) на грустные размышления («Границы бесконечности», «Игра форов»).

2. Геометрия войны (стратегия п-в-переходов)

Такова политическая сцена, на которой разыгрывается действие Саги о Форкосиганах. Несколько слов об астрографии вселенной Л. Буджолд.

С точки зрения обычных релятивистских космических кораблей пространство в этой вселенной однородно и изотропно. Но досветовая техника используется только в рамках отдельной планетной системы. Перелеты между звездами осуществляются прыжковыми кораблями, использующими для навигации «червоточины», соединяющие различные области космоса. Геометрия мира для прыжкового корабля представляет собой граф. Это означает, что количество возможных путей между произвольными точками конечно и может быть, в частности, равно нулю. («Схлопывание» п-в-перехода привело к изоляции Барраяра.)

Эта модель межзвездных коммуникаций может быть квалифицирована как экзотическая: геометрия пространства, определяя оперативную связность, оказывает непосредственное влияние на ход военных действий и на развитие сюжета. Барраяр был вынужден или захватывать Комарру или навсегда оставаться изолированной цивилизацией.

Все напряжение военного конфликта в «Игре форов» завязано на борьбу за узел п-в-переходов — Ступицу Хеджена. Вообще п-в-туннели представляют собой главную стратегическую ценность в мире Майлза Форкосигана.

В рамках земной стратегии им даже не подобрать подходящей аналогии. Ближе всего — магистральные железные дороги. Но сколь бы ни были они важны, перемещение войск и грузов может идти помимо их. Иными словами, топология земного пространства военных действий всегда описывается непрерывной группой, топология п-в-туннелей же — дискретна. Это, разумеется, придает военным действиям некоторые особенности.

Некоторое представление о боевых действиях в условиях дискретной геометрии может дать горная война и, пожалуй, борьба за Тихий океан — огромное водное пространство, почти лишенное (в первую половину столетия) оборудованных баз.

Горы кажутся идеальной оборонительной позицией. Как и защищенные п-в-переходы во вселенной Буджолд.

> Существовал и четвертый способ осуществления атаки защищаемого п-в-туннеля — расстрел офицера, предложившего ее. Майлз надеялся, что цетагандийцы еще займутся этим вопросом («Игра форов»).

Тем более кажется, что можно вечно оборонять изолированные в Великом Океане острова.

Но парадокс военного искусства (кстати, замечу, впервые сформулированный Ф. Энгельсом) состоит в том, что именно война в условиях низкой связности является самой маневренной и должна вестись с максимальной активностью. Иначе идеальная оборонительная позиция будет обойдена, изолирована и утратит всякое значение. Как случилось с японскими «островами-крепостями» во второй мировой войне. Со Второй итальянской армией после прорыва противника на Тольяменто. С французскими войсками в Бельгии после того, как танковая группа Клейста овладела горными проходами Арденн.

Таким образом, именно «вырожденная» война в дискретном оперативном пространстве требует от командующего — в обороне ли, в наступлении ли — быстроты, точности, предприимчивости, оригинальности мышления. Того, что в применении к вооруженным конфликтам мы называем искусством войны.

И еще одно. Особенность дискретной военной геометрии состоит в том, что достижение крупных результатов не обязательно требует использования значительных сил. Это повышает значение небольших оперативных соединений, таких как дендарийский флот, и отдельных людей.

3. Логика войны (пространство решений)

Законы стратегии известны человеку давно. Впервые их сформулировал почитаемый Ки Тангом древнекитайский полководец Сунь-Цзы в эпоху Сражающихся Царств (V век до н. э.). В наше прагматичное время великолепные, но несколько абстрактные формулы «Трактата о военном искусстве» записываются следующим образом:

1. Из всех возможных оперативных решений следует предпочесть то, при котором свои потери сводятся к минимуму (принцип экономии сил);

2. При взаимно правильных действиях оценка позиции не меняется — равные позиции преобразуются в равные (принцип тождественности, он же — принцип обреченности);

3. Действия тем эффективнее, чем более косвенно связаны они с поставленной целью, иными словами — движение к цели должно осуществляться вне пространства, контролируемого противником (принцип ортогональности, или же непрямых действий);

4. Сражение выигрывается, если удается создать у противника хотя бы две некомпенсированные слабости (принцип Тарраша);

5. Для любой задачи существует интервал времени, вне которого ее решение лишь

ухудшает оперативную обстановку (принцип темпа операции).

Эти правила выглядят очень простыми, но в многовековой военной истории Европы можно пересчитать по пальцам одной руки полководцев, которые умели применять их.

Велизарий, Субудай, Иван III Московский, граф Альфред фон Шлиффен…

Выше всех я склонен ставить Ивана III, известного своим негероическим «стоянием» на реке Угре, положившим конец Ордынскому игу, да и самой Орде. Колоссальная стратегическая цель была достигнута вообще без потерь, даже у противника. Та идеальная военная кампания, к которой стремится любой полководец. Вернее, должен стремиться. Потому что на практике идеальные победы не приносят — это отмечал еще Сунь-Цзы — «ни славы ума, ни подвигов мужества». Поэтому почти всегда найдутся те, кому хочется пострелять. Ну, хоть немножко…

> Комарра была уникальным случаем, прямо-таки учебной задачей. Разрабатывая план ее захвата, я максимально использовал все стратегические преимущества. — Он начал перечислять, загибая сильные пальцы. — Небольшое население, целиком сосредоточенное в городах с управляемым климатом. Партизанам некуда отступить для перегруппировки. Отсутствие союзников: мы были не единственными, чью торговлю душили их безжалостные тарифы. Мне достаточно было намекнуть, что мы снизим их двадцатипятипроцентный налог на все, что проводилось через их нуль-точки, до пятнадцати процентов, и соседи, которые могли оказать им поддержку, оказались на нашей стороне. Отсутствие тяжелой промышленности. Они разжирели и обленились на незаработанных деньгах: они даже не хотели сами за себя воевать, пока их жалкие наемники не разбежались, обнаружив, с кем имеют дело… Будь у меня свобода действий и чуть больше времени, я, наверное, смог бы выиграть кампанию без единого выстрела. Это была бы идеальная война, но Совет министров не пожелал ждать («Осколки чести»).

Абсолютным триумфом «стратегии экономии сил» можно считать цетагандийскую «операцию» Майлза Форкосигана и Айвена Форпатрила. В сущности, своим политико-полицейским расследованием они сорвали новую волну цетагандийской экспансии, а значит, неизбежные бои за Комарру и Ступицу Хеджена.

(Интересно заметить, что принцип экономии сил дополнялся здесь принципом ортогональности. Реальная цель действий Майлза — политическая стагнация Цетаганды — весьма косвенно связывалась с предпринятым им расследованием. Или, точнее говоря, связь лежала вне пространства расследования.)

Экономию сил Майлз применил и в боях за Тау Верде («Ученик воина»). Впрочем, дендарийцы при их небольшой численности и не могли позволить себе большие потери.

> Они (цетагандийцы — прим. автора) могут позволить себе разменять три своих корабля на один наш, — рассуждает Майлз во время битвы за Ступицу Хеджена, — и если будут продолжать в том же духе, то неминуемо выиграют («Игра форов»).

Разменять три корабля на один — весьма примитивная, но действенная для сильнейшей стороны стратегия. Собственно, посредственный полководец, как правило, и не умеет ничего, кроме такого «размена», в котором ценностью обладают корабли и дивизии, но отнюдь, не отдельные человеческие жизни. В обоих мировых войнах союзники (которые сначала назывались Антантой, а потом — антигитлеровской коалицией) «меняли» на поле боя двух-трех своих солдат на одного немецкого и в конце концов побеждали. На их счастье «на той стороне» не было командиров уровня Майлза Форкосигана.

Майлз изображен Лоис Буджолд как военный гений. Разумеется, все пять принципов военного искусства он использует виртуозно, и любая из книг цикла (даже «Танец отражений», в которой Майлзу почти не приходится осознанно действовать) может служить

учебным пособием по искусству стратегии. Однако наибольший интерес представляет, на мой взгляд, первая операция Майлза, изображенная в «Ученике воина». Во всяком случае, она позволяет поднять уровень обсуждения на ступеньку выше и обсудить проблемы метастратегии.

Результат можно с полным основанием назвать чудом. Майлз начинает операцию, имея в своем распоряжении сержанта Ботари и в качестве сил поддержки — Элен. Из ничего он создает непобедимый флот «дендарийских наемников», превращает его в боеспособное соединение и с минимальными потерями выигрывает войну в системе Тау Верде.

Очень трудно анализировать такую кампанию. Слишком велико искушение отыскать в каждом звене операции случайность и приписать именно везению благополучный исход. Впрочем, мастер стратегии тем и отличается от простого профессионала войны, что умеет управлять случайностями. Об этом говорил еще граф Монте-Кристо:

> «…— Но, — сказала госпожа де Вильфор, — все это наше сцепление обстоятельств может очень легко прерваться: ястреб может ведь не пролететь в нужный момент или упасть в ста шагах от садка.
>
> — А вот в этом и заключается искусство. На Востоке, чтобы быть великим химиком, надо уметь управлять случайностями, — и там это умеют».

Очень красиво сказано, но все-таки это не ответ. Что же такое «управлять случайностями»? Довольно близко подошла к истине Кавилло, сформулировавшая шестой принцип стратегии (принцип стратегического дерева):

> Основой стратегии (…) является не выбор какого-то одного пути к победе, а создание таких условий, чтобы все пути вели к ней («Игра форов»).

Развивая эту мысль дальше, мы должны потребовать, чтобы при каждом шаге количество путей, ведущих к победе, увеличивалось бы! Иными словами, в любой ситуации следует стремиться к увеличению размерности «пространства решений» (приемлемых возможностей). И разумеется, размерность пространства решений противника нужно свести к минимуму. Идеалом здесь является «воронка»: когда в распоряжении противника оказывается единственная до конца просчитанная последовательность возможных решений. Как правило, на «дне» воронки возникает ситуация, в которой приемлемого решения нет и не может существовать.

(Идеальным примером оперативной «воронки» у Лоис Буджолд являются действия императора Эзара Форбарры и капитана Негри против принца Зерга. С самого начала эскобарской операции перед принцем лежал только один путь — к смерти под действием плазменных зеркал бетанско-эскобарских сил. А возможные (крайне маловероятные) отклонения от гибельной траектории закрывались Эйрелом Форкосиганом. Как и всякая хорошо проведенная и учитывающая основные правила военного искусства операция, эскобарская — вдребезги проигранная барраярцами на физическом уровне рассмотрения — имела важные стратегические последствия. Почти неизбежный после надвигающейся смерти Эзара Форбарры политический кризис был преодолен в зародыше, а Министерство политического воспитания утратило власть.)

Успехи Майлза Форкосигана напрямую связаны с тем, что он постоянно стремится расширить себе пространство решений. Когда в ответ на каждый ваш ход у противника есть три — четыре разумных ответа и на каждый ответ вы снова имеете три-четыре возможности, ситуация очень быстро перестает просчитываться. Возникает призрак хаоса. И здесь уже сильнейшая сторона лишается основного своего козыря: возможности достичь успеха чисто техническими методами. В хаосе действовать по шаблону нельзя, все время приходится принимать самостоятельные решения, незаметно подкрадывается цейтнот, и начинаются ошибки. В конце концов нетрудно полностью потерять контроль над ситуацией.

С того дня как вы впервые появились в зоне Тау Верде, я постоянно чувствовал ваше присутствие. В том, как действовали фелициане, в тактических схемах, которые они не способны были разработать, в глазах моих солдат (…) даже в том, что вытворяли пемиане, — ваша рука чудилась мне везде. (…) Я не люблю долгой агонии. Чем наблюдать, как вы зачаровываете одного за другим моих солдат и офицеров, лучше уж, пока у меня есть возможность предложить свои услуги, воспользоваться ею… («Ученик воина»).

Иногда осознанно, иногда подсознательно, но начиная с момента встречи с Ардом Мэйхью Майлз все время выбирал те варианты действий, при которых количество возможных выборов все время возрастало. Кстати, это одна из причин, по которой к дендарийским наемникам постоянно присоединялись новые люди. Уж если пространство решений расширяется, оно расширяется для всех, всем предоставляет новые шансы сыграть в самую увлекательную игру во вселенной — игру хаоса и порядка.

Движущим противоречием всего цикла романов о Форкосигане является противостояние формального армейского порядка (олицетворением которого служит военная дисциплина, призванная сокращать «пространство решений» у подчиненного до одного-единственного пути, определенного Приказом) и хаотичностью военного дарования Майлза.

— Младший лейтенант Форкосиган, — вздохнул Имиан, — кажется, у вас все те же проблемы с субординацией.

— Я знаю, сэр. Мне очень жаль.

— А вы пытались что-либо предпринять, помимо сожалений?

— Что я могу поделать, сэр, если мне отдают неверные приказы. (…) дело было слишком сложным. Я не мог продолжать играть младшего лейтенанта, когда требовалось вмешательство лорда Форкосигана. Или адмирала Нейсмита.

(«Игра форов»)

Бедный Иллиан! Характерно, что сам Майлз особой проблемы в ситуации не видит: ведь когда он, будучи адмиралом Нейсмитом, отдает приказ, его всегда исполняют. Естественно: во-первых, Майлз Нейсмит является ярко выраженным лидером, чего не скажешь о большинстве командиров лейтенанта Форкосигана, во-вторых, в ситуации «избыточной свободы», в которую Майлз ставит подчиненных, большинство людей радуются приказу, хотя бы частично решающего за них «проблему выбора». А Ки Тангом, Элли Квин и Элен Ботари Майлз, собственно, и не командует. Или, может быть, командует в бетанском смысле этого слова.

— Они оспаривают не каждый приказ. — Корделия даже рассмеялась своим воспоминаниям («Осколки чести»).

Игра сил военного порядка Барраяра и бетанского демократического хаоса (Эйрел и Корделия) превратилась на страницах Буджолд «майлзовской» части цикла в странное и часто мучительное противостояние лейтенанта Форкосигана и адмирала Нейсмита.

Очень важно понять, что именно здесь свобода главного героя Лоис Буджолд минимальна. Майлз принимает форовские, барраярские правила игры, позволив себе навязать другим лишь свое прочтение этих правил. Ему разрешают быть Нейсмитом. Но выбирает одну из двух ролей не он, а Саймон Иллиан или Грегор Форбарра.

Такое раздвоение личности (и, заметим, сознательное лишение себя некоторой части своей свободы) не проходит бесследно. Как отражение вечного кошмара Майлза, непрошеная материализация духов появляется Марк («Братья по оружию»). Как отражение вечного стремления Майлза к отысканию идеального пути к цели при нарастании мощности «пространства решений» возникает трагическая ситуация «Танца отражений», где Марк использует против Майлза его же прием и его же людей (Бел Торн). Майлзу и здесь удается

справиться с проблемой и обратить ее к своей (и брата) пользе, но эту победу не назовешь ни красивой, ни даже закономерной.

Корделия, сохранившая, несмотря на долгие годы пребывания на Барраяре, бетанскую способность трезво судить о ситуации, замечает:

> Мы говорим о молодом человеке, на которого Барраяр взвалил столько невыносимой нагрузки, столько боли, что он убежал в совершенно другую личность! А потом убедил несколько тысяч галактических наемников поддерживать его психоз, а сверх того заставил Барраярскую империю все это оплачивать. Адмирал Нейсмит — это чертовски больше, чем просто маска Службы безопасности, и ты это знаешь. Согласна, он гений, но не смей говорить мне, что он не сумасшедший. — Она помолчала. — Нет. Это несправедливо. Предохранительный клапан Майлза эффективно работает. Я не буду всерьез опасаться за его рассудок, пока он не отрезан от маленького адмирала. В целом это просто чудеса акробатики («Танец отражений»).

«Война — это путь обмана, — говорит Сунь-Цзы, — дело противное добродетели. Полководец — агент смерти». И поэтому военный талант всегда требует от своего обладателя платы. Чаще всего платят жизнью и счастьем. Своим или своих близких.

4. Этика войны (пространство ответственности)

Лоис Буджолд понимает оборотную, черную сторону великих побед.

> Фельдшер сняла бинты, и взорам открылось нечто жуткое: нос, уши, губы, щеки — ничего этого не было; подкожный жир и волосы сгорели дотла. И все же Элли пыталась что-то сказать, издавая невнятное клокотание… («Ученик воина»).

Цикл романов о Майлзе Форкосигане относится к военной прозе. И от того, что вместо пулеметов используются нейробластеры и плазменные ружья, война не становится чище.

Однако то ли за счет естественного отбора талантливых генералов в эпоху «Сражающихся Звезд» и дискретной вселенной, то ли за счет высокого мнения Буджолд об умственных способностях человечества, но средний уровень компетенции командного состава в мире Майлза Форкосигана существенно выше, чем в окружающей нас реальности последнего десятилетия XX века. В связи с этим романы Буджолд могут рассматриваться как пособие не только по логике, но и по этике войны.

Аксиоматическая этика войны в современных военных академиях, к сожалению, не преподается. Нет в их программе и однодневного семинара по преступным приказам, подобного тому, который организовал в Барраярской военной академии Эйрел Форкосиган.

Определение: войной называется такой способ разрешения конфликта, при котором выживание противника не рассматривается в качестве необходимого граничного условия.

Аксиома Лиддел-Гарта: целью войны является мир, который был бы лучше довоенного (хотя бы только с вашей точки зрения).

Из этой простой и очевидной аксиомы вытекает ряд важных утверждений.

Следствие 1: всякое использование средств массового поражения (от стратегических бомбардировок до применения ядерного оружия) удаляет обе стороны от цели войны.

Следствие 2: глобальная война не может иметь цели и поэтому изначально проиграна обеими сторонами.

(Во вселенной Буджолд это понимают все. Потому Вторая Цетагандийская война закончилась, практически не начавшись, как только выяснилось, что овладеть Ступицей Хеджена с ходу не удалось. Альтернативой отступлению могла быть только глобальная схватка империй. Не факт, что в этой схватке Цетаганда была бы обречена. Но очевидно, что стоила бы такая война дороже, чем вся Ступица и ее нуль-переходы. Стремление военных

скрыть поражение под очередной горой трупов в мире Майлза Фиркосигана имеет свои пределы — пределы локальной войны.)

Следствие 3: «сегодняшний противник завтра станет вашим покупателем, а послезавтра — союзником» (Лиддел Гарт).

Следствие 4: «сто раз сражаться и сто раз победить — не есть лучшее из лучшего. Лучшее из лучшего — разбить чужую армию, не сражаясь» (Сунь-Цзы).

Граничное условие 1: в рамках европейской парадигмы мир будет лучше довоенного, только если он обеспечивает более оптимальные условия для развития при сохранении традиционных европейских ценностей: свободы и познания.

Уже поэтому обе мировые войны на Земле были проиграны обеими участвующими в них сторонами!

Теорема Сунь-Цзы: «лучшее — это разбить замыслы противника, затем — разбить его союзы, затем — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости».

Превосходным примером использования этого правила может служить опять-таки хедженская кампания («Игра форов» и, может быть, в еще большей степени «Цетаганда»).

Написав, «самое худшее — осаждать крепости», Сунь-Цзы остался на уровне знаний своего времени. С тех пор мы существенно продвинулись вперед в определении «самого худшего».

Поправка 1: самое худшее — бомбить неприятельские города.

Поправка 2: еще хуже — расстреливать мирное население.

Следствие 1: антипартизанские действия удаляют от цели войны.

Следствие 2: антипартизанские войны априори проиграны.

Используя эти простые аксиоматические правила, нетрудно сделать выводы относительно уровня компетенции тех советско — российских офицеров, которые организовали Афганскую или Чеченскую операции.

(До сих пор непосредственные участники пребывают в уверенности, что высшее командование предало их «на пороге победы». Но антипартизанские войны все время идут на этом пороге. Только ступить за него никак не удается.)

Аксиома Христа: жизнь человека обладает ценностью — в том числе и на войне.

Принципиальное уточнение: противника всегда следует считать человеком.

Вторая теорема Сунь-Цзы: «хорошо уничтожить государство противника, но гораздо лучше оставить его в целости. Хорошо уничтожить армию противника, но гораздо лучше оставить ее в целости (…) хорошо убить солдата противника, но гораздо лучше оставить его в живых».

Комментарий Эйрела Форкосигана: Я не воюю с пленными.

Комментарий Ли-Вэй-Гуна: убитый солдат противника — всего лишь один мертвый враг. Живой, но зараженный паникой может подорвать боеспособность всей его армии.

Еще один комментарий: нет человека — нет возможности его использовать.

Третья теорема Сунь-Цзы уже упоминалась в этой статье: «война — это путь обмана, дело противное добродетели. Полководец — агент смерти».

Четвертая теорема Сунь-Цзы (следует из второй и третьей): «поэтому война любит победу и не любит продолжительность».

Строго говоря, это следует из определения социальной энтропии как меры не реализованной на личное или общественное благо, но затраченной работы. Всякая война увеличивает социальную энтропию (и, как следствие, меру страдания людей) тем больше, чем она длительнее и чем результат ее неопределеннее. А потому:

…если нет возможности быстро выиграть войну, следует найти способ быстро проиграть ее, иными словами, быстрый проигрыш приводит к цели войны вернее, чем медленный выигрыш.

У Лоис Буджолд эта редчайшая и сложнейшая теорема военного дела используется едва ли не как технический прием (Эйрел Форкосиган у Эскобара, Оссер у Тау Верде).

Следствие: поскольку своевременный мир может быть заключен только при

сохранении нормальных психологических отношений между воюющими сторонами, эмоциональная пропаганда враждебности к противнику недопустима.

Подобно тому как логика войны завязана на металогику принятия решения, этика войны также допускает выход в надсистему. И эти две надсистемы — этическая и логическая — оказываются совпадающими.

Собственно, в этом нет ничего удивительного. И логика, и этика — лишь стороны одного и того же процесса познания. Обе эти науки изобретены для того, чтобы дать человеку четкие ориентиры поведения в мире. Решая одну и ту же задачу, они не могут не приводить в схожих ситуациях к схожим ответам. Именно поэтому в этически неоднозначной ситуации следует поступать исходя из логического анализа; в ситуации, неоднозначной логически, правильным будет самое нравственное решение.

Следствием этого можно считать некую разновидность закона кармы: всякие неэтичные действия (на войне) не могут привести к полезному результату, поскольку у противника обязательно найдется опровержение. Сам факт нарушения законов этики означает, что такое опровержение существует. Дело командира — его найти.

Это положение военного искусства было, видимо, единственным, которое не усвоила Кавилло.

> Вам следовало придерживаться первоначального контракта. Или вашего второго плана. Или третьего. Собственно говоря, вам надо было держаться чего-то одного. Чего бы то ни было. Но ваш безграничный эгоизм превращает вас в несомую ветром ветошь, не нужную никому («Игра форов»).

Военная история XX столетия поучительна в частности тем, что рано или поздно за любое нарушение военной этики приходила расплата. Из участников второй мировой войны лишь Соединенные Штаты Америки **пока** не заплатили по счету сполна.

5. Организация войны (уставы и финансы)

Последней небезынтересной стороной войны, которой касается Лоис Буджолд, является проблема организации боевых действий. Удивительным является, пожалуй, не то, что у писательницы нашлось несколько добрых слов, посвященных воинским Уставам, а то, что она, не будучи, насколько можно судить, ни профессиональным военным, ни профессиональным финансистом, обратила внимание на финансовую сторону войны.

Первоначально бухгалтерию дендарийцев ведет Майлз. Затем появляется определенный аппарат. Дендарийское соединение регистрируется (подобно какому-нибудь российскому ЗАО) на Архипелаге Джексона. Финансовые проблемы все время так или иначе проявляются в романе.

В «Ученике воина» вся война в системе Тау Верде является для Майлза побочной операцией, косвенно связанной с главной — выкупом корабля Мэйхью и выполнением финансовых обязательств перед дендарийцами, которым едва не заплатили зарплату фелицианскими миллипфеннигами — хорошо знакомой россиянам неконвертируемой валютой.

В «Игре форов» Майлз, обеспечивая красивую многомерную операцию в реальном пространстве, не забывает построить и ее отражение в пространстве финансовом: все, начиная с Вервана и кончая Саймоном Иллианом, оплачивают услуги дендарийцев.

Эти деньги приходится тратить на Архипелаге Джексона, Земле и Дагуле-4 («Границы бесконечности»), в результате чего у Саймона Иллиана возникает неприятная необходимость задать Майлзу ряд вопросов.

В «Братьях по оружию» весь сюжет построен вокруг необходимости срочно найти средства на ремонт кораблей флотилии. (Заметим, что механизм «работы» с короткими деньгами изображен в романе настолько профессионально, что текст можно считать учебным пособием для страдающих постоянным безденежьем частей и соединений

Российской Армии.)

Во Вселенной с развитыми денежными отношениями деньги (бетанский доллар как основа резервной валюты) являются той осью, вокруг которой вращается Галактика. И Майлз никогда не стал бы великим военачальником, если бы не понимал значения денег. (Не зря его брат-клон становится в конце романа «Танец отражений» финансистом, демонстрируя альтернативный способ реализации стратегических способностей адмирала Нейсмита.)

Финансы — важное, но не единственное звено в обеспечении боевых действий. И страницы фантастических романов Л. Буджолд содержат немало осмысленных советов по другим вопросам оперативного обеспечения.

> …барраярские воины более всего ценили дисциплину и организацию. Масса людей и техники должна оказаться в нужном месте в нужный момент, чтобы в непредсказуемо сложной обстановке совершить именно те действия, которые ведут к победе. Четкая организация и железная дисциплина ценились выше героизма.
>
> Майлз вспомнил любимое изречение деда: «Исход сражения зависит от интенданта, а не от главнокомандующего». (…) На исходе ночи глаза Майлза покраснели, как у кролика, а на ввалившихся щеках выступила синяя щетина. Зато ему удалось ужать свой плагиат до размеров аккуратного учебного пособия, прочитав которое каждый дурак поймет, как вовремя двинуть живую силу и технику в нужном направлении и умно распорядиться ими в ходе боя («Ученик воина»).

Исход боя, разумеется, зависит от главнокомандующего. Но при неорганизованном или плохо организованном обеспечении пространство решений сокращается, иногда вырождаясь в точку или пустое множество (решений нет вообще). Бесцельно говорить об уровне командования (в той же несчастной Чечне), если в распоряжении офицеров не оказалось карт района, в котором им предстояло действовать. Бесцельно говорить о качестве стрельбы, если у пушек нет снарядов.

Если это и выглядит очевидным, то не для России, которая проиграла (во всяком случае, в рамках аксиомы Лиддел-Гарта) все войны двадцатого столетия — только за счет исключительно плохого обеспечения боевых действий.

Итак, мы посмотрели на вселенную Лоис Буджолд и Майлза Форкосигана с точки зрения военного историка. В свое время «Приключения Шерлока Холмса» А. Конан Дойла были приняты в ряде стран как учебное пособие для подготовки офицеров уголовной полиции. Я далек от мысли предложить романы Л. Буджолд в качестве учебника для офицеров и генералов Российской Армии, но позволю себе остаться при мысли, что прочесть эти книги им бы не помешало.

01 августа 1996 г.